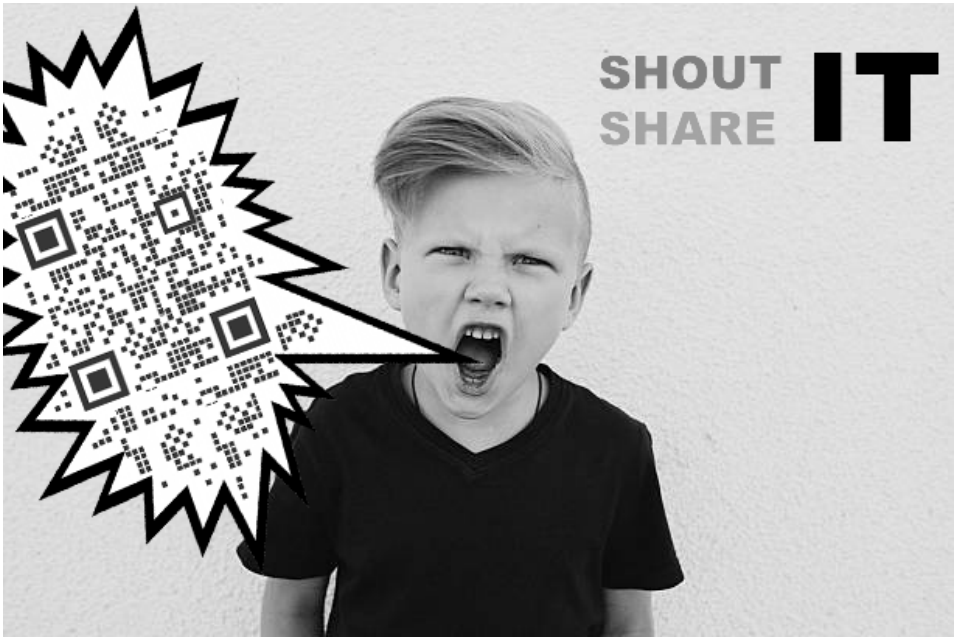
ИГНОК НА ВСЕ ВРЕМЕНА

МАЙКЛ ДЖОРДАН И МИР

КОТОРЫЙ ОН СОТВОРИЛ

Дэвид Халберстам


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного американского журналиста, лауреата престижнейшей Пулитцеровской премии, посвящена величайшему баскетболисту современности – "Его воздушеству" Майклу Джордану. В документально-литературном повествовании представлены все наиболее яркие моменты жизни и игровой карьеры этого блестящего спортсмена.

- Дэвид Хэлберстам
  - Глава 1. Париж, октябрь 1997 г.
  - Глава 2. Уилмингтон. Средняя школа в Лейни, 1979-1981 гг.
  - Глава 3. Чикаго, ноябрь 1997 г.
  - Глава 4. Лос-Анджелес, 1997 г. Уиллистон, Северная Дакота, 1962 г.
  - Глава 5. Чепел-Хилл, 1980 г.
  - Глава 6. Чепел-Хилл, 1981 г.
  - Глава 7. Чепел-Хилл, 1982-1984 гг.
  - Глава 8. Чикаго, 1984 г.
  - Глава 9. Нью-Йорк; Бристоль, Коннектикут, 1979-1984 гг.
  - Глава 10. Чепел-Хилл, Чикаго, Портленд, 1984 г.
  - Глава 11. Лос-Анджелес, Чикаго, 1984 г., 1985 г.
  - Глава 12. Бостон, апрель 1986 г.
  - Глава 13. Нью-Йорк; Портленд, 1986 г.
  - Глава 14. Чикаго, 1986-1987 гг.
  - Глава 15. Олбани; Чикаго, 1984-1988 гг.
  - Глава 16. Чикаго; Сиэтл, 1997 г.
  - Глава 17. Гамбург и Конвей, штат Арканзас; Чикаго, 1982-1987 гг.
  - Глава 18. Детройт, 1980-е гг.
  - Глава 19. Чикаго, 1988-1990 гг. Нью-Йорк, 1967-1971 гг.
  - Глава 20. Чикаго, 1990-1991 гг.
  - Глава 21. Чикаго; Лос-Анджелес, 1991 г.
  - Глава 22. Чикаго, 1997-1998 гг.
  - Глава 23. Чикаго; Портленд, 1992 г.
  - Глава 24. Ла-Джолла; Монте-Карло; Барселона, 1992 г.
  - Глава 25. Чикаго; Финикс, 1992-1993 гг.
  - Глава 26. Чикаго, 1993 г.
  - Глава 27. Бирмингем; Чикаго, 1994-1995 гг.
  - Глава 28. Чикаго; Сиэтл; Солт-Лейк-Сити, 1995-1997

гг.
- Глава 29. Чикаго, 1998 г.
- Глава 30. Чикаго; Индианаполис, 1998 г.
- Глава 31. Чикаго; Солт-Лейк-Сити, июнь 1998 г.
- Глава 32. Чикаго, июнь 1998 г.
- От автора
- Об авторе

Дэвид Хэлберстам

Игрок на все времена: Майкл Джордан и мир, который он сотворил

Глава 1. Париж, октябрь 1997 г.

Осенью 1997 г. Майкл Джеффри Джордан, уроженец Уилмингтона (штат Северная Каролина), а ныне житель Чикаго (штат Иллинойс), прилетел в Париж. Во Францию он прибыл в составе знаменитой баскетбольной команды «Чикаго Буллз» («Чикагские Быки»), которая должна была выступить в предсезонном турнире, проводимом под эгидой могущественной корпорации «Макдоналдс». Компания, прославившаяся своими гамбургерами, – один из главных корпоративных спонсоров этих соревнований, а заодно и Национальной баскетбольной ассоциации США.

Хотя в парижском турнире и участвовали несколько сильных европейских клубов, для «Чикаго Буллз» спортивный уровень состязаний был явно низок и сами соревнования не представляли интереса. Впрочем, американцы и не собирались биться за результат. Приезд чикагского клуба стал частью программы, спланированной НБА. Ее цель – демонстрация великолепного баскетбола в странах, где этот спорт обретает все большую популярность. Иными словами – показательные выступления. Поэтому неудивительно, что американские игроки отнеслись к предстоящим соревнованиям не слишком серьезно – так же, кстати, как и спортивные комментаторы. Здесь уместно вспомнить один случай. Несколько ранее в подобном турнире участвовал клуб «Бостон Селтикс». Опытный баскетбольный комментатор Джонни Мост, который почему-то никогда не был в ладах с именами американских игроков, на сей раз окончательно оплошал, и болельщики в Бостоне довольствовались примерно такой информацией: «А сейчас невысокий усатый паренек пасует бородатому верзиле…»

Как всегда, «Буллз» обставили свой приезд на «гамбургеровский чемпионат» с пышностью, достойной прибытия знаменитой рок-группы. Не зря кто-то из журналистов окрестил их «баскетбольными Битлз». Американцы прилетели точно на таком же «Боинге-747», на котором колесят по миру «Роллинг Стоунс».

…Было время, когда Франция служила Майклу Джордану убежищем. Здесь его не отягощало бремя славы и он мог спокойно расслабиться в обычном уличном кафе под видом простого туриста, каких в Париже миллионы. Но после его выступления на Олимпиаде-92 в составе легендарной «Дрим Тим» («Команда Мечты») его всемирная известность стала так расти, что французской идиллии пришел конец. За пять лет, прошедших

с той олимпиады, годовой доход Майкла удвоился, но Париж для него был уже потерян. Как и повсюду, здесь его все узнавали и все осаждали. Огромные толпы день и ночь дежурили у его отеля, надеясь хоть на миг увидеть того, кого французские журналисты назвали лучшим баскетболистом мира. Во время матчей мальчишки, подающие игрокам мячи, весьма неохотно обслуживали соотечественников, но ради «Буллз» разбивались в лепешку. Некоторые французские баскетболисты в память об игре против мировой знаменитости вывели на своих кроссовках цифру 23 – номер, под которым выступает Майкл. В «Берси», где проходили матчи, копии маек Джордана шли нарасхват по 80 долларов за штуку.

Билеты на матчи были распроданы за несколько недель до начала турнира. «Джордана ждут как короля» – гласил заголовок в ежедневной спортивной газете «Экип». Французская пресса вообще относилась к Майклу с подобострастием, словно он был главой иностранного государства. Ему даже прощались отдельные промахи. Когда на своей пресс-конференции Джордан, говоря о величайшем музее мира, вместо «Лувр» сказал «Люж» (luge по-французски означает «санный спорт»), никто его не стал подкалывать. Допусти подобную ошибку любой другой американец, даже президент США – французы радостно за нее бы ухватились: еще один повод поиронизировать над варварами, окопавшимися в Новом Свете.

Еще один газетный заголовок: «Майкл покорил Париж!» Процитирую автора этой заметки:

«Те молодые парижане, которым посчастливилось попасть в Берси, видели, наверное, чудесные сны, заранее предвкушая предстоящую встречу со своим кумиром». По поводу знаменитого берета Джордана журналист Тьери Маршан заметил: «Теперь мы вправе звать Майкла «Мишель». «Франс Суар» пошла в своих восторгах еще дальше: «Майкл Джордан – в Париже! Это событие – большее, чем даже визит Папы Римского. К нам пожаловал сам Господь в плоти человеческой».

Сами по себе матчи оказались неинтересными. Никаких сюрпризов не произошло. «Буллз», игравшие вполсилы, в финале все же победили греческий «Олимпиакос». Постоянные партнеры Джордана Деннис Родман и Скотти Пиппен в финальном матче не участвовали, а Тони Кукоч, в прошлом лучший баскетболист Европы, принес чикагцам всего 5 очков. Сам Джордан внес в копилку 27 очков, но остался недоволен тем, что ему пришлось играть без привычной поддержки Родмана и Пиппена. Честно говоря, ему лучше было бы остаться дома и отдохнуть, тем более что у него было воспаление большого пальца ноги.

Джордан прекрасно понимал, что наибольшую лепту в парижский триумф «Буллз» внес не он, а Дэвид Стерн, комиссар НБА. Турнир продемонстрировал растущую популярность баскетбола, а в этом процессе особенно велика роль именно Стерна. Кроме того, парижские соревнования стали праздником единения НБА и «Макдоналдс».

Стерн, постоянно находившийся в окружении высокопоставленных функционеров из НБА и топ-менеджеров «Макдоналдс», чувствовал себя королем. В Париж съехались почти все, кто что-то решает в баскетбольном мире. Исключений было немного. Отсутствовал, в частности, Джерри Рейнсдорф, владелец «Буллз», который вообще редко показывается на подобных мероприятиях. Стерн уговаривал его приехать в Париж, суля ему всяческие nachas (на идиш означает «удовольствия, развлечения»), но на хозяина «Буллз» эти соблазны не подействовали. Судя по всему, он не выносит полусомнительные тусовки, показуху, льстивых журналистов и предпочитает спокойствие в семейном кругу.

Накануне турнира среди руководителей НБА велось много разговоров вокруг возможного приезда еще одной очень важной персоны – Дика Эберсола, руководителя спортивных программ Эн-би-си. Получилось так, что парижский турнир совпал по времени с началом ежегодного чемпионата США по бейсболу. По Парижу распространялись упорные слухи, что сердце Эберсола отдано все же баскетболу, а не бейсболу и он скорее прилетит во Францию, чем будет находиться на трибунах бейсбольных стадионов под прицелом телекамер своей корпорации.

Учитывая тесную связь телевидения и большого спорта, нетрудно представить, что Стерн и Эберсол всегда были неразлучны. Эберсол то и дело называл Стерна не иначе как своим боссом, а тот платил ему той же любезностью. Стерн, возможно, самый искушенный и изощренный имиджмейкер нашего времени, а уж какой именно имидж стоит растиражировать на всю страну – это решает телекомпания, где в поте лица трудится Эберсол. Стерн раньше всех воротил мирового спорта понял, что в этом бизнесе имидж важнее реальности. Он всегда пристально следил за тем, как СМИ освещают баскетбольную жизнь, и болезненно воспринимал решения телевизионщиков проигнорировать события, которые, по его мнению, как раз и были самыми подходящими для создания того или иного выгодного имиджа. Как только Стерн занял в НБА высокий пост (а имидж лиги был тогда довольно неприглядным), он сразу же прославился своей настырностью и дотошностью. Каждый понедельник он собирал у себя мэтров спортивной

прессы и журил их за промахи, допущенные в воскресенье. Все ошибки журналистов сводились к одной: вы вредите имиджу НБА.

Эберсол и Стерн в равной степени содействовали росту популярности баскетбола. Одновременно они сумели представить всех ведущих игроков в самом лучшем свете. Работали они в тесном сотрудничестве, что и определило успех их общего дела.

Вернусь к слухам о возможном приезде Эберсола в Париж. Казалось бы, они нелепы. Что такое бейсбол для американцев – можно не объяснять. А что происходило в Париже? Да ничего особенного – показательные матчи, в которых «Буллз» громили явно слабых соперников. Да и кубок, учрежденный «Империей гамбургеров», не бог весть какой почетный. Но даже появление слухов о раздумьях Эберсола уже говорит о том, что судьбы двух самых популярных в Америке видов спорта складываются сегодня по-разному.

Тогда, в 1997 г., бейсбольный чемпионат США оказался неинтересным даже для рядового болельщика. Особенно это касалось матчей между командами Кливленда и Флориды. В них не было азарта и спортивной злости. Даже традиционный местный патриотизм куда-то подевался. У команды штата Флорида (точнее – города Майами) не так много болельщиков, но она достаточно хорошо известна. О команде Кливленда известно мало, хотя она, несомненно, перспективна. Настоящих звезд ни тот, ни другой клуб пока не вырастил. Между ними нет традиционного соперничества. Вот и получилось, что на бейсбольном поле сошлись две команды, которым нечего делить между собой.

В конечном счете Эберсол все же остался дома и, разумеется, освещал бейсбольный чемпионат. Стерн поддел его: «Дик, ты что, хочешь сидеть в Штатах и смотреть худший чемпионат за всю историю бейсбола? Ладно, воля твоя». (Замечу в скобках, что Стерн оказался не прав. Когда чемпионат 1997 г. закончился, выяснилось, что печальный рекорд все же не побит: худшим так и остался чемпионат 1993 г. Причем именно тогда, впервые в истории, рейтинг финальных матчей НБА превысил рейтинг бейсбольных финалов.)

В Париже Дэвиду Стерну выпала пара счастливых деньков. Во-первых, стало ясно, что бейсбол сдает позиции, упрямо цепляясь за былые лавры. Во-вторых, Майкл Джордан одним махом вознес популярность и славу НБА на небывалую высоту. И это – в городе, где обычно не жалуют американских знаменитостей.

Однажды вечером, перед самым началом финального матча,

к сектору, где сидели Стерн и его жена Дайяна, подошел высокий темнокожий человек средних лет. «Я хочу поблагодарить вас – вы спасли мне жизнь», – сказал он Дэвиду. Это был Майкл Рэй Ричардсон, в прошлом восходящая звезда НБА. Майкл играл в свое время за клуб «Никербокерс», но быстро пристрастился к алкоголю и наркотикам, день ото дня превращаясь в полуразвалину. Он одним из первых попал в жернова строгих правил лиги: три провинности – и вылетаешь. В 1997 г. Ричардсон играл за клуб из Ниццы и жил в этом французском городе круглый год. «Если бы не вы, я так бы и стал наркоманом, – сказал он Стерну. – Но благодаря вам я взял себя в руки и сейчас в полном порядке». В этой ситуации было что-то трогательное. Внизу, на площадке, разогреваются именитые баскетболисты, а на трибуне стоит 42-летний, слегка располневший человек, который когда-то играл на их уровне, но разрушил себя наркотиками и сейчас выступает за третьеразрядный клуб. Конечно, все его сбережения вылетели в трубу. Остается благодарить Бога, что он, по крайней мере, жив. Дэвид Стерн, всегда отличавшийся разговорчивостью, на сей раз хранил молчание. Не проронив ни слова, он тепло обнял Ричардсона.

…В то время, перед началом сезона 1997/98 г., Майкл Джордан находился на пике своей славы. Он считался не только баскетболистом номер один в современном мире, но и, по мнению многих, лучшим баскетболистом всех времен. Более того, рейтинг Майкла не ограничивался баскетболом, – вопрос ставился так: а не считать ли его лучшим атлетом из всех спортсменов, занятых в игровых видах спорта? Сравнивали его только с легендарным Бейбом Ратом, игроком, который был на голову выше всех.

Правда, сравнения эти были условными, поскольку такие параллели проводили молодые люди, в возрасте от тридцати до сорока, а Рат умер сорок девять лет тому назад и сыграл свой последний матч в 1935 г.

Собственно говоря, и в самом баскетболе трудно проводить какие-либо сравнения. «Буллз» к тому времени выиграл 5 последних чемпионатов США, и Джордан выступал за свой клуб на протяжении всех сезонов. Однако бостонский «Селтикс» в свое время на протяжении 13 сезонов становился чемпионом 11 раз, а играл за него великий Билл Рассел, баскетболист уникального игрового мышления, обладавший фантастической реакцией и мощью. Правда, лига была тогда совсем другая, она включала меньше клубов, и физическая подготовка игроков значительно уступала нынешней. Во времена той лиги Рэд Ауэрбах,

талантливый главный тренер «Селтикс», ловко переманивал игроков из других клубов и подобрал Расселу великолепных партнеров. Короче говоря, вопрос о том, кто лучше: Джордан или Рассел – остается открытым. Можно, правда, прислушаться к аргументу, выдвинутому известным экспертом в вопросах баскетбола – кинорежиссером Спайком Ли.

Как он считает, Джордан – лучший баскетболист всех времен, поскольку он игрок универсальный. Он умеет все: бросать по кольцу, делать передачи, играть под щитом, помогать обороне. По мнению Ли, пять Майклов Джорданов победили бы пятерых Биллов Расселов или пятерых Уилтов Чемберленов. Может быть, он и прав: универсализм – качество очень ценное.

Ладно, не будем спорить, но одно можно сказать точно: Майкл Джордан был самым популярным и харизматическим спортсменом 90-х. Миллионы простых людей но всем мире мечтали увидеть, как играет этот чудо-баскетболист, особенно в решающих матчах, когда само появление Майкла на площадке придавало встречам особый накал.

Осенью 1997 г. он был уже богат. За предыдущий сезон Джордан заработал 78 миллионов долларов, и сезон предстоящий обещал столько же, если не больше. Майкл постепенно превращался в некую финансовую корпорацию, состоящую из одного человека – из него самого. Говоря о хозяевах клуба, за который он выступал, или о компаниях, чьи товары он рекламировал (спортивную обувь, безалкогольные напитки, те же гамбургеры), он называл их не иначе как «мои партнеры». Джордан, безусловно, стал самым знаменитым в мире американцем, оставив позади и президента США, и всех звезд кино и рок-музыки. Американские журналисты и дипломаты, которым по долгу службы приходилось бывать в глухих сельских уголках Азии и Африки, поражались, видя в богом забытой деревеньке местных мальчишек, с гордостью носивших потрепанные копии майки Джордана – той самой, в которой он выступает за «Чикаго Буллз».

Есть и точные статистические данные, подтверждающие ценность Майкла как игрока, а также его вклад в успешное развитие баскетбола. Разумеется, Джордан здесь не первый. Когда он начинал свою спортивную карьеру, уже успели прославиться Мэджик Джонсон и Ларри Бёрд. И все же именно его появление на площадке, особенно в решающих играх, сразу же увеличивало посещаемость баскетбольных дворцов. При этом миллионы людей были просто фанами Майкла Джордана, а не баскетбольными болельщиками – сам этот спорт их не так уж интересовал.

Итак, немного статистики. Как только Майкл стал

участвовать в финальных сериях, его телевизионный рейтинг начал неуклонно расти, достигнув в 1993 г., во время встреч «Буллз» с «Финиксом», небывалой отметки – 17,9%. Это означает, что матчи смотрели 27,2 миллиона американских телезрителей. Дик Эберсол, прекрасно понимавший, что телеаудиторию привлекал именно Джордан, довольно потирал руки.

В следующем году Майкл, к всеобщему разочарованию, неожиданно переключился на бейсбол. В результате «Буллз» не дошел до финальной серии. Телевизионный рейтинг игр «плей-офф» остался на прежнем, традиционном уровне, но рейтинг финальной серии резко упал – до 12,4%. Иными словами, за играми наблюдали лишь 17,8 миллиона американских телезрителей. Стало быть, примерно треть аудитории не пожелала смотреть матчи, в которых не участвовал ее кумир – Майкл Джордан. Два года спустя он вернулся в баскетбол и затем дважды привел «Буллз» к чемпионскому титулу. Рейтинг финальных встреч снова подскочил: 16,7% – в 1996 г. и 16,8% в 1997 г. (25 миллионов телезрителей).

«Лучший из всех, кто когда-либо зашнуровывал баскетбольные кроссовки» – эта фраза все чаще стала мелькать на страницах прессы. «Если допустить, что в игре Майкла Джордана есть изъяны, – писала в «Чикаго Трибьюн» Мелисса Айзаксон, – тогда остается признать, что в мире могут происходить невероятные вещи». Снова и снова его именовали самым ценным игроком НБА. В финальных сериях он, ведя за собой партнеров, хотя и сильных, но выступающих неровно, уверенно вел их к победе. После каждого чемпионата Майклу торжественно вручали ключи от нового автомобиля. Их преподносил лично Дэвид Стерн, который стал называть себя служащим гаража Джордана.

Дальше – больше. Сейчас Майкла нередко называют гением. Любопытно мнение афроамериканца Гарри Эдвардса, социолога Калифорнийского университета в Беркли. Этот ученый далек от спорта. Более того, он полагает, что успехи темнокожих атлетов ни к чему хорошему не приведут: негритянская молодежь мечтает идти по стопам своих кумиров и тянется в спорт, вместо того чтобы изучать серьезные профессии. Так вот, даже скептик Эдвардс признает уникальность Майкла Джордана и, говоря о высотах, которых он достиг, ставит его в один ряд с Ганди, Эйнштейном и Микеланджело. «Если бы мне предложили, – говорит этот социолог, – создать модель личности, в которой бы сконцентрировались человеческий потенциал, творческое начало, стойкость и сила духа, я бы взял за образец Майкла Джордана». Дуг Коллинз, третий по счету тренер Майкла, однажды сказал о своем подопечном, что он принадлежит к той редчайшей

категории людей, которые настолько выше своих коллег (таковыми, в частности, были Эйнштейн и Эдисон), что их вполне можно причислять к гениям. Так Коллинз никогда ни об одном игроке не говорил. Талантливый партнер Джордана по клубу Б. Дж. Армстронг, начав играть за «Буллз», пытался повторить успех Майкла, но его надежды потерпели крушение. Он видел, что Джордану секреты мастерства даются легче, чем другим, но почему – понять не мог. Тогда Армстронг на полном серьезе отправился в библиотеку и набрал связку книг, посвященных гениям человечества. Бедолага наивно полагал, что там-то он уж точно найдет ключ к разгадке тайны Майкла Джордана.

В третий раз приведя свой клуб к чемпионскому званию, Джордан посчитал, что пришло время расстаться с баскетболом. С тяжелым чувством он отправился на беседу со своим тренером Филом Джексоном, зная, что эта новость его расстроит. Впрочем, про себя Майкл решил, что, если тот будет его отговаривать, он, возможно, одумается. Джордан начал разговор осторожно, побаиваясь, что хитрюга и большой дипломат Джексон его в конце концов действительно переубедит. Но тренер сразу же заметил в резкой форме, что уговаривать его не собирается, – пусть, мол, Майкл слушает то, что говорит ему его внутренний голос. Он лишь напомнил Джордану, что, уйдя из баскетбола, он лишит удовольствия миллионы простых людей. Его талант, как выразился Джексон, не просто талант спортсмена – здесь спорт уже превратился в искусство, и посему дарование Майкла сродни дарованию Микеланджело. А художник творит не для себя, а для миллионов людей, которые отдыхают от унылой повседневности. «Майкл, – закончил свою тираду Джексон, – гении встречаются очень редко, и раз уж тебя Бог наградил таким талантом, то хорошенько подумай, прежде чем зарыть его в землю».

Джордан, внимательно выслушав тренера, сказал: «Ценю ваши слова, но у меня такое чувство, будто во мне что-то выключилось. Я исчерпал свои возможности». В итоге он прислушался к своему внутреннему голосу и ушел из баскетбола. Однако та беседа с тренером не прошла бесследно. То, что Джексон не исходил из чисто эгоистических интересов, скрепило их и так тесную дружбу и в конце концов привело к возвращению Майкла в большой баскетбол.

Джордан производил неотразимое впечатление не только на болельщиков, но и на других баскетболистов. «Он дитя Бога», – сказал о Майкле в первый же год его выступления за чикагский клуб Уэс Мэтьюз, партнер Джордана по команде. Примерно такие же характеристики давали ему игроки и поименитее Мэтьюза. «Иисусом в форме от «Найк» назвал его Джейсон Уильямс из

«Нью-Джерси Нетс».

Отзывался о Джордане как о гении и Джерри Уэст, входящий в пятерку или шестерку лучших баскетболистов всех времен и ставший старшим тренером клуба «Лос-Анджелес Лейкерс». По его мнению, Майкл совершенен не только как спортсмен, но и как человек, чей безупречный имидж во многом способствовал укреплению некогда пошатнувшегося авторитета НБА. «Похоже, щедрый Господь просыпал на Майкла больше золотого порошка, чем на кого-либо еще на свете», – сказал Джерри.

После того как Джордан во второй раз привел «Буллз» к победе в чемпионате США, Ларри Бёрд заявил, что подобного спортсмена никогда во всем мире не существовало. «Если оценивать спортивные успехи по десятибалльной шкале, – сказал он, – то все остальные суперзвезды тянут на 8, и лишь Майкл заслуживает высший балл – 10».

«На всем белом свете никто так не преуспел в своей профессии, как Майкл Джордан в баскетболе», – утверждает чикагский журналист Скотт Тароу.

Помимо уникальных физических данных, Майкл обладал неудержимым стремлением к совершенствованию своей игры, спортивным азартом, страстью к победе. В этом смысле равных ему не было, и с годами его внутренний настрой становился все заметнее. В начале карьеры Джордана спортивные обозреватели, покоренные его артистизмом, пытались объяснить взлет юного баскетболиста его прирожденным талантом, но позднее, когда ему становилось не под силу творить на площадке былые чудеса, стало очевидным, что выделялся он среди других не только дарованием, но и несокрушимой силой воли. Он не давал спуску ни соперникам, ни себе, хотя время брало свое. Только победа, любой ценой!

«Он как бы хочет вырезать ваше сердце, – заметил однажды Дуг Коллинз, – а затем показать его вам». «Он – Ганнибал Лектор», – сказал баскетбольный обозреватель газеты «Бостон Глоб» Боб Райан, имея в виду кровожадного людоеда – антигероя фильма «Молчание ягнят». А Люк Лонгли на просьбу телерепортера обрисовать Джордана, своего одноклубника, буквально одним словом ответил весьма просто: «Хищник».

Тогда, осенью 1997 г., перед началом нового сезона, многие думали, что для Майкла он станет последним. Джордан к тому времени успел настолько завоевать сердца болельщиков, что спортивные журналисты невольно задумались: кто же заменит его? Кто заполнит пустоту, которую не терпит природа? Назывались разные кандидатуры. Майк Лупика из «Менс Джорнал» отдал предпочтение игроку «Детройт Пистоне» Гранту

Хиллу, человеку еще молодому, но одаренному. Талант Гранта проявлялся не только на баскетбольной площадке. Он вообще был яркой личностью, но ему явно недоставало харизмы Джордана.

Поговаривали также о Кобе Брайанте, совсем еще юной звезде клуба «Лос-Анджелес Лейкерс». Он, возможно, был поярче Хилла, по играл крайне неровно и выглядел на площадке порой просто ужасно. Ну и конечно, не обошли вниманием Шакила О'Нила, гиганта-ребенка (тоже из «Лейкерс»), – парня, обладавшего и незаурядным талантом, и физической мощью. Старину Майкла все эти досужие разговоры о «новом Джордане» веселили необычайно. «По-моему, я еще здесь, – говорил он своему другу и тренеру Тиму Гроверу, – и не собираюсь уходить. Пока не собираюсь».

Оглядываясь назад, понимаешь, что появление Майкла Джордана – это какая-то причудливая прихоть генетики. В ближайшее время мы вряд ли увидим подобного человека, сотворившего столько чудес как на спортивной площадке, так и за ее пределами. Помимо уникального баскетбольного таланта, Майкл обладал и другими ценными качествами. Он был необыкновенно хорош собой, его знаменитая улыбка, излучавшая доброту и душевный комфорт, покоряла всех. Майкл быстро понял, что его спортивные успехи и привлекательная внешность принесут ему широкую популярность, и умело пользовался своими преимуществами. Он был высок, но в меру (6 футов 6 дюймов; 1 фут = 0,305 м, 1 дюйм = 2,54 см) и безупречно сложен – широкие плечи, тонкая талия и всего лишь 4 процента жира. Замечу, что в теле среднего профессионального спортсмена жира больше – до 7-8 процентов. О среднем американском мужчине я уж не говорю: в нем жира набирается до 15-20 процентов. Майкл любил хорошо одеваться, и одежда сидела на нем великолепно. Со времен Кэри Гранта он был, пожалуй, самым элегантным мужчиной Соединенных Штатов, причем, в отличие от легендарного голливудского сердцееда, ему шло к лицу практически все. Как заметил один из фотографов, делавших рекламные ролики с Джорданом по заказу компании «Найк», Майкл в свитере смотрится лучше любой кинозвезды, облачившейся в смокинг. «Постарайся, чтобы я выглядел получше», – повторял всегда Джордан перед очередной съемкой Джиму Рисуолду, рекламному и коммерческому агенту «Найк» в Портленде. «Майкл, – заметил тот однажды, – я могу снять, как ты в центре города, в транспортном потоке, заталкиваешь в машину целую компанию красоток или как ты бросаешь в кипяток щенят, – и ты все равно будешь выглядеть на миллион долларов».

В прошлом идеал красоты американцы связывали с представителями лишь белой расы. Миллионы мужчин подолгу рассматривали себя в зеркале, пытаясь найти в своем отражении хотя бы отдаленное сходство с тем же Кэри Грантом, или Грегори Пеком, или Робертом Редфордом. Обритый наголо Джордан сломал привычные стереотипы.

В лице Майкла Джордана Америка и весь остальной мир увидели сегодняшний эталон Нового Света – молодого человека с царственными манерами. Откуда у него эти манеры, непонятно. Во всяком случае, они не врожденные. Дед Майкла по отцовской линии был мелким арендатором, выращивавшим табак в Северной Каролине. Родители – простые люди, всю жизнь работавшие не покладая рук. Они первыми в их роду дожили до установления в Америке полного гражданского равенства белых и черных. Их сынишка Майкл с юных лет двигался с необычайной грацией. Дома он рос в атмосфере любви, а когда он покинул отчий кров, почти сразу же началась беспрерывная цепь триумфов. Немудрено, что его душевное равновесие, внутренняя уверенность в себе непоколебимы.

В общении с людьми он всегда прост, доброжелателен, тактичен, чего трудно ожидать от человека, постоянно находящегося под прессом всеобщего внимания. Каждый, кому он подарит свою улыбку, чувствует себя на седьмом небе. Майкл обладает редким шармом и прекрасно осознает это, расходуя свое обаяние в меру, в нужных дозах, не злоупотребляя им. Ему легко обворожить любого, и людям, окружающим его, в свою очередь хочется добиться его расположения. Ветеран спортивной журналистики Марк Хейслер писал как-то о том, что ни с кем из атлетов не хотел он так подружиться, как с Джорданом. Редакторы многих журналов стремились заполучить фото Майкла для своих изданий: если на обложке появлялся портрет Джордана, журнал в киоске не залеживался. Конкурировать с ним могло лишь издание, вынесшее на обложку портрет английской принцессы Дианы. Многие из сильных мира сего, из самых богатых людей Америки стремились завоевать дружеское расположение Майкла, чтобы мимоходом упомянуть в светской беседе о встрече с ним. А уж кому доводилось играть с Джорданом в гольф, те вообще считали себя счастливчиками.

Всеобщий любимец невольно приобрел вторую профессию. Великолепно играя в баскетбол, он одновременно торговал. Причем весьма успешно. Игра в баскетбол в конечном счете – тоже товар, и Майкл продал его миллионам людей, не знавших доселе о существовании этого увлекательного вида спорта. Он продал его и миллионам тех, были знакомы с баскетболом, но не

представляли, что и него можно играть так, как Майкл.

Бойко шли и товары, которые он рекламировал. Хотите высоко подпрыгивать? Покупайте кеды от «Найк»! Голодны? Купите «биг мак»! Мучает жажда? Выпейте сначала кока-колы, а затем – «гэторейд». Какую кашу надо есть на завтрак? Конечно, «Уитис»!

Майкл рекламировал (а в конечном счете – продавал) солнечные очки, мужской одеколон, хот-доги. Раз за разом его клуб становился чемпионом США, так что кумир не сходил со своего пьедестала. Не падал, соответственно, и спрос на товары, прочно ассоциировавшиеся с именем Джордана. Между тем уже при жизни кумира воздвигли его статую – у входа в новый чикагский Дворец спорта, где он играл в домашних матчах. Сам Майкл это здание не любил, но построили его в расчете именно на популярность короля баскетбола: в новом спортзале было значительно больше зрительских мест, чем в прежнем. Статуя изображала Майкла, взметнувшегося над кольцом, но получилась она довольно неуклюжей и комичной. В данном случае искусство не отражало жизнь, а искажало ее.

Каждый год становился новой главой той легенды, которая окутывала жизнь Майкла Джордана. К началу сезона 1997/1998 г. самой примечательной историей считали ту, что произошла с ним в прошлом июне (1996). В день пятого матча финальной серии НБА против «Юта Джаз» он проснулся утром совершенно больным. То ли сказывалось высокогорье («Буллз» играли на выезде), то ли Майкл чем-то отравился – точно никто сказать не мог. Позже сообщалось, что проснулся он с температурой 103 градуса (по Фаренгейту; 39,4° по Цельсию). Репортеры напутали: температура у Майкла действительно была высокая, но не выше 100 градусов. И все же ночью он чувствовал себя настолько плохо, что его выступление в матче оказалось под сомнением. В 8.00 телохранители Джордана позвонили Чипу Шеферу, одному из тренеров команды, и сказали ему, что Майкл смертельно болен. Шефер помчался в номер Джордана и обнаружил его скорчившимся в позе младенца в материнской утробе. Он был закутан в одеяла и чувствовал дикую слабость. Ночью он совсем не спал. Его все время рвало, и у него страшно болела голова. Величайший в мире баскетболист выглядел как обессилевший зомби. Конечно, в тот момент ни о какой игре речи быть не могло.

Шефер тут же положил его под капельницу, и Джордану влили столько физиологического раствора, сколько в него могло вместиться. Ему дали также успокоительные средства. Шефер прекрасно знал Майкла и его неукротимый бойцовский дух.

Джордан играл с травмами, которые сломили бы любого другого профессионала самого высокого уровня, и Шефер никогда не останавливал своего подопечного. Во время финалов 1991 г. против «Лейкерс» Джордан, сравняв в высоком прыжке счет в матче (это был кульминационный момент встречи), серьезно повредил большой палец ноги. Шефер тогда сделал для него специальную обувь, чтобы в следующем матче уберечь палец от повторной травмы. Джордану это изобретение не понравилось: в специальной обувке ему неудобно было прыгать и бегать. «Лучше потерпеть, чем корячиться», – сказал Майкл Шеферу.

И вот теперь, в Солт-Лейк-Сити, сидя в номере Джордана и видя, как он страдает, Шефер чувствовал, что Майкл, как всегда, выйдет на игру. Он не раз оказывался в подобных ситуациях, и недомогание лишь давало ему дополнительный стимул: болезни и травмы были вызовом, требовавшим достойного ответа, очередным барьером, который нужно было преодолеть. Перед игрой Джордан спустился в раздевалку. Он все еще чувствовал слабость. Среди журналистов быстро распространились слухи, что у него высокая температура и на площадке он вряд ли появится. Один лишь репортер не разделял пессимизма своих коллег – Джеймс Уорси из телекомпании «Фокс». Когда-то в Северной Каролине он играл вместе с Майклом, который со временем вырос у него на глазах в лучшего игрока НБА. Джеймс верил в энергетику Джордана, знал, что он никогда не спасует. «Температура – пустяки, – успокоил Уорси журналистов. – Майкл все равно будет играть. Он что-нибудь придумает, правильно распределит силы и сыграет как Бог».

Товарищи Джордана по команде, собравшиеся в раздевалке, были удручены его видом. Кожа Майкла, обычно довольно темная, приобрела на сей раз зловещий бледно-серый оттенок. Его всегда живые глаза потухли. Перед началом игры телерепортеры Эн-би-си показали приезд Джордана в спортивный центр «Дельта». На экранах видно было, что он еле идет, но затем замелькали кадры, на которых он разминался. Всесильное телевидение показывает и парадную сторону спорта, и его изнанку. Многомиллионная аудитория видела, что Майкл нездоров, но полон решимости выйти на игру. Все замерли в ожидании – никогда еще баскетболист такого ранга не выходил на площадку в подобном состоянии, да еще в столь ответственном матче. Поначалу многим казалось, что «Юта Джаз» разгромит «Буллз», фактически оставшихся без лидера. В какой-то момент баскетболисты «Юты» вели с большим отрывом – 36:20. Но «Буллз» не собирался уступать. Джордан, на удивление всем, играл великолепно, в полную силу. В первом тайме он

принес своей команде 21 очко. На перерыв чикагцы ушли, отставая от соперников всего на четыре очка, при счете 49:53. Никто не мог понять, откуда у Джордана взялись силы играть, и не просто играть, а быть лучшим в этом захватывающем матче. Драма, разворачивавшаяся на площадке, была чем-то большим, чем баскетбол.

Майкл уходил на перерыв, еле волоча ноги. В раздевалке он попросил Фила Джексона не нагружать его во втором тайме – использовать лишь в острых ситуациях. Но, выйдя снова на площадку, он отыграл почти весь второй тайм. Правда, в третьей четверти выступил слабо, принеся команде лишь два очка, но «Юта Джаз» уже не могла сдержать натиск чикагцев. Ближе к концу матча телекамера показала Джордана, бегущего к щиту соперников, крупным планом. Меньше всего выглядел он как величайший атлет. Майкл скорее напоминал слабейшего участника заштатного марафонского забега, изнуренного палящим солнцем и еле дотянувшего до финиша. Но одно дело – как он выглядел, и совсем другое – как он играл.

Когда до конца встречи оставалось 46 секунд и «Юта» вела с перевесом в одно очко, Майкл заработал два штрафных броска. «Взгляните на Майкла Джордана, – посоветовал телезрителям комментатор Марв Альберт, – ему трудно даже стоять». Первый бросок Майкла оказался точен, и счет сравнялся. Но, выполняя второй бросок, он промазал. Зато успел подхватить мяч. Через мгновение игроки «Юты» допустили непростительную ошибку, не прикрыв Джордана, и тот точно бросил по кольцу из-за трехочковой линии. Чикагцы вышли вперед: 88:85 и в итоге победили со счетом 90:88. Майкл принес команде 38 очков, из них 15 – в последней десятиминутке. Этот матч был великолепным зрелищем и яркой демонстрацией несгибаемости человеческого духа. Джордан наглядно показал всем, в чем его отличие от других классных баскетболистов. Да, он был самым одаренным игроком лиги, но дело не только в этом. Он обладал качеством, редким для суперзвезд (причем не только спортивных), которым дело их жизни дается сравнительно легко. Майкл был не просто талантлив – он еще и умел прыгнуть выше головы, мог, собрав силы и волю, совершить, по общепринятым меркам, невозможное.

Суперталантливый спортсмен и человек небывалой силы духа, Джордан порой проявлял нетерпимость по отношению к товарищам по команде. Но это было на первых порах. Когда же он вернулся в свой клуб после неудачного приобщения к профессиональному бейсболу, все увидели нового Майкла Джордана, более мягкого и тактичного. Партнерам он понравился

таким гораздо больше, да и играть рядом с ним стало легче. Правда, Люка Лонгли и Тони Кукоча он по-прежнему недолюбливал и нередко отпускал в их адрес язвительные реплики. Впрочем, может, и заслуженно: от этих двух игроков ожидали многого, но они эти ожидания не всегда оправдывали. В целом же, повторяю, Майкл сильно изменился. Исчезла беспричинная раздражительность, он стал придерживать свой острый язык. Одной из причин такой метаморфозы стали его успехи в баскетболе: он умудрился уже покорить не одну вершину. Три завоеванных ранее чемпионских титула не только подтвердили его высокий авторитет, но и положили конец ненавистным ему спорам вокруг его имени. Бесившие его аргументы сводились к следующему: да, Джордан силен как индивидуальный игрок, но он не может вести за собой команду, а стало быть, и недостоин лавров победителя. Теперь эти доводы звучали как бессмыслица.

Еще одна причина изменений в его характере и поведении кроется в том, что он на два года сам отлучил себя от любимого дела жизни. Теперь, став старше и достигнув зрелости, он понял, что время работает уже против него и надо успеть вкусить все прелести баскетбола. А это не только сама игра, но и дружба с партнерами.

Сезон в НБА настолько долог и изнурителен, что выдержать его может лишь по-настоящему дружный коллектив. Еще одна деталь: потерпев фиаско на бейсбольной арене, Майкл впервые в жизни понял, что значит для спортсмена пытаться перепрыгнуть границы своих возможностей – ведь в баскетболе этих границ для него не существовало. Поняв, что не всегда все всем удается, он стал более снисходительным к людям.

Победа над «Ютой» в том памятном матче стала переломной и обеспечила «Быкам» пятое по счету звание чемпионов НБА. Команду стали называть одним из величайших клубов во всей истории баскетбола, – если не величайшим. Но такое мнение не было безоговорочным. Действительно, пятикратные чемпионы. Действительно, в сезоне 1995/96 г. установили рекорд лиги, победив в 72 матчах. И все же, как считали некоторые специалисты, причислять «Буллз» к пантеону бессмертных рановато: во-первых, не всех игроков можно назвать звездами, а во-вторых, у клуба никогда не было достойных противников. Вот в 80-х гг., в эпоху великого противостояния клубов «Бостон Селтикс» и «Лос-Анджелес Лейкерс», было видно кто есть кто. Да, «Быки» побеждают очень хорошие команды, но справились бы они с командами великими? Как можно было бы судить о достоинствах Мохаммеда Али, проводили параллель скептики,

если бы не существовал другой феноменальный боксер – Фрезер?

Скептики почему-то забыли, с каким трудом пробивали «Быки» путь к чемпионским званиям. Например, на ранней стадии первенства они побеждали очень упорную и трудную для соперников команду «Детройт Пистонс». Пресса не расточала похвал в ее адрес, но играть против нее означало почти что «самоубийство». Скептики забыли также, что в сериях «плей-офф» «Буллз» регулярно расправлялись с очень сильной командой «Кливленд Кавальерс» – клубом, вполне достойным чемпионского звания. И кливлендцы стали бы чемпионами, если бы на их пути не встал Майкл Джордан. «Быки» часто побеждали те команды, которые до встреч с чикагцами в финальной серии выглядели посильнее их, но в очных поединках все же уступали. Вообще же говоря, успех «Чикаго» кроется в их надежной обороне, и очень хорошие команды, составленные из очень хороших игроков, выглядели после долгих финальных серий по сравнению с чикагцами вполне заурядными клубами.

Наглядный пример тому – победа «Чикаго Буллз» над «Орландо Мэджик» в 1996 г. в финальной серии Восточной конференции. Флоридский клуб считался грозной молодой командой (так, по крайней мере, писали в прессе). Он и в 1995 г. дошел до финала. На трех ключевых позициях в нем играли настоящие звезды: центровой Шакил О'Нил, мощный нападающий Хорас Грант и защитник-скала Анферни Хардуэй. «Орландо» обещал вырасти в команду с прочными традициями. И все же «Быки» победили в четырех встречах, после чего флоридский клуб завял, а Шакил О'Нил перебрался на Западное побережье – в надежде проявить по-настоящему свой талант в Калифорнии.

Глава 2. Уилмингтон. Средняя школа в Лейни, 1979-1981 гг.

Может, Майкл Джордан – действительно гений, но в юные годы никаких особых задатков в нем не обнаруживалось. Джорданы, жители Уилмингтона (Северная Каролина), были людьми солидными, положительными – типичная негритянская семья, причисляемая к среднему классу. Впрочем, Майкл Уилбон, известный обозреватель газеты «Вашингтон Пост» (тоже темнокожий), считает Джорданов представителями «верхнего среднего класса». По его мнению, «в прессе существует определенная тенденция принижать материальный и социальный уровень негритянских семей». Родители будущей баскетбольной суперзвезды Джеймс Джордан и Делорис Пиплз познакомились в 1956 г. в Уоллесе (Северная Каролина). Хотите знать, при каких обстоятельствах? Ну, конечно же, на баскетбольном матче! Ей было тогда 15, а он отправлялся служить в военно-воздушных силах США и сказал Делорис, что, как только он вернется, они тут же поженятся. Она тоже покинула Уоллес, уехав в Алабаму учиться в институте, но со временем, истосковавшись по дому, вернулась в родной город. Вскоре после этого он демобилизовался и они поженились.

У Джеймса Джордана были редкие способности к технике и золотые руки. Он мог починить что угодно. Демобилизовавшись из ВВС еще совсем молодым, он перевез свое семейство обратно в Северную Каролину, где устроился на завод компании «Дженерал Электрик». Работал сначала механиком, потом возглавил сразу три цеха. Его жена служила кассиром в местном банке. У Джорданов было три источника доходов: его работа, ее работа и его весьма приличная пенсия, выплачиваемая ВВС США. После долгой борьбы негров за гражданские права, происходившей в 60-х, в Северной Каролине наступила эпоха полного равенства белых и цветных. Так что Джорданы стали жителями обновленного, процветающего Юга Соединенных Штатов. К тому же их продвижению в средний класс в немалой степени поспособствовала военная служба главы семейства. На рабочих местах Джеймса и Делорис с расовой дискриминацией давно покончили, как покончили с ней и в школах, где учились пятеро их детей. Родители с малолетства внушали им, что все люди, вне зависимости от расы, равны. Если тебе выпало родиться чернокожим, не гордись этим, но и не ощущай себя неполноценным. Говори со всеми как с братьями, на равных и по-

дружески. Если ты будешь подчеркивать свою исключительность, другие будут тебя сторониться. Веди себя хорошо по отношению к другим, и они отплатят тебе той же монетой. Джеймс и Делорис хотели, чтобы у их детей были друзья и среди черных, и среди белых. Так впоследствии и произошло. Правда, когда Майкл был совсем юным, кто-то из сверстников назвал его ниггером, но в Северной Каролине это было уже исключением из правил, а не распространенным (как совсем еще недавно) обычаем. Родители искусно вышли из положения. Они объяснили сыну, что тот белый мальчик – невежа, неуч и Майклу не стоит опускаться до его уровня.

Джеймс и Делорис, чьи родители жили в нищете и темноте, могли теперь наслаждаться благотворными экономическими и социальными переменами, преобразившими американский Юг. Естественно, они хотели, чтобы их дети добились в жизни еще большего, окончив хотя бы колледжи. Послушный Майкл действительно поступил в колледж, но не успел он проучиться три года, как его баскетбольный тренер Дин Смит решил, что больше ничему полезному его способный подопечный здесь не научится и вообще ему пора переходить в профессиональный спорт. Делорис Джордан встретила предложение Смита в штыки: ей хотелось, чтобы сын не бросал учебу и окончил колледж. «Миссис Джордан, – сказал ей Смит, – я вовсе не хочу, чтобы Майкл остался недоучкой. Я имею в виду, что его ждет нечто большее, чем диплом выпускника провинциального колледжа».

В семье Джорданов всегда царила атмосфера строгой дисциплины. Жизнь их шла по заведенным правилам, первым из которых было следующее: не растрачивай попусту свой талант и упорно трудись. Джеймс Джордан, служивший в военной авиации и потому приученный к строгому порядку во всем, поощрял спортивные увлечения своих сыновей. Но, по мнению близких друзей Джорданов, настоящей движущей силой этой семьи была Делорис. Все свои надежды она возлагала на детей, постоянно внушая им, что чем больше вкладывают в их воспитание и образование родители, тем большего ожидается от них в дальнейшем, когда они станут взрослыми. Главное, втолковывала своим чадам Делорис, – не отступать перед случайными препятствиями, не поддаваться минутной панике. Однажды она рассказала им о своем печальном опыте – о том, как уже на первом курсе института в Таски-джи успела соскучиться по дому и сдуру вернулась в Северную Каролину, вся в слезах. «Моя мать поступила неправильно, – обронила как-то Делорис. – Ей надо было снова посадить меня на поезд – обратно в Алабаму. Эту ее ошибку я учла, и мои дети получат хорошее образование». Когда

Майкл однажды прогулял уроки в школе, она, поехав на работу в банк, взяла его с собой и оставила в машине, припаркованной напротив окна, из которого она могла следить за тем, насколько прилежно ее сынишка вгрызается в надоевшие ему учебники. Из всех пяти детей Джорданов Майкл, по собственному его признанию, был самым ленивым. Он, как никто из его братьев и сестер, умел отлынивать от обязанностей по дому, находя для этого самые невообразимые предлоги. Отец впоследствии шутил: «Хорошо, что Майкл нашел-таки свое место в жизни. Профессиональный спорт – занятие как раз для него. С его ленью он ни к какой другой работе не приспособлен».

Не проявлял Майкл – в отличие от отца и своего старшего брата Ларри – особых способностей к технике. Для семьи это было разочарованием: в доме Джорданов техническая смекалка, умение все делать своими руками всегда почитались. Джеймс Джордан (а Майкл всегда восхищался своим отцом) имел странную привычку: делая что-либо по хозяйству, он работал, слегка высунув язык, зажатый между зубами. Эту привычку Джеймс перенял у своего отца – деда Майкла. Ее унаследовал и Майкл, игравший в баскетбол с высунутым языком. Прошли годы, и тысячи подрастающих баскетболистов, подражая своему кумиру, переняли для пущей важности его фирменную мимику. А все потому, что когда-то так делал, копаясь под капотом своего автомобиля, рядовой труженик Джеймс Джордан.

Как считают друзья Майкла по школе и колледжу, ключ к разгадке его неукротимого спортивного азарта лежит в его вечном соперничестве со старшим братом Ларри, незаурядным атлетом. Ларри обладал огромной физической силой и достаточным честолюбием, чтобы добиться в спорте определенных успехов, но для баскетболиста он не вышел ростом. «Это был настоящий племенной жеребец, – говорил о нем Дуг Коллинз. – Помню, как в первый раз увидел его – невысокий парень ростом примерно 5 футов 7 дюймов, с необычайно развитой мускулатурой и могучим торсом. Он создан был скорее для американского футбола, чем для баскетбола. Как только я его увидел, сразу понял, откуда у Майкла его спортивный азарт, жажда победы». А вот что сказал Клифтон (Поп) Херринг, тренировавший обоих братьев в средней школе: «Ларри был так азартен и честолюбив, что, будь он ростом 6 футов, а не 5 футов 7 дюймов, о Майкле говорили бы лишь как о его брате. Но так уж получилось, что Ларри стал известен всего лишь как брат Майкла». Сам же Майкл заметил как-то: «Когда вы видите меня в игре, вы видите Ларри».

С годами Майкл перегнал Ларри в росте, но тот мог прыгать

так же высоко, как его младший брат. Рон Коули, один из тренеров средней школы «Лейни», считал, что Ларри преуспел бы в спортивной гимнастике, но тот предпочел все же баскетбол, хотя звездой и не стал. Играл в одном из чикагских профессиональных клубов, однако, поняв, что его имя эксплуатируется как имя брата знаменитого Майкла Джордана, оставил спорт.

Младшие в семье часто равняются на старших, стараясь при этом превзойти их. Не исключением был и Майкл, боготворивший своего брата, но не хотевший ни в чем ему уступать. Целыми днями они возились на заднем дворе, оборудованном Джеймсом Джорданом под спортивную площадку. Чудовищно сильный Ларри поначалу одолевал Майкла, но тот к окончанию средней школы стал стремительно расти и стал, в конце концов, намного выше всех в семье. Чтобы сгладить трения между сыновьями, отец чаще нахваливал низкорослого Ларри, чем долговязого Майкла, а младший брат в ответ на это изнурял себя тренировками.

Что интересно, так это двойственное чувство, которое Майкл испытывал к старшему брату. С одной стороны, он видел в нем соперника, с другой – образец для подражания. «Когда Майкл и Ларри были мальчишками, они состязались друг с другом во всем, – рассказывает Дэвид Харт, тренер баскетбольной команды из Северной Каролины, который в юности был соседом Майкла по комнате в студенческом общежитии колледжа Чепел-Хилл. – Ларри в жизни Майкла значил очень многое. Он без конца говорил о нем. Можно сказать, обожествлял его. Конечно, Майкл намного опередил старшего брата в спортивных успехах, но на их отношения это никак не повлияло. В присутствии Ларри Майкл забывал о своей славе, он сразу же становился просто любящим младшим братом.

Иногда все же Майкл поддразнивал Ларри. Однажды, когда он уже стал звездой НБА, братья дурачились на баскетбольной площадке. Неожиданно взглянув на ноги Ларри, Майкл заметил: «Не забывай, чья фамилия написана на твоих кроссовках!» Все-таки иногда его распирала гордость: младший брат опередил старшего.

Самое любопытное – первых спортивных успехов Майкл добился не в баскетболе, а в бейсболе. Неплохо подавая, он играл за очень хорошую команду Уилмингтона, выступавшую в детской лиге. Когда ему было двенадцать, его клуб даже участвовал в первенстве восточной зоны и добрался до решающего матча, победитель которого получал право участвовать в юношеском чемпионате США. Майкл в той встрече проявил себя с лучшей стороны, но команда Уилмингтона все-таки проиграла 0:1.

Баскетбол Майклу тоже нравился, но в те годы он казался ему чем-то недостижимым: парнишка был невысок (5 футов 8 дюймов) и худ как щепка. Это его удручало, и перед переходом в старшие классы он подолгу висел на турнике, надеясь, что его тело вытянется. С годами он заметно прибавил в росте, но турник здесь ни при чем – так уж распорядилась сама природа.

Тем временем в нем уже стали замечать проблески баскетбольного таланта. Харвест Лерой Смит, одноклассник и близкий друг Майкла, игравший с ним в баскетбол практически каждый день, считал его лучшим в команде их 9 класса. Он хоть и был еще невысок, отличался быстротой и подвижностью. «Видели бы вы, как он передает мяч или бросает по кольцу, – говорил Смит, – удивились бы. Он ведь для баскетболиста мал ростом. А вот мал, да удал. Реакция у него – дай бог каждому. Весь вопрос: насколько он подрастет и, конечно, насколько усовершенствует свою технику».

Если в технике Майкл и уступал некоторым баскетболистам своей школы, то по части спортивной злости равных ему не было. «Мы с ним тренировались каждый день, – вспоминает Смит, – и Майкл всегда чувствовал себя обязанным победить. Затеем, бывало, игру один на один. Если я выигрывал, он не успокаивался, пока не возьмет реванш. Не победит – домой не загонишь».

Окончив 9 класс, Джордан и Смит отправились летом в баскетбольный спортлагерь. Руководил им Поп Херринг, тренер университета в Лейни. Он предложил Майклу и его другу поиграть за второкурсников. Смита он выбрал из-за его высокого роста (6 футов 6 дюймов), а в Джордане ему понравились скоростные качества и быстрота реакции. Физически оба парня еще окончательно не сформировались. Их партнеры по команде, которые были старше на два, а то и на три года, выглядели гораздо мощнее. В этом возрасте разница даже в год значит многое.

Смит не сомневался, кто из них двоих лучший. Конечно, Майкл. И вот настал долгожданный день, когда в университете должны были вывесить списки игроков студенческих команд. Друзья, сгорая от нетерпения, пришли в спортзал. Рой Смит свое имя в списках обнаружил. Майкл Джордан – нет.

Это был самый ужасный день в жизни юного Джордана. Фамилии игроков шли в списках в алфавитном порядке. Майкл раз десять перечитал все фамилии, начинающиеся на букву J, надеясь втайне, что от волнения пропустил свою, но – тщетно. Перечитал все списки: вдруг алфавитный порядок где-то перепутали? Снова безрезультатно. Домой он пошел один.

Впрочем, Смит и не навязывался ему в попутчики. Он хорошо знал Майкла и понимал его состояние. Джордан терпеть не мог, если кто-то видел его унижения и страдания. Добравшись до своей комнаты, Майкл горько заплакал.

Прошли годы, и тренеры поняли свою ошибку. Надо было как-то смягчить ситуацию – растолковать Майклу, что его время еще придет. Тем более не надо было ставить в основной состав его лучшего друга. Сам же Рой Смит решил, что тренеры сошли с ума: пусть он и выше Майкла, но тот-то играет лучше. «Мы знали о прекрасных задатках Майкла, – рассказывает один из школьных тренеров Фред Линч, – но мы понимали, что ему надо набраться игрового опыта. Поэтому и решили: пусть пока поиграет в тренировочных или дублирующих матчах студенческих команд».

В этих матчах Майкл сразу же стал самым ярким игроком. Невысокий, но юркий, он доминировал на площадке, принося порой своей команде по 40 очков. Играл он так здорово, что тренировочные матчи, проходившие ранним утром, собирали массу зрителей, – сбегался весь университет.

Как заметил Лерой Смит, неудача только раззадорила Майкла. После того печального дня его спортивный азарт удвоился. Заметили это и тренеры. «В первый раз, когда я увидел его, я и понятия не имел, кто такой Майкл Джордан, – рассказывает Рон Коули. – Но однажды мы приехали в Голдсборо, к нашим извечным соперникам. В спортзал я пришел, когда встреча дублирующих составов подходила к концу. Девять игроков на площадке двигались, словно отбывая наказание, а вот десятый бился не на жизнь, а на смерть. Я невольно подумал, что в игре произошел перелом: его команда уступает всего одно очко, а до финального свистка остается две минуты. Но – нет: его команда проигрывала 20 очков, а играть оставалось одну минуту – безнадега! Этот неукротимый боец и был Майкл Джордан. Уже тогда я и понял, в чем его загадка».

За время, прошедшее с печального дня в жизни Майкла до его поступления в предпоследний класс средней школы, он подрос на 4 дюйма и заметно окреп. Теперь он уже мог движением руки сверху просто класть мяч в корзину, тем более что и руки у него стали внушительными. Команда средней школы «Лейни» заметно прибавила, а ее восходящей звездой стал парень по имени Майкл Джордан. Он по-прежнему тренировался до полного изнеможения и требовал того же от партнеров. Если не мог их заставить, жаловался тренерам. Те, в свою очередь, считали, что Майкл слишком много трудится на команду и, выполняя черновую работу, редко бросает по кольцу. Тот, однако, не прислушивался к их советам. Тогда тренеры решили переговорить с его отцом,

надеясь, что увещевания Джордана-старшего подействуют. «Не знаю, что и сказать, – ответил Джеймс. – У меня свои принципы – не вмешиваться в спортивную жизнь сына. Не хочу быть образцовым папочкой. Но раз вы уж так желаете, попробую поговорить с ним».

Когда Майкл учился в предпоследнем классе, его школьная команда выиграла 13 встреч, потерпев поражение в 10. Выступая за нее в выпускном классе, он уже достиг определенных высот. В результате – 19 побед и 4 поражения. Лишь один обидный проигрыш в региональном турнире не позволил команде «Лейни» выйти в финал чемпионата штата Северная Каролина.

Глава 3. Чикаго, ноябрь 1997 г.

Осенью 1997 г., когда «Быки» вернулись из Парижа в Чикаго, чтобы начать борьбу за шестой по счету титул чемпионов США, в раю (если, конечно, Чикаго можно считать раем) случился переполох. Редко происходило такое, что столько талантливых людей, объединенных в единое целое, испытывали бы все как один горькое разочарование. Сможет ли команда удержаться на прежнем уровне? Этот вопрос во время серии матчей «плей-офф» 1997 г. волновал, кажется, всех. И немудрено: отношения между менеджерами – с одной стороны – и игроками вместе с их тренером – с другой – обострялись с каждым годом.

Через некоторое время после того, как «Буллз» в пятый раз стали чемпионами США, выяснилось, что Джерри Рейнсдорф вряд ли возобновит контракт с Филом Джексоном. В частности, из-за невиданного роста тренерских окладов. Даже тренеры студенческих команд, которых никто близко к НБА не допускал, грезили о 4 миллионах долларов в год. Джексон действительно запросил немалую сумму. У него только что истек годовой контракт, по которому он получил 2,7 миллиона долларов, а он считался самым высокооплачиваемым баскетбольным тренером США (тем более что он, в отличие от многих своих коллег, не совмещал функции тренера с обязанностями менеджера). В принципе это был очень неплохой оклад, особенно если учесть, что еще десять лет назад Джексон считался в НБА чуть ли не изгоем. В лиге было немало талантливых тренеров, с радостью согласившихся бы всего лишь за 1-2 миллиона работать с командой, где играли Джордан и Пиппен (возможно лишь Родман не всем был по душе). Почему же тогда менеджеры «Буллз» не шли на разрыв с упрямцем Джексоном – всего лишь тренером то есть фигурой, которую легко можно было бы заменить? Да потому что у Джексона был на руках очень сильный козырь: Майкл

Джордан клятвенно пообещал, что играть он будет только под руководством Джексона. В противном случае он в команду, да и вообще в баскетбол, не вернется. Возможно, это был своего рода шантаж, но, так или иначе, общественное мнение склонилось в пользу Джексона. Спортивная общественность и пресса заявили руководству «Чикаго Буллз»: «Верните тренера, чтобы сохранить команду, а сохранит ли она свой титул или упустит – это уже ее проблемы».

Тогда, в конце 1990-х гг., коммерциализация спорта достигла небывалых масштабов и миру невольно открылась неприглядная

изнанка захватывающих зрелищ. Победы той или иной команды, растиражированные телевидением, неизбежно сопровождались справедливыми (и несправедливыми), скрытыми (и явными) финансовыми торгами между спортсменами и владельцами клубов. И то, что происходило в Чикаго, можно назвать классическим противостоянием экономических интересов. Но возникает вопрос: как реально оценить в долларах талант спортсмена? И другой вопрос: можно ли подходить к фантастическому миру спорта с грубыми мерками традиционного рынка? Вот и получилась схватка. Один из самых ловких и жестких воротил спортивного мира, непревзойденный мастер коммерческих сделок вступил в «борьбу» с тренером и игроками лучшей в мире команды, чьи успехи в чемпионатах поражали, а один из баскетболистов вообще был самым популярным спортсменом в США. Идеализированный миллионами поклонников, мир спорта столкнулся с холодным миром бизнеса.

В профессиональном спорте, к тому же столь высокого уровня, всегда возникают конфликты, связанные с гонорарами, контрактами и т.д. Но в чикагском клубе трения превысили норму. Тому были особые причины, и в частности склад характера владельцев и руководителей «Буллз». Один из совладельцев клуба, он же и его менеджер, Джерри Рейнсдорф сколотил миллионы на операциях с недвижимостью, а это такая область, где деловые переговоры весьма жесткие, где побеждает тот, кто занимает более твердую позицию, а его противник, будь он семи пядей во лбу, из-за своей неуверенности проигрывает. Причем именно в жесткости борьбы находят удовольствие партнеры по этим деловым играм. Баскетбол – игра совсем другая. Здесь побеждают лучшие спортсмены и лучшие тренеры. Но когда они садятся за стол переговоров с владельцами клуба, они чувствуют себя не в своей тарелке. Разговор идет на повышенных тонах. Человек, сидящий по другую сторону стола, сразу же становится твоим врагом, и в этой игре все карты у тех, у кого есть капитал. В данном случае ситуацию не спасло и то, что первые раунды переговоров Рейнсдорф возложил на Джерри Краузе, человека более обходительного, способного идти на компромиссы. Все равно – когда Рейнсдорф и его эмиссар приступили к решающей фазе переговоров, общая атмосфера стала гнетущей.

Рейнсдорф считался непревзойденным мастером деловых переговоров. А вот понимал ли он на самом деле или нет, что успехи «Буллз», их постоянные победы в чемпионатах и огромная популярность среди болельщиков непроизвольно изменили суть переговоров, что речь уже шла не о чьих-то личных интересах, а о

престиже национального спорта – этот вопрос остался за кадром.

Рейнсдорф, человек очень умный и жесткий, делец, добившийся немалых успехов, не питал наивных иллюзий по поводу моральной стороны своего бизнеса. За последние 20 лет его состояние росло ошеломляющими темпами – и в немалой степени. За счет успехов «Буллз». Взаимосвязь была проста: чем лучше играл Майкл Джордан, тем богаче и влиятельней становился Джерри Рейнсдорф.

В молодости Джерри трудился в Чикаго юристом на налоговом поприще. Поначалу он работал на службу внутренних доходов, затем, подобно многим своим коллегам, усовершенствовал свои познания в налоговом законодательстве и стал там же, в Чикаго, авторитетным консультантом по его проблемам, втолковывая специалистам разного профиля, как лучше создавать корпорации и регистрировать их. Позлее Рейнсдорф признался, что в те годы усвоил такое правило: «Если ты пытаешься стать тем, кого все любят и уважают, ты останешься у разбитого корыта». Со временем он создал собственную компанию – «Балкор», занимавшуюся сделками с недвижимостью, а в конце 80-х гг. эта сфера бизнеса переживала настоящий бум. Из «Балкора» он извлек неплохую выгоду, продав его в 1982 г. «Американ Экспресс» за 53 миллиона долларов. При этом он согласился остаться на пять лет главным администратором своей бывшей фирмы. В 1987 г. он оставил этот пост. Законы о недвижимости менялись тогда в стране каждый день, и вскоре в «Балкоре» запахло жареным. «Американ Экспресс» пришлось списать 200-миллионные убытки сомнительной фирмы, после чего в могущественной корпорации, наверное, не осталось человека, который вспомнил бы Рейнсдорфа добрым словом. Но того это не слишком волновало. Он, как говорят американцы, сделал себя сам, всегда надеялся только на себя и наживал состояние без посторонней помощи. Несмотря на то что его финансы после краха «Балкора» оскудели, Рейнсдорф прибрал к рукам два чикагских клуба – «Буллз» и бейсбольный «Уайт Сокс» («Белые Носки»), причем ему удалось это сделать в довольно враждебной атмосфере: в Чикаго его не любили. Но что с того – многим уважаемым людям с безупречной репутацией и богатой родословной ничего не оставалось, как отойти в сторону и отпускать в адрес Джерри язвительные замечания. Впрочем, и у него была слабость: слишком уж привык он выигрывать, лезть напролом, безошибочно угадывать слабинку оппонентов. Начав с малого, он взял старт слишком резво, поскольку, как думали многие, считал себя умнее и жестче всех. Или, по крайней мере, умнее более жестких и жестче более умных.

Что касается двух спортклубов Рейнсдорфа, то здесь у него было по меньшей мере одно преимущество перед другими спортивными магнатами: он держал строгую дистанцию между собой и игроками – никакой фамильярности! Впрочем, с Майклом Джорданом он с годами сблизился. Их деловые переговоры и случайные встречи на светских раутах были вполне дружественными. Чувствовалось к тому же, что собеседники действительно уважают друг друга. Джордан, надо сказать, всегда почитал чьи-либо успехи в бизнесе и, судя по всему, восхищался Джерри как человеком, сумевшим самостоятельно достичь таких успехов в этом нелегком деле. Однако Рейнсдорф не испытывал особого желания стать закадычным дружком Майкла. Поэтому никого не удивило, что он так и не приехал в Париж погреться в лучах славы «Буллз». Он вообще не любил саморекламы.

Рейнсдорф всегда понимал простую истину: чем больше популярности заработает он на дружбе с игроками, тем сильнее будут козыри у них и их агентов за столом переговоров. В отличие от него, многие сегодняшние владельцы клубов, стремившиеся в юности стать лучшими атлетами средней школы или колледжа, а потом ставшие страстными и преданными спортивными болельщиками, сейчас гордятся дружбой со звездами и любят при случае привести после матча в раздевалку приятелей и познакомить их с выдающимися игроками. При этом даже очень состоятельные воротилы спорта не афишируют свой бизнес – честолюбие, тщеславие для них важнее демонстрации своего богатства.

Но Рейнсдорф, бизнесмен до мозга костей, был не таков. Хотя он и имел привычку рассказывать о своем детстве, прошедшем в Бруклине, о юношеском увлечении бейсболом в 50-х гг. (посетителям своего кабинета он даже демонстрировал сиденье, которое утащил когда-то на память со стадиона «Эббет Филд»), он тем не менее всегда рассматривал спорт в свете теории Дарвина о естественном отборе. Все вещи он воспринимал с какой-то безразличностью.

Когда 18 годами ранее Рейнсдорф купил бейсбольный клуб, он, по собственному признанию, находился в возрасте где-то посередине между игроками и их отцами. Теперь же, на рубеже веков, он стал старше отцов игроков нового поколения, а посему желание выходить в свет в компании юнцов у него окончательно отпало. Присутствуя порой на заседаниях различных комитетов и комиссий, где шел разговор с владельцами перспективных баскетбольных и бейсбольных клубов, Рейнсдорф удивлялся их сетованиям на то, что в городе их не слишком уважают. Его логика такова: не надо «светиться». А вообще говоря, пристальное

внимание к жизни и деятельности спортивных магнатов – нежелательное вторжение в частную жизнь.

Людям, для которых деловые встречи не являлись смыслом жизни, Рейнсдорф, восседавший за столом переговоров, казался отчаянным задирой и неотесанным грубияном. Правда, с Джорданом он держался по-другому, понимая, что Майкл – статья особая и что именно этот игрок сделал его богатым и всесильным. Он сознавал также, что публичные пререкания с иконой американского спорта чреваты неприятностями. Ведь стычки с Джорданом – на спортивной ли площадке или вне ее пределов – никому еще не шли во благо. Но переговоры с Майклом, хотя шли они порой трудно, можно считать счастливым исключением. Мало у кого из атлетов были на руках столь сильные козыри, как у Джордана. Своей жесткой тактики Рейнсдорф придерживался как в баскетбольных делах, так и в бейсбольных. Многие бейсболисты, участники забастовки в 1995 г., буквально возненавидели его за его непримиримую позицию. Непримиримую и в то же время лицемерную. Как считают игроки, Рейнсдорф поначалу привлек на свою сторону владельцев небогатых клубов, убедив их в том, что необходимо урезать гонорары спортсменам, а когда забастовка закончилась, предал своих коллег, подписав с одной бейсбольной звездой контракт на фантастическую сумму.

Рейнсдорф даже судился с НБА – речь шла о правах на трансляцию некоторых матчей с участием «Буллз». Вообще же все предпочитали с ним не связываться. Как говорил Тодд Масбергер (агент Фила Джексона по связям со спортивно-развлекательными телевизионными каналами и его постоянный помощник на деловых переговорах), Джерри Рейнсдорф – живое воплощение темных сторон американского капитализма. Возможно, это и так: Рейнсдорф всегда предпочитал иметь дело с теми, чьи позиции слабее его, и тогда уже мог спокойно диктовать свои условия.

Выяснилось, однако, что сильные стороны Рейнсдорфа, дававшие ему преимущества в скрытом от посторонних глаз мире крупной недвижимости, не слишком пригодились ему в более открытой сфере – в деловых отношениях с широко известными, талантливыми молодыми спортсменами. Здесь надо было вести более тонкую игру. Все игроки чувствовали свою уязвимость в одном и том же: они постоянно опасались серьезных травм и, следовательно, близкого конца своей спортивной карьеры. Рейнсдорф, всегда стремившийся сыграть на слабых струнах противника, учитывал это и жестоко эксплуатировал спортсменов. Поэтому игроки стремились заполучить долгосрочные контракты, хотя порой цепочка постоянно

возобновляемых краткосрочных контрактов могла бы принести им больший доход. Так или иначе, за столом переговоров стороны всегда находились в неравном положении. Карьера бизнесменов – долгая, и в запасе у них – солидный капитал. У игроков же карьера короткая и денег за душой – особенно на первых порах – немного. Рейнсдорф это прекрасно понимал. Понимал он и то, что агентам игроков тоже нужны долгосрочные контракты, гарантирующие им постоянный приток своих процентов. – Уже в начале карьеры Джордана Рейнсдорф раскусил Майкла, угадан его слабое место на переговорах: Джордан слишком дорожил своим корпоративным имиджем и своей репутацией в глазах компаний, чьи товары он рекламировал. Знал Рейнсдорф и уязвимое место Скотти Пиппена. Нет, не его бедное детство (как полагали многие), а проблемы с отцом, который еще в сравнительно молодом возрасте перенес тяжелый инсульт и на всю жизнь остался прикованным к инвалидной коляске. Естественно, Пиппену нужен был долгосрочный контракт, гарантировавший ему стабильный доход.

Искусно выигрывая на снижении цен долгосрочных контрактов, Рейнсдорф одерживал одну победу за другой. Но победы эти были временными, а в итоге они обернулись для него серьезными проблемами. Рейнсдорф имел дело с необычайно одаренными игроками, людьми артистического темперамента, которые рано заканчивали свою профессиональную карьеру, после чего почти всегда оставались без цента в кармане. Разумеется, общественное мнение складывалось в их пользу, а не в пользу хозяев чикагских клубов.

С годами, в результате бесконечных склок вокруг контрактов, имидж менеджмента «Буллз» стал отталкивающим. Рейнсдорфа, впрочем, это не беспокоило: он, как всегда, считал свой иммунитет к общественному мнению достаточно прочным. Он по-прежнему гордился своей репутацией жесткого бизнесмена, заработанной в начале его карьеры, но в новой его ипостаси эта непробиваемость стала ему мешать. Осложнял проблему и его первый заместитель Джерри Краузе, который при всех его профессиональных достоинствах обладал удивительной способностью унижать и оскорблять всех, с кем имел дело.

Со временем многие агенты пришли к убеждению в том, что вести дела с руководством чикагского клуба значительно труднее, чем с владельцами и менеджерами других баскетбольных команд. Деловые переговоры с хозяевами «Буллз» велись подолгу и по сложной схеме.

Агент обычно начинал переговоры с Краузе, который,

назначая заведомо низкую цену контракта, сразу же заявлял, что не добавит ни цента. Потом он в конце концов шел на уступки, но процесс этот был очень долгим и нудным. Краузе вел себя вызывающе, оскорбительно отзываясь о спортсменах и принижая их достоинства. На заключительном этапе, когда и Краузе, и агент игрока полностью выдыхались, в схватку ввязывался Рейнсдорф, и дела быстро улаживались. Рейнсдорф, разумеется, покидал поле битвы без единого шрама на душе.

Единственным, для кого процедура упрощалась, был Дэвид Фальк – агент Майкла Джордана. Он имел дело непосредственно с Рейнсдорфом. «Я не хочу, чтобы вся эта тягомотина трепала мне нервы, – говорил Фальк своему чикагскому приятелю, – и не собираюсь тратить время на бессмысленную болтовню с этим болваном. Он ведь просто заслоняет хозяина, принимает на себя первые удары».

Не умаляя заслуг Фалька, замечу все же, что его положение было привилегированным. Как-никак он представлял интересы самого Майкла Джордана. Поэтому он и мог говорить напрямую с Рейнсдорфом.

Давление владельцев «Буллз» на спортсменов было не единственной причиной неурядиц в клубе. Другой фактор – немыслимые скачки гонораров, выплачиваемых игрокам. Какое-то время тому назад устаревшее драконовское трудовое законодательство, предоставлявшее всю полноту власти, все права владельцам клубов, в одночасье рухнуло. Произошли быстрые экономические перемены: командовать парадом стали игроки и их агенты. Однако стабильности это не принесло. В НБА одна «финансовая эпоха» сменяет другую через каждые 4-5 лет, и в каждой «эпохе» царят свои экономические законы. Вот и получается, что гонорар, о котором великолепный игрок одной «эпохи» мог только мечтать, малоопытному игроку следующей «эпохи» (а миновало всего-то два-три года) кажется смешной суммой. А у бедолаги-ветерана еще не истек долгосрочный контракт, и по новым ставкам никто ему не заплатит.

У агентов из-за таких скачков – своя головная боль. Им не доставляют радости постоянные жалобы игроков типа «Вот тот-то из такого-то клуба по сравнению со мной вообще играть не умеет, а контракт подписал – будь здоров!». Мир спорта стал так изменчив, что на протяжении карьеры игрока сменяются 2-3 «финансовые эпохи», да и контракт в одну «эпоху» не укладывается – чаще в две. Так, например, когда Майкл Джордан начал играть в НБА, с ним заключили контракт на семь лет на общую сумму в 6,3 миллиона долларов. Майкл занимал тогда третье место среди самых высокооплачиваемых новичков НБА и

получал намного больше почти всех баскетболистов США – за исключением нескольких прославленных ветеранов. А в конце 90-х гг. те же 6,3 миллиона он уже зарабатывал примерно за пятую часть сезона.

Вообще контракты Джордана хорошо иллюстрируют изменчивость цен на баскетбольном рынке, тем более что речь идет о контрактах, заключенных на самых выгодных условиях. Первый контракт Майкла, заключенный еще до прихода в клуб Рейнсдорфа, был по тем временам немыслимым для новичка и ставил не обстрелянного еще игрока выше многих многоопытных звезд. Но прошло всего три года, и внушительные гонорары Джордана стали просто смешными. Почему? Причин тому несколько.

Во-первых, за эти годы полностью раскрылся уникальный талант Майкла.

Во-вторых, именно из-за Джордана народ валом повалил как на домашние, так и на выездные матчи с участием «Буллз» (о телезрителях и говорить нечего).

В-третьих, за три года резко возросли гонорары всех игроков НБА.

Тот, первый, контракт, строго говоря, был заключен на 5 лет, но у Джордана был выбор продлить его еще на 2 года и получить за свои шестой сезон в НБА 1,1 миллиона долларов, а за седьмой – 1,3 миллиона. Во время четвертого его сезона Рейнсдорф и Фальк согласились обсудить кое-какие изменения в этом контракте. Так сошлись за столом два самых крутых «переговорщика» НБА. Если многие агенты считали, что ни с кем из руководителей клубов у них не возникало столько сложностей, сколько с Рейнсдорфом, то находились владельцы и менеджеры, считавшие, что вести переговоры с Фальком – вообще сплошной кошмар. Нередко случалось, что менеджеры, занимавшиеся набором новичков, отказывались взять в клубы талантливых парней только потому, что их интересы представлял все тот же Фальк. «Когда имеешь дело с Дэвидом, – заметил как-то Рейнсдорф, – голова сразу же начинает разламываться от боли». Но, как ни странно, эти две акулы спортивного бизнеса сравнительно неплохо ладили друг с другом. Каждый из них, прекрасно зная сильные стороны другого и то, о каких внушительных суммах идет речь, предпочитал не лезть напролом, не давить на партнера, а вести тонкую игру и при случае блефовать. Кое-кто в НБА вообще считал, что если эту парочку поменять местами (Фальку выступить в роли совладельца клуба, а Рейнсдорфу – в роли агента), то обычный ход ее переговоров ничуть не нарушится.

Фальк был убежден, что идея пересмотра контракта принадлежала именно ему. Скорее всего, это так. Рейнсдорф сразу же спросил, что произойдет, если он не согласится на изменения в контракте, будет ли Джордан по-прежнему выступать за команду и будет ли выкладываться в каждой игре. Присутствовавший при разговоре Майкл ответил утвердительно: раз уж я подписал тот контракт, то обязан выполнять все его условия, а выкладываюсь я всегда – юридический документ здесь ни при чем.

Облегченно вздохнув, стороны приступили к конкретной работе. Дискуссии велись в основном между Рейнсдорфом и Фальком, хотя на всех их встречах присутствовал и Джерри Краузе. К неудовольствию, кстати, Фалька, убежденного, что тот недооценивает Джордана. Считая Майкла очень хорошим игроком, Краузе, насколько знал Фальк, никогда не называл его одним из двух или трех лучших баскетболистов НБА. Выходило, таким образом, что он – намеренно или невольно – умалял роль Джордана в фантастических финансовых успехах клуба.

Долгие утомительные переговоры длились почти год – партнеры садились за стол четырнадцать раз. Наконец новый контракт был отшлифован и согласован по всем пунктам. Заключался он на 8 лет – с 1988 по 1996 г. Общая его сумма составила около 24 миллионов долларов. Иными словами, ежегодно Джордан должен был получать около 3 миллионов долларов. Такой стремительный рост гонораров Майкла (от 1 миллиона в год – до 3 миллионов) не мог не радовать Фалька. Он подумывал и над таким вариантом: если рассматривать новый документ просто как увеличение срока действия старого, то можно найти юридическую лазейку, и Майкл будет в итоге получать почти 5 миллионов в год – сумму по тем временам невероятную. Ни один игрок НБА столько тогда не получал.

Рейнсдорф впоследствии рассказывал своим друзьям, что, подписывая новый контракт с Джорданом, он волновался и сомневался, не переплатил ли он и не чересчур ли велик срок сделки. А вдруг Майкл, уже пропустивший из-за сломанной стопы почти весь свой второй сезон, получит на сей раз травму посерьезней и его карьере придет конец? А как отреагируют на эту «сделку века» владельцы других клубов?

Он вспомнил, как однажды говорил Джордану, что, будь он, Рейнсдорф, на месте игрока, он, подписывая долгосрочный контракт, сначала бы хорошенько подумал. Но, с другой стороны, Джордан явно хотел заполучить именно долгосрочный контракт и дал Рейнсдорфу слово, что никогда не потребует пересмотреть его. И, кстати, он свое слово сдержал. Однако 8 лет – немалый

отрезок времени, особенно в изменчивом мире спорта, и, когда в конце сезона 1996 г. срок контракта истек, оказалось, что по расценкам того года и по уровню игры Майкла ему платили сущую ерунду. «Сделка века» обернулась вполне обычным контрактом. Рейнсдорф сам это признал. Однажды они обедали вместе с Джорданом (это было в начале неудачной бейсбольной карьеры Майкла), и Рейнсдорф сказал ему: «Вынужден сознаться, что я тебя слегка облапошил». И добавил, что в качестве искупления своей вины полностью выплатит ему годовой гонорар, хотя Майкл в это время играл не в баскетбол, а в бейсбол. Вечером того же дня Джордан позвонил Дэвиду Фальку и сказал ему: «Я только что разбогател на 4 миллиона долларов». Рейнсдорф действительно понимал, что он в долгу перед Джорданом. Когда в марте 1995 г. бейсбольная авантюра Майкла завершилась, Фальк, позвонив Рейнсдорфу, сообщил ему, что блудный сын хочет вернуться в родной клуб, и спросил также, заплатят ли Майклу задним числом за весь сезон, который уже близился к концу. Рейнсдорф, не колеблясь, ответил утвердительно.

В конце сезона 1996 г. Рейнсдорф вынужден был возобновить деловые переговоры с Джорданом. Наступила «эпоха», совершенно не похожая на те времена, когда Майкл подписывал свои прежние контракты. В спортивном бизнесе произошли глубокие изменения. Серьезно обновился характер трудовых соглашений. Появились независимые агентства, обслуживающие игроков-ветеранов. Хотя в командах был установлен верхний предел суммы контрактов, его иногда нарушали. Многие, наверное, помнят «дело Ларри Бёрда», в результате которого клубу, чьи цвета защищал этот выдающийся баскетболист, разрешили в виде исключения превысить положенный предел суммы контракта, чтобы сохранить в своем составе «фирменную» звезду. В начале 90-х гг. было заключено соглашение с Ассоциацией игроков, осложнявшее спортсменам попытки перезаключить уже подписанный контракт. Тем не менее случай с Ларри Бёрдом породил цепную реакцию: суммы контрактов звезд вышли из-под контроля и стремительно взлетели вверх. Цифры, казавшиеся в свое время астрономическими, в один миг стали вполне заурядными.

Летом 1997 г. в НБА пришел Кевин Гарнетт, талантливый 19-летний игрок. Он и в колледже никогда не учился, но гонору у него было хоть отбавляй. Клуб «Миннесота Тимбервулвз» («Волки Миннесоты») предложил ему 7-летний контракт на общую сумму около 103 миллионов долларов. Кевин отклонил это предложение и в итоге не прогадал: позже он подписал – с тем же

клубом – контракт, тоже семилетний, но на сумму уже 126 миллионов долларов.

Стоил ли Кевин таких денег или нет – это ему еще предстояло доказать в ответственнейших матчах звездной суперлиги. Но и он, и его агент заранее понимали, что на кону – легитимность такой крупной сделки, которая могла бы плохо кончиться для вечно невезучего миннесотского клуба. Если бы Гарнетт – возможно, самый талантливый игрок в короткой истории этой молодой команды – расстался с ней через два-три года, это сразу бы подорвало доверие к руководству клуба. Естественно, сократилась бы продажа сезонных билетов на матчи с участием «Волков», а льготные права на приобретение новичков перешли бы к какому-нибудь другому клубу, чьи владельцы заранее потирали бы руки в предвкушении «момента истины». Генеральным менеджером «Волков», подписавшим контракт с Гарнеттом, был Кевин Мак-Хейл, сын миннесотского горняка. В конце 70-х гг. он играл за университет этого штата и думал, что, окончив его, станет со временем баскетбольным тренером, получающим 15 тысяч долларов в год. Сумма скромная, но Мак-Хейл за деньгами не гнался. Однако сложилось по-другому. Он оказался отличным игроком, выступал даже в НБА. Во время «призыва новобранцев» в 1980 г. он подписал свой первый контракт (трехлетний) с бостонским клубом на общую сумму 600 тысяч долларов. Теперь же, в «финансовую эпоху», наступившую через не так уж много лет после его прихода в НБА, Мак-Хейл, готовя контракт с Гарнеттом, чувствовал себя глубоко несчастным. Чисто по-человечески этот парень ему нравился. Не нравилось ему другое – дикий рост сумм контрактов и то, что он сам участник этого процесса. В душе Мак-Хейл такую тенденцию более чем не одобрял. Одно время, не вынеся мук совести, он подумывал оставить свой пост в «Миннесоте» и стать телекомментатором NBC. Этот вариант он вполне серьезно обсуждал с Диком Эберсолом, человеком, не последним в этой корпорации. Но в итоге он остался в Миннеаполисе.

Доходы Гарнетта (примерно 18 миллионов долларов в год) стали своего рода ориентиром для будущих сделок и даже вошли в поговорку. Менеджеры, обсуждая в своем кругу предстоящие переговоры со звездами и их агентами, перебрасывались фразами типа «Боюсь, этот парень не потянет на деньги Гарнетта». То, что столь высокую планку установили в одном из слабейших клубов НБА, неудивительно: команде надо было выбираться из полосы неудач. Примеры заразительны, и не только дурные. Картина изменилась во всей НБА. Теперь и лучшие игроки ведущих клубов просили своих агентов начинать переговоры с отметки 18

миллионов долларов в год.

Контракт Гарнетта отразился, разумеется, и на ситуации в «Быках». В свое время клуб заключал с игроками рекордные для современного спорта контракты. Например, в сезоне 1996 г., когда «Буллз» в четвертый раз стали чемпионами, Джордану платили около 4 миллионов в год. Пиппену – поменьше, около 3 миллионов, но его контракт был продолжительней. Родман, начавший играть за клуб в сезоне 1995/96 г., получал около 2,5 миллиона. Тони Кукоч – около 4 миллионов. Тренер Фил Джексон, у которого тогда истекал срок трехлетнего контракта, зарабатывал в год 800 тысяч долларов.

Приведенные только что суммы (немалые, кстати) можно назвать последней в американском баскетболе платежной ведомостью старого образца.

Сроки большинства контрактов истекали в «Быках» летом 1996 г. Это означало, что в сезоне 1996/97 г. суммы, проставленные в новых сделках, будут значительно выше. Особенно это касалось Джордана, чьи доходы тогда складывались не столько из контракта с клубом, сколько из поступлений от корпораций «Найк», «Макдоналдс» и «Гэторейд», чью продукцию он рекламировал. Поэтому переговоры о контракте Майкла сулили некоторые сложности.

Как-то раз Рейнсдорф, Джордан, Фальк и Кертис Полк, партнер Фалька, обедали вместе в ресторане чикагского отеля «Риц-Карлтон». У Джордана была шутливая привычка заказывать за счет своего агента дорогие изысканные вина – иногда по 500 долларов за бутылку. Как вспоминал Рейнсдорф, тот вечер тоже не стал исключением. О делах за обедом не говорили – все затаились в ожидании: слишком большая сумма стояла на кону. Каждый из сотрапезников осторожничал, понимая, что слово – не воробей. Назовешь какую-либо цифру, и может случиться, что потом ее не переправишь. Или такой нежелательный вариант: не понравится что-либо Майклу, и он в поисках более выгодного контракта махнет в другой город.

Вечер в целом получился приятным. Трудные дни были еще впереди, а сейчас всем хотелось расслабиться и создать подобие дружеской вечеринки. Собеседники вспоминали, как играл Майкл в тех или иных сезонах, какие выгодные контракты он подписывал и как легко было с ним договариваться. В общем, это был вечер, устроенный Рейнсдорфом в честь Майкла – единственного, наверное, игрока клуба, которого Джерри так близко подпускал к себе и так подробно посвящал в свои дела.

Когда началась подготовка к переговорам, каждая сторона еще раз взвесила свои позиции. У Джордана было преимущество

над Рейнсдорфом. Майкл заранее знал, что его контракт станет самым дорогостоящим в истории спорта. Знал он также, что именно он принес богатство Рейнсдорфу и его партнерам, что именно благодаря его фантастической игре оценочная стоимость клуба возросла с 12 до 250 миллионов долларов. Короче говоря, все козыри были у Джордана. В крайнем случае, он мог бы переехать из Чикаго в Нью-Йорк, столицу мировой прессы, город, где он всегда любил играть. Кстати, корпоративные спонсоры Майкла тоже не возражали бы против Нью-Йорка. Вполне возможно, Джордан стал бы приводить к чемпионскому званию уже не чикагцев, а ньюйоркцев. В этом городе было немало талантливых баскетболистов, которые с радостью согласились бы играть рядом с Майклом, а также его нью-йоркскими коллегами и друзьями Патриком Юингом и Чарльзом Оукли.

Даже слухи о возможном переезде Джордана в ненавидимый многими чикагцами город снобов на Восточном побережье США грозили разрушить и так подмоченную репутацию Рейнсдорфа и Краузе. Сократилась бы, конечно, продажа билетов на матчи с участием «Буллз» и бейсбольного клуба «Уайт Сокс». Но сам Джордан всерьез о переезде не задумывался – он был достаточно благоразумен. Как-никак «Чикаго Буллз» – его родной клуб, и он понимал, как важно для имиджа игрока экстра-класса выступать всю жизнь за одну и ту же команду. Майкл всегда восхищался игроками, сохранявшими верность своим клубам. Именно такими спортсменами-однолюбами были великие баскетболисты Ларри Бёрд и Мэджик Джонсон. Джонсон приводил свою команду – «Лейкерс» – к чемпионскому званию 5 раз. Бёрд свою – «Селтикс» – 3 раза. Майкл знал: чем больше чемпионских титулов завоюют его «Буллз», тем выше взлетит его всемирная слава, тем дольше проживет в людской памяти его имя.

Через несколько недель после того обеда компания собралась вновь. Джордан предложил простое решение: пусть Рейнсдорф выкладывает карты на стол и называет свой вариант, а он уж ответит «да» или «нет». Фальк добавил, что, если предложение Рейнсдорфа будет приемлемым, они тотчас же приступят к конкретной работе над контрактом. Если же условия, выдвинутые генеральным менеджером, окажутся неадекватными, они с Джорданом обратятся в другой клуб. Если в том клубе продолжат более выгодный контракт, в Чикаго они уже не вернутся, даже если Рейнсдорф, передумав, пойдет на уступки.

Сегодня все агенты прибегают к подобной тактике, оставляя владельцам клуба лишь один хороший шанс, а игрок, которого не устраивает предложенный контракт, тут же прерывает переговоры (если, конечно, он действительно суперзвезда, идущая нарасхват).

Рейнсдорф, разумеется, сознавал, что выбора у него не больше, чем у человека, находящегося под дулом пистолета, но вместе с тем он был уверен, что вряд ли кто-нибудь предложит Джордану более крупную сумму, чем может – если поднапрячься – выплатить он.

Для начала Рейнсдорф заговорил о двухгодичном контракте на общую сумму 45 миллионов долларов (20 – за первый год и 25 – за второй). Фальк и Джордан запросили 55 миллионов. Рейнсдорф ответил, что такая сумма рискованная: а вдруг Майкл получит серьезную травму? Сумма контракта действительно его пугала: по тем временам это была платежная ведомость всей команды, причем не средненькой, а вполне достойной. В конце концов стороны сошлись на годичном контракте стоимостью в 30 миллионов долларов. Один год вполне устраивал Рейнсдорфа: он еще не решил, как долго сможет он – даже если «Буллз» опять станет чемпионом – выплачивать игрокам такие суммы. Впоследствии оказалось, что Рейнсдорф совершил промах. Надо было соглашаться на 55 миллионов, на которых настаивал Фальк, поскольку случилось так, что за эти два года пришлось выплатить Джордану уже 63 миллиона.

Когда в 1997 г. «Буллз» в борьбе за свой пятый чемпионский титул одолели в финальной серии «Юту», Джордан во время праздничной церемонии по поводу победы чикагцев обратился по национальному телевидению к руководству клуба с просьбой сохранить состав команды, дать ей возможность и в дальнейшем защищать в честной спортивной борьбе звание чемпиона США.

Это публичное выступление Майкла точно передало настроения, царившие тогда в стане «Буллз». Многие игроки опасались, что владельцы клуба намерены перекроить состав команды.

По рассказам очевидцев, Рейнсдорф был взбешен публичным выступлением Майкла, посчитав его откровенным шантажом. В какой-то степени это соответствовало истине. Рейнсдорф полагал, что, выступая с подобным заявлением на столь торжественной церемонии на глазах многомиллионной аудитории, самый популярный в мире спортсмен подготовил таким образом платформу для нового раунда переговоров. Генеральный менеджер «Буллз» воспринял поступок Джордана как удар ниже пояса. Майкл призвал к себе на помощь общественное мнение, которое является нешуточной силой. И все же главной целью Джордана была не забота о своих личных интересах, он хотел, чтобы в Чикаго – этом честолюбивом городе – продолжала длиться золотая эра национального баскетбола.

Для нанесения удара Джордан выбрал подходящий момент. И

тренеры и игроки чувствовали тогда, что владельцы клуба не заинтересованы в дальнейшем его прогрессе. Во время финальной серии 1997 г. Рейнсдорф пригласил Фила Джексона на ланч. Дело происходило в Парк-Сити (штат Юта), где остановилась команда. За ланчем он сообщил тренеру, что на предстоящих переговорах с игроками у руководства клуба возникнут трудности и что он охотно заплатит Джексону приличную сумму – 1 или 2 миллиона долларов, но с одним условием: тот навсегда расстается с «Буллз». Ему это, дескать, лучше: потратив время на раздумья, Джексон не упустит шанс найти тренерскую вакансию получше. Уйти из клуба он должен молча, без эксцессов. Это был первый сигнал того, что владельцы клуба временно зарыли в землю боевые топоры, чтобы скопить силы к жарким схваткам предстоящего межсезонья.

В течение нескольких месяцев после финальной победы «Буллз» над «Ютой» в воздухе витали вопросы, сохранит ли команда своих ведущих игроков и займет ли снова свой пост Фил Джексон. Материалы к предстоящим переговорам тренера клуба с его владельцами заполонили местную прессу, потеснив проблемы школьного образования и муниципальных бюджетов. Джексон был не просто тренером, но и ключевой фигурой: ведь Джордан, узнав о намерении Краузе пригласить в клуб другого наставника, решительно заявил, что тренироваться и играть будет только под руководством Джексона.

Перед самым окончанием сезона 1997 г. Майкл в беседе с журналистами сказал в шутку, что, если бы он был владельцем клуба, он заплатил бы самому себе 50 миллионов долларов в год (то есть увеличил бы сумму своего контракта на 20 миллионов), Джексону – тоже 50, а Пиппену – 75 миллионов (тот получал всего три миллиона, о чем пойдет речь ниже). «Да, забыл Родмана, – спохватился Майкл. – Деннис получает сейчас 25 миллионов. Возможно, он стоит большего, но, к сожалению, мой воображаемый бюджет не резиновый».

Выигрыш пятого по счету чемпионата НБА не сгладил трения в чикагском клубе. Заметно ухудшились отношения между Джексоном и Краузе (отношения между Джексоном и Рейнсдорфом никогда не были безоблачными). Джексон заметно нервничал, часто менял точки зрения, занял нейтральную позицию в разладе Пиппена и Краузе. В общем, в клубе царил разброд.

Если бы Джордан твердо решил остаться в клубе (а общественное мнение, сложившееся в Чикаго и других городах, требовало от него именно этого), он выставил бы ультиматум – сохранить команду в неприкосновенности. Для этого ему

понадобились бы дополнительные аргументы. В частности, оставить Скотти Пиппена, с которым он великолепно взаимодействовал на площадке. Они понимали друг друга с закрытыми глазами. Именно Пиппен помог Джордану стать Джорданом.

В то время срок контракта Пиппена, в отличие от контрактов Джордана, Джексона и Родмана, еще не истек. Сумма, проставленная в нем, была, конечно, смехотворно мала – контракт заключался в другую «финансовую эпоху», но специалисты знали истинную цену этого баскетболиста. По окончании сезона 1997 г. Скотти, возможно, был самым дорогостоящим игроком НБА, что его, кстати, огорчало.

Чикагский клуб мог бы весьма выгодно его продать, заполучив взамен нескольких очень хороших игроков, но, если бы такое произошло, Джордан и Джексон сразу же упаковали бы свои чемоданы. Команда в таком случае развалилась бы, и все обвинения посыпались бы на головы Рейнсдорфа и Краузе. С другой стороны, если бы хозяева клуба решили подождать еще год, Джексон и Джордан за это время тоже могли бы уехать в другие города – уже по собственной инициативе. Да и Пиппен, не делавший секрета из своих разногласий с руководством клуба, мог бы обратиться в независимые агентства. В таком случае владельцы «Буллз» остались бы с носом.

Поэтому ситуация с Пиппеном была сложной. Руководство клуба стояло перед выбором: либо оставить все как есть и попытаться завоевать – к радости болельщиков – 6-й чемпионский титул (вариант, безусловно, лучший), либо пойти на драконовские меры – продать Пиппена в другой клуб, лишившись заодно Джексона и Джордана. При втором варианте команда развалилась бы посередине сезона.

Неприязнь Пиппена к Краузе и всему руководству клуба была ощутима. По уровню мастерства Пиппен был одним из лучших баскетболистов лиги, но, получая всего 3 миллиона в год, занимал в списке самых высокооплачиваемых игроков лишь 22-е место. Частично в этом был виноват сам Пиппен, и он это прекрасно понимал. Чрезмерно осторожничая, он предпочел долгосрочный контракт. Он заключал его в то время, когда баскетболисты, доказавшие свою возросшую ценность, могли перезаключать контракты, договариваясь о новых расценках. Но затем правила изменились, и пересмотры контрактов по инициативе игроков перестали практиковаться. Так Скотти и оказался в ловушке. В принципе выход можно было найти. Существовало негласное правило: владельцы клуба, заметив возросшее мастерство талантливой звезды, тонко намекали

игроку, что его может ждать награда – солидная прибавка в гонораре. Однако руководство «Буллз» подобных намеков не делало. Скорее наоборот. Рейнсдорф и Краузе всячески занижали роль Пиппена в успехах клуба. Между тем «Буллз» никогда не удавалось выигрывать чемпионаты как без Джордана, так – в равной степени – и без Пиппена.

Как бы то ни было, но хозяева «Буллз» дали понять Скотти, что они в нем не слишком заинтересованы, что более того, он миновал пик своей физической формы. Если же говорить о повышении его гонорара, то, как считал агент Скотти, оно могло ожидать Пиппена лишь в другом клубе. Годом раньше его чуть было не продали в команду из города Сиэтла, а в июне 1997 г. стало окончательно ясно, что от него хотят избавиться. Поползли слухи (в который уже раз!) о том, что Краузе собирается создать новую команду, уже без Джордана, а Рейнсдорф, опасавшийся негативной реакции общественности, вел себя осторожно, прячась за кулисами неприглядного действа.

Весной 1997 г., в день, когда клубы НБА могут дозаявить новых игроков в свой состав, Пиппена опять чуть было не продали. На сей раз его хотели отправить в Бостон. Эта сделка планировалась как довольно сложная. Судя по всему, в ней фигурировал выдающийся центровой игрок Люк Лонгли. В проекте участвовал и денверский клуб, собиравшийся уступить «Буллз» свое право первого выбора новичка. Речь шла о Кейте ван Хорне, заполучить которого жаждали многие менеджеры, в том числе и Краузе. Но в итоге он достался клубу из Нью-Джерси, так что сделка, задуманная чикагцами, сорвалась.

Позднее Рейнсдорф говорил, что именно он не захотел продавать Пиппена, так как предпочел биться за шестое чемпионское звание. Такое решение он принимал со смешанным чувством. По его словам, он видел слишком много команд, блестящих и азартных сегодня и вдруг постаревших, увядших завтра. В таких случаях нечего поддаваться сантиментам – жизнь есть жизнь. Как вспоминал Рейнсдорф, он еще спросил Краузе, насколько оправдают их надежды молодые новобранцы клуба и скажут ли они решающее слово в предстоящих чемпионатах. Краузе на этот счет не был слишком уверен. В итоге Рейнсдорф решил оставить все как есть: пусть команда, в том же наигранном составе, бьется за шестой чемпионский титул.

Что же касается Пиппена, то Рейнсдорфу до его настроения дела не было. Бизнес есть бизнес. Игроков всегда перепродавали, даже великих. Только Джордан избежал этой участи, но на то он и Джордан, баскетбольный «Малыш Рут» (автор сравнивает Майкла со знаменитым в 20-х гг. бейсболистом-рекордсменом. –

Прим. пер.). А Скотти Пиппен, при всех его достоинствах, на лавры Джордана претендовать все же не мог. Увы, мир спортивного бизнеса жестокий и холодный. Другое дело – Рейнсдорфу не стоило так откровенно и бестактно раскрывать свои карты одному из агентов Пиппена – Кайлу Роуту. В итоге Пиппена все же не продали – к радости не только Джордана и Джексона, но и бесчисленных болельщиков. Сложись по-другому, команда развалилась бы. И тогда, как заметил один из консультантов клуба по пиару, реакция общественности свела бы все новые сделки Рейнсдорфа к нулю. Конечно, право продать Пиппена за руководством «Буллз» осталось, но предложений ему не поступало. Тем временем начался трудный и болезненный процесс окончательного формирования команды.

То памятное заявление Джордана, сделанное им по телевидению, укрепило позицию Джексона. Как правило, с тренерами, даже преуспевающими, в НБА особо не церемонились. Когда дела в клубах шли плохо, наставников команд тут же увольняли. Если же брезжили надежды на лучшие времена, не представляло труда взять в клуб самого именитого тренера. Однако верность Джордана своему учителю в корне изменила ситуацию. «Фил – счастливчик, – не без зависти говорил один из бывших тренеров «Буллз», – ему повезло с доверенными лицами. Мало того что его агент Тодд Масбергер – большой дока и честный парень. Так у него есть еще один агент, хоть и не официальный, но величайший в истории спорта – сам Майкл Джордан. С такой парочкой никому не справиться».

В последние годы переговоры с руководством чикагского клуба вел от имени тренера Тодд Масбергер, брат Брента Масбергера, телекомментатора компании Эй-ви-си. Переговоры эти были напряженными. Одна из причин – резко возросшие гонорары тренеров. Владельцам лидирующих клубов трудно было смириться с положением, когда даже тренеры команд, замыкающих турнирную таблицу, подписывали немыслимые контракты. Но им ничего не оставалось делать – прилив нельзя было остановить. Игроки тоже купались в деньгах, и у них исчезал стимул к спортивной борьбе. Соответственно возрос спрос на тренеров, которые действительно могли бы разжечь в своих питомцах спортивный азарт. Таковыми наставниками были, среди прочих, волшебник из Детройта Чак Дейли, Пэт Райли, многое сотворивший в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке, а также тренеры-вундеркинды некоторых студенческих команд. На баснословные гонорары Кевина Гарнетта они еще не тянули, но получали уже столько, сколько совсем недавно зарабатывал Майкл Джордан.

Все это было в новинку, и владельцы чикагского клуба пока что не свыклись с мыслью платить тренеру ставку звездного игрока. В 1992 г., когда Джексон вел свою команду ко второму чемпионскому званию, он подписал трехлетний контракт, согласно которому получал 800 тысяч долларов в год. Масбергер посчитал эту сделку унизительной для него. Тренеры того же ранга получали тогда в два раза больше, но Джексон, по мнению Масбергера, не умел биться за свои права. Он не был материалистом и не придавал особого значения деньгам. Разумеется, Джексон хотел, чтобы его труд был справедливо вознагражден, но осложнять переговоры, идти на обострение отношений – этого он не желал. В принципе он считал, что владельцы «Буллз» даже расщедрились: 800 тысяч долларов в год казались ему весьма приличной суммой.

Кстати, во время крайне нервозных переговоров по поводу контракта Джексона Краузе как-то обронил Масбергеру: «Тренер «Буллз» никогда не будет получать миллион в год. Так что не мечтайте о большем – подписывайте». Краузе ошибался. После того как «Буллз» в четвертый раз стал чемпионом, в сезоне 1996/97 г., на волне всеобщего ликования Джексону уже платили 2,7 миллиона. Масбергер предложил было заключить долгосрочный контракт, но руководство клуба на это не пошло: оно уже подумывало о новой команде и о новом, более послушном тренере. Годом позже, когда зашла речь о контракте Джексона в сезоне 1997/98 г., переговоры стали еще напряженней. По словам Масбергера, иметь дело с Краузе и Рейнсдорфом было все равно что вести диалог с политическими лидерами Северной Кореи. Переговоры велись в укромных уголках – в зданиях, принадлежавших Рейнсдорфу. Рейнсдорф и Краузе боялись огласки, хотя любой чикагский болельщик знал, что судьба клуба целиком зависит от продления контракта с Джексоном. Уйдет тренер – уйдут Джордан и другие ключевые игроки.

К тому времени разногласия между Краузе и Джексоном достигли апогея. С тех пор как Джордан, расставшись с бейсболом, вернулся в клуб, Краузе не делал секрета из своих намерений перекроить состав команды. Он неоднократно и достаточно откровенно давал понять, что в его представлении чикагская команда-мечта должна быть командой, где первую скрипку играет не Майкл Джордан (его бы он вообще вывел из состава), а руководство – иными словами он, Джерри Краузе. Одно время он вступил в тайный сговор с главным баскетбольным тренером штата Лиона Тимом Флойдом. Джексон прослышал от друзей, что Краузе посылал тому видеозаписи

матчей с участием «Буллз». По мнению многих, здесь присутствовал элемент личной неприязни. Джексон, которого возвел в ранг тренера именно Краузе и который по иерархии был ниже его, тем не менее пользовался гораздо большей популярностью, чем его «благодетель». Когда во время торжественных церемоний по случаю очередного чемпионского звания «Буллз» называлось имя Джексона, болельщики приветствовали его восторженными возгласами. Когда же называлось имя Краузе, зал столь же недовольно реагировал.

Во время сложных переговоров больше всего удивляло Масбергера негативное отношение Краузе к Джексону. Большинство людей из мира баскетбола оценивали этого человека совсем по-другому. Они понимали, сколь многое сделал он за эти трудные годы, сколько пота он пролил, готовя команду к решающим матчам и сглаживая конфликты между игроками, грозившие развалить великий клуб. Но Краузе всегда подчеркивал только свои заслуги и заслуги Рейнсдорфа. По его словам, Джексона они попросту подобрали на улице, когда он был безработным, и дали ему престижную должность. Так что пусть будет благодарен им и пусть знает свое место.

Что особенно примечательно, как считал Масбергер, Краузе говорил так без злого умысла – просто он не способен был объективно смотреть на вещи и рассматривал сложные проблемы только со своей, недалекой точки зрения.

Люди, которым приходилось вести переговоры с Рейнсдорфом и Краузе, делали между ними определенные различия. В диалогах с Рейнсдорфом о человеческом факторе речь почти никогда не шла, – все в основном сводилось к деньгам. Беседы с его помощником носили иной характер. Не обходилось без взаимных колкостей. Краузе испытывал неприязнь к Джексону из-за своего неудовлетворенного честолюбия. В спортивной жизни, по его мнению, много несправедливостей. Все лавры достаются тренерам. Они всегда на виду, раздают интервью, красуются перед телекамерами. А менеджеры – в тени. Джексон, человек открытый и общительный, был на короткой ноге и даже дружил со многими журналистами, и не только журналистами. Краузе же в силу своего характера вел себя по отношению к людям крайне оскорбительно. Особенно доставалось от него журналистам, которых он по большому счету откровенно презирал, считая их копание в подноготной жизни чикагского клуба чем-то вроде подрывной деятельности вражеских агентов. В частных беседах он даже самых уважаемых журналистов называл не иначе как «потаскухами».

Что особенно возмущало игроков, и в частности Майкла

Джордана, так это неистребимое желание Краузе преувеличивать роль руководства клуба в спортивных успехах команды. В альманахе, посвященном выступлениям «Буллз» в сезоне 1997/98 г., говорилось, что именно Краузе был архитектором пяти чемпионских титулов чикагцев и что именно он привел в клуб всех его звезд – за исключением Джордана.

Однажды известный телеведущий Билли Пэкер позвонил Краузе, чтобы узнать у него домашний телефон Фила Джексона. Свою просьбу он объяснил тем, что пишет книгу о выдающихся тренерах, которым удавалось приводить свои команды к чемпионским званиям. Пэкер пытался, в частности, выяснить, есть ли в работе и мышлении всех этих удачливых тренеров нечто общее. «Зачем вам говорить с Джексоном? – спросил Краузе. – Команду создал я, а он всего лишь тренирует ее». «Вот как он неожиданно раскрылся», – с грустью подумал Пэкер, повесив трубку. Впоследствии он как-то сказал: «Краузе и раньше часто подчеркивал, что чемпионские титулы завоевывают не игроки, а владельцы клубов и менеджеры, но я не думал, что он искренне верит в это».

Переговоры с Джексоном по поводу сезона 1997/98 г. становились все напряженней. Об общем деле и об общей цели – не успокаиваться на лаврах – стороны давно забыли. Кроме того, выяснилось, что Рейнсдорфу надоело вести дела с тренером через его агента. По окончании сезона он заявил, что никогда больше не возьмет на работу тренера, у которого есть собственный агент. Тренеры, по мнению Рейнсдорфа, входят в менеджмент, и соответственно агенты им не положены. Масбергер, в свою очередь, полагал, что Рейнсдорф, не привыкший к серьезному сопротивлению своих оппонентов, и в данном случае хотел беспрепятственно диктовать свои условия. Действительно, даже самые влиятельные агенты предпочитали с ним не ссориться – из-за боязни повредить в будущем игрокам, чьи интересы они представляли. Но Масбергер представлял по большей части интересы телевизионщиков, поэтому его не пугало, что Рейнсдорф может стать его заклятым врагом.

Корни конфликта были достаточно глубоки. Годом раньше, во время столь же трудных переговоров, Рейнсдорф и Масбергер схлестнулись всерьез. В очередной тупиковой ситуации Рейнсдорф, первой специальностью которого было налоговое законодательство, предложил в качестве варианта, чтобы Джексон инвестировал часть своего гонорара в некий проект, который якобы принесет ему неплохие дивиденды и на несколько лет освободит его от уплаты налогов. По словам Рейнсдорфа, он в свое время уговорил поступить так некоторых игроков его

бейсбольного клуба, и те остались довольны. Масбергер в ответ съязвил: не собирается ли Рейнсдорф стать ко всему прочему еще и биржевым маклером Джексона? Тут Рейнсдорф взорвался.

«Тупой ублюдок, – завопил он, – ты и здесь хочешь все испоганить. Тебе мало того, что ты угробил контракт своего брата с Си-би-эс. Я говорил с Нилом Пилсоном (директор спортивных программ этой корпорации. – Прим. авт.). Он сказал мне, что с Брентом у него проблем никогда не было, а от тебя его просто рвет».

Эти слова глубоко ранили Масбергера. Он много сил затратил на заключение нового и очень выгодного контракта своего брата с Си-би-эс, но в какой-то момент руководство корпорации передумало и отказалось от услуг Брента. Тот, в конце концов, устроился ведущим на Эй-би-си. «Конечно, я допустил ошибку, – заметил позднее Рейнсдорф. – Хотя я и сказал сущую правду, но говорить такие вещи в лицо агенту в присутствии его клиента – с точки зрения бизнеса неэтично». Но, так или иначе, эпизод был малоприятный. Масбергер понял, что наконец-то увидел истинное лицо Джерри Рейнсдорфа, и решил, что тот больше никогда не будет иметь с ним дело.

Летом 1997 г. на переговорах по поводу нового контракта с Джексоном сложилась патовая ситуация. Рейнсдорф предложил сумму 4 миллиона долларов в год. Масбергер до этого запросил 7,5 миллиона. Примерно столько получал тогда в Бостоне Рик Питино. Тогда же подписал 5-миллионный в Индиане Ларри Бёрд, который; кстати, будучи в свое время блестящим игроком, на тренерском поприще успехов не снискал. Столько же получал в Орландо Чак Дейли. Лучше всех устроился в Майами Пэт Райли. Хотя он получал по контракту лишь 3 миллиона, ему принадлежала солидная доля капитала клуба.

По мнению Масбергера, Джексон не был морально готов к переговорам: конфронтация усиливалась, а ему явно не хотелось бороться за свои права. Конечно, на достойное вознаграждение он надеялся. При этом, как полагал Масбергер, деньги для Джексона не были самоцелью – речь шла о человеческом достоинстве. Джексон рассматривал гонорар как мерило его профессионализма.

Вскоре Рейнсдорф заявил, что не хочет больше иметь дело с Масбергером, и вылетел на личном самолете в Монтану, где находился тогда Джексон, чтобы напрямую поговорить с ним самим. По прибытии он вручил Джексону официальную бумагу, где значилась сумма 5 миллионов (1 миллион он все-таки прибавил). «Это все, чем я располагаю», – заявил он тренеру.

Узнав о том, что Рейнсдорф отбыл в Монтану, недремлющий

Масбергер тут же вылетел вслед за ним. Джексон, согласившийся на новое предложение Рейнсдорфа, просил Масбергера не вмешиваться, но тот упорствовал, хотя немного умерил свой пыл. Теперь он говорил не о 7,5 миллионах, а о 6. Переговоры снова зашли в тупик, и Рейнсдорф улетел в Аризону. Джексон советовал ему не спешить с отлетом: почему не задержаться в живописной Монтане, не полюбоваться ее красотами? На это Рейнсдорф сухо ответил, что здешними пейзажами он успел насладиться, разглядывая их из иллюминатора самолета, когда лайнер пошел на снижение.

Впоследствии переговоры, разумеется, возобновились. Масбергер твердо стоял на сумме 6 миллионов. «Вы что, не понимаете? Если я сказал пять, то это действительно пять, – раздраженно отмахивался Рейнсдорф. «Мы зашли в тупик, – говорил ему Масбергер. – Всесокрушающей силе противостоит объект, который ничто на свете не может сдвинуть с места». В конце концов, после 9-часовой утомительной дискуссии Рейнсдорф сдался, согласившись на 6 миллионов. Дела в клубе вроде бы стали налаживаться. Пиппена продавать не стали. Контракт с Джексоном был подписан, хотя и с оговоркой: если руководство «Буллз» не возобновит контракт с Джорданом, то и тренер покинет клуб.

На пресс-конференции, посвященной возобновлению контракта с Джексоном, не царило радостного оживления, характерного для подобного события. Это выглядело странным: как-никак, но сверхпопулярный тренер-триумфатор не расстался со своим клубом. Тем не менее все репортеры подметили, что Джерри Краузе постарался вложить в свое вступительное слово как можно больше негативного подтекста. Он подчеркнул, что срок нового контракта с Джексоном – всего один год, вне зависимости от того, завоюет ли «Буллз» шестой чемпионский титул или нет.

Эта пресс-конференция вызвала очередную стычку тренера со своим хозяином. Джексон намекнул Краузе на странность его поведения: создавалось впечатление, что он представляет интересы какой-то другой стороны, но никак не собственного клуба. Краузе, конечно, взорвался: «Мне плевать, как окончится для нас сезон, но ты все равно уйдешь к такой-то матери!»

Теперь, когда контракт с Джексоном был подписан, Рейнсдорфу предстояло разобраться с Джорданом. Поначалу ему нужно было сгладить некоторые трения, оставшиеся от прошлых времен. Рейнсдорф прослышал, что Джордан затаил на него обиду. «Это правда?» – спросил он Майкла. Тот ответил утвердительно. Рейнсдорф поинтересовался, в чем дело, и

Джордан напомнил ему, что, когда они подписывали предыдущий контракт (на 30 миллионов), Рейнсдорф заметил, что, возможно, еще пожалеет о своем решении. Рейнсдорф сказал, что не помнит такого, но, если это правда, он готов извиниться, после чего решил, что инцидент исчерпан. Но не тут-то было. Примерно тогда же у Джордана была долгая беседа с Генри Луисом Гейтсом, крупным историком из Гарвардского университета и известным литератором. Майкл рассказал ему, как все эти годы он, махнув рукой на явно заниженные гонорары, сражался за честь «Буллз», как, придя в клуб в худшие для него времена, вытащил его из полосы неудач и привел чикагцев к пяти чемпионским титулам. Выслушав Майкла, Гейтс понял, почему обидные слова Рейнсдорфа так глубоко его ранили.

Впоследствии исповедь Джордана была опубликована в журнале «Нью-Йоркер». Годом позже вышел фотоальбом – иллюстрированная биография Джордана. В сопроводительном тексте снова прозвучали претензии Майкла к Рейнсдорфу. Джордан оказался человеком легкоранимым и обидчивым. Впрочем, здесь надо учесть, что люди воспринимают одни и те же вещи по-разному. Вполне возможно, что Рейнсдорф и не собирался обидеть Майкла, – он произнес те слова со свойственной ему самоиронией. Но великий и самолюбивый атлет расценил их как явное неуважение к нему. Переговоры о новом контракте с Джорданом Рейнсдорф начал с суммы 25 миллионов, заметив, что сумма истекшего контракта – 30 миллионов – была завышена им намеренно – как своего рода компенсация предыдущих недоплат. Впрочем, вскоре он согласился сохранить в новом контракте эти 30 миллионов, но Джордан заупрямился, сказав, что он заслуживает большего материального поощрения: ведь клуб снова стал чемпионом НБА, а он, Майкл, снова был назван самым ценным игроком финальной серии. Неужели он не достоин более выгодного контракта?

Джордан и Фальк настаивали на 20-процентном повышении, то есть на 36 миллионах. Рейнсдорф сопротивлялся. Наконец, Джордан предложил компромисс – 10-процентное повышение, то есть 33 миллиона долларов в год. Рейнсдорф тут же согласился, назвав такое решение справедливым, но вмешался Фальк, предложивший свой вариант – двухгодичный контракт с выплатой 36 миллионов в первый год и 40 миллионов – во второй. «Послушайте, Дэвид, разве ваш клиент уже не согласился на годичный контракт и на 33 миллиона? – недоумевал Рейнсдорф. – Не так ли, Майкл?» – «Так», – ответил Джордан. В итоге сделка состоялась, но чувствовалось, что общая

нервозность, охватившая клуб, не миновала и его лучшего игрока.

Все шло к тому, что цена самой знаменитой в мире баскетбольной команды стала наконец приближаться к реальной рыночной стоимости. Джордан зарабатывал в год 33 миллиона долларов, Джексон – 6, Родман (включая различные премиальные) – почти 10. Вот уже в общей сложности 49 миллионов. Рон Харпер зарабатывал 5 миллионов, Кукоч – 4, Пиппен – всего 3 (его долгожданный заслуженно высокий гонорар маячил где-то вдали от Чикаго). Как видите, стоимость лишь стартовой пятерки и главного тренера превышала 60 миллионов долларов.

В итоге выгодные контракты получили все, кроме Пиппена, которого к тому же чуть было не продали в другой клуб. Естественно, недовольство внутри Скотти росло. Его главный агент Джимми Секстон полагал, что Пиппен расстроен не столько из-за денег, сколько из-за неуважения к нему. Перед самым началом сезона настроение Пиппена, и без того не радужное, резко ухудшилось: слишком много горечи накопилось в его душе. К лету 1997 г. запутанная история взаимоотношений Скотти с руководством клуба обросла столькими противоречиями, что установить объективную истину было бы все равно что в полной темноте очищать от шелухи гигантскую луковицу. Дело осложнялось еще и тем, что Джимми Секстон испортил в свое время отношения с Рейнсдорфом. Он представлял ранее интересы Хораса Гранта, мощного форварда «Быков», который, предпочтя независимое агентство, подписал после сезона 1994 г. контракт с клубом из Орландо. Уход Гранта осложнил обстановку. Рейнсдорф планировал обменять Гранта на другого игрока, но сделка сорвалась, «Быки» ничего не получили взамен.

Рейнсдорф решил, что но всем виноват Секстон (хотя тот был ни при чем), и не простил ему этого. Разумеется, ему не хотелось, чтобы подобная ситуация повторилась с Пиппеном.

Пиппен считал (и не без оснований), что в чикагском клубе существует двойной стандарт. На Джордана владельцы «Буллз» молились, а к остальным игрокам относились просто как к собственности. Скотти, конечно, понимал, что до Джордана ему далеко, но и себя он ценил достаточно высоко, считая, что он не просто игрок команды-мечты, а ее суперзвезда, а заодно один из 50 величайших игроков НБА всех времен. Но в Чикаго, по его мнению, его заслуги всегда замалчивали.

Во время финала 1997 г. Пиппена мучила нестерпимая боль в травмированной ноге, но он все же играл в полную силу. Когда сезон закончился, Скотти так и не решился на операцию, и лето прошло впустую. Вообще говоря, большинство спортсменов не

очень-то любят попадать в руки хирургов, даже если предстоящая операция безболезненна. Но здесь дело было в другом – Пиппен не доверял врачам клуба. Накануне следующего сезона Скотти, доведенный до отчаяния собственным бессилием в борьбе с руководством клуба, окончательно решил вообще не залечивать травму. Это был своего рода вызов Рейнсдорфу и Краузе: плевать мне и на свое здоровье, и на успехи команды.

Столь категоричная позиция Скотти и его почти патологическая ненависть к руководству клуба породили новые раздоры. Тем летом Пиппен, несмотря на травму, сыграл в паре благотворительных матчей, организованных рядом баскетболистов НБА. Рассвирепевший Краузе, прослышав об этом заранее, отправил ему грозный факс, запрещавший участвовать в этих матчах. Реакция Пиппена была предсказуемой: он что, бесправный раб хозяев клуба? Скотти даже пожаловался Джимми Секстону, сказав, что факс от Краузе выдает в нем расиста. Здесь он преувеличил. Краузе не был расистом, просто он действовал слишком прямолинейно, не учитывая тонкости психологии игроков.

Во взаимоотношениях с людьми Краузе всегда был на удивление бестактен. Как ни странно, в этом просматривалась его собственная душевная ранимость. Именно она мешала ему вести себя в сложных ситуациях с должной вежливостью. Краузе, безусловно, был человеком умным, невероятно работоспособным. В конце концов, не зря же он считался одним из лучших менеджеров НБА. Но вот что касалось чисто человеческих взаимоотношений (а они немаловажны), то здесь, когда надо было проявить элементарную чуткость, у него наступал полный провал. Во время деловых переговоров для Краузе главным было не уронить свой авторитет, не сойти с пьедестала, который сам он и воздвигнул. Возражения или язвительные реплики оппонентов, на которые человек более хладнокровный и уверенный в себе вообще бы не отреагировал, оставляли в душе Краузе болезненный след.

Этот умный и во многих отношениях достойный человек был необычайно раним. Его должность требовала от него умения решать проблемы людей, с которыми он был связан. Вместо этого Краузе создавал им проблемы. Там, где требовались хладнокровие и объективность, он действовал исходя из личных пристрастий и предубеждений. Как сказал однажды Рейнсдорф, «Краузе – странный тип. Сначала он искренне привязывается к человеку, а потом, осознав, что его с ним связывает только бизнес, а не теплые чувства, столь же искренне впадает в отчаяние, переходящее в злобу».

Хотя Краузе постоянно создавал взрывоопасные ситуации, Рейнсдорфа это, судя по всему, не беспокоило. Наоборот, тактика его помощника была ему на руку. Агенты, игроки и журналисты, окончательно выведенные из себя и обессиленные диалогами с Краузе, становились легкой добычей Рейнсдорфа, появлявшегося на поле битвы в самый кульминационный момент.

Начало нового сезона складывалось для «Буллз» неудачно. Травмированный Пиппен, по мнению врачей, мог пропустить половину чемпионата. Не полностью обрел былую спортивную форму мощный форвард Деннис Родман, своего рода икона современной американской массовой культуры (Деннис постоянно перекрашивал в разные цвета волосы, а все его тело украшали замысловатые татуировки и пирсинг). Родман, слывший большим скандалистом, часто и прилюдно поносил несправедливые порядки, заведенные в НБА, хотя у него самого дела шли неплохо. В наступающем сезоне он мог – при условии выполнения всех пунктов контракта – заработать в общей сложности около 10 миллионов. Родман пришел в чикагский клуб двумя годами раньше и сразу же стал одним из ключевых игроков команды.

Фила Джексона одолевали мрачные мысли: сезон обещал быть необычайно трудным. Особенно беспокоил тренера Пиппен. Он и раньше не раз видел Скотти в дурном расположении духа, но сейчас Пиппен вел себя столь агрессивно, что бушевавшая в нем слепая ненависть грозила обернуться против него же самого.

Такой стены отчуждения между игроками и владельцами клуба, которая выросла в Чикаго, современный баскетбол еще не видел. Тем более что речь шла о многократном чемпионе НБА. Для сравнения: в Лос-Анджелесе Джерри Басс и Джерри Уэст приложили все силы для того, чтобы игроки клуба «Лейкерс» чувствовали себя членами одной семьи. Причем Уэст, прекрасно разбиравшийся в юридических тонкостях трудового законодательства и коллективных договоров, тем не менее ставил на первое место чисто человеческий фактор. Такой же дружной семьей был в середине 80-х гг. бостонский клуб, руководимый Рэдом Ауэрбахом, в принципе большим занудой. Неплохая атмосфера – тоже в 80-х гг. – была и в детройтском клубе. Билл Дэвидсон, Джек Макклоски и Чак Дейли обеспечили баскетболистов различными льготами и привилегиями, и отношения между игроками и руководством клуба складывались чуть ли не идеально.

Трения, возникшие в чикагском клубе, тревожили Джексона, человека мягкого и тонкого. Впоследствии он, впрочем, сумел использовать отчуждение игроков от главного офиса как козырь.

Он убедил спортсменов в том, что хозяева клуба вовсе не желают, чтобы команда в шестой раз стала чемпионом НБА. Рейнсдорф решил, что Джексон, настраивая игроков против него, изменял тем самым интересам клуба. Но было ли это действительно пораженческой позицией Джексона или его отчаянной попыткой выйти из безнадежной ситуации – остается только гадать.

Джексон был уверен, что надвигающийся сезон 1997/98 г. – независимо от того, станут ли «Буллз» снова чемпионами или нет, – будет последним для нынешней команды. Он даже название для него придумал – «Последний танец». Довольно удачно: команда старела. В баскетболе расцвет игрока приходится на возраст 27-28 лет, а Джордану в предстоящем сезоне исполнялось 35, Родману – 37, Пиппену – 33 (когда «Буллз» впервые стали чемпионами, Джордану было 28, Пиппену и Хорасу Гранту – по 26). Рону Харперу в январе исполнялось 34, и конец его карьеры был не за горами: он страдал артритом, из-за чего товарищи по команде называли его «деревянной ногой». Тони Кукочу, в которого столько вложил Краузе (и в финансовом смысле, и в эмоциональном), еще только предстояло доказать, что он может играть на стабильно высоком уровне. Остальные же игроки больше мнили о себе, чем представляли реальную ценность.

Сами баскетболисты тоже прекрасно понимали, как трудно будет – даже при удачном стечении обстоятельств – выиграть третий чемпионат подряд. Кстати, вторая победа в этом трехгодичном цикле досталась им намного труднее первой: возросли ожидания – возросли и психологические нагрузки. Джон Паксон, один из ключевых игроков, ковавших первую победу в этом цикле (потом он стал телекомментатором), предупреждал «Буллз», что стать чемпионами в третий раз подряд им будет значительно трудней, чем во второй, – слишком много потребуется волевых усилий, слишком велик должен быть стимул.

Джексон хотя и волновался, тем не менее считал, что шансы у «Буллз» неплохие. Четверо игроков, самых старших по возрасту: Джордан, Пиппен, Родман и Харпер – эти неувядающие атлеты сохраняли прекрасную форму и могли дать сто очков вперед молодым партнерам. Более того, все четверо отличались незаурядным и нестандартным игровым мышлением. Джексон знал преимущества своей команды – ум, опыт и психологическая устойчивость, которая особенно важна в серии «плей-офф». «Буллз» четко представляли, когда и как нужно сконцентрироваться на игру и точно выполнять наставления тренера, высказанные им перед матчем. Это и выделяло их из

других команд, даже из тех, где были, возможно, более талантливые игроки. И было, конечно, у них еще одно преимущество, которое не поддавалось никаким измерениям и сравнениям, – Майкл Джордан, великий игрок, наделенный не только уникальным талантом, но и необычайной силой воли, способный вести за собой команду к победе в самых трудных и ответственных матчах – особенно в серии «плей-офф». Джексон считал, что его подопечные прямо-таки созданы для этой серии. Они бы с удовольствием пропускали 82 календарных матча сезона и сразу начинали бы с «плей-офф».

Перед самым началом сезона Джексон обсудил насущные проблемы с Джорданом и Пиппеном. Майкл и Скотти поинтересовались, считает ли тренер, что возможная шестая победа их клуба в чемпионате НБА станет последней в его истории. Тот ответил утвердительно, добавив, что им и так повезло с победами. Джексон сказал также, что команду ждет долгий изнурительный сезон. Джордан разделил мнение тренера. «Похоже на то, что нам придется хорошенько постараться», – заметил он. Джексон согласился, но поинтересовался, как Майкл представляет себе свои старания – в особенности, если уйдет Пиппен. Джордан успокоил тренера, сказав, что чувствует себя в отличной форме и совсем не ощущает своего возраста. Надо заметить, что среди профессиональных спортсменов никто так тщательно не следил за своей физической формой, как Майкл Джордан. Вот почему пик его расцвета длился так долго, хотя давно уже должен был остаться позади. Поскольку «Буллз» регулярно становились чемпионами, сезон для них (с учетом финальных игр) постоянно растягивался до середины июня. И с каждым годом Джордану приходилось затрачивать все больше сил.

Пиппен все-таки покинул клуб. Скамейка игроков была слабоватой. В итоге основная нагрузка выпала в тот год на долю Джордана. Майкл и его персональный тренер по физподготовке Тим Гровер решили, что на сей раз интенсивность тренировок надо наращивать постепенно. Да и сами тренировки они начали тем летом несколько позже обычного, а когда Джордан приехал на спортивную базу «Буллз», Джексон – уже второй сезон подряд – проводил тренировочные занятия лишь один раз в день, а не два, как ранее. Он боялся, что перегрузки отрицательно скажутся на физической форме Майкла и других стареющих игроков.

Роль Джексона в успехах команды никак нельзя недооценивать, хотя многие мэтры баскетбола и солидные журналисты не отдавали ему должное. По их мнению, работать с такими великими игроками, как Джордан и Пиппен, – дело

нехитрое. За первые три сезона, когда «Буллз» становились чемпионами, Джексона ни разу не назвали тренером года. А в самом деле – легко ли побеждать, располагая такими игроками? И да, и нет. Несмотря на то что в распоряжении Джексона были игроки не только великие, но и бесконечно ему доверявшие, это имело обратную сторону. Вписать талант такой суперзвезды, как Джордан, в общекомандный рисунок игры – задача не из легких. Возникала постоянная проблема, – максимально используя все достоинства Джордана и не подавляя его врожденный инстинкт брать игру на себя, не допускать в то же время, чтобы он невольно подавлял товарищей по команде. Джексон и старался это делать. Он брал от Джордана все, на что тот был способен, но не позволял ему перекрывать кислород партнерам как на площадке, так и в ежедневных буднях. Великие игроки, как правило, эгоисты. Их невольно делает такими бесконечная череда побед. И чем чаще команда выигрывает, тем сильнее рвется наружу эгоизм ее суперзвезд.

Тренеру в подобных ситуациях приходится нелегко. На протяжении долгого времени Джексон воспитывал своих звезд, проявляя чудеса дипломатии и педагогики. С интуицией, упорством и скрупулезностью средневекового алхимика он взвешивал идеи, слова, жесты. Как ему все удавалось – понять трудно. Ведь великим и честолюбивым игрокам НБА быстро надоедают поучения столь же великих и честолюбивых тренеров (у наставников аналогичная ответная реакция).

В сегодняшней НБА, где погоду делают суперзвезды, клубам очень нелегко поддерживать в течение долгого времени высокий уровень общекомандной игры. Но еще труднее – сохранять дружеские взаимоотношения между тренерами и игроками. Пэт Райли, человек на редкость энергичный и честолюбивый, не преуспев в свое время как игрок, переключился на тренерское поприще и прославился как блестящий наставник клуба «Лейкерс». Однако со временем выяснилось, что он в этой команде засиделся. Игроки пришли к единодушному мнению, что тренер чересчур давит на них, искусственно прививая им бесконечную преданность родному клубу. Дело кончилось настоящим «бунтом на корабле», и он покинул Лос-Анджелес. А вот яростная борьба Майкла Джордана за то, чтобы руководители «Буллз» не расстались с Джексоном, это высшая награда, на которую может рассчитывать тренер НБА. Это даже весомей, чем титул «Тренер года».

За годы, проведенные им в Чикаго, Джексон завоевал доверие большинства игроков. Он вел себя с ними умно, тактично, видел в каждом личность, старался не раздражать спортсменов, не

докучать им. А самое главное – относился ко всем с искренним уважением. С годами игроки поняли, как умело Джексон интегрировал в команду Джордана, тем более что поначалу процесс адаптации Майкла в чикагском клубе проходил довольно болезненно. Завоевав уважение со стороны Джордана, тренер вместе с тем не вел себя как какая-то пешка в руках суперзвезды, иначе все остальные одиннадцать игроков от него бы отвернулись. Джексон сумел привить Джордану вкус к комбинационной командной игре, приучил его не жадничать с мячом, отдавать, когда нужно, пас партнеру. И это был, пожалуй, самый крупный Успех этого выдающегося тренера.

В конце того сезона, когда «Буллз» во второй раз стали чемпионами НБА, Стив Керр, которого попросили сформулировать особенности психологической и нравственной атмосферы в команде, ответил, что все хорошее здесь – плоды неустанных трудов Джексона. Конечно, как заметил Керр, игрокам не очень высокого уровня трудно играть вместе с Майклом Джорданом. Все профессиональные спортсмены без исключения – народ самолюбивый. Рядовым игрокам не очень-то приятно видеть постоянное нашествие журналистов. Ведь даже если вопросы задаются и в их адрес, в глубине души они понимают, что репортеры ввалились в клуб не ради них, а ради Джордана. Ну, может, еще чтобы встретиться с Пиппеном, Родманом или Джексоном. В команде где есть несколько суперзвезд, остальные игроки почти всегда чувствуют себя неуютно, страдая комплексом неполноценности. И лишь Джексон, по мнению Керра, обладал удивительным даром внушить каждому игроку, что он далеко не последняя спица в колесе, что без него команда – не команда. В результате рядовые игроки «Буллз» не чувствовали себя ущемленными. Понимая, что без Джордана команда никогда таких бы успехов не добилась, они вместе с тем знали, что и без них их клуб ходил бы в середнячках. Поэтому вся скамейка игроков всегда была готова ринуться в бой за честь своего клуба.

Глава 4. Лос-Анджелес, 1997 г. Уиллистон, Северная Дакота, 1962 г.

Начало сезона 1997/98 г. сложилось для «Буллз» нелегко. Оправдались все худшие ожидания Джексона. Когда чикагцы приехали в Лос-Анджелес на матч с местным клубом «Клипперс», их послужной список был более чем скромным – 6 побед и 5 поражений. Правда, у «Клипперс», ведомого Биллом Фитчем, тренировавшим Фила Джексона, когда тот учился в колледже, дела шли еще хуже – 1 победа и 10 поражений. «Клипперс» вообще был паршивой овцой в НБА. Обветшавший стадион клуба собирал на матчи с заурядными командами не более 3 тысяч зрителей. Аншлаги случались, только если приезжали «Буллз» или играли дерби с «Лейкерс», причем перед матчем местные болельщики бурно приветствовали именно гостей. Хозяевам же доставались жидкие аплодисменты в конце встречи, но только в том случае, если они пытались оказывать грандам НБА посильное сопротивление. Казалось, над клубом висит какое-то проклятие. Постоянно замыкая турнирную таблицу, он получал преимущество при наборе новых игроков. Но дела от этого лучше не шли: молодые талантливые баскетболисты, недолго поиграв в клубе, бежали из «Клипперс» куда глаза глядят.

Но в этот вечер «Клипперс» просто обязан был выиграть. «Буллз» выглядели ужасно, ореол их непобедимости испарился. Это был их пятый выездной матч. В начале второй четверти матча хозяева вели 36:18. Джордан начал игру слабо. Из первых его 14 бросков лишь 3 достигли цели. Но постепенно чикагцы собрались и начали потихоньку давить соперников. К концу основного времени Джордан, совершив 36 бросков, попал в кольцо 18 раз (иными словами, из 22 его последних бросков 15 оказались удачными). Именно Майкл, как всегда, повел за собой команду, заставил ее воспрянуть духом.

Основное время закончилось вничью – 92:92, причем последние 7 очков принес чикагцам Джордан. В первом овертайме, когда до его окончания оставалось 39 секунд, «Лос-Анджелес Клипперс» вел 102:98. Джордан в высоком прыжке сократил разрыв – 102:100. Когда оставалось играть 15 секунд, Майкл, против которого нарушили правила, заработал два штрафных броска. Первый бросок – мимо! Джексон завопил с тренерской скамейки: «Не бросай в кольцо!» Майкл, послушав тренера, с силой швырнул мяч в щит и перехватил его на отскоке! За восемь секунд до свистка судьи он прорвался к кольцу, и счет

стал ничейным – 102:102.

Во втором овертайме все 9 очков принес чикагцам Джордан. Иными словами, из последних 26 очков, набранных «Быками», 22 пришлось на долю Майкла. Соперники во втором овертайме очков вообще не набрали. К концу матча Джордан выглядел до предела уставшим, не случайно же он промазал три штрафных броска. И тем не менее он не позволил своей ослабленной, расшатанной интригами команде проиграть тот матч, в котором «Буллз», по общему мнению, чуть было не опозорились перед зрителями.

Проведя на площадке 52 минуты, Джордан принес команде 49 очков. Этот в принципе проходной матч стал знаменательной игрой – нависшее поражение обернулось победой. В том сезоне аналогичная ситуация повторилась в 10 или 12 матчах. И всегда сила воли Майкла брала верх над его физической изможденностью. Немногие болельщики понимали этот его феномен. Чтобы постичь суть натуры Джордана, надо было бы проводить с командой день за днем, смотреть все ее игры, даже проходные. В особенности сверхчеловеческая сила воли Майкла проявлялась во время финальных серий.

В том матче «Буллз» против «Клипперс» сошлись в очередной раз дороги двух тренеров и старых друзей – Фили Джексона и Билла Фитча. Карьера их к тому времени сложилась по-разному. Джексон, работавший в Чикаго уже девятый сезон, успел привести команду к пяти чемпионским титулам (рекордный показатель за всю историю баскетбола) и сейчас собирался сделать это в шестой раз. Фитч, 35 лет назад уговоривший Джексона, учившегося тогда в средней школе в Уиллистоне, поступить в университет штата Северная Дакота, оставался по-прежнему таким же трудоголиком, как и раньше. Но так уж случилось, что тренировал он теперь слабейшую команду НБА, да и сам клуб, похоже, разваливался. Фит начал тот сезон со сплошных неудач: никогда еще ни одна команда НБА не проигрывала столько матчей подряд. В свое время Фитч сыграл важную роль в становлении карьеры Джексона. Об этом, в частности, говорил старший брат Фила Джо. Он подчеркивал, что Филу, тогда еще юному и восприимчивому к знаниям студенту, несказанно повезло с таким талантливым молодым тренером.

После матча с «Клипперс» Джексон мог спокойно насладиться первой победой, одержанной на выезде, тем более что победа эта далась чикагцам с таким трудом – можно сказать, что они чудом унесли ноги. Единственное, что его огорчало – незавидное положение бедняги Фитча. «Билл, конечно, расстроен, грызет себя, – сочувственно думал Джексон. – Всю ночь не будет спать –

станет смотреть фильм». Насчет фильма Джексон подумал не случайно. Еще в бытность в Бостоне, где он тренировал клуб «Селтикс», Фитч заслужил прозвище Капитан Видео: он мог часами сидеть один в своей просмотровой комнате, изучая видеозаписи баскетбольных матчей.

Эти два выдающихся тренера знали друг друга с 1962 г., когда Джексон еще учился в средней школе. Сейчас Фитч зарабатывал 2 миллиона в год, а Джексон, его бывший протеже, – 6 миллионов. В общем, ни тот ни другой не бедствовали, хотя если учесть различную степень трудности в работе с их командами, то справедливо было бы им обменяться контрактами.

Целая жизнь пролегла между тем матчем в Лос-Анджелесе в ноябре 1997 г. и весной 1962 г., когда Фитч впервые увидел Фила Джексона, ученика средней школы в Уиллистоне, и решил переманить паренька в свою университетскую команду. Фил тогда уже проявил себя как способный разносторонний спортсмен. Он хорошо играл и в американский футбол, и в баскетбол, и в бейсбол (был неплохим подающим). Кроме того, он защищал честь школы на легкоатлетических соревнованиях. Ростом он был 6 футов 5 дюймов и весил примерно 160 фунтов. Юноша рос, как типичный акселерат, – всего годом раньше рост его был 6 футов 1 дюйм, а весил он 140 фунтов, за что товарищи по школе прозвали его Скелетом. Фитч тогда только что занял пост баскетбольного тренера в университете штата Северная Дакота. Строго говоря, туда был приглашен другой тренер, который было согласился, но запротестовала его жена, сказав, что в Гранд-Форкс ему придется ехать одному: лично для нее тамошний климат слишком суров. Так что Фитч получил эту работу чисто случайно. Он потратил много сил на формирование новой баскетбольной команды и на ее тренировочную программу – местный университет баскетболом не славился. Студенты больше преуспевали в футболе и хоккее.

До этого Фитч тренировал баскетбольную и бейсбольную команды в Крейтоне и одновременно подыскивал талантливых новичков для клуба «Атланта Брейвз». Тогда он и прослышал о молодом способном пареньке Филе Джексоне. Еще не видя его, он знал, что рост долговязого юного дарования 6 футов и то ли 6, то ли 7 дюймов и что он худой, как скелет. «Не упустить бы его», – пометил Фитч в своем блокноте.

Сгорая от нетерпения поскорей запустить свою баскетбольную программу, холодным апрельским днем Фитч сел в автомобиль и помчался в Уиллистон, чтобы взглянуть на Фила Джексона, который должен был участвовать в соревнованиях по легкой атлетике. «Он метал диск, – вспоминал Фитч. – День был

очень ветреный, а парнишка сложением напоминал карандаш. Бейсбольный селекционер правильно его описал. Нигде и никогда не видано было, чтобы столь худосочный мальчишка – кожа да кости – с такой силой метал диск. Я даже подумал: может, его привязывают к какому-нибудь колышку, чтобы он не улетел вслед за своим диском? В общем, я в него влюбился с первого взгляда. Он как раз тот, которого хочет отыскать каждый селекционер. Очень хороший, воспитанный парень. Только и слышишь от него: «Да, сэр!» и «Нет, сэр!» Прекрасный студент, рвется в отличники – это сразу заметно. Отец и мать у него – проповедники. Я сказал ему, что немедленно беру его в свою команду».

По просьбе своего школьного тренера Джексон продемонстрировал Фитчу то, что сам он называл «трюком в автомобиле». Устроившись на заднем сиденье машины (какой марки и какого размера – неважно) и вытянув вперед свои длиннющие руки, он одновременно открывал обе передние дверцы.

Несколько месяцев спустя Фитч снова отправился в путь через весь штат, чтобы председательствовать на ежегодном банкете, устраиваемом в средней школе Уиллистона в честь ее юных спортсменов. Но главная его цель была другой – заполучить в университетскую команду Джексона.

«Это было самое рискованное предприятие в моей жизни, – вспоминал он. – Хотя я и перенес за минувшие годы хирургическую операцию на открытом сердце, но никогда не был на столь тонком волоске от смерти, как в ту поездку. Все время бушевал ураган, невиданный за многие годы. На дороге – снег толщиной 20 дюймов. Все машины застряли, похороненные под снегопадом. Той зимой в Северной Дакоте нельзя было выезжать из дома, не прихватив с собой обычные свечи. Если вы застряли да еще аккумулятор сел, достаете из бардачка свечу, зажигаете ее и ждете. Может быть, хотя и вряд ли, кто-нибудь вас обнаружит. Когда я пробивался в Уиллистон, вдоль всего шоссе стояли машины и в них горели свечи. Потом в автомобилях находили окоченевшие трупы. Я, наверное, оказался единственным, кто благополучно добрался до Уиллистона».

Каким-то чудом Фитч успел на банкет и произвел там фурор среди местных болельщиков. Вытащив на сцену Фила Джексона, он извлек из кармана наручники и с торжествующим криком: «Попался, голубчик!» – защелкнул их на запястьях парнишки.

Джексон искренне привязался к Фитчу, тренеру тогда еще молодому (всего 32 года) и как педагогу ненавязчивому. Его душевная теплота и бескорыстный энтузиазм резко контрастировали с холодными манерами Джонни Кундлы из

университета штата Миннесота – другого тренера, тоже «охотившегося» за Филом. Поскольку его программа была более обширной и он давно привык рыскать по американской глубинке в поисках будущих звезд баскетбола, он сохранял дистанцию между собой и новобранцами. Кундла вызвал Фила и еще четырех парней на предварительные переговоры в Миннеаполис и заявил им, что все пятеро будут играть в следующем году за первокурсников (у новичков, были тогда свои, отдельные команды – к выступлениям за университет их еще не допускали). Джонни говорил тоном, не допускавшим возражений: раз он пригласил этих мальчишек, как они смеют раздумывать? «В следующем году приступите к тренировкам, – сказал Кундла. – У нас прекрасная программа. Вам понравится и она, и сам университет. Если возникнут вопросы, звоните мне». С этими словами он вышел из комнаты.

«Таков уж был у него стиль общения», – спокойно, без всяких претензий заметил Джексон 30 лет спустя. Он и тогда, впрочем, не затаил обиды – просто предпочел Северную Дакоту.

Играть в Дакоте ему понравилось. Откровенно говоря, в нем видели скорее задатки отличного бейсболиста, и многие профессиональные бейсбольные клубы уже тогда хотели подписать с ним контракт. Но Фил, сам не понимая почему, испытывал непреодолимую тягу к баскетболу. Он подружился с Полом Педерсоном, который был старше его на два года и среди первокурсников считался уже баскетбольным асом. Кроме того, он прекрасно учился, и Фитч намеренно поселил Фила и Пола в одной комнате студенческого общежития, чтобы старший помог младшему освоиться в университете.

Педерсон чувствовал особое, бережное отношение Фитча к Джексону. С другими игроками тренер бывал порой резок, не скупился на язвительные замечания, но с Филом был на удивление мягок. Очевидно, Фитч понимал, что юноша, физически еще не сформировавшийся, нелегко переносит нагрузки, а кроме того, испытывает определенный эмоциональный стресс: слишком резко сменил он строгую атмосферу семьи священнослужителей на вольную, в чем-то даже богемную студенческую жизнь.

Джексон показывал себя отличным спортсменом, трудолюбивым и талантливым студентом, хотя, конечно, свои слабости были и у него. Высокий, длиннорукий, слегка неуклюжий, он тем не менее обладал высокой скоростью и отлично выполнял броски крюком слева. Но Фитчу пришлось долго оттачивать с ним игру в обороне, делая упор на прессинг. У тренера был дальний прицел – он хотел сделать из Фила

выдающегося профессионального баскетболиста. Он постоянно придумывал новые упражнения. В частности, так называемую «игру в хоккей». Играли трое на трое, и Джексону отводилась роль ключевого прессингующего игрока обороны, причем опекал он самых низкорослых, юрких и быстрых соперников.

Университетская команда, за которую играл Джексон, выступала неплохо. Когда он учился на втором и третьем курсах, она заняла соответственно третье и четвертое места в ответственных турнирах, причем Два раза проигрывала команде южных регионов штата Иллинойс, где выделялся молодой игрок Уолт Фрезиер. Джексону поручено было персонально опекать его, но он с этой задачей не справлялся. «Уолт превосходил меня в скорости, – вспоминал Фил, – и оба раза оставлял меня и дураках».

По причинам, связанным с особенностями этнического состава местного населения, Северная Дакота никогда не считалась баскетбольным раем. Большинство селекционеров сходились во мнении, что здешние молодые спортсмены – тяжеловесные и неловкие белые мальчики, лишенные воображения и не способные импровизировать на площадке. Но на Фила обратили все же внимание, хотя он тоже был белый. Одним из тех, кто заинтересовался им, оказался уже знакомый вам Джерри Краузе, в то время работавший селекционером клуба, называвшегося тогда «Балтиморские пули» (затем он сменил название на «Вашингтонские пули», а еще позже – на «Вашингтонские волшебники») («Washington Bullets» на «Washington Wizzards»).

Краузе впервые увидел Джексона зимой 1966/67 г., когда тот был старшекурсником. Парень ему понравился, и Джерри решил пригласить его в свой клуб.

Краузе, которому довелось впоследствии сыграть в судьбе Джексона важную роль, прослышал о молодом, немного нескладном и чрезвычайно длинноруком парне из Северной Дакоты. Чтобы увидеть его в деле, он поехал на матч, где команда Джексона встречалась со сборной Лойола-колледжа. Дорога в Гранд-Форкс выдалась нелегкой. Автомобиль Краузе с трудом продирался сквозь снежные заносы, которые, кажется, стали непременным спутником жизни всех селекционеров.

«Джерри, ты когда-нибудь видел такого длиннорукого парня?» – спросил Билл Фитч Краузе и попросил Джексона продемонстрировать его знаменитый «трюк в автомобиле». Краузе запомнил, что в том матче, на который он специально приехал, Джексон совершил 18 результативных дальних бросков. Краузе хотел заполучить Фила, но за ним охотился и другой клуб –

«Нью-Йорк Никс».

Селекционеру ньюйоркцев Рэду Хольцману Джексон очень понравился. Особенно ему понравилась его манера прессинговать, а также его быстрота, гибкость и даже некоторая грация. «Как вы научили его так здорово передвигаться по площадке?» – спросил Хольцман Фитча, посмотрев, как эффективно и чисто прессингует Джексон. Фитч рассказал ему о тренировках трое на трое с упором на прессинг. В итоге Джексона заполучил Нью-Йорк, а не Балтимор.

Джексон часто задумывался над странностями бытия. Почему именно он оказался в центре баскетбольной истерии? Почему именно он тренирует самых титулованных в мире спортсменов, почти каждый день перелетает из города в город, дремля в плюшевом кресле чартерного лайнера, нанимает телохранителей, чтобы отбиться от толпы ждущей его после матчей, и зарабатывает около 60 тысяч долларов за игру, включая матчи «плей-офф»? Эта сумма примерно вдвое превышала расценки первого его контракта, заключенного с «Никербокерс» на два года. Профессиональная карьера Джексона, тридцатилетие которой он отметил в 1997 г., складывалась на протяжении почти всего существования НБА. На Великих Равнинах, где он вырос, телевидение во времена его детства было в новинку, и ему редко удавалось смотреть баскетбольные матчи. Фактически впервые он увидел матчи НБА, уже учась в колледже. Соревнования по баскетболу тогда вообще редко транслировались, американское телевидение предпочитало чемпионаты США по бейсболу. Хотя, учась в колледже, Фил смотрел некоторые матчи НБА, но вот как играет «Никс», он никогда не видел.

Когда зашла речь о переходе Джексона в профессионалы, им заинтересовался еще один клуб – «Миннесота Пайперс», входивший в Американскую баскетбольную ассоциацию (АБА). Он и предложил Филу двухгодичный контракт на сумму 25 тысяч долларов. «Никс» повысил ставку – 26 тысяч, тоже за два года (12,5 и 13,5 тысячи соответственно) плюс 5 тысяч премиальных. Деньги по тем временам были огромные, и Джексон, конечно, с радостью принял предложение ньюйоркцев.

Он был уверен в своем будущем. Несколько лет он поиграет, во время летних отпусков закончит учебу в университете, получит ученую степень в области психологии, а затем найдет работу, соответствующую его интересам. В общем, жизнь налаживалась.

В начале мая 1967 г. Джексон прилетел в Нью-Йорк. Город ошеломил молодого провинциала. В аэропорту Фила встретил Рэд Хольцман. Они направились в Манхэттен, и, когда въехали в подземный туннель, ведущий из Квинса в центр, какой-то

подросток швырнул в окно машины камень. Хулиган не промахнулся – стекло треснуло. Разъяренный Хольцман вполголоса бормотал страшные ругательства, но вскоре взял себя в руки и, повернувшись к Джексону, сказал: «Вот так, если хочешь жить в Нью-Йорке, тебе придется смириться с подобными выходками».

Затем Джексон встретился с Эдди Донованом, генеральным менеджером клуба. Тот поинтересовался, имеет ли новобранец какое-либо представление о профессиональном баскетболе. Фил ответил, что во время учебы в колледже ему довелось посмотреть по телевизору несколько игр серии «плей-офф». На этом их разговор и закончился.

Все, что увидел Джексон в Нью-Йорке, показалось ему чем-то невероятным. Дело происходило в самый разгар войны во Вьетнаме, и как раз в день приезда Фила в городе состоялся марш протеста. Зная, что Нью-Йорк – центр либеральных идей и умонастроений, Джексон не сомневался, что это антивоенная демонстрация. Но он ошибся: это был марш протеста против пацифистов. Демонстранты – представители профсоюзов – шли в рабочих касках и требовали довести войну до победного конца. Все это выглядело довольно отвратительно и напугало Джексона. Он решил прогуляться по городу. Сначала Фил зашел в маленькое кафе, где долго слушал перебранку двух официанток, не поделивших чаевые. Затем продолжил экскурсию, во время которой обнаружил все же и противников войны во Вьетнаме. Они стояли на коробках из-под мыла и выкрикивали пацифистские лозунги. Фил решил, что Нью-Йорк – интересный город и играть здесь – одно удовольствие. Ну что ж, молодости присущ оптимизм.

«Фил всегда удивлял меня, – вспоминал Билл Фитч. – Когда я впервые его увидел, то меньше всего думал, что он станет профессиональным игроком. Я не имею в виду, что представлял его в роли священника, но все же… Потом, когда он поступил в колледж, я решил, что он со временем станет профессором. Но, как видите, он стал играть за «Никс», и играл очень неплохо. Помню, как я навестил его в Нью-Йорке. Мы целый день шатались по Гринвич-Вилледж. У него были волосы до плеч. Выглядел он не просто как хиппи, а как суперхиппи. Вот уж никогда не думал, что он станет тренером».

Глава 5. Чепел-Хилл, 1980 г.

Летом 1980 г. Майкл Джордан поехал в тренировочный баскетбольный лагерь Дина Смита. В Северной Каролине это считалось большой честью, туда приглашались только самые перспективные юные игроки штата. Вместе с Майклом поехал его друг Лерой Смит. В общежитии их поселили в один двухкомнатный блок с двумя белыми парнями из западного региона штата – Баззом Питерсоном и Рэнди Шефердом. Базз тогда уже был местной знаменитостью, кандидатом на титул «Мистер Баскетбол Северной Каролины». Такая честь оказывалась лучшему игроку школьных команд. В лагере он ходил в героях – так же как и Линвуд Робинсон, ключевой защитник лучшей школьной команды штата. О нем уже говорили как о будущем Филе Форде – звезде не только штата, но и одном из лучших защитников НБА (позже он, к сожалению, покинул спорт из-за многочисленных травм).

Впоследствии Дин Смит и другие тренеры Северной Каролины всячески замалчивали тот факт, что игра Джордана поразила их с первого же взгляда. Поэтому сложился миф, будто Майкла взяли в университетскую команду штата чисто случайно – просто попался под руку в тренировочном лагере, а талант его раскрылся уже потом.

На самом деле это не совсем так. Да, талант Майкла полностью проявился не сразу, но все же не так поздно, как утверждали некоторые его наставники. С первого же дня его появления в лагере тренеры Северной Каролины поняли, что дарование этого парня поистине уникально. А не прошло и недели, как тренеры, стремившиеся заполучить Питерсона и Робинсона, решили все же, что кандидатура номер один – это, безусловно, Майкл Джордан, школьник из Уилмингтона. Кстати, они уже слышали о нем. В конце зимы или весной того же 1980 г. Майкл Браун, куратор спорта в отделе школьного образования округа Нью-Ганновер, позвонил Рою Уильямсу, одному из помощников Дина Смита, и сказал ему что в одной школе Уилмингтона есть баскетболист, каких он среди старшеклассников в жизни не видел. Джордан как раз в то время стал быстро прибавлять в росте. Уильямса было отправили на разведку, но в последний момент дело перепоручили Биллу Гатриджу, старшему помощнику Дина Смита. Когда тот вернулся из Уилмингтона, Дин Смит, заинтригованный звонком Брауна, поинтересовался его мнением об этом парне по фамилии Джордан. Гатридж ответил, что пока трудно сказать что-либо

определенное. «Я лишь заметил, что он очень часто бросает в высоком прыжке – прокомментировал он и добавил: – Но он умеет включать дополнительную скорость». Гатридж имел в виду, что незаурядные атлетические данные Майкла позволяют ему превосходить в беге и прыгучести почти всех юных баскетболистов.

Дину Смиту Гатридж сказал, что, по его мнению, Майкл Джордан вполне может выступать на соревнованиях в рамках конференции Атлантического побережья. Физические данные у него отменные, хотя техника, конечно, еще не отшлифована. Больше селекционеры Майкла в том году не беспокоили (он учился тогда в предпоследнем классе средней школы).

В круг обязанностей Роя Уильямса входил, помимо прочего, отбор лучших юных игроков штата для летнего лагеря Дина Смита. Остановив свой выбор в первую очередь на Баззе Питерсоне и Линвуде Робинсоне, он к тому же позвонил Попу Херрингу, школьному тренеру Джордана, и договорился с ним о приезде в лагерь Майкла и его друга Лероя Смита. В лагере собралось примерно 400 старшеклассников разного возраста, с разными физическими данными и, разумеется, разными способностями. В некоторых из них баскетбольные руководители Северной Каролины были по-настоящему заинтересованы, но большинство парней не выделялось из общей массы, хотя все они, конечно, надеялись, что после тренировок в лагере сильно прибавят в игре и будут достойно выступать за сборные своих школ.

Первый день в спортлагере выдался на редкость жарким. Рой Уильямс решил, что для начала ребята, все до единого, должны попробовать свои силы в спортзале «Кармайкл», где обычно проводили домашние матчи знаменитые в прошлом команды Северной Каролины. Он подумал, что, когда мальчишки разъедутся по домам, им приятно будет рассказывать друзьям, что им довелось играть в историческом зале. Рой постарался, чтобы поиграть успели все. Он разбил юных спортсменов на группы по 30 человек, запуская эти группы поочередно. В результате на трех баскетбольных площадках зала одновременно играли 6 команд. Уильямс отбирал игроков по росту. Высокие парни состязались с высокими, низкорослые – с низкорослыми.

Уильямс, конечно, внимательно наблюдал за игрой баскетбольного вундеркинда из Уилмингтона, о котором уже был наслышан, и, улучив момент, подошел к этому худощавому парнишке и познакомился с ним. Когда группа, в которой оказался Джордан, отыграла, Уильямс отвел Майкла в сторону и предложил ему сыграть и в следующем заходе. Отыграв повторно,

Майкл вместе со всеми вышел на улицу, но тут же прошмыгнул обратно в зал в надежде попробовать свои силы в третий раз. Это невинное плутовство Уильямсу понравилось: он симпатизировал усердным, трудолюбивым ребятам, не жалеющим себя на тренировках. Но гораздо большее впечатление на него произвело другое – еще не отшлифованные, но ярко выраженные спортивные задатки Майкла и его атлетические данные. Все это выделяло его среди тех, кто приехал в лагерь. Уильямс сразу же понял, что о таком молодом игроке любой тренер может только мечтать. Когда игры в зале закончились, Рой пошел в офис своего близкого друга Эдди Фоглера, еще одного помощника Дина Смита, и сказал ему:

Я только что познакомился с одним парнем. Его рост -шесть футов четыре дюйма. Так вот – из всех баскетболистов-старшеклассников, которых я перевидал в своей жизни, он самый лучший игрок.

Кто он такой? – спросил Фоглер.

Майкл Джордан – парнишка из Уилмингтона.

Уильямс знал толк в баскетболе. Не случайно же со временем он, переехав в штат Канзас, стал одним из лучших и самых удачливых тренеров США. Вполне понятно, что он не ошибся в Джордане. Он сразу же был ошеломлен скоростью Майкла, быстротой его реакции, прыгучестью и плотной игрой в защите. Соперникам, которых он опекал, Майкл не давал спокойно вздохнуть. Помимо прочего, Джордан обладал качеством, которое тренеры называют «чутьем на мяч». Каким-то образом, где бы мяч ни находился, – отскочил ли он от щита или взмыл над головами игроков, Майкл поспевал к нему на долю секунды быстрее всех на площадке.

Так прошло первое спортивное шоу Джордана – уже не в стенах своей школы, а, можно сказать, на публике.

Баскетбол быстро сдружил Базза Питерсона, Рэнди Шеферда, Майкла Джордана и Роя Смита. Первые двое были белые парни из семей среднего класса. Жили они в Эшвилле – в горной части штата, где проходит гряда Аппалачей. Майкл и Рой, темнокожие ребята, росли в Уилмингтоне – городе на Атлантическом побережье. И всю четверку объединяли одержимость баскетболом и фанатичное стремление денно и нощно тренироваться. Шеферд и Джордан, оказавшись в одной учебной группе, играли рядом друг с другом каждый день, и Рэнди ежедневно докладывал своему старому товарищу Баззу, как прошла тренировка. И не было ни дня, чтобы он не рассказывал взахлеб о Джордане, причем все восторженней и восторженней.

«Послушай, этот парень Майкл из соседней комнаты очень

неплохо играет. Видел бы ты его прыжок!» – таковы были слова Шеферда после первого дня занятий. На следующий день он сказал уже так: «Да, он классный игрок!» На третий день Рэнди выдал следующее: «Базз, ты не представляешь, что это такое – играть с ним в одной команде. Бросаешь мяч высоко над кольцом, он первым ловит его в воздухе и кладет сверху в корзину – словно сухарь в чай макает. По краям он не очень любит играть, но в центре – он настоящий киллер. Фантастически быстр. Фантастически высоко прыгает».

А вот цитата из восторгов четвертого дня: «Базз, ни ты, ни я ничего подобного не видели. Думаю, этот парень будет играть в НБА».

Шеферд видел, что Майкл еще худосочен для настоящего атлета, но не восхищаться его игрой он не мог. Особенно его завораживали моменты, когда Джордан, получив мяч, мчался под кольцо соперников, а затем, мгновенно развернувшись на 180 градусов, забрасывал мяч в корзину. Мало кому из старшеклассников стабильно удавался такой маневр.

Свои шансы Рэнди Шеферд оценивал достаточно трезво. Он понимал, что природа не одарила его особыми спортивными способностями. А раз он не талант, надо быть трудягой, вкалывать изо дня в день, отрабатывая каждый игровой прием и совершенствуя свою физическую форму. Уже к середине первой недели в лагере рациональный Рэнди задумался о своем баскетбольном будущем. Когда он ехал сюда, он с грустью думал, что стипендия в университете Северной Каролины в Чепел-Хилл ему, в отличие от его друга Базза, вряд ли светит и ему придется довольствоваться менее престижным учебным заведением. Но теперь, когда у него появился такой великолепный партнер, как Майкл Джордан, он и сам невольно подтягивается. Так что шансы его повышаются. В конце первой недели лагерных сборов кто-то из тренеров сказал, будто бы Шеферд собирается посещать университет в Чепел-Хилл, хотя в студенческой баскетбольной команде его, скорее всего, ждет роль статиста. Но Рэнди избрал более простой вариант – предпочел играть в своем родном Эшвилле, где тоже есть университет. Однако в любом случае игра в одной команде с Джорданом повысила его авторитет.

Как все чудесно, думал Шеферд. Вот они, четыре парня из Каролины, двое белых и двое черных, живут рядом, и все легко сошлись друг с другом. Все свободное время проводят вместе. Но вскоре настроение Рэнди начало омрачаться. В школе они с Баззом были самыми близкими друзьями. Каждый вечер играли на заднем дворе у дома Питерсонов или проникали тайком в школьный спортзал, когда он был уже закрыт. А вот сейчас между

ними появилось некое отчуждение, причем именно из-за баскетбола. Такое же отчуждение возникло между Роем и Майклом. Рэнди был парнем наблюдательным и обладал хорошей интуицией. Он видел, что Уильямс и другие тренеры с восхищением наблюдают за игрой Майкла Джордана и Базза Питерсона. Официально об этом еще никто не заявлял, но было уже ясно, что Рэнди Шеферд и Лерой Смит будут в дальнейшем играть за какой-нибудь захудалый колледж, а вот у двух их друзей перспективы поинтересней. За ними скоро будут охотиться, и они станут играть в престижных университетских командах Северной Каролины или уедут в другой штат, например в Кентукки. Но в любом случае Майкл и Базз вырастут в звезд, а со временем, возможно, перейдут в профессионалы.

Вся четверка отлично понимала ситуацию, и отношения внутри группы стали меняться. Теперь уже закадычными друзьями становились Джордан и Питерсон. Оно и понятно: их объединял уровень игры. «Рой и я были пониже рангом и прекрасно это понимали, – вспоминал несколько лет спустя Шеферд, – а Майк и Базз пошли в гору. Будущее, конечно, было за ними. Они видели, что их судьбы складываются примерно одинаково, и это сближало их».

Да, бывшие друзья постепенно отдалялись друг от друга. Это, конечно, происходило не так, как в тех случаях, когда один из двух школьных товарищей поступает в колледж, а другой остается на всю жизнь в своем Богом забытом городишке и трудится в автомастерской. Но определенную параллель провести здесь все же можно.

Базза Питерсона покоряла кипучая энергия его нового друга. Майкл, казалось, излучал радость жизни. Баскетбол доставлял ему огромное удовольствие, а его уверенность в своих силах была совершенно естественной. Он уже поговаривал о том, что когда-нибудь начнет играть в суперклубах, но высказывался с такой детской непосредственностью, что его мечтания отнюдь не воспринимались как бахвальство. Позднее, когда Питерсон сам стал баскетбольным тренером колледжа, он лучше осознал, что происходило с Джорданом в юные годы, когда его талант буйно расцветал. Больше всего на свете Майкл любил баскетбол, и вот, после нескольких лет страданий из-за своего недостаточно высокого роста, он вдруг вымахал под 6 футов 4 дюйма и понял, что его ожидает большое будущее. Он долго горевал, но чудо все-таки свершилось. Теперь, при таланте, данном ему от Бога, его уже ничто не могло остановить.

«Он знал, что с каждым годом будет играть все лучше и лучше, и это доставляло ему огромную радость», – говорил Базз.

В спортлагере Дина Смита тренировочный процесс шел по строгой схеме. Все подчинялось постижению азов баскетбола, и у Джордана не было особой возможности демонстрировать свое превосходство. Конечно, его коронные прорывы к кольцу ему не возбранялись, но и не слишком поощрялись. Впрочем, иногда ему удавалось поиграть всласть. Однажды, возвращаясь с тренировки, Базз Питерсон увидел импровизированный матч на открытой площадке. В лагерь случайно забрели несколько бывших университетских игроков: Майк О'Корен, Эл Вуд и Дадли Брэдли. Они предложили Джордану и еще нескольким парням поиграть вместе, разбившись на две команды. Матч получился упорным и проходил в настоящей, жесткой борьбе. В одном из игровых эпизодов Майк О'Корен так сильно толкнул в грудь Роя Смита, что тому почудилось, будто у него треснули ребра. Поскольку никакие фолы не фиксировались, то в единоборствах никто правил не соблюдал (на тренировках, конечно, такого быть не могло), но Майкла Джордана бескомпромиссная борьба, похоже, только радовала. Глядя на него, Питерсон понял, что Шефферд, рассказывая ему о чудесах, которые вытворял на площадке Майкл, ничего не преувеличивал. Скорее даже кое-что упустил. Более всего поразила Базза в игре его нового друга та легкость, с которой он выполнял сложнейшие приемы. Казалось, он совсем не затрачивает сил. Ощутив огромный игровой потенциал Майкла, Базз на фоне его мастерства осознал одновременно некоторые свои изъяны и понял, что ему их не преодолеть никогда, сколько бы он ни тренировался.

Лучшие из баскетболистов, учеников предпоследних классов средних школ, стали уже получать письменные приглашения из колледжей, проявивших к ним интерес, а также из спортлагерей повыше рангом – тех, где собирались только звезды школьного баскетбола, представавшие перед строгими очами лучших тренеров студенческих команд. Получил такое приглашение и Базз Питерсон. Ему предложили поездку в «звездный» лагерь «БК», названный так по имени его владельца Билла Кронауэра. Он находился в Милледжвилле, штат Джорджия. Майкл, успевший отыграть за студенческую команду всего один год, поначалу широкого внимания не привлекал. Во всяком случае, ни в один другой лагерь его не пригласили. Чтобы поехать в лагерь того же Кронауэра, необходимо было обзавестись рекомендательными письмами трех тренеров колледжей, заинтересовавшихся своим будущим игроком, а у Джордана таких писем не было. Он с пристрастием расспрашивал Питерсона, как тому удалось заполучить путевку в лагерь Кронауэра. Спустя годы Базз понял, что Майкл, всегда стремившийся к победам, был уязвлен: как это

так – ты едешь, а я – нет?! Да, в жилах Майкла течет горячая кровь азартного игрока.

Кстати, через несколько лет, подписывая контракт с «Найк» по поводу рекламы кроссовок, Джордан впервые встретился с Сонни Ваккаро, главным в этой корпорации разведчиком баскетбольных талантов, и тут же не преминул поддеть его: как, мол, посмел Ваккаро, возглавлявший в свое время общенациональный баскетбольный лагерь для старшеклассников, не пригласить его, уже тогда подававшего такие надежды?

Как только Рой Уильямс, самый молодой из тренеров в лагере Дина Смита, рассказал коллегам о Майкле, они сразу же решили посмотреть его в игре и пришли к аналогичным выводам. Вскоре стало ясно, что в лагере всего три по-настоящему перспективных игрока – Базз Питерсон, Линвуд Робинсон и Майкл Джордан. Причем из этих троих самым сильным игроком был Майкл. Даже сам Дин Смит, человек сдержанный, не любивший обольщаться и почти никого близко к себе не подпускавший, пару раз пообедал с Майклом.

«Уже к концу первой недели работы лагеря, – вспоминал Рой Уильямс, – мы все, словно сговорившись, решили, что, если бы нам позволили взять в команду университета всего одного новобранца из всех американских парней, играющих в баскетбол, мы бы выбрали Майкла Джордана. Разумеется, мы скрывали свои тайные мысли, хотя смысла в этом и не было. Слухи о будущей звезде распространялись быстро. Мы знали, конечно, что Майк пойдет в гору и добьется серьезных успехов. Но насколько серьезных, честно говоря, не представляли».

Слухи о Джордане действительно распространялись быстро – и не только в мире студенческого спорта. О нем прослышали и в кругах профессионального баскетбола. Дело в том, что бывшие баскетболисты из университетов штата Каролина постоянно поддерживали связь между собой – как члены одного братства. Один из них, Дуг Мо, занимавший в 1980 г. должность помощника тренера клуба «Золотые Самородки Денвера» («Denver Naggets»), заехал тем летом в Чепел-Хилл. И вот однажды он позвонил в Денвер своему боссу Донни Уолшу, который, как и он, был членом этого закрытого братства.

– Как тебе понравился Уорси? – тут же спросил Уолш. Джеймс Уорси, только что окончивший первый курс университета в Чепел-Хилл, уже ходил в суперзвездах. Он обладал высочайшей скоростью и необыкновенной ловкостью.

– Забудь об Уорси, – ответил Мо. – Есть тут другой парень, из которого вырастет великий, – не шучу, великий игрок.

Кто же такой?

Джордан. Майкл Джордан. По сути еще мальчишка.

Что – так хорош?

Донни, я не говорю «хороший игрок». Я говорю «великий игрок». Уровня Джерри Уэста и Оскара Робертсона, – закончил разговор Дуг Мо.

Его слова произвели на Уолша впечатление: Мо был чрезвычайно требовательным тренером и мало о ком высоко отзывался.

Так вот и пошла слава о Майкле Джордане, пока что в сравнительно узких кругах специалистов из Северной Каролины. Но тут поспешил внести свою лепту Рой Уильямс. Тем же летом 1980 г. он «пробил» Джордану поездку под Питсбург в тренировочный лагерь Говарда Гарфинкеля, называвшийся «Пять звезд» (имеется в виду не класс отеля, а «звездность» всей пятерки, играющей на баскетбольной площадке). Туда приезжали действительно самые перспективные юные игроки Соединенных Штатов, но дело не только в этом. В отличие от многих подобных тренировочных баз, лагерь «Пять звезд» менее всего походил на рынок, где шла бойкая торговля спортивным «пушечным мясом». По мнению Уильямса, тренировочный процесс там был поставлен на высшем уровне, к работе привлекались лучшие тренеры колледжей и средних школ США. Уильямс, позвонив Гарфинкелю, рассказал ему о Майкле и поинтересовался, не найдется ли для него вакансии. Более того, попросил, чтобы Джордан играл вместе с лучшими юными баскетболистами.

Как считал Уильямс, он принял правильное решение. В конце концов, в каком-нибудь из лагерей селекционеры рано или поздно отыщут Джордана. Игрок такого уровня долго в тени не останется. Кроме того, он, Уильямс, окажет услугу тренерам Северной Каролины: они будут знать, что их воспитанник попал в хорошие руки и отточит свое мастерство. А добро всегда воздается. Уильямс поговорил о Джордане и с Томми Кончальски, приятелем и партнером Гарфинкеля. И Гарфинкель, и Кончальски были польщены просьбой Уильямса. Они рассуждали так: молодцы, эти скромники из Северной Каролины. Хотя и оценили талант парня, но не взяли на себя смелость сделать окончательные выводы. Еще бы – в лагере Дина Смита у этого Джордана и конкурентов небось нет. Немудрено, что посылают его к нам, в «Пять звезд». Здесь, слава богу, собирается весь цвет американского юношеского баскетбола. Короче говоря, польщенный Гарфинкель с готовностью согласился на просьбу Уильямса.

Дин Смит отнесся к затее Уильямса скептически, даже с раздражением: нехорошо действовать через голову своего босса.

«Не пойму, зачем ты это сделал», – сказал он самому младшему из своих помощников. Тот задумался: может, он действительно зашел слишком далеко? Смит, ясное дело, не видел ничего хорошего в том, чтобы выставлять на всеобщее обозрение молодого парня, которого он хотел приберечь для себя.

В «Пяти звездах» было принято сводить имена самых лучших игроков в один общий список, а затем тренеры, приехавшие из разных колледжей, усиливали свои команды баскетболистами, перечисленными в этом списке. Потом все команды играли между собой по круговой системе.

Брендон Мэлоун, работавший тогда помощником старшего тренера в городе Сиракьюсе, штат Нью-Йорк, а позже занимавший аналогичный пост сначала в «Детройт Пистоле», а потом в «Нью-Йорк Никс» (он успел к тому же побыть недолго старшим тренером в канадском клубе «Торонто Рэпторс»), тоже хотел усилить свою команду. Но с его женой произошел несчастный случай – ничего серьезного, однако она приболела, и Мэлоуну пришлось ненадолго отлучиться из лагеря. Он попросил Кончальски действовать от его имени и дал ему соответствующие указания. Мэлоун уже остановил свой выбор на двух игроках – высокорослом Грэге Дрейлинге и широко разрекламированном Обри Шерроде из Уичито, штат Канзас, атакующем защитнике с хорошим дальним броском. Не дадут обоих – пусть Кончальски берет Шеррода. До этого Мэлоун не раз прокалывался: брал, казалось бы, многообещающего новичка, а тот оказывался котом в мешке. Поэтому он и сейчас волновался. Мэлоун вернулся в «Пять звезд» на другой день после того, как все таланты были разобраны, и первым делом поинтересовался, заполучил ли Кончальски хотя бы Шеррода.

«Нет, – ответил тот, – но я припас для тебя парнишку из Северной Каролины – Майка Джордана «. Мэлоун пришел в бешенство: «Кто такой этот Майк Джордан, черт бы его побрал и тебя вместе с ним?» «Брендон, – спокойно ответил Кончальски, – не думаю, что ты будешь разочарован. Скажу больше – ты будешь на седьмом небе от счастья».

Отправляясь в «Пять звезд», Майкл Джордан, конечно, волновался. Они прилетели в Питсбург вместе с Лероем Смитом, оба возбужденные и испуганные. Одно дело – лагерь Дина Смита в Чепел-Хилл, где они находились среди ребят, из которых мало кто успел стать звездой даже местной величины. К тому же у их школьного тренера были там кое-какие связи. Другое дело – оказаться там, где соберутся лучшие юные игроки со всех концов Америки. О некоторых из них уже писали в спортивной прессе. Майкл и Лерой прослышали даже, что в лагерь приедут

семнадцать парней, составивших символическую сборную американских школ. Говорили, что кое-кто из этих ребят уже получил по 50-60, а то и по сотне писем-приглашений от различных колледжей и эти счастливчики хранят заветные послания в коробках из-под обуви.

Что же касается Джордана и Смита, то у них подобных писем скопилось очень мало, да и те пришли из окрестных колледжей.

И вот наступил кульминационный момент в их еще коротких биографиях: или они пойдут в гору, их пригласят в известные колледжи, и все их мечты осуществятся, или же – наоборот – им даже стипендий не предоставят.

Отец Лероя Смита работал сварщиком в ремонтных доках военно-морского флота США, мать была швеей. Спортивные успехи сына сняли бы с них часть материальных забот, им не пришлось бы оплачивать его обучение в колледже. Помимо прочего, и Лерой и Майкл были патриотами своего родного Уилмингтона и хотели достойно представлять свою малую родину, чтобы не выглядеть деревенскими увальнями.

Лагерь «Пять звезд», по-своему консервативный, тщательно соблюдал баскетбольные традиции прошлых лет. Сюда приезжали не только юные честолюбивые игроки, мечтавшие попасть благодаря своим спортивным успехам в престижные университеты и колледжи, а со временем перейти в профессионалы, здесь собиралось также множество молодых тренеров, у которых тоже были свои планы – стать наставниками известных студенческих команд, а в дальнейшем и профессиональных клубов. Сам же Гарфинкель чем-то напоминал завзятого лошадника, добывающего и продающего сведения о фаворитах предстоящих скачек. Только в его случае речь шла не о лошадях, а о тинейджерах, играющих в баскетбол. И в своем деле Гарфинкель весьма преуспел. Многие баскетбольные таланты были открыты именно им и именно в его лагере.

Позднее Гарфинкель вспоминал, что первая неделя лагерных сборов ознаменовалась открытием еще одной звезды. Когда Кончальски предпочел Шерроду никому не известного Майкла Джордана, Гарфинкель решил посмотреть, как же играет этот паренек из Северной Каролины. Он говорил, что ему, чтобы распознать истинные способности игрока, нужно увидеть три момента, когда тот владеет мячом. Но на сей раз ему хватило одного момента. Джордан, игравший на месте защитника, ловко выкрал мяч у форварда соперников и устремился к их кольцу. Он не собирался забивать мяч в корзину сверху: в «Пяти звездах» это не разрешалось. Но стартовая скорость у него была такая, какую Гарфинкелю еще не доводилось видеть. У кольца Майкл слегка

притормозил и ловким движением кисти отправил мяч в корзину.

Поскольку лагерь «Пять звезд» был учебно-тренировочным, то к забиванию мяча в корзину сверху здесь относились скептически. Во-первых, тренеры побаивались, что еще не окрепшие мальчишки могут получить травмы, а во-вторых (и это как раз главное), высокорослые новички стали бы злоупотреблять своим естественным преимуществом под кольцом и невольно пришли бы к мысли, что этого приема для их арсенала вполне достаточно. Но в целом тренировочный процесс был здесь более либеральным, чем у Дина Смита, и Джордан мог смелее демонстрировать свои отменные физические данные.

На всякий случай Гарфинкель посмотрел еще несколько игровых моментов с участием Майкла и удивился: такого взрывного игрока он еще не видел. Джордан был быстрее всех на площадке, его прыжки скорее напоминали парение в воздухе, и – самое неожиданное – он прекрасно контролировал свои действия. Как считал Гарфинкель, большинство физически одаренных молодых баскетболистов не умеют себя контролировать и экономно расходовать силы. Они наивно полагают, что атлетизм – самый главный козырь. А этот парень играл очень умно, грамотно, даже изысканно, что как-то не вязалось с его юным возрастом и очевидным отсутствием хорошей школы.

Джордан еще находился на площадке, а Гарфинкель уже спешил к телефону позвонить своему другу Дэйву Крайдеру, занятому в той же сфере баскетбольного бизнеса. Крайдер разыскивал баскетбольные таланты во всех средних школах Америки и составлял списки потенциальных звезд для журнала «Стрит энд Смит» – своего рода библия (или настольной книги) тренеров колледжей.

Гарфинкель пользовался репутацией классного специалиста, умевшего распознавать в подростках баскетбольный талант раньше, чем кто-либо другой. Вот и сейчас он торопился рассказать коллеге о своем открытии. Разговаривая по телефону, он продолжал наблюдать за ходом матча. Девять парней, игравших на площадке вместе с Джорданом, были очень талантливые ребята. У них и баскетбольный стаж был побольше, чем у Майкла, а некоторых из них уже заранее пригласили в престижные колледжи. И тем не менее на площадке Майкл полностью доминировал. За то короткое время, что следил за его игрой Гарфинкель, Джордан сделал три удачных блок-шота и два раза чисто отобрал мяч у соперников.

«Дэйв, я тут наблюдаю нечто невероятное, – закричал в трубку Гарфинкель. – Ко мне приехал потрясающий молодой игрок – некто Майкл Джордан. В твоих списках его нет?»

Крайдер пошел свериться со своими записями и, вернувшись к аппарату, сообщил Гарфинкелю, что об этом парне он ничего не слышал.

«Послушай, – продолжал Гарфинкель, – я бы смело его поставил в десятку лучших школьных баскетболистов Штатов. Ты должен срочно включить его имя в одну из твоих символических сборных страны. Если не сделаешь этого, очень скоро выставишь себя на всеобщее посмешище». Спустя некоторое время Крайдер, отзвонив Гарфинкелю, сообщил, что для ближайшего выпуска журнала делать какие-либо исправления в списках уже поздно, хотя он и попробует поговорить со своим редактором. Про себя же Гарфинкель бормотал ругательства, решив, что его агент в Северной Каролине намеренно не включил Джордана в список 20 лучших баскетболистов местных школ, чтобы Майкл не улизнул в другой штат. Через несколько часов Крайдер снова позвонил Гарфинкелю и окончательно сказал, что, к сожалению, исправить уже ничего нельзя.

«Скажи своему боссу, что, если исправление в гранках обойдется даже в 100 долларов, оно стоит того. Парнишка скоро станет суперзвездой, а ты будешь выглядеть олухом», – возмущался Гарфинкель. Но, действительно, было уже поздно. Все же Гарфинкель рассказал Майклу о своих переговорах с Крайдером.

Майкла взяли в этот лагерь на две недели. Первая неделя прошла как в волшебной сказке. Джордана объявили самым ценным игроком. Он начал делать себе имя. Брендон Мэлоун просто влюбился в него, причем он ценил Майкла не столько за талант, сколько за ту легкость, с которой он усваивал тренерские подсказки и наставления. Хорошо бы переманить этого парня в Сиракьюс, думал Мэлоун, но особых надежд на этот счет не питал. Куда бы ни шел Майкл, за ним, как тень, следовал либо Рой Уильямс, либо другой тренер из Северной Каролины.

Неделей позже Джордана в лагерь приехал и Базз Питерсон. К тому времени в «Пяти звездах» только и говорили что о Майкле. Друзья обрадовались встрече. Все у них складывалось удачно. Накануне их последнего учебного года они уже закрепились в элите школьного баскетбола. Питерсон успел поиграть в лагере «БК» и зарекомендовал там себя с самой лучшей стороны. Особенно удачным был у него день, когда в одном матче он ухитрился совершить 12 точных бросков из 15. После той игры к Баззу подошел Эдди Фоглер и сказал ему, что студенческая сборная Северной Каролины крайне в нем заинтересована. «За тобой многие будут охотиться, – втолковывал он парню, – но запомни: ты очень нужен нам. И для тебя наш штат – самое

лучшее место в Америке». Теперь Базз мог не волноваться за свое будущее.

За ту неделю, что Питерсон и Джордан провели вместе в «Пяти звездах», они еще больше сдружились. Часто играли друг с другом один на один, даже устроили мини-чемпионат. В завершающем матче победил Джордан.

Майкл предложил Баззу поступить вместе в университет Северной Каролины и поселиться в одной комнате студенческого общежития. «Играя рядом друг с другом, мы выиграли бы чемпионат страны», – сказал Майкл. И Базз, охваченный наивным юношеским энтузиазмом, тут же с ним согласился. Да, они вместе поступят в университет. Будут жить в одной комнате и непременно выиграют национальный чемпионат студенческих команд. Друзья обменялись телефонами и договорились постоянно держать связь.

Когда начался предварительный набор в студенческие команды, у друзей был довольно широкий выбор. Но так уж сложилось, что, образно говоря, по внутренней дорожке в данном случае бежал клуб «Каролина», представлявший университет Северной Каролины в Чепел-Хилл. Майкл, когда был моложе, подумывал об университете штата Северная Каролина, находящемся в городе Рэли. Он хотел последовать примеру поступившего туда Дэвида Томпсона, очень одаренного парня, великолепно игравшего под кольцом. Но после того как Джордан попал в лагерь Дина Смита и тот проявил к нему такой интерес, ему ничего не оставалось делать, как связать свое ближайшее будущее с «Каролиной». Кстати, спустя годы, когда Майкл уже успел познакомиться со многими сильными мира сего, включая президента Джорджа Буша-старшего, его спросили, нервничал ли он перед встречей с первым лицом государства. «Нет, – ответил Майкл, – в своей жизни я нервничал перед встречей лишь с одним человеком – Дином Смитом».

Конечно, у Джордана были и другие варианты. Им заинтересовались селекционеры из штата Вирджиния, в студенческой команде которого играл Ральф Сэмпсон, высоченный парень, мастер точных и остроумных передач. Тут был один небольшой соблазн: баскетболисты этого штата играли в кроссовках от «Адидас», которые нравились Майклу гораздо больше, чем кроссовки от «Конверс» – непременная деталь формы игроков «Каролины».

Пытались переманить Майкла и ближайшие соседи из Южной Каролины. Его даже свозили туда на встречу с губернатором штата. А это был верный знак того, что местные власти, не колеблясь, возьмут на себя расходы на его высшее образование.

Одно время Дин Смит забеспокоился насчет возможного переезда Майкла в Дарем, где находится еще один северокаролинский университет – Дюка. Дело в том, что мать Майкла Делорис Джордан вроде бы хотела, чтобы ее сын играл там в одной команде с Джином Бэнксом, которого она, очевидно, считала образцом для подражания.

Но Дин Смит наглядно продемонстрировал свою железную хватку и будущую звезду из своих рук не выпустил. Да и вообще мало кому удавалось расстаться с ним по своей воле.

Однажды Джордану позвонил Брендом Мэлоун и спросил его, не хочет ли он наведаться в Сиракьюс.

«Я очень хотел играть под вашим руководством, – ответил Джордан, – но я, прошу прощения, сделал другой выбор».

«Догадываюсь какой, – сказал Мэлоун. – Но в любом случае, Майкл, искренне желаю тебе удачи».

В итоге Майкл поехал в Чепел-Хилл на предварительную встречу с руководством «Каролины», а Лерой Смит избрал другой вариант – отправился в город Шарлотт, где находится еще один университет Северной Каролины, и впоследствии вполне там преуспевал.

Майкл уже бывал в Чепел-Хилл – ездил туда от своей школы в рамках образовательной программы по изучению гражданских прав в США. В университете Чепел-Хилл уже учился его близкий товарищ по школе Адольф Шиверс. Туда же собиралась поступать в дальнейшем сестра Майкла Рослин.

Семья Джорданов высоко ценила Дина Смита, а Роя Уильямса родители Майкла просто обожали. Ведь по сути дела именно он первым увидел Майкла в игре и тут же предугадал его дальнейшую судьбу. Именно он первым в лагере Дина Смита заговорил с Майклом, а в дальнейшем постоянно поддерживал связь с его родителями.

Между тем Уильямс занимал тогда самую низкую должность в тренерском штабе «Каролины». Он делал всю черновую работу и получал за нее ничтожные деньги. Его первый годовой оклад был 2700 долларов. В 1980 г., когда в лагере впервые появился Майкл, – 5000 долларов. Майкл долго оставался верен «Каролине», поскольку его трогала бесконечная преданность своему делу таких людей, как Рой Уильямс. Получая жалкие оклады, они работали день и ночь, не жалея себя. Их самопожертвование помогло Майклу и его близким друзьям стать классными баскетболистами, и Джордан никогда этого не забывал, чувствуя себя в неоплатном долгу перед своими учителями.

То же чувство благодарности испытывал и его отец. Общение с Уильямсом доставляло Джеймсу Джордану большую радость. А

его жена признавалась тренеру: «Мой муж действительно любит вас. Он ценит, что вы так трудитесь за такие небольшие деньги. Собственно говоря, он и сам живет по вашим принципам».

Как-то раз, когда Майкл учился в выпускном классе средней школы, Уильямс в разговоре с Джорданом-старшим обронил, что на досуге он любит колоть дрова. Во-первых, хорошая разминка, а во-вторых, практическая польза. Поскольку счета за отопление подрывают его и без того скромный бюджет, он хочет раздобыть где-нибудь обычную деревенскую печку, которая топится дровами. Джеймс Джордан поинтересовался, каких размеров она должна быть, и обещал помочь. Через несколько недель он подкатил к дому Уильямса с печью, которую соорудил сам. Трудился он над ней с большой охотой. Он любил работать руками, многое по дому делал сам и, кстати, изготовлял печи для своих друзей. Эта, как он сообщил Уильямсу, была уже тринадцатая по счету.

Рой пытался заплатить ему за труды, но Джордан-старший возмутился. «Уважаемый тренер, – сказал он, – я действительно устал. Колдовал над ней, потом привез ее сюда, затащил в дом. Если мне придется вытащить ее обратно и тащить ее всю дорогу до Уилмингтона, я по-настоящему рассержусь». Хотя Ассоциация спорта Северной Каролины категорически запрещает игрокам принимать подарки от тренеров, в ее уставе ничего не говорится о помощниках тренеров, принимающих в дар от родителей игроков печи-самоделки. Так что эта печь благополучно прижилась в доме Уильямса, став еще одним штрихом, пусть и небольшим, связавшим Майкла Джордана с Чепел-Хилл. Когда Уильямс немного поднялся по иерархической лестнице «Каролины» и переехал в дом получше, Джеймс Джордан подарил ему на новоселье уже другую печь, более сложной конструкции.

Прошло время, и Уильямс стал перебираться на работу в Канзас. Он выставил свой новый дом на продажу. Покупатель спросил его, что за печь там стоит. Фирма, похоже, «Фишер»? «Нет, – ответил Уильямс, – «Джордан».

Примерно в середине последнего учебного года Майкла в средней школе возникла – правда, на короткое время – неприятная ситуация, связанная с Баззом Питерсоном. За ним стали охотиться тренеры и скауты из Кентукки – штата, который смело можно назвать великой баскетбольной державой. На какой-то момент Базз дрогнул: очень уж ему хотелось поиграть в городе Лексингтоне. Кентуккские футбольные клубы были намного слабее каролинских, а вот баскетбол там поистине царствовал. На баскетбольных звезд в этом штате смотрели, как на богов. Немудрено, что шанс покрасоваться в университетском

студгородке казался честолюбивому тинейджеру подарком судьбы. Решившись, он одним воскресным днем позвонил в Кентукки и сообщил, что едет.

На следующий день у него зазвонил телефон – это был его школьный тренер Родни Джонсон, узнавший о планах Базза от Рэнди Шеферда. «Это правда – насчет Кентукки?» – спросил он. Базз ответил утвердительно. Тогда «Каролина» пошла в атаку. Щупальца у нее были длинные и цепкие. Родни Джонсон, всегда хранивший верность клубу, был старым другом Роя Уильямса. В юности они часто играли вместе – то в одной команде, то в соперничающих. Впоследствии Джонсон часто работал в лагере Дина Смита. Разумеется, он не хотел, чтобы его лучший воспитанник Базз Питерсон завербовался в стан могущественных соперников. В тот же день Джонсон провел с Баззом два с половиной часа, обрисовав ему в мягкой (и не очень мягкой) форме преимущества Чепел-Хилл. А вечером Питерсону позвонил Майкл Джордан. Базз был уверен, что его подослали тренеры «Каролины».

«Слышал, ты собрался в Кентукки. Так?» – спросил Майкл. Базз не стал запираться и добавил, что тренировочная программа, разработанная в Лексингтоне, ему больше по душе.

«Вот как, – протянул Джордан, – а я-то думал, мы вместе поступим в колледж, вместе будем жить в общежитии и вместе станем чемпионами». Питерсон уловил в голосе друга разочарование. Даже не разочарование, а горечь.

На следующий день в доме Питерсонов появился Дин Смит собственной персоной – в бой вступила тяжелая артиллерия. Авторитет Смита в Северной Каролине был столь высок, что его приезд означал больше, чем визит губернатора или сенатора. Если уж он проделал путь через весь штат, чтобы сообщить какому-то школьнику, как остро он в нем нуждается, то что тому остается в таком случае делать?

К концу недели Базз отбросил всякие мысли о Кентукки. Надо сказать, что последний год, проведенный в стенах средней школы, сложился для Питерсона очень удачно. Его удостоили титула «Мистер Баскетбол Северной Каролины» и наградили к тому же специальной премией, учрежденной компанией «Герц» и вручаемой лучшим спортсменам штата. Когда же он наконец объявил, в какой колледж он собирается поступать, эта новость сразу же стала центральной темой местных СМИ. В доме Питерсонов толклись телевизионщики и пишущая братия. Отец Базза, Роберт, негодовал: слишком тяжелое бремя славы свалилось вдруг на мальчишку. Ни к чему ему такая нагрузка и столько ожиданий, которые, может, и не сбудутся. Фактически у

мальчика украли часть детства. Папаша то и дело покрикивал на журналистов, требуя, чтобы они отвязались от Базза. Пусть он живет обычной жизнью, как все его сверстники.

Осенью того года Майкл Джордан приехал в Чепел-Хилл на отбор будущих новобранцев студенческих команд. Вместе с ним приехали и другие лучшие юные баскетболисты – ученики выпускных классов средних школ. Разумеется, все они горели желанием произвести наилучшее впечатление на придирчивых тренеров. Собрались здесь и некоторые студенты – первокурсники и второкурсники, призванные всячески рекламировать имидж Дина Смита и его программу обучения.

Все двери в студенческом городке были специально открыты, так что школьники могли узнать, как живут студенты колледжей, в том числе и те, кто увлекается баскетболом. Джеймс Уорси, в то время уже второкурсник, ставший кандидатом в национальную студенческую сборную США, находился как раз в своей комнате, когда услышал в коридоре чей-то голос. Тон говорившего был хвастлив. Незнакомец громко произносил фразы типа «Это будет мой зал» и «Здесь я стану звездой».

«Что это за наглый тип с петушиным голосом?» – удивился Уорси и, выглянув в коридор, увидел худого – кожа да кости – тинейджера. Так-так, подумал Уорси, если этого парня примут в университет, придется научить его хорошим манерам и сбить с него спесь. У нас здесь хвастунов не любят – в «Каролине» ребята скромные.

Так состоялась первая встреча Джеймса Уорси и Майкла Джордана.

До того как Майкл начал свою спортивную карьеру в одном из колледжей Чепел-Хилл, в его жизни произошло несколько примечательных событий. Летом 1980 г. они с Баззом сыграли вместе в паре престижных матчей. Один проходил в Вашингтоне. Майкл опекал в нем Патрика Юинга, считавшегося тогда лучшим школьным баскетболистом США. Второй матч состоялся в Уичито. К тому времени уже подружились семьи Питерсонов и Джорданов. Автор упоминает об этом не случайно, но обо всем по порядку. Так вот, во втором матче Майкл и Базз, включенные в стартовую пятерку, заняли места в обороне. Питерсон, набравший в той игре 10 очков, почувствовал вдруг, как сильно прибавил в мастерстве Джордан. В одной команде с ними играл, причем очень здорово, Адриан Бранч. Вокруг него уже тогда вились рои селекционеров, а в конечном счете его завербовала студенческая Команда штата Мэриленд. Но и на фоне такой знаменитости Майкл был неподражаем. Он принес команде 30 очков, произведя 13 точных бросков из 19, и выиграл к тому же 2 подбора (30

очков, набранных в одном матче, – этот рекорд продержался 17 лет). Бранч заработал 24 очка и выиграл 8 подборов.

После игры жюри в составе трех человек: Джона Вудена, Сонни Хилла и Моргана Вутена – должно было назвать самого ценного игрока матча. Объявили таковым Бранча. Решение выглядело сомнительным, поскольку Вутен был школьным тренером Бранча. Но Вутен, оказывается, сам себя вывел из состава триумвирата, а за Бранча единодушно проголосовали остальные двое. Свое решение они объяснили тем, что он набирал очки в самые кульминационные моменты игры.

Зрители и многие игроки были удивлены: ведь на площадке доминировал именно Джордан. И вот, когда объявили решение жюри, Базз, случайно обернувшись, увидел, что с трибуны спускаются к судейскому столику его мать и Делорис Джордан. Вид у обеих был грозный. Базз подумал, что дело дойдет до скандала и Моргану Вутену не избежать расправы – может, даже физической. Затем он увидел Билла Гатриджа, помощника тренера «Каролины», который пытался преградить дорогу разъяренным дамам, что в конце концов ему удалось. Тут-то Базз и понял, от кого унаследовал Майкл горячую кровь.

Через несколько минут все еще не остывшая Делорис столкнулась в толпе с Билли Пэкером, телекомментатором Си-би-эс, и спросила его, как он оценивает решение жюри. «Я бы не придавал этому особого значения, миссис Джордан, – ответил Пэкер. – Это всего лишь матч школьников, а у Майкла впереди игры поважнее. Думаю, вашего сына ждет большое будущее».

За то несправедливое решение заплатил впоследствии Лефти Дризелл, тренер студенческой сборной штата Мэриленд. Примерно три года спустя, когда Джордан заканчивал третий курс, «Каролина» играла в гостях с «Мэрилендом». В конце упорного матча Майкл, получив блестящий пас от Сэма Перкинса, понесся к кольцу соперников и положил мяч в корзину так эффектно, как ему редко удавалось за всю его спортивную карьеру. Рою Уильямсу в эти секунды почудилось, что над кольцом взмыло все тело Майкла – от головы до пят. Вообще этот прием стал у него коронным и запечатлен на многих видеозаписях. «Никогда не видел, чтобы студент колледжа так издевался над соперниками, – вспоминал Майкл Уилбон, в то время молодой еще спортивный журналист, писавший для газеты «Вашингтон Пост». – Майкл, наверное, вышел из себя. Не знаю, что его разозлило, но все равно, такое шоу было с его стороны удар под дых». Уилбон не знал, что у Джордана старая обида на Бранча, одного из игроков «Мэриленда». Понял суть выходки Майкла, наверное, только Базз Питерсон, наблюдавший за игрой.

Он-то уж знал, что его друг никому не прощает неуважения к своей личности. Так он отплатил Бранчу (а невольно и его тренеру). Он считал, что Адриан не должен был три года назад принимать приз самого ценного игрока.

Летом 1980 г. произошло еще одно памятное событие. Джордана и Питерсона пригласили в команду, выступавшую в рамках предолимпийской программы в Сиракьюсе, штат Нью-Йорк, на национальном спортивном фестивале. Там собрались 48 юных баскетболистов. Команды формировались по регионам. Восток играл против Запада, Север – против Юга. В качестве менеджера выступал Тим Найт, сын известного тренера из Индианы Боба Найта. Тиму было всего лишь 18 лет, но, поскольку все детство он провел в спортзале со своим отцом, глаз на таланты у него был наметанный. Вернувшись домой из Сиракьюса, он как-то сказал отцу, что видел молодого человека, который скоро станет лучшим игроком страны среди студентов. Боб Найт поинтересовался, кто это такой. «Паренек по имени Майкл Джордан. Он уже подписал контракт с университетом Северной Каролины», – ответил Тим.

Через несколько дней Боб Найт позвонил Дину Смиту. Поговорив с ним о том о сем, он как бы невзначай заметил, что, по слухам, Смит скоро должен заполучить какого-то суперталантливого игрока. Как позже вспоминал Найт, Смит сделал вид, что не понял, о ком речь, и начал что-то говорить о Баззе Питерсоне, который, кстати сказать, был тогда известней Майкла Джордана. Найт быстро среагировал: «Нет, этого парнишку зовут Майкл Джордан». И почувствовал, что его собеседник на другом конце провода затаился. «А почему вы спрашиваете о Джордане?» – поинтересовался Смит. «Мой сын Тим видел, как он играл в Сиракьюсе, и говорит, что он станет лучшим во всем нашем студенческом баскетболе».

«Ну что ж, надеюсь, – ответил Смит, уже тогда старавшийся утихомирить шумиху вокруг Джордана и отвлечь от него внимание прессы. – Знаете ли, за ним пока еще не очень гоняются. Он местный, из Уилмингтона. На фестиваль взяли его, можно сказать, случайно».

«И все же Тим думает, что у вас растет великий игрок», – закончил разговор Боб Найт.

Прошло несколько лет. Дин Смит и Боб Найт встретились на заседании комитета, рассматривавшего кандидатуры в олимпийскую сборную США Им предстояло решить судьбу двух парней, о которых никто еще почти ничего не знал. Правда, Тим Найт, учившийся тогда в Стэнфордском университете, видел их обоих в игре. Отец, заглянув в блокнот сына, узнал, что тот занес

их в разряд весьма средних игроков, и сообщил об этом Смиту.

«Ну что же, – выслушав его мнение, сказал Дин Смит, – не знаю, хорошо ли вы знакомы с Тимом Найтом, но, по-моему, если он сказал, что играть они не умеют, значит, так оно и есть».

Глава 6. Чепел-Хилл, 1981 г.

В 1981 г., когда свежеиспеченный первокурсник Майкл Джордан появился в университетском студгородке, Дин Смит пребывал в зените своей славы. Его тренерская программа считалась лучшей в стране и служила образцовым учебным пособием по баскетболу. И это еще при том, что руководимая им студенческая команда пока еще не выигрывала национальный чемпионат. Боб Райан, старейшина журналистского корпуса, освещавшего события в НБА, заметил однажды, что Смиту больше хлопот доставлял выбор игроков, а не их вербовка. Он имел в виду, что программа, созданная Смитом, была столь насыщенной и динамичной, что он мог позволить себе роскошь выбирать тех игроков, которые были ему нужны и соответствовали критериям его концепции баскетбола, а не просто талантливых ребят, которые могли бы и не вписаться в его программу, не выдержать ее чрезвычайно строгих требований. Такое замечание маститого журналиста польстило бы любому тренеру (впрочем, это была не столько лесть, сколько чистая правда), но Дин Смит, прочитав эти строки, пришел почему-то в ярость.

Специалистов, приезжавших в «Каролину» познакомиться с ее тренером и игроками, удивляло многое. Например, удивительно спокойная атмосфера, в которой проходили тренировки. Почти полную тишину нарушали лишь звенящие отскоки мяча и крики «Эй, новичок!», адресуемые первокурсникам, которые возвращали на площадку мяч, вышедший из игры. Порой слышался короткий свисток, означавший конец одного упражнения и начало другого. Раздавалось также тяжелое дыхание игрока, на пределе сил добиравшегося до финиша, – Смит, требовавший от своих воспитанников прекрасной физической формы, гонял их без устали. Что еще удивляло визитеров, так это продуманная до мельчайших деталей организация тренировочного процесса. График занятий вывешивался каждое утро, и все было расписано буквально но минутам. Рик Карлайл, игравший в свое время против «Каролины» за команду из Вирджинии и ставший позднее помощником тренера профессионального клуба, был приглашен в Чепел-Хилл ознакомиться с программой Смита. Многое для него стало настоящим откровением. И то, что на тренировках не пропадало даром ни одной секунды. И то, что за боковой линией площадки постоянно находился кто-то из менеджеров, сигнализирующий на пальцах, сколько минут отведено на каждое упражнение. Задумавшись, почему каролинцы столь спокойны и собранны в каждом, даже самом ответственном официальном

матче, Рик сразу же нашел ответ: в спортзале постоянно отрабатывались все игровые ситуации. Например, такая. До конца встречи остается 4 минуты, а «Каролина» проигрывает 6 очков. Что делать? Дин Смит предлагает свой вариант, как всегда беспроигрышный. Да, подумал Карлайл, «Каролину» не застанешь врасплох. У нее на все есть ответные ходы.

Никому, конечно, не разрешалось опаздывать на тренировки. Не допускалось ничего, что могло бы хоть в малейшей степени повредить команде. Когда каролинцы отправлялись на выездной матч, игроки должны были быть безупречно одеты и, естественно, ни в коем случае не опаздывать. Ребята заранее сверяли часы по «точному времени Гатриджа», в честь Билла Гатриджа, старшего помощника Дина Смита, который часто сопровождал команду в ее турне.

Когда Джордан учился на первом курсе, произошел такой характерный эпизод. Автобус, везший команду на соревнования, отправлялся в точно назначенное время. Водитель уже завел мотор, когда поблизости затормозил автомобиль, за рулем которого восседал Джеймс Уорси, звезда команды. Перед ним зажегся красный свет, и поравняться с автобусом Уорси уже не мог. Ждать его не стали, и Джеймс ехал следом, с ужасом представляя, какая выволочка его ждет.

Или другой случай. Три игрока стартовой пятерки опоздали на три минуты на предматчевый ланч: задержались в парикмахерской и все свалили, конечно, на нерасторопного парикмахера. Их тут же вывели из стартового состава, позволив, правда, поиграть в первой четверти – но, как бы в издевку, ровно три минуты.

Дин Смит предпочитал сам отвечать за все и сам всем занимался. Он не любил сюрпризов, поэтому дела в команде шли под его постоянным контролем. Он создал строгую иерархическую систему – каждый терпеливо дожидался, когда придет его очередь подняться на следующую ступеньку. Например, тренер, принимая решение, в каком отеле остановится команда или в каком ресторане она будет обедать, советовался со студентами последнего курса, а первокурсники стояли где-то у подножия иерархической лестницы, даже ниже менеджеров. Когда мяч выходил из игры, кто-нибудь кричал: «Новичок!», и за мячом бросался первокурсник, а не менеджер. Даже перерывы между тренировками проходили по строгой схеме. Сначала отдыхали три минуты, утоляя жажду, четверокурсники. Через полминуты их сменяли третьекурсники. Потом через минуту спешили на водопой второкурсники, и уже когда до окончания перерыва оставалась минута, тренер, будто спохватившись,

разрешал попить колы первокурсникам.

Вообще все подчинялось концепции командной игры и строжайшей игровой дисциплине – импровизация, бахвальство индивидуальным мастерством и прочее «вольнодумство» всячески пресекались. Люди, хорошо знавшие Дина Смита, были уверены, что он скорее согласится проиграть матч, чем предоставить игрокам полную свободу действий. Смит сознательно шел бы на такие жертвы, поскольку считал, что в многолетней марафонской гонке победит только сплоченная команда, а не созвездие ярких индивидуальностей. Он также полагал, что привычка к дисциплине и полной самоотдаче, неприятие эгоизма с годами сослужат его игрокам хорошую службу. Открытое проявление эмоций не поощрялось. Если игрок допускал технический фол, на следующей тренировке он тихо сидел на скамейке запасных, потягивая кока-колу, а его товарищи наматывали лишние сотни метров, искупая тем самым его прегрешения.

С годами некоторые университетские игроки уходили в профессиональный спорт, но старая школа сказывалась: мало кто из них допускал технические фолы.

Программа «Каролины» преследовала одновременно несколько целей. Она требовала уважения к команде и ее руководителям, уважения к самой игре и к сопернику. Питомцы Смита никогда не допускали бестактности по отношению к противникам. Однажды, когда «Каролина» играла со слабой командой технического университета Джорджии и вела в счете с перевесом в 17 очков, Джимми Блэк и Джеймс Уорси позволили себе устроить небольшое шоу. Блэк дал Уорси скрытый пас из-за спины, а тот забил мяч сверху. Разъяренный Смит тут же отправил обоих на скамейку запасных. «Никогда не делайте этого, – сказал он. – Понравилась бы вам такая показуха со стороны соперников, если бы вы проигрывали 17 очков?»

В системе, созданной Смитом, была своя этика, цементирующая команду, что в нынешнем американском спорте можно считать редкостью. А в конце 70-х гг. учебная программа этого выдающегося тренера стала лучшей в стране, потеснив аналогичную программу, разработанную в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. Команда калифорнийцев к тому времени распалась. Сменявшие друг друга тренеры быстро ее покидали. К 80-м гг. от клуба остался лишь призрак былой славы, что, естественно, только укрепило позиции «Каролины».

Программа Дина Смита, казалось, была создана для той эры в истории баскетбола, когда авторитет тренера еще не испытывал давления со стороны материальных приоритетов. Это уже потом молодые талантливые игроки, не успев поступить в колледж,

стали уходить в профессионалы, и их первый трехгодичный контракт заменял им три года учебы. Правда, к концу тренерской карьеры Смита новые веяния уже наблюдались. Лучшие из его воспитанников – Рашид Уоллес и Джерри Стэкхауз – задержались в студенческой команде ненадолго. И сделали ошибку: они ушли в профессиональный спорт менее подготовленными, чем их предшественники – Уорси, Джордан и Перкинс.

Спокойный, уравновешенный, даже замкнутый, Дин Смит был прямой противоположностью своего шумного предшественника на посту тренера «Каролины» Фрэнка Макгвайра – человека необычайно талантливого и наделенного истинно ирландским шармом. Смит, строго относившийся к себе, сознавал, что ему недостает харизмы. В отличие от многих других тренеров, он, казалось, лишен был всяких эмоций, находясь постоянно в одном и том же спокойном настроении. Коллеги за глаза подтрунивали над ним: странный тип – никакого эмоционального запала. Будь то проходной матч в начале сезона или решающая встреча в финальной серии – на лице Смита сохранялось ледяное безразличие. За это, кстати, игроки его любили. Он не трепал им нервы, а его спокойствие вселяло в них уверенность в победе.

Первые годы, проведенные в Северной Каролине, складывались для Смита нелегко. Во-первых, он был здесь чужак, приехавший из Канзаса и не имевший никаких корней в штате, где родственные и близкие связи всегда ценились. Во-вторых, будучи человеком скромным и скрытным, он чувствовал себя некомфортно в спортивной среде, где нравы не отличались особой строгостью и все поддерживали друг с другом приятельские отношения. Вместе с тем Смит был достаточно амбициозен и честолюбив. Энергия в нем кипела, хотя и оставалась невидимой.

В своей работе Смит не оставлял места случайностям и четко представлял, что хорошо и что плохо. Причем это касалось не только баскетбола, хотя баскетбол был для него своего рода религией.

Поначалу у Смита возникли трудности с набором игроков: его предшественник Макгвайр кое в чем здесь напортачил. Первые команды нового тренера особых успехов не добивались, хотя в его распоряжении были и звезды, например Билли Каннингхем, один из лучших университетских игроков того времени. Кстати, однажды он отличился тем, что, рассердившись на Смита, выскочил на ходу из клубного автобуса и сорвал портрет тренера, висевший в университете. Так вот, Билли всегда интересовался, добьется ли Смит успехов лет так через двадцать пять. В таланте тренера он не сомневался. Дело было в другом.

Стремление к победам скорым и любой ценой – могло помешать Смиту в его кропотливой работе по созданию стройной и динамичной программы, плоды которой можно будет пожинать не сегодня и не завтра, а с течением времени.

С самого начала Смит приучал игроков и своих помощников к мысли, что в команде не должно существовать такого понятия, как «звезды». К самому слабому игроку он относился точно так же, как и к самому одаренному, причем не только в спортзале, но и за его пределами. Тем выпускникам университета, чья баскетбольная карьера не сложилась, Смит с рвением помогал устроиться в жизни. Естественно, он заботился и о тех, на кого уже в их студенческие годы положили глаз менеджеры НБА.

Билли Каннингхем, входивший в студенческую сборную США, считал, что Смит гораздо более строг к нему, чем к середнячкам. Тренер постоянно отпускал в его адрес саркастические замечания: то он слишком часто бросает по кольцу, то торопится с броском, то «пропаливается» в защите. Смысл его замечаний был ясен: как бы хорошо ты ни играл, любимчиком тренера все равно не станешь. Скорее – наоборот: кому больше дано, с того и спрос больший. Отношение тренера к игрокам не зависело от того, кто сколько очков приносил команде, и студенты по достоинству оценили справедливость и порядочность Смита. И талантливые ребята, и середнячки в глубине души понимали: пусть он лучше гоняет всех их до седьмого пота, чем делает кому-то поблажки.

По мере того как программа Дина Смита осуществлялась все более успешно, он становился самой знаменитой личностью в университете Северной Каролины. По мнению его друзей, слава тяготила его. Кроме того, он считал ненормальной ситуацию, когда баскетбольный тренер становится популярней и влиятельней маститых ученых и даже самого президента университета. Его, в частности, раздражало, что новой баскетбольной арене присвоили его имя (сооружение назвали «Центр Дина Смита», а в обиходе его называли «Купол Дина»). Все же с этим фактом он смирился, решив, что университетской администрации виднее. Помимо прочего, его убедили в том, что его имя обеспечит больший приток абитуриентов.

Хорошо зная себе цену, Смит продолжал оставаться самим собой, не меняя свой скромный облик и ровное, тактичное поведение. Он не собирался строить из себя того же Лефти Дризелла, слывшего блестящим «вербовщиком». Лефти обладал бурным темпераментом, всегда излучал жизнерадостность и походил в чем-то на маклера давно ушедшей эпохи. А спокойный и сдержанный Смит скорее напоминал приходского священника,

ярого приверженца церковных и мирских добродетелей, который каким-то странным образом стал заодно столь же ярым приверженцем баскетбола.

Кстати, религия занимала в жизни Смита важное место. Многие годы он курил, но стеснялся своей привычки и курил украдкой от всех, как тинейджер, пытающийся обмануть родителей. Иногда он и выпивал, но тоже украдкой. Поскольку Смит держался с людьми формально, без фамильярности, он легче находил общий язык не со студентами, а с их родителями. Отсутствие харизмы шло ему как раз на пользу: солидный, сдержанный человек легко доказывал отцам и матерям его игроков свою правоту в решении тех или иных проблем. Тем более что его жизненные принципы и нравственные ценности в основном совпадали с принципами и ценностями старшего поколения американцев.

Но главное, конечно, заключалось не в его словах, а делах. Баскетбольная программа стала смыслом его жизни, и чем дольше занимался он ее реализацией, тем большую притягательную силу она обретала.

Деяния Смита, удачная карьера его бывших игроков, их бесконечное уважение к нему – все это говорило само за себя и позволяло ему набирать новых талантливых подопечных без особых проблем. С их родителями, как уже говорилось, проблем тоже не возникало. Особенно теплые отношения складывались у него с людьми богобоязненными, придерживающимися старых традиций, такими как родители Джеймса Уорси и Майкла Джордана, которые строго воспитывали своих детей, ценили тяжелый ежедневный труд и не слишком доверяли тренерам, сулившим их чадам легкую и короткую дорогу к успеху.

Дин Смит никогда ничего не сулил. Авторы других программ обещали абитуриентам университетов и колледжей деньги, автомобили и, главное, места в стартовых пятерках. Все эти блага якобы ждали их уже на первом курсе. Порой ученики выпускных классов средних школ, приехав на предварительную вербовку в студенческие лагеря, с удивлением разглядывали фото, на которых они, еще в школьной спортивной форме, уже красовались в составе стартовых пятерок. У Смита подход был противоположный: мы не обещаем вам, сколько минут вы будете играть в официальных матчах, но в принципе играть сможете. Мы по мере сил поможем вам стать классным баскетболистом, и, кроме того, вы получите хорошее образование. Вам понравятся и наша программа, и ваши товарищи по команде. Смысл был таков: старайся, и получишь шанс выступать за «Каролину». Не наберешься терпения – тебя отсеят. Такой подход хорошо

срабатывал. Школьный тренер Мича Капчака предупредил своего ученика, чтобы он не слишком верил обещаниям тренеров колледжей. «Если они будут сулить тебе златые горы, подумай хорошенько, не обещали ли они того же самого другим ребятам», – говорил он. И вот Капчак поехал в один колледж на предварительный просмотр и на собеседование. Вместе с ним ожидали своей очереди у двери офиса тренера еще два высокорослых парня. Мича вызвали последним. Тренер сообщил ему, что уже на первом курсе он станет центровым в стартовой пятерке. Парень, разумеется, был счастлив, но, вернувшись домой, призадумался: а что же тогда тренер пообещал тем двум?

На протяжении 60-80-х гг. цены контрактов баскетболистов неуклонно росли. Росли соответственно и выплаты авторам эффективных тренировочных программ. Однако Смит не изменил своим принципам. В то время как многие его более молодые коллеги старались в первую очередь «продать» не столько свои программы, сколько самих себя, Дин такую ошибку никогда не совершал. Если он и ценил что-то, так это свою программу и свой университет – блестящую баскетбольную программу, созданную в престижном американском университете. Ее особенность состояла, среди прочего, еще и в том, что даже те выпускники, которые не связывали свое будущее с профессиональным спортом, покидали стены университета хорошо подготовленными для дальнейшей жизни и имели широкий выбор места под солнцем.

При наборе новичков Смит не действовал единолично – он часто прибегал к помощи студентов, чьи спортивные успехи доказывали преимущества его программы. Игроки из средних школ уже знали имена этих парней и надеялись пойти по их стопам. Старшие как бы говорили младшим: «Наш клуб – особый. Мы все – друзья. Приходите к нам, и вы станете членами необычного братства. Вам оно придется по душе, и мы вас полюбим».

Такая традиция была неизменной. В Чепел-Хилл прошлое не только продолжало жить и обогащаться – оно также открывало дверь в будущее. Ощущение славного прошлого, незримое присутствие прославленных команд и великих игроков, начинавших карьеру в Чепел-Хилл и ставших впоследствии звездами профессионального баскетбола, создавали атмосферу мистического чуда. Мечта превращалась в реальность.

В «Каролине» новобранцами занимались не только тренеры и студенты, но и выпускники университета, успешно начавшие карьеру в профессиональном баскетболе. Свою миссию они часто выполняли просто по телефону, рассказывая школьникам, что и

как происходит в Чепел-Хилл. Нетрудно представить, с каким восторгом делились с друзьями старшеклассники о своих впечатлениях после этих разговоров. Еще бы – никому не известному молокососу позвонил сам Джеймс Уорси или Майкл Джордан и агитировал его непременно ехать в Чепел-Хилл. Но дело было даже не столько в уговорах, сколько в товарищеской атмосфере, сложившейся в студенческих командах. В своих дружеских беседах студенты-игроки часто вспоминали неофициальные импровизированные матчи в летнем спортлагере, где вместе с ними резвились знаменитые выпускники университета Фил Форд, Уолтер Дэвис, Мич Капчак, Майк О'Корен, а позже Джеймс Уорси, Сэм Перкинс и конечно же Майкл Джордан. Да, это было нечто!

Порядки, заведенные в университете Северной Каролины, разительно отличались от рутины, принятой в других высших учебных заведениях США, где новичков вербовали только тренеры и их помощники и предоставлять инициативу студентам-игрокам побаивались. В большинстве университетов и колледжей с новичками не слишком церемонились и этическим тонкостям особого внимания не уделяли. Поэтому тренеры побаивались доверять студентам вести с абитуриентами разговоры с глазу на глаз: а вдруг третьекурсник ляпнет что-нибудь? Например, такое: «Тут тебе многого наобещают, но ты уши не развешивай. Приедешь в университет – сам поймешь, что тебя взяли на понт».

Еще одна особенность. В большинстве вузов, где тренерам удалось добиться определенных успехов на ниве баскетбола или американского футбола, атмосферу преданности своему клубу создавали выпускники и студенческая масса в целом. В «Каролине» же эта атмосфера была заслугой именно игроков студенческих команд.

Ни в одном вузе США не поддерживалась так бережно связь поколений, как в университете Северной Каролины в Чепел-Хилл. Вот пример. Отыграв свой первый сезон за «Вашингтон Буллетс» («Вашингтонские пули»), Мич Капчак заехал летом в Чепел-Хилл. Здесь ему представили долговязого 15-летнего паренька. «Мич, иди сюда, – сказал Рой Уильямс. – Хочу тебя познакомить с Джеймсом Уорси. Надеемся он станет у нас настоящей звездой». В другой раз, уже через несколько лет, когда Капчак прилетел из Лос-Анджелеса в Новый Орлеан посмотреть матч «Каролины» с командой Джорджтаунского университета, в холле отеля Билл Гатридж подвел к нему худощавого юношу и, обращаясь к тому, сказал: «Майкл, хочу познакомить тебя с великим игроком нашей былой команды Мичем Капчаком». Первокурсник Майкл Джордан был, конечно, польщен таким знакомством.

. В Чепел-Хилл существовало множество писаных и неписаных правил. Программа Смита требовала от спортсменов терпения и самопожертвования. Ребятам приходилось нелегко, но мало кто из них расставался с баскетболом. Почти все игроки принимали программу тренера безоговорочно, понимая ее цель: строгие правила существуют для того, чтобы ты стал классным баскетболистом и настоящим человеком, а не для того, чтобы принести Дину Смиту славу, деньги и тренерский пост в НБА. В очередь к Смиту стояли даже старшекурсники, уже вполне сложившиеся игроки. Что уж говорить о первокурсниках? Вряд ли нашелся бы выскочка, заявивший, что программа его не устраивает. Ведь за нее руками и ногами голосовали старшие товарищи.

Школа Дина Смита была своеобразным университетом в университете, где существовала своя система уроков, в большей степени касавшихся жизни вообще, нежели чем баскетбола в частности. Они основывались на старомодных, строгих постулатах, вступавших в противоречие с материальными приоритетами современного американского спорта и общества потребления, где за деньги предполагалось купить все – даже верность и преданность.

В «Каролине» соблюдались этические нормы прошлого. Чем больше ты жертвуешь ради общей цели, чем весомей твой вклад в общее дело, тем лучше для команды. То, что дается легко, ценности не имеет. С 1997 г. команда переименована в «Вашингтон Уизардс» («Вашингтонские волшебники»). Все, что ты делаешь на баскетбольной площадке, ты делаешь в четком взаимопонимании с товарищами по команде и ради них. Больше думай о других, нежели о своих индивидуальных показателях. Это тебе пойдет только на пользу.

Покидая университет Северной Каролины, игроки с грустью вспоминали своего тренера, который при всей своей кажущейся недоступности сыграл столь важную роль в их жизни и в жизни их друзей.

Когда тренер расставался со своими воспитанниками, ореол недоступности с него спадал, и он воспринимался ребятами просто как друг, а не как строгий учитель. Выпускники понимали, что все эти голы

Дин Смит ценил каждого из них как личность, а не как спортсмена. Он готовил их к предстоящей жизни, а не к карьере в НБА.

«Мне кажется, Дин Смит зачитывал каждому из нас список заданий на будущее, – говорил Джеймс Уорси, – и баскетбол стоял в самом конце этого списка. Он готовил нас к жизни, и это

главное. Учил нас, как быть терпеливым и спокойно ждать своей очереди, как вести себя с окружающими, как уважать партнеров по команде и саму эту прекрасную игру- баскетбол».

Смит не забывал выпускников университета. Он помогал им делать карьеру, причем больше старался ради тех, кто особо не блистал. Не случайно менеджеры профессионального баскетбола настороженно относились к рекомендациям, которые Смит давал своим бывшим питомцам: они понимали, что Смит расхвалит даже среднего игрока, если тот был в свое время верен его программе и клубу.

Как только американские баскетболисты стали выступать за европейские клубы, итальянские менеджеры начали осаждать Дина Смита в надежде заполучить Билли Каннингхема, который, по общему мнению, должен был в будущем стать суперзвездой НБА. Однако Смит предложил им другую кандидатуру. «Тот, кто вам действительно нужен, – это Дуг Мо», – сказал он. В итоге Дуг очутился в Италии и два года успешно там играл. Однако, вернувшись в Штаты, он оказался на мели. К тому же, досрочно покинув в свое время колледж, он не удосужился получить ученую степень. Дин Смит настаивал, чтобы он закончил образование, но Дуг не слушал его. Однажды Смит позвонил ему: «Слушай, сегодня в два часа у тебя собеседование в Илон-колледже (небольшой колледж в Северной Каролине). Надень пиджак и повяжи галстук». На сей раз Мо послушался Смита и стал помощником тренера в этом колледже, а потом и окончил его.

Дин Смит тщательно следил за тем, чтобы его подопечные исправно посещали занятия в университете, а также ходили в церковь. Исключение делалось для тех, чьи родители письменно извещали тренера о том, что их сын никогда церковь (по тем или иным причинам) не посещал. Дин Смит преподавал своим ученикам бесчисленное множество уроков, не имевших никакого отношения к баскетболу. Учил их, например, как разговаривать с репортерами, как смотреть им в глаза и как заранее обдумывать ответы на каверзные вопросы. Учил и хорошим манерам – вплоть до того, как вести себя в ресторане («Если к твоему столику направляется женщина, ты тут же должен учтиво встать»).

Программа Смита, ставившая конечной целью высшие человеческие ценности, не имела себе равных в студенческом баскетболе. Смит был для его питомцев Тренером с большой буквы. Даже те его бывшие ученики, которым стукнуло по 30, а то и по 40, в решающие моменты своей жизни всегда с ним советовались. Нередко случалось и так, что в серии «плей-офф» на первенство НБА встречались два клуба, где в обоих играли

воспитанники Смита. Так вот, перед самым матчем все эти игроки, забыв, что они непримиримые соперники, дружно собирались у боковой линии и взахлеб, перебивая друг друга, делились воспоминаниями о любимом тренере.

Вот красноречивый пример «каролинского братства». Как-то раз Джордж Карл, тренер «Сиэтл Суперсоникс» («Сверхзвуковые из Сиэтла»), беседовал с Мичем Капчаком, помощником генерального менеджера «Лейкерс». Им предстояло ехать в Нью-Йорк на ответственный матч. Их клубы, представлявшие Западное побережье США, извечно соперничали друг с другом. Однако и Карл, и Капчак выступали в свое время за «Каролину». Карл – в 1973 г., а Копчак – в 1976 г. И, конечно же, несмотря на занятость и предматчевую нервозность, они договорились, что по дороге в Нью-Йорк обязательно заедут в Чепел-Хилл, чтобы повидать Дина Смита и заодно посмотреть, как их родная команда сыграет с университетом Дюка. Так они и сделали.

Еще пример. В семье бывшего игрока «Каролины» Скотта Уильямса произошла страшная трагедия: его отец убил его мать, а затем покончил с собой. Весь клуб воспринял это известие как личное горе. На похоронах матери Скотта в Лос-Анджелесе один из администраторов НБА увидел – кроме, разумеется, Дина Смита – еще и Мича Капчака и Джеймса Уорси, игроков, выступавших за университет в Чепел-Хилл задолго до Уильямса. «Я не знал, что вы знакомы со Скоттом», – с удивлением сказал он Капчаку.

«Разве это важно, знаком – не знаком? Он – один из нас», – ответил тот.

Любопытную мысль высказал еще один питомец «Каролины» Донни Уолш, возглавивший в 1998 г. профессиональный клуб «Индиана Пейсерс» («Иноходцы из Индианы»). Он утверждал, что, если кто-то из бывших воспитанников Дина Смита возьмется за создание собственной тренировочной программы, он совершит большую ошибку. Уолш рассуждал следующим образом. Смит занимал в жизни своих учеников столь важное место, что они привыкли беспрекословно слушать его и воспринимать его слова, как цитаты из Евангелия. Но если кто-то. вдохновленный примером учителя, вздумает изобретать на ниве баскетбола велосипед, успех Смита он не повторит, поскольку у него здесь совсем другие интересы. Смит прежде всего заботился о судьбах своих подопечных, а честолюбивые подопечные, став взрослыми, мечтают внести свой вклад в развитие баскетбола и тем прославиться. Как видите, это не одно и то же.

Ларри Браун, тоже из «Каролины», всегда почитавший Дина Смита, сам стал со временем тренером и как-то взял в свой профессиональный клуб нескольких воспитанников своего

учителя. Тот, конечно, обрадовался, но, когда Ларри отчислил этих парней из команды, пришел в ярость. Ему казалось, что отчислили не их, а его – так близко к сердцу воспринимал он неудачи своих учеников.

«В Северной Каролине – настоящий культ Дина Смита. Вообще-то я не люблю, когда кого-то превращают в Бога, но в данном случае разделяю общее мнение», – говорил Чак Дэли, бывший в свое время тренером известного профессионального клуба, а потом и знаменитой «Дрим Тим». Кстати, в отличие от большинства чужаков, его допускали на турниры гольф-клуба «Каролины», проходившие под патронажем Дина Смита каждое лето в Пайнхерсте. А вот мнение бывшего тренера НБА Кевина Лафери, который большую часть своей карьеры посвятил работе в слабых клубах, хотя, как и Дэли, тоже был принят в гольф-клуб «Каролины»: «Я никогда не был поклонником «Каролины». Я всегда симпатизирую побежденным и знаю, что такое работать со средней командой. Но после встречи с Дином Смитом я понял одну вещь: может, я и не стану делать из него икону, поскольку в его команде переизбыток талантов, но никогда ни в чем не упрекну его. Я был просто поражен, как преданны ему, как уважают его, – нет, не восторженные юнцы, а солидные люди. И их чувства абсолютно искренни».

Не все в мире баскетбола безоговорочно восхищались Дином Смитом. Были у него и соперники, и завистники, и недоброжелатели. Одни считали, что под благочестивой маской он скрывает свою агрессивную сущность, без которой в спорте не выживешь. Другим казалось, что Смит постоянно подчеркивает свои твердые нравственные устои: он, мол, в отличие от коллег бескорыстен, не гонится за материальными благами. Послушать его – получается, что профессия баскетбольного тренера благородней и гуманней, чем профессия адвоката. Да и ханжа он: утверждает, что только любительский, студенческий баскетбол – чистый спорт, а баскетбол профессиональный – грязные деньги. А в студенческом баскетболе законодатель нравственности конечно же его «Каролина «.

Некоторые полагали, что Смит, умело манипулируя прессой, намеренно создал для себя имидж праведника. Было и такое мнение: Смит постоянно корчит из себя неудачника, а из своих парней – мальчиков для битья. Как говорил Лефти Дризел: «Дин Смит, наверное, единственный тренер в истории баскетбола, чей клуб выиграл 700 матчей, но при этом в каждой игре был, судя по его комментариям, явно слабее соперников». Майк Крыжевски, тренер команды университета Дюка (тоже в Северной Каролине), создавший свою баскетбольную программу, весьма, кстати,

эффективную и в известной степени конкурирующую с программой Смита, заметил, что если бы он стал Президентом США, то назначил бы Смита на должность директора ЦРУ. «Дин – самый хитрый из всех типов, которых я перевидал в жизни» – так объяснил он прихоть своей фантазии.

По мнению Майкла Уилбона, Дин Смит пользовался популярностью, уважением и любовью больше среди черных американцев, чем среди белых, которые, кстати, этого понять не могли. Уилбон вспоминал, как в марте 1982 г. многие афроамериканцы были поставлены перед дилеммой – за кого болеть? А произошло вот что. В матче студенческого чемпионата встретились команды Джорджтаунского университета (Вашингтон) и университета Северной Каролины. Столичный клуб тренировал Джон Томпсон – афроамериканец. Разумеется, для черных болельщиков он был своим – братом по крови. Но и к Дину Смиту чернокожие любители баскетбола относились с симпатией – хотя бы как к приятному человеку. Вот такое раздвоение.

Смит, между прочим, объединил в своей программе представителей обеих рас гораздо раньше, чем сделали это тренеры других студенческих команд американского Юга. Причем объединение проводил в своем стиле – тактично, без нажима. А в начале своей карьеры, когда у него самого с работой не ладилось, а расовые предрассудки в Северной Каролине были еще очень живучи, Смит стал одним из тех, по чьему требованию с входной двери популярного ресторана в центре Чепел-Хилл сняли позорную вывеску «Только для белых».

В 1961 г. Смит пытался привлечь в свою команду талантливого чернокожего игрока Лу Хадсона, но учебная программа университета оказалась для парня слишком сложной. Он уехал в Миннесоту и вскоре сделал блестящую карьеру профессионального баскетболиста. Смит не успокоился и наконец-то сломал расовый барьер (в своих, разумеется, масштабах): в 1966 г. он взял к себе Чарли Скотта. С ним он обращался с большим тактом, а надо учесть, что в те годы чернокожий парень, играющий за «Каролину», почти всем казался в диковинку. Смит же ввел Скотта в свой клан без тени колебаний. Как только Чарли в первый раз появился в Чепел-Хилл, Смит пошел с ним вместе в церковь, где собирались только белые прихожане. Чарли изумился: он был уверен, что его ведут в негритянскую церковь. Позднее, когда Скотт уже играл за «Каролину», во время одного из матчей кто-то из болельщиков команды соперников выкрикнул в его адрес оскорбительный возглас. Всегда сдержанный Смит в ярости бросился на трибуну.

Два помощника тренера с трудом удержали своего босса.

По мере борьбы черной Америки за равноправие многие тренеры поддерживали и проводили этот процесс, но большинство из них оставались в душе расистами. И только Смит делал это от всего сердца. Прошли годы, и Скотт назвал своего второго сына Дином – в честь своего университетского тренера. Точно так же относились к Смиту чернокожие баскетболисты следующих поколений и их родители. Вот что говорил Джеймс Уорси: «Мой отец восхищался Дином Смитом еще до того, как тренер пришел к нам в гости. Отец окончил всего 8 классов, но он регулярно читал газеты, смотрел по телевизору все передачи Уолтера Кронкайта (известный политический телеобозреватель), разбирался в том, что происходит на свете, и, конечно, знал, что Дин Смит всегда поддерживал черных. Знал и то, что он сделал для Чарли Скотта, – не просто научил его играть, а вложил в него душу. Поэтому отец хотел, чтобы и я тренировался у Смита. Простые парни, вроде меня или Чарли Скотта, были ему дороже денег которые ему предлагали другие университеты».

Теперь о том, как складывалась типичная карьера юного баскетболиста, приглашенного в «Каролину». В течение почти всего первого курса он сидел на скамейке запасных, находя утешение в тренировочных играх и в помощи со стороны старших товарищей. Иногда его все же заявляли на ответственные матчи, но больше для того, чтобы поддержать его морально. На втором курсе ему позволялось – если, конечно, он оправдывал ожидания тренеров – поиграть в официальном матче минут семь-восемь. Перейдя на третий курс, он уже находился на площадке 25 минут. На четвертом, последнем курсе он уже считался мэтром, с которым советовался сам тренер.

В системе, созданной в Чепел-Хилл, концепция командной игры перевешивала ставку на индивидуальное мастерство. В баскетбольных кругах многие вообще считали, что в «Каролине» индивидуальность нивелируется. Однако Джеймс Уорси, блестящий спортсмен и ярый приверженец каролинской школы, с таким мнением не согласен: «Цель нашей системы не в том, чтобы подавить индивидуальное мастерство, а чтобы уменьшить риск потери мяча. Мы обязаны были щедро делиться мячом, чтобы у каждого был шанс для точного броска». На практике это означало, что выдающийся игрок, который в любом другом клубе произвел бы за матч 25 бросков, в «Каролине» совершал лишь 12-15. Тот же Уорси в последнем своем сезоне в «Каролине» – а он уже значился под номером 1 в драфте НБА – совершал в среднем за матч лишь 10 бросков и приносил команде (тоже в среднем) 14,5 очка. Майкл Джордан, став профессионалом, набирал в

среднем более 30 очков за игру, но в «Каролине» довольствовался 27,5.

Немудрено, что селекционеры профессиональных клубов, присматривавшиеся к игрокам «Каролины», оставались порой в неведении. Программа Смита в какой-то степени уравнивала мастерство игроков. Поэтому достоинства средних баскетболистов представали преувеличенными, а их недостатки исчезали. С другой стороны, подлинные звезды, способные в любом другом клубе приносить команде на 10-15 очков больше, выглядели на площадке не в лучшем свете.

В конце 80-х гг., когда гонорары профессиональных баскетболистов резко пошли вверх, многие талантливые игроки студенческих команд стали преждевременно покидать университеты и колледжи. Проучившись год-два, они с энтузиазмом подписывали выгодные контракты. При поступлении в вузы они, естественно, выбирали те, где в баскетбольных программах делался упор на совершенствование индивидуального мастерства. А тренеры, как сладкоголосые сирены, сулили им путь, устланный розами. Вот почему осенью 1981 г., когда Майкл Джордан прибыл в Чепел-Хилл, программа, скрупулезно создававшаяся Дином Смитом на протяжении более 20 лет, становилась в глазах многих анахронизмом. А тут еще появился Майкл – суперталантливый парень олицетворявший собой угрозу сложившейся системе командной игры. И, как ни старались Смит и его помощники сохранить эту систему, талант Майкла ее расшатывал. Джордан, правда, выполнял все наставления тренера и не «высовывался», но шила в мешке не утаишь – все видели, как фантастически взрывается он в атаке и как непробиваем в обороне. Не успел Майкл проучиться на первом курсе и полгода, как в спортивных и журналистских кругах пошли слухи о вундеркинде из «Каролины», которого нарекли будущим Джулиусом Ирвингом.

Яркий талант будущей звезды и строгая, педантичная система тренера – казалось бы, противоречие. Поэтому то, что сотворил Смит из Джордана, можно назвать чудом. Он, как всегда, не форсировал его подготовку, не нарушал ни одну из своих заповедей, но все же позволял Джордану опережать товарищей: в баскетболе наступила другая эпоха. Быстро прогрессируя, Майкл тренировался строго в рамках программы Смита, а на площадке действовал по правилам, принятым в «Каролине». Свой талант он оттачивал тяжелым ежедневным трудом. В результате он еще в университете стал абсолютно сложившимся игроком и – что тоже немаловажно – спортсменом, который привык уважать своих наставников. Не случайно, когда

он перешел в профессионалы, тренеры НБА не могли нарадоваться на столь послушного и понятливого подопечного.

Слухи о таланте и неукротимом спортивном азарте Майкла начали распространяться еще до его поступления в университет. Не успели Джордана зачислить на первый курс, как он уже предупредил старшекурсников, что в играх против них будет демонстрировать свой коронный трюк – забивать мяч в корзину сверху. И это он рассказывал не кому-нибудь, а Джеймсу Уорси, Сэму Перкинсу, Джимми Блэку и Мэтту Дохерти – ребятам из университетской сборной, которая за год до этого дошла до полуфинала в чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта. Собеседников поначалу раздражали шапкозакидательские высказывания Майкла, но вскоре они стали воспринимать их со снисходительным добродушием. Во-первых, Майкл никому не завидовал, не был интриганом, он вел себя как наивный ребенок. Во-вторых, он подтверждал свои обещания на баскетбольной площадке. Его легкое бахвальство, как считал Базз Питерсон, было непременной составляющей его спортивной карьеры. своего рода стимулом: раз я заявляю о своих грандиозных планах, то докажу их реальность своей игрой. И он доказал это уже на тренировках перед началом первого своего сезона в студенческом баскетболе.

Уже на первом курсе Майкл мечтал войти в стартовую пятерку. Врожденный драйв и ощущение своего мастерства все время подгоняли его. Будущее для него должно было наступить сегодня.

Но осуществлению честолюбивых замыслов Майкла мешали два человека. Один – третьекурсник Джимми Брэддок, игрок-ветеран с солидным опытом. Другой – лучший друг Майкла, его сосед по комнате в общежитии Базз Питерсон, тоже мечтавший о месте в стартовой пятерке. Соперничество между друзьями развивалось интригующе. В отличие от большинства белых игроков школьных команд, которые неплохо бросали по кольцу, но, достигнув пика своей формы в 18 лет, затем сникали, Питерсон был по-настоящему разносторонним атлетом. До того как он увлекся баскетболом, его школьные тренеры в Эшвилле считали, что он со временем уйдет в профессиональный футбол и станет отличным игроком. Он обладал высокой скоростью и прекрасной координацией движений.

Когда же Базз занялся баскетболом, школьные наставники сравнивали его с игроком НБА Рексом Чепменом, быстрым и бесстрашным защитником из «Кентукки». Базз, правда, в Кентукки не поехал – он предпочел Чепел-Хилл, поскольку там как раз вакантно было место атакующего защитника. Однако

здесь ему составил конкуренцию Майкл Джордан. Питерсон, как уже говорилось, обладал высокой скоростью. Когда в первый же день в Чепел-Хилл новички вместе со старшекурсниками соревновались в беге на 40 ярдов, Базз показал второй результат, уступив лишь Джеймсу Уорси, но опередив Майкла, чем тот был очень расстроен.

Поначалу они соперничали на равных. Если Майкла природа наделила уникальными атлетическими данными, то Базз как игрок был более универсален. К тому же в средней школе он прошел лучшую подготовку, тоньше понимал игру, точнее бросал по кольцу и, пожалуй, лучше знал азы игры в защите. Но Питерсон понимал, что Джордан как атлет превосходит его и то, что он вырвется вперед, – вопрос лишь времени. Майкл не только был более прыгуч и быстр в движениях (спринт здесь не показателен), но и со своими длинными ручищами и огромными ладонями был непобедим под кольцом соперников. Да и в защите, благодаря своей невероятной реакции, он действовал очень неплохо. Кроме того – и Базз это хорошо чувствовал, – у Майкла была неодолимая тяга к познанию нового. Он впитывал все наставления тренеров, как губка, и относился к тренировкам как к священнодействию.

Но главное, что не понимали поначалу ни Базз Питерсон, ни другие студенты, – это невероятный спортивный заряд Майкла, его неудержимое стремление всегда быть первым среди первых, его умение стимулировать самого себя, ставя перед собой цели, иногда и реальные, а порой и вымышленные.

Что же двигало Майклом в его соперничестве с Баззом? Прежде всего, – солидная фора Питерсона. Из игроков средних школ Базз котировался выше. У него было много наград и титулов, включая премию «Герца» и звание «Мистер Баскетбол Северной Каролины». Писем-приглашений он получал больше, и даже когда Майкл завоевал право на стипендию в Чепел-Хилл, нашлись в университете люди, с издевкой уверявшие его что в первый состав его не возьмут и ему придется лишь оставаться в тени Базза Питерсона, терпеливо надеясь на лучшие времена. «Майкл, – говорили «доброжелатели», – ты будешь вечно сидеть на скамье запасных. Базз Питерсон – игрок года, а твой предел успехи в школьной команде «Лейни». Поверь, дальше ты не пойдешь». Подобные насмешки могли бы вселить уныние в любого юного спортсмена, но Майкл был сделан из другого теста. Он воспринял издевки как выстрел на старте. Точно так же поступил он ранее, когда его не включили в сборную школы. И вот сейчас, взяв обидные слова на вооружение, он решил прыгнуть выше головы.

В итоге уже на первом курсе он вошел в стартовую пятерку. Майкл не только занял место Базза, получившего травму, но и победил в нелегкой конкуренции опытного Джимми Брэддока. Хотя тренеры считали, что в нападении Джимми сильнее, они предпочли все же Майкла, чьи действия в защите были эффективнее.

Дин Смит почти никогда не ставил первокурсников в стартовые пятерки. Как он полагал, нет ничего хорошего в том, что новичок проводит на площадке много времени, торопясь прославиться: ведь в ответственных матчах он волей-неволей наделает массу ошибок. Нет, это шло вразрез с концепцией тренера. Смит, помимо прочего, не позволял первокурсникам общаться перед началом важных матчей с прессой. Он боялся, что журналисты нанесут вред его команде. Восторженные комментарии репортеров могли бы вскружить головы необстрелянным юнцам и внушить им опасную мысль, что индивидуальность важнее коллектива. Кроме того, первокурсники еще не успели впитать в себя ту общую культуру, которая пронизывала всю программу Смита.

Исключение, сделанное для Джордана, как это ни парадоксально, соответствовало концепции Смита. В «Каролине» было принято по-настоящему зарабатывать признание, и Майкл честно его заработал. Кроме него, за всю историю «Каролины» лишь три первокурсника завоевали места в стартовой пятерке: гроза защитников Фил Форд, Джеймс Уорси, еще школьником игравший в летнем лагере Дина Смита на правах первокурсника, и Майк О'Корен.

Место в стартовой пятерке еще не повод задаваться. Поскольку задиристый Майкл любил побахвалиться перед товарищами, его поставили на место – поручили неблагодарную работу, всегда вешавшуюся на первокурсников – таскать кинопроектор, который команда брала с собой на выездные матчи. Видео тогда еще не завоевало мир, а проектор был тяжел, громоздок и неудобен для переноски. И даже сильный и ловкий Майкл, шествовавший с ним по залу аэропорта, выглядел довольно неуклюжим. Товарищи, конечно, подшучивали над ним, хотя и добродушно.

На ежедневных тренировках Дин Смит был к Джордану более требовательным, чем к остальным игрокам. Он понимал, что Майкл с его огромным потенциалом чрезвычайно честолюбив. Следовательно, если ставить ему планку повыше, он, по всем законам логики, будет стараться изо всех сил. Рой Уильямс тоже заставлял Джордана работать до седьмого пота. «Чем вы недовольны? Я тружусь, как все», – недоумевал Майкл.

«Но, Майкл, ты же сам говорил, что хочешь стать лучшим из лучших, – ответил Уильямс. – А если это так, то и работать ты должен больше всех». Наступила пауза, Джордан задумался. Наконец он сказал: «Я понял, тренер. Увидите, я буду работать, как лошадь».

Впрочем, не все зависело от тренеров: у Майкла были задатки, заложенные самой природой, например те же скоростные качества, которые в Чепел-Хилл ценились прежде всего. Все игроки занимались бегом без устали, и от всех требовалась отменная физическая подготовка. Хотя в первый день спринтерских испытаний Джордан показал лишь третий результат, он обладал необычайной стартовой скоростью. Здесь надо сказать еще вот о чем. В беговых тренировках игроки Дина Смита были разбиты на три группы – в зависимости от их роста и роли на баскетбольной площадке. Группа «В» включала высокорослых парней, которым дозволялось двигаться чуть помедленнее остальных. В группу «Б» входили крайние защитники и сравнительно невысокие форварды – иными словами, игроки среднего (по баскетбольным меркам, конечно) роста, от которых скорость хоть и требовалась, но не максимальная. А вот группу «А» составляли опорные защитники – по идее, самые быстрые игроки в команде, а также все высокорослые, но суперскоростные баскетболисты, напоминавшие незабываемого Уолтера Дэвиса. Майкл Джордан, согласно этой схеме, должен был быть включен в группу «Б», но Дин Смит сразу же определил его в группу «А», поставив тем самым перед ним сверхзадачу.

Университетским игрокам пришлось приноравливаться к своеобразному новичку. Майк, хотя и играл здорово, но был слишком о себе высокого мнения. «Он вроде маленького безвредного комарика, – вспоминал Джеймс Уорси. – Жужжит тебе в ухо, расписывает свои будущие подвиги. Ты его отгоняешь, а он снова тут как тут и пуще прежнего хвастается. Короче, доставал нас».

Может, Уорси и прав, но не было и дня, чтобы не блистал на тренировках удивительный талант Джордана. Однажды в тренировочном матче против сборной университета он поразил всех своим финтом, обыграв двух соперников, которые не только были выше его ростом, но и в скором времени вошли в студенческую сборную США. А обхитрил он все того же Джеймса Уорси и Сэма Перкинса. Этот финт, как говорил потом Уорси, вошел в арсенал баскетболистов лет через двадцать. Джордан мчался по площадке. Перкинс пытался остановить его. Майкл вел мяч левой рукой, укрывая его от Перкинса, но перед ним, как

скала, возник Уорси, получивший хороший шанс прервать атаку. Майкл, грациозно изогнувшись, отрезал Уорси и забросил мяч в корзину, находясь к ней спиной и используя свой корпус как заградительный барьер.

Тренировочный матч, конечно, не был прерван, но о трюке Майкла разговоры долго не прекращались. Сам Уорси утверждал, что он никогда не видел, чтобы игрок так владел своим телом и обладал таким инстинктом, позволявшим ему принимать нужное решение в доли секунды да еще паря в воздухе. Это было удивительное сочетание атлетизма, игрового чутья и понимания ситуации. Впоследствии Уорси говорил, что уже тогда понял, каким игроком станет Майкл, которому и то время было всего 18.

«Каролина» оказалась идеальным клубом для Джордана. Он играл с талантливыми, опытными и требовательными партнерами, тренировался в рамках программы, доказавшей свою жизнеспособность много лет назад. Ему не приходилось везти воз на себе – он скромно держался в тени. Джордану, конечно, повезло: мало кому из юных талантливых игроков, которые еще не полностью сформировались физически, довелось учиться у таких тренеров, как Дин Смит, Билл Гатридж, Эдди Фоглер и Рой Уильямс.

Итак, Майкл завоевал место в стартовой пятерке, но полного равноправия еще не достиг. Как раз в том году журнал «Спортс Иллюстрейтед» попросил у Дина Смита разрешения сфотографировать его пятерку для обложки. Смит согласился, хотя и неохотно, но поставил условие: четырех парней сфотографировать можно, а вот пятый – первокурсник из Уилмингтона – пока что пусть остается за кадром. Репортеры стали упрашивать Смита не нарушать композицию и весь замысел, тем более что об этом пятом они уже наслышаны, но тренер был тверд: «Ради бога, снимайте хоть меня, хоть кого угодно, но только не новичка».

«Майкл, – позднее объяснил он Джордану, – ты еще не заслужил появления на обложке журнала, который читает вся страна. Другие уже достойны, а ты подождешь». В результате обложку «Спорте Иллюстрейтед» украсил лишь квартет – Сэм Перкинс, Джеймс Уорси, Мэтт Дохерти и Джимми Блэк. Читатели недоумевали: неужели в баскетбол стали играть четверо на четверо? Позже, когда «Каролина» выиграла национальный студенческий чемпионат, художник перерисовал для плаката обложечное фото, но с дополнением (справедливость восторжествовала!) – на рисунке появилась и счастливая физиономия Майкла Джордана. По мнению Роя Уильямса, Дин Смит умело вышел из ситуации. Признав безусловный талант

юного игрока, он тут же поставил его перед очередным вызовом, а тому только того и надо было. Вызов – стихия, в которой Майкл чувствовал себя как рыба в воде. Кстати, в том году произошел такой случай. Билли Пэкер и Эл Макгвайр участвовали в телевизионной дискуссии, где обсуждалось, какая студенческая команда станет скорее всего чемпионом США. Макгвайр назвал своим фаворитом «Вичиту», Пэкер – «Каролину». «Но в «Каролину» включили первокурсника, – отстаивал свой выбор Макгвайр, – а я не слышал еще, чтобы в национальном чемпионате побеждала команда, за которую выступают первокурсники».

Первые сведения о Майкле Джордане распространялись как бы подпольно. То же самое происходило и в юные годы Джулиуса Ирвинга. Он играл в лиге АБА (ныне уже не существующей), а ее матчи редко транслировались по телевидению. Поэтому сведения об этом игроке распространялись как устные легенды, причем в роли рассказчиков выступали не очевидцы, а слышавшие что-то от знакомых болельщиков.

В 1981 г., когда Майкл приехал в Чепел-Хилл, телевидение еще не жаловало студенческий баскетбол, так что спортивная элита не имела возможности увидеть Джордана на взлете его карьеры. Известен он был лишь по рассказам, где правда соседствовала с вымыслом. Слухи распространяли тренеры, селекционеры, журналисты, ярые болельщики. Майкл Уилбон уже тогда многое знал об уникальном парне из Чепел-Хилл, но все это были лишь слухи. Реально же почти никто Джордана не видел, а если и видел, то чаще не в официальных матчах, а на тренировках или в импровизированных встречах, которые устраивали между собой местные игроки разных поколений (нечто вроде дворовых команд). Образ Майкла то выплывал из тумана, то снова растворялся в нем. Вот кто-то видел его в Роли, столице штата Северная Каролина. Подкатил к баскетбольной площадке, вылез из машины, зашнуровал кроссовки, поиграл часок, поразив всех, и снова исчез – так же таинственно, как и появился.

Многие рассказы о Майкле носили фантастический характер. Кто-то говорил, что он при росте 6 футов 1 дюйм прыгает выше тех, чей рост 6 футов 6 дюймов. Другие утверждали: нет, он вымахал под 6 футов 8 дюймов, но обращается с мячом, как Мэджик Джонсон, и проворней и техничней «малышей». Третьи добавляли свое: Майкл парит над кольцом дольше, чем делал это Джулиус Ирвинг, да еще умудряется перебрасывать при этом мяч из правой руки в левую.

Профессиональные селекционеры, которым Дин Смит иногда разрешал присутствовать на тренировках «Каролины»,

рассказывали, что Джордан творит на площадке чудеса, недоступные ни Перкинсу, ни Уорси. А ведь он всего лишь первокурсник, которого почти никто из воротил баскетбольного бизнеса не видел. И все же, как вспоминал Уилбон, уже тогда начались пересуды по поводу того, удержит ли Смит этого вундеркинда в своей команде или нет.

Тренеры были вполне довольны своим новым подопечным. Он не только трудился в поте лица, но и быстро и легко схватывал новое. Например, в средней школе его учили играть в обороне по-другому, чем было принято в Чепел-Хилл, и Дин Смит переучил его буквально за один день. Как считал тренер, Джордан с самого начала продемонстрировал свое желание жадно впитывать его уроки и стремиться к новым высотам. Между тем на первом курсе не все шло у него гладко. Его броски нельзя было назвать снайперскими. Зная это, опытные соперники первым делом наглухо закрывали Уорси и Перкинса, а то, что останется неприкрытым Джордан, не так уж опасно. В начале сезона 1981/82 г. в игре против «Кентукки» Майкл бросал постоянно и почти постоянно промахивался. За игрой наблюдали по телевизору некогда блиставший в «Каролине» Фил Форд и его партнер по профессиональному клубу Отис Бердсонг. «Слушай, чем этот парень заворожил великого Дина Смита?» – спросил удивленно Отис своего напарника.

В том сезоне 1981/82 г. путь к финальной серии складывался для «Каролины» нелегко. Многие полагали, что лучшей студенческой командой страны станет «Вирджиния» с ее великаном Ральфом Сэмпсоном. По итогам календарных матчей «Каролина» и «Вирджиния» набрали одинаковое количество очков, а затем встретились друг с другом. Матч проходил скучно, в его концовке Сэмпсон просто бродил под своим щитом, а «Каролина», когда до конца игры оставалось 6 минут и счет был 44:43 в ее пользу, стала откровенно тянуть время. Игроки осторожно перепасовывали мяч друг другу, не рискуя бросать по кольцу (тогда в студенческом баскетболе не было правила 30 секунд). За полминуты до финального свистка вирджинцы все же перехватили мяч, но счет так и не изменился.

В полуфинале чемпионата Национальной ассоциации студенческого спорта «Каролина» победила «Хьюстон» со счетом 68:63, хотя за техасцев играли две будущие звезды НБА – Аким (позже он стал Хакимом) Оладжьювон и Клайд Дрекслер.

В финале «Каролине» противостояла команда Джорджтаунского университета. Матч получился захватывающим. Встретились, возможно, лучшие студенческие клубы США, разные по манере игры и темпераменту. Смит и темнокожий тренер

«Джорджтауна» Джон Томпсон были близкими друзьями. Оба разработали эффективные тренировочные программы, и оба строго следили, чтобы их воспитанники прилежно учились и успешно окончили университет. Правда, Томпсон имел дело с парнями, выросшими в бедных кварталах Вашингтона. У них, в отличие от их сверстников из Северной Каролины, и дорога в университет была более долгой и трудной, и будущее ждало их довольно туманное. За столичную команду выступал Патрик Юинг. Сегодня, когда стало ясно, что его карьера могла бы сложиться и удачней (Патрика подвели его нескладные руки, и, кроме того, он сменил слишком много тренеров), трудно представить его в роли грозного лидера «Джорджтауна». Уже на первом курсе он выделялся среди всех баскетболистов университета огромным ростом, мощной мускулатурой и высокой скоростью. Патрик бегал быстрее всех других гигантов и являл собой прототип идеального сегодняшнего высокорослого игрока – всесторонне развитого спортсмена, внушительные габариты которого гармонично сочетаются с великолепными атлетическими данными. Он одиноко возвышался над площадкой, вселяя ужас в соперников, особенно тех, кто был помладше и не успел еще накачать мышцы. Однако подопечные Смита не испугались. Как вспоминал Джеймс Уорси, если «Джорджтаун» физически выглядел мощнее, то «Каролина» практически не имела слабых мест, глубже понимала игру и в целом была лучше подготовлена. Конечно, могучий центровой вашингтонцев Патрик Юинг представлял собой серьезную угрозу, но и у «Каролины» был свой козырь – удачное сочетание мощи, быстроты и тонкого игрового мышления. Такое сочетание воплощал в себе, в частности, Джеймс Уорси.

Матч, как и ожидалось, удался на славу. Оборона «Джорджтауна» выглядела непробиваемой. Пятеро мощных игроков в течение 40 минут непрерывно прессинговали. С подобным прессингом могла справиться только такая слаженная, прошедшая отличную выучку команда, как «Каролина «, где каждый знал свою роль назубок. Любая другая команда сразу сложила бы оружие. Юинг с самого начала решил запугать соперников, но перестарался. Не давая каролинцам играть, он частенько нарушал правила. Блокируя первые 9 бросков по своему кольцу, он схлопотал 5 фолов. «Я вот что скажу об Юинге, – заметил в эфире после третьего его фола Брент Масбергер, комментировавший матч по телевидению, – не так уж он страшен».

К моменту, когда «Джорджаун» вел в счете 12:8, все свои очки «Каролина» набрала лишь благодаря штрафным броскам,

заработанным чрезмерной настырностью Юинга. Несколько месяцев спустя Джордан и Юинг оказались вместе в Чикаго, куда их призвали в студенческую сборную США, и Майкл спросил Патрика, почему он так грязно играл. «Тренер сказал мне, что мяч ни в коем случае не должен угодить в наше кольцо», – ответил тот.

Но в целом тот матч можно считать эталоном студенческого баскетбола. Уорси был в ударе, произведя в итоге 13 удачных бросков из 17 и заработав 28 очков. Мощный, невероятно быстрый в игре с мячом и без мяча, он зачастую бросал по кольцу с ходу, ни на секунду не останавливаясь. Любой специалист, увидев его, сразу бы предрек ему блестящую карьеру в профессиональном баскетболе. Джордан не так был заметен. Он был моложе и не успел еще отточить до конца технику обращения с мячом. Только опытный профессионал мог бы понять тогда, какой игрок из него вырастет. Впрочем, две особенности его манеры были уже заметны.

Первая – его игра под щитом. В том матче Майкл выиграл 9 подборов – больше всех на площадке. Но дело не в статистике – важно, как ему это удавалось. Иногда казалось невероятным, как этот парень дотянется до абсолютно безнадежного мяча, и непонятным, откуда у него такая быстрота и прыгучесть. И вторая особенность – та энергия, с которой он вел борьбу с Юингом – «громилой» студенческого баскетбола США. За три минуты до конца встречи, ведя в счете с минимальным перевесом 59:58, «Каролина» стала неторопливо разыгрывать мяч. И вдруг Джордан, уловив еле заметную щель в плотной обороне соперников, устремился к их кольцу, ловко уворачиваясь от защитников. Когда он уже был у цели, Юинг, высоко выпрыгнув, заблокировал кольцо. Находясь в воздухе и чуть не столкнувшись с соперником, Майкл переложил мяч из правой руки в левую и перебросил его через вытянутую руку гигантского центрового. Мяч взлетел плавно и высоко. Казалось, он перелетит через щит. «Майкл запустил мяч футов на двенадцать», – сообщил Билли Пэкер, один из комментаторов матча. Сидевший на тренерской скамье Рой Уильямс был уверен, что Майкл не рассчитал силу броска и мяч опустится за щитом. Однако мяч легонько стукнулся о верхнюю кромку щита, чуть отскочил и плавно, как пушинка, проскользнул в корзину. Да, это был бросок, достойный чемпиона!

Счет стал 61:58, но «Джорджтаун» не думает сдаваться. Два точных броска – и он уже ведет 62:61. Однако мяч – у «Каролины», и за 32 секунды до конца встречи она берет тайм-аут. Смит обсуждает со своими игроками ситуацию. Он хорошо

знаком с Джоном Томпсоном и знает, что тот высокого мнения о Джеймсе Уорси и, стало быть, прикажет своим подопечным наглухо его прикрыть. Делать тогда ставку на Перкинса? Нет – за ним тоже будут внимательно следить. На последних секундах ответственных матчей тренеры уровня Томпсона ставят игрокам задачу прикрывать всех звезд. Значит, надо взвалить ответственность на этого талантливого первокурсника Майкла Джордана. Он вроде бы особых опасений Томпсону не внушает – пока еще. Смит сказал игрокам, чтобы мяч в конечном счете попал к Джордану, и добавил в его адрес: «Майкл, вся надежда на тебя». Игроки выполнили задание тренера. Несколько перепасовок – и Майкл, находясь в отличной позиции, неприкрытым, получает мяч. До конца встречи – 17 секунд, и Майкл (какое-то странное совпадение) – в 17 футах от кольца соперников. К нему кидается защитник, но Майкл, успев высоко выпрыгнуть, бросает мяч в кольцо, паря в воздухе. От такого броска пришел бы в восторг самый брюзгливый тренер. «Джорджтаун» устремляется в ответную атаку, но промахивается. Финальный свисток – и Дин Смит впервые приводит свою команду к чемпионскому званию, а в легенде о Майкле Джордане появилась первая официальная строка, обретшая широкую известность. Этот матч смотрели многие баскетбольные специалисты, обычно не интересовавшиеся студенческим спортом, и они воочию увидели, как достойно проявил себя в столь решающий момент зеленый первокурсник. А главное, что такой опытный и консервативный тренер, как Дин Смит, решился рискнуть, доверив поставить ему заключительную точку в игре. Ленни Уилкенс, впоследствии тренировавший команды, против которых часто играли Майкл и его одноклубники, вспоминал, как он смотрел эту игру по телевидению и впервые увидел Майкла Джордана. «Да, – подумал Уилкенс, – этот парнишка из Северной Каролины еще преподнесет нам немало сюрпризов». И действительно, мало кто из первокурсников умел так играть.

После матча Билли Пэкер снова столкнулся в толпе с Делорис Джордан. Последний раз они беседовали примерно год назад, когда титул самого ценного игрока матча под эгидой «Макдоналдс» незаслуженно присудили Адриану Бранчу. Тогда Пэкер пытался успокоить мать Майкла. На сей раз он вернулся к этой теме. «Ну что, миссис Джордан, – сказал он, – поздравляю вас с фантастическим успехом сына. Надеюсь, о том случае можно забыть?»

Глава 7. Чепел-Хилл, 1982-1984 гг.

После того памятного матча Майкл, по мнению его друзей и тренеров, сильно изменился. Если раньше он был не прочь просто похвастаться, то сейчас, перед началом учебы на втором курсе, он обрел истинную уверенность в своих силах – может, даже и самоуверенность. Майкл, кажется, понял, что щедро раздаваемые им обещания начинают сбываться. Его мечты и реальность слились в единое целое. Как считал Базз Питерсон, не расставававшийся с ним тогда ни на день, Майкл впервые понял, что он станет не просто хорошим игроком, а игроком великим.

О том, что он вышел на новый уровень, стало ясно уже в сентябре, во время предсезонных тренировочных игр, в которых участвовали все: и новички, и старшекурсники, и даже выпускники, уже выступавшие за клубы НБА. Играли там Джеймс Уорси, готовившийся к дебюту в «Лейкерс», Сэм Перкинс, Майк О'Корен, Эл Вуд и Уолтер Дэвис. В первые дни Майкл не выделялся среди других очень хороших баскетболистов, но вдруг, примерно через неделю, все увидели его настоящий взлет. Играя против поднаторевших «профи», он ничуть не тушевался. Наоборот, вытворял на площадке что хотел, царствовал на ней.

Природный талант Майкла подкреплялся теперь уверенностью действий. Он был неудержим. Его партнер по команде Мэтт Дохерти считал, что именно в тех предсезонных играх Джордан раскрылся по-настоящему. Еще бы – студент, перешедший на второй курс, на равных сражался с парнями, прошедшими суровую школу НБА. А главное – видно было, что Майкл далеко еще не достиг своего потолка. Это подтверждал и другой его партнер – Стив Хейл, заметивший в Джордане невероятную целеустремленность. На импровизированных «дворовых» играх тренеры обычно не присутствовали, поэтому парни, пользуясь свободой, делали упор на том, в чем были сильны, и старались избегать ситуаций, где обнаружились бы их слабые стороны. Майкл же, наоборот, ставил себя под удар, усиленно работая над исправлением своих недостатков. Он действительно рвался в лучшие из лучших.

За время летних каникул Майкл еще подрос, окреп физически и прибавил в скорости. То, что он продолжал прибавлять в росте, тренеров, конечно, не могло не радовать. Это они выяснили 15 октября 1982 г., и первый день тренировочных занятий, когда обо всех игроках собирались, как говорил Дин Смит, «объективные данные». Измерив рост Джордана, Рой Уильямс с удовлетворением отметил, что если на первом курсе

он составлял 6 футов 4,5 дюйма, то сейчас, на втором, уже 6 футов 6 дюймов. Кроме того, Майкл значительно окреп и обрел поистине реактивную скорость. На первом курсе он пробегал 40 ярдов за 4,55 секунды, что, кстати, весьма неплохо. А теперь секундомер Уильямса застыл на отметке 4,39. Другие тренеры зафиксировали почти такое же время, но в итоге все сошлись на 4,39, надеясь, впрочем, что Майкл еще побьет свой рекорд. Но даже и 4,39 – результат, доступный лишь быстрейшим атлетам мира – спринтерам олимпийских сборных и профессиональным игрокам в американский футбол, да и то не всем, а только куотербекам. А тут такая скорость у студента, который не просто быстро бегает, но и прекрасно действует на баскетбольной площадке, тонко предчувствуя дальнейший ход игры.

Все баскетбольные тренеры придерживались двух аксиом. Первая – не в их власти научить подопечного быстро бегать. Вторая – не в их же власти заставить его подрасти. Скорость и рост – это от Бога. А тут судьба подарила им высоченного и быстрого, как ртуть, парня, который к тому же наделен ярким талантом, необычайно азартен и с ходу усваивает все уроки, впитывая знания, как губка.

Дин Смит, радуясь, что Джордан за лето вытянулся, еще более восхищался уверенной игрой Майкла. В тренировках один на один Джордан почти всегда побеждал. Побеждала и команда Майкла в играх пять на пять.

Дин Смит и его помощники уделяли Джордану большое внимание.

Когда Майкл окончил первый курс, тренер показал ему фильм, запечатлевший игровые моменты с его участием. Из этого фильма явствовало, что Джордан немного небрежен в обороне. После просмотра ленты Смит сказал: «Майкл, ты понял, что в защите ты мог бы играть намного лучше?» И добавил, что если Джордан обратит на свои промахи серьезное внимание, то станет поистине универсальным игроком, достойным и студенческого баскетбола, и профессионального. Смит к тому же напомнил своему ученику еще одну аксиому: побеждает та команда, которая лучше обороняется. Бывает так, что в одном из матчей даже у хорошего игрока в нападении не все получается или ему попросту не везет, но надежная игра в обороне (а это плод тяжелого труда) всегда фундамент успеха.

Товарищи Джордана по команде заметили, что на втором курсе он хорошо усвоил наставления тренера и в некоторых матчах уделял большее внимание именно защите, нейтрализуя самых грозных форвардов. В тренировочных играх Смит специально поручал соперникам Майкла усиливать давление на

него, сковывать его действия, чтобы он больше творил комбинационно, организовывая партнеров.

На втором курсе Майкл выглядел совсем не так, как на первом. Из худосочного, порой не уверенного в себе новичка он превратился в мощного, зрелого игрока. Билли Каннингхем, один из первой плеяды замечательных воспитанников Смита, ставший в 1982 г. тренером «Филадельфии», заехал как-то в свой университет понаблюдать тренировки юной смены. Обратившись к Смиту, он так отозвался о Джордане: «Он будет самым великим игроком, когда-либо выступавшим за «Каролину»».

Смит всячески старался оградить Майкла от подобных похвал. Похвала могло испортить молодого парня. Кроме того, восхваления, расточаемые в чей-либо адрес, противоречили основным принципам программы Смита, где все были равны и для будущих звезд никаких исключений не делалось. Поэтому, выслушав Каннингхема, тренер тут же отпарировал: «Нет, у нас было и сейчас есть немало великих игроков. Майкл всего лишь один из них». Но Билли остался все же при своем мнении: что ни говори, а равных Майклу нет. Ему только что исполнилось 20, а он делает на площадке то, чему вообще нельзя научить, и то, на что способна лишь горстка профи.

Майкл тренировался очень интенсивно. Как справедливо заметил Стив Хейл, для игрока, щедро одаренного природой, такая привычка в редкость. Свои же возможности Стив оценивал весьма трезво, понимая, что он сможет добиться успехов, лишь став баскетбольным камикадзе, который отчаянно бросается за каждым мячом, не обращая внимания на синяки, ушибы и ссадины. Но Джордан, несравненно более талантливый, тренировался с таким же рвением, как и Хейл.

Быстрый взлет Джордана и растущая слава о нем не помешали ему все так же по-мальчишески «задираться». Вот пример. В одном из упражнений, придуманных Смитом, участвовали двое. Один – нападающий – получал мяч футах в пятнадцати от кольца, а другой защитник – должен был сорвать атаку. Когда в этом упражнении участвовал Майкл Джордан, вокруг площадки тут же собиралась толпа любопытных: всем было интересно понаблюдать, как день ото дня растет мастерство восходящей звезды. А вот те, кому доводилось играть против Майкла один на один, особых восторгов не испытывали. «Да разве его остановишь?» – сокрушенно вздыхал Базз Питерсон. И действительно, Майкл одной своей длиннющей рукой с ладонью, как лопата, управлялся с мячом лучше, чем многие игроки – двумя. Кроме того, у него была фантастически взрывная стартовая скорость. Игрокам, выступавшим в поединках с ним в

роли защитников – Стиву Хейлу, Баззу Питерсону или Джимми Брэддоку, – такое единоборство не доставляло ни малейшего удовольствия. Дело было не просто в постоянных проигрышах, а в скверной привычке Майкла. В раздевалке после тренировки он выводил на классной доске фамилии своих соперников и римские цифры, указывающие, сколько раз он кого обыграл.

Партнеры по команде прекрасно понимали, какое неодолимое желание побеждать таилось в душе Майкла. Возможно, он так и не забыл горечь поражений от своего брата Ларри, когда они, еще мальчишками, резвились на заднем дворе родительского дома. Разумеется, в каждом классном спортсмене заложен талант, и ни один парень не попал бы в «Каролину», если бы еще подростком не тренировался больше всех сверстников в квартале или школе, но Джордан, судя по всему, и здесь всех опережал. Он ненавидел проигрывать, будь то официальный ответственный матч, или проходная игра, или просто тренировка.

Столь же неистов он был в карточных играх и у бильярдного стола. Порой казалось, что Майкл намерен изменить давно устоявшиеся правила той или иной игры – лишь бы победить. Однажды, когда «Каролина» приехала в Шарлоттсвилль на матч с «Вирджинией», Джордан с партнерами зашел в бильярдную и предложил кому-нибудь из товарищей сразиться с ним. Согласился Мэтт Дохерти и, к несказанному удивлению Майкла, выиграл. Джордан швырнул на пол кий и, внимательно осмотрев бильярдный стол, заявил: «У этого чертового стола нестандартные размеры!» После чего с достоинством покинул зал.

Категорическое неприятие поражений стало как бы фирменным знаком Джордана – на всю его жизнь. Любое состязание он превращал в борьбу не на жизнь, а на смерть. Проигрывая в карты, он не вставал из-за стола, пока не отыгрывался. О бильярде и говорить нечего. Когда Майкл учился на втором курсе, «Каролина» приехала как-то в Атланту на матч с командой технологического института штата Джорджия. Рою Уильямсу было поручено совершить вечерний обход – проверить, чтобы все игроки вовремя легли спать. Убедившись, что в номерах отеля никого из ребят нет, догадливый Рой отправился в бильярдную, где и застал всех – во главе с Майклом. Тот обучал товарищей тонкостям игры и находился в прекрасном расположении духа: как-никак показал, что такое настоящий класс! Уильямс не стал сердиться на полуночников и присоединился к ним, слушая со смехом шутки Майкла. Неожиданно Джордан стал серьезным: «Вот вы смеетесь, уважаемый тренер, а я ведь и вас обыграю. Берите кий!»

Они сыграли три партии, и Уильямс, по-настоящему классный бильярдист, победил во всех трех. Джордан, замкнувшись в себе, не произнес ни слова. Когда все стали расходиться, он не поблагодарил Уильямса и даже не пожелал ему спокойной ночи. Наутро, за завтраком, он по-прежнему с ним не разговаривал. Час спустя команда стала садиться в автобус, чтобы ехать на тренировку. В салоне автобуса по одну сторону прохода стоял Уильямс, по другую – Эдди Фоглер, еще один помощник Дина Смита. Уильямс, кстати, никому о вчерашнем эпизоде не рассказывал. Непривычно мрачный Майкл, забравшись в автобус, молча прошел мимо тренеров. Фоглер, уловив его настроение, спросил: «Эй, Майкл! Что случилось? Неужели тренер Уильямс обыграл тебя в бильярд?»

Разъяренный Джордан, обернувшись к Рою, бросил в сердцах: «Так вы всем уже раззвонили?»

«Майкл, – вмешался Фоглер, – Рой никому ничего не говорил. Я понял, что произошло, посмотрев на твою физиономию. На ней написано: «Я проиграл»«.

На втором курсе Майкл увлекся гольфом и – типично в своем духе – проявлял и большое старание, и огромный азарт. На втором же курсе Смит поставил его на место крайнего нападающего, а Базз Питерсон играл в защите. Хотя Джеймс Уорси ушел к тому времени в профессионалы, «Каролина» оставалась очень хорошей командой. Правда, ее состав сильно омолодился, и большинство игроков не имело еще достаточного опыта, но был в «Каролине» такой игрок, как Майкл Джордан, который стоил иной команды.

В тот сезон Майкл, когда «Каролине» необходимо было обороняться, очень удачно действовал в защите. Ярко проявилось его врожденное чувство игры. Поражала быстрота, с которой он расправлялся с соперниками.

Вот один из примеров – игра с «Вирджинией». Благодаря Ральфу Сэмпсону оборона этого клуба напоминала неприступную крепость, поэтому «Вирджиния» считалась в США лучшей студенческой командой. Первый матч на выезде, в Шарлоттсвилле, «Каролина» выиграла. Ответный, домашний, состоялся 10 февраля 1983 г. Эта встреча запомнилась многим. В конце второй четверти Базз Питерсон серьезно повредил колено – настолько серьезно, что от этой травмы так никогда и не оправился. Без него натиск «Каролины» ослаб. «Вирджиния» во главе с гигантом Сэмпсоном полностью контролировала игру. В какой-то момент она вела с перевесом в 16 очков.

Однако «Каролина» постепенно начала наверстывать упущенное. Когда до конца встречи оставалось 4 минуты 12

секунд, «Вирджиния» по-прежнему вела – 63:53. И тут оборона «Каролины» сжалась, как стальная пружина. До конца матча гостям не удалось набрать ни одного очка, а хозяева продолжали наращивать мощь взрывных контратак.

И вот до конца игры остается 1 минута 20 секунд. «Вирджиния» впереди – 63:60. К счастью для хозяев, Сэмпсон неудачно выполняет два штрафных броска, но и каролинец Джимми Брэддок промахивается из трехочковой зоны. Хорошо, что под щитом вовремя оказывается Джордан. Мастерски выполненный подбор, и разрыв сокращается – 63:62. Остается играть 1 минуту и 7 секунд. С мячом – талантливый защитник «Вирджинии» Рик Карлайл. Навстречу ему грозно движется прессингующая пятерка «Каролины» во главе с Майклом Джорданом. Карлайл спокоен: он уже не раз прорывался через плотный заслон соперников. Кольцо из защитников вокруг Рика сужается, но он спокойно постукивает мячом о пол, сейчас откроется щель в кольце, и он, как всегда, проскочит через нее со своим коронным дриблингом. Но что это? Мяч куда-то исчезает, и растерянный Карлайл, обернувшись, созерцает самое ужасное зрелище в своей жизни: укравший у него мяч Майкл Джордан устремляется к щиту «Вирджинии», взмывает на невероятную высоту и одной рукой делает потрясающий «слэм-данк». Движение его руки было столь резким, что Карлайл на какую-то долю секунды решил, что Джордан промажет. Сходное ощущение испытывал и Дин Смит. После игры он спросил Джордана: «Майкл, к чему эта показуха? Почему ты просто спокойно не положил мяч в кольцо? Мог ведь и промахнуться».

«Уважаемый тренер, промахиваться не входило в мои планы», – слегка усмехнувшись, ответил тот.

Итак, «Каролина» ведет, но до конца матча еще 51 секунда, а мяч – у «Вирджинии». Карлайл бросает по кольцу – промах! Мяч отскакивает от щита, и к нему тянутся, как щупальца, огромные ручищи Ральфа Сэмпсона – каменной глыбы высотой 7 футов 4 дюйма. Каким-то чудом, дотянувшись одной рукой, мяч похищает Майкл Джордан, и победа – за «Каролиной». Да, отобрать мяч у Большого Ральфа – это целое событие в студенческом баскетболе. «Каролина» выигрывает 18-й матч подряд, но ей еще предстоят серьезные испытания: ведь до конца сезона придется играть без Базза Питерсона.

Глава 8. Чикаго, 1984 г.

В 1984 г. «Чикаго Буллз» был довольно слабым клубом, с трудом боровшимся за выживание в городе, где баскетбол традиционно считался второсортным видом спорта. Тем более в зимний сезон, когда все внимание болельщиков было приковано к их любимцам – игрокам знаменитой хоккейной команды «Чикагские Черные Ястребы». Но еще большей популярностью пользовался в городе американский футбол, а здешние «Медведи» стали клубом-символом Чикаго. За эту команду выступали жесткие, физически сильные парни, исповедовавшие столь же жесткую, даже грубую игру. Да и в образе самого Чикаго ощущалась жесткость и физическая мощь. Недаром известный американский поэт Карл Сэндберг назвал его «Широкоплечим городом». Ну а баскетбол влачил здесь жалкое существование.

До того как «Буллз» купили Джерри Рейнсдорф и его люди, наиболее влиятельной фигурой среди владельцев клуба был Артур Виртц, крупнейший в Чикаго делец в сфере недвижимости. Многим он внушал страх. Виртц разительно отличался от нынешних, более лощеных и обходительных владельцев спортклубов. Его власть была неограниченной и непререкаемой, а сам он представлял собой воротилу большого бизнеса, каких в Чикаго тогда насчитывалось очень немного. Это был огромный мужчина ростом шесть футов четыре дюйма и весом почти триста фунтов. Он и дома строил под стать себе – такие же огромные и мрачные. Виртц был бизнесмен до мозга костей, не брезговавший и сомнительными сделками, а спорт, и в частности баскетбол, его особенно не интересовал. Он, правда, построил на свои деньги стадион «Чикаго», но не из любви к спорту, а в ожидании будущих доходов от арендаторов стадиона. Клуб НБА сулил неплохую выручку: как-никак 41 домашний матч в сезоне, не считая игр «плей-офф».

В отличие от нынешних воротил спортивного бизнеса, Виртц не занимался такими пещами, как промоушн и маркетинг. Брайан Макинтайр, возглавивший со временем в НБА отдел связи с прессой, ранее, в конце 70-х гг., работал в клубе «Чикаго Буллз». Знакомясь с его делами, он, к своему ужасу, обнаружил, что продажей билетов здесь занимается всего лишь один служащий. Трудно поверить, но не было в клубе человека, который специально бы ведал продажей сезонных абонементов. В 1984 г., когда в «Буллз» появился Майкл Джордан, на стадион было продано всего 2 тысячи абонементов. В связи с этим Макинтайр вспоминал курьезный случай. Однажды ночью в офис клуба

проникли взломщики. Кое-чем поживились, а затем подбросили обратно огромную пачку сезонных билетов.

Макинтайр предложил руководству клуба привлечь к распространению сезонных билетов студентов городских колледжей, выплачивая им 10 процентов комиссионных. Но Виртц и слушать его не стал. Во-первых, он не думал, что студенты продадут, много билетов, а во-вторых, ему очень не хотелось делиться с кем-либо десятью процентами. Как вспоминал Макинтайр, с одной из городских радиостанций клуб заключил контракт, оговаривающий право на трансляцию 20 матчей. За каждую трансляцию станция выплачивала клубу 5 тысяч долларов. Затем Виртц взвинтил цену, и право на трансляцию перешло к станции, у которой был столь слабый радиосигнал, что большинство чикагцев не слышало репортажей со стадиона.

Но чаще всего Макинтайр вспоминал случай, произошедший с ним в году, когда «Буллз» добрались до серии «плей-офф». Он опаздывал на работу и вынужден был превысить скорость. Его тут же остановил полицейский. Чтобы отвертеться от штрафа, Макинтайр сообщил копу, кто он такой, и предложил ему билеты на матчи «плей-офф». «Ненавижу баскетбол, – сказал полицейский. – Вот хоккей – другое дело. Может, найдется билетик?» Да, решил Макинтайр, этот коп говорит от лица всего Чикаго!

За год до прихода в клуб Майкла Джордана звезда «Буллз» Реджи Теус, поссорившись с тренерами, накануне сезона куда-то исчез. Когда он вдруг объявился, старший тренер Кевин Лафери, рассерженный выходкой Реджи и давно имевший на него зуб за его излишнюю самоуверенность (Теус считал, что все атаки «Буллз» должен завершать только он), надолго посадил строптивца на скамейку запасных. Теус, конечно, был недоволен. Негодовали и чикагские болельщики, для которых он – единственный из команды – был светом в окне. Реджи вел себя вызывающе. То обмотает голову полотенцем, чтобы вызвать сочувствие у публики. То закажет в буфете пиццу и съест ее прямо на скамейке запасных, во время игры.

Вообще до прихода Джордана «Буллз» не везло во всем. Даже когда право приобрести талантливого новичка из числа студентов решал жребий, судьба от чикагцев отворачивалась. Однажды в конце 70-х гг. команда, выступавшая на редкость бледно, замкнула турнирную таблицу. В качестве утешительного приза клубу предоставили возможность пополнить свои ряды студентом университета штата Мичиган в Ист-Лансинге, игроком очень способным и жизнерадостным, успевшим уже завоевать

известность. Звали его Мэджик Джонсон. Перспектива для клуба была заманчива, но шансы – 50 на 50. Вопрос, кому достанется Джонсон, «Буллз» или «Лейкерс», решался путем жребия. В Чикаго заволновались. Руководство клуба, не зная, что говорить: «орел» или «решка», – предоставило выбор болельщикам.

Это была ошибка. Так, во всяком случае, считает Джонни Керр, в далеком прошлом тренер «Буллз», а начиная с 1975 г. постоянный радио и телекомментатор матчей с их участием. Керр уже сталкивался с подобной ситуацией, работая тренером «Финикс Санс». Этот клуб и «Милуоки Бакс» оспаривали путем жребия приобретение Лью Алсиндора (ставший позже известным всему миру игроком пол именем Карим Абдул-Джаббар). Руководители «Финикса» опросили болельщиков, послушались их и в результате проиграли. Алсиндор достался «Милуоки», а «Финикс» – на свою беду – довольствовался Нилом Уоком, двигавшимся по площадке как сомнамбула. После того случая Керр всегда повторял: «Послушаете болельщиков и кончите тем, что займете места на трибунах вместе с ними».

Тем не менее, когда настало время «разыгрывать» Мэджика Джонсона, Род Торн сказал вслед за болельщиками: «Решка!»

Оказалось – «Орел». Вместо Джонсона «Буллз» достался Дэвид Гринвуд, игрок вполне достойный, но без огонька – просто отрабатывал контракт. Не повезло «Чикаго» и с Сидни Монкрифом (опять злосчастный жребий!), который, попав в «Милуоки», в течение десяти лет считался одним из лучших универсальных игроков НБА, одинаково сильным и в защите, и в нападении. Перед тем как решалась судьба Сидни, Джонатан Ковлер, один из менеджеров «Буллз», сказал, что на кону – 25 миллионов долларов. «Я был не прав, – заметил он спустя несколько лет. – На самом деле, на кону стояло 200 миллионов».

В общем, чикагцам с новобранцами явно не везло. Они часто стояли во главе очереди за будущими звездами, но то выбор был небогат, то они выбирали не тех. Например, в 1980 г. клуб был одним из первых в этой очереди и приобрел хорошего игрока Ронни Лестера, но вскоре из-за серьезной травмы колена его спортивная карьера оборвалась. А вот «Филадельфии» в ходе того же драфта, хотя у нее выбор был не столь широк, достался очень ценный игрок – Эндрю Тони. В 1981 г. «Буллз» приобрел Орландо Вулриджа, возлагая на него большие надежды. Но он к тому времени потерял форму. Говорившие в его пользу статистические показатели совершенно не подтверждались его игрой. В том же году чикагцы заполучили Ларри Нанса и Тома Чемберса, о которых сказать что-либо определенное трудно. В 1982 г. в клуб пришел Квинтин Дейли, оказавшийся завзятым наркоманом.

Вслед за ним появились в «Буллз» Рикки Пирс и Пол Пресси. Когда тренер Марк Пфайль пытался надавить на Дейли по поводу его вредной привычки и сказал ему, что если он не расстанется с наркотиками, то кончит свою жизнь на улице, тот разразился гневной тирадой: «Кончу жизнь на улице? Да я там уже жил. Жил и, представьте себе, выжил. Я на улице заработаю больше денег, чем на баскетбольной площадке. Так что не вздумайте меня пугать!»

В 1983 г. «Чикаго Буллз» стоял в очереди пятыми, но год выдался бедным на таланты. Руководство клуба остановило свой выбор на Сидни Грине, игроке высокорослом, но весьма средних способностей. В «Буллз» все время происходила ротация состава. Почти с той же частотой сменяли друг друга старшие тренеры. За краткий период, начиная с сезона 1978/79 г. и включая сезон 1986/87 г., когда команду возглавил Дуг Коллинз, на посту старшего тренера перебывали Скотти Робертсон, Джерри Слоун, Род Торн, Пол Уэстхед, Кевин Лафери, Стэн Албек.

В сезоне 1983/84 г. команда выиграла лишь 27 матчей, проиграв 55. Поскольку неудачники получают в НБА поблажки, «Буллз» во время драфта-84 отвели почетное третье место в очереди за новобранцами. Их перещеголяли и соответственно опередили лишь «Хьюстон» и «Портленд». В ту пору все клубы мечтали заполучить игроков-великанов. Это уже потом Майкл Джордан и баскетболисты примерно его роста и его уровня игры сломали устарелые критерии отбора будущих звезд. А тогда самой ценной добычей считался Аким Оладжьювон из Хьюстонского университета. Атлетически сложенный гигант, трудяга и скромник, он начал играть в баскетбол сравнительно недавно, что и придавало ему особую ценность: талант этого парня только расцветает, год от года он будет играть все лучше и лучше. Так, собственно говоря, и случилось.

Вторым после Акима котировался, по мнению многих баскетбольных специалистов, Майкл Джордан. Но вот беда: он был атакующий защитник. Не центровой, не таранный форвард и не опорный защитник. В НБА традиционно считалось, что атакующий защитник не вытянет из болота слабую команду. Даже выдающийся игрок такого амплуа может быть лишь довеском в отлаженной команде, достойной чемпионского звания. Стало быть, клубы, стоящие во главе очереди, вряд ли позарятся на Джордана.

Что же касается великанов, то вторым после Оладжьювона высоко ценился Сэм Боуи, игравший в студенческой команде «Кентукки». Это был высокорослый и умный игрок, но он обладал существенным недостатком – его мучила серьезная травма ноги,

заработанная в студенческие годы. Существовала еще одна проблема, более скрытая. Некоторые сомневались, действительно ли Сэм получает истинное наслаждение от баскетбола, хватит ли у него драйва и задора, чтобы поднять и свою игру, и игру команды в целом на более высокий уровень.

«Быки» отнеслись к кандидатуре Боуи скептически. Совсем недавно они уже столкнулись с подобным случаем, приобретя Ронни Лестера, чей организм напоминал подержанный драндулет. А вот «Портленд», стоявший в очереди вторым, явно приценивался к великану Сэму. Наверное, потому, что однажды этот клуб стал чемпионом НБА, сплотив игроков вокруг высокорослого и талантливого Билла Уолтона (впрочем, Боуи до Уолтона было далеко). Что же касается Джордана, то в составе «Портленда» уже имелся баскетболист примерно такого же роста и сходный с Майклом по манере игры – Клайд Дрекслер, который довольно успешно провел свой первый, трудный, как всегда, сезон под недремлющим оком строгого тренера Джека Рамсея. К восторгу чикагских селекционеров, «Портлендские следопыты» делали сейчас ставку на высокорослого центрового. Впрочем, не все считали их выбор правильным. Бобби Найт, тренировавший соперников «Каролины» в студенческих чемпионатах, но тем не менее призвавший под знамена олимпийской сборной именно Майкла Джордана, буквально влюбился в него. Сейчас, во время торгов, Найт пытался убедить своего близкого друга Стью Инмена, отвечавшего в «Портленде» за селекцию, махнуть рукой на Боуи и взять в команду Джордана.

«Но нам нужен центровой», – отбивался Инмен. «Стью, возьми Джордана и поставь его в центр», – продолжал настаивать Найт.

Некоторые оперативные функции в «Буллз» осуществлял тогда Джонатан Ковлер, очень богатый молодой человек, наследник состояния империи, производящей виски «Джим Бим», и баскетбольный фанат. Руководство клуба часто использовало эту представительную фигуру как ширму, за которой скрывались прорехи в управлении собственностью «Буллз». Однажды, например, чикагцам хотели продать очень хорошего игрока и по вполне сходной цене, но, пока Ковлер созывал на переговоры всех своих партнеров, выгодная сделка сорвалась.

Главным селекционером клуба, подчинявшимся непосредственно Торну, был молодой человек по имени Майк Тибо – классический тип специалиста, связавшего всю свою жизнь с НБА. Он, казалось, был рожден или, вернее, обречен на то, чтобы стать вечным помощником старшего тренера или селекционером, любить баскетбол больше всего на свете, не зарабатывая при этом больших денег, мотаться по крошечным

городкам и без конца наблюдать за малоинтересными матчами никому не известных команд. Однако работа захватывала его по-настоящему. Майк верил, что когда-нибудь отыщет либо одного великого игрока, либо сразу нескольких не столь уж великих, но которые вместе составят уникальный ансамбль.

«Буллз» несказанно повезло, что их очередь была всего лишь третья. НБА постоянно расширялась, число команд, входивших в нее росло, очередь растягивалась, и шансов на право первой, а также второй и третьей «ночи» становилось все меньше. Между тем ошибки при наборе новобранцев, гонорары которых резко возросли, влетали клубам в копеечку. В 1984 г. Тибо наблюдал за игрой Майкла Джордана раз десять. Несколько раз видел его в деле и Род Торн. Учитывая специфику программы Дина Смита, трудно было реально оценить потенциал его воспитанника. Тем не менее Тибо и Торн пришли к единодушному мнению, что Майкл станет очень хорошим профессиональным игроком, а может, даже игроком великим: он всего лишь студент, но как баскетболист вполне сложился.

До тех пор пока он не увидел Джордана, Тибо считал, что в истории студенческого баскетбола не было игрока, равного Мэджику Джонсону. Но теперь он изменил свое мнение: огонь, горевший внутри Майкла, был посильней, чем у Мэджика. Интересная деталь: Тибо видел Джордана в официальных матчах, а тренеры «Каролины» говорили ему, что настоящие чудеса Майкл чаще вытворяет на тренировках. В итоге Тибо решил, что кроме Джордана ему никто не нужен, и молил Бога, чтобы слепцы из «Портленда», помешавшиеся на Сэме Боуи, не прозрели.

Род Торн согласился со своим подчиненным, физическое состояние Боуи внушало ему опасения, тем более что в истории клуба был уже прецедент – развалина Ронни Лестер. Кроме того, Торна покорила одержимость, с которой Майкл Джордан действовал буквально в каждом игровом эпизоде. Правда, Род не так уж много раз видел Майкла «живьем», но поскольку он подружился с Дином Смитом, то при наездах в Чепел-Хилл мог просматривать в кинозале фильмы, запечатлевшие матчи с участием «Каролины». Любезность со стороны Дина Смита оказалась как нельзя кстати: Род Торн получил отличную возможность, не вставая с кресла, присматриваться к игрокам не только «Каролины», но и к их многочисленным соперникам.

После нескольких кинопросмотров Торн многое узнал о Джордане и от многого пришел в полный восторг. Было видно, как год от года Майкл заметно прибавляет в мастерстве, добавляет в свой арсенал новые элементы, совершенствует игру в защите. Но самое главное – его взрывной стиль. Он возникает, как

из небытия, в нужном месте в нужный момент и ломает ход игры на скорости, невиданной в студенческом баскетболе. Иногда Торн, не веря своим глазам, останавливал фильм, прокручивал его назад и снова внимательно изучал поразивший его эпизод. Нет, этому научить нельзя, сколько ни бейся. Это заложено самой природой! У себя, в Чикаго, Торн все чаще заводил с руководством клуба разговоры о Джордане, напирая на то, что его надо приобрести любой ценой.

Дин Смит одобрил решение Торна, хотя и в своей традиционной манере – сдержанно. Он всегда подчеркивал, что в его команде все игроки – как на подбор. А вот тот факт, что Джордана жаждал заполучить Билли Каннингхем, укрепил уверенность Торна и Тибо в правильности их выбора. Оставалось найти поддержку у Ковлера. Тибо, побаивавшийся, что Ковлер сделает ставку на новобранца-великана, предложил Торну как-то перехитрить его и взять дело в свои руки. Однако Ковлер полностью с ними согласился. В результате 19 июня 1984 г. Майкл Джордан стал игроком «Чикаго Буллз» – третья очередь оказалась для этого клуба счастливой.

Впрочем, Тибо хотел в том же году заполучить еще одного игрока – невысокого, но коренастого белого паренька Джона Стоктона, выступавшего за команду скромного, небольшого Гонзагского университета в Спокейне, штат Вашингтон. Джон показался чикагскому селекционеру стойким, неустрашимым бойцом, к тому же хорошо видевшим площадку. Но в результате сложных перипетий Стоктон попал в «Юту», которая тоже заинтересовалась им. Тибо долго сокрушался: из Джордана и Стоктона получилась бы, по его мнению, идеальная пара защитников.

В тот же день, 19 июня 1984 г., Рон Коули, в свое время работавший на общественных началах помощником тренера в средней школе Уилмингтона, где учился Майкл Джордан, позвонил Джеймсу Джордану. «Забудьте об Оскаре Робертсоне и Джерри Уэсте, – сказал Коули отцу Майкла, упомянув двух лучших защитников времен своей молодости. – Самый великий защитник в истории баскетбола появился в НБА только сегодня».

Глава 9. Нью-Йорк; Бристоль, Коннектикут, 1979-1984 гг.

В том году, когда Майкла Джордана взяли в НБА, американский профессиональный баскетбол переживал своего рода ренессанс. Во многом благодаря зрелищному соперничеству двух ярчайших звезд – Мэджика Джонсона и Ларри Бёрда, олицетворявших собой столь же яркие команды-соперницы – «Лос-Анджелес Лейкерс» и «Бостон Селтикс». Пятью годами ранее, когда эти игроки были зелеными новичками, финансовое состояние НБА привело лигу на грань краха. Над ней издевалась вся Мэдисон-авеню (фешенебельная улица в Нью-Йорке, где размещены штаб-квартиры крупнейших торговых и рекламных фирм). Ее игнорировало кабельное телевидение. Достаточно сказать, что финальный матч чемпионата 1980 г. – интереснейшее спортивное событие с участием вундеркинда Джонсона («Лейкерс») и неподражаемого Джулиуса Ирвинга («Филадельфия-76») – страна смотрела не в реальном времени, а поздней ночью, в записи, сделанной Си-би-эс.

А вот студенческий баскетбол процветал. Вся страна с увлечением следила за ходом умело разрекламированных финальных турниров. Сказать по правде, популярность, пришедшая к НБА в 80-х гг. и связанная с увлекательным соперничеством Бёрда и Джонсона, коренится в давнем противостоянии этих звезд, когда они были еще студентами. Нельзя не вспомнить захватывающий финал чемпионата НАСС в 1979 г. Это был незабываемый матч. Сошлись «летающая крепость» – команда университета штата Мичиган, где блистал темнокожая звезда Мэджик Джонсон, и нетитулованная, но задорная команда университета штата Индиана, ведомая белой звездой – Ларри Бёрдом. Победили тогда мичиганцы, но и их соперники заслуживали не меньшей похвалы.

В пору, когда Джонсон и Бёрд пришли в НБА, профессиональный баскетбол находился в плачевном состоянии. Общественное мнение США считало этот спорт, во-первых, спортом черных, а во-вторых, скопищем грязи, коррупции и пороков. Все игроки – наркоманы, которым удается взять себя в руки лишь на последних минутах матча. К тому же им платят незаслуженно высокие гонорары (на самом деле средний совокупный доход всех игроков клуба не превышал тогда миллиона долларов).

Даже зимой 1982/83 г., когда Джонсон и Бёрд уже

демонстрировали на площадках истинные чудеса, корпорация редко транслировала матчи, а репортажи о самых интересных играх передавались в записи. НБА делала вид, что ничего страшного не происходит: меньше трансляций – больше зрителей на стадионах. Но на самом деле той зимой руководство лиги пыталось найти хоть какой-то выход. Когда владельцы клубов съехались на матч «Всех Звезд», между ними зашел разговор по поводу возможного роспуска нескольких слабейших команд. Был и другой вариант: объединять по территориальному принципу, два захиревших клуба в один.

Плохи дела были, в частности, в «Кливленде». Владелец этого клуба Тед Степьен обладал неистребимой привычкой продавать хороших молодых игроков, подающих надежды, и приобретать взамен именитых ветеранов, чья спортивная карьера была уже на излете. Лига наконец вмешалась, поставив во главе «Кливленда» нового человека – Гордона Ганда и одарив клуб двумя перспективными новичками.

Было и такое предложение: разбить сезон на два чемпионата в надежде, что это повысит зрительский интерес к матчам. Кроме того, учитывая претензии болельщиков, утверждавших, что игроки не выкладываются полностью на протяжении всего матча, руководство НБА подумывало и о такой новинке – за победу в каждой четверти матча начислять команде дополнительное очко в турнирной таблице.

В том году матч «Всех Звезд» проходил в Нью-Джерси, штате, представленном в профессиональном баскетболе клубом «Нью-Джерси Нетс», вечным неудачником. «Нетс» находился на грани полного развала, руководство и игроки менялись как в калейдоскопе. Сначала команда выступала в Американской баскетбольной ассоциации. В НБА она смогла попасть лишь потому, что ее руководство решило продать Джулиуса Ирвинга в «Филадельфию-76», тем самым заплатив вступительный взнос. Авторитет и магнетическая притягательность этого игрока обеспечили успех этого нехитрого дела. Однако популярность баскетбола в Нью-Джерси от этого только уменьшилась, так как, продав лидера команды, «Нетс» проигрывали всем подряд. Матч «Всех Звезд» не вызвал никакого ажиотажа. Оставались нераспроданными 5 тысяч билетов. Дело дошло до того, что всем клеркам НБА было поручено раздать как можно больше билетов своим знакомым – иначе получилось бы смехотворное зрелище. Представьте себе: матч «Всех Звезд», а объективы телекамер скользят по пустым трибунам.

И вот тогда в бои начали вступать свежие силы, призванные сделать лигу жизнеспособной и привлечь к ней интерес

крупнейших корпорации и рекламных агентств. В состав руководства НБА вошел Дэвид Стерн – молодой, энергичный человек, страстный поклонник баскетбола, с уважением относившийся к знаменитым игрокам. Дэвид к тому же прекрасно разбирался в тонкостях паблик рилейшнс (связей с общественностью), и еще до того, как он был назначен комиссаром НБА он уже играл в штабе лиги первую скрипку.

Что же касается тогдашнего комиссара НБА Ларри О'Брайана то он к своим обязанностям относился равнодушно, хотя очень любил покрасоваться с важным видом перед телекамерами. В свое время он прошел хорошую школу политических игр в высших эшелонах команды Кеннеди, где считался непревзойденным, хотя и несколько старомодным специалистом по проведению избирательных кампаний. С самим Джоном Кеннеди О'Брайан был, можно сказать, на короткой ноге, поэтому после 22 ноября 1963 г. в его жизни, как и в жизни, других приближенных убитого президента, оборвалось что-то важное. Одно время он работал в администрации Линдона Джонсона, возглавляя почтовое ведомство США. Однако Джонсон не слишком доверял человеку из команды Кеннеди, а старые друзья О'Брайана по работе, хранившие верность команде покойного президента, считали его перебежчиком.

Расцвет эры телевидения и превращение СМИ в четвертую власть (взять хотя бы бесконечные рекламные вставки по всем телепрограммам и постоянные публикации, подводящие итоги опросов общественного мнения) привели к тому, что люди типа О'Брайана, поднаторевшие в избирательных кампаниях и не растерявшие старых политических связей, оказались востребованными.

В апреле 1975 г. О'Брайан пришел в НБА на должность комиссара. Основной его задачей стало осуществить слияние лиги с соперничающей с ней АБА. Он выполнил эту миссию весьма умело и искусно. Между тем к игре как таковой и к блиставшим на площадке игрокам О'Брайан почти никакого интереса не проявлял. Исключением можно назвать его частые посещения матчей, проходивших в «Бостон Гарден». Во времена его молодости за клуб «Бостон Селтикс» выступали прекрасные игроки. Это, возможно, придавало дополнительную окраску его ностальгическим чувствам. На трибунах О'Брайана многие узнавали и приветствовали, словно вернувшегося домой триумфатора. В эти мгновения два мира – спорт и политика - сливались в его душе в один, и он был снова молод и оптимистичен Говоря откровенно, комиссар НБА не был перегружен делами. Да и вообще чувствовалось, что он

разочарован тем, как сложилась его жизнь. Это было, наверное, свойственно всем людям из команды Кеннеди -некогда молодым энтузиастам, чьи большие надежды так трагически и неожиданно оборвались в Далласе в ноябре 1963 г. И в конце 70-х, н начале 80-х г. О'Брайан добросовестно выполнял все, что ему поручалось, но делал это скорее механически, не вкладывая душу.

Теперь – о Дэвиде Стерне. Исполненный решимости преобразить имидж лиги, он был твердо уверен, что финансовое благополучие НБА и здоровая психологическая атмосфера в коллективе напрямую зависят от ее тесного сотрудничества с крупными корпорациями США. В этом смысле Стерн по-хорошему завидовал Питу Розелю, сумевшему построить почти идеальные взаимоотношения между Национальной футбольной лигой и воротилами американского бизнеса.

НБА нужны были, конечно, солидные финансовые вливания, и Стерн хотел заполучить в качестве спонсоров крупнейшие корпорации, такие как «Кока-Кола» или «Макдоналдс». Если они пойдут ему навстречу, за ними потянутся и другие компании. Итак, Стерн начал действовать.

Однако, когда он посетил офисы крупнейших рекламных агентств, минуя которые на богатых спонсоров не выйти, он словно бы наткнулся на глухую стену, хотя многие крупные фирмы охотно спонсировали студенческий баскетбол. В одном из нью-йоркских рекламных агентств, расположенных на Мэдисон-авеню (а это агентство представляло интересы автомобильной империи), Стерну прямо сказали: «Да, студенческий баскетбол наш босс финансирует, а ваш, профессиональный, ни за что не станет. У вас там слишком много черных». Обескураженный Стерн показал рекламщикам демографические выкладки (НБА проводила специальное исследование), доказывающие, что расовый состав болельщиков, приходящих на матчи студентов и профессионалов, примерно один и тот же. А главное – среди зрителей преобладает молодежь, а новое поколение отбросило расовые предрассудки. В ответ – гробовое молчание. Да, эти предубеждения не вытравишь, с горечью подумал Стерн. Снобы, окопавшиеся в богатейших корпорациях, от спорта далеки. И не спорт их волнует, а то, на что большинство американцев стараются закрыть глаза, – растущая мощь черной Америки.

Когда Стерн занял в НБА ответственный пост, он сразу же взял в свой штат Рика Уэльтса, талантливого молодого человека, который до этого работал в Сиэтле, в профессиональном баскетбольном клубе «Суперсоникс», и, столкнувшись с той же ситуацией, что и сам Стерн, у себя, в штате Вашингтон, на северо-западе США, удачно с ней справился. Перед Уэльтсом была

поставлена конкретная задача: работать от имени Стерна с рекламщиками с Мэдисон-авеню, чтобы те нашли для НБА богатых спонсоров. Однако Уэльтс, как и его босс, потерпел фиаско. И по той же причине. В профессиональном баскетболе доминировали чернокожие спортсмены, а законодатели вкусов массового потребителя не хотели мириться с этим. «На нас смотрели, – вспоминал Уэльтс, – будто мы олицетворяем собой не прекрасную игру баскетбол, а какую-то борьбу без правил или, скажем, соревнования по вытягиванию трактора из вонючего болота».

Уэльтс и Стерн недоумевали: ведь студенческий баскетбол продолжал привлекать спонсоров, хотя и там чернокожих спортсменов было немало. Потом они разобрались, в чем дело. Среди руководителей студенческого спорта, да и всей системы высшего образования США большинство ключевых постов занимали представители белой расы! Поэтому предрассудки уживались с известным снисхождением: солдатами могут быть и черные – важно, чтобы генералами были белые Не случайно в мире спорта так не любили тренера Джона Томпсона и его команду, представлявшую Джорджтаунский университет. Тренер и его ребята были для белой администрации бельмом на глазу. Мало того что Томпсон – негр, так еще и команда его выступает успешно, символизируя собой растущее самосознание черной Америки. Между тем и Томпсон, и его воспитанники были далеки от политики, не высказывали никаких радикальных взглядов и прилежно учились. Тренер требовал от всех игроков, чтобы они ни в коем случае не запускали занятий и выходили из стен университета с дипломами.

Несмотря на отдельные подобные исключения, студенческий баскетбол рассматривался как часть американского традиционного образа жизни и традиционных ценностей, а вот баскетбол профессиональный из этих рамок выпадал. Игроки были неуправляемы, никто их контролировать не мог, поскольку контракты, заключенные с ними, разорвать руководители клубов не имели права.

Спортивные чиновники призадумались: нужны были срочные изменения в трудовом законодательстве, поскольку игроки получили более широкие права, чем их тренеры. Сказались и другие распространенные предубеждения. Например, игроков почему-то считали лентяями, хотя ни один изнеженный лодырь не выдержал бы в НБА ее изнурительные сезоны. А если на страницы прессы попадало сообщение о том, что такой-то баскетболист (разумеется, чернокожий) пристрастился к наркотикам, поднимался невероятный гвалт: вот они, хваленые

профессионалы – купаются в деньгах, потому и бесятся с жиру. «Подождите, – резонно замечали здравомыслящие люди, – присмотритесь к молодым клеркам и финансистам с Уолл-стрит. Они тоже неплохо зарабатывают, и наркоманов среди них тоже хватает. Наркомания – беда всего нашего общества, а не НБА».

Рик Уэльтс приехал на новое место работы в Нью-Йорк полным энтузиазма: сейчас он расшевелит этих рекламщиков с Мэдисон-авеню. Но прошло несколько бесплодных месяцев, и как-то ночью, сидя в одиночестве в номере отеля, он понял, что планы его рушатся. Наверное, старею, с горечью подумал Рик. Хорошо еще, что он постоянно находил поддержку и понимание со стороны Дэвида Стерна. Как бы занят тот ни был, каждый вечер он звонил Рику – подбадривал его, давал всяческие советы. В глазах Уэльтса Стерн был идеальный босс – молодой, энергичный энтузиаст, наделенный невероятно острым умом, преданный баскетболу и верящий в успех своего дела.

Стерн и Уэльтс были абсолютно уверены, что причины их неудач коренятся в расовых предрассудках американской элиты. Стерн в связи с этим полагал, что если в НБА подтянуть дисциплину и постараться избегать неприятных эксцессов, то внимание общественности невольно переключится со сплетен и слухов вокруг спорта на саму игру. Публика воочию убедится, насколько талантливы профессиональные баскетболисты и с какой страстью они сражаются на площадке.

Борьба за выживание НБА тем временем продолжалась. Собирался сократить рекламные вставки во время телетрансляций матчей один из немногочисленных спонсоров лиги – компания, производящая пиво. Руководители фирмы объяснили свое решение тем, что их продукция рекламируется на «специфическом рынке» (в вежливой форме это означало: «Рекламировать товар для черных – дело неприбыльное»). Действительно, большинство телезрителей, наблюдавших за матчами НБА, составляли жители негритянских кварталов, но все равно – такое решение рекламодателей иначе как открытым проявлением расизма не назовешь. Впрочем, со временем Стерну удалось заключить довольно выгодный контракт с другой пивной компанией – «Миллер».

Хотя предубеждения сильней реальности, решил Стерн, но с ними все же можно бороться. Призвав на помощь некоторых коллег из НБА и представителей Ассоциации игроков, он попытался сломать эти предубеждения. В начале 80-х гг. именно благодаря его усилиям с Ассоциацией игроков было заключено два важных соглашения. Одно – тест на употребление наркотиков. Другое ограничивало предел гонораров игроков. Оба эти

соглашения позволили изменить имидж НБА в глазах не только рядовых американцев, но и руководителей крупнейших корпораций США. Повсюду стали уже говорить о том, что в НБА наведен порядок и ее игроки, в конце концов, не такие уж плохие ребята. А раз к такому мнению пришли акулы бизнеса, то что оставалось делать рядовым клеркам?

Руководство лиги признало, что проблема наркомании все-таки существует, и установило правила. Если игрок добровольно признавался в своих пристрастиях, то его зарплата сохранялась полностью и его бесплатно лечили. Если он появлялся со своими проблемами вторично, его снова лечили (бесплатно), но из гонорара вычитали соответствующую сумму. Игрока, «пойманного» в третий раз, изгоняли из лиги окончательно. Такое соглашение – довольно либеральное – устраивало всех. По мнению Стерна, Ассоциация игроков была очень надежным партнером. Особенно он ценил Боба Лэньера, бывшего центрового «Детройта», всегда возмущавшегося расхожим стереотипом: «Если ты чернокожий громадного роста и хорошо одетый, значит, ты баскетболист или бывший баскетболист, но что уж точно, то наркоман».

После установления потолка в гонорарах баскетболистов владельцы и игроки стали равноправными партнерами, игроки получали 53 процента от всех доходов клуба. В те времена заработки всех спортсменов неимоверно возросли, но баскетболисты оправдывали свое благосостояние – болельщики, разбирающиеся в этом виде спорта, понимали, что игроки выкладываются на площадке полностью. Эта игра у всех повышала адреналин в крови, что нельзя было сказать о бейсболе. И постепенно ореол бейсболистов стал угасать. Телевизионщики все реже показывали кадры, где бейсболист-мультимиллионер, вместо того чтобы бежать во всю прыть, двигается мелкими шажками.

Позиции Стерна в НБА укреплялись. Он уже считался кандидатом на пост Ларри О'Брайана, семилетний контракт которого истекал в 1984 г. Много позже Кевин Лафери, в прошлом игрок и тренер, сказал, что НБА в ее худшие минуты спасли пять человек: Джулиус Ирвинг, Мэджик Джонсон, Ларри Бёрд, Майкл Джордан и, конечно, Дэвид Стерн. Стерн, впрочем, был слишком умен, чтобы преувеличивать свои заслуги. Он всегда оценивал себя самокритично и не позволял окружающим расточать ему похвалы, хотя на самом деле он сделал многое.

Стерн предпочитал говорить, что ему просто повезло. Например, Ларри Бёрд и Мэджик Джонсон завербовались в НБА как раз перед тем, как он стал комиссаром лиги, а приход Майкла

Джордана совпал со временем его назначения на этот пост. Кроме того, Стерн ссылался на чудо, явившееся в лице кабельного телевидения. Джонсон и Бёрд пришли в НБА осенью 1979 г., а ведь именно тогда начала вещание хилая на первых порах кабельная сеть спортивно-развлекательных программ. Проницательный Стерн прекрасно понимал, что в стайерской гонке за успехом не нужно много обещать – люди сами оценят твои достижения. А оценив их, захотят иметь с тобой дело.

Эти простые в общем-то истины Дэвид усвоил еще в детстве. Он был сыном владельца продуктового магазина в Челси, одном из кварталов Манхэттена, и хотя семья его была не бедной, но все же не принадлежала к высшему обществу. Так что Дэвид, даже учась в юридической школе при Колумбийском университете, работал в магазине отца. Эта лавка находилась на 8-й авеню, между 22-й и 23-й улицами, неподалеку от «Мэдисон-сквер-гарден». Вокруг располагались крупные супермаркеты, и, чтобы выжить в такой конкуренции, Стерн-отец работал не щадя сил. Его магазин был открыт чуть ли не круглосуточно, а закрывался лишь на два дня в году – во время важнейших еврейских праздников. Типичная американская история – старшее поколение трудится в поте лица, принося себя в жертву ради потомков, обеспечивая им хорошее образование и свободу выбора жизненного пути.

Сам Дэвид Стерн считал, что нигде так хорошо не научишься работать с людьми, как проведя долгое время за кассой магазина. По мнению друга Стерна, Дика Эберсола, руководителя спортивных программ NBC, только у Дэвида мог быть такой широкий круг знакомых и только он умел находить общий язык что со знаменитостями, что с мелкими клерками. А причина, как полагал тот же Эберсол, крылась опять-таки в его прошлом – в работе за кассой продуктовой лавки.

Магазин Стерна-отца выжил благодаря невероятному трудолюбию владельца и его умению обращаться с покупателями. Сам Уильям Стерн вырос в детском приюте и поэтому всеми силами старался оградить свою семью от жизненных невзгод. Работая, как вол, он старался держаться в тени. Покупателям и в голову не приходило, что этот скромный, незаметный человек – владелец магазина. Он был не просто вежлив с покупателями, он умел внушить им, что они – люди, достойные уважения. Сын перенял привычки отца. Его всегда коробили манеры владельцев и продавцов других магазинов, которые судили клиентов по одежке, наметанным глазом определяя, кто сколько денег может оставить в кассе.

В магазине Стерна-отца о людях по одежке не судили, что и

послужило хорошим уроком для Стерна-сына, когда тот, выбираясь из низших слоев американского общества, начал карабкаться вверх, в привилегированный класс, где ему со временем каждый день приходилось иметь дело с финансовыми и индустриальными магнатами. Посещая днем юридическую школу при Колумбийском университете, Дэвид чувствовал себя наверху социальной лестницы, а по вечерам, работая в магазине отца, он снова спускался по ней вниз. Он уже многое понимал. Заметил, например, что некоторые служащие соседних магазинов были людьми довольно приятными. Другие не отличались радушием, но, встречая состоятельного клиента, тут же расплывались в фальшивой улыбке. Третьи же всегда и со всеми вели себя хамовато. А вот Стерн-старший приветливо встречал всех посетителей и умел к каждому найти нужный подход. В этом, наверное, и состоял секрет процветания его скромного бизнеса.

Дэвид болезненно воспринимал случаи, когда кто-либо проявлял неуважение к людям. Естественно, он не терпел бестактностей и в свой адрес. Как-то раз, только что окончив юридическую школу, он отправился со своей женой Дайаной покупать новый автомобиль. Оба они были одеты скромно, даже небрежно. Менеджер, продававший машины, выставленные на стоянке, повел себя высокомерно и снисходительно отмахивался от вопросов о цене товара. Он несказанно удивлялся: откуда у этой парочки хиппи деньги на такую элегантную модель? Почувствовав нарастающее раздражение, Дэвид вызвал другого менеджера – молодого человека, только что получившего повышение. «Послушай, парень, – отеческим тоном произнес он, – сейчас ты оформишь самую легкую сделку в своей жизни». И в считанные минуты купил дорогущую машину.

В мальчишеские годы Стерн был страстным поклонником спорта. Летом он старался не пропустить ни одного бейсбольного матча и, как он вспоминал потом, подолгу мучился над вопросом, кто из нью-йоркских бейсболистов лучше всех играет в центре поля: Уилли Мейс, Микки Мантл или Дюк Снайдер. Зимой Дэвид с тем же азартом следил за баскетбольными баталиями, болея за «Никс». По карточке школьника он покупал льготный билет, всего за 50 центов, на дешевые места, но давал на чай билетеру, и тот сажал его на места получше.

Дэвид любил и саму игру, и клуб «Никс», хотя его любовь к этой команде была слепа. «Никс» переживал тогда не лучшие времена, и каждый сезон приносил его верному болельщику сплошные разочарования. «Каждый год мое сердце разрывалось от горя, – сказал однажды Стерн. – Моим любимым игроком был Гарри Галлатин – Гарри Лошадь, прозванный так за свою

потрясающую работоспособность. В матчах с «Бостон Селтикс» Гарри всегда играл против Билла Рассела, и тот разделывался с ним, как с мальчишкой».

На самом деле Гарри довелось играть против Билла всего лишь в двух сезонах, но, поскольку Рассел был выше его на три дюйма и неизмеримо превосходил его в атлетизме, то, случись им встречаться на площадке чаще, победа всегда была бы за бостонцем.

Уже будучи комиссаром НБА, Стерн несколько раз встречался с Биллом Расселом и всегда подначивал его, утверждая, что Гарри все же играл лучше него. Рассел в ответ отшучивался, давясь от смеха: «Вам виднее, но, если бы мы играли друг против друга почаще, вы бы, пожалуй, изменили свое мнение».

В 1990 г. Стерн приехал в Спрингфилд, штат Массачусетс, где имя Галлатина заносили в Зал баскетбольной славы. Виновник торжества при этой церемонии присутствовал, и Дэвид поспешил представиться кумиру своей юности. «Потрясен такой встречей, – сказал он. – Ведь вы мой герой».

Галлатин недоверчиво посмотрел на него: «Ни за что не поверю, что вы знаете, кто я такой».

«Конечно, знаю, – ответил он. – Вы – Гарри Лошадь. Когда я был мальчишкой, я вас боготворил. Значит, вы останетесь моим кумиром на всю жизнь».

Окончив в 1966 г. Колумбийскую юридическую школу, Стерн поступил на службу в компанию «Проскауэр, Роуз, Гетц и Мендельсон» – одну из самых престижных еврейских юридических контор Нью-Йорка (в те годы персонал многих фирм подбирался по национальному признаку). Не успел Стерн приступить там к работе, как узнал, что контора защищает интересы НБА в судебной тяжбе в связи с иском, который подал против лиги талантливый игрок Конни Хоукинс. Его карьера в НБА с самого начала была сломана: окружной прокурор сообщил комиссару лиги, что Хоукинс замешан в махинациях мошенников, устраивавших договорные матчи и наживавшихся на ставках в тотализаторах. Стерн сразу же понял, что позиция лиги весьма шаткая. Но юридическая фирма не могла отказаться от защиты НБА. Стерн решил уладить конфликт по-хорошему, исправив юридическую ошибку, допущенную окружным прокурором.

Больше всего в этом деле Дэвиду понравилось собирать показания, данные под присягой: ведь ему довелось встречаться с основателями лиги Эдди Готтлибом, Рэдом Ауэрбахом, Морисом Подолоффом и Фредом Шаусом. Он столкнулся с живой историей баскетбола. Столько же впечатлений он получил позднее, когда собирал показания в деле Оскара Робертсона (Ассоциация

игроков добивалась тогда, чтобы команды получили право сохранять за игроками свободу выбора при переходе из клуба в клуб). Стерн беседовал с такими выдающимися баскетболистами, как сам Робертсон, Ленни Уилкенс, Билл Брэдли и Дейв Дебушер.

Стерн был поражен, насколько умными, достойными и симпатичными людьми оказались эти суперзвезды. Они держались просто и скромно, без тени высокомерия, но одновременно в них чувствовалась скрытая сила и несгибаемая воля. Общаясь с ними, Стерн пришел к важному выводу: НБА – это ее игроки. Только игроки, а не владельцы лиги и ее функционеры. И даже не тренеры. Лучшие из игроков – как белые, так и черные – были людьми далеко не рядовыми. Они сами пробили себе путь к славе и богатству. Многие из них, родившись в бедности, стали в своих семьях первым поколением, добившимся успехов и денег. И достигли они вершин невероятно тяжким трудом.

Со временем, когда Стерн уже стал комиссаром НБА, эти простые истины сослужили ему хорошую службу. Большинство спортивных комиссаров, выбранных на эту должность владельцами лиг и других спортивных организаций, фактически являются ставленниками финансовых воротил, но Стерн был человеком другого сорта. Хотя он находился с владельцами НБА в прекрасных отношениях и на радость им безупречно выполнял свои обязанности, он прежде всего был бесконечно предан баскетболу, а стало быть – и игрокам.

Стерн считал себя счастливчиком: ему платили за то, что он охотно делал бы и бесплатно. Он работал без устали, и на то были свои причины. Общество с годами все глубже погрязало в сутяжничестве. Не стал исключением и профессиональный спорт. Его устаревшее трудовое законодательство создавало почву для бесконечных судебных тяжб. С 1966 г., когда Стерн пришел в фирму «Проскауэр и другие», и до 1978 г., когда он стал адвокатом в НБА, почти все время уходило у него на юридические дела, связанные с проблемами лиги.

Став адвокатом в НБА, Стерн вскоре приобрел известность как юридический консультант Ларри О'Брайана. У лиги были тогда проблемы с ее имиджем, но многое вокруг менялось к лучшему. Телевидение всерьез заинтересовалось спортом, демонстрируя его красоту все более широкой аудитории. Важным событием, ознаменовавшим водораздел между старой НБА и НБА современной, стал матч «Всех Звезд», прошедший в Денвере в конце января 1984 г. Подобные матчи проводились и ранее. Игра назначалась по традиции на воскресенье, а субботним вечером ей предшествовал довольно скучный банкет. Говоря по правде,

«баскетбольный» уикенд получался скомканным. Вот бейсбольные ежегодные празднества – те были позрелищней. На них больше внимания уделялось чествованию ветеранов спорта. Стерн хотел, чтобы и НБА не забывала тех, кто прославил когда-то американский баскетбол.

Дэвид и несколько молодых людей из его ближайшего окружения решили проводить баскетбольный праздник на более высоком уровне и выдвинули такую идею: сам матч «Всех Звезд» состоится, как всегда, в воскресенье, а в субботу будут играть ветераны. Кроме того, молодые единомышленники Стерна предложили возродить проходившие в свое время под эгидой АБА состязания по «слэм-данку», памятные многим по телезаписи 1976 г., когда в этих соревнованиях безоговорочно победил тогда еще юный Джулиус Ирвинг. Стерн эту идею поддержал но возникли сложности: О'Брайан, судя по всему, был против каких-либо новшеств и экспериментов. Упорный Стерн продолжал настаивать на своем, и О'Брайан наконец сдался. «Ну хорошо, – сказал он без всякого энтузиазма, – только два условия: меня в ваши дела не впутывайте, и НБА не потратит на ваши фантазии ни цента».

Стерну пришлось искать спонсоров. Авиакомпания «Американ Эйр-Лайз» согласилась бесплатно доставить игроков в Денвер и развезти их по домам. Часть расходов взяла на себя фирма «Шик», а только что появившаяся кабельная телесеть спортивно-развлекательных программ (ESPN) обещала бесплатно снять все события праздника и показать их в записи спустя неделю.

Ранее НБА бронировала на «звездные» уикенды 250 гостиничных номеров на одну ночь – с субботы на воскресенье. Теперь же, поскольку участники праздника съезжались в Денвер в пятницу, предстояло оплачивать две ночи. Расходы удваивались.

Продажу двухдолларовых билетов на матч ветеранов взял на себя клуб «Денвер Наггетс» и справился с этой задачей успешно – трибуны оказались заполненными до отказа. Впервые в этот баскетбольный уикенд у всех возникло ощущение, что прошлое и настоящее НБА слились в одно целое. Ларри Бёрд и Мэджик Джонсон встретились с Оскаром Робертсоном, Элджином Бейлором, Джерри Уэстом и другими великими игроками прошлого. Джулиус Ирвинг, которому вскоре предстояло отметить свой 34-й день рождения, любезно согласился участвовать в состязаниях по «слэм-данку», где ему противостоял молодой игрок Ларри Нанс. Во время последней попытки Ирвинг начал вести мяч от лицевой линии. Домчавшись до линии штрафного броска, он резко взмыл вверх. Все зрители встали как

один. Да, это было незабываемое зрелище!

Праздник в итоге удался на славу. Вскоре Дэвид Стерн сменил Ларри О'Брайана на его посту, а год спустя в лиге появился новый молодой игрок – Майкл Джордан, чьи «слэм-данки» стали легендой.

Как ни удивительно, но НБА стала завоевывать широкую популярность, особенно среди молодежи, причем не только в Штатах, но и во всем мире. На это и надеялись рекламные агентства с Мэдисон-авеню. Корпоративные спонсоры поняли, что баскетбол в большей степени, чем бейсбол или американский футбол, открывает им дорогу на мировой рынок. Стерн, впрочем, был осторожен в своих прогнозах. Реальные силы, как он считал, были неподвластны ему. Многое решал технический прогресс, в особенности расцвет кабельного телевидения, которое ежедневно посвящало спортивной жизни США часовые передачи. «Мы, даже не осознавая этого, вступили в новую, золотую эру спорта, – говорил Стерн. – И все благодаря кабельному телевидению. Особенно повезло баскетболу».

И действительно стало транслироваться больше матчей. И не только на общенациональных каналах, но и на местных. Выросли соответственно и перспективы маркетинга. Однако начало «золотой эры» складывалось не слишком безоблачно. ESPN начала вещание 7 сентября 1979 г. почти в тот же день, когда в НБА пришло пополнение в лице Ларри Бёрда и Мэджика Джонсона. Кабельное телевидение, обязанное своим рождением спутниковой связи, тогда только набирало силу. В успех ESPN мало кто верил. Эта телекомпания начала свою деятельность с осторожной сделки: почти полутора миллионам потенциальных пользователей была предоставлена возможность в случае чего отказаться от ее услуг. Стратегию ESPN разрабатывал некто Билл Расмуссен – далеко не ключевая фигура в мире американского спорта. Ему тогда было уже 46. До этого он ведал службой информации в хоккейном клубе НХЛ. Оттуда его, после того как команда впервые за несколько последних лет не дошла до серии «плей-офф», без всяких церемоний уволили. «Они поступили так, как принято в подобных случаях во всех хоккейных клубах. Увольняют того, кто не умеет кататься на коньках, например функционера, занимающегося пиаром» – так прокомментировал Расмуссен свою отставку.

Хотя идея Расмуссена со временем произвела революцию не только в американском, но и в мировом спорте, сам он поначалу об этом даже не подозревал. Он просто задумал создать местную телесеть, которая освещала бы события в мире студенческого спорта, в частности баскетбольные матчи с участием команды

университета штата Коннектикут, а также Йельского университета и других вузов. В технологические детали Расмуссен не вдавался, но был уверен, что такие передачи найдут свою аудиторию.

До этого Расмуссен успел создать местную радиосеть, транслировавшую футбольные матчи с участием команды университета штата Массачусетс. Так что в спортивном мире у него уже были кое-какие связи, и он знал, что ему нужно, а именно передвижная телестанция, разъезжающая по университетским корпусам. Расмуссен обсудил свои планы с Джоном Тонером, начальником спортивной кафедры в университете штата Коннектикут. Тот его поддержал. Затем в июне 1978 г. он обговорил свою идею в кругу друзей. Один из них поведал ему, что наступает эра спутниковой связи, благодаря которой трансляции по кабельному телевидению будут обходиться очень дешево. В тот же день Расмуссен, позвонив в корпорацию Ар-си-эй, поговорил с Элом Паринелло, занимавшимся там продажей эфирного времени на спутниковых каналах. Расмуссен запросил столь немного места в программах, что Паринелло сразу же откликнулся на его просьбу. Более того, на следующий день сам появился в его офисе и прояснил ситуацию: за пять часов в сутки нужно платить ежедневно 1.250 долларов Но есть и другие расценки. Скажем, право на круглосуточное ежедневное вещание обойдется в 34.167 долларов в месяц. Присутствовавший на переговорах 22-летний сын Расмуссена Скотт тут же произвел нехитрый подсчет: сутки стоят всего 1.139 долларов. Стороны ударили по рукам, и Расмуссен получил круглосуточный доступ на спутниковый канал.

Возник вопрос: а чем же заполнять целые сутки эфирного времени? Скотт Расмуссен предложил транслировать матчи студенческих футбольных команд. Расмуссен-старший знал по своему опыту, что НАСС разрешает транслировать матчи и в записи. Но даже если крупные телекорпорации зафрахтуют важнейшие матчи, это все равно будет капля в море спорта, где интересные сюжеты и события валяются под ногами. Можно, например, транслировать футбольные матчи малоизвестных клубов, чьи игроки никогда не появлялись на телеэкранах. Но что лучше – прямая трансляция или показ в записи? А матчи прошлых сезонов, почему не вспомнить старое? И вообще, почему ограничиваться футболом? Разве игры хоккейных студенческих команд не интересны? А взять соревнования по борьбе! Да и о женском студенческом спорте все почему-то забыли. Наконец, остался за кадром баскетбол, хотя чемпионаты региональных конференций, победители которых выходят в финальные турниры

на первенство НАСС, проходят в захватывающей борьбе и собирают толпы болельщиков, поддерживающих команды родных университетов.

Друг Билла Расмуссена Джон Тонер свел его с нужными людьми из телевизионной службы НАСС. Тот заинтриговал их, и они поддержали его предложения. Функционеры из НАСС считали, что особенно полезным начинанием станут телепередачи, посвященные второстепенным (с точки зрения рядового американца) видам спорта.

Расмуссены сняли обшарпанный офис в Плейнвилле, штат Коннектикут. Как любил вспоминать Билл, колченогие столы там были сделаны из старых дверей. В начале сентября 1978 г. Паринелло позвонил Расмуссену и посоветовал ему как можно скорее подать заявку на право телетрансляций в Федеральную комиссию связи (так требовало законодательство США). Расмуссен так и поступил. Через несколько дней на первой полосе влиятельнейшей газеты «Уолл-стрит Джорнэл» появился материал, подробно разъяснявший преимущества спутникового телевидения. Все крупнейшие телекорпорации тут же завалили Ар-си-эй заявками, умоляя выторговать для себя места в программах. Но Федеральная комиссия связи зорко следила за порядком: кто подсуетился первым, тот и получал лучший кусок. Так Расмуссен опередил могучих конкурентов, он, по сути, случайно напал на золотую жилу, доставшуюся ему практически бесплатно. В начале сентября никому не известная телекомпания из Плейнвилла стала единственной, получившей в полное свое распоряжение спутниковый канал.

Не прошло и двух часов после официального вердикта ФСК, как в офисе Расмуссена зазвонил телефон. На проводе оказались инвесторы из Нью-Йорка, представлявшие интересы одной медиа-корпорации, пожелавшей перекупить у Расмуссена права на спутниковую ретрансляцию.

«Мистер Расмуссен, – прозвучал в трубке чарующий голос, – я работаю в крупной маклерской конторе на Уолл-стрит, и у нас есть очень солидный клиент, заинтересованный в приобретении эфирного времени. Если вы сейчас согласитесь на наше предложение, то к вечеру вы разбогатеете как в сказке». Расмуссен сразу же понял, что нашел ящик, набитый сокровищами. Спустя некоторое время он стал даже подумывать, не продать ли свое право за 5 миллионов долларов. Но, пока он думал, его семейство стало срочно собирать начальный капитал для нового предприятия. С кредитной карточки Расмуссена сняли все, что можно. Одна инвестиционная компания из Пенсильвании, почуяв легкую добычу и пообещав

дополнительный взнос, вложила в дело 250 тысяч. Вскоре подключилась и богатейшая нефтяная корпорация «Гетти Ойл», давшая 10 миллионов долларов и получившая в результате 85 процентов акций. Короче говоря, финансовая сторона дела была довольно быстро улажена.

Но прошли годы, и Расмуссена из его предприятия и из его детища выжили. Тем не менее, оставаясь очень богатым человеком, он с олимпийским спокойствием расценивал случившееся как непременную часть американского бизнеса. Особенно его забавлял тот факт, что он, в прошлом аутсайдер без гроша в кармане, не имевший никакого опыта в телебизнесе, стал автором блестящей оригинальной идеи, которая почему-то не пришла в головы никому из медиа-магнатов.

В феврале 1979 г. Расмуссен совершил удачную сделку с НАСС, приобретя у нее право на большой пакет спортивных программ, включая трансляцию футбольных матчей. Затем заполучил нескольких богатейших рекламодателей. Наконец, у компании появился свой логотип – ESPN, расположенный в углу телеэкрана. Штаб-квартиру разместили в Бристоле, штат Коннектикут, поскольку цены на недвижимость там были сравнительно невысоки. Не все в городе встретили пришельцев восторженно. Бывший мэр Бристоля, решивший снова баллотироваться на пост градоначальника, с неудовольствием разглядывал две гигантские спутниковые тарелки на здании компании и ворчал, что о них могут разбиться птицы и к тому же эти чертовы тарелки – источник радиации. Тем не менее в сентябре 1979 г. ESPN начала телевещание.

Технологическая революция вызвала глубокие изменения в культурной жизни человечества. Для спорта наступило светлое будущее, хотя практически никто этого еще не понимал. Все американцы с неотрывным вниманием следили за событиями в спортивной жизни своей страны. Конечно, такой сдвиг произошел не на пустом месте. Когда например, наступила эра радио, резко возросла популярность бейсбола. Позже, в конце 1950-х гг., расцвет сетевого телевидения породил массовый интерес к профессиональному футболу. Теперь же пришла еще одна новая волна, вознесшая на своем гребне самые различные виды спорта, но в особенности – баскетбол. В том же 1979 г. Майкл Джордан (удивительное совпадение) за короткое время сильно прибавил в росте и был включен в школьную команду, сразу же став в ней звездой. Именно тогда Майкл Браун и позвонил Рою Уильямсу, чтобы сообщить ему о том, что он нашел в Уилмингтоне очень талантливого парня, упустить которого «Каролина» ни в коем случае не должна.

ESPN, как и многие компании, испытывала трудности роста. Прошел год, и люди из «Гетти Ойл» решили, что Расмуссен не тянет на руководителя компании, и выжили его. На первых порах только что «оперившаяся» телесеть скорее подавала надежды, чем приносила реальную прибыль. Первый год работы принес ей 30 миллионов убытков, которых к 1982 г. накопилось уже до 40 миллионов. Менеджеры «Гетти Ойл» было растерялись и подумывали даже, не выйти ли из дела, но потом решили все же, что надо немного подождать. И не ошиблись: компания начала набирать силу. А спасли ее телезрители – неистовые спортивные болельщики. Отчаявшись в поисках выхода из финансового тупика, ESPN обратилась к местным компаниям кабельного телевидения взыскать поборы с абонентов – смехотворные, по 5 центов с каждого. Владельцы компаний от этой идеи не пришли в восторг, но все же согласились, причем под давлением самих же абонентов, не пожелавших лишиться любимых спортивных зрелищ. Начиная с 1983 г. телезрители стали поддерживать ESPN материально. Плата, конечно, символическая, но, как говорится, курочка по зернышку клюет…

Постепенно страсти разыгрались. Корпорация «Тексако», купившая «Гетти Ойл», выставила ESPN на продажу. В апреле 1984 г. ее купила Эй-би-си. И не потому, что мечтала приобрести эту компанию, а ради того, чтобы она не досталась Тэду Тернеру, архитектору и творцу CNN. Цена ESPN к тому времени возросла, Эй-би-си заплатила 237 миллионов. У Расмуссенов было 12,5 процента акций. Следовательно, они получили около 30 миллионов. С приходом новых хозяев все обновилось и изменилось к лучшему. К 1984 г. программы ESPN смотрели 34 миллиона семей, для которых эти передачи стали неотъемлемой частью привычного образа жизни. Вкусы и пристрастия болельщиков перевешивали мнение тех, кто определял стратегию телевещания. Болельщики твердо знали, что им нужно, а именно: каждый вечер погружаться в захватывающий мир спорта. И позволяла им это только ESPN, хотя ее программы не всегда были удачными.

ESPN окончательно встала на ноги в 1984 г. В том же году Дэвид Стерн стал комиссаром НБА, а Майкл Джордан, покинув университет Северной Каролины, стал играть за «Чикаго Буллз». Двумя годами раньше ESPN начала транслировать игры НБА, а матчи студенческих команд она транслировала еще с 1979 г. Поэтому многие звезды профессионального баскетбола были уже давно знакомы телезрителям. Они видели их восхождение.

Благодаря телевидению баскетбол начал триумфальное шествие по всему миру. В отличие от бейсбола и американского

футбола, он легко пересекал государственные границы. Возможно, и потому, что правила этой игры просты и общепонятны. В мире, где все страны переплетены друг с другом спутниковой связью, командой, выступающей в роли хозяев поля, стали Соединенные Штаты. США – самая богатая страна в мире. Технологический потенциал американского телевидения вне конкуренции. Английский язык давно стал международным, на нем говорят образованные люди почти всех стран. Да и в массовой культуре Америка стала задавать тон, обращаясь при этом к молодому поколению, стремящемуся избавиться от догм, предрассудков, условностей и ограничений, навязываемых старшими. В конечном счете, хоть и опосредованно, все это играло на руку Дэвиду Стерну и НБА.

Хорошо это или плохо, но к 80-м гг. главной статьей американского экспорта стали не суперсовременная техника и не автомобили, а бытовые реалии: фаст-фуд, кока-кола, биг-маки, простая повседневная одежда, популярная музыка, кинофильмы и телевизионные шоу. И конечно, спорт. Из всех видов спорта быстрее всего росла в мире популярность «уроженца» Америки баскетбола, хотя во многих странах предпочтение отдавалось европейскому футболу. Американцы же, называя этот футбол «соккером», считают его игрой медленной, тягучей. Еще один их контраргумент: в европейском футболе бездарный защитник легко может нейтрализовать талантливого форварда, а вот в баскетболе такие ситуации практически невозможны. Во многих странах люди не одобряют американскую культурную экспансию. Американизация их национальных культур воспринимается ими как нашествие варваров, но молодежь (и не только молодежь) думает по-другому. Более того, бурное развитие современных технологий ускорило темп жизни в экономически развитых странах. А баскетбол – спорт быстрый: перемещения игроков молниеносны, счет растет каждую минуту и мгновенно меняется в пользу то одной команды, то другой.

Поскольку Америка – родина новой интернациональной культуры, то рано или поздно кто-либо из спортивных идолов США просто обязан был стать живой рекламой бесчисленных товаров, экспортируемых ведущими корпорациями этой сверхдержавы. Разумеется, такого спортсмена должны были бы знать и любить во всем мире, но большое значение имела бы и его популярность в самих США. В принципе, на такую роль мог бы претендовать великий бразильский футболист Пеле. Можно было бы даже поступиться тем фактом, что он не американец. Зато его грандиозный талант неоспорим, а обворожительная улыбка способна покорить любого консерватора и шовиниста. Но, к

сожалению, пик спортивной карьеры Пеле пришелся на годы, когда настоящий расцвет экономики еще не наступил, да и «соккер» в Америке не был популярен. Другой возможный кандидат – знаменитый боксер Мохаммед Али – красавец, наделенный редким шармом и отличным чувством юмора. Но и его триумф опередил во времени расцвет экономики. К тому же бокс – спорт, что ни говори, жестокий, и фигура боксера многим внушает страх. Немаловажен и такой факт. С точки зрения богов рекламы с Мэдисон-авеню, Али сделал две непростительные ошибки: взял себе мусульманское имя (в действительности он Кассиус Клей) и активно выступал против войны во Вьетнаме. Впрочем, и для Али рекламодатель нашелся – фирма, производящая средство от тараканов.

Так уж сложились обстоятельства, что ключевой фигурой, олицетворяющей тесную связь коммерции и спорта, призван был стать, во-первых, американец, а во-вторых, баскетболист. Представители других видов спорта отпали. И по причине довольно прозаической. Если в производстве спортивной обуви для бейсболистов и футболистов жесткой конкуренции не было, то за право считаться лучшим на свете производителем баскетбольных кроссовок шла в 80-х годах настоящая мировая война. Сражались между собой «Найк», «Конверс» и «Адидас». Естественно, победителю полагалось отвалить НБА солидный куш. Следуя примеру этих корпораций, завязали между собой войны и компании, знаменитые своими гамбургерами и безалкогольными напитками. Они тоже решили взять себе в союзника НБА.

Профессиональные баскетболисты (и это доказала успешная реклама кроссовок «Найк») были как будто созданы для эффективного маркетинга. В особенности их имидж привлекал молодежь, не отягощенную, в отличие от людей старшего поколения, в том числе и рекламных небожителей с Мэдисон-авеню, расовыми предрассудками.

Связь баскетбольного спорта с рекламным делом укреплялась благодаря технологическому прогрессу. И дело не только в развитии спутникового телевидения. Усовершенствовались телекамеры, появились телевизоры с внушительными экранами. Качество изображения стало идеальным, и у телезрителя возникало ощущение, будто сидит он не на диване у себя дома, а на трибуне во Дворце спорта, а порой даже мечется вместе со своими кумирами по площадке. Совершая немыслимые акробатические движения, баскетболисты мгновенно переходят от обороны к нападению и наоборот. Поскольку одеты они легко, игра их мышц и эмоций у всех на виду, чего не скажешь об

игроках американского футбола, облаченных в тяжелые доспехи, или о бейсболистах, которые по традиции ведут себя во время матчей сдержанно, не давая волю чувствам. Еще один фактор в пользу баскетбола. Суперзвезда в баскетболе всегда заметней, чем в бейсболе или футболе. Ведь на площадке находятся одновременно всего 10 игроков, да и площадка к тому же небольшая. Отсюда особый магнетизм, излучаемый высококлассным баскетболистом, его дар разжигать воображение зрителей. Поэтому у рекламных имиджмейкеров не было особых проблем ни с Майклом Джорданом, ни с Чарльзом Баркли, ни с Мэджиком Джонсоном.

Разрабатывая стратегию своего маркетинга, «Найк» и другие компании утвердили таких суперигроков, как Майкл Джордан, на роль звезд. В промоушн включились также НБА и телевидение. В результате в жизни лиги зародилась новая, поначалу не всеми осознанная тенденция. Она стала частью процесса, характерного для всего общества и, в частности, для спорта. Но наиболее заметно эта тенденция проявилась именно в баскетболе. Его руководителям предстояло решить: либо взять новый курс, либо действовать по старинке, но тогда НБА потихоньку угаснет. Они сделали правильный выбор, сосредоточив внимание на звездах, а не на клубах. Яркая индивидуальность стала важнее крепкого, но ровного коллектива. Своеобразный культ личности, еще недавно предаваемый анафеме, превратился в обязательный элемент баскетбольного мира. А логика проста: чем ярче звезды НБА, тем многочисленней армия болельщиков и тем доходней стадионы.

Дальше – больше. Владельцы, менеджеры, юристы, спонсоры клубов теперь уже видели соперников не в соседях по таблице чемпионата и даже не в конкурирующих видах спорта. Борьба – не на жизнь, а на смерть – выплеснулась на широкую арену. Пошла битва за массового зрителя и, соответственно, за его кошелек. Надо было отвоевывать аудиторию у рок-звезд, у кинематографистов, у создателей мюзиклов – у всех тех, кто правит индустрией развлечений. Предстояло модернизировать спортивные сооружения, переоборудовать по высшему классу, и не без роскоши, трибуны и ложи. Во время матчей публике надо постоянно подсовывать какие-то зрелища. Пусть выступают гимнасты, пусть танцуют красотки-хористки, пусть гремит из репродукторов рок-музыка. Над баскетбольными площадками неплохо бы разместить гигантские мониторы, на которых болельщики время от времени могут лицезреть не только игру, но и свои возбужденные физиономии. Тишина в спорткомплексах и впустую потраченное время в паузах – преступление.

Любителей баскетбола, ценивших игру в чистом ее виде,

культ звезд привел в состояние шока. Не одобрили новый курс и менеджеры «Буллз», как, впрочем, и многие другие из старой баскетбольной гвардии. Когда по телевидению прокрутили первый большой рекламный ролик, где Майкл Джордан демонстрировал кроссовки «Найк», главный менеджер «Буллз» Род Торн почувствовал себя не в своей тарелке. «Что вы там вытворяете с моим игроком? – спросил он Дэвида Фалька. – Хотите сделать из него теннисиста?» «Честно говоря, да», – ответил тот.

Состав зрительской аудитории понемногу менялся. Старых заядлых болельщиков, людей в общем-то небогатых, теснила зажиточная публика. Она могла себе позволить места в дорогих роскошных ложах, но страстной приверженности к какому-либо одному, выбранному на всю жизнь клубу у нее не было. Эти люди болели скорее за земляков, чем за клуб как таковой.

Что касается Майкла Джордана, то он, прекрасно подходя на навязываемую ему роль суперзвезды индустрии развлечений, тем не менее оставался настоящим спортсменом, игроком, выкладывающимся до конца. В этом смысле он был редким исключением среди своих спортивных собратьев. Другие клубы тоже набирали в свои ряды очень перспективных и симпатичных внешне ребят, но далеко не всегда им сопутствовала такая удача, как «Чикаго Буллз».

Когда Майкл Джордан появился в лиге, технический прогресс начал набирать обороты, да и в экономике происходили серьезные изменения к лучшему. Они не могли не сказаться на судьбе восходящей звезды профессионального баскетбола. Кстати, Дэвид Стерн вспоминал впоследствии, что для него приход Майкла остался как-то незамеченным: комиссар лиги был слишком загружен рутинными делами. Набор новичков в НБА в том году запомнился ему лишь тем, что он оштрафовал клуб «Портленд» за попытку подкупить Акима Оладжьювона. Однако появление в лиге Джордана в момент, когда Стерн был на вершине своей карьеры, еще больше способствовало успехам комиссара. Если Стерн действительно заботился не только о финансовом благополучии лиги, но и о ее новом имидже, то можно считать, что появление Майкла Джордана превратило мечты комиссара в реальность.

Об огромной роли кабельного телевидения и росте финансового могущества НБА свидетельствует ее сделка с Эн-би-си в 1989 г., когда эта крупнейшая телекорпорация приобрела у лиги права на трансляцию матчей. Ранее в течение 17 лет эти права принадлежали Си-би-эс, которая выполняла свои договорные обязательства вполне достойно. В 1989 г. до

истечения контракта оставался еще год, но Си-би-эс по каким-то своим соображениям решила выставить права на торги. И сама же в них участвовала, предложив НБА повторный контракт на 4 года и на сумму 188 миллионов. Но тут вошел в азарт Дик Эберсол из Эн-би-си, мечтавший о своих спортивных программах. Он хорошо понимал, что американский спорт, в том числе и баскетбол, находится на подъеме. И даже если карьера Ларри Бёрда или Мэджика Джонсона катится к закату, то можно сделать ставки не на их клубы, а на другие. На тот же «Детройт Пистонс». К тому же в НБА появилась ярчайшая звезда – Майкл Джордан, да и сам клуб, куда он пришел, уверенно набирает силу.

Дик предложил четырехгодичный контракт на сумму 600 миллионов долларов. Дэвид Стерн, всегда заботившийся о расширении телеаудитории, особенно молодежной, поставил условие: включить в пакет сделки специальные спортивные программы для детей. Эн-би-си пошла ему навстречу. Си-би-эс – нет. Си-би-эс решила, что Эн-би-си, учитывая скорый уход Ларри Бёрда и Мэджика Джонсона, явно переплачивает за свои амбиции, и вышла из игры. Потом говорили, что Нейл Пилсон, руководитель спортивных программ Си-би-эс, посчитал решение своей корпорации правильным, тем более что, по его мнению, финальные матчи следующего сезона пройдут между малоинтересными клубами- «Ютой» и «Кливлендом».

Но Пилсон, как и вся Си-би-эс, ошибся. Конкуренты оказались прозорливей. Финальную серию чемпионата Эн-би-си впервые транслировала в 1991 г., и именно тогда впервые победил клуб, где заблистал Майкл Джордан. Сразу же взлетел рейтинг телетрансляций. Вот для сравнения некоторая статистика. Первая финальная серия, где встретились клубы Ларри Бёрда и Мэджика Джонсона, то есть «Бостон Селтикс» и «Лос-Анджелес Лейкерс», состоялась в 1984 г. Рейтинг телетрансляций составлял всего лишь 7,6. Через три года, к решающим матчам финала, он возрос, почти до 16. А уж последний финальный матч 1998 г. имел рейтинг почти фантастический – 22,3. В итоге контракт, заключенный с Эн-би-си, означал, что Дэвид Стерн достиг своей главной цели. Это была его огромная победа. В тот же день Эберсол спросил его, как он собирается отпраздновать свой триумф. «Пойду домой и пообедаю со своей женой Дайаной», – ответил Стерн.

«Ну а кто же сообщит обо всем хозяевам?» – спросил Эберсол, удивляясь, что комиссар НБА не спешит известить о своем успехе своих боссов. «Да брось, – небрежно ответил Стерн, – позвонят им, в конце концов, мои заместители – Расс Граник или Гарри Бэттмен».

Слова Стерна точно передали суть его характера. Да, подумал Эберсол, есть же люди, которые так уверены в себе, что перепоручают такие важные вещи своим заместителям.

Глава 10. Чепел-Хилл, Чикаго, Портленд, 1984 г.

Когда один из его игроков собрался переходить в профессионалы, Дин Смит решил пересмотреть схему своих действий. Главное – полагаться на агентов, которым доверяешь. Иначе парни могут попасть в лапы мошенников. В то время с «Каролиной» имели дело два мелких, но удачливых бизнесмена – Дональд Делл и Фрэнк Крейгхилл. Делл, в прошлом известный теннисист, стал агентом и представлял интересы теннисных звезд. Крейгхилл был финансистом, но до переезда в Чепел-Хилл занимался научной работой в университете в Мурхеде, штат Миннесота, за что Дин Смит его уважал. Впрочем, он неплохо относился к ним обоим, и эта парочка удачно вписалась в баскетбольную программу университета Северной Каролины. Хотя Делла в первую очередь интересовал теннис, а к баскетболу он был совершенно равнодушен, тем не менее они с Крейгхиллом сделали для Дина Смита немало полезного. Например, устроили неплохой контракт Тому Лагарду, здоровенному, но неуклюжему да еще с поврежденным коленом центровому. В драфте 1977 г. он стоял девятым, но получил более выгодный контракт, чем Уолтер Дэвис, числившийся в том же драфте пятым. Смит был этим чрезвычайно доволен: он всегда радовался, когда даже те его воспитанники, которые не отличались выдающимися способностями, неплохо устраивались в НБА. Затем шустрая парочка пристроила других игроков Северной Каролины, включая Фила Форда, Дадли Брэдли и Джеймса Уорси.

Как раз в тот момент, когда Дин Смит решил, что Майклу Джордану лучше покинуть университет и перейти в профессионалы, Дэвид Фальк был младшим партнером Делла. В том, что Делл и Фальк представляли интересы Джордана, был элемент случая. В том году дуэт Делл – Крейгхилл распался. Делл кооперировался с Фальком, а Крейгхилл нашел нового партнера, Ли Фентресса, и создал конкурирующую фирму.

Этот раскол обескуражил Дина Смита: он был связан с обеими сторонами и теперь не знал, с кем же иметь дело, чтобы получше пристроить своих ребят.

Когда кто-либо из воспитанников Смита уходил в профессионалы, недоучившись в университете, тренер самолично выяснял все условия его контракта, чтобы убедиться в том, что деньги в какой-то степени компенсируют незавершенное образование. Но в случае с Джорданом он доверил все дела Деллу

и Фальку, а судьбу Сэма Перкинса отдал в руки Крейгхиллу и Фентрессу.

Схема действий была такова. Контракт, в общих его рамках, готовил Делл, а Фальк, хотя и младший его партнер, но человек, более искушенный в баскетбольных делах, окончательно шлифовал детали, не забывая при этом предусмотреть рекламу тех же кроссовок (впрочем, доходы игроков от рекламы считались тогда побочным заработком). Вообще же в 1984 г. питомцы «Каролины» чаще имели дело с Фальком, а не с Деллом. Именно Фальк представлял их интересы на переговорах и помогал им улаживать финансовые вопросы. Фальк вспоминал потом: «Дин Смит считал меня мальчишкой. Авторитетом для него был Делл. Но его ребята больше доверяли мне».

Как только Майкл Джордан связался с агентством Делла, он сразу же сблизился с Дэвидом Фальком. Как шутил Майкл, Дэвид привлек его тем, что у него была точно такая же прическа, как у Джордана-старшего, отца Майкла. Иначе говоря, он был совершенно лыс. Однако, если говорить серьезно, мало кто, как Фальк, извлек для себя столько выгоды из перемен, происходивших тогда в баскетболе и во всем спорте США. За короткий период – всего за 10 лет – из смышленого парня, нерешительно мявшегося у входа в большой спортбизнес, во всем подражавшего Деллу, вплоть до манеры одеваться, он превратился в могущественного миллионера, в чем-то даже более влиятельного, чем сам комиссар НБА и многие из владельцев лиги. Два фактора способствовали его успеху. Первый: существенные изменения в трудовом законодательстве, в результате которых почти вся власть в клубах перешла от собственников к игрокам и – следовательно – к их агентам. И второй: та великолепная работа, которую проделал Фальк по созданию культа Майкла Джордана. Возникли независимые агентства, гонорары игроков неизмеримо возросли, а «конюшня» Фалька была всем на зависть. Там были не только Майкл Джордан, но примерно еще 20 звезд. Среди них Патрик Юинг, Аллен Айверсон, Джуван Ховард, Алонзо Морнинг, Дикембе Мутомбо, Кейт ван Хорн и Антуан Уокер. Некоторые из них связались с Фальком, надеясь, что он сделает из них, как из Джордана, символ американского образа жизни. У других планы были попроще – достаточно получить контракт на 20 миллионов долларов в год.

Ноша, которую Фальк взвалил на свои плечи, порой тяготила его. По роду его деятельности ему часто приходилось ставить оппонентов на свое место. Хороший агент не должен быть душкой, всеобщим любимцем. Он в первую очередь обязан

защищать интересы своих клиентов но тогда ему приходится наживать врагов. В НБА считали, что никто лучше Фалька не отстаивал интересы игроков. Зато и врагов у него было больше, чем у кого-либо из его коллег.

Джордана, впрочем, совершенно не беспокоил тот факт, что многие воротилы профессионального баскетбола недолюбливали его агента. Майкл радовался своим успехам, своей растущей с каждым днем популярности, а отношения его агента с сильными мира баскетбольного его не волновали. Однажды Джордан, сравнивая Фалька с одним из самых свирепых игроков лиги, сказал так: «Дэвид во многом похож на Рика Махорна. Все вокруг его ненавидят, зато товарищи по команде души в нем не чают». Примерно так же оценил характер Фалька его клиент и друг Джон Томпсон: «Если вам в доме нужен сторожевой пес, вряд ли вы заведете пуделя».

Восхождение Дэвида Фалька на вершину мира спорта не было предопределено судьбой. Выходец из среднего класса, он вырос на Лонг-Айленде и ничем не отличался от других мальчишек. Разве что страстно любил спорт и одновременно мечтал стать адвокатом. Его отец держал две мясные лавки. Дэвид проучился какое-то время в заштатном университете в Сиракьюсе. Это говорит о том, что он не попал в элиту Лиги Плюща (в эту Лигу входят самые престижные университеты северо-востока США, такие как Принстонский, Гарвардский, Колумбийский и т. д.), да и в юридической школе он выглядел белой вороной. «На фоне блестящих парней, будущих звезд юриспруденции я был маргинальным типом, – вспоминал Фальк, – и прекрасно понимал, что никто не станет искать моих услуг».

Поступив в юридическую школу Джорджа Вашингтона в столице США, Дэвид сразу же постарался завести связи в мире спорта и нанялся подручным в спортивное агентство. Он попытался выйти на контакт с Бобом Вулфом в Бостоне и с Ларри Флейшером в Нью-Йорке, но те предпочитали работать в одиночку и не держали штата. А тут кто-то посоветовал ему обратиться к Дональду Деллу. Он звонил ему много раз, но безуспешно. Но однажды Делл снял все же трубку – после семнадцатого гудка. Они договорились о встрече, перед которой Фальк просидел в приемной Делла целых три часа. В итоге он устроился у него стажером. Днями работал, а в юридическую школу ездил или по вечерам, или в летние месяцы. Делл поручил ему работу, связанную с делами Артура Эша, и Дэвид взялся за нее с энтузиазмом, редким для стажера. Он корпел над каждой цифрой (речь шла о финансовых проблемах Эша) и стал незаменимым человеком для этого теннисиста, которого он,

кстати, боготворил.

Даже в те ранние свои годы Фальк верой и правдой служил своим клиентам. Однажды ему довелось представлять интересы молодого баскетболиста Рода Гриффита, завербованного в «Денвер». В ту осень как раз стало очевидно, что способности этого игрока весьма средние, и руководство клуба решило с ним расстаться. Фальк регулярно названивал Донни Уолшу, генеральному менеджеру «Денвера», пытаясь защитить интересы своего подопечного, и вот как раз в тот день, когда руководители клуба приняли роковое для Гриффита решение, Фальк (в этом есть что-то мистическое) появился на тренировочной базе «Денвера». «Я был поражен, – вспоминал Уолш, – ведь коммерческих рейсов из Вашингтона на базу Военно-воздушной академии, где мы тренируемся, не существует. Как он сюда добрался, ума не приложу. Однако его преданность своему клиенту мы по достоинству оценили и отложили расставание с Гриффитом на какое-то время».

Фальк производил впечатление человека крайне нервного, вечно возбужденного. Он обладал чрезвычайно живым умом, быстро думал, быстро говорил, все схватывал на лету. Слова и мысли рвались из него, как шрапнель. Может быть, он говорил так быстро из-за боязни, что кто-нибудь другой выскажет ту же мысль раньше него. По мере того как рос его вес и авторитет в баскетбольном мире, он все чаще давал всем понять, что его время стоит очень дорого. Дороже, чем чье-либо еще, за исключением самого Майкла Джордана. Как считал один из генеральных менеджеров НБА, вести переговоры с Фальком все равно что бороться с осьминогом: столько встречных молниеносных движений и такая напористость. А вот его слова: «Фальк кричит, угрожает, затем обещает. Если вы не соглашаетесь на его условия, все кончено. Ваша команда будет постоянно проигрывать, а вас уволят за недальновидность. Но если вы поступите так, как требует Фальк, вы, возможно, станете первым, кто приобретет нового Майкла Джордана».

В любом конфликте (а Дэвид Фальк постоянно ввязывался в конфликты) игроки, чьи интересы он представлял, всегда были правы, а их и его оппоненты, разумеется, не правы. А если уж дело доходило до судебных процессов, противников Фалька ждала жалкая участь побежденных.

Многие владельцы и генеральные менеджеры клубов откровенно недолюбливали Фалька, но предпочитали скрывать свои эмоции. Лучше было идти ему навстречу – иначе новая суперзвезда клуба, предположим центровой, мог счесть себя обиженным контрактом «всего лишь» в 18 миллионов долларов в

год и попытаться искать новую землю обетованную.

Генеральные менеджеры порой удивлялись: где же пределы возможностей Дэвида Фалька и в чем же корень его прихотей и чудачеств? Когда баскетбольная звезда выражала недовольство, то как это оценивать – как недовольство самой звезды или все же Фалька? А что Фальк делал в январе и феврале – поехал загорать в Майами вместо того чтобы посетить Миннеаполис и Ванкувер? А вдруг он переманит игроков. Может, в каком-то из городов у него есть любимый стареющий баскетболист, которому нужна поддержка со стороны молодого партнера? В общем, действия Фалька порождали множество вопросов. Единственное, что было несомненным, так это то, что во время своих бесчисленных перелетов из город в город он всегда заказывал самые лучшие места в самолетах.

Майкл Джордан и Дэвид Фальк очень многое сделали друг для друга, и оба извлекли из этого немалую выгоду. Конечно, Майкл сам по себе был непревзойденным спортсменом, но и Дэвид революционизировал создание имиджа игрока как коммерческой суперзвезды – создание своего роды иконы. До того как Фальк совершил первую удачную сделку для Майкла Джордана, огромные деньги от рекламы спортивной обуви текли в карманы теннисистов: Артура Эша, Джимми Коннорса и Джона Макинроя. Баскетболисты же довольствовались малым. Но сделка с Джорданом изменила ситуацию: оказалось, что баскетболист тоже может быть звездой.

Фальк с самого начала понял, что Майкл Джордан – фигура необычная, что масштаб его личности шире границ спорта и что в нем есть харизматичность, на которую купятся обыватели. Благодаря этому Майкл вполне мог занять место в одном ряду с Мохаммедом Али и Артуром Эшем – спортсменами, которых больше почитали не в самих Соединенных Штатах, а в других странах.

То, что сотворил Дэвид Фальк из Майкла Джордана, в корне изменило представление о спорте и спортсменах. Фальк точно угадал веяния времени и те возможности, что несли с собой технологические перемены в мире коммуникаций. Но, с другой стороны, ему и повезло: попался под руку спортсмен – настоящий виртуоз, чья уникальная артистичность поражала даже тех, кто был бесконечно далек от спорта. Его шарм и непосредственность всех покоряли. Кстати, Дин Смит, тренер, немало вложивший в Джордана, не очень-то радовался тому, что Майкл нашел в рекламных съемках золотую жилу. Он вообще не понимал, как агент может быть более могущественным человеком, чем тренер. Поговаривали даже, что Дин Смит полагал, будто его дочь вполне

могла бы с таким же успехом выполнить функции Дэвида Фалька. И вот что странно: хотя Фальк сделал для Джордана столько, сколько не сделал ни один агент ни для одного игрока, он после Майкла не взял под свое крыло ни одного баскетболиста «Каролины».

Что ни говори, но Фальк обладал уникальным даром предвидения. Ведь если задуматься, почему судьбу Джордана не предвосхитил тот же Мэджик Джонсон, появившийся в НБА в 1979 г. и еще в свои ранние годы часто приводивший «Лейкерс» к победе в чемпионатах лиги? А ведь в Лос-Анджелесе прославиться на всю Америку значительно легче, чем в Чикаго. У Джонсона, как и у Джордана, была такая же обворожительная улыбка, и вполне возможно, что он мог бы предвосхитить его успех. К тому же, в отличие от Майкла, у него было еще и притягательное прозвище – Мэджик (волшебник). Но тут вопрос времени.

Джонсон пришел в большой баскетбол накануне новой эры спорта, а Джордан следовал по стопам первопроходцев. Иными словами, Джордан пожинал плоды того, что посеяли Джонсон и Бёрд. Но беда Джонсона в том, что его интересы, в отличие от Джордана, представляли люди, которые видели в нем всего лишь баскетболиста – и не более. Впоследствии Джонсон, впрочем, поняв, как делает деньги Джордан, основательно потрудился над совершенствованием своего имиджа.

В 1984 г., когда Джордан появился в НБА, доходы игроков от рекламы кроссовок только начинали расти. Крупнейшими компаниями были тогда «Конверс» и «Адидас». Что же касается корпорации «Найк», то она плелась где-то сзади. В начале 1980-х, судя по всему, только у Карима Абдул-Джаббара был контракт на рекламу кроссовок, выраженный шестизначным числом – 100 тысяч долларов. Бёрд и Джонсон довольствовались 70 тысячами. Несколькими годами раньше, в 1977 г., «Найк» подписал контракт с Маркусом Джонсоном, третьим игроком в драфте, всего на 6 тысяч. Годом позже Фил Форд получил контракт повесомей – на 12 тысяч. В 1981 г. Марк Эгвайр, стоявший в драфте первым, удостоился контракта на сумму 65 тысяч. Еще через год игрок номер один в Штатах Джеймс Уорси (а его интересы представляли Делл и Фальк) подписал долгосрочный контракт с «Нью Бэленс» на восемь лет и на сумму в 1,2 миллиона, то есть примерно на 150 тысяч в год. По мнению Фалька, это стало настоящим прорывом.

Когда Джордан появился в НБА, рекламное дело в баскетбольной жизни напоминало, по мнению Фалька, времена до Колумба, когда люди полагали, что Земля плоская. Истинно

национальным американским спортом считался по-прежнему бейсбол, а американский футбол – спортом самым зрелищным. Доходы спортсменов, получаемые от рекламы, были весьма скромными. Исключение составляли такие знаменитости, как футболист Джо Намат. Темнокожие спортсмены вообще получали крохи. Уилли Мейс, известный бейсболист взрывного темперамента, был любим всеми, но рекламщики с Мэдисон-авеню считали, что нация, большинство которой составляют белые, не готова к тому, чтобы ходовые товары рекламировал темнокожий. Мейс блистал в 50-х гг. Тогда, может, Америка и не изжила расовые предрассудки. Но и 30 лет спустя парни с Мэдисон-авеню считали, что время перемен не наступило.

Однако Фальк думал по-другому. Он понимал, что демографическая ситуация в стране изменилась и в рекламном деле (да и в жизни вообще) никаких расовых барьеров быть не должно. Более того, еще вращаясь в свое время в мире тенниса, Фальк уяснил для себя, что чисто спортивные успехи атлета далеко еще не все. Нужны какие-то особенные личности – только тогда спортсмен способен рекламировать те или иные товары. Он сразу же почувствовал, что Майкл Джордан выделяется среди других игроков: в нем есть привлекательность, шарм, грация. Кроме того, Майкл пользовался всеобщей популярностью, а его улыбка была совершенно неотразимой.

Встретившись с руководителями корпораций, выпускавших спортивную обувь Фальк сделал то, что он назвал потом вызовом, принятым Кеннеди: «Что вы можете сделать для страны?» Более конкретно это звучало так. Что скажете насчет маркетинга? Насколько велик бюджет рекламных телевизионных роликов? Будет ли у Джордана свой персональный ролик? Фальк прекрасно понимал, что он оказался на неизведанной земле. Даже великий Мэджик Джонсон и неподражаемый Джулиус Ирвинг не снискали здесь особых успехов. К тому же Фальк чувствовал, что многое играет против него. Во-первых, живучими оставались расовые предрассудки: черный не может быть рекламным лицом фирмы. Во-вторых, Джордан не стоял первым в драфте. В-третьих, Чикаго, в отличие от Лос-Анджелеса или Нью-Йорка, никогда не делал погоду в американской прессе и на телевидении. Наконец, Джордан не отличался гигантским ростом, а в ту пору деньги рекламщикам приносили именно верзилы.

Люди из компании «Конверс» были поражены решительностью, даже наглостью, с которой Фальк потребовал громадную сумму для Майкла Джордана, чья личность была им не слишком известна. Наши товары, объяснил Фальку Джо Дин, один из представителей фирмы, рекламируют 63 человека. Все

они ростом за шесть футов и шесть дюймов и все – баскетболисты. Некоторые бывшие. Почему вы требуете особых привилегий? Мы можем работать с вами на тех же условиях, что с Мэджиком Джонсоном или Ларри Бёрдом.

Да, подумал с грустью Фальк, они не поняли еще, кто такой Майкл Джордан. Полагают, что их дела идут прекрасно, что в их распоряжении цвет американского баскетбола. Не могут мыслить творчески и рискованно. Со мной вообще не хотят иметь никаких дел.

Не одного Фалька огорчил ответ «Конверс» – на переговорах присутствовал и отец Майкла Джеймс. Наблюдая за ним, Фальк моментально понял, что Джордан-старший – толковый бизнесмен. Выслушав людей из «Конверс», Джеймс грустно заметил: «Жаль, что у вас нет никаких новых, интересных идей».

Но вскоре Фальку повезло. По воле случая его интересы совпали с интересами компании «Найк». Тогда эта фирма переживала не лучшие времена. Она процветала в 70-х гг., когда, уловив начало повального увлечения спортивным образом жизни, наладила массовый выпуск отличной обуви для любителей бега. Но затем ее дела пошатнулись. В мире баскетбола «Найк» не была фаворитом. Все лучшие профессионалы: Бёрд, Джонсон и другие – играли в кроссовках от «Конверс». «Приди на любую площадку и спроси ребятишек, в каких кроссовках они мечтают играть, тебе ответят: только в «Конверс», – вспоминал один из руководителей «Найк» Питер Мур.

Стратегия «Найк» в прошлом была такова: корпорация подписывала контракты с большим количеством хороших, хотя и не великих, игроков и на сравнительно небольшие суммы. В среднем игрок получал 8 тысяч долларов. Если бы из баскетболистов, рекламировавших товары «Найк», собрали команду и выставили бы се против всех звезд «Конверс», она конечно же была бы разгромлена – примерно так же, как сборная Анголы, игравшая против «Дрим Тим» десятилетием позже. Но былая политика корпорации стала меняться – частично по финансовым соображениям. Один из руководителей «Найк», Фил Найт, решил урезать «баскетбольный» бюджет: слишком много тратилось денег на очень широкий круг игроков, а коммерческая отдача была невелика.

Разработать новую рекламную политику поручили Робу Страссеру: в «Найк» он считался лучшим искателем талантов. Страссер не относился к тем менеджерам, которые берутся за дело с осторожностью и осмотрительностью. Он предпочитал действовать импульсивно, полагаясь на свой инстинкт. Когда его осеняла какая-либо идея, он шел к своей цели напролом.

Выработанная Страссером новая политика заключалась в следующем. Достаточно найти всего лишь одного игрока, но такого, который стал бы фирменным знаком корпорации. Тогда можно будет все рекламные расходы сосредоточить в одном адресе, и, если ожидания оправдаются, этот игрок станет больше, чем баскетболист. Поскольку все великие баскетболисты были уже расхватаны, пришлось присматриваться к новичкам. Тем временем приближался очередной драфт НБА.

В компаниях, производивших спортивную обувь, были, как и в профессиональных баскетбольных клубах, свои селекционеры. В «Найк» эти функции выполнял вездесущий, непоседливый парень по имени Сонни Ваккаро. Он неплохо ориентировался в баскетбольном мире Восточного побережья США и имел хорошие связи в университетских командах. В частности, он был близким другом Джона Томпсона из Джорджтаунского университета, Билла Фостера из университета Дюка и Джима Вальвано из университета штата Северная Каролина. В свое время Ваккаро организовал одни из первых в Штатах Всеамериканские игры школьных команд, что позволило ему сблизиться со многими тренерами средних школ, стремившимися продвинуть дальше своих питомцев, и с тренерами колледжей, которые хотели заполучить себе талантливых юношей. Ваккаро постоянно мотался по школам и колледжам, завязывая все новые и новые связи и мечтая найти наконец-то подлинную жемчужину.

Лично с Джорданом он знаком не был, но наблюдал за его игрой еще с тех пор, когда Майкл учился на первом курсе. Очень скоро Ваккаро понял, что Джордан – игрок очень и очень незаурядный. Больше всего поразил его решающий бросок Майкла в матче чемпионата НАСС в 1982 г. Это было нечто: парнишка, решившийся на ответственнейший бросок в сложной ситуации. Соперники буквально наваливались на него, а он действовал так, будто он – «Мистер Хладнокровие».

Короче говоря, у Ваккаро не оставалось никаких сомнений по поводу того, с кем подписывать контракт. На совещании, состоявшемся в «Найк» в начале зимы 1984 г., он усердно проталкивал кандидатуру Джордана. Правда, в драфте несколько выше котировался Аким Оладжьювон, но он был нигериец и плоховато знал английский. Единственным игроком, чья харизма в какой-то степени была родственна харизме Джордана, считался молодой круглолицый парень Чарльз Баркли. На том совещании в корпорации Ваккаро спросили, готов ли он рискнуть всей своей карьерой, поставив на Джордана. «Абсолютно готов», – ответил Сонни. Тогда его спросили, что бы он предпочел: подписать контракт с десятью игроками, заплатив каждому по 50 тысяч

долларов, или подписать все же с одним на сумму в 500 тысяч долларов. Только с одним, ответил Ваккаро, и именно с Майклом Джорданом. На этом и порешили.

Возникла, впрочем, одна проблема. По правде говоря, Майкл не особо любил кроссовки «Найк». В «Каролине» он играл в кроссовках от «Конверс», поскольку с этой фирмой был как-то связан Дин Смит, но вообще-то он хотел играть в обуви от «Адидас». К сожалению, люди из этой корпорации не испытывали к Майклу ответных чувств. А вот у Фалька и у людей из «Найк» интересы совпали, и тем летом – еще не кончились Олимпийские игры – Роб Страссер и Питер Мур приехали в Вашингтон на встречу с Фальком. Фальк, как всегда, был полон идей, но из них не все пришлись Муру по душе. Обсуждались разные варианты рекламных плакатов. Майкл в момент своего коронного «слэм-данка». Майкл, играющий на бильярде, и так далее. Фальк предложил, чтобы у Джордана была «своя» модель кроссовок. Собеседники с ним согласились. Согласились они и с названием будущей модели, придуманным Фальком, – «Эйр Джордан». Мур тут же нарисовал эскиз: придал знаку фирмы крылья, поднимающие баскетбольные мячи. Мур вообще был неплохой дизайнер. В итоге все остались довольны встречей.

И все же, несмотря на то, что «Найк» не только был явно заинтересован в Джордане, но и готов был предложить ему почти все, что он захочет, оставалась проблема, о которой я уже сказал. Майкла не интересовала обувь от «Найк». Фальк и родители Майкла с трудом уговорили его даже слетать в Портленд. Как и большинство других игроков того времени, он наивно полагал: сделка по рекламе спортивной обуви – это всего лишь кроссовки, которые тебе нравятся. Ты подписываешь контракт, получаешь какие-то деньги, а потом даришь кроссовки этой фирмы своим друзьям. Того, что на рекламе можно сделать больше денег, чем на контрактах с клубами, Джордан еще не подозревал. Да что говорить – об этом не догадывались даже Фальк и люди из «Найк». Наконец, Делорис Джордан решительно заявила сыну, что она с мужем летит в Портленд и желает видеть Майкла в том же самолете.

«Найк» устроил Майклу презентацию, по нынешним меркам довольно скромную. Подготовили видеофильм о нем, куда вошли самые яркие эпизоды его игры в университете и на Олимпиаде, и показали его Майклу и родителям. Правда, в решающий момент, Страссер нажал кнопку видеомагнитофона, техника почему-то не сработала, но потом «исправилась». Затем Питер Мур нарисовал эскиз кроссовок -не просто белых, а разноцветных. Появились также другие эскизы спортивной формы. Кстати, увидев один из

них, где были изображены красно-черные кроссовки, Майкл решительно сказал: «Такие я никогда не надену: сочетание красного с черным – окрас Сатаны». «Майкл, – сказал Страссер, – скорее всего это будут твои цвета, если, конечно, ты не заставишь «Чикаго Буллз» играть в синей форме «Каролины».

По мнению Питера Мура, все это напоминало вербовку талантливого школьного баскетболиста в команду колледжа. После первой встречи все отправились в огромный магазин «Найк», похожий на гигантскую игрушечную лавку спортивной амуниции: иди, выбирай все, что тебе по душе, и бросай в тележку. Джордан вышел оттуда с шестью огромными пакетами. Затем Сонни Ваккаро сказал, что Майклу надо подарить что-нибудь существенное. Роб Страссер, заявивший, что Джордан обожает автомобили, предложил подарить ему лимузин и принес из магазина игрушечную модель «Порше». Это была, конечно, шутка, но Фил Найт стал мертвенно-бледным, испугавшись, что сейчас все его деньги полетят на ветер. Почувствовав неосторожность своей шутки, Страссер тут же добавил: «Майкл, на деньги, которые ты получишь, ты сможешь купить любой автомобиль».

Джеймс и Делорис Джордан, как посчитал Питер Мур, явно встали на сторону «Найк». На них большое впечатление произвели энтузиазм Страссера и тот факт, что корпорация увидела в Майкле нечто особенное, выделявшее его среди других игроков. Что же касается эмоций самого Майкла, о них никто ничего сказать не мог. На деловой встрече он сидел рядом с Фальком и своими родителями с совершенно каменным лицом. Фальк, не так уж хорошо знавший тогда своего подопечного, был удивлен. Как же так? Компания предлагает все мыслимое – и с финансовой, и с чисто человеческой точки зрения, а этот парень совершенно ко всему равнодушен. После окончательных переговоров Джордан, повернувшись к Фальку, сказал: «Да, заключим с ними контракт». «Но ты даже не улыбнулся ни разу, не выказал никакого энтузиазма», – ответил тот. «Я держался, как подобает настоящему бизнесмену», – заметил Джордан, и Фальк тут же понял, что имеет дело не просто с еще одним талантливым спортсменом и что в этом молодом человеке есть то, о чем он еще не догадывается.

Вечером все отправились обедать. Семейство Джорданов усадили в лимузин, где был видеомагнитофон, и они еще раз просмотрели фильм о спортивных подвигах Майкла. Парни из «Найк» выбрали популярный ресторан в центре города, и когда вся компания спускалась по лестнице в нижний зал, многие посетители узнали Майкла Джордана.

Мур сразу же отметил про себя особенность ситуации. Вот идет вниз по ступенькам Майкл, высокий, красивый, от природы грациозный -молодой американский принц, уверенный в себе, и люди невольно оборачиваются и пялятся на него.

Заметив на себе взоры посетителей ресторана, Майкл понял, что его узнали, и всем с очаровательной непосредственностью улыбался в ответ. В его улыбке чувствовалась какая-то магическая притягательность. А посетителями были люди из верхушки среднего класса, причем исключительно белые. Питер Мур воспринял эту сцену как богоявление. Улыбка Майкла уничтожила расовый барьер. Майкл больше не был темнокожим, он был человеком, другом которого хотел бы стать каждый американец. Улыбка Майкла была действительно харизматической. Она означала, что этот человек в полном ладу с самим собой и со всем миром, и говорила окружающим, что отныне все будет прекрасно. Более того, она заставляла других людей становиться выше своих привычных предрассудков. Если для Майкла Джордана не существует вопроса о расовом превосходстве, то почему вы должны над этим задумываться?

Позже, тем вечером, когда люди из «Найк» снова усадили Джорданов в лимузин, Роб Страссер спросил Питера Мура, думает ли он, что Майкла удастся заполучить. «Думаю, удастся, – ответил тот. – По-моему, все трое остались нами довольны». И добавил: «Если он согласится на наши условия, нас ждет нечто потрясающее. В нем чувствуется такая личность! Ничего похожего я ни в одном спортсмене не видел». Про себя же Мур подумал: «Важно еще, чтобы он оказался действительно выдающимся игроком. Тогда мы уж точно будем на коне».

«Найк» действительно заполучил Джордана, хотя это обошлось корпорации в кругленькую сумму. Фальк попросил, чтобы ему дали некоторые гарантии, а когда сделка наконец состоялась, выяснилось, что она ознаменовала коммерческий прорыв в мире спорта и развлечений. Джордан должен был получать по контракту примерно 1 миллион долларов в год в течение пяти лет. Ни представители «Найк», ни руководители «Буллз» тогда еще не догадывались, что это одна из крупнейших сделок того времени.

Вернувшись в Чепел-Хилл, Джордан рассказал Баззу Питерсону, что «Найк» назовет его именем новую модель кроссовок. Везет ему, подумал Базз, награды, премии, трофеи – все будто к нему липнет. Майкл тем временем продолжал свой восторженный рассказ. «Послушай, Майкл, – сказал Питерсон, – фирмачи не называли кроссовки в честь Ларри Бёрда и Мэджика Джонсона, а они – звезды НБА. А ты пока даже не номер один в

драфте». Позднее, когда была выпущена модель «Эйр Джордан», Майкл посоветовал некоторым своим друзьям купить акции «Найк», поскольку дела этой корпорации скоро пойдут в гору. Что ж, подумал тогда Питерсон, наш тренер старался, чтобы Майкл не выделялся на фоне других, но сейчас его уже никто не удержит.

Глава 11. Лос-Анджелес, Чикаго, 1984 г., 1985 г.

Итак, Джордан собрался в Чикаго, уже связав свою судьбу с корпорацией «Найк». Но до Чикаго его ждали Олимпийские игры. Майкл полностью созрел для профессионального баскетбола. Олимпиада, да и предолимпийская подготовка это доказали.

Тем летом в Лос-Анджелесе Джордан оказался лучшим игроком американской олимпийской сборной, сплошь состоявшей из ярких звезд. Поначалу тренер команды Бобби Найт не совсем был в нем уверен. «Талант у него, конечно, огромный, – говорил он Билли Пэкеру, – но бросает по кольцу он неважно. Для атакующего защитника это серьезный недостаток». Прошло совсем немного времени, и все сомнения Найта развеялись. Необычайно требовательный тренер, он тем не менее был поражен, с какой интенсивностью действует Майкл в обороне, как легко он схватывает тренерские подсказки и сколько в нем спортивной злости (злости в хорошем смысле слова). Короче говоря, в олимпийской команде появился прирожденный лидер.

Однажды на тренировке Найт отвел Майкла в сторону и сказал ему, чтобы он не обижался на его резкие замечания. Он, мол, специально на него накидывается, чтобы подстегнуть некоторых других, слишком вялых игроков. Майкл ответил, что все нормально. Вскоре Джордан стал лидером и вдохновителем своей команды. В день финального матча, когда американцам предстояло сражаться за золотые медали с испанцами, Найт заготовил вдохновенную речь, где собирался сказать о том, что предстоящие сорок минут станут самым важным событием в жизни игроков и что они запомнят эти сорок минут навсегда. Придя в этот день в свой офис, Найт увидел на стуле бумажный листок. На нем было написано незамысловатое послание: «Не волнуйтесь, уважаемый тренер. Мы слишком много нахлебались дерьма, чтобы сейчас проигрывать». И подпись: «Команда». Найт тут же понял, что это сочинил Джордан, поскольку ни у кого другого на такую фривольность не хватило бы смелости. Так или иначе, Найт об этой записке промолчал и кратко напутствовал подопечных: «Идите и побеждайте!» Впервой половине матча, когда США вели с перевесом в 27 очков, Найт заволновался. Такой отрыв ему показался ненадежным, и он решил подстегнуть Джордана. «Черт побери, Майкл! – закричал тренер. – Поактивней играй под щитом! Выиграешь подбор – верных два очка».

Джордан расплылся в улыбке. «Уважаемый тренер, – сказал

он, по-моему, я читал в прессе о том, будто вы говорили, что я самый быстрый игрок, которого вам приходилось тренировать. Так ведь?» -»Да, – согласился Найт, – но при чем здесь это?» – «При том, что я выигрываю подборы быстрее, чем вы это замечаете», – ответил Майкл.

Позже, когда репортеры пытались уточнить различия между вспыльчивым Найтом и невозмутимым Дином Смитом, они спросили об этом Джордана. Он ответил, что стиль работы этих двух тренеров схож. Разница одна: Смит строит атаку на действиях четырех игроков, располагающихся квадратом, а Найт предпочитает слово из четырех букв.

Майкл, безусловно, был лучшим в олимпийской сборной США. После того как американцы разгромили испанцев, репортеры спросили одного из игроков «серебряной» команды, Фернандо Мартина, что он думает о Джордане. «Очень быстр, очень хорош и все время в прыжке. Он, по-моему, пола вообще не касается», – ответил испанец.

Успешное выступление Джордана на Олимпиаде, естественно, повысило цену его контракта с «Буллз». Впервые выйдя на площадку как профессионал, Майкл был уже очень богатым молодым человеком. Его контрактом занимался в основном Дональд Делл. «Чикаго» на переговорах был приперт к стенке: слабый клуб с ненадежной репутацией покупал лучшего игрока олимпийской команды. Поэтому руководство «Буллз» особо не торговалось. Контракт заключили на 7 лет на общую сумму 6,3 миллиона долларов. За всю историю лиги это был третий по цене контракт, когда-либо заключенный с новичком профессионального баскетбола. Джордана «обогнали» лишь двое – Оладжьювон и Ральф Сэмпсон, но оба они отличались гигантским ростом.

Вдобавок у Майкла был контракт с «Найк» на один миллион. Руководство «Буллз» было довольно новым приобретением. Оно надеялось, что этот новичок скоро станет яркой спортивной звездой и прославит Чикаго. На улицах города можно было видеть приветственные плакаты: «К нам едет мистер Джордан!»

Джордан очень хорошо держался на своей первой в Чикаго пресс-конференции. Дэвид Фальк набросал ему несколько необходимых, по его мнению, фраз – ответов на предполагаемые вопросы. Однако труды его оказались напрасными: Майкл не нуждался в помощи. Выяснилось, что у него особый талант к общению с прессой. Кто-то поинтересовался его мнением о товарищах по новой команде. Джордан ответил уклончиво: «Не думаю, что «Буллз» всегда будут побеждать». Больше Фальк никогда никаких советов перед пресс-конференциями ему не

давал.

В первый же день, когда Майкл оказался на тренировочной базе клуба, он стал лидером команды. Род Торн и Кевин Лафери сияли от радости, довольные, что сделали верный выбор: все их впечатления от игры Джордана на Олимпиаде полностью подтвердились. Они увидели не просто демонстрацию спортивных данных – они увидели чудеса. В отличие от многих талантливых игроков, великолепных атлетов, Джордан, прошедший хорошую школу и наделенный незаурядным умом, подчинил свои способности одной цели. День за днем он, пользуясь своей невероятной скоростью, прыгучестью и силой, фанатически подготавливал свой бросок. А умение подготовить бросок – это то, что отличает профессионального игрока от баскетболиста-студента. Оборона в профессиональном баскетболе действует настолько жестко, что бывшие лучшие снайперы университетских команд тут же уходят в тень. У них нет ни силы, ни скорости. Остается только надеяться на партнеров, которые оставят их свободными. А вот в данном случае сразу же стало ясно, что Джордан сам себе создаст момент для броска и сделает это, возможно, лучше всех игроков лиги.

С первого же дня Джордан стал некоронованным королем тренировочной базы. В упражнениях «один на один» никто ему противостоять не мог. Вскоре на его тренировки стали собираться в качестве зрителей другие игроки клуба. Как-то раз Джордан во время очередной свалки, подхватив мяч, отскочивший от своего щита, промчался до штрафной линии соперников и сделал свой коронный «слэм-данк». «Не думаю, что нам надо устраивать свалку в защите», – сказал тогда одному из своих помощников Лафери. А потом сообщил Роду Торну: «Кажется, мы выиграли „джекпот»«.

Поскольку Джордан был худощав, многие недооценивали его силу. Но Бобби Найт, который все прекрасно понял, всегда говорил собеседникам о внутреннем ресурсе Майкла: «Да, внешне он не похож на бугая, но, если он слегка коснется вашего колена, вам покажется, что оно очутилось в стальных тисках». Позволю при этом заметить, что Майкл понятия не имел ни о каких фитнес-программах.

Еще одна деталь, которую подметил Лафери, – ладони Джордана. Они были громадные. Лафери сам был когда-то неплохим баскетболистом, но таких ладоней Бог ему не дал. Повезло таким ребятам, думал Лафери, им легко обращаться с мячом. Они в прыжке могут делать то, что другим игрокам недоступно.

С самого начала Джордан превзошел ожидания чикагцев.

Конечно, все понимали, что он хороший игрок, но мало кто думал, что в очень скором времени он станет суперзвездой. Его бросок в прыжке был лучше, чем от него ожидали, но траектория полета мяча была недостаточно крутой. Пришлось над этим потрудиться. Майкл отрабатывал такой бросок каждый день, приходя в спортзал за час до начала тренировок или задерживаясь в нем, когда все остальные отправлялись по домам. Иногда они соревновались с Лафери, который поначалу выигрывал, но потом Джордан взял свое – проигрывать он никогда не любил.

На каждой тренировке Майкл вкалывал больше всех и последним уходил из спортзала. Столь трудолюбивого игрока в НБА никто никогда не видел. Возникла, правда, проблема: несладко пришлось его партнерам по команде. Однажды Род Торн заехал на тренировочную базу «Быков» в местечко под названием Ангел Хранитель и с удивлением узнал, что все разошлись по домам раньше обычного. «В чем дело?» – спросил он Лафери. «Я отпустил их пораньше: Майкл всех измотал до изнеможения», – ответил тот.

На тренировках баскетболисты часто играли пять на пять до тех пор, пока одна из пятерок не совершала десять точных бросков. После этого проигравшие усердно бегали вокруг площадки. Майкл не любил эти пробежки и посему выкладывался в игре на всю катушку. Однажды, когда его «команда» вела со счетом 8:0, Лафери переставил его в проигрывающую пятерку. Майкл возмутился и в первый раз вступил в перепалку с Лафери. Ему и так уж надоел этот мрачный спортзал, а тут еще переходить в «команду», которую ты почти победил! Но Лафери стоял на своем: «Давай, Майкл, надо же спасать положение». Джордан, кипя от ярости, подчинился и заиграл так, что новая его «команда» победила со счетом 10:8. Потом, посмотрев в упор на Лафери, он спросил: «Ну что, спас я положение?» – и отправился в раздевалку. Через несколько лет, когда Лафери тренировал клуб «Вашингтон Уизардс», его команда однажды играла на выезде с чикагцами. В четвертой четверти матча столичные баскетболисты вели с разницей в восемь очков. Но тут разыгрался Джордан. Когда его очередной бросок вывел чикагцев вперед, Майкл, пробежав мимо Лафери, обронил на ходу: «Ну что, дорогой тренер, как тогда, в Ангеле Хранителе?»

Лафери всегда был уверен, что Джордан станет великим игроком. И не просто благодаря своему таланту и выдающимся физическим данным, а потому что он беззаветно любил баскетбол. Такую любовь нельзя привить тренировками или лицемерно изображать. Майкл с радостным нетерпением ждал

каждой тренировки, каждого матча. Не у всех игроков была такая страсть к баскетболу. Большинство из них, как считал Лафери, скорее любили деньги. А чувства Джордана были искренни, в чем и заключалось его преимущество.

Благодаря этому, а также своей удивительной способности переключаться с одного занятия на другое (однажды, например, накануне ключевого матча в серии «плей-офф» он целый день играл в гольф) Джордан никогда не выглядел усталым. Уровень его энергетики был непостижим. Обычно игроки, пришедшие в НБА из колледжей где играли за сезон всего лишь в 24 матчах, сразу же выдыхались: как-никак 82 матча за сезон да еще бесконечные перелеты из города в город. Марк Пфайль один из тренеров чикагского клуба, предупреждал Джордана о факторе усталости, говоря ему, что он должен беречь свои силы. «Устал? Может, отдохнешь пару минут?» – не раз спрашивал он его.

Улыбаясь в ответ, Джордан говорил: «Понаблюдайте за мной и все сами поймете».

Майкл отличился с самого появления в лиге. Во втором своем матче за «Буллз», игравшего в Милуоки, Джордан рванулся со штрафной линии соперников, чтобы совершить «слэм-данк» – трюк, доступный только Джулиусу Ирвингу. Наблюдавший за его игрой Майк Данливи, хлопнув по плечу сидевшего рядом с ним Кевина Греви, сказал: «Вот первая большая его ошибка». Но когда Джордан влепил мяч в корзину, Данливи понял, что ошибся он сам, а не Майкл.

Вскоре также выяснилось, что Джордан обладает незаурядной силой воли и умеет быть жестким. Как-то раз «Буллз» играл с «Вашингтоном», за который выступали два устрашающих громилы – Джефф Раленд и Рик Махорн. Раленд сбил Майкла с ног. Когда тот грохнулся на площадку, даже хруст раздался. Джордан тут же встал, отряхнулся и, будто ничего не произошло, пошел на новое столкновение с Ралендом. В другом матче – с «Милуоки», тогда очень сильным клубом, который тренировал Дон Нельсон, Майкл играл против Сиднея Монкрифа, одного из двух или трех лучших защитников в лиге. Монкриф был бессилен остановить его, и Нельсон перестроил оборонительные порядки. Получилось в результате так, что Джордана опекала практически вся пятерка. Но напрасно – чикагцы победили. Как сказал журналист Рон Раппопорт, матч сложился так, что один игрок все время прорывался через пикет из пяти соперников. Для новичка НБА такое было немыслимо.

С приходом Майкла в «Чикаго» увеличило количество болельщиков на стадионах, как на домашних матчах, так и на выездных. За пару месяцев первого сезона Джордана число

зрителей на чикагском стадионе почти удвоилось – с 6.365 человек в среднем на матче до 12.763. Продажа сезонных билетов – до той поры безнадежное дело – за первые три года пребывания Майкла в «Буллз» выросла в пять раз. Рейтинг телетрансляций матчей с участием чикагцев показал, что их смотрят более чем в 30 тысячах семей.

И все же время настоящего культа Джордана, «Майкломании», тогда еще не наступило. Да, число болельщиков на трибунах увеличилось, но всеобщего помешательства не наблюдалось. Тим Хеллем, тогдашний пресс-секретарь «Буллз», вспоминал, что зачатки культа Джордана он заметил, когда чикагцы выступали в Индиане и Майкл набрал в том матче около 40 очков. После игры состоялся небольшой парад: по Дворцу спорта Джордана сопровождали шеренги ребятишек.

Джордан сразу же наладил прекрасные отношения с прессой. Он всегда был доступен и дружелюбен. Частично – потому что был хорошо воспитан. Частично – поскольку сознавал, что общение с журналистами – важным элемент его профессиональной карьеры. Майкл быстро понял, что непринужденные беседы с репортерами – источник ценной для него информации о делах в НБА и в ее клубах. Он узнавал, что нового в командах, кто как играет, какие тактические новинки придумывают тренеры. О своих делах он всегда говорил откровенно, усвоив важный принцип: чтобы получать информацию, нужно ее давать. У Джордана было какое-то шестое чувство, благодаря которому он распознавал, кто из молодых репортеров скоро станет звездой журналистики и будет вести в газете или журнале собственную колонку. Он, в частности, предвидел блестящую карьеру Майка Лупики, Майкла Уилбона, Дэвида Ремника, Яна Хаббарда. Человек, в принципе далекий от журналистики, он и здесь тонко и строго оценивал качество работы.

За минувшие годы рой прессы, кружащийся вокруг Джордана, конечно, неизмеримо вырос, но и по тем временам популярность Майкла среди журналистов была для игрока «Буллз» почти немыслимая. Тима Хэллэма постоянно бомбардировали просьбами организовать интервью с Джорданом. Он аккуратно записывал каждую просьбу на отдельном листочке и передавал его Майклу. Тот добросовестно откликался на все обращения и только в середине своего первого сезона обнаружил, что он единственный в команде, кто это делает. Все остальные от «предварительных заказов» интервью отмахивались. В НБА существует неписаный закон: если репортер хочет побеседовать с игроком, он просто должен ломиться в раздевалку и хватать его

на месте. Со временем Джордан и Хэллэм договорились о следующем: если Хэллэм считает, что-то или иное интервью действительно важное, Джордан встречается с репортером, если нет, он может и перепоручить это Хэллэму.

В то время Майкл еще мог спокойно проходить по залу аэропорта, не вызывая особого ажиотажа у публики. Но иногда его все же узнавали, подходили к нему. Завязывался разговор. Джордан всегда и со всеми был необычайно приветлив, любезен и тактичен. Однажды «Буллз» завтракали в 7 утра в аэропорту Далласа. Майкл, как и все смертные, стоял в очереди с подносом. К нему подошел болельщик и попросил автограф. Джордан очень вежливо ответил, что рад бы, но сначала ему нужно позавтракать. Болельщик взорвался от негодования: «Вы, чертовы спортсмены, все такие – слава и деньги вас испортили!»

«Джордановская» лихорадка тем временем усиливалась, и менеджеры «Буллз», чтобы избежать нашествия любопытных, решили отправлять команду из каждого города самым ранним рейсом. Кроме того, всячески прятали Майкла, словно контрабандисты, провозящие тайный груз. А в начале 90-х гг. «Быки» стали летать чартерными рейсами.

Первый год в клубе был во многом тяжким испытанием для Джордана. И дело не в том, что по сравнению с его студенческими годами число матчей в сезоне возросло в четыре раза, Майкл любил баскетбол, а запас его сил, казалось, не иссякал. Трудно было погружаться в новую атмосферу – вернее, вживаться в слабую тренировочную программу после сильной программы, разработанной и утвердившейся в «Каролине». В Чепел-Хилл все было по первому классу. Тщательно продуманная программа, блестяще организованный тренировочный процесс, прекрасный тренерский состав. Работавшие там помощники тренеров считались лучшими специалистами, лучше чем многие главные тренеры других студенческих команд. Да и играли там очень хорошие баскетболисты, бесконечно преданные спорту. Находились, правда, выскочки и хвастуны, считавшие, что они уже переросли рамки программы Дина Смита, но они составляли редкое исключение. На тренировках игроки выкладывались так же, как на решающих матчах. По первому же классу были оборудованы спортивные сооружения – намного лучше, чем почти во всех университетах, где приходилось бывать каролинцам на выездных матчах. А самое главное – в Чепел-Хилл цель для ребят была ясна и постоянна.

Совсем другое дело – Чикаго. Сам Кевин Лафери оказался хорошим, знающим тренером, но весь его штат ни в какое сравнение не шел со штатом Дина Смита. Оборудование было

ужасным. Но больше всего Майкла разочаровали игроки. Они отличались весьма средними способностями. У некоторых из них были проблемы с наркотиками, что, конечно, сказывалось на их спортивной форме, а самое худшее – они не горели желанием побеждать и никакой цели впереди себя не видели. Однажды в свой первый год в «Буллз» Джордан, приехавший на выездной матч, узнал, что в номере одного из игроков проходит веселая вечеринка. Заглянув туда, он увидел нескольких своих партнеров по команде. Кто-то курил марихуану, кто-то предпочитал кокаин. Майкл вылетел оттуда пулей. Да, такое в «Каролине» даже вообразить было невозможно.

Организация и обустройство тренировочного процесса сводились практически к нулю. Пол Уэстхед, на короткое время приехавший в Чикаго в качестве тренера, а до того работавший в процветавшем клубе «Лейкерс», был просто поражен, насколько чикагцы были убоги в смысле разыскивания новых талантов, создания видеозаписей и обустройства тренировочных залов.

Тренировочная база «Буллз» располагалась в бывшем сиротском приюте – мрачном здании с бетонными полами и сто раз перекрашенными окнами. В помещениях постоянно стоял зловонный запах. Позднее, когда с приходом Джордана клуб стал процветать, да и в НБА наступили лучшие времена, «Чикаго Буллз» перебрались на новую базу – Берто Центр, в чикагском пригороде. Это уже было роскошное сооружение стоимостью несколько миллионов долларов. Дело здесь поставили на широкую ногу. Завели бдительную службу охраны, чтобы оградить игроков от неистовых фанатов и назойливых репортеров. Впрочем, прессе отвели специальную комнату с видом на спортплощадку – через плексигласовое окно, которое, если присутствие журналистов становилось нежелательным, нажатием кнопки закрывалось занавесом.

Первый год пребывания Джордана в НБА ознаменовался двумя пророчествами, касающимися его дальнейшей судьбы. Одно сделал Ларри Бёрд, когда его грозная команда «Бостон Селтикс» приехала в Чикаго на матч с «Буллз». Как вспоминал Дан Шонесси, репортер, приставленный тогда к бостонцам, никто из журналистов даже не интересовался мнением великого игрока о новом парнишке, появившемся в стане соперников. Ларри сам пожелал высказаться. Выразился он в спокойном тоне, но в его словах сквозило явное восхищение. «Никогда не видел, – сказал Бёрд, – чтобы один игрок мог так преобразить команду. Я в первый свой год в НБА так играть еще не умел. Вот хотя бы один эпизод сегодняшнего матча. Майкл держит мяч в правой руке, затем стучит им об пол и снова подхватывает. Я на него бросаюсь,

пытаюсь отобрать мяч, даже правила, признаться, нарушаю, а он все равно умудряется забросить. И все это он проделал в прыжке, находясь в воздухе. Очень скоро на стадион будут ходить специально «на Джордана».

Автор второго пророчества – несравненный Джерри Уэст, игрок настолько знаменитый, что для фирменного знака НБА был использован его силуэт. К тому времени он уже не играл, став генеральным менеджером «Лос-Анджелес Лейкерс». В лиге считалось, что никто точнее Уэста не может оценить талант молодого игрока. Он увидел игру Джордана в самом начале его первого сезона. Повернувшись к Джошу Розенфельду, Джерри сказал: «Первый раз в жизни вижу парня, который напоминает мне меня в молодости».

В общем, первый сезон сложился для Майкла более чем удачно. Он был объявлен лучшим новичком года и, хотя Джордан играл в окружении непривычно слабых для него партнеров, все же помог «Буллз» улучшить показатели: выиграть на 10 матчей больше, чем в предыдущем сезоне. Майкл был молод, хорош собой, богат. Жил он в небольшом доме, где даже сам убирал. Корпорация «Найк» приставила Джордану молодого человека по имени Говард Уайт, бывшего игрока из Мэриленда и близкого друга Мозеса Мэлоуна. Он стал своего рода опекуном Джордана, охранявшим его от хищников, крутившихся вокруг НБА и наживавшихся на спортивной славе ее звезд. Со стороны «Найк» это был умный шаг. Сотрудничество Майкла и Говарда быстро переросло в настоящую дружбу. Уайт, будучи старше, мудрее и опытней, помог Джордану успешно миновать опасные рифы, обычно поджидающие каждого новичка НБА.

Джордан пользовался своей славой умело и в меру. Дэвид Стерн вспоминал, что, когда Майкл стал обладателем «Новичок года» (приз этот присуждался компанией «Шик», производящей бритвенные лезвия), НБА потратила немалую часть своего бюджета, оплачивая чартерные рейсы самолетов, доставлявших Джордана из Чепел-Хилл в Сан-Франциско и обратно. Дело в том, что летом Майкл продолжал учебу в университете, чтобы получить все-таки диплом, а владельцы лиги собирались на свои совещания в Сан-Франциско.

Модель кроссовок «Эйр Джордан» завоевала ошеломляющую популярность. «Найк» заработал на ней 130 миллионов долларов. Кое-кто в лиге негодовал по поводу успехов Майкла на ниве коммерции, говоря, что он разбогател не по годам. И не по заслугам: ведь клуб, куда он пришел, пока что не прогрессирует. Недруги Майкла продемонстрировали свое отношение к нему во время матча «Всех Звезд», на который он заявился в кроссовках от

«Найк». Игроки-ветераны во главе с Исайей Томасом и Мэджиком Джонсоном договорились между собой, что Джордана на площадке надо бойкотировать, не пасовать ему, в общем, выключить из игры. Все эти игроки так или иначе были связаны с Чарльзом Тэккером, занимавшимся организацией спортивных зрелищ, и тот после матча имел неосторожность сболтнуть репортерам о «конспиративном заговоре». Томас и Джонсон вяло отнекивались. Роль Джонсона была, впрочем, не столь уж значительна, поскольку он играл не в той команде, что Джордан.

Через два дня после матча «Всех Звезд» «Быки» вышли на игру с «Детройт Пистонс» – клубом, за который тогда выступал Томас, и Майкл «отомстил» обидчику, заработав 49 очков. Тот печальный инцидент на время испортил отношения между Джорданом и Джонсоном, но Мэджик впоследствии всячески старался их восстановить. А отношения с Томасом у Майкла так и остались натянутыми.

К концу сезона Джордан, к удивлению Марка Пфайля и других, заметно прибавил в физической силе. Даже его партнеры по команде удивлялись. Когда он только появился в клубе, один из игроков – Сидни Грин – сказал, что к середине сезона этот талантливый новичок, изнуряющий себя на тренировках, выдохнется. «А потом смотрим, – вспоминал Грин, – он по-прежнему неутомим. Тогда мы решили, что после третьей четверти сезона он уж точно не сможет так носиться по площадке. А у него силы все прибавлялись и прибавлялись». Выдержав паузу, Грин выдал комментарий, вошедший в анналы истории НБА: «Майкл Джордан – это правда, только правда и ничего, кроме правды. И да поможет нам Бог!»

Глава 12. Бостон, апрель 1986 г.

Поначалу казалось, что это будет малоинтересный матч, хотя и в серии «плей-офф». И в самом деле, что можно ожидать от слабых «Буллз», которым противостоит грозный «Бостон Селтикс»? Но, как заметил Дик Стоктон, спорт-комментатор Си-би-эс, этот матч стал блестящим дебютом Майкла Джордана как истинного баскетбольного профессионала. Майкл играл перед многомиллионной аудиторией, приникшей к телеэкранам. Многие телезрители толком еще и не знали его и даже не подозревали о том, что сейчас произойдет. Однако в принципе то, что Джордан сотворил в Бостоне 20 апреля 1986 г., было, учитывая его инстинктивную тягу к драматическим коллизиям, вполне предсказуемо. Впрочем, он и сам это предсказал. Накануне матча он играл в Бостоне в гольф с Дэнни Эйнджем, защитником «Селтикс», и двумя спортивными журналистами. Закончив игру, Майкл сказал Эйнджу: «Завтра тебя ждет большой сюрприз». – «Не думаю, – отмахнулся тот, – тебя будет опекать сам Д. Дж.» (так звали сокращенно Денниса Джонсона, высоченного защитника бостонцев). «И все же скажи Д. Дж., что сюрприз вероятен, – настаивал Майкл. – И пусть он сегодня хорошенько выспится».

Сцена для дебюта Майкла была подобающей. Игра в серии «плей-офф» в знаменитом «Бостон Гарден» против сильнейшего клуба НБА. Матч транслируется по национальному телевидению. Джордан, игравший в лиге второй сезон и почти весь его пропустивший из-за перелома ноги, долго ждал встречи такого уровня.

Многие, в том числе и сами бостонские игроки, считали «Селтикс» сезона 1985/86 г. лучшей командой эпохи Ларри Бёрда. Из 41 домашнего матча клуб проиграл лишь один. 12 лет спустя Кевин Макхейл, в прошлом одна из звезд той команды, вспоминал: «Боже милостивый! Сказал бы ты мне сейчас: «О'кей, Макхейл, ты добропорядочный гражданин, поэтому разрешаю тебе вернуться в прошлое и поиграть еще один сезон». Я бы выбрал сезон-85/86 «.

Тем воскресным вечером Майклу выпал удачный шанс показать себя во всей красе на всю страну, да еще играя против самого Денниса Джонсона. «Селтикс» приобрел Д. Дж. из-за его гигантского роста и конечно несомненного таланта. Клубу нужен был игрок, способный наглухо закрыть Эндрю Тони, великолепного атакующего защитника «Филадельфии-76», прозванного «Грозой бостонцев». Именно благодаря его

действиям филадельфийцы всегда побеждали «Селтикс». Д. Дж., безусловно, был лучшим в лиге защитником-»великаном».

В эпоху Ларри Бёрда «Селтикс» делил королевский трон в НБА с «Лос-Анджелес Лейкерс», где блистал Мэджик Джонсон. С 1980 по 1988 г. калифорнийцы становились чемпионами 5 раз, а бостонцы – 3. Лишь однажды в их дуэт вклинился аутсайдер – «Филадельфия-76» с Джулиусом Ирвингом. Когда «Селтикс» впервые выиграл чемпионат при Ларри Бёрде, Рэд Ауэрбах, торжественно подняв над головой почетный трофей, произнес: «А что случилось с королевской династией «Лейкерс», о которой мне уши прожужжали?»

В сезоне 1985/86 г. состав «Селтикс» был как на подбор. Некоторые даже считали ту команду лучшей в современном баскетболе. И действительно, о такой первой пятерке можно было только мечтать. В нападении – Бёрд, Макхейл и Роберт Пэриш. Их называли «великой тройкой». В обороне – Деннис Джонсон и Эйндж. Кроме того, «Селтикс» приобрел легендарного Билла Уолтона, считавшегося в свое время одним из двух или трех лучших «великанов». Хотя к 1985 г. он из-за многочисленных серьезных травм значительно сбавил в игре, тем не менее в какие-то моменты Билл так мог сыграть в обороне или выдать такой пас форварду, что у всех дух захватывало.

В тот сезон Уолтон, перенесший несколько сложнейших операций, выкупил на собственные деньги свой очень приличный контракт у «Лос-Анджелес Клипперс». Это позволило ему покинуть баскетбольное чистилище и отправиться на поиски баскетбольного рая. Правда, свобода обошлась Уолтону в 800 тысяч долларов – такова была цена неустойки. Сначала он, подумав о переходе в «Лос-Анджелес Лейкерс», позвонил своему старому другу Джерри Уэсту. Но тот сказал: «Билл, я тебя прекрасно знаю и восхищаюсь твоей игрой, но я видел рентгеновские снимки твоих ног и не хочу, чтобы ты стал калекой». Тогда Уолтон позвонил Реду Ауэрбаху, архитектору громких побед «Селтикс». «Это говорит Билл Уолтон из «Лос-Анджелес Клипперс», – сказал он. – Я хотел бы приехать в Бостон и поиграть за ваш клуб. Думаю, буду вам полезен». В этот момент в офисе Ауэрбаха случайно оказался Ларри Бёрд, тут же уговоривший его принять предложение Уолтона. О травмах речь даже не шла, раз Билл думает, что может играть, этого достаточно.

Поскольку у Уолтона была репутация капризной суперзвезды, требующей к себе особого внимания, бостонцы заранее решили поставить его на место. В первый свой день в «Селтикс» Уолтон попросил одного из служащих клуба принести ему чашку кофе.

На следующий день он увидел в раздевалке большой плакат, на котором от руки было написано: «Билл, пойди и сам возьми свой гребаный кофе». В «Селтикс» никому не дозволялось мнить себя выше всех, хотя, конечно, каждый понимал, что его команда – это команда Ларри Бёрда. Однажды на тренировке Уолтон отпустил критическое замечание в адрес Рика Карлайла. Бёрд тут же сказал: «Эй, Рик, скажи ему, чтобы он заткнул свою поганую пасть. Хоть ты у нас всего год, но сыграл за нас, наверное, больше матчей, чем он за всю свою карьеру».

Радуясь тому, что он совершил побег из «баскетбольной Сибири» и попал в команду, где все были одержимы страстью к баскетболу, Уолтон считал этот год одним из самых счастливых в своей жизни. Биллу нравилось, что ему отвели роль обычного, рядового игрока, которому не нужно вести за собой партнеров. Он даже смирился с тем, что стал в команде постоянным объектом шуток и розыгрышей, сменив на этом посту Дэнни Эйнджа. А в «Селтикс» остряков было немало. Звезды постоянно друг друга разыгрывали. Как-то в Лос-Анджелесе на предматчевой разминке на площадке остались лишь двое – Макхейл и Карлайл. Карлайл, выглядевший намного моложе своих лет, совсем как мальчишка, был одет в простой старомодный тренировочный костюм, на котором не было эмблемы «Селтикс». Макхейл разыскал охранника и спросил его, указывая на Карлайла: «Не знаете, кто этот парень? Может, новичок «Лейкерс»? Недоумевающий охранник ответил, что это, конечно, игрок «Селтикс». «Первый раз вижу его, – сказал Макхейл. – Послушайте, сделайте что-нибудь. Наш тренер будет очень недоволен, когда узнает, что «Лейкерс» заслали к нам шпиона». Попавшийся на крючок охранник стал выводить Карлайла из зала. Парень завопил, указывая на Макхейла: «Да я с ним!» Но тот отрицательно мотал головой.

Или такой случай. Как-то, играя в Портленде, Ларри Бёрд решил, что матч складывается для его команды чересчур легким, и стал бросать по кольцу только левой рукой. После его первых четырех удачных бросков Макхейл крикнул игроку «Портленда» Джерому Керси, опекавшему Бёрда: «Не суетись, Джером, подожди, пока Ларри начнет бросать правой!» Иногда во время матча Макхейл предупреждал кого-либо из соперников, что сегодня он получит пинок в задницу от Д. Дж. или Эйнджа. Макхейл заслужил право на такие шутки: в свое время и над ним издевались. Когда он впервые вышел на матч в НБА («Селтикс» играл тогда с «Вашингтон Уизардс»), Бёрд, подойдя к Элвину Хейесу, знаменитой вашингтонской звезде, сказал ему: «Элвин, хочу, чтобы ты приготовился: наш новичок Макхейл пообещал,

что сделает из тебя сегодня отбивную.

По-настоящему великий игрок, Ларри Бёрд придавал бостонцам уверенности в их непобедимости. Казалось, вся команда подчинялась его железной воле и перенимала ее. Самое страшное для каждого было разочаровать своего кумира. Такого игрока, как Бёрд, никто из них в жизни не видел, и поэтому в спорных ситуациях только он имел право вынести окончательный вердикт.

Подвести Ларри Бёрда – об этом и речи не шло. Даже судьи не решались ему противоречить. В том году, играя в Атланте с местными «Хоукс» («Ястребами»), бостонцы после первой половины матча уступали хозяевам 22 очка. Что еще хуже – «Ястребы» постоянно апеллировали к судьям. К. Джонс, тренер «Селтикс», был настолько недоволен игрой своей команды, что в перерыве не произнес ни слова. Когда началась вторая половина матча, Бёрд с непривычным для него мрачным выражением лица подошел к судьям и сказал: «Мы не собираемся сдаваться, но и вы не идите на поводу у «Ястребов». В третьей четверти он принес своей команде 17 очков, после чего «Селтикс» отставал всего лишь на 8, а в овертайме и вовсе победил.

Лидерство Бёрда проявлялось не только на матчах, но и на тренировках. Однажды «Зеленая команда» (вторая пятерка) с большим преимуществом обыгрывала «Белую команду» (стартовую пятерку). Все, в том числе и тренер, ополчились на фаворитов. Тут Ларри Бёрд и показал, на что он способен, – стал бросать из трехочковой зоны и без единого промаха. При этом он отдалялся от кольца соперников. Сначала бросал с расстояния 20 футов, потом – с 22, с 24, с 26 и, наконец, с 32. Ни одного промаха. Счет почти сравнялся. До конца тренировки оставались считанные секунды. Бёрд находился на центральной линии. Все «зеленые» устремились к нему, но он спокойно бросил по кольцу, и «белые» выиграли.

Бёрд предпочитал вести за собой партнеров своим примером, нежели произносить им нравоучительные речи, хотя при случае ему и приходилось читать нотации нерадивым. Сам же он и на матчах, и на тренировках выкладывался, как никто другой. Когда Ларри Бёрд пришел в НБА, все уже знали, что он великолепный снайпер и со своими огромными ручищами и уникальным периферическим зрением обладает удивительным умением отдать нужный пас. Но вот то, что этот невысокий – по меркам НБА – баскетболист так удачно выигрывает подборы, многих удивляло. Но Ларри не зря отрабатывал этот прием. В свалке вокруг кольца он мог увидеть малейшую щель и втиснуть туда свое худосочное тело. Любой мяч, оказавшийся поблизости, тут

же становился его собственностью. Как считал Джимми Роджерс, помощник старшего тренера бостонцев, загадка дарования Ларри крылась в его запястьях, мощных, но необычайно гибких. Мягким еле уловимым движением запястьев он и совершал свои коронные броски.

Еще одно качество Бёрда, свойственное также Мэджику Джонсону и Майклу Джордану, – видение площадки. Каждую секунду он видел, что на ней происходит, кто в какой позиции. Билл Фич, первый тренер, в чьи руки попал Ларри, перейдя в профессиональный спорт, приучал своих воспитанников зрительно фиксировать какие-то моменты игры, словно запечатлевая их на фотопленке. Как считал Роджерс, лучшим «фоторепортером» оказался Бёрд. Один мгновенный взгляд – и он знает, где все остальные девять игроков и где судьи. Так что его «слепые», наугад, казалось бы, пасы были совершенно точно рассчитанными: Ларри видел, кто где находится, предугадывал, куда они побегут и сколько времени займет рывок каждого из них. Он просчитывал действия всех: и соперников, и товарищей по команде.

Однажды в начале сезона Бёрд, придя на тренировку, застал в зале Уолтона. Внимательно посмотрев на него, он сказал: «Я знаю, о чем ты думаешь. Хочешь заработать в сегодняшнем матче двадцать очков. Забудь об этом. Твоя забота – выигрывать подборы под нашим щитом». Самое удивительное – Уолтон признался потом, что Бёрд угадал его мысли.

Выкладываясь изо всех сил, Бёрд приучал к этому же и партнеров. Был такой случай. В бостонский клуб вернулся Седрик Максвелл, подписавший новый, четырехлетний контракт с «Селтикс», согласно которому он получал в год 800 тысяч долларов. По тем временам контракт был более чем внушительный, однако Максвелл не слишком утруждал себя черновой работой. Однажды в раздевалке он заявил, что, имея такой контракт, он может спокойно симулировать травму колена и не терять при этом ни цента. Возмущенный Бёрд ледяным тоном произнес: «Хочешь получить травму колена? Наскучило играть? Выстави свое несчастное колено, и я о нем позабочусь». Так прозвучало его предупреждение о том, что цена контракта не имеет никакого отношения к ежедневному труду, к преданности баскетболу. А уж шутки на тему возможных или вымышленных травм вообще неуместны, травм следует бояться как чумы.

Отношение Бёрда к игре постепенно передалось и его партнерам. «Я хорошо это понял, – говорил Дэнни Эйндж. – Никто из нас не хотел подводить его. Наоборот – все старались быть достойными его. Ларри обладал удивительной способностью

вести товарищей за собой, вдохновлять их. Он прибавлял в игре, и мы прибавляли». Макхейл, учась в колледже, считался талантливым игроком, но ему недоставало стойкости, жесткости. То же самое можно было сказать о новичке лиги Пэрише. Но, играя вместе с Бёрдом, оба они преобразились. Да он бы и не позволил им быть слабаками. Перед ответственным матчем Бёрд обычно говорил партнерам: «Хочу написать новую главу моей книги, она будет посвящена еще одной победе «Селтикс». И все верили, что эта глава именно такой и будет.

Об уникальной связке Бёрд – Макхейл писалось многократно, но отношения между этими игроками были не столь уж безоблачны. По общепринятым стандартам, Макхейл отличался трудолюбием и преданностью баскетболу, но такой фанатичной страсти к игре, как у Бёрда у него не было. Ларри на него за это злился. Он считал, что, если бы Макхейл относился к делу более серьезно, он легко мог бы набирать за матч 50 очков.

Иногда после матча Бёрд выговаривал Макхейлу, что он, мол, играл пассивно не стремился выходить на ударную позицию, опаздывал с передачами и т.д. Макхейл же, будучи человеком очень жизнерадостным и общительным, душой любой компании, считал Бёрда занудой, у которого на уме ничего, кроме баскетбола, не существует. В чем-то, возможно, он был прав. Не случайно же Билл Уолтон вспоминал, что у Ларри Бёрда было всего лишь три поистине счастливых момента в жизни, когда бостонцы три раза выигрывали чемпионат НБА. Отвечая на вопрос, кто был его лучшим партнером, Бёрд всегда называл Денниса Джонсона, но никогда не упоминал Макхейла, подразумевая, что тот не слишком старался, чтобы полностью проявить свой талант.

Бёрд в каком-то смысле был аскетом. В его жизни существовал только баскетбол. Спортивные арены, постройка которых обходилась в миллиарды долларов, он называл просто спортзалами. Система его ценностей была проста и скромна. Ничего, кроме баскетбола, его не интересовало. О других людях он судил только по тому, как они действуют на площадке, работают ли они на команду или предпочитают роль статистов. Ему не нравился и весь тот ажиотаж вокруг баскетбола, возникший, кстати, после его появления в лиге, когда он одновременно с Мэджиком Джонсоном стал кумиром болельщиков. В отличие от Мэджика, благосклонно принявшего лавры, Бёрд не переносил славословий в свой адрес. Он исповедовал командную игру, а не культ звезд.

Баскетбол в те годы уже стал частью массовой культуры США. Игроки нередко появлялись на людях в компании рок-музыкантов

и кинозвезд, их приглашали на телевизионные ток-шоу. Однако Ларри Бёрда все эти светские тусовки совершенно не интересовали. Как-то раз «Селтикс» приехал на матч в Даллас. У игроков выдался свободный вечер. Бёрд сидел с друзьями в холле отеля, где толпилось много молодежи. Внезапно около семи часов холл опустел. Бёрд удивился: ведь матч не сегодня, а завтра. «Куда они все кинулись как сумасшедшие?» – спросил он своего приятеля Шонесси, репортера газеты «Глоб». Тот ответил, что молодые люди отправились на концерт Брюса Спрингстина. «А кто он такой?» – поинтересовался Ларри. Шонесси задумался. Невольно ему в голову пришла мысль, что между звездой баскетбола Бёрдом и звездой рок-музыки Спрингстином есть кое-что общее. Например, оба они выходцы из простых семей, оба отличаются скромностью в поведении, не страдают звездной болезнью. «Ларри -произнес наконец Шонесси – Брюс – это как бы ты, но в рок-н-ролле».

Заинтригованный Бёрд тут же помчался на концерт своего «двойника», и, хотя к музыке он был в принципе равнодушен, шоу ему понравилось.

В первую очередь тем, что Спрингстин трудился на сцене в поте лица, не позволяя себе ни на секунду расслабиться. А кто, как не Бёрд, мог оценить самоотдачу того, кто выступает на глазах обширной аудитории.

Сознавая, что его физические данные не блестящи, Ларри не давал себе передышки. Уезжая летом в свой родной штат Индиана, он там не столько отдыхал, сколько тренировался. Причем каждое лето отрабатывал определенный прием, определенный бросок. То скрытый бросок, то какой-нибудь хитроумный финт, то ложную передачу. Он понимал, что годы идут, моложе он не становится, физических сил уже не прибавится. Значит, надо до бесконечности отшлифовывать технику. Однажды, например, целое лето Ларри отрабатывал бросок левой рукой. Он, правда, хорошо играл левой даже в свой первый год в НБА, но это ему показалось мало, какие-то изъяны он в своих бросках все равно находил. Когда «Селтикс» собирался на предсезонный сбор, все игроки сгорали от любопытства: что нового преподнесет Бёрд из своих домашних заготовок?

В сезоне 1986/87 г. одним из лучших матчей Бёрда стала встреча с «Филадельфией-76», где он играл против стареющего Джулиуса Ирвинга. Правда, там произошел инцидент. Ларри надоел Джулиусу тем, что все время подсчитывал, сколько очков кто из них принес своим командам и вслух комментировал результаты дуэли, которая складывалась явно в его пользу. В какой-то момент Ирвинг рассвирепел, огрызнулся, и между ними

вспыхнула потасовка. Все игроки несказанно удивились: обе звезды всегда вели себя на площадке по-джентльменски и к тому же по-настоящему уважали друг друга. На следующий день Бёрд явился на очередную тренировку несколько поникший и просмотрел видеозапись той схватки. Увидел, как Джулиус бросается на него с кулаками и наносит ему несколько быстрых коротких ударов. На помощь Ирвингу кидаются Мозес Мэлоун и Чарльз Баркли и хватают Ларри за руки. Это понятно, но почему безучастно стоит в сторонке Роберт Пэриш, партнер Бёрда по команде? Не веря своим глазам, Ларри еще раз прокрутил пленку. Да, так оно и было, Пэриш спокойно наблюдал, как мутузят его товарища. Разъяренный Бёрд пулей вылетел из спортзала. Большинство игроков «Селтикс» даже не поняли, что произошло, что вывело Ларри из себя. Но одному из них он все же сказал: «Ты видел, как повел себя Роберт, когда мы сцепились с Джулиусом? Видел?» Бёрд, игрок бесконечно преданный своей команде и готовый душу положить за своих товарищей, так, наверное, и не поверил в случившееся.

В сезоне 1985/86 г. в бостонской команде практически не было слабых мест. Исайя Томас, внимательно изучавший игру «Селтикс», пытаясь понять, где ключ к его успехам, чтобы использовать это как-то в своем клубе (сам он играл за «Пистонс»), вспоминал впоследствии слова тренера бостонцев К. Джонса, которые символизировали безграничную уверенность клуба в своих победах. Однажды «Селтикс» отправлялся на серию выездных матчей, предстояли четыре игры. «В скольких, вы хотели бы победить?» – спросил кто-то Джонса. «Четыре выигрыша меня вполне бы устроили», – ответил тот.

Для юного Майкла Джордана, вчерашнего новичка лиги «Селтикс» был воплощением баскетбольного совершенства. Этот клуб напоминал ему «Каролину» – с той только разницей, что там играли студенты, а здесь профессионалы. Но у бостонцев, как и у каролинцев, сохранялись хорошие традиции. Была такая же преданность клубу и самой игре Причем ценилась игра умная и тонкая.

Если «Селтикс» в сезоне 1985/86 г. шел к очередному чемпионскому званию без особых помех, то для Майкла Джордана этот сезон сложился крайне неудачно. Начали «Быки» неплохо – в первом же матче выиграли в овертайме у «Кливленда». Во втором матче Джордан получил жестокий удар исподтишка от Билла Леймбира, но нашел в себе силы продолжить игру и привел чикагцев к победе. Но через три дня во время встречи с «Голден Стейт Уорриерс» Майкл сломал левую стопу. За всю его спортивную карьеру это была единственная у него серьезная

травма. Высоко выпрыгнув, он потерял в воздухе равновесие и неудачно приземлился.

Сделанный сразу же после матча рентгеновский снимок ничего страшного не показал, но наступать на ногу Майкл мог с большим трудом, превозмогая боль. Оставшиеся две выездные встречи пришлось, конечно, пропустить.

Уже дома, в Чикаго, врачи все-таки обнаружили перелом – и довольно сложный. Хирурги не могли даже с точностью сказать, когда нога полностью заживет. Поначалу считали, что Майкл вернется в строй через шесть-восемь недель, но оптимистичные прогнозы не оправдались. Почти весь сезон Джордан вынужден был пропустить. Для него это стало большим ударом: ведь радость в жизни он находил в баскетболе. В его контракте даже был специальный пункт, где оговаривалось его право остановиться у любой спортплощадки и сыграть в импровизированном матче с совершенно незнакомыми ему парнями. Немногим игрокам менеджеры клубов предоставляли такую возможность позабавиться на досуге: а вдруг какой-нибудь балбес нанесет звезде серьезную травму? Но Майкл на своем настоял, в чем и проявилась его мальчишеская страсть к игре, на каком бы уровне она ни проходила – даже на дворовом.

И вот такая невезуха. Всего второй сезон в НБА, а он уже отлучен от любимой игры и лежит в маленькой квартирке, в городе который пока еще для него чужой. Зима в Чикаго без баскетбола – вынести это было невозможно. Майкл попросил руководство клуба, чтобы его отпустили на какое-то время в Чепел-Хилл: может, там он быстрее поправится? Жилье у него там было, а главное – куча друзей включая всех тренеров университета Северной Каролины. Ему пошли навстречу.

В Чепел-Хилл Джордан остался верен себе. Бегать и прыгать он, конечно, не мог, но ежедневно часами отрабатывал броски. Вскоре, не сообщая об этом чикагским боссам, он стал участвовать в тренировочных играх пять на пять. Играл, разумеется, не в полную силу и впервые в жизни понял, как много значит для него спорт.

Наблюдение за процессом выздоровления пациента с помощью компьютерной томографии было тогда еще в новинку, и Майклу пришлось выполнять роль подопытного зверька. Доктора, еще не освоившие до конца новую медицинскую технику, затруднялись определить, насколько быстро заживает нога Джордана. Как говорил врач команды Джон Хефферон, срастание кости Майкла напоминало ему рост травы. Поправлялся Джордан так медленно, что решил уже поставить крест на своей спортивной карьере. Но постепенно нога заживала, боль стихала,

и Майкл снова обрел уверенность, что скоро вернется в строй. Заходя в очередной раз в кабинет доктора Хефферона, он был уверен, что этот визит – последний. На протяжении февраля и марта Майкл, посещая врача, прихватывал с собой на всякий случай кроссовки, надеясь, что наконец-то Хефферон снимет с его ноги гипсовую повязку, и всячески уверял доктора, что он в полном порядке и готов снова играть. Тот в этом сомневался. Тогда Джордан ставил на кроссовках свой автограф и оставлял их у секретарши доктора – в качестве подарка. Однажды Хефферон сказал ему, что настало время сменить гипс. Майкл запротестовал. С большим трудом врачу удалось добиться его согласия. Вообще же в спорах с доктором Джордан выдвигал один и тот же аргумент: «Я знаю свой организм лучше, чем кто-либо другой, и знаю, что уже могу играть». Хефферон воспринимал его слова на полном серьезе. За два года работы с Джорданом врач «Буллз» понял, что он не только талантливый спортсмен и умный, интеллигентный парень, но и не совсем обычный пациент. Майкл очень точно умел описать, что у него болит или в чем заключается его недомогание. Поэтому Хефферон и решил: может, действительно стоит прислушаться к уверениям Джордана?

Однако брать на себя такую ответственность врач побоялся и решил посоветоваться с другими специалистами. Те ничего путного не сказали. Никаких гарантий никто дать не мог. Риск, конечно, был серьезный. Но Хефферона больше беспокоил другой риск – то, что за столь долгий срок между клубом и этим самым талантливым, самым жизнерадостным и самым харизматическим игроком в команде невольно возникнет отчуждение. Хефферон решил обсудить эту проблему с Джерри Краузе, генеральным менеджером команды. Тот поинтересовался, насколько велик риск повторной травмы. Врач оценил такую вероятность примерно в 10 процентов, добавив при этом, что на риск стоит пойти. Ведь они имеют дело с человеком, буквально одержимым баскетболом, и если руководство клуба не пойдет навстречу Джордану, может случиться всякое. А вдруг он не простит боссам, что ему не разрешили снова играть? Так что, заключил свое резюме Хефферон, в подобной ситуации с медицинской точки зрения риск невелик.

Бесконечные споры Джордана с врачами и руководством клуба продолжались. И тут Краузе допустил первую из своих двух ошибок, омрачивших его отношения с Майклом. Отвергнув в который раз просьбы Джордана он сказал, что окончательное решение – за ним и за Джерри Рейнсдорфом, поскольку Майкл, в конце концов, их собственность. Говорить такие вещи игроку, в

особенности темнокожему, невероятная глупость, и Майкл не забыл эту бестактность Краузе и никогда ему ее не простил. Так в их отношениях образовалась трещина, которая с годами только углублялась.

Вторая ошибка Краузе – более сложный случай. Джордан пришел к убеждению (и многие считали, что он прав), что у руководства клуба другой, вовсе не медицинский мотив подольше подержать его дома. Объясню. Первые три матча сезона, то есть до травмы Майкла, «Буллз» выиграли. Когда же он выбыл из строя, в следующих девяти матчах они восемь раз потерпели поражение. Когда же Джордану наконец, разрешили играть, послужной список чикагцев выглядел уныло: 24 победы и 43 поражения. Так вот, как справедливо полагали Майкл и его друзья, Краузе и Рейнсдорф держали его в запасе столь долго вовсе не потому, что их волновала его нога. Дело было в другом. Как ни парадоксально, неудачные выступления «Буллз» на чемпионате были им на руку. По правилам НБА, семь команд, замкнувших турнирную таблицу, участвуют в лотерее, где разыгрываются в качестве утешительных призов талантливые новобранцы лиги. Таким образом, у «Буллз» мог появиться шанс, пусть и небольшой, заполучить в следующем сезоне одного из двух лучших игроков студенческого баскетбола – Брэда Дохерти или Лена Байаса. Майклу, с его неистовым спортивным рвением, сама эта идея казалась кощунством: выходит, что люди, эксплуатировавшие его труд, вовсе не стремились к победам и довольствовались поражениями. Пусть, мол, команда не доберется до серии «плей-офф», но зато в следующем сезоне ее состав укрепится. Придя в чикагский клуб, Джордан очутился в компании очень слабых игроков, но даже и тогда он не мог свыкнуться с мыслью, что «Буллз» предстоит не только побеждать, но и проигрывать. Он твердо верил, что пока он будет играть, чикагцы не раз доберутся до серии «плей-офф», а там, глядишь, и станут с его помощью чемпионами НБА.

Через какое-то время вопрос о возвращении Джордана в строй обсудили на специальном совещании, где участвовали Рейнсдорф, Краузе. Лестер Краун (богатый чикагский бизнесмен, владелец самого крупного пакета акций клуба), Стэн Элбек, новый тренер, сменивший Кевина Лафери, Хефферон и два других врача, а также сам Майкл. Снова Джордан с жаром доказывал, что он лучше других может оценить свое состояние и на сто процентов уверен в своей готовности вновь выйти на площадку. Однако никто с ним не соглашался. В конце концов пришли к компромиссу: пусть играет, но всего по шесть минут в каждой половине матча. Позже Рейнсдорф для пущей

уверенности направил Элбеку письменное официальное распоряжение на этот счет. Тот оказался между двух огней. С одной стороны, на него давил Джордан, требовавший отмены пресловутых шести минут. С другой – нажимали Рейнсдорф и Краузе, строго следившие за лимитом игрового времени Майкла. В одном из матчей продержал Джордана на площадке на 5 секунд дольше положенного, а по правилам НБА эти 5 секунд засчитываются как целая минута. На следующий день Краузе позвонил тренеру и сообщил ему, что владельцы клуба пришли в ярость. После этого за судейский столик посадили Тима Хэллема, который следил за действиями Джордана с секундомером в руках. Конечно, Майкла эти ограничения нервировали. Ведь он так мечтал дойти до серии «плей-офф» и наконец-то сыграть против «Селтикс».

В гонке за последнюю вакансию в «плей-офф» «Буллз» шли вслед за «Кливлендом». Когда Джордан вернулся в строй, разрыв между этими клубами сократился. Свой семьдесят седьмой календарный матч чикагцы играли в Индиане. Хозяева быстро вышли вперед и после первого тайма вели с перевесом в 15 очков. В самом начале второй половины встречи Элбек выпустил на площадку Джордана, напутствовав его: «Покажи им, что мы умеем играть в настоящий баскетбол». Майкл сделал все, что хотел от него тренер. Меньше чем через четыре минуты счет сравнялся. Потом игра шла с переменным успехом, но большого разрыва в счете больше не было. За 28 секунд до конца встречи чикагцы отставали на одно очко. Но, к сожалению, время Джордана уже истекло. Элбек приказал ему покинуть площадку. Майкл в отчаянии завопил: «Вы не можете этого сделать! Нам же нужно выйти в плей-офф!» Но неумолимый Элбек заменил его Кайлом Мэйси. Истекали последние секунды, и вот – дальний бросок чикагского защитника Джона Паксона. Бросок больше наугад, чем прицельный. Тренеру оставалось только молиться, и Бог его молитву услышал. «Буллз» выиграли.

После матча на Элбека насели чикагские репортеры. «Не стыдно вам было так поступить с Майклом?» – пытали они его. Да он и сам себе удивлялся. На следующий день кто-то из пронырливых журналистов, искателей сенсаций позвонил Рейнсдорфу, желая узнать, почему Джордан покинул площадку. Тот ответил, что Элбек не в ладах с математикой. Узнав о реакции босса, тренер понял, что по окончании сезона его уволят. Однако дела «Буллз» пошли в гору. В оставшихся шести матчах они пять раз победили (и это несмотря на то, что их лидер играл не более 12 минут). В среднем в каждой встрече Майкл приносил команде по 29,6 очка. В итоге чикагцы потеряли право

участвовать в лотерее (за самым перспективным новичком), но зато вышли в «плей-офф», где их ждал «Селтикс».

В первом матче, проходившем в «Бостон-Гарден», Джордан сыграл хорошо. Бостонцы не удосужились приставить к нему двух опекунов, поэтому он, получив относительную свободу действий, заработал 49 очков. Это был его удачный дебют на столь высоком уровне, но ничего выдающегося за игру не произошло. Чикагцы, как обычно, строили атаки на Джордане, постоянно пасуя ему и отвлекая на себя соперников, чтобы как-то пробить брешь в их обороне. «Бостон» легко победил – 123:104. А вот воскресная игра была уже совсем другой. Захватывающий матч, после которого весь баскетбольный мир только и говорил что о Джордане. По правде сказать, никто от этого матча сенсаций и не ожидал. В том-то и особая привлекательность спорта, что, когда зритель собирается на соревнование, он не подозревает, что сегодня сможет увидеть нечто уникальное, то, что войдет в историю мирового спортивного движения. Так, во всяком случае, считал комментатор Дик Стоктон. Мальчиком, да и в зрелые годы, ему довелось присутствовать на нескольких фантастических бейсбольных матчах, вошедших в историю этой сверхпопулярной в США игры. И вот теперь, сидя в «Бостон Гарден», он интуитивно понял, что сейчас здесь случится что-то историческое, только уже на ниве баскетбола.

«Селтикс» настолько привык к роли фаворита, что считал «Буллз» заурядной командой, только что пошедшей в гору, и в исходе второй встречи не сомневался. Высокомерие игроков невольно передалось и бостонским болельщикам. Они не бушевали, как на матчах «Селтикс» с его главным соперником в Восточной конференции «Филадельфией-76». Поначалу они спокойно наблюдали, как Джордан демонстрирует высокую технику, зная, что время его ограничено и вскоре их любимцы возьмутся за дело всерьез.

Но время шло, все игроки «Бостона» словно бы отскакивали от Джордана, он делал с ними все, что хотел. И вот тут-то Стоктон почувствовал, что трибуны зашумели. Сначала это были удивленные возгласы, будто люди не верили своим глазам. Затем Майкла стали подбадривать, и наконец послышались восторженные вопли. Толпа, казалось, не поняла, что ей нужно делать: то ли восхищаться сольным шоу этого молоденького чикагца, то ли подстегнуть своих любимцев, чтобы те не вздумали проиграть какой-то заштатной команде.

Если просмотреть видеозапись того матча, то Майкл Джордан выглядит там, как младший брат того Майкла Джордана, который блистал в 90-х гг. Весил он тогда 185-190 фунтов. Семью годами

позже он весил уже 215 фунтов. Он, конечно, не располнел, просто мышечная масса выросла. А прическа была все та же – вернее, не прическа, а бритая наголо голова, ставшая его фирменным знаком, а впоследствии фирменным знаком всех молодых темнокожих игроков НБА. Тогда еще Майкл носил короткие трусы, сменив их с годами на более длинные. И в этом все в НБА стали ему подражать.

Что всех поразило в том матче, так это обостренное чувство времени Майкла, его невероятная реакция, способность видеть сразу всю площадку и до доли секунды знать, сколько ему отведено времени на владение мячом, чтобы решить, то ли сделать выверенную передачу, то ли самому бросить по кольцу. Очень немногие игроки обладают подобными качествами. Однажды Стэн Элбек спросил Джордана, какие мысли приходят ему в голову, когда на него бросаются сразу два игрока обороняющихся соперников. «У меня есть полсекунды. Ну, секунда, не более. За это время надо принять верное решение. Иногда – дриблинг. Иногда можно просто проскользнуть между ними, а иногда, пока не подбежал второй защитник, сразу же бросить по кольцу. Если я увильнул от обоих, то сразу же мчусь к кольцу. А там меня поджидает громила ростом в 7 футов, но не беда: меня выручит «слэм-данк». Тренер был поражен, каким будничным тоном отвечал ему Джордан, будто речь шла о незамысловатой детской забаве.

Второй матч в Бостоне складывался напряженным. Игра пошла грубая. Высокорослые защитники «Селтикс» Билл Уолтон и Деннис Джонсон то и дело нарушали правила и вынуждены были покинуть площадку. Их партнеры Пэриш и Эйндж закончили матч с пятью персональными замечаниями каждый. У чикагцев особенно доставалось, конечно, Джордану. В единоборствах с ним Уолтон нарушил правила 4 раза, Джонсон – 3, и по одному разу грубо обошлись с Майклом Эйндж, Пэриш и Макхейл. А ведь все они были не костоломы, а высококлассные игроки, призванные вести себя по-джентльменски. Джордан легко проходил защиту соперников. Не поспевая за его неуловимыми движениями, Уолтон вынужден был в последнюю секунду прибегать к толчкам и прочим сомнительным приемам. Вообще Уолтона этот матч привел в замешательство. Как правило, защитник-великан заранее присматривается к мчащемуся на него нападающему. Опытным взглядом он может предугадать его маневр, рассчитать время и расстояние, направление броска, прикинуть даже длину рук соперника. А тут Уолтон был поставлен в тупик. Этот молодой парень, казалось, игнорировал обычные представления о пределах человеческих возможностей. Вот он прорвал первый

эшелон обороны «Селтикс», убыстряет свой бег. Уолтон готовится блокировать его, но Джордан делает обманное движение и взмывает над кольцом. При этом траектория его прыжка выше, чем у гиганта Уолтона. Или же, находясь в прыжке, легко перекладывает мяч из одной руки в другую. Зрелище не для нервных, думал вконец сбитый с толку Уолтон.

«Селтикс», конечно, знал, что Джордан – прекрасный игрок, но все же бостонцы не думали, что он, да и вся чикагская команда, может представлять для них реальную угрозу. Однако в тот воскресный день Джордан единолично хозяйничал на площадке. При этом Боб Райн, репортер газеты «Бостон Глоб», удивился, увидев, что Майкл играет не как единственная суперзвезда команды. Чикагцы атаковали всей командой, и Джордан трудился наравне со всеми, не требуя, чтобы команда играла на него. Но из всех атакующих чикагцев только его нельзя было ни прикрыть, ни остановить. Потому что он был невероятно быстр и ловок. Постепенно бостонские игроки невольно залюбовались игрой Майкла. Крис Форд, помощник тренера «Селтикс», признался потом, что получил от выступления Джордана истинное удовольствие. На уровне «плей-офф» он таких игроков еще не видел, тем более играл Джордан против лучшей команды НБА.

В середине третьей четверти матча, когда Деннис Джонсон исчерпал свой лимит фолов, его заменили Дэнни Эйнджем. Он был ростом пониже Дэнниса, но зато превосходил его в скорости. Ничто не помогло, Майкл в тот день был просто неудержим. Эйндж подумал, что ему самому надо чаще атаковать, тогда Джордан отойдет в оборону. Надо отметить, что в том матче Эйндж принес своей команде 24 очка. «Это был праздник баскетбола, – говорил Эйндж. – Хотя в нем таилась опасность: всем невольно хотелось просто остановиться и смотреть на Майкла. И дело не в том, что он делал, а в том, как он это вытворял. Мы, конечно, сразу поняли, что он классный игрок, что он станет самым великим баскетболистом из всех, кто когда-либо зашнуровывал свои кроссовки. Постепенно мы стали узнавать о нем все больше и больше, а тот матч можно считать первым отличным уроком».

В конце первого овертайма Джордан, бросая по кольцу в прыжке, в простой ситуации допустил обидный промах. Попал бы по кольцу – чикагцы бы выиграли матч. Во втором овертайме «Селтикс» победил – 135:131. В конце матча Майкл был как выжатый лимон. Встреча длилась 58 минут. Из них Джордан провел на площадке 53, причем последние 39 – без перерыва. «Мне показалось, что он играл все 58 минут, такое впечатление

создавалось», – заметил тренер бостонцев К. Джонс.

Тогда Майкл Джордан принес своей команде 63 очка – рекорд в матчах «плей-офф». Кевин Макхейл принимал после игры душ, когда ему принесли в раздевалку листок со статистическими показателями матча. Он пробурчал что-то вроде того, что Майкл играл здорово, но, увидев показатель «63 очка», буквально остолбенел. Сам же Джордан матчем был не слишком доволен. После встречи он сообщил репортерам: «Все свои очки я охотно раздал бы товарищам по команде, лишь бы выиграли. Мне так хотелось победить!» Спустя годы его как-то спросили о бостонском матче, надеясь, что он расскажет что-то ностальгическое. Но Майкл быстро сменил тему разговора. «Тот матч не относится к моим любимым встречам, – сказал он. – Мы ведь проиграли, и от этого факта никуда не деться».

Больше всех был поражен игрой Майкла Ларри Бёрд. «По-моему, это был сам Господь Бог, принявший облик Майкла Джордана «, – сказал он спортивным журналистам.

Журналистам понравилась шутка Ларри, как и, конечно, сама игра. Кто-то, продолжив библейскую тему, сравнил Джордана с Давидом, сражающимся с множеством Голиафов. Журналистам понравилось и то, что матч проходил днем, а не вечером. Поэтому у них было достаточно времени, чтобы увековечить в завтрашних газетах небывалую сенсацию. «Он нарисовал свой шедевр на потолке баскетбольной Сикстинской капеллы, и ему даже не понадобилась для этого лестница – Майкл умеет летать» – так писал в «Чикаго Сан-Таймс» Рэй Сонс.

С игры Майкл бросал 41 раз, 22 броска оказались точными. Из 21 штрафного броска он удачно выполнил 19. Если говорить о бросках с игры, то статистика здесь такова: 13 бросков в прыжке, 7 – с ходу, на бегу, во время быстрых прорывов; один раз Майклу удалось выполнить свой коронный «слэм-данк», и один раз он подправил мяч, скатившийся было с кольца.

Бёрд, умело распознававший талант игроков и, кстати, всегда радовавшийся появлению новых звезд, первым понял: Джордан – прототип суперигрока новой формации. К мнению Ларри охотно присоединились и другие. Выдающихся спортсменов в американском профессиональном баскетболе всегда было предостаточно, таких, например, как Джулиус Ирвинг и Дэвид Томпсон, но у них были некоторые другие изъяны. Скажем, Ирвинг обладал огромной физической силой, и его проходы к корзине смотрелись с восторгом. Дэвид Томпсон отличался необыкновенной прыгучестью. Но стабильно точные броски в прыжке у того и у другого получались не всегда. А сейчас появился молодой игрок, у которого попросту нет слабых мест.

Парящий прыжок, отличный дриблинг, точный бросок, умный, неожиданный пас.

Крис Форд, один из тренеров Бёрда, на том матче внимательно следил за Джорданом и позже пришел к выводу, что, несмотря на значительные различия и в манере игры этих двух баскетболистов, и в особенностях их физических данных, общего между ними все же значительно больше. Их объединяли неукротимое стремление все время совершенствовать свою игру, непременное желание стать только чемпионами – не меньше, умение повести за собой товарищей по команде, встряхнуть их как следует, прирожденное чувство победителя. И была у них еще одна общая черта, о которой подумал Форд, та, которая резко выделяла их на фоне массы чрезвычайно одаренных парней, ежегодно пополнявших ряды НБА. По прихотливым законам набора в лигу многие из них попадали в небогатые клубы, заключавшие с ними весьма скромные контракты. И вот эти ребята с трудом дожидались, когда кончатся их первые трехгодичные контракты, мечтая о том времени, когда смогут перейти в клубы посильнее и соответственно разбогатеть. Ларри и Майкл были не из таких – обоих отличала преданность клубам, куда судьба забросила их с самого начала.

«Если ты попал в клуб, замыкающий турнирную таблицу, – говорил Форд, – то учти: согласно контракту, ты несешь ответственность за команду. Ты обязан преобразить ее и привести к чемпионскому званию. Ты не просто игрок – ты еще и гражданин. Бёрд и Джордан прекрасно это понимают. Ларри всегда знал, что привести «Селтикс» к победе – это его долг перед клубом. Так же думает о своем долге перед «Буллз» и Майкл. Собственно говоря, это часть их работы, пункт их контрактов. Боюсь, что и наше время немногие придерживаются таких взглядов».

После трудной победы над чикагцами бостонцы к третьему матчу приготовили новую тактику. На следующий день на тренировке зашел разговор, что в «Буллз» есть несколько игроков – таких, как Дейв Корзайн, Джаванн Олдхем, Сидни Грин, Кайл Мэйси и Джин Бэнкс, которые для «Селтикс» существенной угрозы не представляют. Следовательно, тактику можно изменить – с первых же минут матча приставить к Джордану двух опекунов, отрезав его от мяча. Уловка сработала. Третий матч игрался в Чикаго. В случае победы «Буллз» там же, двумя днями позже, состоялась бы и четвертая встреча. Кевин Макхейл появился в самолете без чемодана – взял с собой только запасные кроссовки и чехол с бритвенным прибором. Кто-то спросил Кевина, где же его чемодан. «А зачем он мне? – удивился тот. – Мы там будем

ночевать всего один раз». Так и случилось. Зажатому с двух сторон Майклу с трудом приходилось выцарапывать мяч, и «Бостон» легко победил – 122:104.

Воспоминания о той серии «плей-офф» сохранялись долго. В 1998 г. во время финалов Западной конференции «Буллз» играли с «Индианой». Репортер спросил Ларри Бёрда, к тому времени ставшего тренером «Индианы», его мнение о той памятной серии. Бёрд, желая развеять миф о непобедимости Джордана, ответил: «Помню только одно: мы победили». Почти в тот же самый момент Билл Уолтон, тогда уже не игрок, а телекомментатор отправился в раздевалку «Буллз» проинтервьюировать Майкла Джордана. Вернулся ни с чем. Джордан лишь напомнил Уолтону, что 12 лет назад он своими искусными действиями спровоцировал того на бесконечные фолы, чем и вывел его из игры.

Глава 13. Нью-Йорк; Портленд, 1986 г.

Вскоре после того матча, когда Джордан стал знаменитостью, два баскетбольных фаната, объединив свои силы, стали выпускать серию рекламных роликов, которые во многом способствовали растущей славе Майкла, вскоре пересекшей границы спортивного мира. Одним из этих фанатов был Джим Рисуолд, молодой нагловатый сочинитель текстов для крошечного рекламного агентства «Виден и Кеннеди», находившегося в Портленде, штат Орегон. Его напарник Шелтон Джексон (Спайк) Ли жил в Бруклине и был начинающим, борющимся за жизнь киношником.

Рисуолд родился и вырос в Сиэтле, где посещал университет штата Вашингтон. Поскольку он не был уверен, чем же займется в жизни, он учился в колледжах целых семь лет, получив ученые степени по трем специальностям: история, философия и массовые коммуникации. Поскольку он был помешан на баскетболе, то подрабатывал в клубе «Сиэтл Суперсоникс», обеспечивая ему кое-какую рекламу. Так он и втянулся в рекламное дело и твердо решил, что именно на этой ниве и расцветет его талант, хотя о масштабах своего дарования он пока что представления не имел. В 1984 г., когда Майкл Джордан стал новобранцем НБА, Рисуолд уехал из Сиэтла в Портленд и обосновался в агентстве «Виден и Кеннеди».

Портленд был родным домом корпорации «Найк». Однако к тому времени «Найк» перепоручила большую часть рекламного бизнеса крупной нью-йоркской фирме «Чиат-Дей», славившейся своими талантливыми и высокопрофессиональными сотрудниками. Агентство «Виден и Кеннеди» имело кое-какие дела с «Найк», но там его считали третьесортным партнером. Однако к тому времени, когда в агентстве появился Рисуолд, оно получило контракт на рекламное раскручивание мотороллеров «Хонда». Рисуолд был парень талантливый, и с его помощью агентство сделало нестандартный, оригинальный рекламный ролик сняв в нем популярного певца Лу Рида. Трудно было сказать, сняли этот ролик опытный профессионал или обычный любитель, но реклама получилась эффектной и ненавязчивой – сам мотороллер появился лишь в конце клипа.

Потом появились и другие клипы с «Хондой», все как один интересные. В итоге маленькое агентство стало процветать и смогло заключить контракт с «Найк» на создание роликов с участием Майкла Джордана. Узнав об этом, Джим Рисуолд

решил, что здесь без него не обойтись, и вымолил у владельцев агентства право на авторство заманчивой серии.

Предыдущие рекламные ролики, где снимался Майкл Джордан (их производила нью-йоркская компания «Чиат-Дей»), были довольно стандартными. Акцент в них делался на атлетизм Майкла, на красоту его тела. А вот о том, что он за человек, там не говорилось. Рисуолд решил восполнить этот пробел. Листая прессу, он наткнулся на статью, где упоминалось, что знаменитый в свое время баскетболист Билл Рассел расхваливал человеческие качества Майкла и однажды даже поздравил его родителей с тем, что они вырастили не просто великого игрока, но и прекрасного сына. Рисуолд нашел зацепку. Всем было известно, что Рассел не раздавал комплиментов баскетболистам нынешнего поколения. Когда он стал генеральным менеджером «Сиэтл Суперсоникс», многим молодым игрокам этого клуба пришлось несладко. Они, разумеется, жаждали похвал от великого Билла Рассела, но слышали в свой адрес лишь язвительные замечания.

Рисуолд задумался: если этот надменный брюзга Рассел так высоко ценит Джордана как человека, тут действительно что-то есть. Но как показать внутренний мир Майкла в ролике, который длится всего 30 секунд? Пока что он фигурировал в клипах лишь как великолепный спортсмен. Это, конечно, срабатывало: миллионы американских подростков расхватывали кроссовки «Найк» в надежде, что в этой обуви они смогут прыгать так же высоко, как Джордан. Но Рисуолд понимал, что эти сюжеты себя уже исчерпали. Все когда-нибудь кончается.

Другое дело, если бы люди из «Найк» показали бы Джордана в чисто человеческом плане, сыграли бы на его врожденном обаянии (а в том, что оно у него есть, Рисуолд смог убедиться, познакомившись с ним). Тогда сложился бы образ, который можно было раскручивать, придумывая все новые и новые сюжеты.

Как-то в 1986 г. Рисуолд и его продюсер Билл Давенпорт приехали в Лос-Анджелес снимать очередной рекламный ролик и случайно зашли в кинотеатр. Фильм там шел ерундовый, но перед ним показали анонс другого фильма, который Рисуолда очень заинтересовал. Картина называлась «Она заслужила это», а в анонсе показали ее режиссера и исполнителя главной роли – молодого стройного темнокожего парня по имени Спайк Ли. Рекламируя свой фильм, он одновременно продавал трубочки с кремом – по пять долларов за пару, приговаривая при этом, что если публика не пойдет на его картину, он остаток жизни проведет на улице, торгуя этими трубочками.

Рисуолда киноанонс почему-то заинтриговал, и он решил посмотреть этот самый первый фильм Спайка Ли, малобюджетную картину, обошедшуюся всего в 175 тысяч долларов. Рисуолду лента показалась забавной и в чем-то наивной. Как вспоминал позднее Спайк Ли, его первый фильм понравился Рисуолду и Давенпорту именно своей шероховатостью и бросающейся в глаза бедностью его создателя. Действительно, Ли тогда бедствовал. Мало того что он вынужден был сам играть главную роль, так и съемки проводил в собственной квартире.

Что поразило Рисуолда в этом фильме, так это явный дух культа Майкла Джордана. Главный герой картины Марс Блэкмон, нью-йоркский посыльный, был влюблен в красавицу Нолу Дарлинг. Но больше всего любил он не ее, а кроссовки «Эйр Джордан». И, даже занимаясь с ней любовью, он эти кроссовки не снимал. Рисуолд пришел в восторг: вот готовая и остроумная реклама. Сам же Спайк Ли возмущался: «Эти чертовы жлобы из «Найк» дали мне для фильма всего лишь плакат с изображением Джордана, а две пары кроссовок мне пришлось купить за свой счет».

Талантливый парень Спайк Ли отнюдь не был мальчиком из негритянского гетто. И отец его, и дед получили в свое время высшее образование. Окончил престижный колледж и сам Спайк. Так что его можно было отнести к представителям темнокожей элиты. Ли прекрасно разбирался в тонкостях богатой негритянской культуры и хорошо понимал, что белое большинство его страны эту культуру или замалчивает, или старается не замечать. Его отец был джазовым музыкантом-консерватором, не признающим электроинструментов, а мать преподавала английский и историю чернокожей Америки в престижной частной школе Бруклина. Спайк с младых ногтей болел за нью-йоркский баскетбольный клуб «Никс». Однажды, когда он был еще мальчишкой, случилось так, что сольный концерт его отца совпал по времени с матчем, где «Никс» играли в финальной серии чемпионата НБА с «Лос-Анджелес Лейкерс». При всем уважении к отцу, Спайк отправился все же в «Мэдисон-сквер-гарден».

Марс Блэкмон, персонаж, придуманный Спайком, как и сам Ли, был страстным фанатом клуба «Никс», и ему нелегко приходилось выбирать между любовью к женщине и любовью к баскетболу. В жизни автора фильма подобная ситуация сложилась весной 1985 г. Отношения Ли с его подружкой с каждым днем ухудшались. Она намеревалась серьезно поговорить с ним по поводу их будущего, а его гораздо больше волновал тот

факт, что «Никс» заполучил-таки Патрика Юинга. В конце концов с подружкой он расстался, зато отношения с «Никс» стали теснее. На другой же день после драфта, где ньюйоркцам достался Юинг, Ли помчался в «Мэдисон-сквер-гарден» и купил сезонный билет на дешевые места. Дорогие места тогда он себе не мог позволить. Однако со временем, когда он стал своего рода Санчо Пансой Майкла Джордана, обрел известность и вырос как мастер, он сидел на самых лучших местах, заткнув за пояс даже своего знаменитого коллегу Вуди Аллена (этот известнейший американский кинорежиссер и актер тоже помешан на баскетболе). Ли рассматривал спорт как искусство, и Майкл Джордан в его глазах был не спортсмен, а артист, один из пантеона чернокожих гениев, таких как Дюк Эллингтон, Майлс Дэвис, Джон Колтрейн и Луи Армстронг.

Когда Ли снимал свой первый фильм, он конечно же не мог отделаться от многолетнего пристрастия к клубу «Никс», где его кумиром был Бернард Кинг, но со временем он понял, что поистине уникальный игрок – это Майкл Джордан, и он сделал свой окончательный выбор.

Из трех молодых чернокожих парней, добивавшихся в фильме Спайка Ли любви Нолы Дарлинг, Марс поначалу казался наименее привлекательным. Он значительно уступал Джейми Оверстриту, которого Ли сделал фанатом Ларри Бёрда. Марс же по ходу фильма все время повторял: «Бёрд – это самый отвратительный тип в НБА». В итоге Марс оказался наиболее симпатичным персонажем, говорящим на сочном языке нью-йоркских улиц.

Рисуолд пришел в восторг от этого фильма и понял, что этот талантливый парень Спайк Ли сможет сотворить культ Джордана и сделать из Майкла – вопреки его склонностям – настоящего актера.

На следующий же день после просмотра фильма Рисуолд позвонил Ли. Тот поначалу говорил сдержанно, опасаясь, что это очередной розыгрыш со стороны старых приятелей, а Рисуолду собеседник сразу же понравился. Он предложил ему свой вариант рекламных роликов. Ли, только что окончивший режиссерские курсы, был вне себя от радости. Наивный парень, выигравший приз за лучший фильм, созданный на этих курсах, он с нетерпением ждал, что сегодня или завтра ему позвонят Стивен Спилберг и Джордж Лукас. Никто из корифеев ему, разумеется, не звонил. «И что, я действительно буду снимать Майкла Джордана?» – с недоверием спросил Спайк Ли. Рисуолд уверил его в этом, надеясь про себя, что сможет заработать на этом ролике около 50 тысяч долларов. Заполучив согласие Ли, Рисуолд

и Давенпорт отправились к Джордану, который одобрил их предложение.

Спустя годы Рисуолд вспоминал, что работа в маленьком заштатном агентстве в штате Орегон, находящемся в тысячах миль от рекламной столицы США, дала им всем очень многое. Там было меньше препятствии: запрещений, юридических закорючек, консервативных традиций. Никто не советовал Рисуолду, как ему надо поступать и как не надо. Никто не предостерегал его, что рискованно тратить деньги «Найк» на фантазии никому не известного темнокожего киношника. Впрочем, расовые предрассудки не были характерной чертой Портленда. Многие здешние темнокожие баскетболисты, закончив спортивную карьеру, оседали в этом городе и прекрасно уживались там. Кстати, именно в штате Орегон клан Кеннеди проиграл в 1968 г. первый тур выборов (Роберт Кеннеди тогда уступил Джину Маккарти), и только потому, что там не было негритянского гетто, традиционно поддерживавшего это семейство.

Новые рекламные ролики имели большой успех. Как полагал Рисуолд, причиной успеха была их страсть с Ли к баскетболу. Расовый фактор, по его мнению, особой роли не играл. Он даже не думал о том, что Джордан – темнокожий. Рисуолд просто обожал баскетбол, а в баскетболе царствовали темнокожие атлеты. Следовательно, это и следовало воспринимать как вещь вполне естественную. К тому же Джордан был не просто великий спортсмен, но и образец красоты.

Майкл протестировал Спайка Ли в своей обычной манере. Во время их первой встречи он, уже знаменитый игрок, сказал с вызовом: «Значит, ты и есть тот самый Спайк Ли. Ну что ж, посмотрим, на что ты годишься». Впрочем, они скоро поладили друг с другом. Как вспоминал позднее Ли, изюминка рекламных роликов «Найк» заключалась в том, что он получил в них полную свободу. Из Джордана не надо было делать героя, он и так уже стал суперзвездой, но в нем был особый шарм. Тому же Ларри Бёрду этого недоставало. Но возникли и сложности: как-никак, а Джордан был темнокожий, и не вся Америка хотела видеть в нем икону.

Однако все складывалось удачно. Хотя поначалу Джордан выглядел на съемках несколько скованным, впоследствии он стал держаться непринужденно. В первых роликах участвовал уже упомянутый персонаж Спайка Марс, который олицетворял собой, естественно, фаната баскетбола. А в самом первом клипе Ли вставал на плечи Джордана около щита и держался руками за кольцо. Затем Майкл с невозмутимой улыбкой выскальзывал из-

под Спайка и совершал свой коронный «слэм-данк».

С самого начала Джордан покорил всех своим обаянием, остроумием и чувством собственного достоинства. Он знал себе цену, и эта цена его радовала. В отношениях с людьми он был разборчив. Нужно было заслужить его уважение – в противном случае собеседник чувствовал, как от Майкла веет холодом. Джордан не умел притворяться. Когда он что-либо говорил, смысл и тон высказываний подтверждались его улыбкой, мимикой, жестами. Улыбка – его особая статья, и я не хочу повторять сто раз написанное до меня.

Рекламные ролики строились на контрасте с образом Джордана как спортсмена. В баскетболе он был хищник, воин, выходивший на арену три-четыре раза в неделю и громивший противника. В глазах соперников он выглядел убийцей, но те, кто смотрели его в рекламных роликах, видели перед собой милого, интеллигентного и остроумного парня, которого нельзя было не полюбить. «Мы нашли новый ключ к его образу, – рассказывал впоследствии Рисуолд, – и не потому, что мы были такими уж умными. Просто мы поняли его сущность. А остальное приложилось».

«Фил Найт и корпорация «Найк» сделали из меня нечто вроде великой американской мечты», – говорил Джордан.

Рекламные клипы «Найк» оказались столь удачными, что их примеру последовали другие корпорации: «Макдоналдс», «Кока-Кола», «Хайнс» и – со временем – «Гэторейд». Это позволило Дэвиду Фальку обратиться во множество фирм с предложением заимствовать несколько видоизмененную рекламу, говоря при этом, что доходы у них уже в кармане.

Так и родилась икона Америки. В наши дни, когда все помешаны на подробностях жизни звезд, события, запечатленные на пленке, зачастую заменяют реальность, и зрители охотно верят в эту иллюзию. Супермены, чей героизм совершенно искусственный и ограничивается рамками голливудских декораций, воспринимаются тем не менее как настоящие герои. Впрочем, такой ажиотаж, кажется, уходит в прошлое. А тогда, в прошлом, было много нелепостей. Например, конгресс США наградил популярного киноартиста Джона Уэйна медалью героя Америки, хотя он в свои молодые годы не пожелал воевать во Второй мировой войне, поскольку армейская служба могла бы помешать его артистической карьере. Или вот Сильвестр Сталлоне. Во время войны во Вьетнаме он учительствовал в женской школе в Швейцарии, а потом на киноэкране он изображал из себя непобедимого Рэмбо, ветерана тех сражений. Сейчас, слава богу, мы начинаем осознавать, где правда, а где

ложь.

Но в те годы сделать икону из Майкла Джордана было довольно просто. Все же видели его игру, видели, как он в последние минуты приносит своей команде победу, видели, что он лучший баскетболист на свете. Его боготворили все американцы, интересовавшиеся спортом, даже те, кто не особенно любил баскетбол. А рекламные ролики «Найк» сделали из него к тому же и кинозвезду. Эти клипы были короткими, но их делали талантливо и в таком количестве и столь часто показывали, что в итоге получился полнометражный фильм. А Майкл Джордан стал действительно кинозвездой. Но, в отличие от звезд Голливуда, чьи подвиги на экране были вымышленными, его свершения были реальными. Джордан очень быстро сообразил, что, став символом Америки, он должен вести себя осмотрительно и не допускать никаких промахов, которые повредили бы его уже сложившемуся имиджу.

Благодаря своему уму, шарму и привлекательной внешности Майкл стал не просто великим спортсменом, но и фигурой, на которую молилась вся Америка. Успех порождал следующий успех. Люди, равнодушные к баскетболу, посмотрев рекламный ролик, бежали на стадион (если, конечно, матч проходил с участием Джордана) И здесь их захватывало уже другое – не человеческое обаяние, а уникальное спортивное мастерство. Подводя итоги, можно сказать: в мире, где масса искусственно созданных звезд и героев, Майкл Джордан был подлинной звездой и истинным героем.

Глава 14. Чикаго, 1986-1987 гг.

Стэн Элбек продержался на должности тренера лишь год. Как раз в том году Майкл из-за травмы пропустил 64 матча. На смену Элбеку пришел 35-летний Дуг Коллинз, один из самых молодых главных тренеров в истории НБА. Он был человеком эмоциональным, энергичным и весьма талантливым. Никто лучше него не улавливал ход игры.

Порой игроки считали, что их тренер чересчур умен и в его мозгу происходят какие-то завихрения. «Если бы позволялось взять в игре 30 тайм-аутов, – говорил верный помощник Коллинза Джонни Бах, – то мы бы выиграли все матчи».

Сам Коллинз, учась в колледже штата Иллинойс, слыл неплохим игроком. Ростом он вышел в шесть футов и шесть дюймов и обладал скоростью, очень редкой для белого игрока, которому приходилось сражаться с темнокожими соперниками. В лучшие годы своей профессиональной карьеры этот защитник набирал в среднем по 20 очков за игру, но из-за травм расстался с баскетболом, когда ему не было еще и тридцати. Новая работа и перспектива стать тренером лучшего молодого игрока лиги привели его в восторг. К тому же он понял, что у них с Майклом Джорданом есть нечто общее. Дуг также, в отличие от многих своих коллег, улавливал новые веяния в баскетболе и, будучи товарищем Майкла по несчастью, прекрасно понимал, что означает для игрока серьезная травма ноги. Познакомившись с Джорданом в июне 1986 г., он сразу же заговорил о его травме и предупредил Майкла, что в его стопе могут возникнуть проблемы с кровоснабжением. Поэтому он и посоветовал Джордану не изнурять себя на тренировках. Рассказав, что у него была аналогичная травма, Коллинз чистосердечно признался Майклу в том, что ему не хотелось бы, чтобы его подопечный повторил его путь, пройдя через адовы муки.

Джордан холодно взглянул на Коллинза и столь же холодным тоном ответил: «Одно дело – ваша нога, другое – моя».

Да первую их встречу никак нельзя назвать теплой. Позднее Коллинз говорил, что Джордан неправильно истолковал его желание как-то помочь ему. Майкл принял искреннее желание молодого тренера предостеречь его от повторной травмы за очередной ход менеджеров, манипулировавших его судьбой.

В то лето в Лас-Вегасе состоялся благотворительный матч, где выпускники местного университета встречались с выпускниками университета Северной Каролины. Коллинз не хотел, чтобы Джордан в нем участвовал, и предложил Майклу

просто поприсутствовать на игре, а если к нему будут вопросы, пусть валит все на тренера. «Учти, – сказал Дуг, – это мое последнее слово». Джордан тем не менее вышел на площадку, царствовал на ней, как всегда, и стал лучшим снайпером. После игры Дуг и Майкл решили вместе пообедать.

«Я понимаю, вам не понравилось, что я вышел на игру, – сказал в ресторане Джордан, – но я хотел бы, чтобы вы усвоили одну вещь. Из-за этой проклятой травмы я пережил худший год в моей жизни, а советов от людей, ничего обо мне не знающих, наслушался досыта. Все они желали мне, казалось, добра, но на самом деле они думали лишь о своих шкурных интересах. Больше я такого «участия» не потерплю».

Коллинз ответил, что он понимает сложность ситуации. «Послушай, я ведь не менеджер, – сказал он. – Я просто человек, преданный баскетболу, и я столько потерял в жизни из-за такой же травмы, что не хочу, чтобы ты повторил мою судьбу».

С этой беседы их отношения наладились. Тем же летом Джордан навестил Коллинза в его доме в Аризоне, правда, ненадолго. Утром они поиграли в гольф, а вечером Майкл должен был улететь обратно в Чикаго. Коллинз всегда играл в компании двух своих друзей – мастеров высокого класса. Вчетвером они разбились на две пары. Дуг и Майкл оказались соперниками. «Команда» Коллинза выиграла. Тогда Джордан, с его спортивным азартом, отложил отлет, надеясь победить на следующий день. Так и случилось, и он отбыл в Чикаго, радуясь реваншу, как ребенок.

В том сезоне свой первый матч «Буллз» провели в Нью-Йорке против «Никс». Соперники чикагцев были сильны. Достаточно сказать, что за них выступали Патрик Юинг, Билл Картрайт и Джеральд Уилкинс. А у «Буллз» был лишь один козырь – Джордан. Но Майкл в тот вечер превзошел себя. Игра в «Мэдисон-сквер-гардене» так его захватила, что энергия била из него ключом. Коллинз даже запаниковал, как бы Джордан не перестарался. В первой половине матча Майкл принес чикагцам 16 очков, и Коллинз понял, что его подопечный по-настоящему изголодался по игре и сейчас попытается сотворить нечто несусветное. «Майкл, – сказал он в перерыве, – успокойся, не трать силы понапрасну. Всё само собой образуется».

Коллинз во время матча страшно волновался. Ко второму тайму его рубашка насквозь промокла от пота. При этом он жевал резинку и, будучи человеком суеверным, не решался ее выплюнуть. Жевал ее до тех пор, пока она не превратилась в порошок, часть которого размазалась по его лицу. В тайм-ауте Джордан подошел к нему со стаканом воды. «Послушайте, тренер,

– сказал он, – попейте водички и вытрите эту дрянь с лица». Улыбнувшись, Майкл добавил: «Я не позволю вам проиграть ваш первый матч». И действительно не позволил. «Буллз» победили со счетом 108:103. Джордан принес команде 50 очков, в том числе последние 11. В тот вечер он, казалось, летал над площадкой, чуть ли не задевая кольцо локтями. После матча он рассказывал отцу, в какое возбуждение его привела огромная шумная толпа, заполонившая «Мэдисон-сквер-гарден». «Так ты что, для толпы играл?» – спросил Джеймс Джордан. «Я всегда играю для нее», – ответил его сын.

Глава 15. Олбани; Чикаго, 1984-1988 гг.

Когда Джордан начинал свое восхождение в мире профессионального баскетбола, в среде его почитателей наметился некий разрыв поколений. Если молодежь безоговорочно влюбилась в Майкла, то люди постарше все же сомневались, тот ли это игрок, который возродит «Буллз». Раз уж речь зашла о молодежи, то уместно напомнить, что в семье Джексонов (речь идет о семье Фила Джексона – тренера «Чикаго Буллз») первым обратил внимание на Джордана сын Фила и Джун – Бен. Майкл тогда еще играл за университетскую команду. После того как Джордан стал звездой олимпийской команды США на Олимпиаде-84, Бен ежедневно приставал к отцу: «Папа, ты просто обязан заарканить его!» Со временем в их доме, как и во многих американских домах, появилась фотография юного Бена Джексона в майке «Чикаго Буллз» с номером 23 на ней, причем Бен был снят с высунутым языком – он копировал своего кумира.

Фил Джексон работал тогда тренером в низшей лиге – Континентальной баскетбольной ассоциации (КБА). В том году, когда Джордан проводил свой первый сезон в НБА, Джексон специально приехал из Олбани, где он тренировал команду «Патрунс», в Нью-Йорк на показательный матч с участием «Буллз». Он сидел на балконе, откуда за действиями игроков следить было довольно трудно, и ничего особенного в игре Джордана не заметил – разве что его постоянный напор. После матча Джексон отправился в раздевалку и поговорил с Кевином Лафери, под чьим руководством он в свое время играл. Его бывший наставник всячески расхваливал Джордана. Но мир Майкла, совершавшего блистательную спортивную карьеру и к тому же зарабатывавшего огромные деньги на рекламных клипах, и мир Фила Джексона, трудившегося в КБА за мизерные деньги, разделяла пропасть. Джексон летом даже вынужден был подрабатывать в Пуэрториканской лиге. Фил тогда зарабатывал около 35 тысяч долларов в год в КБА и примерно 12 тысяч на своих летних «гастролях». Конечно, он лез из кожи вон чтобы вернуться в НБА, но чувствовал при этом, что в консервативном мире профессионального баскетбола он выглядит чужим. Посещая тренировочные лагеря старшекурсников различных колледжей, он замечал, что баскетбольные специалисты не проявляют к нему ни малейшего интереса.

В свое время Фил Джексон был классным баскетболистом,

играл в нью-йоркском клубе «Никс», в составе которого дважды становился чемпионом НБА. В городе он пользовался широкой популярностью. Жил он в самом центре Нью-Йорка, на Манхэттене, в западной его части. От его дома до «Мэдисон-сквер-гарден» проще всего было добираться пешком. А по городу Фил ездил на велосипеде. Недавно перебравшийся в огромный город из сельской глуши Северной Дакоты, юный Джексон не только с жадностью поглощал тонкости профессионального баскетбола, но и, как завзятый турист-экскурсант, изучал достопримечательности Нью-Йорка. В отличие от многих своих партнеров по команде, он не зацикливался на спортивной карьере, особая атмосфера нью-йоркской жизни радовала его не меньше, чем победы на площадке.

«Фил отличался от большинства профессиональных спортсменов, – говорил о Джексоне его старый и верный друг журналист Чарли Розен. – Он всегда был человеком открытым, прекрасным собеседником. Ему интересно было не только свое мнение, но и мнение других людей. Причем по самым разным вопросам».

Успех профессиональной карьеры Джексона крылся в его уме, интеллигентности, преданности баскетболу. Кроме того, он всегда точно знал, что требует от него тренер и чего ждут от него партнеры. Конечно, в «Никс» ему пришлось переучиваться. Его достоинства как форварда, высоко ценившиеся в Северной Дакоте, здесь, в профессиональном клубе, оказались никому не нужными. У себя в колледже он отличался высоким ростом и удачно бросал крюком. Но среди профессионалов он выглядел далеко не гигантом, да и от бросков крюком толку было мало, огромные атлеты-защитники легко их блокировали. От неудач Фила спасло его неукротимое стремление к самосовершенствованию. Он понял, что он, с его длиннющими руками, должен чаще играть в обороне. И оказался прав. Джексон играл не грубо, но очень жестко, и вскоре соперники стали побаиваться непредсказуемых и всегда опасных круговых движений его локтей. «На тренировках я каждый день играл против Фила, и для меня это была каторга, – сказал однажды товарищ Джексона по команде Билл Брэдли. – Он все время врезался в меня, ухитряясь делать это на самой грани фола. А его ручищи! Мне казалось, что я сражаюсь с гигантским пауком. Хорошо хоть во время матчей меня опекали другие защитники, там мне приходилось легче».

Фил удачно вписался в команду, которая слыла командой больших знатоков баскетбола. Здесь было чему поучиться Зрителям иногда казалось, что один тренер ньюйоркцев,

неподражаемый Ред Хольцман, сидит у бровки, а еще пять других тренеров носятся по площадке. В составе стартовой пятерки действовали номинально четыре защитника и всего лишь один форвард, но каждый из них прекрасно бросал по кольцу, каждый владел искусством паса и каждый умел надежно строить оборону. Мяч перелетал от одного игрока к другому с невероятной скоростью, и в обороне соперников тут же возникала зловещая брешь.

Когда наиболее талантливые «великаны» клуба Уиллис Рид, Дэйв Дебушер и Джерри Лукас (а все трое были лучшими снайперами, чем Джексон), постарев, ушли из баскетбола, Филу доверили место в стартовой пятерке. Вот тогда-то и обнаружились его слабые стороны: он не слишком был силен в бросках в прыжке и в дриблинге. И тут замаячил конец его карьеры. Сказывался и возраст. Он мог великолепно играть минут восемнадцать – двадцать – больше игрок стартовой пятерки не выдерживал. Потом у него сил и на это стало не хватать. Так что соперники ньюйоркцев, обсуждавшие перед очередным матчем с «Никс» свою тактику, со временем перестали брать Джексона в расчет.

В 1984 г. Фила отправили в ссылку – тренером в КБА. Люди, хорошо с ним знакомые, знали, насколько он умен, но баскетбольных боссов беспокоила его репутация – репутация хиппи. Перебравшись в Нью-Йорк, Фил отверг консерватизм Среднего Запада, отрастил длинные волосы и бороду и стал в баскетбольном мире символом антибуржуазной культуры. К нему присоединился темнокожий одноклубник Эдди Маст, тоже отрастивший бороду. Тренера Реда Хольцмана эти выходки, впрочем, не беспокоили. Он прозвал Фила и Эдди «братьями Смитами» – два этих бородатых типа украшали этикетки популярного лекарства от кашля. Вообще же Хольцман считал Джексона очаровательным молодым человеком, который хотя и играл под хиппи, тем не менее относился к баскетболу как к религии.

Джексон участвовал в протестах против войны во Вьетнаме и в принципе больше интересовался политикой, чем ожидалось от профессионального игрока. В те годы политические убеждения большинства спортсменов не расходились с традиционными воззрениями рядовых американцев. Джексон же стоял особняком, и мэтры баскетбольного мира этого ему не простили.

Подвело его и то, что он вместе с Чарли Розеном написал книгу под названием «Сам себе хозяин». На ее обложке красовалось фото бородатого Джексона. С бородой еще можно было бы смириться. Хуже другое – пара абзацев книги была

посвящена тому, как Фил пробовал испытать на себе действие наркотиков, в том числе такого сильного галлюциногена, как ЛСД. Это баскетбольные боссы ему, конечно, припомнили. Репутация интеллектуального игрока его не выручила.

Так вот и случилось, что осенью 1984 г. Джексон уже второй сезон работал тренером и КБА и начал уже сомневаться в том, удастся ли ему вернуться в НБА на должность хотя бы помощника тренера. Нельзя сказать, что работа в КБА и в Пуэрто-Рико ему не нравилась. Если человек любит баскетбол то его в принципе устроит любой клуб. Другое дело, что парни игравшие в КБА, жили одной лишь надеждой, что счастье им когда-нибудь улыбнется и их призовут в НБА. Так порой и случалось, и Джексону приходилось расставаться с лучшими своими воспитанниками.

Но говоря честно, тренерам КБА приходилось несладко. В лиге был установлен такой порядок. Команда получала по очку за победу в каждой четверти матча. Если при этом она выигрывала встречу, то получала три дополнительных очка. За каждое очко тренеру «Патрунс» Филу Джексону платили вознаграждение в сумме 25 долларов. Следовательно, максимальный его доход по итогам матча (если команда побеждала и к тому же вела в счете после каждой четверти игры) составлял 175 долларов. Неудивительно, что болельщики, приходившие на домашние матчи «Патрунс», нередко слышали под конец каждой четверти восторженно-иронический вопль Джун Джексон. «Давайте, ребятки, а то я в магазин собралась!» – подбадривала игроков супруга тренера.

Уровень игры команд КБА был нестабилен, а отношения между тренерами и игроками – натянутые. Произошел даже такой случай, когда игрок, недовольный тем, что тренер почти не выпускал его на площадку, окунул своего наставника головой в унитаз. Больших средств у клубов не было. Игрокам и тренерам платили нерегулярно. Как-то раз одному тренеру, ссылаясь на отсутствие денег, вручили в качестве вознаграждения столовое серебро. Да и вообще чудес творилось много.

Как-то «Патрунс» решил приобрести у клуба «Касперские Дикие Кошки» (штат Вайоминг) Брэда Райта, гиганта ростом 6 футов 11 дюймов. Но «Кошки» раз за разом отказывались с ним расстаться. И вот однажды, когда этот клуб оказался на мели, его владельцы, чтобы привлечь на стадион побольше болельщиков, устроили шоу. Вкатили перед матчем на площадку новенький автомобиль, открыли откидной верх и предложили зрителям сложить из своих программок бумажные самолетики. Чей самолетик приземлится в кузове авто, тот и станет его

владельцем. Поскольку машину намеренно поставили подальше от трибун да и дальность полетов таких «лайнеров» невелика, счастливчиков долгое время не находилось. Машину эту владельцы клуба даже не покупали, просто одолжили на время у дилеров. Но вот нашелся какой-то умелец, чей самолетик точно ткнулся носом в сиденье. С автомобилем пришлось расстаться, а заплатить дилерам нечем было. В результате пришлось расстаться и с Райтом. Его продали в «Патрунс», и он отбыл в Олбани.

Игроки и тренеры КБА не могли себе позволить летать чартерными рейсами. «Патрунс» отправлялся на выездные матчи в огромном автофургоне, за рулем которого восседал сам Фил Джексон. В день игры он и его помощник Чарли Розен гоняли на тренировках своих подопечных до седьмого пота, затем засаживали их в этот фургон и включали кондиционер, подающий теплый воздух. Разморенные жарой игроки быстро засыпали, восстанавливая таким образом силы перед матчем.

А Джексон гнал машину со страшной скоростью (приходилось порой ездить за тридевять земель), ухитряясь при этом разгадывать на пару с Розеном кроссворд из «Нью-Йорк Таймс». Поездки эти были очень утомительными.

Однажды Джексон вез своих ребят на матч в Торонто. На границе с Канадой его фургон остановил пограничник и спросил, какова цель его поездки. Измученный Джексон нашел в себе силы пошутить: «Переправляю контрабандой в Канаду беглых рабов».

Если финансовые дела многих клубов КБА шли плохо, то о Пуэрториканской лиге этого сказать никак было нельзя. Там каждый новоприбывший тренер сразу же получал новый автомобиль, и тренеры, уже проработавшие там некоторое время, советовали новичку ни в коем случае не возвращать владельцам клуба ключи от машины, пока ему не заплатят все положенное по контракту. Не пришелся тренер ко двору, не справился со своими задачами – его очень быстро уволят, а пока у тебя ключи от автомобиля, владельцы клуба вынуждены тебе платить. Когда Джексон впервые приехал в Пуэрто-Рико, друзья посоветовали ему не волноваться из-за возможного увольнения: его с радостью и немедленно примет другой клуб. Так и случилось. Из первого в его жизни пуэрториканского клуба его уволили, но он тут же получил контракт с заклятыми соперниками этой команды из соседней деревни.

С профессиональной точки зрения Пуэрториканская лига уступала даже КБА. Сказывалась интеллектуальная и культурная пропасть между тренерами и игроками. Помехой служил и языковой барьер. Некоторые игроки, выросшие в Нью-Йорке и

говорившие по-английски, добровольно вызвались переводить для своих партнеров тренерские наставления Джексона на испанский. При этом они получали удовольствие, говоря своим товарищам абсолютно противоположное тому, что имел в виду Фил. Поэтому – разумеется, не по его вине – тренировочный процесс проходил на низком уровне. Джексону пришлось «докапываться» до элементарной сущности вещей, разгадывать, что за личности эти полуграмотные парни, в чем цель их жизни. Этот нелегкий опыт впоследствии ему весьма пригодился. Да и платили ему неплохо – 1500 долларов в неделю, а его летняя работа в Пуэрто-Рико длилась восемь недель.

И в КБА, и в Пуэрто-Рико Джексон в работе не жалел себя. Он отличался острым умом и был наделен уникальной зрительной памятью. Клубы, где он трудился, не могли себе позволить такую роскошь, как Делать видеозапись всех проведенных ими матчей, но его это не смущало – он и так досконально помнил все игровые эпизоды, все удачи и промахи игроков. Кстати, с игроками он всегда был в прекрасных отношениях, умел их расположить к себе, видел в каждом личность и не обременял их излишней опекой. Не делал вечерний обход, не вводил «комендантского часа». Джексон знал человеческие слабости каждого и старался с ними мириться. Как считает Чарли Розен, тогда и уже позже, в НБА, помогло Филу и то, что одновременно играло и против него – он резко отличался от большинства своих коллег. По-другому мыслил, по-другому разговаривал. Он не диктовал игрокам своих решений, не навязывал своих правил. Более того, Джексон не ставил своей целью завоевать себе громкое имя в мире профессионального спорта. Будучи человеком тонким, он вел себя с игроками так, что они почти не чувствовали его интеллектуального превосходства. Правда, иногда он был непредсказуем, но игрокам это как раз нравилось – по крайней мере, у них пробуждалось любопытство к тому, что сейчас может произойти.

По мнению Розена, Джексон, при всей своей открытости и человечности, отличался внутренней силой и твердой волей. Да, он прощал людям их слабости, но тренером был чрезвычайно требовательным и порой бескомпромиссным. Можно сказать так: он пытался привнести в рационализм Запада элемент восточной философии с ее проповедью простой жизни, но в то же время оставался настоящим бойцом.

Поскольку в клубах, где Джексон тогда работал, часто была неполная скамейка игроков, он сам выходил на площадку и тренировался вместе со всеми. Хорошо выступая в защите, он требовал от своих подопечных играть жестко. Те были моложе его

лет на пятнадцать, а то и двадцать и действовали побыстрее, но Джексон стоял на страже своего кольца, как скала. Иной раз чересчур резвый парень мог и получить от него увесистый пинок: пусть, мол, знает, что значит связываться с настоящим профессионалом.

Тренировки были для Джексона священнодействием, и присутствовать на них посторонним он никогда не разрешал. В свое время он усвоил от Реда Хольцмана, что ошибки игроков на тренировках простительны, но, если тренер делает кому-либо из них замечание, это не должно доходить до чужих ушей. Так же рьяно оберегал Джексон тайну своих коротких бесед с игроками во время тайм-аутов. Однажды команда соперников привела в спортзал знаменитого «Цыпленка из Сан-Диего» – мима-талисмана, чтобы он дирижировал толпой ее болельщиков. Во время очередного тайм-аута тот затесался в ряды «Патрунс» – может быть, хотел подслушать что-то ценное. Джексон тут же подошел к нему и, широко улыбнувшись, сказал, используя непривычный для него лексикон: «Послушай, цыпленок, сваливай отсюда немедленно, а то я надаю тебе по твоей гребаной заднице».

В те годы он удивлялся, почему его, в отличие от многих его коллег и ровесников, так и не призывают в НБА. Джексон старался показываться на людях, посещал всякие мероприятия, на которых собирались воротилы профессионального баскетбола, но «воротилы» НБА, казалось, его не замечали. Наконец, Джексон решил, что единственный его шанс связан со странноватым типом по имени Джерри Краузе, новым генеральным менеджером «Чикаго Буллз». В мире большого баскетбола он тоже был пока чужим, даже в большей степени, чем Джексон. Тот, по крайней мере, был шести футов ростом, сам в свое время играл в баскетбол и имел множество друзей среди спортивных журналистов и бывших игроков. Краузе же никогда, даже в колледже, в баскетбол не играл, был приземистым толстяком ростом 5 футов 5 дюймов.

Он периодически делал попытки сбросить лишний вес, однажды даже с Майклом Джорданом поспорил, что похудеет за несколько недель, но пари проиграл. Про Краузе говорили, что он прекрасный селекционер, обладает умением увидеть в баскетболисте подлинный талант, но есть у него один недостаток – не может спокойно пройти мимо кондитерского магазина. Страсть Джерри к сладостям можно было распознать по характерным пятнам и крошкам на его костюме. Он, конечно, не принадлежал к числу профессионалов баскетбола, которые сами когда-то выступали за клубы – кто за сильные, кто за слабые,

знали все тонкости игры и были накоротке друг с другом.

Выискивать таланты в колледжах – работа не из легких. В 60-х и 70-х гг., когда еще не существовала кабельная сеть спортивно-развлекательных программ, телезаписей игр почти не велось, и селекционеры мотались по всей стране на маленьких самолетах или на взятых напрокат машинах. Каждый при этом старался забраться в такую дыру, о существовании которой конкуренты даже понятия не имели. Впрочем, некоторые селекционеры, чтобы скрасить дорожную скуку, объединялись в небольшие группы. Так, например, поступили наиболее именитые специалисты: Скотти Стирлинг, Джерри Коланджело, Стью Инман, Джерри Уэст и Боб Ферри. Вместе скитаться по Штатам им было, конечно, веселей, однако, просмотрев один и тот же матч, они иногда трудно сходились во мнениях. А если игрок, подающий надежды, играл в тот вечер из рук вон плохо, они уже набрасывались на него всем гуртом, и дальнейшая его репутация оказывалась на волоске.

Большинство селекционеров относилось к Краузе с прохладцей. Он в их круг так и не был принят. Джерри действовал слишком жестко, неопрятно одевался и вообще не отличался хорошими манерами и воспитанием. Боб Ферри, гигант ростом 6 футов 8 дюймов, игравший в НБА на протяжении десятка лет, часто схватывался с Краузе, когда они вместе работали в клубе «Балтимор Буллетс» (одно из предыдущих названий клуба «Вашингтон Уизардс»). Во время матчей Боб, любил отпустить в адрес Джерри какую-нибудь колкость. То он намекал на его невоспитанность, то на его неряшливость, интересуясь, почему салон его автомобиля вечно забит грязными пакетами из-под продуктов, взятых в бесчисленных магазинах фаст-фуд. Иногда его шутки были довольно жестокими.

Краузе на выпады Ферри не реагировал. В ответных действиях он руководствовался нехитрым девизом: нужно работать больше всех. Он селекционер и должен максимально оправдывать свое предназначение. Глаз у него – алмаз, а внешний его вид и манеры никакого значения не имеют. Человек решительный и трудоголик, он, не войдя в элиту, создал со временем свой круг нужных ему людей и с прежним упорством рыскал по маленьким городишкам. Еще до того как в 60-70-х гг. талантливые темнокожие парни стали поступать в лучшие университеты США, Краузе уже обшарил небольшие негритянские колледжи американского Юга. Затем он переместил арену своих поисках в Европу, где тоже были звезды, подходящие для НБА. Например, литовец Арвидас Сабонис, который вполне мог бы сойти за Уолтона, или югославский защитник Дражен Петрович,

напоминавший во многом Пита Маравича.

В начале своей карьеры Краузе с теми немногими из своих коллег, которым он симпатизировал и доверял, иногда делился мыслями о том, что он сделал бы, если бы у него появилась собственная команда. А в том, что такое случится, он был уверен. Коллеги, в очередной раз оглядев с головы до ног этого толстого коротышку и подумав о том, как важно быть презентабельным, входя в офис большого босса или богатого бизнесмена, с сомнением качали головами. «Джерри, – говорили они ему, – в своем деле ты хорош и работаешь как вол, но, похоже, мечты твои несбыточны».

Когда Краузе находил потенциально ценного игрока, он беседовал с ним не пять – десять минут, а несколько часов, а потом все аккуратно записывал и спустя несколько лет сверял, насколько его прогнозы совпали с реальностью. Работая в одиночку, почти ни с кем не общаясь, он вел свои дела в строжайшей тайне, тщательно скрывая от всех, кого и где он отыскал. Если ему дорогу переходил другой селекционер, он тут же исчезал или делал вид, что данный игрок его совершенно не интересует. Когда «Буллз», став чемпионом, оказался в очередном драфте в конце очереди, коллеги спрашивали Краузе, что он думает о самых одаренных потенциальных новичках НБА. Краузе молчал, как сфинкс. Даже Джерри Рейнсдорф подшучивал над ним. «Джерри, – говорил он, – ну что ты боишься рот открыть? Ведь лучшие новобранцы нам не перепадут, мы в очереди стоим 27-ми».

В офисе Краузе на стене висел лозунг – явная цитата, но без ссылки на автора: «Все слушай, все внимательно рассматривай, но ничего не произноси». Когда помощник старшего тренера «Буллз» Джонни Бах впервые прочитал этот девиз, он несказанно удивился. Историк по образованию, всерьез интересовавшийся событиями Второй мировой войны, Бах тут же вспомнил, что эти слова принадлежат адмиралу Вильгельму Канарису, шефу абвера – немецкой военной разведки. «Джерри, – сказал он, – странно, что этот девиз повесил у себя на стене еврей». Покинув кабинет Краузе, он решил, что здесь простое совпадение и его босс вовсе не собирался цитировать одного из нацистских главарей.

Репортеры и коллеги-селекционеры прозвали Краузе собакой-ищейкой, и с каждым годом он окружал свои поиски баскетбольных талантов все более плотной завесой тайны. Поселял игроков в отелях под вымышленными фамилиями, а на тренировочную базу «Буллз» привозил их в полночь, когда никому из посторонних не пришло бы в голову очутиться там. Однажды он пригласил в Чикаго на просмотр Уилла Пердью,

студента последнего курса университета Вандербильта. Об этой его инициативе все догадывались: «Буллз» как раз нужен был такой центровой». Но Краузе остался верен себе. Один из его заместителей, Билли Маккини, приехавший за Уиллом в аэропорт, позвонил своему шефу из машины и в духе шпионских фильмов сообщил: «Синий агент докладывает оранжевому: груз прибыл и сейчас будет доставлен по назначению». Просмотр организовали поздно вечером, а студента поселили в отеле, как водится, под чужой фамилией, что создало ему лишнюю проблему. Приехавший за ним утром шофер клуба долго бродил в гостиничному холлу, выкликая его псевдоним, который тот за ночь уже успел позабыть.

Еще в 1967 г. Джерри Краузе хотел, чтобы «Балтимор Буллетс» приобрел Фила Джексона – тогда еще игрока. С тех пор он не забывал о нем, ценил его ум и полагал, что тот станет со временем классным тренером. Когда Джексон стал работать в КБА, никто с ним не был в столь близком контакте, как Краузе. Однажды тот позвонил ему и попросил сделать письменный разбор игры некоторых баскетболистов КБА. Джексон буквально подпрыгнул от радости: наконец-то представилась возможность показать свою квалификацию. Он тут же сел за компьютер и подробно проанализировал сильные и слабые стороны ведущих игроков лиги. На Краузе его работа произвела большое впечатление. Он убедился, что его ожидания полностью оправдались.

Вскоре они стали часто перезваниваться и вели долгие разговоры. Краузе стремился выбить из Джексона как можно больше информации, причем его скорее интересовали какие-либо эксцентрические, пикантные подробности, нежели банальные истории. Тем более что Краузе не слишком хорошо знал изнанку жизни профессионального баскетбола. Звонки Краузе стали для Фила Джексона единственной линией связи с НБА, а тот, в свою очередь, получал истинное наслаждение от разговоров с умным и знающим тренером. Один недостаток он в нем все же видел: Фил был слишком умен, чтобы его можно было бы поначалу пристроить помощником старшего тренера, ни один босс не потерпел бы подчиненного, который в интеллектуальном отношении превосходил бы его.

В конце 60-х – начале 70-х гг. Краузе занимал в «Буллз» должность типа начальника отдела кадров. Тренером команды был тогда Дик Мотта, и его отношения с Джерри сразу же стали враждебными. Оба они отличались повышенной эмоциональностью и своих чувств не сдерживали. Мотта попросту ненавидел Краузе, а тот его откровенно презирал. Пэт Уильямс,

генеральный менеджер клуба, постоянно находившийся между двух огней, сокрушался, что ему приходится проявлять искусство дипломата, достойное деятельности государственного секретаря США. Драфт 1970 г. еще больше обострил ситуацию. Краузе мечтал приобрести Джимми Коллинза, игрока из штата Нью-Мексико. А Мотта, случайно оказавшись на матче студенческих команд, пришел в восторг от невысокого, но на редкость проворного защитника Нейта Арчибальда из Техасского университета. Талант этого парня был не слишком заметен, потому что техасцы предпочитали вести игру в замедленном темпе, но Мотта все сразу понял. Он тут же позвонил Пэту Уильямсу и сказал, что Арчибальда надо заполучить обязательно. «Он станет великим игроком НБА», – резюмировал Мотта свои впечатления. Краузе же горой стоял за Коллинза. Спорили-спорили, а потом приняли такое решение, – попробуют рискнуть и приобрести обоих.

В итоге «Быкам» достался лишь Коллинз – не бог весть какое приобретение. За два сезона он провел на площадке всего 612 минут, а потом вообще расстался с клубом. А вот Арчибальд, доставшийся «Цинциннати», выступал за эту команду на протяжении 13 сезонов и 6 раз входил в сборную «Всех Звезд». С тех пор Мотта и Краузе стали настоящими врагами, и в конце концов Мотта поставил перед руководством клуба вопрос ребром: «Или я ухожу, или он!» Ушел Краузе, нашедший работу в клубе «Финикс».

Вернулся в Чикаго он уже генеральным менеджером. Майкл Джордан успел к тому времени провести в «Буллз» свой первый сезон. Привел Краузе Рейнсдорф, намеревавшийся сколотить группу единомышленников, которая купила бы клуб. Первым кандидатом на тренерский пост Краузе назвал Стэна Элбека, думая, что тот возьмет себе в помощники Джексона. Фила вызвали на переговоры из Пуэрто-Рико. Он заявился в Чикаго обросший бородой, в шляпе-панаме, из которой торчало немыслимое птичье перо, и в крикливо раскрашенной спортивной рубашке. Краузе не одобрял выбор Элбека, хотевшего взять себе в помощники Джона Киллили, а Элбек был против Джексона. Спор был решен не в пользу Фила.

Прошло три года. Джексон, по-прежнему работавший в КБА, уже подумывал уйти из баскетбола. У них с Джун было четверо детей, к тому же у него была еще и дочь от предыдущего брака. Особых проблем с деньгами не существовало: в бытность профессиональным игроком Фил успел сколотить кое-какой капитал. Если доступ в НБА действительно закрыт, может, вообще сменить род занятий. Джексон вполне мог бы заняться научной

работой – в области философии или богословия. Можно было также поступить учиться в юридическую школу – Фил прошел специальный тест, определивший его склонности. Оказалось, он одинаково предрасположен и к научной работе, и к юридической практике. Тест показал также, что из него получится неплохой экскурсовод, водящий зевак по национальным паркам США. Пока Джексон раздумывал, на чем же остановиться, ему снова позвонил Джерри Краузе и сообщил, что пособие по безработице ему не понадобится. Это была, конечно, шутка: человек таких разносторонних дарований, как Фил Джексон, в ряды безработных никогда бы не попал.

На дворе стояла осень 1987 г., и в штабе Дуга Коллинза открылась вакансия: ушел в другой клуб один из помощников старшего тренера Краузе посоветовал Джексону подать заявление с просьбой занять его пост. Кандидатов на этот пост было всего двое: Фил и его бывший одноклубник по «Никс» Бач Бёрд. «На сей раз я тебя умоляю коротко подстричься, – упрашивал Краузе Джексона, – побриться и надеть строгий костюм». Еще он посоветовал ему нацепить на шею две медали чемпиона НБА, заработанные в выступлениях за «Никс». Джексон было заколебался – такое хвастовство шло вразрез с его скромностью, но Краузе настоял на своем, говоря, что молодые игроки сразу же зауважают двукратного чемпиона. Дуг Коллинз не испытывал особых чувств ни к Бёрду, ни к Джексону, и, пользуясь его нейтральной позицией, Краузе легко убедил его взять Фила. Может быть, Джексону сыграло на руку и то, что он считался в элите баскетбольного мира чужим, а стало быть, уж точно будет по гроб жизни благодарен человеку, доверившему ему ответственный пост в НБА. Краузе все точно просчитал.

Так начался новый этап в жизни Джексона. Поскольку сезон только начинался, Джун с детьми осталась пока дома, в Вудстоке, а Фил снял номер в чикагском отеле. Ситуация складывалась для него как нельзя лучшая. Дуг Коллинз был блестящим тренером, а два его старших помощника во многом помогли Джексону приспособиться к новой работе. Им обоим было уже за 60. Один из них, Текс Уинтер, начавший тренерскую карьеру 40 лет назад, считался авторитетным старейшиной баскетбольного мира. Другой, Джонни Бах, тоже пользовался всеобщим уважением. Джексон прибыл в клуб, когда дела у «Буллз» пошли в гору. За год до этого Краузе преуспел в драфте как никогда за всю свою карьеру. Он выбрал двух игроков, которые наконец-то могли достойно помогать Майклу Джордану. Это были Скотти Пиппен и Хорас Грант. Игра Пиппена была сыроватой. Глядя на него, баскетбольный специалист оценил бы, конечно, его физическую

мощь и несомненный природный талант, но вот хорошую техническую и тактическую подготовку он явно не прошел. Так что Джексону предстояло с ним поработать. Фил сразу же взялся за дело, отшлифовывая игру Пиппена, а также учил его, как использовать с максимальным эффектом его уникальные физические данные. Новый тренер и новый игрок поладили друг с другом, между ними установилось доверие, что в дальнейшем обоим им пригодилось.

А вот с Майклом Джорданом у Джексона поначалу не все шло гладко. На одном из первых тренерских совещаний с участием Фила зашел разговор о достоинствах Джордана. Джексон процитировал слова Реда Хольцмана о том, что великие баскетболисты – это те, кто могут улучшить игру своих партнеров. Дуг Коллинз тут же предложил Джексону, чтобы он пошел и сказал это Джордану. Джексон, поколебавшись немного (а вдруг здесь подвох?), все же отправился на поиски Майкла и в точности изложил ему точку зрения Хольцмана. Правда, говорил он извиняющимся тоном и, разумеется, не упомянул, что он явился по поручению Коллинза. Джордан выслушал Джексона молча, на его лице ничего не отразилось, но на самом деле слова Фила ему не понравились. Позже он рассказал об этом разговоре товарищам по команде и добавил: «Конечно, играть в пасс Эрлом Монро, Уолтом Фрезером и Биллом Брэдли было бы полегче». (Джордан упомянул легендарных баскетболистов, к тому времени уже ушедших из спорта.)

Джексон продолжал гнуть свою линию, хотя делал это со свойственным ему тактом. То и дело Майкл выслушивал: ты можешь быть лучшим игроком на площадке, можешь быть непревзойден в тренировочных играх один на один, но вот как передать твое мастерство и твой азарт партнерам?

Примерно тогда же к старому другу Джексона, легендарному Биллу Брэдли, ставшему к тому времени сенатором Соединенных Штатов, приехал в гости его бывший коллега Оскар Робертсон, считавшийся в свое время одним из двух лучших защитников НБА. «Этот парень Майкл Джексон действительно выдающийся игрок», – сказал Брэдли. Робертсон не согласился: «Лично я так не думаю». Удивленный Брэдли попросил собеседника объяснить свою позицию. «По-настоящему великий игрок, – ответил Робертсон, – может из худшего в команде игрока сделать отличного баскетболиста. А Майкл до этого еще не дорос».

Баскетбольная элита тогда еще не ставила Джордана на одну доску с Ларри Бёрдом и Мэджиком Джонсоном – корифеями, каждый год приводившими свои команды к финалу чемпионата. Но при этом все забывали почему-то о разнице в подборе игроков.

Судите сами. Среди партнеров Бёрда («Бостон Селтикс») были такие звезды, как Макхейл, Пэриш, Джонсон и Эйндж. Да и у Мэджика Джонсона («Лос-Анджелес Лейкерс») партнеры были как на подбор: Абдул-Джаббар, Уорси, Майкл Томпсон, Майкл Купер, Байрон Скотт – это только самые громкие имена. А что Джордан? С кем он играл? С Гренвиллем Уэйтерсом, Квинтином Дейли, Дэйвом Корзайном, Брэдом Селлерсом и Орландо Вулриджем. Даже эти лучшие из его партнеров высоко в НБА не котировались. Майкл прекрасно понимал наставления Джексона и полностью с ним был согласен, но что он мог сделать? Конечно, ему хотелось иметь сильных партнеров, чтобы вознести команду на более высокий уровень. Очевидно, судьба была к нему неблагосклонна, но Майкл ни разу не сказал своему агенту, чтобы тот вызволил его из Чикаго и помог перебраться в клуб посильнее. Он продолжал верить, что вытащить команду из кризиса – это и есть его работа. Между тем процесс обновления состава затягивался, и это не способствовало улучшению отношений между Джорданом и Краузе.

Джерри Краузе, конечно, понимал, что клуб, который он возглавил в 1985 г., находился на грани катастрофы. Некоторые игроки были хорошие ребята, но абсолютно бесталанные. Были и такие, что представляли из себя ноль как в спортивном, так и в человеческом плане. Пятерым игрокам, настоящим наркоманам, пришлось пройти курс реабилитации. Или взять, к примеру, Орландо Вулриджа. Игрок одаренный, атлетически сложенный. Казалось, тело его было высечено из камня. Однако он всегда играл и тренировался вполсилы, побаивался столкновений. Джордан, разозлившись на Орландо, однажды сказал ему на тренировке: «Будь у меня твоя силища, отшвыривал всех бы, как котят».

Краузе терпел-терпел и наконец начал действовать. Быстро и без сантиментов отделавшись от балласта, он, умело маневрируя, набрал нескольких перспективных новичков. Постепенно он формировал новую команду, представлявшую собой новинку в баскетболе. Команда должна была работать на атакующего защитника, то есть Майкла Джордана. Стало быть, все игроки должны были избавляться от свойственного каждому классному спортсмену эгоизма, не жадничать с мячом. Кроме того, предстояло усилить линию нападения, а также приставить к Майклу «копа», чтобы охранять его от чересчур агрессивных соперников.

Первой удачной находкой Краузе оказался весной 1985 г. парень, игравший за студенческий клуб «Вирджиния Юнион», – Чарльз Оукли. Джерри видел его в игре. Его подкупило, с какой

самоотверженностью этот высокорослый могучий атлет бросался за каждым мячом, рискуя грохнуться на пол и получить травму. Вот кто будет замечателен в подборах, подумал Краузе. Высокий рост, длинные гибкие руки, редкая самоотдача. Краузе позвонил Кларенсу Гейнсу, легендарному университетскому тренеру из Северной Каролины. Его подопечным нередко приходилось играть против Оукли, и Гейнс одобрил выбор Краузе – чем не кандидат? Высок, силен, легко управляем, все схватывает на лету.

Оставалась, правда, одна проблема – удастся ли заполучить Оукли во время очередного драфта. Акции этого парня на баскетбольной бирже росли, а чикагцы стояли в очереди лишь одиннадцатыми. Но хитроумный Краузе провел сложную комбинацию, и Оукли достался «Буллз». Он превзошел все ожидания Краузе. Более того, Майкл Джордан, скептически, если не враждебно наблюдавший за действиями руководства клуба, сразу же проникся к Чарльзу теплыми чувствами. Оукли не только стал личным «копом» Майкла, надежно охранявшим его на площадке, но и самым близким его товарищем из всех других партнеров по команде.

Краузе тем временем продолжал развивать бурную деятельность. Он хотел найти чистого форварда, который играл бы рядом с Джорданом и мешал бы соперникам идти на Майкла по двое. Джерри остановил свой выбор на Кайле Мейси из «Финикса», великолепном чистом форварде с отличным броском. Однако по стандартам НБА этот игрок не отличался большой выносливостью. Хотя Мейси и проводил на площадке по 30 минут в каждом матче, к концу встречи видно было, что силы у него на исходе – особенно когда команде приходилось в считанные секунды переходить от нападения к обороне. Но Краузе подстраховался – решил переманить из «Сан-Антонио» молодого игрока Джона Паксона. Он обхаживал его еще до того, как заключил контракт с Мейси. За Паксоном охотились также клубы «Атланта» и «Финикс», причем последний предлагал весьма неплохой контракт. Когда Мейси стал собственностью «Буллз», Паксон решил, что теперь он чикагцам не понадобится. К его удивлению, Краузе проявил удивительную щедрость, обещав Джону гарантированный трехгодичный контракт. Для игрока, боровшегося за выживание в НБА и набиравшего за первые свои два сезона в среднем по 4,5 очка за игру, предложение Краузе показалось манной небесной.

Привлекала Паксона, конечно, и возможность играть рядом с Майклом Джорданом. Краузе объяснил Джону, что он собирается проэкспериментировать – сформировать команду, создающую по ходу игры идеальные условия для снайпера. А снайпером должен

быть каждый игрок. Пасы при этом должны быть молниеносными. Паксону эта идея понравилась и он подумал, что его талант прекрасно уживается с такой тактикой Мейси был лучшим снайпером, чем Паксон, но выдержит ли он физически высокий темп? Хотя в том сезоне Мейси провел на площадке больше времени, чем Паксон, да и очков набрал больше, чем он, тем не менее ясно было, что Джон превосходит Кайла как универсальный игрок и физически он сильнее. А главное – он больше нравился Джордану.

Человек, желавший завязать хорошие отношения с Майклом, первым делом должен был заслужить его уважение и полное доверие. Паксону удалось сделать это, когда они вместе учились в колледже и вместе играли за университетскую команду «Всех Звезд», которая совершала турне по Европе. Как-то раз в матче, проходившем в Югославии, в небольшом спортзале, Паксон в высоком прыжке совершил точный дальний бросок, принесший американцам победу. Джордан, по-видимому, тот момент запомнил. Во всяком случае, в «Буллз» он всегда был с Паксоном мягче, чем со многими другими игроками. Поиграв за клуб всего год, Мейси отправился искать счастья на стороне, Паксон стал идеальным партнером Джордана. В любой момент игры он точно знал, что от него требуется, а чего нужно избегать. «Джона и Майкла связывала какая-то невидимая нить. Вернее – кабель, по которому они передавали друг другу сигналы», – заметил однажды Чак Дейли.

Итогами драфта, прошедшего в следующем году, Джордан не слишком остался доволен. Выбор талантливых новичков был невелик. «Буллз», стоявшие в очереди девятыми, взяли к себе Брэда Селлерса из университета штата Огайо. Высокий и худощавый, он при росте 7 футов весил всего 220 фунтов. Играл он технично и умно, но физической мощи ему недоставало. Брэд, казалось, мог попасть в кольцо даже из-за пределов площадки, но биться в сутолоке вряд ли сумел бы. А «Буллз» нужен был именно такой новобранец. Селлерса привел в команду фактически Краузе. Тренеры же встретили его настороженно. Дуг Коллинз, некоторые его помощники, да и Майкл Джордан очень хотели заполучить Джонни Доукинза, талантливого защитника из университета Дюка. Именно Джонни привел свою команду к победе над «Каролиной», за которую играл тогда Майкл. Вначале казалось, что «Буллз» действительно приобретут Доукинза. Накануне драфта Коллинз даже сообщил Майклу Крыжевски тренеру студенческой команды Дюка, что Чикагцы предпочтут его воспитанника. Но Краузе был решительно против этой кандидатуры. По его мнению, Доукинз был не слишком атлетичен

и со временем не выдержит тяжеленных нагрузок напряженного календаря чемпионатов НБА. Краузе ошибся: Доукинз проявил себя в НБА гораздо лучше Селлерса и выступал в лиге целых восемь сезонов. Джордан припомнил Краузе этот случай. Но вскоре они с Дэвидом Фальком поняли подоплеку решения менеджера. Чутье на талант у Краузе было исключительное, и вряд ли он мог в данном случае ошибиться. Но он захотел прыгнуть выше головы. Что толку, если он остановит свой выбор на игроке, которого и так все расхваливают? Это ему чести не сделает и славы не прибавит. А вот если он рискнет, поставит не на фаворита, а на темную лошадку и угадает, то все вокруг заохают: вот это чутье! Уникальный талант! Честолюбивый Краузе будет наверху от счастья. Этот эпизод подпортил отношения между Джорданом и генеральным менеджером клуба.

Введя в состав «Буллз» Селлерса, Краузе совершил еще одну ошибку. Он буквально навязывал его тренерам и игрокам, расписывая с энтузиазмом, какой великолепный игрок получится из его ставленника. Майклу эта дешевая реклама быстро надоела. Он очень скоро понял, что Селлерс – слабак, играет слишком мягко, а «Буллз» нужны были игроки мощные, напористые, жесткие. Селлерс же при его росте семь футов играл как низкорослый форвард. Грубо играя против него на тренировках, Майкл в какой-то степени отводил душу.

В команде повисла тревожная атмосфера. Краузе постоянно находил все новые и новые доказательства тому, насколько даже хорошим игрокам трудно было уживаться с Майклом Джорданом, который устраивал партнерам разнос в таком тоне, что мало кто мог безропотно это сносить. Когда тренеры спрашивали его (при всех, а не наедине), не слишком ли он суров, Майкл отвечал, что если они не могут стойко переносить трудности на тренировках, то как они выдержат игровое напряжение? Когда Джонни Бах предостерег его в связи с тем, что он во время предсезонных тренировок морально уничтожает одного из своих партнеров, Майкл холодно ответил: «Джонни, я должен прийти к началу сезона в отличной психологической форме».

В клубе наметился раскол, приведший со временем к печальным последствиям. Майкл Джордан начал без конца цепляться к Джерри Краузе и вел себя по отношению к нему крайне пренебрежительно. Даже те, кто в этом конфликте держал сторону Джордана, а также откровенные противники Краузе считали, что Майкл ведет себя некрасиво и бестактно. Джордан действительно был неоправданно и беспричинно жесток. В корнях конфликта разобраться было трудно. Одной из причин стало то, что после травмы ноги Краузе надолго отлучил Джордана от игр,

но почему же Майкл не затаил обиду за это и на Джерри Рейнсдорфа? Тот же действовал заодно с Краузе.

Дело было еще и в том, что Краузе всегда стремился себя прославить, чтобы нее вокруг восхищались его заслугами. Иногда кое-что ему действительно удавалось, иногда – нет. Такое его поведение шло вразрез с атмосферой скромности, к которой Майкл привык в «Каролине», не говоря уже о том, что Дин Смит в человеческом плане был полной противоположностью Краузе.

Поскольку служебное восхождение Краузе было столь трудным и долгим а в мире профессионального спорта он долго ходил в положении «чужака», то теперь, на радостях, он превратился в обыкновенного хвастуна. Рассказывая о своих подвигах, он всячески выпячивал свои заслуги. Например, хвастался, что именно он отыскал в Уинстоне-Салеме будущую звезду Эрла Монро. На самом деле он преувеличивал. Хотя университет в Уинстоне-Салеме считался довольно захудалым учебным заведением, причем для черных, об этом талантливом юноше давно уже многие знали. «Балтимор Буллетс» прямо-таки в него вцепились. Причем свой выбор на нем остановили старший тренер клуба Джин Шу и его помощник Боб Ферри. «Джерри никакого отношения к кандидатуре Монро не имел, – говорил потом Джин Шу. – Да, Джерри был нашим селекционером и пахал, надо сказать, вовсю. Наверное, даже больше кого-либо. Но с Эрлом Монро случай особый. Я и сам не раз видел его в игре и быстро понял что к чему. Единственным сомнением по его поводу было то, что некоторые ребята из НБА считали – он любит попижонить, поиграть на публику. Но мне как раз его артистизм понравился. А Джерри, повторяю, никаких решений тогда не принимал». Спустя несколько лет Кевин Лафери, занимавший в «Буллз» пост тренера как раз в тот момент, когда к руководству клубом пришел дуэт Рейнсдорф – Краузе, узнав о смене начальства, подумал, что ему, наверное, придется уйти. «Я играл за «Балтимор» вместе с Эрлом Монро четыре года, и Краузе тогда там работал. Он был самонадеянным сусликом, и все истории, которые он рассказывает сейчас, как он откопал Монро – полная чушь. Не думаю, что он захочет видеть в моем лице свидетеля его фантазий».

Слушая рассказы Краузе о его первых встречах с Монро, Майкл Джордан обычно прерывал менеджера и вопил на весь автобус: «Да, Джерри, если бы не ты, играл бы Монро до сих пор в какой-нибудь дыре!» Джордан также уверял друзей, что со временем, когда людская память сотрется, Краузе будет всем рассказывать, что и его разыскал в глуши Северной Каролины именно он. Краузе переносил насмешки Майкла спокойно, по

крайней мере, не подавал виду, что обижается. Вообще же пропасть, лежавшая между ними, коренилась в их дворовом детстве. Майкл среди мальчишек был всегда герой, а коротышка Джерри – изгой.

Краузе старался вертеться среди игроков, пытаясь стать «своим», что вызывало все больше насмешек со стороны Джордана. Текс Уинтер, один из немногих в «Буллз», которому удавалось ладить и с тем и с другим (он придерживался нейтралитета), считал все же, что Майкл вел себя излишне агрессивно. С другой стороны, и Краузе не стоило бы набиваться к Джордану в приятели. Дуг Коллинз, прекрасно видевший, что происходит, решил как-то уладить назревавший конфликт. Он предупредил Краузе, что лучше подальше держаться от Джордана. Не надо добиваться его дружбы – достаточно завоевать его уважение.

Глава 16. Чикаго; Сиэтл, 1997 г.

В начале сезона 1997/98 г. взаимные трения в «Буллз» -в особенности между Майклом Джорданом и его союзником Скотти Пиппеном, с одной стороны, и Джерри Краузе – с другой – окончательно обострились. Это были уже не легкие розыгрыши и подначки, а откровенные стычки, выглядевшие весьма неприятно. По мнению некоторых, Майкл в основном защищал Пиппена, чье положение в команде было не лучшим, а в словесных перепалках Скотти был не силен. Бедняга Фил Джексон почувствовал, что попал между двух огней. Хуже всего приходилось тем, кто основную часть времени проводил на скамейке запасных. О дорогостоящих контрактах им мечтать не приходилось, а наблюдать за стычками суперзвезды их команды и их босса большого удовольствия им не доставляло. Главное, что в этой войне не могло быть победителей. Конечно, Краузе не стоило так часто вертеться среди игроков, находясь постоянно с ними – в раздевалке, в автобусе, в самолете. Большинство генеральных менеджеров клубов стараются столь частых контактов избегать. Фил Джексон всеми силами пытался утихомирить Джордана, одновременно предупреждая Краузе, чтобы тот держался подальше от игроков, поскольку его присутствие их раздражает. Но Джерри не понимал, где черта, за которую лучше не переходить. В начале сезона он путешествовал вместе с командой на протяжении 5 или 6 недель, объясняя свое решение тем, что, находясь в гуще игроков, лучше поймет их состояние и нужды. Для игроков же он был чужаком, вступившим на их территорию. У игроков особая психология: будь то раздевалка, автобус или самолет – это их дом со своими традициями и правилами. Правилами, установленными ими самими, а не менеджерами. Здесь можно было расслабиться, повеселиться, отвлечься от всяческих проблем.

В том сезоне из-за неприятной ситуации, сложившейся с контрактом Пиппена, отношения игроков с Краузе обострились до предела. Несмотря на травму ноги, Пиппен продолжал путешествовать вместе с командой. Больше покоя не давала ему не низкая сумма его гонораров, а застарелое чувство обиды. Скотти хорошо помнил, что «Буллз» уже два раза хотели его продать и что Краузе в этих случаях вел с ним себя неискренне. Кроме того, ему казалось, что руководство клуба недооценивает его вклад в победы «Буллз» в пяти чемпионатах – все лавры доставались Джордану. Когда в начале того сезона команда прилетела в Лос-Анджелес из Финикса, выяснилось, что там, в

Фениксе, местный клуб сообщил агенту Пиппена, что больше всего на свете он хотел бы приобрести именно Скотти. Такой контраст между энтузиазмом «Финикса» и полным равнодушием со стороны «Буллз» добавил, конечно, масла в огонь.

После матча с «Клипперс» в Лос-Анджелесе Билл Уолтон, комментировавший эту встречу для калифорнийских зрителей, выйдя из раздевалки «Буллз», сокрушенно качал головой – так его поразило угнетенное состояние Пиппена. Редко можно встретить великого игрока высококлассной команды, который находился бы на ножах с менеджерами и так громогласно заявлял о своем желании перейти в другой клуб. Тем же вечером Пиппен изловил Кента Макдилла, чикагского репортера, и заявил ему, что никогда больше за «Чикаго» выступать не будет. Засомневавшись в решимости Скотти, Макдилл поначалу решил не предавать его слова огласке. Но на другой день под нажимом Пиппена написал все же об этом. После этого в клубе вообще начало твориться черт знает что.

После победы над «Клипперс» чикагцы отправились в Сакраменто. В самолете произошла безобразная сцена с участием Джордана, Пиппена и Краузе. Примерно то же самое повторилось на другой день в Сакраменто, в раздевалке команды. Как обычно, началось все с разглагольствований Краузе о его подвигах на ниве поиска новых талантов. Победив «Сакраменто Кингз», «Буллз» полетели в Сиэтл. В самолете Пиппен мрачно пил пиво. В аэропорту Сиэтла команду ожидали два автобуса: один – для игроков, другой – для тренеров, администраторов и т.д. Краузе сел в автобус к игрокам, чем, по мнению тренеров, совершил ошибку. В автобусе обстановка была еще более нервная и взрывоопасная, чем в самолете. На борту лайнера тренеры и менеджеры не смешиваются с игроками. Там каждый держится сам по себе. Кто-то читает, кто-то спит, кто-то, надев наушники, слушает музыку. Разве что Джордан, Пиппен и Рон Харпер держались вместе – часами резались в карты. В самолете можно как-то уединиться, уйти в себя – в переполненном автобусе, наоборот, всегда возникают общие разговоры. Все, перебивая друг друга, разбирают особенности игры соперников или обсуждают достоинства местных красоток. Немудрено, что в такой эмоционально насыщенной атмосфере нередко вспыхивают перепалки. Фил Джексон не раз предупреждал Рейнсдорфа, что не стоит Краузе садиться в автобус для игроков: он действует им на нервы. Рейнсдорф в ответ предлагал тренеру попробовать свои силы в роли миротворца. Джексон в свою очередь пытался как-то урезонить Джордана. Майкл соглашался с тем, что его поведение не идеально, но бывают такие моменты, когда он просто не может

сдержаться. Короче говоря, просвета в ситуации не наблюдалось.

Еще подлетая к Сиэтлу, Джексон пытался уговорить Краузе не ехать в одном автобусе с игроками. В конце концов, ему могут предоставить лимузин. Но Джерри заупрямился, и в автобусе возникла свара. Началось все с язвительного замечания Джордана, засомневавшегося в рыболовных достижениях Краузе. Майклу подыграл Пиппен.

Майкл был весьма искусен в словесных баталиях, никто другой в лиге не умел так больно уколоть оппонента. При этом он знал меру, понимал, в частности, что с Краузе слишком далеко заходить не надо – разумней вовремя попридержать язык. Будучи человеком вспыльчивым, Майкл тем не менее умел себя контролировать. У него был ясный и твердый ум, холодный рассудок и даже актерские данные. Поэтому иногда он мог изобразить дикую ярость, хотя окружающие даже не догадывались, что это всего лишь игра.

Пиппен был человеком другого склада. Его эмоции легко выплескивались наружу, и он не умел владеть собой, тем более когда был навеселе. Так и случилось в этом злополучном автобусе, везшем игроков из аэропорта Сиэтла в отель. Джордан вполне добродушно подначивал Краузе, но тут вмешался Пиппен и обрушился на менеджера: «Когда ты перестанешь болтать, будто я своей карьерой обязан тебе?» Затем Скотти во всеуслышание потребовал: либо клуб подписывает с ним новый контракт, либо пусть продает его. Пиппен, разгоряченный алкоголем, все больше распалялся. Наконец Джексон из-за спин игроков показал ему пивную бутылку, давая понять, что он уже много выпил и пора остановиться (один из игроков, Джо Кляйн, по наивности решил, что тренер как бы поднимает тост за Пиппена, приветствуя его поведение). «Не волнуйся, – успокоил Краузе Джексона, – мне его вопли до фонаря». Плохо все это кончится, подумал Джексон.

В общем, сцена получилась безобразная. Был бы Джордан один – он не переступил бы грань приличий. Но когда эту грань перешел Пиппен, Майклу пришлось помогать товарищу. В адрес Краузе посыпались всевозможные оскорбления.

На следующий день досужие репортеры раструбили по всей стране новость о том, что Пиппен поклялся никогда больше не выступать за «Буллз» и требует срочно продать его в любой другой клуб. Между тем сезон только начался, «Буллз» еще только раскачивались, а тут собирается уходить один из великих игроков. Положение, откровенно говоря, кризисное. Игроки не на шутку забеспокоились, и до предматчевой разминки Джексон провел с ними короткое совещание. Пиппен извинился перед

товарищами, что создает им проблему, но решение его – твердое. Форму «Буллз" он никогда в жизни больше не наденет. Я всех вас люблю, сказал он, но, думаю, все кончено. Джексон почувствовал, что Пиппен катится под гору и, сжигая за собой мосты, нанесет большой вред не только команде, но и самому себе. Владельцам клуба, кстати, невыгодно было продавать Скотти: много они на этой сделке не заработали бы.

Пиппен, не обладавший внутренней твердостью и стойкостью Джордана, был человеком легко ранимым, что очень мешало ему на пути к спортивным высотам и широкой популярности. Свою карьеру он делал гораздо дольше Джордана, а защитные механизмы, так необходимые для жизни вне баскетбольной площадки, были у него ненадежными. Контролировать свои эмоции в обычной, ежедневной жизни Скотти не умел. Поначалу он их и на площадке плохо контролировал, благодаря чему соперники легко могли сделать так, что его игра неожиданно разлаживалась. За долгие годы он этот недостаток исправил. Теперь Скотти считался суперзвездой НБА, обладал пятью чемпионскими медалями, и во время матча ничто не могло вывести его из себя. Другое дело – его жизнь вне площадки. Здесь он уже давал волю своим эмоциям, а в мире НБА, населенном хищниками, в этом мире, где ставки росли не по дням, а по часам, слабости Скотти оборачивались против него. Так, во всяком случае, рассуждал Фил Джексон.

В течение нескольких дней Джексон не раз беседовал с Пиппеном, стараясь его успокоить. Пиппен же сделал несколько заявлений репортерам, где намекал, что по состоянию здоровья он уже может играть, но не хочет – и все из-за того проклятого контракта. Тренеры, впрочем, ему не верили: они видели, что на тренировках Скотти не может ни спуртовать, ни резко останавливаться. А если он притворяется больным, это тоже не в его пользу, думал Джексон. Наконец, тренер решил серьезно поговорить с Пиппеном. Он объяснил ему, что скоро он поправится – надо лишь набраться терпения и немного подождать, что, по крайней мере, на этот год контракт у него есть, а от дальнейших ссор с менеджментом он только проиграет: ведь на его репутации останется черное пятно, известное всей лиге. Единственный путь к свободе – отыграть на высшем уровне нынешний сезон, а летом 1998 г. стать свободным агентом и самому искать счастья.

Враждебная реакция Пиппена на его советы крайне удивила Джексона. Обычно Скотти спокойно выслушивал наставления тренера и легко с ним соглашался. А тут он полностью замкнулся в себе. Стало ясно, что, с точки зрения Пиппена, ни Джексон, ни

Джордан не имели права ничего ему советовать: ведь они дождались высоких гонораров, а он все еще бедствует. Как говорится, сытый голодному не товарищ. Да, в свое время Фил и Майкл защищали его от начальства, уговаривая боссов, чтобы его не продавали, но почему же они не могут использовать свой авторитет, чтобы ему повысили контракт? Поэтому Пиппен на все их советы наплевал и даже стал проявлять к ним некоторую враждебность.

Джордан и Джексон, раздраженные таким поведением Скотти, избрали другую тактику, сообщив репортерам о своем недовольстве публичными высказываниями Пиппена. Они в один голос заявили, что в наступившем сезоне «Буллз» снова намерены стать чемпионами НБА и, конечно, очень рассчитывают на Скотти. Из всех звезд клуба в 1987 г. контракт с клубом был подписан лишь с ним, остальным свои контракты пришлось перезаключать, Пиппен заранее умолял Джордана и Джексона не сбежать на сторону. «Не оставляйте меня здесь одного» – эти его слова Майкл хорошо помнил. Джордан и Джексон остались в клубе, а Пиппен собирается проделать такой финт. Джексон был искренне удивлен его поведением и подумал, что со временем Скотти будут ждать еще большие неприятности.

В тот вечер в Сиэтле «Буллз», выступавшие против местного клуба «Суперсоникс» (вполне вероятного их будущего соперника в финальной серии), играли вполне прилично, но все же уступили хозяевам в овертайме, – причем поражение было очень обидным: Тони Кукоч промахнулся по кольцу буквально на последней секунде дополнительного времени. Из Сиэтла они возвращались невеселыми: на их счету стало всего 8 побед и целых 6 поражений. А впереди предстояли встречи с очень сильными клубами. Джордан играл в тот вечер здорово, но провел на площадке слишком много времени – не пошли броски, а это верный признак усталости. Возможно, Майкл ошибся: не надо было форсировать игру с первых же матчей сезона. Что касается Родмана, он наконец-то обрел форму, а вот Кукоч, на которого возлагалось столько надежд, часто ошибался и избегал жесткой борьбы. Теперь все зависело от Пиппена. Вернись он в строй здоровым и отдохнувшим, «Буллз» в каждом матче устраивали бы у щита соперника такую заваруху, что легко бы вышли в «плей-офф». А Скотти то собирается просидеть на скамейке запасных весь сезон, то нарывается на неприятности и в итоге попадет в какой-нибудь захудалый клуб. По пути из Сиэтла Джексон сомневался, оставят ли они Пиппена в команде, а если и оставят, то как он, при его психологическом состоянии, будет играть? Тренер боялся печального повторения бесславного матча серии

«плей-офф» в 1994 г.

Фил Джексон вспомнил один примечательный момент из своей тренерской практики, когда он работал с «Буллз». Это произошло в 1994 г. (Майкл Джордан тогда временно подался в бейсболисты. Может, поэтому в том сезоне «Буллз» не стали чемпионами). Во время финальной серии Восточной конференции чикагцы играли с ньюйоркцами. Шла третья встреча. До конца игры оставалось менее двух секунд, а счет был равным – 102:102. Джексон объявил тайм-аут и набросал игрокам схему, согласно которой последний бросок он доверил Тони Кукочу.

Скотти Пиппен, в отсутствие Майкла ставший безусловным лидером команды и к тому же кандидатом на звание самого ценного игрока лиги, тут же возмутился и отказался возвращаться на площадку. Своя причина была и у него. За минуту до этого, когда «Буллз» владели мячом, тренеры подсказали игрокам, чтобы они, растянув оборону соперников, вывели Пиппена на свободное место на правом краю. Но Кукоч – как в тот сезон с ним часто случалось – замешкался, несмотря на отчаянную жестикуляцию Скотти. В этой неразберихе «Буллз» нарушили правило 24 секунд.

Однако, какая бы причина для вспышки ярости у Пиппена ни была, произошло невероятное: великий игрок отказывается в столь решающий момент возвращаться на площадку. Такого еще никто не помнил. Бывало, конечно, что слабый игрок, отозванный тренером с площадки за свои промахи, на просьбу вступить в игру снова не реагировал. Но когда так капризничает суперзвезда, да еще за две секунды до конца ответственнейшего матча! Нонсенс! Ошеломленный Джексон повернулся к своим помощникам: «Не хочет играть! Что мне делать?»

«Черт с ним! – сказал один из его помощников, Джимми Климонс. – Справимся и без него!»

Большинство тренеров конечно же дожали бы Пиппена. Но Джексон лишь сказал ему пару «теплых» слов и махнул на него рукой. Кукоч все-таки успешно справился с последним броском, и чикагцы в итоге выиграли встречу, но вздорный поступок Пиппена омрачил их победу.

Вообще говоря, Джексон предоставлял игрокам на площадке большую свободу действий, эту тактику он перенял у Реда Хольцмана, который в свою очередь был его тренером, когда Фил выступал за нью-йоркский клуб. Джексон придерживался таких принципов: игроки сами все знаю и умеют. Точно в таком же демократическом стиле он проводил тайм-ауты. Но случай с Пиппеном был из ряда вон выходящим, хотя, конечно, Джексон не мог не учитывать заслуг Скотти, его весомого вклада в победные

матчи «Буллз».

Короче, тренер находился в полной растерянности. Придя после матча в раздевалку, он первым увидел там Билла Картрайта, центрового, ветерана команды, пользующегося в ней безграничным уважением. Тот чуть ли не рыдал, бормоча: «Не могу поверить, что он так поступил… Никогда такого не видел…» Джексону нужно было время, чтобы собраться с мыслями. На счастье, он носил контактные линзы, а чтобы снять их, потребовалось целых пять минут. Затем он встретился с Пиппеном и остальными игроками. Осторожно подбирая слова, тренер сказал: «Поступок Пиппена – дикий, он не укладывается ни в какие рамки. Забыть такое невозможно, и Пиппен должен чистосердечно раскаяться, признать свою вину – не только публично, но и в первую очередь перед своими товарищами, которых только что так подвел». Джексон сообщил также, что соберет журналистов и все им честно, без утайки расскажет. Кроме того, будучи человеком набожным и знающим, что есть Высший судия, он заставил игроков прочесть вместе с ним «Отче наш», после чего вышел в сопровождении Картрайта к томящимся от нетерпения журналистам.

Когда импровизированная пресс-конференция закончилась, разборки в раздевалке продолжились. Взволнованней всех был Картрайт. «Вспомни, через что нам пришлось пройти, как трудно нам было выигрывать без Майкла, – говорил он Пиппену. – Как же после этого ты мог так поступить?» Когда игрока осуждают его товарищи по команде, это на него действует сильнее, чем выговор, выслушанный от тренера. Теперь оставалось только ждать, послужит ли это Скотти хорошим уроком и восстановит ли он в глазах партнеров так неожиданно утерянный авторитет.

Тем же вечером с Джексоном встретился Тим Хэллэм, пресс-секретарь клуба. Он заметно волновался: будущее команды могло оказаться на волоске. К его удивлению, Джексон воспринял произошедшее абсолютно спокойно. «Нечего делать из этого проблему», – сказал он. Хэллэм позднее понял, что именно в этом, в сущности, не столь уж значительном эпизоде, а не в победах на чемпионатах наиболее ярко проявился тренерский дар Фила Джексона.

На следующий день Джексону позвонил из Алабамы Майкл Джордан, выступавший там за бейсбольный клуб «Бирмингемские Бароны». Новость он узнал из газет, но его интересовали подробности. «Не могу в это поверить, – сказал Майкл. – Как могло такое случиться?» Джексон ответил, что и сам не может объяснить поступок Пиппена, но факт есть факт. «А сам Скотти хоть понял, что он наделал?» – спросил Джордан. «Ну, он,

конечно, извинился, но не думаю, что он по-настоящему раскаивается», – ответил Джексон.

Джордан, прошедший школу «Каролины», где ослушаться тренера было немыслимо, все же не мог поверить в случившееся. «Ему этого никогда не забудут и не простят», – сказал он. «Я так не думаю, Майкл, – ответил Джексон. – Люди прощают окружающим и более серьезные проступки».

Но хватит воспоминаний. Вернемся в осень 1997 г., когда Пиппен снова начал мутить воду. Джексон решил, что ситуацию надо любым способом уладить и здесь ему могут помочь партнеры Скотти. То, что он вытворил в 1994 г., ребята давно ему простили, но если сейчас он, затаив из-за своего неудачного контракта злобу на руководство клуба, станет играть не в полную силу, а то и вовсе саботировать игру, то этого ему уж точно не простят. Чтобы держать Пиппена подальше от Краузе, Джексон уговорил Скотти какое-то время не ездить в автобусе для игроков. Кроме того, он придумал роль для Рона Харпера, с которым Пиппен был более близок, чем с остальными игроками. Рону было поручено постоянно, но не назойливо сообщать Скотти о том, как все в команде ценят его, верят в него и целиком на него полагаются. Джексон также постарался, чтобы в прессу попадало поменьше материалов о делах в клубе. Не секрет ведь, что репортеры склонны делать из мухи слона, а рядовой эпизод раздувать в сенсацию.

Настроение в команде к тому времени изменилось. До тех пор в коллективе царила довольно спокойная атмосфера – можно сказать, даже радостная, несмотря на все трения с руководством клуба. Играли так, будто играют последний раз в жизни и терять уже нечего. Однако эта команда существенно отличалась от той, что завоевала первые три чемпионских титула. Там были совсем молодые парни: Б. Дж. Армстронг, Стейси Кинг, Уилл Пердью – впервые попавшие в клуб НБА. Они не знали, что значит играть в слабом клубе, который на протяжении длительного утомительного сезона может одержать от силы всего лишь 35 или 40 побед. Нынешняя же команда была совсем другой. Билл Уэннингтон, Джо Кляйн, Джуд Бюхлер, Рэнди Браун, Рон Харпер и Стив Керр, успевшие до этого поиграть в других клубах, трезво оценивали свои способности и были счастливы, что попали в команду, завоевавшую чемпионские титулы НБА. Для некоторых из них «Буллз» стали уже третьим или четвертым по счету клубом, и последнее пристанище их радовало. Особенно нравился им тренер, которому они беспрекословно подчинялись. Да и Джексону легко было с ними работать. Чтобы беречь свои нервы, игроки старались не участвовать в сварах между Краузе, с одной

стороны, и Пиппеном и Джорданом с другой.

Однако сейчас турнирное положение команды оказалось шатким, и уверенности в том, что с возвращением Пиппена в строй все изменится к лучшему, не было. Да и вообще никто не знал, что он может выкинуть. Когда команда провела 15 матчей, одержав всего 8 побед, Джексон провел очередное совещание с игроками. Он сообщил им, что они уже успели проиграть больше встреч, чем за всю первую половину предыдущего сезона, который они завершили с 69 победами и 13 поражениями. Что еще хуже, они стали проигрывать аутсайдерам, которых раньше легко одолевали. Кроме того, у них сейчас не получается концовка игры, что недопустимо для чемпиона НБА. Именно на последних минутах команда, носящая чемпионское звание, взвинчивает темп и окончательно добивает растерявшегося соперника. Теперь же уже соперники, почуяв эту слабинку «Буллз», стали перехватывать у них инициативу.

После этого совещания положение дел стало меняться, и в основном благодаря Майклу Джордану, чей боевой дух достиг невиданных высот. На каждый обычный календарный матч он выходил как на встречу в серии «плей-офф». Майкл усилил свою и без того блестящую игру в обороне. Следуя его примеру, заметно подтянулись и другие игроки. Особенно резко прибавил в игре Деннис Родман. Майкл радовался за него и после каждого матча говорил репортерам примерно следующее (с различными вариациями): «В этом сезоне Деннис – наш самый ценный игрок. Без Денниса мы как без рук. Никогда не видел, чтобы кто-либо из моих товарищей по команде так здорово играл». От похвал Майкла Родман прямо-таки расцветал, и, действительно, в отсутствие Пиппена он стал второй по величине звездой клуба. В следующих 18 матчах он стал в среднем совершать 17 результативных подборов за игру. Раньше этот показатель у него был 13 – разница существенная. «Буллз» снова стали грозной командой. Они не играли на публику, не демонстрировали артистические трюки – они просто делали все, чтобы победить. И хотя их игра не выглядела такой мощной, как в предыдущие два сезона, они тем не менее снова стали побеждать. Пока что список побед «Буллз» не достиг необходимого им уровня, но старались они изо всех сил. Кроме того, они лидировали в НБА по одному важному показателю: ни одна другая команда лиги не побеждала соперников с таким большим разрывом в счете.

Глава 17. Гамбург и Конвей, штат Арканзас; Чикаго, 1982-1987 гг.

Драфт в НБА, состоявшийся в 1987 г., принес в конечном счете «Буллз» их первый чемпионский титул. Чикагцы приобрели тогда Скотти Пиппена и Хораса Гранта. Первый из них не только стал входить в сборную «Всех Звезд», но и удостоился чести числиться среди лучших 50 игроков НБА всех времен. А Хорас был признан одним из двух или трех лучших ударных форвардов лиги. Впрочем, до драфта он был не слишком заметен, – в отличие от Пиппена, чье атлетическое сложение и неимоверно длинные руки давно уже привлекли внимание селекционеров. Университет «Центральный Арканзас», находящийся в Конвее, где в основном учились белые, не считался хорошей баскетбольной школой, и селекционеры обходили его вниманием. Однако учившийся там Скотти Пиппен доказал, что даже в современном американском спорте, поставленном на промышленный поток, могут быть сюрпризы. Еще в средней школе в Гамбурге, маленьком городке в штате Арканзас, Скотти играл в баскетбол лучше всех. Он был не так уж высок – 6 футов 1 дюйм – и неимоверно худ. Как считал школьный тренер Дональд Уэйн, Скотти хорошо видел площадку, но ему недоставало скорости (последнее очень удивило бы игроков НБА, не успевавших угнаться за Пиппеном). Будучи школьником, Скотти не отличался особыми атлетическими данными, поэтому, несмотря на поддержку со стороны его тренера, окрестные колледжи не интересовались им. Впрочем, иногда помощники университетских тренеров приезжали посмотреть на него, но особого впечатления он ни на кого из них не произвел.

Но вот однажды Дональд Уэйн просто, чтобы помочь хорошему парню, а вовсе не думая, что из него действительно получится классный игрок, позвонил своему бывшему тренеру Дону Дайеру (он занимался у него, когда учился и колледже), ставшему тренером в университете «Центральный Арканзас» в Конвее. Он попросил Дайера дать Пиппену шанс. Уэйн тепло относился к Скотти и считал, что каждому хорошему и трудолюбивому парню обязательно надо поступить в колледж, чтобы не прозябать в бедности в сельской глуши. Он поинтересовался у Дайера, не предоставит ли он Пиппену стипендию. При этом он не дал никаких гарантий, что Скотти станет отличным игроком. Пусть это будет любезность со стороны Дайера. Он даст Пиппену возможность получить образование, а

потом Скотти сам выберет свою жизненную дорогу. Дайер согласился. Он вовсе не думал, что приобретет будущую баскетбольную звезду, но отказать своему бывшему питомцу он не мог. Лимит стипендий для студентов-баскетболистов был на то время исчерпан, но Скотти все же поступил в университет: ему удалось получить грант, предусмотренный федеральной программой по поддержке ребят из бедных семей. Поначалу Скотти стал одним из менеджеров университетской команды, но вскоре два игрока-стипендиата бросили учебу, и Пиппен занял место одного из них.

Как вспоминал Дайер, Скотти весил тогда около 140 фунтов. Правда, Арч Джонс, помощник тренера, а впоследствии его преемник, был иного мнения – не больше 130 фунтов. Но талант в парне чувствовался. На первом курсе Скотти хорошо учился и вовсю тренировался. Его все чаще выпускали на площадку, а к концу учебного года даже включили в стартовую пятерку. Он тонко чувствовал игру – возможно, потому, что в школьной команде был опорным защитником и привык видеть всю площадку. К тому же он стал подрастать. На втором курсе его рост был 6 футов 3 дюйма, на третьем – 6 футов 6 дюймов, а на последнем, четвертом, – наверное, 6 футов 7 дюймов. На втором курсе он половину сезона не играл, поскольку запустил учебу, за что его временно отстранили от игр. Но Дайер понимал, что у него складывается неплохая команда, лидером которой, безусловно, становится Пиппен. Более того, тренер считал, что лучшего игрока, чем Скотти, в университете не было уже давно. Пиппен физически окреп, набрался опыта, весил уже около 195 фунтов, но по-прежнему был быстр и прекрасно видел площадку. Дайер ставил его на разные позиции. Скотти играл и в обороне, и в нападении. Это сослужило ему хорошую службу, когда он, перейдя в профессионалы, стал игроком поистине универсальным. На последнем курсе Пиппен продолжал прибавлять в росте, и Дайер решил, что он вполне созрел для НБА. Наблюдая за игрой Скотти на турнире, где участвовало несколько студенческих команд, Дайер и Джонс диву давались: Пиппен порой творил чудеса, на которые способен только профессионал.

Когда семнадцатилетний Скотти только поступил в колледж, он в сочинении на спортивную тему написал, что хотел бы, когда вырастет, стать игроком НБА. В то время, учитывая его хилое сложение, его мечта казалась абсурдной. Но, когда он учился уже на третьем курсе, всем стало ясно, что он лучший игрок университетской команды, а может, и всей конференции. При этом тренеры считали, что Скотти еще далеко не достиг своего

потолка. Понимая, что Пиппен вполне уже может выступать в НБА, Дайер и Джонс не могли реально представить, насколько прибавит в игре Скотти, когда перейдет в профессиональный баскетбол. Тренеры, поговорив с Пиппеном, сообщили ему, что считают его мечту вполне реальной, но надо больше работать. Если какое-то тренировочное упражнение давалось Скотти легче, чем другим игрокам, он иногда позволял себе расслабиться. Но Джонс ему спуску не давал. «Не ленись, – говорил он Пиппену. – Семь потов окупятся с лихвой». Тренер подразумевал, что только тяжкий труд откроет Скотти дорогу в НБА.

Итак, Дайер и Джонс начали проталкивать Пиппена в профессиональный баскетбол. Действовали они через два канала. Дайер был знаком с Бобом Бассом, работавшим тогда в клубе «Сан-Антонио », и, связавшись с ним, рассказал ему о Пиппене. Написал также рекомендательное письмо в клуб «Даллас». Ни тот, ни другой клуб никак на его предложения не отреагировал. Тем временем Джонс, сам дивясь своей наглости (кто из заправил НБА его знал?), позвонил Марти Блейку, шефу всех селекционеров НБА. «Извините, Марти, вы, конечно, меня не знаете и о нашей конференции, наверное, не слышали, – начал он, – но у меня здесь есть парень, прекрасный игрок. Думаю, НБА должно им заинтересоваться». Джонс имел в виду студенческую баскетбольную конференцию штата Арканзас. Действительно, в спортивном мире она была малоизвестна, но Блейк, который еще в 50-х гг. исколесил все медвежьи углы Америки, знал ее неплохо. Джонс подробно описал атлетические данные Пиппена, упомянув также его длиннющие ручищи и умение равноценно играть на разных позициях. Блейк отнесся к предложению Джонса вполне серьезно и сказал, что пришлет селекционера. Начало было положено. Селекционеры повалили в Конвей один за другим.

Джерри Краузе впервые услышал о Пиппене от самого Марти Блейка, который, позвонив ему, сказал, что ему следует слетать в Арканзас на матч, где будет играть очень способный парень. На него стоит обратить внимание, и нужно не теряться, поскольку там будут и другие селекционеры. Среди прочих достоинств Пиппена Блейк отметил его скорость и длинные руки. Краузе вместо себя отправил в Арканзас Билли Маккинни, но тот был новичок в этом деле и ни в чем толком не разобрался. Когда Краузе поинтересовался его мнением о Пиппене, он ответил, что ничего определенного сказать не может. «Что значит – ничего определенного?» – спросил Краузе. «Ну, он отличный атлет, и руки у него длинные, но общий уровень игры – ужасный».

Кстати, роль Маккинни в вербовке Пиппена привела к размолвке между Билли и Краузе. Уже после того как Маккинни

ушел из «Буллз», Джерри решил, что тот приписал себе слишком много заслуг в открытии нового таланта, и коллеги, до того находившиеся в дружеских отношениях, перестали разговаривать друг с другом. Потом их отношения наладились, но снова испортились, когда Маккинни, устроившийся в «Сиэтл», занес в свой послужной список информацию о том, что именно он первым распознал уникальный талант Скотти Пиппена.

Но мы отвлеклись. После поездки Маккинни в Арканзас он и Краузе позвонили тренеру Пиппена и попросили прислать им видеозаписи матчей с участием Скотти. Однако из этих записей мало что можно было понять. Вскоре Краузе и Маккинни отправились на турнир в Портсмут – первый просмотр юных дарований, желающих попасть в НБА. Когда на площадку вышел один тощий парнишка, Краузе тут же хлопнул Маккинни по плечу и сказал ему: «Вот это, по-моему, тот самый Пиппен». «Как вы догадались?» – спросил Билли. «Очень просто: таких длинных рук я еще никогда не видел», – ответил Краузе и подумал, что настал момент истины – момент, когда опытный селекционер нутром чувствует, что он присутствует при рождении великого игрока. «Боже мой, это действительно нечто уникальное, неповторимое», – бормотал он себе под нос. Подобные чувства он испытал лишь два раза в жизни. Первый раз – когда, будучи бейсбольным селекционером, впервые увидел тогда еще юного Керка Гибсона, а второй – когда (тоже впервые, но уже отыскивая баскетбольные таланты) посмотрел в игре Эрла Монро. Собственно говоря, в этом и талант селекционера – угадать, что получится из молодого игрока, когда он окрепнет физически и его мастерство станет более зрелым. Остальное – задача тренеров.

Да, у этого парня хорошие задатки, думал Краузе: стройное, но мощное тело, природная грация и гибкость. Правда, снайпером Пиппен еще не был, но это дело поправимое: у него огромные ладони и необычайно длинные пальцы. Поэтому, если поработать над техникой, он сможет легко обращаться с мячом и, следовательно, улучшить бросок. Присматриваясь к Пиппену, Краузе понял, что этот парень, как и Майкл Джордан, сможет выступать сразу в трех ролях: крайнего форварда, крайнего защитника и, если понадобится, опорного защитника. Вообще же его атлетические данные – скорость, сила и игровое чутье – позволяли ему отлично действовать в обороне. Кстати, у «Буллз» была тогда, возможно, самая эффективная в НБА программа физической подготовки игроков, разработанная Элом Вермейлем, братом известного футбольного тренера Дика Вермейля.

Пиппен показал себя в Портсмуте с самой лучшей стороны. «Послушайте, тренер, – сказал он, вернувшись в Конвей, Арчу

Джонсу, – я действительно играл неплохо. Меня даже пригласили на следующие смотрины – на Гавайи». Краузе тем временем забеспокоился, как бы этого парня не увели у него из-под носа. Акции Скотти росли очень быстро. В американском баскетболе редко случается, чтобы за короткий межсезонный период вчерашний студент успел занять одну из первых строчек в драфте, как это удалось Пиппену. Разумеется, талантливые игроки никогда не оставались в роли «темных лошадок» – известность к ним приходила сразу же. На Гавайях Скотти произвел на всех еще большее впечатление. Соответственно увеличилась и его потенциальная ценность. А впереди предстоял еще турнир в Чикаго – главные смотрины перед очередным драфтом. Новые агенты Пиппена – Джимми Секстон и Кайл Роут-младший – не хотели, чтобы Скотти поехал на чикагский турнир. Они знали, что за ним охотятся и Краузе, и генеральные менеджеры других клубов. Поэтому не стоит рисковать: вдруг Пиппен сыграет неудачно – что тогда? Осторожный Краузе, кстати, придерживался такого же мнения. Растущий интерес к Пиппену его нервировал. Он даже готов был оплатить Скотти отдых на Гавайях, приурочив его отъезд как раз к чикагскому турниру, чтобы скрыть его от чересчур любопытных глаз. Единственным, кто не соглашался на такой вариант, был сам Пиппен. Он, в отличие от многих других студентов-баскетболистов, редко выступал на представительных турнирах, и ему, конечно, хотелось показать себя во всей красе и превзойти в мастерстве всех знаменитостей. Поэтому он так и рвался в Чикаго – надо же доказать всем, что его успехи – отнюдь не случайные вспышки. Он отправился на этот турнир и играл даже лучше, чем на Гавайях. Можно сказать, он был там лучшим игроком. В Чикаго прилетел и Дон Дайер, столкнувшийся там с Бобом Бассом из «Сан-Антонио». Басс, как бы извиняясь за то, что не откликнулся в свое время на просьбу Дона принять участие в судьбе Скотти, спросил его: «Так вот что – это его ты тогда мне расхваливал?»

Джерри Краузе нервничал все больше и больше. Бриллиант, который, казалось, был у него уже в руках, мог выскользнуть. Он убедил Секстона и Роута ограничить встречи Пиппена с посланцами других клубов. Кстати, годом раньше Лен Байас, стоявший в драфте вторым и доставшийся «Бостону», очень скоро после своего прихода в НБА умер от передозировки наркотиков. После этого клубы стали более внимательно изучать личности новобранцев. Краузе договорился с Секстоном и Роутом, чтобы они ни в коем случае не пускали Пиппена в Нью-Джерси и Кливленд, где у местных клубов были привилегии в выборе

новичков.

Пиппен тоже чувствовал себя неуютно: незнакомые города, малоприятные в общении владельцы клубов и менеджеры – богачи с причудами. Всем нужно отвечать на дурацкие вопросы, притворяясь, что ты именно тот, кто им нужен.

Скотти попросил Секстона сопровождать его в поездках, что в принципе не было принято. Тем не менее они стали путешествовать вдвоем. Побывали в Индиане и Финиксе, а до поездки в Нью-Джерси и Кливленд заехали в Чикаго, где встретились с Краузе и Дугом Коллинзом. Молодой, эмоциональный и харизматический Коллинз сделал Пиппену «великолепную подачу». Он в открытую сказал ему, что заранее видит, как Скотти играет в одной команде с Майклом Джорданом на протяжении десяти лет! Он угадал, что парня ждет блестящее будущее и что с ним команда не один раз станет чемпионом НБА. Пиппен пришел в восторг: ему понравился Чикаго, понравился Коллинз, а уж играть в одной команде с Майклом Джорданом, об этом вообще только можно мечтать. Позже Скотти сказал Секстону, что с него хватит разъездов, он бы предпочел играть за «Чикаго Буллз».

Тренеры чикагского клуба внимательно изучили сильные и слабые стороны молодого игрока, его техническое мастерство и тактическое мышление. Специальную проверку он прошел у Эла Вермейля, специалиста по физподготовке. Краузе заранее знал, что скажет Вермейль. Эл, как и Джерри, сразу же отметил необычайную гибкость Скотти. У него было какое-то особое строение тела. «Он настолько гибок, – сказал Вермейль Краузе, – что, когда бежит, затрачивает гораздо меньше энергии, чем многие другие игроки. Ему при беге даже не надо отталкиваться от пола». Чем дольше тренеры наблюдали за Пиппеном, тем большее впечатление он на них производил. На тренировках «Буллз» часто проводили следующий тест. Тренеры расставляли на полу – примерно по кругу – несколько мячей, и игрок должен был, подхватывая их один за другим, мчаться к кольцу и совершать «слэм-данк». На все упражнение игроку отводилось 30 секунд. Чем больше забросит, тем выше его оценки. В основном это было испытание на скорость, при передвижениях вперед и в сторону. На тренировочной базе «Буллз» этот тест для всех был настоящей мукой, а Пиппен установил рекорд: за 30 секунд он сделал 15 «данков». Во время другого упражнения Скотти попросили совершить подряд четыре прыжка. Компьютер фиксировал высоту прыжков, а также то время между прыжками, которое ему было необходимо, чтобы после приземления снова оттолкнуться от пола. И здесь он всех удивил своей ловкостью и

гибкостью. В то время он, при росте 6 футов 7 дюймов, весил около 200 фунтов, и Вермейль полагал, что, даже прибавив в весе 20-25 фунтов, Скотти не растеряет своих скоростных качеств.

Однако возник вопрос: удастся ли «Буллз», стоящим в очереди за новобранцами восьмыми, заполучить Пиппена? На него претендовал, в частности, клуб «Сакраменто», чья очередь была шестая. «Буллз» повезло: клуб «Сиэтл», стоящий пятым, не был заинтересован в Пиппене, – ему нужен был «великан». Хитроумный Краузе совершил с «Сиэтлом» сделку: в обмен на пятое место в очереди отдал ему право чикагцев на набор новичков во втором раунде драфта да еще пообещал провести в Сиэтле показательный товарищеский матч с участием Майкла Джордана, что сулило тамошнему клубу солидный зрительский сбор. Так Скотти Пиппен оказался пятым среди самых востребованных новичков НБА.

Что же касается второго приобретения «Буллз» – Хораса Гранта, то он был в большей степени «темной лошадкой», чем Скотти Пиппен. Разыскал его, причем совершенно случайно, Джонни Бах, талантливый помощник старшего тренера чикагского клуба. Всем тренерам НБА было предписано просматривать фильмы с отрывками из матчей студенческих команд США и выискивать на экранах потенциальных звезд. Однажды, сидя в специальном кинозале клуба, Бах внимательно присматривался к игре Джо Вулфа из отличной университетской команды «Каролина» – гиганта ростом 6 футов 11 дюймов. В принципе такой центровой «Буллз» был необходим, но Вулф Баху не понравился. Игрок неплохой, но бесперспективный: в основном ведет силовую борьбу. Станет в лучшем случае хорошим ремесленником, но не мастером. Вулфу явно не хватало скорости, а у Баха, проработавшего тренером лет сорок, глаз был наметанный. Он сразу же подметил недостатки Вулфа. «Я посмотрел, как он бегает, – сказал потом Бах. – Бег тяжелый, как у ломовой лошади. Пройдет какое-то время, и у него возникнут нелады с позвоночником».

Но как-то раз, просматривая запись матча «Каролины» с командой Клемсонского университета (штат Южная Каролина), Бах приметил Хораса Гранта – высокорослого парня из этого университета, игравшего против Вулфа. Он был не так высок и массивен, как его соперник, но зато ловок, силен и необычайно быстр. При всей своей долговязости носился он по площадке как угорелый. У него было чутье на подбор, и он намеренно с силой бросал мяч об щит то слева, то справа. Чувствовалось, правда, что он, в отличие от Вулфа, не побывал в руках хороших тренеров, но зато, как был уверен Бах, обладал большим талантом. Выглядел

он пока что худосочным, но у него были очень широкие плечи, так что, когда нарастит мускулатуру, все будет в порядке. Бах попросил, чтобы ему доставили несколько видеокассет с записями игр с участием команды Клемсонского университета. И чем больше он их просматривал, тем больше убеждался, что Грант именно тот игрок, который так нужен «Буллз». Другие тренеры клуба, просмотрев видеозаписи, согласились с Бахом. Мнение было единодушным. Учитывая, что в команде играл Джордан, а на горизонте маячил Пиппен, тренеры решили, что высокорослый, но скоростной Грант подойдет для формирующегося нового состава гораздо лучше, чем Вулф. Когда Хорас Грант прибыл на тестирование, он произвел сильное впечатление на Эла Вермейля. Грант весил тогда примерно 215 фунтов, но, как полагал Вермейль, с такими широченными плечами он вполне может набрать вес до 230 или 235 фунтов, абсолютно не потеряв при этом своих редких скоростных качеств.

Хотя в некоторых тренировочных упражнениях Грант не выглядел столь эффектно, как Пиппен, его атлетические данные превосходили стандарты, характерные для обычного высокорослого игрока. Например, он пробегал 20 метров всего лишь за 2,98 секунды – для долговязого баскетболиста это очень хороший результат. Стоит отметить, что после нескольких лет напряженных тренировок он не только подрос и прибавил в силе – он прибавил и в скорости, пробегая те же 20 метров уже за 2,85 секунды. Тренировки и матчи в профессиональном клубе пошли ему, конечно, на пользу. Грант оказался более быстрым игроком, чем ожидали от него тренеры, и стал намного точнее бросать по кольцу.

В день, когда был назначен драфт, больше всех волновался, разумеется, Джерри Краузе. Поначалу он было решил подписать контракт с Грантом, но потом засомневался в своем выборе. Тем временем на него пытался давить Дин Смит, активно проталкивавший своего воспитанника Джо Вулфа, и, как стало известно Краузе, кандидатуру Вулфа поддерживал и Майкл Джордан. Коллинз понимал, что Краузе не может забыть случай с Брэдом Селлерсом, когда «Буллз» по его инициативе приобрели высокорослого парня, а тот оказался никудышным игроком. Из-за этой промашки Краузе выслушал немало упреков в свой адрес, особенно со стороны Майкла Джордана. А что получится из Гранта? Его организм еще не окреп, тело окончательно не сформировалось, – вдруг он окажется еще одним Селлерсом? Клуб так рисковать не может. По правилам НБА команда, где есть такая суперзвезда, как Джордан, будет в драфте всегда отодвигаться ближе к концу списка претендентов на хороших

новобранцев. Поэтому найти для Майкла надежных партнеров не так просто.

В дело вмешался Текс Уинтер, который из всех тренеров клуба был с Краузе в наиболее близких отношениях. Он, кстати, никогда не участвовал в распрях между руководителями «Буллз». Его интересовал лишь баскетбол в чистом его виде, а не интриги вокруг него. Поэтому с мнением Текса все считались. В день, когда «Буллз» предстояло выбрать вторую отведенную им кандидатуру, Краузе явно склонялся в пользу Вулфа. «Джерри, – сказал ему Уинтер (он, наверное, был единственным, кто имел право не соглашаться с Краузе, не наживая в его лице врага), – все тренеры за Гранта. Раз наше мнение единодушно, как ты можешь идти против всех. Зачем нам этот Вулф?» Краузе сдался, и клуб приобрел Гранта.

Майкл Джордан итоги драфта воспринял настороженно. Лично он выбрал бы двух игроков его родной «Каролины» – «великана»-центрового Вулфа и защитника Кенни Смита (Смит попал в другой клуб НБА и сделал там неплохую карьеру). Все же остальные в «Быках» не могли нарадоваться на новичков. Дуг Коллинз на следующий день сказал Джордану: «Знаешь, Майкл, я не из тех, кто чрезмерно восхищается ребятами, только что прибывшими из колледжа, но из этих двух – Пиппена и Гранта – толк выйдет». «Посмотрим», – ледяным тоном произнес Джордан, давая тренеру понять, что все это он уже не раз слышал. Когда же к нему обратился Краузе, сказав, что ему несомненно понравится играть рядом со Скотти Пиппеном, Майкл едко ответил: «Ну, конечно. Вы уже один раз меня обрадовали, когда привели в клуб за ручку Брэда Селлерса».

Так или иначе, костяк команды складывался, но требовалось время, чтобы отладить игру. Оба новичка были совсем молоды и как игроки представляли собой, если можно так выразиться, полуфабрикаты. Ни один из них не был готов к суровым нравам и строгой дисциплине НБА. Деревенские ребята, попавшие в большой город, они неожиданно разбогатели и спешили наслаждаться прелестями их новой жизни, в том числе деньгами и популярностью среди любителей спорта. Они часто посещали всяческие увеселительные заведения. Компанию им составлял игрок по имени Сидейл Тритт, обладавший несокрушимым здоровьем. Он мог кутить ночь напролет, а утром на тренировку являлся как огурчик. У Пиппена и Гранта подобной закалки не было, и выглядели они по утрам неважно. Заметив это, Краузе поспешил продать Тритта в «Сиэтл»: он хотел оградить молодых игроков от дурного влияния.

Тренеры «Буллз» чувствовали, что команда в нынешнем ее

составе сможет стать суперклубом, но понимали, конечно, что работы предстоит много и процесс будет нелегким, а соперники сильны. В одной конференции с чикагцами выступал не только грозный «Бостон» (он, впрочем, к тому времени начал сдавать в игре), но и находившийся на взлете «Детройт», в который пришло много первоклассных игроков. Причем на «Буллз» этот клуб психологически всегда действовал как удав на кролика.

Первый сезон Пиппена и Гранта 1987/88 г. можно назвать эпохой перестройки команды. Наконец-то сложился удачно подобранный коллектив. От балласта руководители и тренеры «Буллз» избавились. Дуг Коллинз, работавший с командой второй сезон, оказался великолепным тренером. Он был молод (всего 36 лет), и задор его молодости уравновешивался опытом и рассудительностью его помощников Текса Уинтера и Джонни Баха – людей постарше. Про Уинтера говорили, что он тренирует тренеров, а также, что он больше любит тренировки, чем матчи. В последнем утверждении есть известная доля истины: на тренировках все играют в свое удовольствие, а матч – это не только баскетбол. Это и злость, и нервы, и малоприятная изнанка коммерциализированного спорта. Многие специалисты НБА, например тренер «Портленда» Бакки Баккуолтер, считали, что Краузе поступил совершенно правильно, взяв на должность старшего тренера Коллинза – молодого энтузиаста, который сам недавно был игроком и хорошо знал, какие нагрузки и стрессы испытывают профессиональные баскетболисты. Хорошо также, считали в лиге, что у молодого тренера такие опытные помощники, как Уинтер и Бах. Замечу, кстати, что в тот сезон еще одним помощником Коллинза стал Фил Джексон.

Спортивная жизнь команды была напряженной и волнующей. Талант ударного форварда Чарльза Оукли расцветал буквально на глазах. Джон Паксон вырос в талантливого партнера Джордана, умевшего, если Майкл был надежно прикрыт, сделать точный решающий бросок в самый ответственный момент матча. Но многие проблемы предстояло еще решить. Если у себя в Арканзасе Пиппен считался самым трудолюбивым игроком, то при переходе в профессиональным клуб, с его жесткими требованиями, и учитывая к тому же, как ежедневно, на каждой тренировке требовал максимальной отдачи от своих партнеров Майкл Джордан, в «Буллз» Скотти выглядел несколько расхлябанным, Грант на тренировках проявлял больше усердия, но его расстраивало, что его не ставят в нападение.

Джордан, как всегда, был самым жестким игроком в команде, и все его побаивались. Как-то раз, летом 1989 г., во время предсезонных тренировок с Майклом решил потягаться в силе

Матт Браст, которого собирались осенью взять в клуб. Браст был здоровенный, жесткий парень из университета Сент-Джон, ростом 6 футов 5 дюймов и весом 220 фунтов – чисто силовой игрок. Несколько дней он демонстрировал в тренировочном лагере свою мощь (особым талантом он не блистал). И вот однажды, когда Майкл устремился к кольцу «соперников», Матт сильным ударом по корпусу сбил его с ног. Джордан встал, не говоря ни слова и даже не смотря в сторону Браста. Игра возобновилась, и уже через пару минут Майкл пошел прямо на обидчика. Мяч был у него в правой руке, и Браст, естественно, зашел справа. Но в последнюю секунду Джордан перекинул мяч в левую руку и в высоком прыжке локтем правой руки нанес Мэтту сильнейший удар в голову. Да такой, что тот потерял сознание. Браст пролежал на полу несколько минут. На этом его пребывание в тренировочном лагере закончилось.

Хотя «Буллз» решили далеко не все свои проблемы, какие-то проблески лучшего будущего стали возникать. Например, предсезонный показательный матч против «Лейкерс». Если в предыдущем году во время их такой же показательной встречи, проходившей в Чепел-Хилл, калифорнийцы попросту разгромили чикагцев, то на сей раз игра в принципе была равной. Особенно отличился у «Буллз» Пиппен, надежно прикрывший Джеймса Уорси.

Дуг Коллинз неутомимо отшлифовывал игру Пиппена и Гранта. Заставлял их трудиться сверх сил, втолковывая им, что для того, чтобы побеждать в НБА, они как профессионалы и истинные патриоты своего клуба еще не созрели. Иногда казалось, что тренер только с ними и работает. Причем Коллинз внимательно следил за их поведением и вне спортзала. Он терпеливо объяснял молодым парням, приехавшим из глуши, что если стюардесса авиалайнера просит их пристегнуть ремни, то так и следует сделать, не отпуская при этом в ее адрес развязных шуток. Пиппен и Грант, немного надорвавшись, играли иногда, превозмогая травмы и недуги. Как-то раз накануне ответственного матча Грант стал жаловаться на головную боль. Майкл Джордан громко, чтобы все в раздевалке слышали, посоветовал ему принять аспирин. В другой раз, в матче против «Денвера», команды очень жесткой, Пиппен почувствовал боль в руке. Однако Коллинз не отпускал его с площадки, как тот ни упрашивал. Дуг дал ясно понять Скотти, что небольшая травма еще не повод, чтобы подвести и тренера, и товарищей.

Сам Коллинз, вышедший из бедной семьи, в свое время с трудом делал свою карьеру в НБА. Ему помогли две вещи: несомненный талант и неутолимая страсть к игре. В университете

штата Иллинойс он тренировался у Уилла Робинсона, который прекрасно понимал, что его тощему воспитаннику, пареньку, несомненно талантливому, недостает физической силы. Робинсон заставлял Дуга перед каждой тренировкой брать уроки бокса. «Я думаю, ты собираешься пробиться в НБА, – говорил он Коллинзу, – а там большинство парней будут повыше и посильней тебя. Начнут тебя задирать, обижать. Дело может и до драк дойти. Поэтому ты должен уже сейчас научиться давать сдачи. Не научишься – тебя там по стене размажут».

Наставления своего бывшего тренера, исповедовавшего жесткую игру, Коллинз, как эстафету, передавал теперь уже своим ученикам. Команда явно прогрессировала. В сезоне 1987/88 г. она выиграла 50 матчей, но ее прогресс был более ощутим как раз на тренировках. «Верным знаком того, что дела в команде пошли лучше, – вспоминал Коллинз, – были тренировки на протяжении моих первых двух сезонов в клубе». Действительно, когда сходились один на один Оукли и Грант или Джордан и Пиппен, зрелище было феноменальное. Правда, у первой пары это был бойцовский поединок, где победителем может быть только один из противников, а поединки второй пары выглядели скорее как дуэль учителя и ученика. Майкл был искренне заинтересован в том, чтобы Скотти как можно скорее стал истинным профессионалом, а Оукли к успехам Гранта относился с прохладцей. Прибавит Пиппен в мастерстве – у Джордана появится столь нужный ему высококлассный партнер. Прибавит в мастерстве Грант – Оукли может оказаться в команде лишним. Оукли был выше и физически сильнее Гранта и отличался неимоверным трудолюбием, но Грант явно превосходил его в скорости и лучше бросал по кольцу. Уже на пятый день тренировок перед первым своим сезоном в «Буллз» Грант отправился в комнату, где игроки взвешивались, и долго проговорил с Вермейлем, попросив тренера по физподготовке придумать для него какой-либо специальный режим, чтобы он и вес набрал, и мышечную силу увеличил. «Мне во что бы то ни стало надо это сделать, иначе все мои планы рухнут», – сказал он.

Отношения между Джорданом и Пиппеном напоминали скорее взаимоотношения между преподавателем и студентом. Майкл видел, что Скотти талантлив, хотя его талант был сыроват, не отшлифован. И немудрено, в отличие от Майкла ему не довелось учиться мастерству по блестящей программе каролинской школы. Поэтому Джордану приходилось учить Пиппена с азов, на примере элементарных упражнений. Учил он его и жесткости, столь необходимой в НБА. Правда, был один прием, который Скотти удавался, а Майклу – нет. Если они

становились за боковой линией напротив кольца, то Пиппен, совершая к нему один прыжок, не касаясь пола, спокойно укладывал левой рукой мяч в корзину. Джордану это было недоступно. Как справедливо замечал Джонни Бах, руки у Скотти были подлиннее, чем у Майкла. Вот и подоплека его коронного трюка.

Чем больше Джордан чувствовал, что Пиппен серьезно взялся за дело, тем больше сил он вкладывал в него. Какое-то время он сомневался, поскольку не был уверен, достоин ли Скотти его трудов и вообще предан ли он, а заодно и Грант, чикагскому клубу. Они с Пиппеном оставались партнерами, которых связывал спортивный талант, но настоящими друзьями они не были – частично из-за большого разрыва в их социальном статусе. Джордан от природы был уверен в себе и в своих жизненных успехах. Пиппен же никак не мог избавиться от комплексов парня, выросшего в бедной глуши Арканзаса.

Тем не менее постепенно они сближались. Джордан по-прежнему был осторожен, поскольку сомневался в реальных достоинствах Скотти как игрока, а Пиппен воспринимал Майкла если не как учителя, то, во всяком случае, как образец для подражания. Все чаще и чаще Коллинз замечал, что эти двое оставались в спортзале после тренировки, отрабатывая броски в прыжке. Или же Джордан показывал новичку, как нужно уходить сразу от двух защитников или действовать, когда тебя прижали к лицевой линии. Спустя годы, когда Пиппен в своей игре достиг совершенства, Коллинз понял, что Джордан, работая с новичком, по сути дела клонировал в его лице самого себя. С другой стороны, молодых подопечных Майкла смело можно было бы назвать учениками Дина Смита, настолько прочно усвоил Джордан знаменитую программу своего университетского тренера из Северной Каролины.

Само участие Джордана в тренировках значительно облегчало задачи Коллинза. Майкл подавал всем прекрасный пример, и, кстати, его требовательные возгласы слышались на площадке чаще, чем выкрики тренера. Коллинз этому только радовался: он понимал, что, будучи человеком эмоциональным, он может «загнать» игроков и тем самым потерять свой авторитет, а парни попросту разочаруются в баскетболе и завянут. А тут у него такой помощник – лучший игрок клуба, которому игроки доверяют как товарищу. Стало быть, у тренера остается время, чтобы сконцентрироваться на каких-то более важных моментах.

После ежедневных тренировок Коллинз оставался с Джорданом в спортзале и минут двадцать пять отрабатывал с ним бросок в прыжке. Потом такой же урок проводил с Пиппеном.

Затем два защитника устраивали поединки один на один. Иногда к ним присоединялся Паксон. Зачастую игра шла на деньги, баскетболисты заключали пари. Особенно любил этот своеобразный тотализатор Майкл Джордан. Он даже придумал ему название – «Клуб голубей». После каждой тренировки он имитировал голубиное воркование, давая этим понять, что весь банк выиграл он. Банк был, конечно, невелик – в лучшем случае 100 долларов, но он придавал тренировкам некий азарт.

Однажды Джордан, получив легкую травму, наблюдал за тренировкой из офиса тренеров. Как всегда, занятия заканчивались поединками. В тот раз Хорас Грант, обычно не отличавшийся точностью бросков, побеждал всех. Когда Грант победил всех, включая Пиппена, Джордан вышел на площадку и предложил ему сыграть на деньги. Майкл выглядел при этом, как кобра, приготовившаяся к смертоносному броску. Он сказал, что неплохо бы поставить на карту весь банк. Грант, уверенный в своем успехе, согласился, но проиграл.

Майкл Джордан обладал невероятной страстью побеждать во всем. В те годы игроки в ожидании очередного рейса проводили в аэропортах немало времени в залах игровых автоматов. Особенно преуспевал в этих забавах Дэйв Корзайн, у которого в карманах всегда было полно 25-центовых монет, необходимых для игры. Джордан захватил домой инструкцию с описанием игры, внимательно ее изучил и в результате превысил рекорд Корзайна.

Ранее, когда Майкл только что переехал в Чикаго, он поставил в своей квартире стол для настольного тенниса. Поначалу эта игра ему не давалась, и его бесило, что он всегда проигрывал Говарду Уайту, представителю «Найк» и своему близкому другу. Чарльз Оукли тоже хорошо играл в настольный теннис, и вместе с Уайтом они постоянно огорчали Джордана. Уайт с любопытством наблюдал за поединками Джордана и Оукли: два парня внушительного сложения резвятся в тесной комнате с низким потолком, и эта комната, кажется, сейчас взорвется от исходящей от них энергетики. Вообще же, как считал Уайт, играть с Майклом в пинг-понг было занятием крайне утомительным – Джордан отходил от стола лишь после того, как ему удавалось выиграть партию.

Когда Майкл подружился с Ричардом Дентом, звездой бейсбольного клуба «Чикагские Медведи», он и с ним, конечно, начал соревноваться. Дент был заядлым велосипедистом и однажды сказал Джордану, что только что проехал целых 30 миль. Через несколько недель, прилетев на Гавайи после поездки в Японию, Майкл, поспав с дороги два часа, позвонил Говарду Уайту и сообщил ему, что отправляется на велосипедную

прогулку. «Далеко собрался?» – спросил Уайт. «Думаю, проеду 30 миль». Боже мой, подумал Уайт, он что, решил соревноваться с самим Ричардом Дентом?

А вот что Майклу не давалось, так это большой теннис. По всей логике при его скорости, быстрой реакции и физической мощи из него Должен был бы получиться отличный теннисист, но он, очевидно, поздновато взялся за этот спорт. И даже Говард Уайт с его вечно больными коленными суставами постоянно его обыгрывал, гоняя по всему корту. В итоге любимым спортивным хобби Майкла остался гольф.

Однажды, когда «Буллз» летали еще обычными, а не чартерными рейсами, они прибыли в Портленд на игру с местным клубом «Портленд Трейл Блейзерс». Как только самолет подрулил к терминалу, грузчики, вместо того чтобы заняться багажом, ринулись в салон лайнера: им не терпелось поглазеть на Майкла Джордана, пожать ему руку, получить автограф. Один из тренеров «Буллз», Марк Пфайль, увидел, что Майкл достает из кармана 50-долларовую купюру и сует ее грузчику. «Майкл, – сказал он, – ни к чему это. Чаевые – моя забота». «Подожди, Марк, ты еще не то увидишь», – загадочно произнес Джордан.

Придя в багажное отделение, тренер застал команду, столпившуюся около окошка, из которого выползала лента с багажом пассажиров. Джордан положил на ленту 100-долларовую купюру. Его примеру последовали остальные. Поспорили на то, чей багаж появится первым. Разумеется, первым выехал багаж Джордана. Положив в карман около 900 долларов, Майкл расплылся в широкой улыбке и сказал Пфайлю: «Неплохая прибыль, верно? Вложил-то я всего 50 долларов…»

Джордан не просто стремился выигрывать, казалось, он был рожден, чтобы побеждать. Как-то перед очередной тренировкой он поинтересовался у Джонни Баха, что ему предстоит делать в защите. Тренер ответил, что выпустит против него игрока, пообещавшего продемонстрировать новый финт и выставить Майкла на посмешище. Конечно же все произошло наоборот, после чего Джордан со своей неизменной улыбкой спросил Баха: «Ну что, Джонни, вышло не по вашему плану?»

За все время Джордан лишь один раз поссорился с Дугом Коллинзом. Причем повод был пустяковый – речь шла о счете в тренировочной игре. Договорились закончить встречу, когда одна из команд наберет 7 очков. «Матч» уже подходил к концу. Джордан сказал: «Счет – 5:4». «Нет, – поправил его Коллинз, – 5:3». «Вы невнимательно считали!» – сердито вскричал Майкл. Разгорелся спор. Все в зале притихли, слушая, как молодой тренер старается перекричать своего самого талантливого

воспитанника, который ни разу не позволял себе спорить с наставниками.

«Интересно, говорил ли бы ты таким тоном с Дином Смитом?» – язвительно заметил Коллинз. «Нет, – ответил Майкл, получивший точно рассчитанный удар, и, покидая площадку, заявил: – Я ухожу». – «Постой, Майкл, мы еще не закончили тренировку», – попытался успокоить его Коллинз. «Тренируйтесь без меня». Пресс-секретарь клуба Тим Хэллем с удивлением наблюдал, как самый трудолюбивый игрок, которого он видел за всю свою жизнь, подхватив спортивную сумку, покидает спортзал.

«Послушай, Майкл, нельзя так поступать», – с упреком сказал Тим. «Не лезьте в мои дела», – оборвал его Джордан.

На следующий день Джордан, как ни в чем не бывало, пришел на очередную тренировку. Коллинз решил не вспоминать о вчерашнем эпизоде, что в общем-то было с его стороны правильным. Но через пару дней, когда он беседовал со спортивными репортерами, кто-то из них, почувствовавший сенсацию, спросил, уладили ли они конфликт с Джорданом. «Формально говоря – нет, – ответил тренер, – но я уверен, что Майкл все-таки меня любит». Тут в дверях раздевалки показался Джордан. «Майкл, – сказал Коллинз, – не хочешь меня поцеловать, чтобы все знали, как ты меня любишь?» Джордан наклонился и поцеловал тренера в щеку. На том инцидент был исчерпан.

«Буллз» находились тогда на полпути к вершине своего восхождения. Раньше это была команда с одним великим игроком, и, даже если он приносил ей за матч 40 или 50 очков, она тем не менее часто проигрывала. Затем она стала побеждать в каждой второй встрече. А в сезон, когда в клуб пришли Пиппен и Грант, она выиграла 50 матчей – показатель сильнейших команд НБА. У «Буллз» по-прежнему не было достойного «великана»-центрового, но зато за них выступали Джордан, Пиппен и Грант, считавшиеся одними из самых лучших молодых игроков лиги. Кроме того, Краузе присмотрел еще нескольких талантливых парней из студенческих команд. Так что перспективы с составом у чикагцев были неплохие.

Однако возникли проблемы. Чем лучше играли «Буллз», тем чаще Краузе заводил разговоры о приоритете организационной работы в клубе. «Менеджеры, а не только игроки и тренеры завоевывают чемпионское звание» – такова была его точка зрения. Для руководства клуба, за который выступала такая звезда, как Майкл Джордан, это была довольно странная идея-фикс. Подобные высказывания раздражали и Джордана, и Дэвида Фалька. Разглагольствования Джерри Краузе означали, среди

прочего, что он причастен к успешным выступлениям «Буллз» в такой же мере, как и Майкл. С его стороны это было не очень умно. Но у Краузе была своя цель: принижая роль игроков, он готовил почву для составления новых контрактов с ними. Другими словами, собирался сэкономить на их гонорарах.

В 1988 г. Дэвид Фальк, Джерри Рейнсдорф и Джерри Краузе стали обсуждать проект возобновляемого контракта с Джорданом. Майкл тогда был, возможно, лучшим профессиональным баскетболистом США и приносил «Буллз» огромный доход, но переговоры затягивались, хотя в принципе Фальк и Рейнсдорф вполне ладили друг с другом. Поскольку из троицы, участвовавшей в дебатах, двое были тезками, то, чтобы их не путать, Краузе временно окрестили Джейком. Фальк напирал на пользу, которую принес клубу Джордан: увеличилась в несколько раз продажа сезонных билетов, выросла оплата парковки у стадиона, «Буллз» заключили выгодные контракты с радио и телевидением. Оперируя конкретными цифрами, Фальк доказывал, что благодаря Джордану годовой доход клуба увеличился на 40 миллионов долларов. Так почему же владельцы «Буллз» так и не решаются подписать с ним новый контракт на 4 миллиона в год? (Замечу, что по тем временам самым высокооплачиваемым профессиональным баскетболистом был Мэджик Джонсон: общая сумма его контракта, заключенного на 10 лет, равнялась 25 миллионам.) «Да посмотрите, что Майкл сделал для вас!» – не уставал повторять Фальк.

У Краузе лопнуло терпение. «Послушайте, Дэвид, мы не спорим, что Майкл блестящий игрок. Но почему вы не цените заслуги администрации? – взорвался он. – Мы не успеваем оформлять заказы на сезонные билеты. Служащие нашего офиса печатают эти чертовы билеты день и ночь. Дуг Коллинз до полуночи просматривает видеозаписи матчей и корпит над новыми тактическими схемами. Билли Маккинни сейчас, наверное, летит на Аляску или на Гавайи – рыщет в поисках будущих звезд». – «Джейк, – холодно отпарировал Фальк, – хотите знать, во что я оцениваю ваш вклад в успехи клуба? В полный ноль! Ну, что еще вы мне расскажете».

Краузе было завелся, но Рейнсдорф оборвал поток его брани. «Помолчи немного, – сказал он ему и, обратившись к Фальку, произнес: – Признаюсь, в истории спорта не было игрока, который обеспечивал бы такой зрительский сбор, но все же платить ему 4 миллиона в год я не собираюсь».

Рейнсдорф предложил 3 миллиона, после чего стороны пошли на компромисс и договорились о долгосрочной сделке, рекордной в НБА, – контракт на 8 лет общей стоимостью 26

миллионов. Иными словами, годовой заработок Майкла составлял 3,25 миллиона. Фалька особенно радовало, что его клиент будет получать на 30 процентов больше самого Мэджика Джонсона.

Однако, когда дело дошло до официального объявления о перезаключении контракта, Краузе снова захотел сделать вид, что он победил: срок контракта решил обнародовать, а о сумме его умолчать. Фальк, конечно, встал на дыбы: зачем же объявлять, что Джордан повязан с клубом, возможно, до самого окончания своей спортивной карьеры, и не упомянуть при этом, что он самый высокооплачиваемый игрок НБА? В конце концов, спор решил Рейнсдорф: «Джейк, Дэвид прав. К чему нам играть в молчанку?»

Фальк ожидал, что пресс-конференция, посвященная новому контракту Джордана, станет историческим событием: как-никак речь шла о судьбе лучшего игрока лиги. Но на этой встрече с журналистами Краузе заявил всего лишь, что контракт – долгосрочный. С таким же успехом он, по мнению Фалька, мог бы говорить об игроке, не покидающем скамейку запасных. Один из репортеров спросил Краузе, почему контракт подписан на целых 8 лет. Краузе стал выкручиваться, уверяя, что точного срока он не упоминал. Репортер сказал, что этот срок указан в пресс-релизе, и вся встреча с журналистами оказалась скомканной. Одно было ясно: чем лучше выступает клуб, тем хуже материальные перспективы игроков.

Глава 18. Детройт, 1980-е гг.

Проблемой для «Буллз» стал взлет еще одной команды, бросившей вызов «Селтикс» – клубу Бёрда, Макхейла и Пэриша. Я имею в виду «Детройт Пистонс», где задавали тон Исайя Томас, Билл Леймбир и Адриан Дэнтли. «Пистонс» была жесткая команда, делавшая ставку на силовую борьбу, за что в НБА ее окрестили «Плохие парни». Играли детройтцы всегда на грани фола. «Детройт» – наш альбатрос, указывающий нам путь в океане, – поговаривал Джонни Бах, помощник Коллинза. – Пока мы его не побьем, нам нечего думать о выходе в финальную серию».

«Пистонс» сложился как отличный коллектив несколько ранее «Буллз». Главными архитекторами удачной перестройки стали генеральный менеджер клуба Джек Макклоски и тренер Чак Дейли, его близкий друг. Когда «Буллз» стали повышать уровень своей игры, они почувствовали, что «Пистонс» их все же опережает – и по сплоченности, и по физической подготовке, и по целеустремленности. Если в сезоне 1987/88 г. чикагцы приобрели двух выдающихся игроков, усиливших их слабый (за исключением, конечно, Джордана) состав, то в составе детройтцев, и без того очень приличном, появились годом ранее Джон Сэлли и Деннис Родман. Над чикагским стадионом повисла зловещая тень уже не Ларри Бёрда, лидера «Селтикс», и не Мэджика Джонсона, волшебника из «Лейкерс», а Исайи Томаса, лучшего игрока «Пистонс».

Взлет «Пистонс» начался в 1981 г., когда клуб, стоявший вторым в очереди за игроками с драфта, заполучил Исайю Томаса из университета Индианы. Он был сравнительно невысок – 6 футов 1 дюйм, но очень талантлив, сообразителен и бесстрашен. Как говорил Матт Добек, отвечавший в «Детройте» за связи с общественностью, если бы Томас вымахал под 6 футов 6 дюймов, из него получился бы второй Майкл Джордан. Первым в очереди в драфте тогда стоял «Даллас», но от его приглашения Томас увильнул, заявив на всю страну, что ему не хочется «вляпываться в это ковбойское дерьмо». Техасцы, разумеется, обиделись и взяли в свой клуб Марка Эгуайра. Если бы он, игрок талантливый, но не выдающийся, достался бы «Детройту» вместо Томаса, эта команда никогда бы не добилась ярких успехов.

Надо сказать, что Томас и в «Детройт» особо не стремился, но Джек Макклоски давил на него изо всех сил. Клубу был нужен именно такой опорный защитник, цементирующий всю команду.

«Но я не хочу играть у вас в Детройте, – сказал Томас во

время первой встречи с генеральным менеджером клуба. – Я предпочел бы Чикаго». – «Ладно, Исайя, – ответил Макклоски, – так или иначе, мы остановили выбор на вас, и тут уже ничего не поделаешь». – «А кому из ваших форвардов я буду делать передачи?» – «Не беспокойтесь, найдем кому», – заверил его менеджер.

Детройтцы сразу же поняли, какого ценного новичка они приобрели. При своем относительно невысоком для баскетболиста росте Томас настолько тонко чувствовал игру и так точно бросал по кольцу, что сразу же стал лидером команды и всегда диктовал темп матча. Он был быстр, легок и обладал несомненным шармом. Причем вырос он в негритянском гетто Чикаго – в районе, где большинство его сверстников становились наркоманами, а путь к материальному достатку почти для всех был закрыт. Закаленный в уличных драках, Исайя и в баскетболе оставался настоящим бойцом, хотя богатырским сложением не отличался. Но больше всего удивлял его природный ум. «Он сообразительней всех нас, вместе взятых», – говорил тренер Дейли.

А вот что поначалу не заметили окружающие, так это его неутолимую жажду успеха, прирожденное лидерство и незаурядную силу воли.

На своей самой первой пресс-конференции Томас сказал, что постарается поднять «Пистонс» до уровня «Селтикс» и «Лейкерс». Репортеры открыто смеялись над ним. А на первой тренировке в «Детройте» против него выставили Ронни Ли, игрока, физически очень мощного, не раз сурово наказывавшего соперников. Ли сразу же стал досаждать Томасу блокировками, возникая перед ним, как скала. Наконец Исайя сказал ему: «Еще раз так сделаешь – подеремся». Ли утихомирился. Да, подумал наблюдавший за тренировкой Макклоски, драка получилась бы весьма зрелищная.

Хотя Томас и не испытывал энтузиазма, попав в «Детройт», он тем не менее сумел привить клубу культуру игры. В университете Индианы, где он учился, была создана одна из лучших баскетбольных тренировочных программ в США, а тренировал Исайю выдающийся специалист Бобби Найт. Исайя, приученный к высоким требованиям и привыкший к определенным традициям, ничего подобного в «Детройте» не увидел. Решив не мириться с таким положением дел, он в первые годы своего пребывания в НБА постоянно посещал все матчи финальных серий чемпионатов лиги, пытаясь понять, в чем же секреты клубов-фаворитов. Впрочем, выведать эти секреты было не так-то легко. Близкий друг Томаса Мэджик Джонсон в те годы почти всегда играл в матчах серии «плей-офф», но, когда Исайя пытался «расколоть»

его, он довольно резко отвечал: «О том, как нужно выигрывать в матчах такого уровня, я тебе ничего не скажу. Научишься на собственном опыте».

Так как же все-таки докарабкаться до серии «плей-офф »? А если докарабкаться, то как там выиграть? Томас советовался не только с баскетбольными авторитетами, он говорил и с известными футбольными тренерами Элом Дэвисом и Чаком Ноллом. Постепенно он пришел к мысли, что в команде должен царить дух единомыслия. Ничего кроме победы – вот общая цель. Томас, в частности, обратил внимание на то, что игроки «Селтикс», ранее выступавшие за другие клубы, перебравшись в Бостон, психологически перестроились. Если раньше их больше волновали свои показатели (очки, подборы и прочее), то теперь они безоговорочно приняли концепцию командной игры. Отвергнув личные цели, они стремились к целям общим. Каждый четко исполнял свою роль, пусть даже и не столь значительную. Исайя подметил и такую деталь: если у клубов-фаворитов не было достойных соперников, они их «придумывали» – лишь бы почувствовать стимул к трудной победе.

В первый сезон Томаса в НБА «Пистонс» приобрел еще одного игрока – центрового Билла Леймбира из «Кливленда». Поначалу никто не думал, что он удачная находка, которая впишется в костяк команды, стремящейся к чемпионскому титулу. В свои студенческие годы Билл выступал за сборную колледжа Нотр-Дам. Макклоски, видевший тогда его в игре, посчитал его слишком медлительным, неуклюжим и бесталанным. Затем Билл уехал в Европу, где отшлифовал свое мастерство, а вернувшись в Штаты, стал играть за «Кливленд», работая в основном на нападающего Джеймса Эдвардса. Макклоски, рыская по всей лиге в поисках пополнения состава своего клуба, с удивлением заметил, что Леймбир сильно переменился к лучшему. Он очень неплохо бросал по кольцу, хотя, как говорил Чак Дейли, подпрыгивал не выше чем на два дюйма, был на редкость хорош в подборах, чувство позиции у него выработалось отличное. Конечно, как и всякий великан, он имел свои природные недостатки, но у «Пистонс» и такого центрового не было. Макклоски и Дейли решили: пусть этот верзила и медлителен, но зато точно бросает по кольцу, выигрывает подборы. Возьмем его, а те, кто пошустрее, будут ему помогать. В итоге сделка с «Кливлендом» состоялась.

Вскоре Макклоски и Дейли заметили, что Билл не испытывает особой страсти к игре как таковой. Дейли решил даже, что он вообще не любит баскетбол. На тренировках Леймбир откровенно ленился, а перед матчами часто жаловался

на психологическую усталость. После тренировок он первым покидал спортзал, в то время как другие игроки задерживались в нем, отрабатывая броски.

Но вот в чем нельзя было отказать Леймбиру, так это в спортивном азарте. Может, он действительно не любил баскетбол – его просто интересовала победа. Как считал помощник старшего тренера Дик Хартер, Билл стремился доказать всем, что он не просто заурядный центровой, медлительный, не слишком ловкий (да еще белокожий!), а баскетболист, который способен играть в НБА на высочайшем уровне. В итоге Леймбир и Томас составили основу обновленной команды, принесшей заслуженные лавры Джеку Макклоски. Большинство ее игроков не были звездами и к тому же сильно отличались друг от друга по манере игры, но, что удивительно, собранные вместе, они представляли собой нечто выдающееся.

Иметь дело с Леймбиром было нелегко. В обыденной жизни он слыл настоящим грубияном, а на площадке часто вел себя как дворовый забияка. Репортеров он ненавидел и, когда перед матчами время, отпущенное журналистам, истекало, вслух отсчитывал: «Так, писаки, 50 секунд… Теперь уже 30… Все, убирайтесь к чертовой матери!»

Играл он грязно, причем сознательно, понимая, что иначе, при его ограниченных спортивных данных, ему в лиге долго не удержаться. Любил похвастаться удачными бросками, совершенными из крайне неудобного положения, приговаривая при этом: «В баскетболе главное – мыслить, а не бегать». На выездных матчах местные болельщики встречали его с неприязнью, да и игроки других команд его недолюбливали, полагая, что он всегда не прочь нанести им серьезную травму, сделав это как бы случайно.

Нелегко с ним было и его товарищам по команде, и тренерам его клуба. Казалось, что он всегда находится в плохом настроении. Он намеренно грубил тренерам, даже Дейли, который столько для него сделал. Когда между старшим тренером «Детройта» и игроками происходили какие-то стычки, Леймбир никогда не занимал сторону Дейли, наоборот, в открытую противостоял ему. Дейли, впрочем, с этим мирился: человека не переделаешь. С партнерами по команде Леймбир был резок и груб. Когда его упрекали в этом, он обычно отмахивался: «Когда я закончу играть здесь, вряд ли я захочу, чтобы кто-нибудь из этих ребят остался моим другом». Но каким бы противным нравом Билл ни отличался, тренеры и партнеры не могли не отдать ему должное: на матчах он выкладывался вовсю и обладал необычайно тонким пониманием игры.

Впервые очутившись в тренировочном лагере «Детройта», Леймбир и Томас оказались соседями по комнате. Исайя подумал, что нет, наверное, на свете человека, столь разительно отличающегося от него, сколь Билл. Высокий, белый, выходец из верхних слоев среднего класса. Папаша Билла был главой какой-то компании, и про Леймбира поначалу говорили, что он один из тех редких игроков НБА, которые зарабатывают меньше своих отцов. Билл был атеистом и сторонником республиканцев, в то время как выросший в черном гетто Исайя был очень религиозен и свои симпатии отдавал демократам. Тем не менее они нашли общий язык. В особенности Томасу нравилась одержимость Леймбира – его увлеченность политикой и стремление всегда побеждать. Исайя решил, что они вполне могут подружиться, а главное – сформировать костяк обновленной команды. Дик Хартер заметил позднее: «Эти двое были умнейшими игроками, которых я когда-либо видел. Команда обрела не просто психологическую стабильность – это еще ничего не значит. У нас наладилась умная, тонкая коллективная игра».

Потихоньку дела в «Детройте» налаживались, однако, по мнению Томаса, процесс обновления шел слишком медленно. Поскольку талантливых партнеров у него было мало, то впервые свои сезоны он слишком часто брал игру на себя, совершая больше бросков, чем требовали от него тренеры. Например, за второй сезон он бросал по кольцу более 1500 раз (на 300 раз больше, чем в сезоны, когда детройтцы выигрывали чемпионаты). Дейли требовал от Исайи, чтобы он чаще делал результативные передачи партнерам, но Томас, как и Джордан несколько позднее в Чикаго, не очень-то полагался на товарищей по команде. И не без причин. Пару раз, тяжело переживая горечь поражений, Томас вообще хотел навсегда уйти из баскетбола. Однажды Дейли в панике позвонил его помощник Майк Абденур и попросил его немедленно прийти к нему и поговорить с Исайей, который сейчас находится в его офисе и твердит, что распрощается с баскетболом немедленно и на всю жизнь. Прибежавший Дейли спросил Томаса: «А чем ты займешься, если завяжешь со спортом?» – «Вернусь в колледж, чтобы доучиться и получить ученую степень в криминологии». – «Степень магистра?» Исайя ничего конкретного ответить не мог. «Ну, даже если магистра, то сколько тебе будут платить?»

Томас снова не дал ответа, но в одном он был уверен. «Не могу больше мириться с проклятыми, обидными проигрышами, – твердил он. – Еще одна такая игра, как сегодня, и я просто сдохну».

Дейли не стал его уговаривать, решил, что все обойдется.

Предложил Исайе хорошо обдумать свое решение. Он знал, что спортивный азарт Томаса не позволит ему расстаться с баскетболом, а его временные депрессии – обратная сторона медали, то есть его любви к игре и страсти к победам.

Еще одним ценным новобранцем «Пистонс» стал Винни Джонсон, великолепный атакующий защитник, приобретенный в результате сделки с «Сиэтлом». У того клуба и так хватало хороших защитников, поэтому Винни проводил на скамейке запасных гораздо больше времени, чем того заслуживал. А в «Детройте» он пришелся очень даже к месту, а в спортивном азарте и страсти к победам он не уступал Томасу и Леймбиру. С этого момента детройтский клуб быстро пошел в гору. В следующем сезоне он победил уже не в 21 встрече, а в 39. Затем наступил временный спад, а в середине 80-х гг. команда снова стала выглядеть на редкость сплоченной и отлаженной. Во многом этому способствовала удача в очередном драфте – клубу достался Джо Думарс из университета штата Луизиана. Рослый парень был неплохим снайпером и одновременно надежно играл в защите. Для дуэта с Томасом он подходил идеально, эффективно действуя и в нападении, и в обороне.

В том же году «Пистонс» приобрели также Рика Махорна, рослого, мощного атлета. Особым талантом он не отличался, но тренеры его любили за дружелюбность, чувство товарищества, легкий нрав и отличное чувство юмора. Рик умудрялся со всеми быть в прекрасных отношениях. Он постоянно заботился о партнерах моложе его по возрасту, которым терпеливо и толково объяснял превратности жизни в мире профессионального баскетбола. С появлением Рика Махорна команда стала гораздо лучше чувствовать себя в повседневной жизни. Общее настроение заметно поднялось, всем стало веселее. Однако на площадке соперники его побаивались. Чувствуя за спиной мощную поддержку Махорна, Леймбир, умевший хорошо сыграть в подборе, но мало кого пугавший, прямо-таки расцвел.

Годом позже «Детройт» совершил удачный обмен с «Ютой», отдав ей Келли Трипаку, хорошего снайпера, но плохо действовавшего в защите и получив взамен Адриана Дэнтли, сыгравшего за свою спортивную карьеру шесть матчей с участием всех звезд. Сравнительно невысокий для нападающего, он отличался недюжинной силой и смелостью, а в игре на «нижнем этаже» был непревзойден. Дэнтли, может, не слишком удачно дополнял такого скоростного игрока, как Томас, но он, несомненно, придал мощь атакам «Пистонс». Неизменно прорываясь к корзине, Адриан вынуждал соперников нарушать правила и зарабатывал для команды штрафные броски. Боб

Райан, спортивный обозреватель газеты «Бостон глоб», всегда подсчитывал, сколько раз поразил Дэнтли кольцо соперников с игры и сколько – со штрафных. Однажды он написал следующее: «На его могиле будет начертано: «Здесь лежит великий Дэнтли. Его рекорд – 9, 28, 46, что означает 9 точных двухочковых бросков с игры и 28 – со штрафных, а в общей сумме – 46 очков». Макклоски стиль игры Дэнтли нравился именно за его умения провоцировать соперников на фол: пока он выполнял штрафные броски, его партнеры успевали спокойно организовать оборону.

В 1986 г. «Пистонс» обрели еще двух новых игроков, позволивших команде вплотную приступить к гонке за чемпионское звание. В том драфте детройтцы числились где-то в середине очереди, но выбор новичков был богатый. Клуб приобрел Джона Сэлли, высокого и подвижного специалиста по блок-шотам, а также Денниса Родмана, о котором все в «Детройте» мечтали. Руководство клуба успело уже прослышать о молодом атлетически сложенном парне, студенте Оклахомского университета. Макклоски, увидев его как-то в игре, сразу же положил на него глаз. Быстрый и прыгучий, Деннис внешне напоминал скорее легкоатлета, случайно попавшего на баскетбольную площадку. Когда он бежал, казалось, что он не затрачивает никаких усилий.

Макклоски уловил в нем также огромное желание занять прочное место на баскетбольном Олимпе. «Это сразу меня в нем привлекло, – рассказывал менеджер «Детройта». – Честолюбие буквально светилось в его глазах. Парень прошел трудную школу. Многие не признавали его талант, насмехались над ним. А сейчас у него появился реальный шанс доказать всем, что он сильнее многих, которых уже записали в звезды. Его уже ничто не остановит».

Таким образом, клуб сколотил неплохой коллектив. Оба «первогодка» были явно талантливые ребята, и у тренера Дейли появилась хорошая возможность варьировать состав в зависимости от хода матча. Ни одна команда не могла сравниться с детройтцами в яростной борьбе под щитом (это место на площадке Джонни Бах называл «прудом, где кишат аллигаторы»). Здесь Леймбир, Махорн, Сэлли и Родман просто-таки творили чудеса. «Пистонс» могли приспособиться к любой команде и найти против нее оружие. Баскетболисты клуба одинаково хорошо играли и в нападении, и в обороне. Детройтцы, как отметил Матт Добек, отвечавший в клубе за связи с общественностью, чаще других команд вели по ходу игры с разрывом в пять или более очков. Имея к концу матча такое преимущество, они выстраивали мощную оборону и доводили

встречу до победного конца.

Соперники крайне неохотно выходили на матчи с «Детройтом». Их ожидала нелегкая борьба с игроками, физически сильными и быстрыми. Леймбира считали хитроумным трюкачом, способным обмануть любого приставленного к нему «сторожа». К мнению публики он был совершенно равнодушен. Когда на выездных матчах трибуны неодобрительно гудели в его адрес, Билл сохранял олимпийское спокойствие. Вскоре команда получила неофициальное название – «Плохие парни». Оно навеяно репликой Аль Пачино из фильма «Лицо со шрамом». («Подойди сюда и поздоровайся с плохим парнем – парня хуже, чем я, ты больше в жизни никогда не увидишь!») В сезон 1988/89 г. «Детройт» потратил на штрафы более 29 тысяч долларов. Второе место заняли грубияны из «Портленда», разорившие свой клуб всего на 10 с половиной тысяч долларов. Троица Леймбир – Родман – Махорн была оштрафована на общую сумму 11 тысяч долларов. Ни одна другая команда НБА «не догнала» всего лишь трех задир.

Тренировки в клубе стали интенсивней и насыщенней, а тренировочные игры проходили порой в более жесткой борьбе, чем многие официальные матчи в НБА. Дейли требовал от игроков полной отдачи – в противном случае рассчитывать на успехи в чемпионатах нечего. Все, впрочем, с ним соглашались. «Мы были последними баскетбольными гладиаторами», – вспоминал потом Исайя Томас. Для такой команды Дейли являлся, можно сказать, идеальным тренером. Он обладал незаурядным умом и отличным чувством юмора. Жизнь его в баскетболе складывалась нелегко. Начав тренерскую карьеру с работы в сельской средней школе где-то в Пенсильвании, которой он отдал восемь лет, Дейли затем долго трудился в провинциальных колледжах, причем чаще занимал пост не старшего тренера, а его помощника. Наконец-то его талант, труд и накопленный опыт заслуженно окупились. Успех не вскружил ему голову. Старший тренер или один из его помощников, миллионная зарплата в год или значительно меньшая – всему этому он значения не придавал. Он просто жил баскетболом и обречен был не расставаться с ним до конца своих дней. Кстати, работу в «Детройте» он получил лишь потому, что никто из его коллег не хотел связываться со столь слабой командой, какой она была в те времена. За несколько лет до прихода Дейли в «Детройт» он однажды столкнулся на одном мероприятии с Бобом Райаном. Дейли тогда как раз искал работу, поскольку его только что уволили из «Кливленда», где он трудился недолго (клуб этот тогда считался одним из худших в НБА). Дейли далеко

не оптимистично смотрел на свое будущее. Поделившись своим бедами с Райаном, он сказал: «Мне уже 50, а сейчас на хорошую работу берут молодежь. Кому нужны такие старики, как я?»

Теперь же благодаря успехам его команды к нему пришли и слава, и деньги. В клуб потекли средства, полученные от телевизионных станций и рекламодателей, среди которых были даже владельцы магазинов одежды. Кстати, об одежде. Разбогатев, Дейли преобразился в настоящего щеголя. «Наш богатенький папаша», – добродушно называли его за глаза игроки.

Дейли довольно рано усвоил сложные уроки жизни в мире баскетбола. Он никогда не забывал, что баскетбол не война на выживание, а просто игра, всего лишь небольшая часть человеческой комедии. Ирландские корни его происхождения вселили в него весьма скептическое отношение к происходящему вокруг. Не случайно известный ирландский поэт и драматург Уильям Йейтс (1865-1939) заметил как-то, что даже и счастливые мгновения его соотечественники радуются тому, что на новом повороте жизненной судьбы их подстерегает еще одна трагедия.

Примерно то же самое и случилось с «Пистонс» в сезоне 1986/87 г., когда они только что приобрели Сэлли, Родмана и Дэнтли. Грозный «Селтикс» начал тогда сдавать и хотя и выиграл в том сезоне 59 встреч, «Детройт», одержавший меньшее число побед – 52, выглядел сильнее и свежее. Его игроки были моложе, и скамейка запасных предоставляла тренеру больший выбор. Хотя «Детройт» и уступил «Селтикс» в серии «плей-офф» Восточной конференции, тем не менее всем ясно было, что он находится на подъеме и вскоре именно он, а не бостонский клуб станет лидирующей командой на Восточном побережье США. Годом позже это и произошло: «Пистонс» победил «Селтикс» и вышел в финальную серию, где тоже мог бы стать победителем, если бы не обидная травма, постигшая Исайю Томаса в шестой встрече.

Детройтцы в те времена были очень неудобной командой для «Быков», которые тогда только еще находили зрелую игру. Молодые игроки чикагцев были, безусловно, талантливы, но для того чтобы стать чемпионами, им еще не хватало психологической устойчивости и физической выносливости. Для команды, еще набиравшей силу, «Детройт» был, конечно, грозным соперником. Он всегда мог нащупать уязвимые места противника и умело этим воспользоваться. Детройтцам играл даже на руку и неудержимый спортивный азарт Майкла Джордана. Чак Дейли создал оборонительную систему, назвав ее «сюрприз для Джордана». Она вынуждала Майкла играть на пределе своих физических возможностей, и он, будучи прирожденным бойцом,

легко на эту приманку купился. И, как он ни старался, чуть-чуть для победы над «Пистонс» его неимоверных усилий не хватало.

Хотя «Пистонс» уже были готовы сместить бостонцев на пьедестале Восточной конференции, мудрый Чак Дейли понял, что их царствование будет недолгим. Воли к победе и одаренности игроков может для этого и не хватить. В следующем драфте им уже так не повезет, а у «Буллз» (Дейли в этом не сомневался) появилась будущая суперзвезда – Скотти Пиппен. Скоро чикагцам не придется рассчитывать лишь на Майкла Джордана, приносящего команде за матч 40 или 50 очков. У него появятся прекрасные партнеры. И предвестник перемен – именно Скотти Пиппен. Может, он еще не готов к своей будущей роли, но, потренировавшись вместе с Майклом Джорданом, он поймет что к чему.

Глава 19. Чикаго, 1988-1990 гг. Нью-Йорк, 1967-1971 гг.

К 1988 г. чикагцы все же сообразили, что для победы над детройтцами им нужен хороший центровой гигантского роста. У «Пистонс» был Леймбир, которому помогали Джеймс Эдвардс, а также Махорн, Сэлли и Родман. У «Буллз» были два очень хороших ударных форварда, но они не могли положиться на надежного центрового. Дэйв Корзайн, конечно, вовсю старался, но мастерства ему не хватало, чем он вызывал постоянное негодование болельщиков. Джерри Краузе, внимательно изучавший список игроков, стоящих в ближайшем драфте, и учитывавший шансы своего клуба на их приобретение, пришел к неутешительному выводу. В списке числились Рик Смитс, гигант ростом 7 футов 4 дюйма, игрок довольно техничный, но еще «сырой», хотя и считался среди центровых кандидатом номер один, а также Рон Сейкали и Уилл Пердью. Заполучить последнего у «Буллз» было больше всего шансов, но выйдет ли из него центровой, который поможет команде обрести чемпионский титул, – этого еще никто не знал.

Краузе решил плюнуть на драфт и присмотреть центровых, уже игравших в лиге. Его внимание привлек нью-йоркский клуб «Никс», куда недавно взяли Патрика Юинга, в результате чего в команде оказалось сразу два центровых – Патрик и ветеран клуба Билл Картрайт. Они друг с другом не поладили, так что Краузе подумал, не приобрести ли Картрайта. Менеджер «Буллз» составил план. Хотя Чарльз Оукли уже два года числился вторым в НБА рекордсменом по подборам, одновременно рос на глазах талант Хораса Гранта, игрока более способного и к тому же универсального. Его уже нельзя было долго держать на скамейке запасных, следовательно, стоило продать Оукли. Краузе пытался сбыть его, чтобы заполучить права в драфте на приобретение Смитса, но план его не удался. Тогда Джерри занялся Картрайтом, который пришел в лигу уже в ранге звезды – еще играя в колледже, он попал на обложку журнала «Спортс Иллюстрейтед». Правда, сложение у него было не слишком подходящее для НБА. Высокий и стройный, он был узкоплеч и далеко не так мускулист, как Юинг. Но, как говорится, внешность обманчива. На самом деле Картрайт был жестким умным игроком и, вопреки своим физическим недостаткам и, соответственно, стандартам НБА, лучше играл в защите, чем в нападении. Картрайт, отличавшийся живым умом, внимательно изучал

действия более талантливых центровых, против которых ему приходилось выступать, и в результате стал очень цепко играть в обороне. Именно такой игрок и нужен был «Буллз».

У Картрайта были проблемы с ногами – сказывались последствия многочисленных травм. Поэтому врачи «Буллз» тщательно его обследовали. Краузе впоследствии вспоминал, что эта сделка была самой сложной и трудной в его жизни. Итак, он решил расстаться с Оукли. Делал он это с большой неохотой: Оукли был отличным игроком и прекрасным парнем. Поскольку у Картрайта никак не заживали старые травмы, Краузе, когда начался драфт 1988 г., действовал крайне осторожно. Он остановил свой выбор на Пердью. Вообще-то он предпочел бы Сейкали из Сиракьюсского университета, игравшего более агрессивно, но его успел перехватить другой клуб.

Так уж случилось, что руководство «Буллз», занятое интригами в драфте, не предупредило заранее Оукли о своем намерении обменять его на Картрайта. Оукли же в этот день отправился вместе с Джорданом, который из всех партнеров был самым близким его товарищем, в Лас-Вегас – на боксерский поединок с участием Майка Тайсона. Именно там из газет они узнали эту новость. Оба пришли в бешенство, причем Джордан был даже более разъярен, чем Оукли.

Оукли в команде выполнял функции полицейского, избранного товарищами. Он следил за порядком на тренировках и всячески опекал Майкла. Например, если кто-то давал Джордану неточный пас или отпускал в его адрес язвительное замечание, Оукли набрасывался на того чуть ли не с кулаками. И вот теперь Майкл расстанется с ним. И зачем клубу этот Картрайт, чего в нем хорошего как в игроке?

Вернувшись в Чикаго, Джордан спросил Баха: «Ну, Джонни, кто же у нас будет новым «копом»? – «Может, Хорас Грант?» – предположил Бах. «Черт побери, с Хорасом я и сам справлюсь, – ответил Джордан. – Ему ли меня защищать?»

Джордан не уважал Картрайта ни как человека, ни как игрока. «Пациент Билл» – так он прозвал его, с намеком на то, что не стоило брать в клуб игрока, которому не дают покоя старые травмы. Полагая, что Картрайт плохо обращается с мячом, он на тренировках намеренно давал ему сверхсложные пасы, тот, естественно, часто ошибался при их приеме, а Джордан торжествовал: я же, мол, говорил. А в результате оказалось, что ни в ком Майкл так не ошибался – как в игроке, так и в человеке – как в Билли Картрайте. Правда, свою ошибку Джордан осознал лишь спустя два года. Картрайт оказался именно тем, кого так недоставало «Буллз» – высокотехничным и прекрасно видящим

площадку «великаном». Недостатки у него были: он, действительно, не слишком виртуозно обращался с мячом, да и его игра в нападении со временем потускнела – старые травмы все же сказывались. И все же он оставался игроком умным и цепким, благодаря чему в защите был надежен. Однако, несмотря на появление Картрайта, тот год для «Буллз» выдался нелегким.

Где-то в середине сезона 1988/89 г. Дуг Коллинз, тренировавший команду уже третий год, почувствовал, что в ней и в его отношениях с игроками происходит что-то неладное. Это был трудный сезон. В прошлом сезоне «Буллз» победили в 50 матчах, а сейчас, с приходом Картрайта, казалось, что они должны добиться еще больших успехов. Коллинз, наверное, был идеальном тренером для такой молодой команды. Он вложил много сил в Гранта и Пиппена, и, судя по всему, они заметно прогрессировали. Но Коллинз совершил одну ошибку. Сезон в НБА долгий и напряженный, и нельзя было так загонять парней. Помощники Коллинза предостерегали его: не нужно так болезненно воспринимать поражения, в НБА так было не принято: спорт есть спорт, и загадывать никогда нельзя.

Но Коллинз не собирался плыть по течению. «Какой я уже есть, таким и останусь и провожу тренировки на свое усмотрение», – всегда говорил он. И вот из-за его «драйва» заряда и повышенной эмоциональности игроки как-то потускнели. Они начали жаловаться на него, на резкие перемены в его настроении. То весь день он на них кричит, то обнимается с ними, объясняясь в любви. Нарушилась психологическая атмосфера, обычная для клубов НБА.

Эмоциональные всплески и перепады позволяются лишь игрокам, а тренер всегда должен быть невозмутим и хладнокровен. Только тогда он способен создать в коллективе нормальный климат. Майкл Джордан воздерживался от публичных высказываний: родители достаточно хорошо его воспитали, чтобы он не спорил со старшими.

Авторитет боссов был для него непререкаем (исключение составлял лишь Краузе), однако товарищи Майкла по команде почувствовали, что он не слишком одобряет поведение Коллинза. Впрочем, он и сам говорил друзьям: «Слишком молод наш тренер – эмоции перевешивают у него рассудок».

Как раз в то время разладились отношения между Коллинзом и Краузе. Когда Коллинз пришел в клуб, там уже заранее знали, что, во-первых, его помощником будет Текс Уинтер, а во-вторых, что избранная в свое время Уинтером тактика нападения (тройка форвардов располагается треугольником) останется неизменной. Кстати, именно Уинтер, который из всего тренерского состава

клуба был в наиболее близких и давних отношениях с Краузе, дал окончательное «добро» на назначение Коллинза старшим тренером. А в свое время Уинтер стал первым из тренеров «Буллз», кого нанял Краузе. Это произошло в 1985 г. в день, когда было официально объявлено о том, что Краузе стал генеральным менеджером чикагского клуба, Уинтер, которому было тогда 63 года, смотрел, как всегда, по телевизору спортивные новости. Вдруг он, тыча пальцем в экран, закричал жене: «Скорей иди сюда! Взгляни на того парня. Это Джерри Краузе. Готов поклясться – в течение ближайших 24 часов он позвонит мне и предложит у него работать!» Так на самом деле и случилось.

Фирменная «треугольная» атака Уинтера включала в себя множество вариантов. Игроки должны были меняться местами, занимая различные позиции, и постоянно оказывать сильное давление на оборону соперников, выискивая в ней слабые места. Уинтер надеялся, что при такой схеме атака будет строиться не только на индивидуальном мастерстве Джордана, но и на стараниях других игроков. Однако эта идея оказалась неудачной.

Майклу Джордану такая тактика вовсе не нравилась. Скептически отнесся к ней и Коллинз. Вскоре от нее вообще отказались, и вся игра снова строилась на Джордане. Впрочем, Коллинз все же варьировал тактику. Когда в очередной встрече соперники «Буллз» играли в неудобной для них манере, он уже на другой день вырабатывал противоядие, используя во многом тактику вчерашних противников.

В третий год пребывания Коллинза на его посту на тренировках можно было наблюдать странную сцену. Как водится, все тренеры сидели вместе, лишь Текс Уинтер садился подальше и делал в блокноте какие-то заметки. Его вполне можно было принять за специалиста из другого клуба, приехавшего изучать методику, принятую в «Буллз». Такое его поведение выглядело дурным предзнаменованием, и однажды Уинтер сказал Коллинзу: «Знаете ли, Дуг, меня удивляет, как вы, такой умный человек, не понимаете, что вы делаете».

Хуже того – испортились отношения между Коллинзом и Краузе. Началось все со споров по поводу приоритетов в выборе новобранцев. Разногласия между тренером и менеджером обострились в связи с обсуждением кандидатур Брэда Селлерса и Джонни Доукинза. Затем были и другие поводы для серьезных споров. К 1988 г. противостояние достигло апогея. Коллинз, никогда не умевший скрывать свои эмоции, все высказывал в открытую. Зачем Краузе постоянно путается под ногами у тренеров? Зачем он все время ездит с командой на выездные матчи? Краузе ссылался на то, что он все же генеральный

менеджер. Коллинз в ответ парировал: генеральному менеджеру не обязательно сопровождать команду во всех ее перелетах – такая назойливость ни к чему. Да и присутствие Краузе на тренировках тоже раздражало Коллинза. Увидев его в зале, он всегда кричал: «Что вы здесь делаете? Какая от вас тут польза?»

Фил Джексон почувствовал, что ситуация становится опасной. Сам он ладил со всеми. Он был в прекрасных отношениях с Джонни Бахом, который преподал ему множество полезных уроков. Джексон испытывал столь же теплые чувства к Тексу Уинтеру и даже ладил вроде бы с Джерри Краузе. Он, конечно, знал все его недостатки, но ценил его ум (хотя бы за то, что все-таки именно Краузе додумался его нанять) и легко с ним уживался. У Джексона даже была перспектива стать со временем старшим тренером клуба. Однако почти десять лет спустя, в 1997 г. выяснилось, что Краузе присмотрел в штате Айова тренера Тима Флойда и собрался взять его на место Джексона. Филу сообщили, что Джерри просто без ума от Флойда. Джексон, подумав секунду, отреагировал: «Когда-то он был без ума и от меня».

В общем, в сезоне 1988/89 г. все началось разваливаться. Одним из тревожных сигналов стала накануне Рождества игра «Буллз» в Милуоки. Коллинза перед этим матчем от должности временно отстранили, и он передал бразды правления Джексону, тщательно предписав ему, что и как делать. «Буллз» находились тогда не в лучшей форме, и Джексон, аккуратно записав наставления Коллинза, пошел на риск, предоставив своим подопечным свободу – пусть, мол, сами определят ритм игры. «Буллз» в результате победили. Что особенно болезненно воспринял Коллинз, так это то, что Краузе и его жена Тельма пригласили жену Джексона Джун сесть рядом с ними на трибуне стадиона. Все чикагские телезрители это, конечно, отметили. «Зря я приняла их приглашение – это настоящая политическая ошибка», – сказала Джун Джексон через несколько лет, когда ее муж окончательно разругался с Краузе. А поводом для этой реплики послужила свадьба падчерицы Джерри. На торжества были приглашены все тренеры клуба вместе с женами и даже Тим Флойд из Айовы (тоже с женой), а вот Джексонов об этом событии даже не известили. О том, что состоится свадьба, они узнали случайно. Шери, жена Билла Картрайта, позвонила Джун, поинтересовавшись, в каком наряде она явится на прием.

Но это было позже. А тогда присутствие Джун Джексон на трибуне рядом с четой Краузе разъярило Коллинза. Для него это выглядело каким-то заговором. На следующий день он открыто обвинил Джексона в том, что тот подрывает его авторитет, а

заодно ставит под сомнение всю его философию баскетбола. Кроме того, он заявил, что Джексон вместе с Краузе затеяли против него серьезную интригу, что в принципе было не так. Вскоре состоялась долгая и малоприятная беседа Коллинза с Краузе и Джексоном, в результате которой отношения между старшим тренером и его помощником окончательно разладились.

Через несколько недель Джексон полетел в Майами на матч, где ему нужно было присмотреться к потенциальным новобранцам «Буллз». Но случилось так, что на игру он опоздал. На следующий день ему позвонил Краузе и предупредил, чтобы до конца сезона он подобных оплошностей больше не допускал. Это пожелание менеджера прозвучало довольно зловеще. А тут еще и для команды конец сезона сложился неудачно: из оставшихся десяти матчей «Буллз» проиграли восемь. Руководство клуба рассчитывало, что в том сезоне чикагцы одержат примерно 55 побед. На самом же деле «Буллз» победили лишь в 47 встречах. По окончании сезона Дуга Коллинза уволили, и место старшего тренера занял Фил Джексон.

Фил этого даже не ожидал. Он полагал, что на смену Коллинзу придет Билли Маккинни, которому покровительствовали и Уинтер, и Краузе. Но Билли предложили хорошую работу в «Миннесоте», и он ушел в тот клуб, не дожидаясь благословения Краузе. Джексону было тогда 44 года. Перед тем как принять окончательное решение о его утверждении на столь ответственный пост, Джерри Рейнсдорф позвонил Биллу Брэдли, ставшему к тому времени сенатором США. Владелец «Буллз» знал его с давних времен, они вместе участвовали в политических играх демократической партии. «Как ты думаешь, хороший ли старший тренер выйдет из Джексона?» – спросил Рейнсдорф. Брэдли ответил утвердительно: «Он думает о команде в целом, но при этом видит в каждом игроке индивидуальность. Это тебе не сержант морской пехоты, который старается всех подогнать под одну гребенку. Он в каждом ценит личность – в этом его большое преимущество».

Джексон, кстати, к тому времени стал вполне респектабельным джентльменом. Никто уже не принимал его за стареющего хиппи. Уже в первый год работы в «Буллз» он появлялся на людях тщательно выбритым. На второй год он позволил себе отрастить усы, но это в НБА не возбранялось. Если же мы взглянули бы на его фото, снятые за последующие десять лет, то удивились бы, насколько быстро он седел – то ли гены, то ли изнурительно нервная работа.

С годами Джексон увлекся буддистской философией, но это не помешало ему оставаться бескомпромиссным бойцом на ниве

баскетбола. У него было своеобразное раздвоение личности. Впрочем, и в обыденной жизни он сохранял бойцовский дух, привитый ему с детства. Не зря же его мать всегда подстегивала его стремиться к большему. Когда Филу было два года, она с определенным намеком говорила ему, что лексикон его старшего брата в таком возрасте составлял около тысячи слов. Так что Фил с ранних лет привык ставить перед собой большие цели.

С годами Фил Джексон разошелся с родителями в религиозных убеждениях, хотя и не в той мере, что его братья. Чак Джексон вообще отверг все идеи христианства, а Джо Джексон, по образованию психолог, увлекся восточными религиями – причем в большей степени, чем Фил. Фил же с годами пришел к религии, которая представляла собой замысловатую смесь христианства, дзен-буддизма и верований американских индейцев.

Религиозные убеждения Джексона явились результатом его тридцатилетних духовных исканий, в ходе которых он пытался объединить в одно целое вопросы религии и этики. В итоге он создал для самого себя некий кодекс поведения, где поставил во главу угла терпимость по отношению к окружающим.

Он выработал в своем характере черты, основанные скорее на общечеловеческих ценностях, чем на материальных соображениях. Джексон хотел наслаждаться не благами потребительского общества, а нечто большим, хотя, конечно, как преуспевающий тренер, он не был обделен земными радостями. Излюбленной фразой его матери была «Единственный, кто знает ответы на все вопросы, – это Иисус Христос». Однако он относился к таким категорическим утверждениям весьма скептически. Мать, правда, никогда не теряла надежды, что ее сын вернется в лоно традиционной церкви. Несколько лет назад известного журналиста Гарри Уиллса попросили представить Джексона широкой чикагской аудитории. Гарри первым делом позвонил матери Фила Элизабет и, чтобы узнать кое-какие подробности, поговорил с ней о ее сыне. Заканчивая беседу, Элизабет сказала: «Скажите, пожалуйста, моему сыну, что я все же надеюсь, что когда-нибудь он вернется домой и станет священником».

Надежды матери, разумеется, не сбылись. В своих духовных поисках Джексон пытался в той или иной форме остаться христианином, но религиозные догмы, которые ему прививали в детстве, он решительно отвергал. Весной 1998 г. Джексон отправился в кинотеатр посмотреть «Апостола», блестящий фильм, где Роберт Дюваль играл евангелистского священника. Усаживаясь в кинозале рядом с мужем, Джун почувствовала, что

все его тело напряжено. По мере того как действие в картине разворачивалось, Фил все более и более «окаменевал». Видно, фильм затронул какие-то тайные струны его души. Бывая в родных краях, Джексон посещал церковь своих родителей: ему не хотелось огорчать мать и нарушать обещание, данное отцу, когда тот был при смерти. Однако чувствовал он там себя неприкаянным.

Как-то несколько лет назад в Бигфорке, штат Монтана, местный священник, обращаясь к прихожанам, призвал их еще крепче уверовать в Христа и добавил, что среди них находится один очень известный человек (это был Джексон), который удостоился многих мирских почестей. «Но эти почести, сын мой, не приведут тебя в царство Божие. Ты слышишь, как Христос тихо говорит тебе: «Возвращайся в дом родной, грешник»?»

Слова священника больше взволновали Джун, чем Фила. «Джун, – успокаивал он жену, – священник попросту выполняет свои обязанности. Одна из них – заставить меня почувствовать свою вину».

Детство Фила проходило в строгой, даже суровой атмосфере. Там, в Северной Дакоте, сама земля неласковая, да и родители мальчика отличались несгибаемым религиозным фундаментализмом. Билл Брэдли, товарищ Фила по нью-йоркскому клубу «Никс», на всю жизнь оставшийся его другом, сам происходил из хорошей, крепкой семьи уроженцев Среднего Запада. Он вспоминал, как после первого сезона Джексона в «Никс» он приехал погостить к нему в Северную Дакоту. Он быстро понял, что детство их прошло примерно в одинаковых условиях – неприхотливый быт, почитание старших и прочее. Однако Джексон каким-то странным образом воплощал в себе людскую разобщенность, постоянное одиночество. Такого Билл еще не видел. Колеся вместе со своим другом но равнинам Северной Дакоты, Брэдли испытывал ощущение, что вокруг простирается лунный пейзаж. Люди здесь были болле разобщены, чем даже жители сельской глубинки штата Миссури.

Человеческой речи почти не слышалось. Когда друзья проехались по нескольким маленьким городишкам, Брэдли очень четко представил себе, в какой обстановке прошло детство Джексона. Собственно говоря, примерно в такой же обстановке прошло детство и самого Брэдли, только в другом штате – Миссури, в местечке с громким названием Хрустальный город. «Да, Фил такой же, как я, – подумал Билл, – но в нем сильнее сидит чувство одиночества».

Родители Джексона, Чарльз и Элизабет, оба были пятидесятники – представители харизматического религиозного

движения, прокатившегося по стране после Первой мировой войны. Отец Билла был родом из Восточной Канады, мать родилась на Западе США, а познакомились они друг с другом в Виннипеге, в центральном колледже Священного Писания. В церквях, куда их забрасывала судьба, отец вел утренние службы, а мать – вечерние. Как вспоминал Фил, в их проповедях слишком часто упоминался адский огонь, ожидающий грешников. Никто из них в семье не ходил ни в кино, ни на танцы. Никто не пил и не курил. В доме даже не было телевизора, хотя телестанцию в окрестностях со временем соорудили. Все остальные религии и религиозные течения категорически отвергались.

Когда Фил, придя однажды из школы, сообщил родителям, что в их классе появился новичок, мать тут же его спросила: «Он христианин?» Фил не успел поговорить с новичком на эту тему, но если бы он ответил матери: «Нет, он католик», – то заслужил бы ее похвалу. Единственной книгой в доме была Библия. Правда, Джексоны выписывали журнал (всего один) «Ридерс Дайджест» – издание вполне светское. Дети обязаны были вырасти достойными гражданами и людьми уравновешенными. Выходить из себя считалось недопустимым. Не случайно Джун, жена Фила, заметила как-то, что ее мужу несвойственно такое естественное для человека чувство, как гнев, а когда он замечает, что в ком-то другом вспыхивает ярость, он сразу же начинает нервничать. «Таковы уж его религиозные убеждения, – пояснила Джун, – да и домашнее воспитание сказалось. В их семье гнев считался большим грехом».

Когда в школе устраивали танцы, Филу ничего не оставалось делать, как довольствоваться ролью зрителя. Когда сыновья Чарльза Джексона – Чак, Джо и Фил – спрашивали отца, нельзя ли им вместе со школьными приятелями пойти в кино, отец неизменно отвечал: «Мы в кино не ходим». Ребята интересовались почему. «Светские занятия не для нас, мы живем в другом мире и должны вести себя не так, как обычные люди», – объяснял отец. Фил впервые попал в кинотеатр, когда уже заканчивал среднюю школу, а первый свой танец совершил уже в колледже, причем в обоих случаях испытывал серьезное чувство вины.

Решения в семье Джексонов диктовались не радостями жизни, а обязанностями. Когда старшие мальчики стали уже тинейджерами, семья должна была принять серьезное решение, связанное с новым местом работы родителей. До той поры они жили в Монтане, где детям очень нравилось, а теперь предстояло выбрать, то ли ехать в Айдахо, штат живописный, с пышной растительностью, во многом напоминающий Монтану, то ли отправляться в городок Уиллистон, в Северную Дакоту, штат

унылых пейзажей и довольно сурового климата. Дети, конечно, мечтали об Айдахо, но преподобный Джексон избрал, разумеется, Уиллистон. «Господь хочет, чтобы я ехал именно туда», – заявил он. Дети Джексонов – три мальчика и их сводная сестра – оказались в этом маленьком городке в трудном положении. Ведь они были детьми священника, и взрослое население города внимательно следило за каждым их шагом. Кроме того, им строжайше запрещалось даже в малейшей степени нарушать Божьи заповеди и строгие порядки, заведенные в их семье. Нельзя было огорчать родителей тем, что они поддались искушению дьявола (хотя в принципе многие дети священнослужителей ведут себя далеко не идеально). Между прочим, Чарльз Джексон, несгибаемый в своих религиозных убеждениях, был, по сути, человеком мягким и очень добрым. Многие его искренне любили и уважали. В Уиллистоне он занимал большой пост, контролируя работу своих коллег по конфессии в масштабах всего штата. Под его наблюдением находилось около 70 церквей. В свое время эта должность перешла к нему от его же племянника, поскольку тот допустил какие-то серьезные промахи. Но племянник из-за этого не испытывал к дяде никакой зависти. Более того, безмерно уважал и ценил доброту вплоть до его кончины.

Элизабет Джексон, наоборот, отличалась суровым и жестким нравом и не давала детям спуску. Она и ее сестры и братья выросли в очень бедной семье. Джо Джексон вспоминал, что дом бабушки и дедушки (по материнской линии) в Монтане был крайне ветхим строением, и порой там бывало страшно холодно. Из-за осенней уборки урожая Элизабет приходилось пропускать в школе первые шесть недель учебного года. Трудное детство закалило ее характер, сложности жизни она переносила достойно. В возрасте 18 лет Элизабет уже преподавала в школе на востоке Монтаны. Школа эта была настолько бедна, что зимой приходилось в классах топить печки сухими коровьими кизяками. «Вы сможете стать теми, кем захотите, – говорила Элизабет своим детям, – но для этого уже сейчас надо упорно трудиться». Она заставляла их заучивать целые абзацы из книг и определения значений слов, приведенные в словарях. Если кто-то из мальчиков пытался отлынивать, его задание удваивалось. Элизабет не желала, чтобы в доме росли лентяи, да и сама она трудилась не покладая рук. В доме было четверо мужчин (отец и три сына), и все они каждый день надевали свежие белые рубашки. Нетрудно подсчитать, что за неделю Элизабет приходилось перестирать и перегладить 28 рубашек. В общем, каждый день у нее был расписан буквально по минутам.

Хотя дети Джексонов не пошли по стопам родителей,

главный урок матери они хорошо усвоили. А заключался он в следующем: нельзя растрачивать ничего из того, чем наделил тебя Бог. Наоборот, надо выжать максимум из своего природного таланта.

Идея о высоком предназначении человека пронизывала весь дом Джексонов. В комнате Фила, когда он бы еще совсем маленьким, Элизабет повесила большой лист бумаги с цитатой из Евангелия от Иоанна: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

Еще будучи мальчиком, Фил чувствовал себя неловко, присутствуя при религиозных обрядах евангелистов. Слишком там много было показных эмоций. Прихожане кричали, бросались на пол и катались по нему. Всех их он знал, и в обыденной жизни это были вполне уравновешенные, спокойные люди, а здесь, в церкви, они входили в дикий экстаз. Парнишку это нервировало, и он старался держаться подальше от подобных зрелищ.

Все трое сыновей Чарльза Джексона, из которых Фил был самым младшим, увлекались спортом. Чак полагал, что спорт был для них одной из немногих отдушин и в значительной степени возвращал их в нормальную жизнь: здесь они могли свободно вести себя, делать то же самое, что все их сверстники. Родители одобряли спортивные увлечения сыновей – уж лучше вести здоровую жизнь, чем смотреть порочную, изобретенную дьяволом кинопродукцию Голливуда. Поскольку старшим братьям пришлось все же выдержать «битвы» с родителями, скажем, за право играть в футбол по вечерам в пятницу, то Филу, когда он подрос, дорога была чуть-чуть расчищена. Ему разрешалось играть в футбол когда угодно. Фил с удовольствием отметил про себя, что дальние поездки на игры с командами других школ автоматически освобождают его и его братьев от слишком частого посещения церкви.

В раннем детстве братья Джексоны были искусственно ограждены от сверстников. Это отчуждение от обычного мира сказывалось на них и когда они подросли. В самом деле, о чем они могли говорить со сверстниками? Обсуждать фильмы, которые они не видели, или телепрограммы, которые они никогда не смотрели? Вспоминать музыку, под которую они никогда не танцевали? «Нам нелегко было общаться со сверстниками, – вспоминал Чак Джексон. – Ранняя изоляция от обычного мира детства даром не прошла».

Еще в детстве Фил Джексон внутренне отвергал религию своих родителей, а когда стал взрослеть и искать собственные духовные идеалы, он стал человеком на редкость терпимым к

окружающим. Как однажды заметил его брат Джо, они выросли в доме, где все было строго регламентировано. Фил в такой религиозно-нравственной казарме чувствовал себя неуютно. Немудрено, что, вырвавшись с годами на свободу и сталкиваясь с людьми, ни в чем его не ограничивающими, он невольно тянулся ко всем, мало обращая внимания на их недостатки. «Фил, – говорила о нем его мать, – во всех трениях между людьми выполняет роль смазки в механизме». Такого же примерно мнения придерживалась и Джун Джексон. Она видела, что ее муж умеет прекрасно ладить с самыми разными людьми. Он внимательно всех выслушивал. Будучи человеком проницательным, он, конечно, понимал, кто есть кто, но принимал всех такими, какие они есть. Более того, иногда он любил своих знакомых именно за их недостатки. Его необычайно интересовал внутренний мир тех, кто его окружал. Поэтому как тренер он стал с годами удивительно тонким и чутким психологом.

Многое в поведении Джексона было обусловлено врожденными чертами его характера, но многому он научился в нью-йоркском клубе «Никс» от своего тренера Реда Хольцмана. Лишь с годами Фил оценил, насколько умным наставником был этот человек. Вот один из примеров. Когда Джексон только что приехал в Нью-Йорк, ситуация в команде была взрывоопасной. Шла речь о том, кому больше проводить времени на площадке – Биллу Брэдли или Кеззи Расселу. Брэдли был белый, Рассел – темнокожий. Оба они еще в колледжах считались звездами. Их популярность особенно возросла после хорошо запомнившегося зрителям матча серии «плей-офф» на первенство НАСС, в котором встретились команды их колледжей. Но в НБА оба парня приживались с трудом. Брэдли был слишком медлителен для защитника, а в игре Рассела казалось слишком много недостатков. Неплохой в принципе снайпер, он, бросая по кольцу, часто позволял себе небрежность. Делал много неточных передач, и вообще его игра в обороне отличалась нестабильностью.

У каждого из них были, конечно, свои сторонники. Брэдли поддерживали выпускники элитных университетов Северо-Восточного побережья США, имевшие большой вес в общественной жизни Нью-Йорка. «Клан» Рассела был, разумеется, малочисленный и не столь авторитетный. Впрочем, в него затесались несколько известных журналистов, которые шатались с Кеззи по злачным местам, покровительственно хлопали его по плечу и на все лады расхваливали его.

Так или иначе, ситуация складывалась неприятная, а ведь многие ньюйоркцы с восторгом реагировали на успехи их клуба и

оптимистично расценивали его будущее. Что делать? Оба парня уже успели прославиться в мире студенческого баскетбола. Кому отдать предпочтение. Сложность еще в том, что они представители разных рас, и выбор, который сделает руководство клуба, может обострить социальную обстановку в огромном городе.

Хольцман поступил мудро. Он сохранял полный нейтралитет, не делал никаких публичных заявлений и вообще вел себя так, будто никакой проблемы здесь не существует. Пусть сама команда разберется, кому из этих ребят можно доверить больше игрового времени.

«Я думаю, Ред с самого начала понял, что Билл, с его умом и интеллигентностью прирожденный лидер, – говорил впоследствии Джексон. – Скажу больше: тренер понял, что Билл начал вести за собой команду еще тогда, когда свою собственную позицию на площадке не определил. Однако он сумел привнести в команду дух умной, искусной игры, и ребята его поняли. Вот Ред и решил: пусть другие, а не он сам сравнивают ценность Билла и Кеззи. Первое слово – за игроками клуба. Второе – за его болельщиками».

Ко второму его сезону в НБА Брэдли отвели роль «маленького» форварда. Он искусно играл без мяча, чем создавал партнерам хорошие условия для точных бросков. Команде это пошло на пользу. Когда Билл появлялся на площадке, игра «Никс» сразу оживлялась и становилась более осмысленной. Что же касается Рассела, то он в мастерстве не прибавил и выглядел не слишком сообразительным. Однако он все же оставался талантливым игроком, и, когда команде срочно было необходимо набрать несколько решающих очков, Хольцман тут же выпускал на площадку Кеззи. Но шло время, и постепенно Рассел все дольше сидел на скамейке запасных, а Брэдли все больше времени проводил в игре. Так вот и решалась благополучно, сама собой, та дилемма. Всем ведь стало ясно, что сыгранные действия команды во многом зависят от бесконечных перемещений Брэдли. Сами игроки говорили об этом в раздевалке, причем чаще всего хвалили Билла именно темнокожие баскетболисты.

Разговорчивый Рассел в раздевалке постоянно нес всякую чушь. Брэдли же, наоборот, держался спокойно и был немногословен: он побаивался, как бы его не объявили очередной Большой белой надеждой. А темнокожие игроки тем временем подкалывали Рассела, который, желая, видно, подчеркнуть свою образованность, злоупотреблял вычурными фразами. Особенно любил подшучивать над ним Уолт Беллами. Сидя полуголым и имитируя оксфордское произношение, он обращался к Кеззи: «А

теперь, мистер Рассел, вы, как известный эксперт в области английского языка, должны объяснить нам, несчастным неучам, значение этого длиннющего слова, которое вы только что произнесли…»

Хольцман по отношению к Расселу вел себя предельно тактично, никогда не высказывая в его адрес слов неодобрения. Он предпочитал видеть в нем то, что ему хотелось бы видеть, и намеренно закрывал глаза на его недостатки. Он был уверен, что сами игроки, белые и черные, люди уже достаточно взрослые, разберутся, в конце концов, что к чему. Единственный раз он напустился на Рассела, когда тот нарушил порядки, заведенные в клубе. А одно из правил было такое: отправляясь на выездной матч, игроки едут вместе, единой командой. Однажды ньюйоркцы поехали в Филадельфию. Кеззи Рассел, только что купивший новый «кадиллак», решил шикануть и, проигнорировав клубный автобус, поехал своим ходом. Уже в Филадельфии незадолго до матча Ред спросил его, во сколько обошлись ему дорожные сборы. Кеззи сообщил, что ему пришлось в общей сложности заплатить 8 долларов. «Прекрасно, – сказал Ред, – можешь вычесть их из 100-долларового штрафа, который налагается на тебя за путешествие в одиночку. Таким образом, заплатишь всего 92 доллара, а не целых 100». Это со стороны тренера был намек, что правила есть правила и распространяются они на всех без исключения.

Став за штурвалом чикагского клуба, Джексон, в свою очередь, столкнулся с аналогичными проблемами, требующими точного расчета – словно задачи по химии, когда нужно смешивать различные вещества.

Получить работу в Чикаго – это шанс, который выпадает, возможно, лишь раз в жизни, но и с ситуацией Джексон столкнулся достаточно серьезной. Ему предстояло тренировать лучшего игрока НБА, а вместе с ним группу других игроков, ребят явно талантливых, но не достигших еще профессиональной зрелости. Как сделать из такой необычной команды единое целое? Джордан выступал за «Буллз» уже шестой сезон и, набравшись опыта, оценивал положение дел в команде весьма скептически. Он уже смирился с тем, что тренеры так и не выработали эффективной тактической схемы атак, и перестал доверять почти всем партнерам, за исключением, может, Паксона. Главной проблемой для Джексона стало решить, кому сколько отвести времени на владение мячом. Сколько, например, бросков возложить на Джордана? (Говоря честно, число его бросков следовало бы уменьшить, перераспределив излишки между его партнерами.) Если Майкл в своем деле гений, то его гениальность надо гармонично увязать с талантами простых смертных.

Команда, доставшаяся Джексону, находилась на перепутье. Если Коллинз, можно сказать, сжег себя и игроков своими бурными эмоциями, то он все же сделал из Пиппена и Гранта баскетболистов экстракласса. Именно благодаря Коллинзу Джексон получил команду, стоявшую на пороге великих успехов. Те же Пиппен и Грант вполне могли бы выступать в матчах «Всех Звезд».

Но главной проблемой для Джексона оставалась выработка новых тактических схем в нападении, он не считал себя крупным специалистом в построении атаки, но надо же было что-то придумать. К приходу Джексона атаки чикагцев строились почти исключительно на уникальном мастерстве Джордана. Схема была достаточно проста: «Отдаем мяч Майклу, а сами разбегаемся в разные стороны, чтобы не путаться у него под ногами». Нужно было, конечно, создать другой тактический рисунок, чтобы в атаке активно участвовали и другие игроки, четко знавшие свои роли, и Джексон прекрасно понимал, насколько трудно даже хорошим баскетболистам достойно играть рядом с такой суперзвездой и таким требовательным партнером, как Майкл Джордан. Как заметил однажды Дэйв Корзайн, Джордан настолько велик, что, когда «Буллз» выигрывают, это целиком его заслуга, а когда проигрывают, его вины нет никакой – виноваты его партнеры.

Серьезной проблемой для нового тренера было окончательно разобраться в том, как все же Майкл расценивает своих партнеров: ведь надо уговорить его почаще делиться с ними мячом, не всегда брать игру на себя. Джордан видел, конечно, что Грант заметно вырос как профессионал, но он все же не считал его особенно умным игроком и, кроме того, сомневался, можно ли ему доверить решающие броски, когда до конца матча остаются считанные секунды, а ситуация – критическая. С Пиппеном дело обстояло сложнее. Уровень его мастерства постоянно рос, по игре в защите он почти сравнялся с Джорданом, и он на удивление тонко понимал игру. Правда, броски по кольцу ему не всегда удавались.

Но главное не это. Важно другое – выдержит ли он психологические нагрузки самых ответственных и решающих матчей? Джордан в этом сильно сомневался, и Пиппен знал о его сомнениях. Вообще говоря, в команде был всего лишь один игрок, которого Майкл считал удобным и абсолютно надежным партнером, – Паксон. Это всех удивляло, поскольку другие игроки, которым приходилось играть в защите на пару с Паксоном, были им недовольны. Паксон к тому же плохо бросал по кольцу. Но он обладал редким и ценным качеством – он трезво

оценивал свои способности. Это как раз и устраивало Джордана. Играя рядом с Майклом, Паксон точно знал, что от него требуется, и – а это даже важнее – точно знал, чего ему делать ни в коем случае нельзя.

Джексону в принципе нравилась атака по системе «тройной пост», придуманной Тексом Уинтером. Когда-то они вместе проработали один сезон в летней лиге, и уже тогда Фил согласился с идеей Текса. Сейчас он думал о том, что Джордан со своим огромным талантом как раз создан для такой тактической схемы, при которой игроки молниеносно перемещаются из одной точки в другую, меняясь местами, и каждый в точности знает свою роль.

Учитывая физическую силу и прыгучесть Джордана, Джексон решил поставить его на острие атаки. Это усилит наступательную мощь команды, а кроме того, пойдет на пользу Майклу: на новой позиции он не будет затрачивать столько энергии, как сейчас, и сохранит силы, чтобы подольше выступать в НБА. Тактика «тройного поста» требует от игроков высокого мастерства и долгих специальных тренировочных программ. Одни баскетболисты быстро приспосабливаются к этой схеме, другие так и не могут постичь суть перемещений, где от них требуются одновременно и строгая игровая дисциплина, и способность импровизировать. Проблема была еще в том, согласится ли Джордан с новой идеей тренера, а если даже и согласится, окончательно отработать эту схему на практике можно лишь за два сезона.

Как вы уже знаете, Джексон играл в свое время за «Никс», где почти не было гигантов и могучих атлетов. Однако за счет быстрого темпа, постоянного движения и продуманной игры команда постоянно побеждала соперников, делавших ставку на силовую борьбу и жесткий прессинг. Вспомнив былые времена, Фил понял, что сейчас он располагает игроками, которые смогут реализовать его идею.

Джексону предстояло обсудить свой план с Тексом Уинтером и Майклом Джорданом, каждый из которых имел свою концепцию баскетбола. Тексу было тогда уже 68 лет, из которых более 40 он проработал тренером. Его карьера началась в 1947 г. с должности помощника тренера в университете штата Канзас. Его годовой заработок составлял 3 тысячи долларов.

Текс был занимательным рассказчиком и откровенным собеседником. Он всегда и по любому поводу стремился высказать свое мнение и говорил все в открытую. Юность Уинтера пришлась на самые тяжелые годы Великой депрессии. Он хорошо помнил ту нищую Америку, большинство жителей

которой еле-еле сводили концы с концами и не имели никакой возможности пробиться в средний класс. Некоторым молодым парням из нынешних «Буллз» он годился в дедушки, и в их глазах его консерватизм выглядел как старческие причуды. Текс отличался скупостью. Если он приглашал на ланч приятеля и, как водится в таких случаях, расплачивался за двоих, то сумма счета составляла не более 8-9 долларов. Перед матчами клуб обычно выставлял прессе бесплатное угощение. Почти все тренеры «Буллз» к этим блюдам не притрагивались, считая их несъедобными. И лишь Текс, дитя депрессии, охотно подсаживался к журналистам.

Краузе остановил свой выбор, сразу же познакомившись с ним. Ему нужен был солидный авторитетный человек типа гуру. Однако Текс так и не стал человеком Краузе – он оставался котом, который гулял сам по себе. При этом он являл собой образец кристальной честности, за что все его любили и уважали. Он был прост, прямодушен и чурался ненужных интриг. Уинтер не переносил внешнюю помпезность нынешнего баскетбола – шум тусовки, гул фанфар, чествование знаменитостей. Он считал, что вся эта мишура лишает спорт главного его содержания. В своем деле Текс был непревзойден. Репортеры, ценившие весомость и точность его суждений, не давали ему покоя, да и в клубе все к его мнению прислушивались. Текс точно определял, как надо строить игру в том или ином матче. Однако его видение баскетбола было диаметрально противоположным взглядам Майкла. В определенном смысле оба были правы, и оба заблуждались. Джордан, с его уникальными спортивными данными, с его умением в одиночку переломить ход игры, считал, что Уинтер увяз в допотопной концепции, созданной, когда в баскетболе не было суперзвезд. Тогда все строилось на системе, которая, по мнению Майкла, компенсировала отсутствие талантливых игроков. Весомость аргументов Майкла нельзя было недооценивать: никто, кроме него, не умел так строить оборону или так молниеносно прорываться к кольцу соперников. Причем проделывал он все это чисто инстинктивно. Играл бы он по системе – утратил бы свой чудодейственный инстинкт.

Уинтер, разумеется, не мог смириться с тем, что успех атаки зависит всего лишь от одного игрока, хоть он и суперзвезда. «Я действительно считаю Майкла великим игроком, – часто повторял Уинтер, – но я не идолопоклонник».

Майкл и Текс часто спорили друг с другом.

«В слове «команда» нет буквы "я"», – говаривал Уинтер. «Зато она есть в словосочетании "лучшая команда"», – парировал Джордан.

В глубине души Джордан чувствовал, что баскетбол изменился. С приходом нового поколения игроков, парней талантливых, высокорослых и быстрых, традиционная система строгой установки на игру устарела. Все решало индивидуальное мастерство игроков, которые умели точно бросать по кольцу в любых ситуациях и из любых положений. И в НБА никто в индивидуальном мастерстве не мог сравниться с Джорданом. Поэтому Майкл воспротивился намерениям Джексона возродить систему «тройной пост». Коллинз в свое время пытался сделать пробные шаги в этом же направлении. Майкл тогда не проявил энтузиазма. Сейчас же его протест был более категоричен. Он опасался, что новая тактика ограничит свободу его действий и ничего хорошего взамен не принесет. «Атака, где у всех равные возможности», – говорил он, не вкладывая в свои слова ни капли одобрения. Джексон пытался объяснить ему свой план иносказательно: мяч, мол, напоминает бегающее световое пятно от луча прожектора, а прожектором не может управлять один человек. Втайне Джексон надеялся на неимоверное спортивное честолюбие Джордана. Он знал, что Майкл больше всего стремится не к личным достижениям, а к тому, чтобы «Буллз» стали чемпионами НБА. Беседуя с Джорданом, тренер всегда подчеркивал: да, до серии «плей-офф» команда дошла благодаря блестящей игре Майкла. Но на этом ее потенциал исчерпан. На следующих этапах этой серии Джордан столкнется с гигантскими защитниками, которые нейтрализуют даже его – великого игрока, и все усилия команды окажутся тщетными. Джексон даже сказал Майклу, что, если он не станет в очередной раз лучшим снайпером НБА (а им он становился последние два сезона), это не столь уж большая потеря.

Так в том году и началось противостояние между Филом Джексоном и суперзвездой его клуба. Оба при этом проявляли удивительное упорство и несговорчивость. Джордан по-прежнему не был уверен в надежности своих партнеров, и Джексон соглашался с ним. Что делать – лучших не найти. Но они не станут лучше от того, что Майкл по-прежнему будет брать игру на себя. Надо делиться с ними мячом и дать им шанс. В противном случае следующий сезон не принесет команде серьезных успехов. В очередной серии «плей-офф» «Буллз» могут встретиться команды с мощной линией защиты, которая сведет все усилия Джордана на нет. И при всем таланте Майкла дальше сегодняшней отметки клуб не продвинется.

Первый сезон Джексона в «Буллз», то есть 1989/90 г., был отмечен трудными и не всегда успешными поисками путей к созданию в команде устойчивого психологического климата.

Только при таких условиях клуб может выступать стабильно, без срывов, а стабильность – это то, что отличает чемпиона от других команд. Система «тройной пост» для многих игроков оказалась сложной. «Все равно что разучивать бальные танцы», – шутил Уилл Пердью, неуклюжий задний центровой.

В этом сезоне Джордан иногда играл в нападении и порой – неудачно, из-за чего, конечно, расстраивался. При новой тактике он уже почти не совершал свои былые лихие рейды к кольцу соперника, а при игре в пас партнеры часто его подводили. Сделает он выверенную передачу своему товарищу, а тот теряет мяч. Иногда Джордан терял терпение и, как раньше, брал игру на себя. Джонни Бах, бывший военный моряк, старый морской волк, его в таких случаях поддерживал. «Майкл, – говорил он, – я не старший тренер, а всего лишь его помощник, но знаешь, какой приказ отдавал в критических ситуациях адмирал Хэлси? Я тебе скажу какой: «Идем в атаку!» Джордан слушал Баха, расплываясь в радостной улыбке. В конце матча, когда счет был почти равным, Майкл начинал играть по своим правилам. Три-четыре броска в высоком прыжке – и «Буллз» праздновали победу. После финального свистка Джордан подшучивал над Уинтером, создателем «тройного поста». «Текс, я приношу вам свои извинения за то, что в конце игры выпал из вашей схемы».

Несмотря на все сложности, клуб тем не менее шел в гору. Во всяком случае, формировалась настоящая команда, причем команда, игравшая по схеме «тройной пост». Во второй половине сезона «Буллз» достигли фантастического результата, выиграв 24 матча и уступив лишь в трех. Джексон поступил очень умно, приняв компромиссное решение, устроившее и Текса Уинтера, и Майкла Джордана. В конце концов, пресловутый «треугольник» не мешал Майклу иногда взрываться и доставлять соперникам неприятности. Джонни Бах занял позицию где-то между Уинтером и Джорданом. Он всегда восхищался мастерством Майкла и, как сам Джордан, считал, что в каждом матче может наступить момент, когда надо забыть о наставлениях тренера и полагаться на собственный инстинкт или на интуицию. Но и Уинтер был в восторге от Майкла. Ему еще не доводилось видеть, чтобы столь яркий талант подчинился игровой дисциплине и играл бы по системе, сковывающей его уникальные способности. Более того, Джордан стал приучаться к коллективной игре, и, чем больше он делился мячом с партнерами тем лучше они с ним взаимодействовали. Команда преобразилась. В серии «плей-офф» «Буллз» в первом круге победили «Милуоки» со счетом 3:1, а во втором круге одолели «Филадельфию» (4:1).

В финале конференции «Буллз» пришлось встретиться с

«Пистонс». В 1988 г. они выиграли у них всего одну встречу, в 1989-м – две. На сей раз «Буллз» чувствовали, что готовы на большее. Правда, первые две встречи с детройтцами они проиграли, но потом выиграли два матча в Чикаго. Джексон был уверен, что его команда более талантлива, просто ей недостает уверенности и опыта соревнований на столь высоком уровне. Он верил также, что «Буллз» поможет боевой дух Джордана. Рассчитывал он и на то, что Чак Дейли, тренер «Детройта», будет ориентироваться на прежнее амплуа Майкла и попадет таким образом в ловушку. Однако Чак сочинил другую заготовку: он сделал ставку на силовую игру. Джордан в оставшихся встречах, казалось, превосходил себя, но игры шли по сценарию Чака Дейли. Джексон надеялся, что его команда продемонстрирует более умную игру и за счет скоростных действий разрушит оборону соперников, тем более что из детройтских «великанов» только Родман мог сравниться в скорости с чикагцами.

Оправдав надежды тренера, «Буллз» выиграли третью и четвертую встречи. Пятая состоялась в Оберн-Хиллс. «Пистонс» разгромили «Буллз», но в шестом матче, у себя дома, чикагцы взяли реванш. Седьмая встреча снова прошла в пригороде Детройта. «Буллз» оказались к ней совершенно не готовы. У Паксона не зажила травма лодыжки, а Скотти Пиппен вообще был, что называется, «разобран».

Удивительное совпадение: годом раньше он выбыл из строя в ходе шестой игры. Уже на первой ее минуте Билл Леймбир с такой силой ударил его локтем по голове, что Скотти получил сотрясение мозга. И вот на сей раз, перед самым ответственным матчем у него разыгралась мигрень. Команда уже готовилась к выходу на площадку, а у Пиппена глаза застилала пелена. Он принял несколько таблеток аспирина, но голова после этого разболелась еще больше. Скотти сказал Марку Пфайлю, одному из тренеров «Буллз», что у него проблема со зрением. «Но играть ты сможешь?» – спросил Пфайль.

Пиппен собрался было сказать: «Не смогу», но за него ответил Джордан: «Конечно, сможет, черт бы его побрал!» Пфайль приложил к голове Скотти пакет со льдом, и тот вышел на площадку. Но в игре он фактически не участвовал. Совершив 10 бросков, он попал в цель лишь один раз. Позже он признался, что с трудом отличал своих партнеров от игроков «Пистонс». В итоге детройтцы победили с разницей в 19 очков. Для «Буллз», и в особенности для Джордана, сокрушительное поражение стало страшным ударом.

После игры Майкл был безутешен. Когда он с потерянным видом брел к автобусу, его увидел Джек Макклоски и подошел к

нему, чтобы сказать что-то утешительное. «Мистер Макклоски, – спросил Джордан, – неужели мы никогда не одолеем «Пистонс?» – «Не расстраивайся, Майкл, – ответил тот. – Твое время придет, и придет очень скоро».

В автобусе Джордан сел на самое заднее сиденье, рядом со своим отцом. Не стесняясь товарищей, он плакал. В третий раз детройтцы выбили «Буллз» из серии «плей-офф». Утерев слезы, Майкл стал обсуждать с партнерами причину проигрыша. С особым пристрастием он допрашивал Пиппена. Джордана не интересовала причина его мигрени (если это действительно была мигрень, а не симуляция). Важно было, что Скотти в очередной раз подвел свою команду. Значит, при всем его таланте на него нельзя положиться, поскольку он человек с неустойчивой психикой.

Обидно, конечно. Ведь «Буллз» в том сезоне действительно были на подъеме. Они выиграли 55 календарных встреч, да и три победы в финале конференции тоже нельзя сбрасывать со счетов. Разницы в классе между «Пистонс» и «Буллз» практически не было. Можно даже сказать, что юная смена чикагцев была талантливей своих сверстников из Детройта. Что же касается Майкла Джордана, то он в свои 28 лет находился в расцвете сил и усвоил все тонкости профессионального баскетбола. Пиппен, несмотря на его выходки, и Грант заметно прогрессировали. А детройтцы начали увядать, хотя этот спад уловили лишь их тренеры и, возможно, один-два опытных игрока «Пистонс».

Глава 20. Чикаго, 1990-1991 гг.

Победы в чемпионатах НБА даются за счет не столько физической, сколько психологической подготовки. Опытные тренеры и игроки-ветераны это прекрасно знают. Классные и стойкие духом баскетболисты могут в решающий момент матча мобилизовать всю свою волю и, сохраняя хладнокровие, довести встречу до победного конца. При этом важно подавить соперника психологически, парализовать его волю. В обыденной жизни подобные фразы звучат довольно банально, но в лиге они воспринимаются как библейские заповеди. Сезон в НБА длинный и напряженный, игроки не успевают отдохнуть между матчами, причем психологическая усталость сказывается на их состоянии сильней, чем физическая. Что выделяет поистине великих игроков, так это их умение сконцентрироваться, несмотря на изнеможение, даже перед матчем с явно слабым соперником. Классные баскетболисты выходят на проходную встречу, как на финал чемпионата. Обладать высокой техникой и игровым мышлением – это в НБА еще ничего не значит. Надо и самому выкладываться в каждом матче, и уметь повести за собой товарищей по команде, чтобы никто из них не чурался тяжелой черновой работы. Такие выдающиеся игроки, как Бёрд, Джонсон, Томас, обладали не только железной волей, но и умели заряжать ею и партнеров. К 1990 г. «Буллз» и «Пистонс» смотрелись на равных. С точки зрения спортивного таланта чикагские игроки даже превосходили детройтских. Тем не менее они им проигрывали. «Детройт» почему-то навязывал «Чикаго» свою волю, словно бы гипнотизировал его.

Команда, решившая бороться за звание чемпиона НБА, ни в коем случае не должна показывать соперникам свою слабинку, усталость, нервозность. Наоборот, нужно сделать так, чтобы противник дрогнул. Психологически сломался. Детройтцам в их поединках с чикагцами такая уловка до сих пор удавалась. «Буллз» не выдерживали нервного напряжения, и их уязвимые места сразу же обнаруживались. Клуб хоть на секунду дрогнувший в матчах такого уровня, можно сравнить с одиноким пловцом в океане, у которого началось кровотечение, – акулы примчатся немедленно.

Примерно по такому же сценарию проходили в годы пика спортивной карьеры Бёрда, Макхейла и Пэриша поединки «Селтикс» с «Пистонс». Бостонцы давили детройтцев психологически. Но вот парадокс. В 1987 г. в финале Восточной конференции «Бостон» с трудом одолел «Детройт», и

побежденные неожиданно воспряли духом, избавились от страха перед «Селтикс». Сейчас то же самое происходило с чикагцами. Горечь обидного поражения посеяла семена будущего триумфа. После проигрыша в 1990 г. в финальной серии конференции некоторые игроки были глубоко удручены, считая, что детройтцев им никогда не одолеть. Однако тренеры не разделяли их пессимизма. Во-первых, «Буллз» уступили с минимальным перевесом – 3:4. Во-вторых, чемпионы Западной конференции в финале НБА уступали «Пистонс» почти без сопротивления. Это означало, что судьба чемпионата НБА практически решается в споре сильнейших команд Восточной конференции, поскольку «Буллз» в то время явно превосходили ведущие клубы западных регионов США.

Наступил критический момент. Если чикагцы наконец-то переиграют «Пистонс», чемпионское звание у них, можно считать, в кармане. А, учитывая молодость большинства игроков, это звание может закрепиться за клубом на несколько лет. Фил Джексон и его помощники решили, что час настал. Только вот как поставить победную точку? Прежде всего, игрокам надо избавиться от комплекса неполноценности и перестать себя казнить. Надо обрести уверенность в себе. Всем нужно прибавить сил – физических и моральных, стать «жесткими ребятами,» и не позволять больше детройтцам диктовать ход игры. А главное – научиться побеждать их во Дворце спорта в Оберн-Хиллс, открывшемся осенью 1988 г., где «Пистонс» проводили домашние матчи. Пока что «Буллз» удалось там выиграть всего одну встречу.

Итак, задача номер один – интенсивная физическая подготовка. Никто не считал, что детройтцы талантливей чикагцев или тактически превосходят их, но вот в том, что они играют жестче, сомнений не было. Это поняли и игроки и тренеры «Буллз» – причем буквально на следующий день после того рокового поражения в Оберн-Хиллс. Игра состоялась в воскресенье, а уже в понедельник чикагские тренеры устроили совещание, на котором проанализировали итоги сезона, закончившегося для них ранее, чем им бы хотелось. Когда они стали расходиться, то, заглянув в спортзал, увидели там Пиппена и Гранта, возившихся со штангами. Да, подумали тренеры, сезон 1990/91 г. для нас уже начался. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять элементарную истину: если чикагские парни прибавят в физической подготовке, они уверенней будут себя чувствовать, сражаясь с «Пистонс» – клубом, где подобрались ребята, заслужившие репутацию разъяренных буйволов. В то лето буквально все игроки «Буллз» трудились до седьмого пота. При

этом никаких понуканий со стороны тренеров не было – сами так решили. Четвертого июля (а это национальный праздник США – День независимости) один из тренеров случайно заглянул в спортзал и, к своему удивлению, застал там команду в полном сборе – все накачивали мышцы. Горечь обидного поражения исчезла. На смену ей пришло другое ощущение: «Мы были очень близки к победе и уж в следующий раз ее не упустим». Казалось, игроки не могли дождаться, когда же начнется будущий сезон.

Майкл Джордан начал серьезно готовиться к будущим сражениям за чемпионский титул еще раньше. После поражения от «Пистонс» в 1990 г. он, выступая перед журналистами, сообщил им, что жесткая манера игры детройтцев вконец его измучила и он собирается прибавить в атлетизме. Естественно, слова Майкла просочились в прессу. Они попали на глаза Тиму Гроверу, молодому чикагцу, тренеру по физической подготовке. Учась в университете штата Иллинойс (тоже в Чикаго), Тим сам играл в баскетбол и при сравнительно невысоком росте (5 футов 9 дюймов) весьма неплохо. К тому же он был очень развит физически. Его родители работали в госпитале для ветеранов войны. Мать – медсестрой, отец – заведующим одной из лабораторий. Они надеялись, что сын тоже займется медициной. Но Тима всегда привлекал мир спорта, и он решил стать тренером. Спрос на эту профессий был велик: в Америке тогда началось повальное увлечение бегом и прочими занятиями, помогающими держать себя в форме. Гровер взялся за физиологию, получив в этой области знаний научную степень магистра. Его диссертация была посвящена как раз физической подготовке баскетболистов. Тим писал о том, как им нужно наращивать мышцы, как обрести иммунитет к травмам и прочее.

Чтобы собрать материал для своей работы, Тим изучил тренировочные программы двух местных средних школ. В одной из них тренер разрешил ему разработать собственную программу и испытать ее на практике. В другой он просто фиксировал, как идет подготовка юных баскетболистов. Разница между двумя программами оказалась колоссальной. В школе, где Тим использовал свои собственные идеи, резко снизился травматизм. К концу игры ребята не чувствовали усталости, наоборот, взвинчивали темп. В другой же школе всех измучили травмы, а к концу встреч начинающие баскетболисты, как правило, выдыхались. Тим поверил в успех своей методики.

В 1986 г. он получил степень магистра, а через три года стал работать тренером в спортивно-оздоровительном центре. Тогда-то Гровер и узнал из газет о проблемах, волнующих Майкла Джордана. Тим решил. что может быть в чем-то полезен

знаменитому игроку. Не зря же он шесть или семь лет бился над вопросами, напрямую связанными с тем о чем упоминал Джордан в своей беседе с журналистами. Перед Гровером замаячила уникальная перспектива – применить свои знания в области физиологии, чтобы реально помочь суперзвезде НБА. Тим позвонил Джону Хефферону, врачу команды «Буллз», у которого были какие-то связи с госпиталем, где работали родители Гровера. Более того, он с ними дружил. Выслушав Тима, Хефферон расхохотался. «Что тут смешного?» – недоуменно спросил тот. «Смеюсь над странным совпадением, – ответил врач. – Мы с Майклом последние месяцы только на эту тему и беседуем. И несколько раз всплывало твое имя. Буквально на днях я сказал Майклу, что неплохо бы вам познакомиться друг с другом».

Но для начала Тим встретился с Марком Пфайлем, одним из тренеров «Буллз ». Он подробно рассказал ему о своих планах, о том, что собирается сделать, чтобы Джордан, став физически сильнее, не потерял бы при этом своих скоростных качеств. Рассказал и о том, как можно обезопасить Майкла от травм, какие суставы нужно для этого специально развивать и укреплять и так далее. Его сообщение вызвало у Пфайля живой интерес. Прощаясь с Тимом, тренер сказал: «Вы мне нравитесь, и я знаю, что доктор Хефферон высокого о вас мнения. Конечно, вам надо встретиться с Майклом».

В тот же день после тренировки Джордан познакомился с Гровером, сразу же заметив ему: «Вы моложе меня, а мне никогда еще не доводилось работать с людьми, которых я перегнал по возрасту».

Гровер объяснил Джордану свою цель. Повысить класс Майкла как игрока – это не в его силах и не его задача. А вот нарастить физическую мощь – в этом он ему, безусловно, поможет. Поможет и продлить его спортивную карьеру. Последнее особенно заинтересовало Джордана: он знал, что такие выдающиеся игроки, как, например, Джулиус Ирвинг, слишком поздно стали «качаться», и времени, чтобы поддержать свой организм, у них уже не оставалось. Правильно, согласился с ним Гровер: чем раньше начнем, тем лучше. Но излишняя спешка не нужна: можно и надорваться. Программа рассчитана на несколько лет. С каждым годом Джордан будет увеличивать небольшими порциями свою силу и мышечный вес. Когда Майкл пришел в НБА, он весил около 185 фунтов. На момент знакомства с Тимом – почти 195. Они тут же обсудили, какой вес будет для Майкла оптимальным. Джордан назвал цифру 215, интуитивно подтвердив научные расчеты Гровера. Тим добавил, что

наращивать вес надо постепенно, в течение трех или четырех лет. «Если мы будем торопиться, – сказал он, – ваш организм не успеет перестроиться и вы сбавите в игре».

Гровер не стал морочить Джордану голову и честно предупредил его, что, если он согласится работать по его программе, первые несколько месяцев ему будет очень нелегко. Самая главная проблема – на какое-то время он утратит точность бросков. Баскетбол, как объяснил Тим, – спорт, где многое решает так называемая «мышечная память».

А раз мышцы будут развиваться, то эта память на первых порах станет его подводить, он не всегда сможет рассчитать силу броска. «Да, будете промахиваться, злиться, – сказал Гровер, – но прошу вас поверить мне: все вернется на круги своя». Майкл Джордан рассмеялся. Он не мог представить, что безобидные физические нагрузки помешают его всегда точным броскам. В итоге они договорились о следующем. Майкл согласен работать с Тимом, но нужен испытательный срок – месяц, а дальше видно будет. Кроме того, Джордан попросил Гровера в течение 10 дней раздобыть все необходимое оборудование и снаряжение. «Какой суммой вы располагаете?» – поинтересовался Тим. «Покупайте все, что нужно. О деньгах не думайте», – успокоил его Майкл.

Позднее Гровер догадался, почему Джордан согласился работать с ним, а не обратился – что было бы логичней – со своими проблемами к тому же Элу Вермейлю, отвечавшему в «Буллз» за физподготовку игроков. Майкл не хотел, чтобы в клубе знали о его делах, ему нужен был человек посторонний и связанный только с ним, а не с руководством «Буллз». Тем более что Вермейль был ставленником Краузе.

Итак, программа Гровера была запущена. Его предупреждения оказались пророческими. Какое-то время игра у Джордана явно не клеилась. Не всегда удавались точные броски в высоком прыжке. Но зато авторитет Гровера в его глазах сразу же вырос – молодой парень, а дело свое знает хорошо. Что предсказывал, то и случилось.

Гровер и Джордан трудились вместе, чтобы не только нарастить мускулатуру Майкла, но и укрепить уязвимые части тела, хорошо известные каждому баскетболисту: лодыжки, запястья, плечи, колени, бедра. Занятие это довольно трудное и долгое. Многие игроки относятся к такой профилактике скептически, считая, что от травм ничто их не спасет. Гровера поразило, что Майкл оказался столь прилежным учеником и послушно выполнял скучные упражнения. Джордана часто мучили растяжения паховых связок. От них страдают многие баскетболисты, которым при игре в защите приходится постоянно

совершать боковые движения, быстро перебирая ногами. Гровер, зная об этом, провел все же дополнительное исследование и выяснил, что у Майкла мышцы на внутренней стороне ног значительно сильнее мышц на внешней стороне. Такая диспропорция, возможно, служила дополнительной причиной частых растяжений. Тим разработал систему специальных упражнении, чтобы этот мышечный дисбаланс исчез, чем облегчил жизнь Майклу.

Нельзя сказать, что все пришли в восторг от программы Гровера. Даже близкий друг Джордана Говард Уайт считал всю эту затею с весом и силой ненужной. «Майкл, ты и так здоров, как породистый жеребец, – предостерегал он его. – Смотри, нарастишь вес и потеряешь скорость». Но Майкл был упрям: «Тебе, Говард, хорошо рассуждать. Тебя-то соперники не трогают. А меня бьют чуть не до смерти. Нет, мне надо прибавить силенок».

В общем, с Гровером они отлично поладили. Тим понял, что Май из тех людей, которые прекрасно понимают, что за свои амбициозные устремления надо чем-то платить. В частности, тяжелым ежедневным трудом. Поначалу они занимались после тренировок, но Джордан на них так выкладывался, что сил на программу Гровера у него не оставалось. Тогда они перенесли занятия на утренние часы. Уже позднее специальные утренние тренировки получили название «Клуб любителей завтрака». Дело в том, что где-то с середины 90-х гг. Рон Харпер и Скотти Пиппен каждое утро (когда, разумеется, «Буллз» не покидали Чикаго) являлись к Майклу домой. У него был личный спортзал, и они там проводили дополнительные тренировки, после чего шеф-повар соседнего ресторана готовил им завтрак, меню которого составлялось на основе рекомендаций Гровера.

Майкл договорился с Тимом, что прессе он об их программе не проронит ни словечка. Джордан хотел держать это в секрете. Он и так был образцом для подражания. Многие игроки копировали его прически и даже выступали в трусах той же длины, что у него. Свою тайную подготовку к будущим битвам он рассматривал как сильный козырь. Зачем же раскрывать его заранее, тем более что некоторых игроков из других клубов лиги он собирался уничтожить?

Благотворные последствия программы Гровера сказались, когда Джордан уже на какое-то время расстался с баскетболом, стал играть в бейсбол, затем снова вернулся в баскетбол и продолжал свою карьеру, находясь в отличнейшей спортивной форме. А ему было уже далеко за 30, в таком возрасте игра почти всех баскетболистов тускнеет. Исключение – малоподвижные

«великаны». За те семь сезонов, что Майкл сотрудничал с Гровером, он пропустил из-за травм только шесть матчей. А за три сезона после его возвращения из бейсбола вообще не пропустил ни одной встречи.

Впрочем, некоторые свидетельства в пользу программы Гровера проявились довольно быстро. Майкл стал выглядеть массивней. Широченные плечи, мощные бицепсы. «Да, ваши старания влетают мне в копеечку», – ежегодно говорил он Тиму. Тот, прикидываясь простаком, спрашивал почему. «Да потому, что я постоянно выбрасываю одежду из моего гардероба. Она мне становится мала».

Уже к концу первого года их совместных трудов стало ясно, что сил у Майкла заметно прибавилось. Особенно это заметно было, когда Джордан, совершая свои коронные рейды к кольцу соперников, на финише предпринимал резкий спурт. Кроме того, если он раньше врезался в высокорослого игрока и тот грубо толкал его, то у него и финиш результативный не всегда получался. Теперь же остановить его было трудно. Он стойко переносил толчки, пинки, удары и завершал свои рейды точными бросками.

Теперь, встречая на площадке старых соперников, которые раньше были не прочь нанести ему жестокий удар исподтишка, Джордан их уже не боялся, а вот его побаивались. Такое вот перераспределение ролей произошло. Однако не только Майкл стал сильнее – тянувшиеся за ним Пиппен и Грант тоже старались вовсю. Они теперь выглядели мощнее и – что еще важно – по-настоящему серьезно начали относиться к своей профессии. У них появился истинный «клубный» патриотизм. Казалось, совсем недавно Джордану приходилось давать им взбучку, когда он замечал, что на тренировках они валяют дурака. Теперь все радикально изменилось. В сезоне 1990/91 г. игра Пиппена обрела зрелость. Правда, и в предыдущем сезоне его включали в команду «Всех Звезд», но все равно – за год он заметно прогрессировал. Физическая мощь помогает побеждать. Победы порождают уверенность в себе, а уверенность – залог победы. Собственно говоря, карьера игрока НБА и строится по такому принципу. В среднем за матч Пиппен приносил своей команде 18 очков, совершал 7 подборов и (тут цифрами не оперируют) просто блестяще играл в защите.

Наблюдая в сезоне 1990/91 г. за игрой чикагцев, Чак Дейли понял, что время работает против его клуба. «Буллз» догнали детройтцев по всем параметрам, и во многом благодаря Пиппену. Важная деталь – Скотти не только вырос как игрок. Он тем самым изменил отношение к себе со стороны Джордана. Майкл

почувствовал, что Пиппен стал надежным партнером, и в игре «Буллз» стали более слаженными командные действия. Джордан и Пиппен неплохо приспособились к атакующей системе Текса Уинтера. Она позволяла им обоим за счет неожиданных передач друг другу совершать удачные прорывы к кольцу соперников. Сейчас уже детройтцам стало сложнее прикрывать Джордана. Но команда Чака Дейли и без того была уже не на подъеме. «Пистонс» многое потеряли с уходом Рика Махорна в «Миннесоту». Без него они не выглядели ни жесткой командой, ни тем более той, что может запугать противника. Что же касается Леймбира, то, судя по слухам, он начал терять интерес к игре, и прежний его драйв испарился.

Тот сезон принес много удивительных перемен. До перерыва, отведенного для матча «Всех Звезд», «Буллз» на выезде побеждали в среднем в двух встречах из трех. Выиграв в Сакраменто, они полетели на последнюю перед перерывом игру в пригород Детройта Оберн-Хиллс, где им довелось встречаться с «Пистонс» 13 раз и при этом 12 раз уступить извечным соперникам. Теперь же, как считал Фил Джексон, настал момент нанести детройтцам поражение. Чикагцы выступали стабильно в 45 встречах они одержали 31 победу. Так что боевой дух команды был на высоте. К тому же им повезло: у «Пистонс» выбыл из строя Исайя Томас, получивший травму запястья. Тем не менее «Детройт» настроился на игру серьезно. Чак Дейли напомнил своим питомцам, что победа в этом матче позволит им начать серию «плей-офф» в родных стенах. Правда, у детройтца Джона Сэлли, чьи высказывания часто цитировались в прессе, были дурные предчувствия. В беседе с журналистами он сказал: «Чикагцев преследовал тот же синдром, что был в свое время у нас перед матчами в Бостоне. Отправляясь туда на матчи с «Селтикс», мы заранее знали, что проиграем. А потом поняли, что бостонцы – такие же обычные парни, как и мы. И стали их обыгрывать. Так вот, мне кажется, что «Буллз» от этого синдрома тоже избавились и больше нас не боятся».

Встреча проходила в упорнейшей борьбе. В третьей четверти матча удалили с площадки Билла Картрайта. Он столкнулся с Леймбиром, и тот упал. Судья объявил Картрайту персональное замечание. Билл ввязался в спор с ним, за что и поплатился. В четвертой четверти пошла откровенно силовая игра. Тренеры «Буллз» взяли тайм-аут и провели блиц совещание. Их беспокоил Хорас Грант: он, судя по его поведению на площадке, «сломался ». Когда игроки «Пистонс » обходились с ним не по-джентльменски, Хорас жалобно смотрел на судей, выклянчивая право на штрафные броски. Джимми Климонс, один из чикагских

тренеров, подумал, что это предвестник поражения «Буллз». Апеллировать к судьям – последнее дело, тем более если играешь против действующего чемпиона, да еще в его родных стенах. Наоборот, надо продемонстрировать судьям, что ты стойкий боец и сам собираешься стать чемпионом. «Что расквасился? Играй и не ной!» – приказал Климонс Гранту.

До конца встречи оставалось примерно 4 минуты. «Пистонс» вели с перевесом в 5 очков. Учитывая их отлаженную оборону, отрыв – солидный. К тому же дома, как говорится, и стены помогают. Почти во всех матчах между этими двумя клубами детройтцы проводили концовку встреч лучше чикагцев. Но на сей раз ситуация складывалась иная. Вот Пиппен забрасывает мяч в высоком прыжке, затем поражает кольцо Джордан, получив пас от Гранта, выигравшего подбор. На последних двух минутах судьи проявляют к «Буллз» благосклонность, назначая в их пользу штрафные броски. Разъяренный Чак Дейли посылает в адрес судей проклятия, но те непоколебимы. Все – время истекло. «Буллз» побеждают со счетом 95:93. Джонни Бах, всегда считавший, что «Детройт» – альбатрос чикагцев, указывающий им дорогу к будущим победам, радуется как ребенок. «Всё, альбатрос сделал свое дело и улетел!» – восторженно вопит Джонни. Фил Джексон в своем интервью, данном сразу же после игры, выразился по-другому: «Мы скинули со спины надоевшую обезьяну». Так или иначе, исчезли и птица, и зверь.

Отпраздновав долгожданную победу над «Пистонс», «Буллз» устремились на штурм новых высот. После матча «Всех Звезд» они выиграли 9 встреч подряд. Затем оступились, проиграв «Индиане», но потом снова выиграли 9 матчей кряду. Когда календарный сезон завершился, на счету «Буллз» была 61 победа.

Чикагцы развивали успех и в серии «плей-офф». В первом туре они оставили за бортом «Никс», победив в трех матчах, а во втором, где им противостояла «Филадельфия», в серии из пяти матчей выиграли в четырех. Теперь предстояло снова встретиться с «Пистонс». Поначалу – у себя дома.

Детройтский клуб, прибывший в 1991 г. в Чикаго на финальные игры Восточной конференции, еще мог грозно лаять, но кусался уже не так опасно. Кроме того, у него возникли разногласия с судьями. Предусмотрительный Фил Джексон послал в головной офис лиги тщательно смонтированную видеозапись прошлых встреч «Буллз» с «Пистонс». Там было хорошо видно, что детройтцы играют грязно, нарушая правила исподтишка. НБА немедленно отреагировала: ей не нравился имидж игроков «Пистонс», прозванных «плохими парнями». Функционеры лиги опасались, что грубая сила станет важнее

игрового артистизма и баскетбол потеряет свою зрелищность. Впрочем, «Пистонс» уже не наводили на соперников ужас, тем более что с клубом расстался главный забияка и драчун Махорн.

С первых же минут первого матча чикагцы навязали детройтцам жесткую игру. Джордан двинул локтем в грудь Джо Думарса, как бы поздравив его с выходом на площадку в столь ответственной встрече. Майкл нещадно поливал Родмана. Тренеры решили, что таким образом он пытается подбодрить партнеров, внушить им уверенность в своих силах. В один из моментов матча Джордан, которого опекал Джон Сэлли, на секунду замер с мячом в руках, прикидывая, как начать свой коронный рейд к кольцу соперников. Сэлли, прозванный «Пауком», крикнул ему: «Твой номер не пройдет – запутаешься в моей паутине!» Бросившись вперед, Майкл в последнюю секунду резко развернулся и двинулся в обратном направлении, после чего вогнал мяч в корзину. «Ну что, сукин сын, заблокировал кольцо?» – ехидно поинтересовался он у Сэлли, и тот понял, что былая магия «Детройта» канула в прошлое. В четвертой четверти матча «Пистонс» явно подустал, и «Буллз» одержали победу. Во второй встрече чикагцы выглядели еще уверенней. Особенно удачно играл Пиппен, баскетболист быстрый, юркий, легко обращавшийся с мячом. «Пистонс» пытался навязать «Буллз» жесткий прессинг, но при этом постоянно нарушал правила, так что чикагцы много заработали очков на штрафных бросках. Второй матч «Буллз» выиграли без особого труда. Но теперь надо было побеждать и в гостях – в Оберн-Хиллс.

В третьем матче «Буллз» несколько раз лидировали с большим отрывом. В какой-то момент, в третьей четверти они вели с перевесом в 16 очков, но в четвертой четверти детройтцы сократили разрыв в счете до 8 очков и бросились в последние отчаянные атаки. Когда до конца встречи оставалось две с половиной минуты, разрыв в счете составлял всего 5 очков. Мяч у чикагцев, но детройтцы его отнимают, и Винни Джонсон устремляется к кольцу. Его преследует Джордан. Почувствовав его на хвосте, Винни замедляет бег, чтобы Майкл по инерции проскочил мимо него. Но тот угадал маневр соперника и прочно прикрыл Джонсона, вынудив его бросать из неудобного положения. Бросок получился неточным, мяч отскочил от щита, и Джордан тут же его подхватил. В результате «Буллз» выиграли и третью встречу.

Четвертый матч уже ничего не решал. Леймбир от отчаяния невежливо обошелся с Паксоном. Тот сделал два удачных штрафных броска затем три раза подряд поражал кольцо уже с игры, в высоком прыжке. Во второй четверти Родман с такой

силой врезался в бегущего Пиппена, что тот вылетел за пределы площадки, получив глубокую рану на подбородке (ему после матча наложили 6 швов). Как писал позже Сэм Смит, Родман кричал на судей: «Считаете, что я грубиян? А я снова это сделаю. Мы не хотим видеть у себя гомиков, а этот Пиппен – голубой. Хватит с нас этого дерьма!» (Между прочим, сам Родман со временем стал завсегдатаем баров, где собирались геи.)

«Буллз» легко выиграли. Они уничтожили «Пистонс», изгнав своих злых демонов. Покидая площадку, игроки «Детройта» демонстративно не обменивались с соперниками рукопожатиями. Говорят, так решил их лидер Исайя Томас. Вообще-то поначалу Исайя собирался взять микрофон и поблагодарить детройтских болельщиков за поддержку и преданность клубу. Тренер Чак Дейли с трудом его отговорил от этой неуместной затеи. Так что обошлось без обращения к публике. Но игроки «Пистонс» были, конечно, не правы, не проявив традиционного уважения к победителям. Их уход с площадки запомнился многим любителям баскетбола. Ну что ж, «Плохие парни» еще раз подтвердили свою репутацию.

Глава 21. Чикаго; Лос-Анджелес, 1991 г.

Победив «Детройт» в финале Восточной конференции, чикагцы стали готовиться к встречам с более именитой командой – «Лос-Анджелес Лейкерс», победившей в финале Западной конференции. За годы, которые смело можно назвать эпохой Мэджика Джонсона (а началась она в 1980 г., то есть 11 лет тому назад этот клуб вышел в финал чемпионата НБА уже в девятый раз. Правда, за него уже не выступали Карим Абдул-Джаббар и Майкл Купер, да и карьера Мэджика Джонсона уже близилась к закату. И все же он по-прежнему оставался суперигроком суперклуба. Даже если у Джонсона случались спады в игре, соперникам надо было еще суметь ими воспользоваться. А как это сделать, если рядом с Мэджиком играют такие звезды, как Джеймс Уорси, Сэм Перкинс, А. С. Грин, Майкл Томпсон, Байрон Скотт и Владе Дивац?

В сезоне 1990/91 г. «Лейкерс», ведомый старшим тренером Майком Данливи, выиграл 58 календарных встреч. Той прежней разудалой игры, которую клуб демонстрировал в молодые годы Мэджика Джонсона, «Лейкерс» уже не показывал, но зато он более грамотно и экономно стал строить атаки, чтобы сохранить силы для эффектной концовки матчей.

Нет, команда оставалась выдающейся. Ее игроки давно уже привыкли к докучливым приставаниям репортеров. Не то что не избалованные вниманием прессы игроки «Буллз», за исключением, конечно, Майкла Джордана, которого журналисты не оставляли в покое ни на один день. Финал чемпионата НБА ожидался захватывающим. Именно о таком и мечтали менеджеры НБА и телекорпорации Эн-би-си. Молодые, еще не обстрелянные, но честолюбивые чикагцы – против умудренных опытом профи из Лос-Анджелеса. Стареющая звезда – против звезды восходящей, чью игру ее многочисленные почитатели наконец-то увидят в главных матчах НБА.

Я бы сказал и так: ожидалось необычное состязание двух улыбок. Мэджик Джонсон обладал обворожительной улыбкой, почти никогда не сходившей с его лица. Мимика Майкла Джордана была более сдержанной. Он улыбался реже и в основном когда это было действительно необходимо. Например, на праздничных церемониях или позируя фотографам для рекламных снимков. Публике как раз нравилась сдержанность Майкла. Вот он, с суровым лицом воина, сражается на

баскетбольной площадке, а по окончании матча расплывается в счастливой улыбке победителя.

Улыбка Мэджика Джонсона была его фирменным знаком как баскетболиста, которому игра доставляет одно удовольствие. Многие заблуждались, не догадываясь, что за этой улыбкой прячется напряженный труд. Люди, далекие от баскетбола, не знали также, насколько требователен Джонсон к партнерам по команде, как он набрасывается на них, если заметит промахи и небрежности в их игре. «Не покупайтесь на улыбку Мэджика, – говорил его давний товарищ по команде Майкл Томпсон, – она вовсе не отражает его сущность. Он далеко не беспечный добряк. Мне он напоминает чем-то Мохаммеда Али. Тот тоже часто улыбался. Но оба они, сохраняя на лице добродушную мину, на самом деле хотели растерзать противников в клочья».

Финал сезона 1990/91 г. дал возможность ценителям баскетбола сравнить игру двух суперзвезд, столь отличающихся друг от друга. Джонсон на площадке был прирожденным лидером и, чтобы лучше исполнять свою роль, играл на позиции опорного защитника. Марк Хейслер из «Лос-Анджелес таймс», долго писавший об обеих звездах, тонко подметил, что Джордан, в отличие от Джонсона, не прирожденный лидер, а прирожденный исполнитель, но, разумеется, не рядовой, а главный солист команды. Распасовывать мячи – не его задача. А вот мнение Джеймса Уорси, близко знавшего обоих. «В Джонсоне внутренней энергии больше, чем в Джордане. И Майкл хранит ее в себе, а Мэджик щедро делится ею с другими, заряжая партнеров».

Конечно, Джордану тоже приходилось подстегивать партнеров, но он вынужден был это делать, поскольку долгое время находился в окружении слабых игроков. У Джонсона никогда не было необходимости поучать кого-либо. Он сразу же попал в команду великих игроков. «Лейкерс» в те годы напоминал прекрасный автомобиль, в котором, правда, отсутствовала система зажигания. Вот Джонсон и стал выполнять ее функции. Он обладал неистребимой жаждой победы. Он побеждал в средней школе. Потом, когда ему было 19, привел к победе в чемпионате НАСС баскетбольную команду университета штата Мичиган. И в первый же свой сезон в лиге довел до финала чемпионата НБА «Лейкерс», который не добирался туда с 1973 г. А он ведь был тогда совсем молодым. По законам многих штатов ему бы нигде не продали и не подали спиртного.

В тренировочных играх один на один Мэджик не блистал. Не был он и выдающимся снайпером, не отличался особой прыгучестью. Но все это компенсировала страсть к победе, радость от самой игры. А его инстинктивное понимание, кому,

куда и когда нужно отдать мяч, было вообще неподражаемо. Он обладал хорошим периферическим зрением, прекрасно владел мячом, а при своем росте (6 футов 9 дюймов), несколько необычном для опорного защитника, прекрасно видел всю площадку. Точные и тонкие пасы, которые выдавал Джонсон партнерам, всех поражали.

Тренеры и селекционеры присматривались к Джонсону, когда он был еще студентом, и пытались выяснить, есть ли в его игре изъяны, но так и не находили их.

Итак, Мэджик был прирожденным лидером. Зная его, трудно было вообразить вообще какое-либо поле деятельности, где бы он ни повел за собой остальных. Только начав играть в «Лейкерс», он сделал команду «своей». «Когда мы выбирали его в драфте, мы, конечно, знали, что игрок он классный, – говорил Джерри Уэст. – Мы же видели, как он распасовывает мячи. Но не могли представить, что он уже в середине первого своего сезона станет настоящим лидером команды».

У Джонсона было несколько прозвищ. Болельщики и спортивные журналисты, очарованные колдовской силой его игры, называли его Мэджиком. Так обращались к нему люди посторонние, но желавшие быть с ним на дружеской ноге. Знавшие его ближе, употребляли его настоящее имя – Ирвин, которое, кстати, нравилось ему самому. А вот среди товарищей по команде он звался Бычком. Так его окрестил, только что познакомившись с ним, партнер по клубу Норм Нельсон, имея в виду его горячую молодую кровь, азарт, напор и упрямство.

Когда состав команды окончательно сформировался, а пост старшего тренера занял Пат Райли, «Лейкерс» стал грозным клубом.

Выходец из рабочей среды, Райли тогда был еще молодым человеком, сам он в свое время играл в баскетбол, но свои скромные атлетические данные оценивал весьма трезво. Когда его спортивная карьера закончилась, он долгое время ходил без работы, не зная, что ждет его в будущем. Потом он стал ассистентом Чика Хирна, телекомментатора, освещавшего матчи с участием «Лейкерс». По правде говоря, Хирн не нуждался в ассистентах, чья роль сводилась к тому, чтобы несколько раз на протяжении трансляции игры повторить одну и ту же дежурную фразу: «Совершенно верно, Чик». Затем Райли по воле случая стал помощником старшего тренера «Лейкерс», а когда Пола Уэстхеда уволили, он оказался у руля команды, поскольку Джерри Уэст предпочитал в тренировочный процесс не вмешиваться. Райли сам удивлялся своему везению, но, когда клуб впервые завоевал чемпионский титул под его руководством (заслуги бывших

тренеров – особая статья), он решил, что жар-птицу упускать из рук нельзя.

Райли прекрасно понимал, кому он больше обязан своими успехами на тренерском поприще. Однажды, беседуя с друзьями, далекими от мира баскетбола, он попросил их угадать два слова, которые значат для него больше всего на свете. «Честность? Верность? Стойкость? Простота?» – терялись в догадках собеседники. «Нет, все не то, – ответил Райли. – Мэджик Джонсон!»

Райли и Джонсон гоняли игроков до седьмого пота. Если Райли, по выражению Джеймса Уорси, был генералом, то Мэджик Джонсон – суровым сержантом морской пехоты, муштровавшим солдат на боевых учениях. А главная задача сержанта – избавить генерала от лишних хлопот. Тренировочный процесс в клубе был основательным. Все расписано по минутам, время впустую не тратится. Джонсон всех понукал. Он первым появлялся в раздевалке и обдумывал планы на предстоящий день. Над чем-то надо поработать самому, а потом успеть проверить, как идут дела у партнеров. Джонсон не выносил шума в раздевалке, особенно перед матчами, когда ему нужно было уйти в себя и максимально сконцентрироваться. Поэтому в раздевалках отсутствовали звуковые колонки. Хочешь слушать музыку – пользуйся наушниками. Мысль Джонсона была ясна: здесь деловой офис, а не фитнес-клуб. Если кто-либо опаздывал на тренировку, Джонсон тут же налетал на него с вопросами: «Так, посмотрим на тебя. Все в порядке? Никто из родственников не умер? И машина не сломалась, пока сюда добирался? Ну, слава Богу!» Подтекст всем был понятен. Джонсон часто обрушивался на Грина, у которого были нескладные руки, и он порой не справлялся с пасами от лидера. Доставалось и Владу Дивацу, приехавшему в Лос-Анджелес из Югославии и не привыкшему к жесткому американскому баскетболу. Как заметил один из игроков, Джонсон порой разговаривал с Дивацем, как с собакой, которую не слишком любит. Если «Лейкерс» проигрывал два матча подряд, Джонсон приходил в отчаяние, горюя даже больше Райли.

Да, команда «Лейкерс», сформировавшаяся в то десятилетие, была очень сильной. С ней можно сравнить только «Бостон Селтикс» в его лучшие годы. Из-за темповой и тонкой игры некоторые считали калифорнийцев слабаками с точки зрения физической и моральной подготовки. К тому же клуб находился в Лос-Анджелесе, у этого города, в отличие от Чикаго или Детройта, нет «жесткого» имиджа. Но подобное мнение было совершенно ошибочным. Пэт Райли никогда не работал с «мягкими» командами, да и Мэджик Джонсон за них никогда не

выступал. «Лейкерс» были стойкими бойцами, и даже когда Райли сменил на его посту Данливи, клуб продолжал исповедовать жесткую игру. Вот с какими соперниками предстояло встретиться «Быкам». Исход финала занимал всех любителей баскетбола.

Майкл Джордан столь блестяще играл в нападении, что мало кто обращал внимание на его искусные действия в защите. «Вы не представляете, как вам повезло», – говорил Филу Джексону его коллега из другого клуба НБА Дон Нельсон. «Думаю все же, что представляю. Но что конкретно вы имеете в виду?» – «Два ваших лучших форварда – они же и два лучших защитника».

Это было действительно так, и подобное везение – большая редкость. Фил Джексон сознавал, что тактика игры в нападении не самая сильная его сторона, а вот действия игроков в обороне он выстраивал безупречно. Приняв команду осенью 1989 г., Фил в тренировочном лагере стал отрабатывать с игроками систему прессинга в защите, призывая подопечных действовать с максимальной энергией, чтобы создать благоприятные возможности своим нападающим. Игроки хорошо усвоили наставления тренера.

Майкл Джордан играл в защите прекрасно. Майк Данливи вообще считал, что в его амплуа с ним никто не может сравниться. По сути дела, Джордан был игроком универсальным. И здесь надо отдать должное его университетскому тренеру Дину Смиту, который, сразу же угадав в Майкле блестящего форварда, заставил его упорно совершенствовать игру в защите. Так сформировался уникальный игрок – опаснейший нападающий, который вместе с тем не чурался черновой и зачастую неприметной работы в защите.

Как-то в начале своей профессиональной карьеры Джордан вскользь сообщил репортерам, что надеется когда-нибудь удостоиться одновременно звания лучшего защитника года и самого ценного игрока. Ян Хаббард, работавший тогда в «Даллас Морнинг Ньюс», написал по этому поводу, что такое произойти не может. Ни у кого не хватит физических сил и энергии, чтобы одинаково и на столь высоком уровне выступать в обоих амплуа. Но, вопреки его сомнениям, в сезоне 1987/88 г. Джордан завоевал оба звания. Хаббард в очередной раз признал свою ошибку. Но Майкл, всегда оставлявший последнее слово за собой, ему ее не простил. Как этот писака посмел недооценивать Джордана? Нет, это не журналистский ляп – это нечто похожее на уголовное преступление.

В сезоне 1990/91 г. Пиппен выглядел в защите, возможно, даже лучше самого Джордана. Он действовал более разнообразно и гибко. С его неимоверно длинными ручищами, Скотти в

«размахе крыльев» превосходил Майкла. Передвигаясь по площадке с проворством хищника, он дотягивался до мяча с легкостью заправского центрового. Когда Скотти только начинал свою профессиональную карьеру, ничто ему так не помогло, как игра против Майкла на ежедневных тренировках. Тут все очень просто: если он научится нейтрализовывать Джордана, то сможет выключить из игры любую звезду НБА. Майкл и Скотти, а также Хорас Грант, возможно, самый быстрый ударный форвард лиги, надежно цементировали оборону «Буллз». Джонни Бах называл эту троицу «доберманами» – настолько они были проворны и свирепы в защите. Не следует сбрасывать со счетов и Картрайта. Хотя его игра в нападении поблекла, в защите он позиционно играл безупречно. Центровые других клубов с ним никогда не справлялись. Учитывая достоинства чикагских игроков, победить их было действительно трудно. Иногда «Буллз» прибегали к игре от обороны, и такие матчи заканчивались с нерезультативным (по баскетбольным, конечно, канонам) счетом. Но порой они взрывались и играли в открытый баскетбол. Тогда встречи заканчивались со счетом, переваливавшим за сто очков.

Пока оба клуба готовились к решающим сражениям, мало кто реально представлял, насколько сильны «Буллз». О Джордане, конечно, знали все, но это особая статья. Да, «Буллз» разгромили в этом году «Пистонс», но только те, кому доводилось играть против детройтцев, понимали, как трудно их победить. А вот о силе «Лейкерс» знали все: ведь этот клуб давно взошел на баскетбольный Олимп.

Первые два матча состоялись в Чикаго. В дебютной встрече «Буллз» чересчур осторожничали и на удивление нерасторопно действовали в защите. Перед финальным свистком Сэм Перкинс точно бросил из трехочковой зоны, что принесло калифорнийцам победу с преимуществом в два очка. У Фила Джексона сложилось ощущение, что его команда сыграла ниже своих возможностей. Конечно, ребята нервничали: как-никак первая встреча на столь высоком уровне. Фил поразмыслил над тем, как укрепить оборонительные порядки. Тренер не впал в отчаяние. Да, победу упустили, но игрой своих питомцев Джексон в принципе остался доволен и был уверен, что «Буллз» смогут взять реванш.

В начале второй встречи Джордан успел получить два персональных замечания. Джексон подумал, что зря он не приставил к Мэджику Джонсону Пиппена. Это был бы более удачный ход. Пиппен ростом почти был с Джонсона, но гораздо быстрее его. И если бы он плотно его опекал, атаки калифорнийцев срывались бы чаще. У «Лейкерс» оказалось уязвимое место – на площадку не вышел Джеймс Уорси,

получивший серьезную травму лодыжки. Джеймс прекрасно владел дриблингом и мог прорвать любую оборону. Учитывая его отсутствие, чикагцы прибегли в защите к элементарному прессингу. Одновременно они поймали свою игру. В третьей четверти из 20 их бросков с игры 17 оказались точными. Ход встречи переломился в их пользу. Когда игра закончилась, на счету Джордана было 15 точных бросков из 18, на счету Паксона – 8 из 8. Один из бросков Майкла стал прямо-таки учебно-показательным. Ведя мяч к кольцу соперников правой рукой, он заметил, что к нему устремился Сэм Перкинс, его бывший одноклубник по «Каролине». Тогда Майкл взлетел в воздух, на секунду завис в нем, переложил мяч в левую руку и вонзил его в корзину. Подобный прием никому еще не удавался. «Быки» победили с большим преимуществом – 107:86. Теперь чикагцев никто уже не мог считать неопытными юнцами, не способными сражаться на равных со знаменитыми калифорнийцами. Но предстояли ответные матчи в Лос-Анджелесе. Фил Джексон сказал своим питомцам, что там надо выиграть две встречи из трех. «А почему бы не все три?» – спросил тренера Джордан.

Итак, третий матч, уже в Лос-Анджелесе. До конца игры остается три с половиной секунды. Майкл, пролетев в воздухе 14 футов, точно бросает по кольцу. Счет сравнивается, и назначается овертайм. «Буллз», будучи моложе и свежее уставших соперников, в итоге побеждают. Однако им не повезло: Джордан, неудачно приземлившись после своего фантастического прыжка, спасшего команду от поражения, серьезно повредил большой палец ноги. Сразу же почувствовав адскую боль, он решил, что у него скорее всего перелом. В овертайме он не мог ни резко стартовать, ни мгновенно останавливаться.

После игры Чип Шефер, один из тренеров «Буллз», пытался сконструировать для Джордана специальную обувь, чтобы защитить палец от дальнейших неприятностей, но Майкл, примерив экспериментальную доморощенную обувку, понял, что полноценно играть он с ней не сможет, поскольку его движения будут скованными. Накануне четвертой встречи он сказал Шеферу: «Спасибо за старания, но лучше пусть уж побаливает». Он надел свою обычную спортивную обувь и понадеялся, что с болью как-нибудь справится. И справился, да еще принес своей команде 36 очков. В итоге чикагцы выиграли третий матч подряд. Во второй половине этой встречи Мэджик Джонсон постоянно орал своим партнерам: «Жестче играйте, жестче!» Но на сей раз лидер «Лейкерс» оказался бессилен по-настоящему вдохновить партнеров. Очень неубедительно выглядел Сэм Перкинс. Из 15 его бросков цели достиг лишь один. Разрыв в счете оказался не

так уж велик, но все равно – оборона чикагцев действовала безупречно. «Буллз» наглухо закрыли пути к своему кольцу, загнав «Лейкерс» на его половину площадки.

Избалованные славой калифорнийцы наконец-то осознали, что на Олимпе американского профессионального баскетбола грядут большие перемены. Если после третьего матча Джонсон предсказывал, что финальная серия затянется («Ничего ведь пока не решено»), то после четвертого он испытал настоящее потрясение.

«Да, надавали нам по нашим старым задницам, – с горечью сказал «Волшебник». – Никогда не думал, что такое может произойти». Проигрыш трех матчей финальной серии у себя дома действительно казался игрокам, тренерам, менеджерам и болельщикам «Лейкерс» событием невероятным.

Перед пятым матчем, проходившим в «Форуме», калифорнийцы настроились на игру серьезно и решительно. Когда до конца встречи оставалось примерно 6 минут, «Лейкерс» вел с перевесом в одно очко. Чикагские тренеры забеспокоились: вдруг Джордан, плюнув на коллективную атаку, снова станет брать игру на себя? Этого им меньше всего хотелось, тем более что Паксон часто оставался открытым. Мэджик Джонсон, соблюдая принцип зонной защиты, иногда не обращал внимания на Паксона и отступал к своему кольцу, чтобы подстраховать партнеров во время стремительных прорывов Джордана и Пиппена.

«Майкл, не видишь, кто у нас открыт?» – прокричал с тренерской скамейки Джексон. Ответа не последовало. Тренер повторил свой вопрос, но Майкл никак не реагировал. Джексон умоляющим тоном спросил его о том же в третий раз. «Вижу – Пакс», – спокойно заметил Джордан. «Тогда отдай ему свой гребаный мяч!» – вскипел тренер.

Для чикагских игроков эта перепалка впоследствии оказалась весьма полезной для дальнейшей эволюции клуба, который все чаще стал делать ставки на коллективную игру. Годы спустя, когда отношения между Краузе и Джексоном окончательно разладились, Джерри Рейнсдорф вспоминал этот эпизод как один из самых счастливых моментов в жизни Краузе, в то время больше недолюбливавшего звезду «Буллз», чем их тренера: «Джерри не уставал тогда повторять, что ни один тренер НБА, кроме Фила, не смог бы укротить своенравного Майкла». «Буллз» победили и в пятом матче – 108:101. Они действительно стали непобедимыми и в выездных встречах, да еще с самыми титулованными соперниками.

Как считали специалисты, новому чемпиону НБА успех в

первую очередь, принесла его надежная защита. Ведь «Лейкерс» год за годом набирал в финальных сериях в среднем по 100 очков за матч, а сейчас, в 1991 г., чикагцы сбили ему эту планку до 90 очков. Да, факел победителя завоевал новый клуб.

После пятого матча, осознав, что за семь лет в НБА он наконец-то стал чемпионом, Майкл не выдержал и разрыдался. Репортеры поинтересовались у Мэджика Джонсона, так ли эмоционален он был, завоевав свой первый чемпионский титул. «Нет, – ответил великий игрок. – Я был тогда очень молод и толком не понимал, что означает победа в чемпионате НБА. Но я прекрасно понимаю, что чувствует сейчас Майкл. Я испытывал такие же эмоции, став старше, когда победы в чемпионатах стали даваться с неимоверным трудом».

Глава 22. Чикаго, 1997-1998 гг.

С декабря 1997 г. состояние Скотти Пиппена, физическое и психологическое, хоть и медленно, но стало улучшаться. Рон Харпер, его партнер и близкий друг, постоянно о нем заботился. Не оставался в стороне и Фил Джексон. Он не запугивал Пиппена и не вставал на сторону менеджеров – он терпеливо объяснял Скотти, что от его затеи пострадают не Краузе с Рейнсдорфом, а он сам и, конечно, его товарищи по команде.

В конце декабря Скотти решил-таки вернуться в клуб, но его нога заживала медленно, хотя операция прошла успешно. Когда Пиппен начал тренироваться, его наставники с ужасом обнаружили, что за четырехмесячный перерыв мышцы его ног так атрофировались, что высота вертикального прыжка Скотти снизилась на две трети. Возвращение Пиппена в строй оказалось более трудным процессом, чем все ожидали. После того как нога его зажила полностью (с точки зрения врачей), прошли еще недели, прежде чем он смог играть.

Пиппен пропустил 35 календарных встреч – почти половину сезона, в котором каждый клуб НБА проводит 82 матча. В отсутствие Скотти его партнеры держали марку «Буллз». Из 35 матчей, проведенных без Пиппена, они победили в 24. Но каждая победа изматывала их полностью. Особенно тяжело приходилось Джордану. В каждом матче его опекали двое, а то и трое соперников, а ему еще надо было выполнять работу Пиппена – и в атаке, и в обороне. Надежды на то, что Майкл выдержит этот сезон, таяли. Ему должно было скоро исполниться уже 35, а он в каждом матче проводил на площадке 39 минут. И минут, замечу, очень нелегких.

10 января, впервые за столь долгое отсутствие, Пиппен вышел на официальный матч. «Буллз» играли дома против клуба «Голден Стейт Уорриорс» из Калифорнии.

Со Скотти игра пошла уже другая. Раньше чикагцы выступали без чистого опорного защитника, причем делалось это специально, чтобы облегчить Джордану путь к кольцу соперника. В прошлом в основном работал с мячом Пиппен, хотя и другие игроки ему помогали. Без Пиппена же «Буллз» зачастую действовали скованно. С его возвращением все радикально изменилось. Вообще же стоит сказать, что если в НБА мало кто в артистизме превосходил Джордана, то и мало на кого можно было смотреть с таким удовольствием, как на Пиппена. В каждом своем движении Скотти был неподражаемо элегантен. Его природная грация, легкость, с которой он передвигался по

площадке, внезапно меняя направление, сверхточный расчет времени до доли секунды – все это завораживало даже его партнеров. С возвращением Пиппена атаки команды вновь стали гибкими и разнообразными. Каждый игрок знал, где и когда ему надо находиться. Команда напоминала часовой механизм, сделанный искусным мастером.

За оставшиеся дни января и в первых числах февраля чикагцы победили в 10 матчах, уступив лишь в двух. К ним вернулась прежняя уверенность в себе, даже некоторая дерзость. В начале февраля «Буллз» прилетели в Лос-Анджелес на матч с «Лейкерс», состав которого к тому времени обновился и помолодел. Такие игроки, как Шакил О'Нил, Коби Брайант, Ник ван Эксель, Роберт Хорри, Эдди Джонс, были с точки зрения атлетизма, наверное, самыми выдающимися баскетболистами НБА. Они, казалось, излучали физическую мощь. Но вот добавятся ли к силе игровое мышление, стойкость духа и воля к победе -это еще оставалось под вопросом. Баскетбольным специалистам и комментаторам нынешний «Лейкерс» напоминал некоторые команды прошлых времен, которые за счет огромной силы и выносливости игроков удачно завершали изнурительный сезон, но в сериях «плей-офф», где защита соперников стояла насмерть, зачастую уступали менее ярким клубам, которые брали верх за счет строгой игровой дисциплины.

«Буллз» прибыли в Лос-Анджелес в разгар сезона, имея за плечами «послужной список», о котором мог мечтать любой тренер, – 53 победы и 13 поражений. Единственное, что беспокоило чикагцев, – это появление на горизонте нового опасного соперника – клуба «Индиана», тренером которого был тогда знаменитый в прошлом игрок Ларри Бёрд.

Матч в Лос-Анджелесе был разрекламирован как возможная репетиция встречи тех же команд уже в финальной серии чемпионата. Первая половина игры закончилась в пользу «Лейкерс» со счетом 57:53. В третьей четверти калифорнийцы разыгрались не на шутку, набрав еще 34 очка, в то время как чикагцы довольствовались всего 10. «Перед нами словно вырос какой-то барьер», – сказал потом Джексон. «Лейкерс» торжествовал: вот что значат свежие силы, здоровье и удача. «Буллз» же удрученно зализывали раны. Тони Кукоч провел на площадке всего 9 минут, набрал 2 очка и жаловался на травму, которую Джексон расценил как таинственную болезнь. На самом деле это оказалось легким растяжением мышц спины. Джексон пришел в ярость от плохих действий своих игроков в обороне, но позднее понял, что его парни просто слишком расслабились накануне матча, устроив шумную вечеринку. Однако он решил не

придавать поражению особого значения: матч ведь был неофициальным.

Если что и беспокоило Джексона, так это ситуация с Тони Кукочем, талантливым и несколько загадочным хорватом. Он играл за «Буллз» уже пятый сезон и, казалось бы, должен был успеть оправдать надежды селекционеров и тренеров. В Европе Тони считался лучшим баскетболистом Старого Света, но в Чикаго с ним намучились. Необычайно талантливый защитник ростом 6 футов 11 дюймов, Кукоч совершал неимоверные броски в прыжках, прекрасно видел площадку, а пасы его вообще были бесподобны. Не случайно в Европе его прозвали Официантом – пасы партнерам он выкладывал как на блюдечке. Порой, когда он находился на площадке вместе с Джорданом, Пиппеном, Родманом и Харпером, эта пятерка «Буллз» была неудержима. Она мчалась к кольцу соперников, искусно перепасовывая мяч, который даже не касался пола. А иногда Кукоч, стоя у боковой линии, имитировал бросок в прыжке, а вместо этого устремлялся к кольцу и совершал неотразимый бросок левой рукой. В такие моменты казалось, что он может принести команде за матч 20 очков, совершенно не прилагая к тому особых усилий. Но так и случалось редко. Во-первых, в Кукоче не было той жесткости, без которой в НБА делать нечего. Во-вторых, он играл нестабильно. Сегодня, допустим, он выглядит суперзвездой, а завтра – бесцветный середнячок.

Кукоч был довольно приятным, мягким парнем, но чересчур ранимым. Если дела у него не шли, он тут же раскисал. Вообще в Америке он чувствовал себя неуютно. Тренеры заметили, что в Чикаго, к которому он более или менее привык, Тони играет гораздо лучше, чем на выездах. Тренеры между собой решили, что у себя в Югославии Кукоч воспитывался скорее не как будущий профессиональный баскетболист, а как наследный принц. Однажды Чип Шефер, объясняя ему, почему на него напускаются тренеры, привел такую аналогию: родителям, мол, иногда нужно хорошенько отшлепать своего отпрыска. Кукоч ничего не понял. Пришлось вызвать переводчика, но дело было не в языковом барьере, а в том, что Тони в детстве никогда не наказывали. Более того, в Европе он никогда не слышал упреков от тренеров. Те были настолько счастливы тем, что заполучили такого талантливого «великана», что всерьез с ним не работали. Его действия в нападении казались им более чем достаточными, да и в защите он не выглядел медлительным, поскольку европейский баскетбол в атлетизме и скорости значительно уступает американскому. На родине при своем росте Тони легко справлялся с функциями защитника и всегда выигрывал подборы.

Когда он переехал в США, американские тренеры, конечно, сразу же распознали его несомненный талант, но поняли одновременно, что настоящей тренировочной школы он не прошел. Тони не владел некоторыми элементарными азами баскетбола. Особенно это касалось действий в обороне. В защите он играл, как говорят в американском баскетболе, на манер тореадора. Иными словами, выставлял вперед руки, вместо того чтобы постоянно двигаться. Выставлять вперед руки – реальный шанс заработать фол. Кукоч понятия не имел о настоящем тренировочном процессе, даже не знал, что можно есть перед игрой, а чего нельзя. Однажды Чип Шефер, разделив с ним трапезу незадолго до матча, был поражен, что Кукоч заказал семь блюд, включая салат, бифштекс и спагетти. «Да, тянет на 4 тысячи калорий», – не без восхищения заметил Чип.

Как многие игроки, приехавшие из Европы, Кукоч позволял себе в день матча выпить за ланчем вина, хотя и слегка разбавлял его водой. Когда он прибыл в США, процент жира в его теле составлял 20, что для НБА недопустимо. Правда, тренеры и врачи «Буллз» этот процент снизили. Затем они занялись его физической подготовкой. Тони усердно поднимал штангу, но сильнее от этого не стал, а вот скорость утратил. В конце концов наставники решили оставить его в покое: что будет – то будет, хотя успели несколько улучшить его спортивную форму и приучили правильно питаться.

Благодаря своему высоченному росту Кукоч действительно мог выиграть заваруху у своего кольца, но поскольку его игра не отличалась надежностью, Джексон редко включал его в стартовую пятерку. Для лиги, где исповедовался атлетизм, он был все же слабаком. Он избегал резких столкновений с форвардами соперников. Когда тренеры и игроки «Буллз» просматривали видеозаписи сыгранных матчей, партнеры Тони, заливаясь смехом, подтрунивали над ним. Вот здесь он отступил в сторону, а надо было бросаться на форварда. А вот здесь надо бороться за подбор, а Кукоч стоит, прикрыв голову руками. Джордан, Пиппен и Джексон, впрочем, не злорадствовали, а терпеливо объясняли Тони его ошибки.

Большинство игроков НБА понимало, что гораздо важнее, когда их вводят в игру в решающий момент со скамейки запасных, а не ставят в стартовую пятерку. Этим как раз и подчеркивается их ценность. Но упрямый Кукоч этого не понимал и постоянно плакался Джексону: почему, мол, он недостоин начинать матч.

Из всех талантливых игроков, с которыми Джексону довелось иметь дело в Чикаго, Кукоч, наверное, был единственным,

который каким-то образом ухитрялся ускользать из-под его опеки. Иногда Тони искрился талантом озорного мальчишки, а иногда совершенно выпадал из командных действий. Нужно бросать по кольцу, а он отдает пас. Или наоборот – бросает сам, вместо того чтобы отдать мяч партнеру, находящемуся в более выгодной позиции. А то вдруг держит мяч под кольцом, нарушая правило трех секунд. В матче серии «плей-офф» против «Майами» его опекал Крис Гатлинг, который во время игры серьезно повредил лодыжку. У игроков из Флориды не было права на тайм-аут, и Кукочу противостоял фактически одноногий соперник. Тони стоял с мячом у лицевой линии. Партнеры рассыпались по площадке, чтобы расчистить ему путь к кольцу. Но он решил бросить из трехочковой зоны и промахнулся. «Тони, – сказал ему после матча Джексон, – теперь я понял, почему Хорватия не побеждала ни в одной войне».

С годами Кукоч стал для Джексона одним из двух его мальчиков для битья. Другим был Люк Лонгли, высокорослый центровой, очень плохо передвигавшийся по площадке. Но Кукоч раздражал тренера больше. Люк, по крайней мере, после просмотра видеозаписей искренне признавал свои промахи и обещал их исправить. А Тони всегда находил что-нибудь в свое оправдание или утверждал, что на пленке не все зафиксировано. Его в команде считали плаксой. Джексон возился с ним целые сезоны, приговаривая при этом: «Если я не буду тебя воспитывать, Тони, за дело возьмутся твои товарищи. Так что лучше доверь это мне». Когда Джексон по ходу матча отсылал Кукоча на скамейку запасных, тот уходил с площадки, бормоча под нос что-то на родном языке, – очевидно, жаловался на судьбу или проклинал тренера.

Отношения между Джексоном и Кукочем осложнялись еще и тем, что молодой хорват был выбран на драфте Краузе, и Джерри относился к нему с большой теплотой, закрывая глаза на изъяны в его игре. Ничто так не радует талантливого селекционера, как найти во втором или третьем раунде драфта великого игрока, чтобы и самому прославиться, и разрекламировать новую звезду.

Двадцатью годами ранее, когда НБА переживала, так сказать, «ледниковый период», когда ее деятельность практически не освещалась телевидением, а поиски новых звезд велись без помощи современных технологий, селекционерам, рыскавшим по богом забытым колледжам, удача улыбалась чаще. В новую же эру, когда всем все сразу же становилось известно, заполучить ценного игрока удавалось немногим. Вот почему так торжествовал Краузе.

Первые сведения о Кукоче Краузе получил от бывшего игрока

НБА Леона Дугласа. «Удивительный парень, – сказал тот, – такое впечатление, что он всю жизнь прожил в гетто». – «А зачем мне белый парень из югославского гетто?» – недоуменно спросил Краузе. – «Затем, что в его игре есть нечто особенное». – «А на какой позиции он играет?» – «В защите». – «Все-таки не понимаю, зачем мне нужен защитник, выросший в белом югославском гетто». – «Джерри, – сказал Дуглас, да у него рост 6 футов 11 дюймов».

Эта информация заинтересовала Краузе, и он начал «копать». Никогда Краузе с такой страстью не охотился за новым приобретением. Между тем справки о Кукоче начал наводить Бакки Баккуолтер из «Портленда», тоже любивший шастать по темным аллеям баскетбольного мира. Кукоч тем временем принимал участие и турнире, проходившем в Риме. Баккуолтер заметил на трибунах Краузе, что его ничуть не удивило. Затем он увидел, что Краузе куда-то исчез. «Решил спрятаться от меня», – подумал Баккуолтер и после матча разыскал-таки конкурента. «Джерри, – спросил он с подковыркой, – неужели тебя интересует Кукоч? Он ведь игрок не в твоем вкусе – дылда, но далеко не атлет».

Хитроумный Краузе дипломатично согласился с собеседником: да, слабак. И добавил: «Ненадежен в защите, да и у нас вакантной позиции нет для него». «Говори, что хочешь, Джерри, – подумал про себя Баккуолтер, – но ведь мы с тобой охотимся за одним и тем же парнем и по одной и той же причине: он исключительно талантлив. А насчет отсутствия вакантной позиции – чушь. Для защитника ростом 6 футов 11 дюймов, который достаточно техничен, точно бросает по кольцу и хорошо играет в пас, вакантное место в команде всегда найдется».

«Буллз» заполучили Кукоча на драфте 1990 г. Ему тогда был всего 21 год. Возникли трудности с заключением контракта. В Европе Кукоч считался суперзвездой, и ему очень хорошо платили. Семья его жила в Югославии, раздираемой гражданской войной. Невеста Тони (впоследствии она стала его женой) ни малейшего желания переезжать в Штаты не испытывала. Кукоч заколебался, подписывать ли контракт с «Буллз » или нет. Но Краузе вцепился в него мертвой хваткой. Осыпал его подарками, втолковывал ему, что значит играть в сильнейшем клубе НБА. Сумма обещанного контракта превосходила гонорары таких игроков, как Пиппен, что осложняло атмосферу в клубе. Многие чикагские баскетболисты испытывали чувство обиды: Краузе увивается вокруг этого иностранца, который не доказал еще, что может играть в НБА, а с ними, чемпионами лиги, всегда подчеркнуто холоден. Краузе словно бы помешался на Кукоче, а у

игроков «Буллз» росло недовольство своими контрактами и закипало раздражение к чудо-хорвату.

Когда Краузе попросил Джордана позвонить Кукочу в Европу и все же уговорить его переехать в Америку, Майкл холодно ответил, что он не владеет югославским языком. То, что Кукоч не впишется в состав «Буллз», стало ясно во время Олимпиады-1992, когда американская «Дрим Тим » играла против сборной Хорватии. Пиппен и Джордан сражались с Кукочем, словно это была вендетта. Хорваты потерпели сокрушительное поражение. А люди, знавшие закулисную жизнь баскетбола, прекрасно поняли, что настоящей мишенью Джордана и Пиппена был не Кукоч, а Краузе.

Так или иначе, со временем Кукоч за немалую цену выкупил свой дорогостоящий европейский контракт и переехал в Америку. Как раз в тот момент Джордан временно ушел из баскетбола. Услышав эту новость, Кукоч расплакался. Чтобы утешить его, Краузе обещал ему золотые горы.

После ухода Хораса Гранта, возвращения Майкла Джордана и поражения «Буллз» в Орландо в финальной серии Восточной конференции стало очевидно, что команде нужен «великан», владеющий точным броском и умеющий выигрывать подборы. «Нью-Джерси» предложил «Буллз» сделку: он забирает у чикагцев Кукоча, а взамен отдает Деррика Коулмэна. Коулмэн, игрок очень талантливый и высокооплачиваемый, имел, как все, свои недостатки. Ему не хватало физической мощи и преданности интересам команды. Репутацию он обретал не искусной игрой, а вечными склоками с тренерами. Вот один из примеров. Когда тренеры потребовали от Деррика, чтобы он во время переездов команды одевался, как принято в клубе, он тут же подписал чек на большую сумму, чтобы покрыть все штрафы за весь сезон за «неправильную форму дорожной одежды». Деррик был ростом 6 футов 10 дюймов и весил 240 фунтов. Когда на него находило вдохновение, он отлично играл в защите, постоянно выигрывал подборы и неплохо бросал по кольцу. И пусть такие моменты были редки, но все же он оставался грозным игроком. Во всяком случае, в нападении он действовал намного эффективнее Гранта. Джексон был уверен, что впишет Коулмэна в свою схему. Деррик играл в очень слабом клубе, а в «Буллз», команде-чемпионе, да еще под неусыпным оком Майкла Джордана талант его раскроется по-настоящему. Короче говоря, Джексон одобрял предполагаемую сделку с «Нью-Джерси». Ввиду дорогостоящего контракта Коулмэна (а он получал 7 миллионов долларов в год) у «Буллз» возникли некоторые юридические трудности, но, как полагал Джексон, если Краузе готов пойти на сделку, он найдет

уловку. Однако Краузе не согласился на обмен, после чего Джексон понял, что им никогда не избавиться от Кукоча.

В сезоне 1997/98 г. Кукоча все чаще одолевали приступы депрессии. Если в первое время в Чикаго он часто ходил обедать в рестораны в компании с другим игроками – в особенности с Лонгли, Уэннингтоном, Керром и Бухлером, то со временем он стал избегать их общества. Иногда его вытаскивали куда-нибудь силком, но товарищи замечали, что мысли его где-то далеко. Да, Тони был явно не в своей тарелке. Обедать с ним не доставляло никакого удовольствия, и его больше не приглашали разделить трапезу. Кукоч испытывал какой-то безотчетный внутренний страх, и партнеры, испугавшись, что он на грани нервного срыва, стали подбирать к нему ключи.

В ответ на расспросы товарищей Кукоч посетовал, что тренеры клуба относятся к нему без должного уважения. Можно было его понять: Джексон не давал ему спуску. Некоторые знавшие и тренера «Буллз», и хорватского игрока думали, что дело здесь не в Кукоче, а в Краузе, который его пригрел. Вот, мол, Джексон, находясь в натянутых отношениях с Краузе, отыгрывается на его протеже. Но это мнение было ошибочным. Предельно тактичный Джексон знал, насколько ранима душа баскетбольных звезд, и никогда не давил на игроков. Но вот что он не прощал своим подопечным, так это игру ниже своих возможностей. И, по мнению Джексона, Кукоч далеко не полностью использовал свой потенциал. Краузе, в свою очередь, полагал, что Джексон придирается к хорвату. Менеджер «Буллз» надеялся, что, когда возраст не позволит Майклу Джордану больше выступать за клуб, тренер сделает ключевым игроком команды именно Кукоча. Но Джексон так далеко не заглядывал.

Так или иначе, но Джексон в сезоне 1997/98 г. твердо решил заняться перевоспитанием хорвата. Пока что ему это не удавалось. В начале февраля постоянные замечания тренера в адрес Кукоча стали восприниматься многими как обычные придирки. Накануне матча с «Лейкерс» Фрэнк Хэмблен, один из помощников Джексона, посоветовал своему шефу не трогать больше парня, а то он может сломаться и клуб окончательно потеряет его. Джексон послушался своего помощника и действительно оставил Кукоча в покое. Но не прошло и двух дней, как Джексон сказал своему приятелю с известной ноткой раздражения: «Пугают меня, что я потеряю Тони. Да я жил в постоянном страхе, что потеряю его, все пять лет, что работаю с ним».

Глава 23. Чикаго; Портленд, 1992 г.

После того как «Буллз» в первый раз завоевали чемпионский титул, мир баскетбола понял, насколько хороши чикагцы. А главное – это поняли и сами игроки «Буллз». Они твердо решили не уступать никому звание, добытое с таким трудом. В сезоне 1991/92 г. они выиграли 67 матчей. Грант по-прежнему был на высоте, принося команде в среднем за игру 14 очков и выигрывая 10 подборов. У Пиппена, впервые включенного в стартовую пятерку во время матча «Всех Звезд», статистические показатели тоже были отличные: в среднем за игру он приносил команде 21 очко, делал 7 результативных передач и выигрывал 8 подборов. Довольный Фил Джексон про себя отмечал, что его команда – эталон современного баскетбола – сбалансированная, умная, гибкая и уверенная в своих силах. Быстро набирали силу такие молодые игроки, как Б. Дж. Армстронг, а Грант, Пиппен и Джордан находились в расцвете своего таланта.

На олимпе НБА происходили изменения. «Селтикс», «Лейкерс» и «Пистонс» явно сдали. Из новой смены чемпионов первыми на вершину поднялись «Буллз».

Но удержать чемпионское звание было не так-то просто. По прогнозам, в 1992 г. и 1993 г. в финальной серии «плей-офф» в Восточной конференции чикагцам предстояло встретиться с труднейшим соперником – нью-йоркским клубом «Никс», перенявшим от «Пистонс» прозвище «Плохие парни». В этой команде подобрались высоченные, физически мощные игроки. Таких талантливых защитников, как у детройтцев, скажем, Исайя Томас или Джо Думарс, здесь не было, но железом своих мышц ньюйоркцы уверенно прокладывали себе дорогу к победе. С «Никс», как и с «Пистонс», все боялись играть, и так же, как в случае с детройтским клубом, если, не дай бог, соперники показывали малейшую слабинку, они обречены были на поражение. За «Никс» выступали не только настоящие геркулесы Юинг и Оукли. В 1992 г. клуб приобрел «маленьких» форвардов Ксавьера Макданиэля и Энтони Мэйсона, которые на самом деле выполняли функции ударных, таранных форвардов. Тренировал нью-йоркский клуб Пат Райли, который находился в натянутых отношениях с Филом Джексоном, в особенности после того как тренер чикагцев публично выразил свое неодобрение силового стиля «Никс».

Играя сверхжестко, баскетболисты «Никс» часто «поколачивали» соперников, и те невольно уступали грубой силе. С этим испытанием пришлось столкнуться и «Буллз». В седьмом

матче полуфинала конференции в 1992 г. Макданиэль, сложенный более атлетично, чем Пиппен, время от времени задавал Скотти хорошую трепку. У Джордана лопнуло терпение, и он вмешался – пошел на ньюйоркца один на один, и конфликт уладился. «Это как в школе, когда гроза малышни обижает твоего младшего брата и ты должен за него вступиться», – объяснял Майкл позже свой поступок. Фоторепортеры зафиксировали этот эпизод. Миниатюрный по сравнению с Макданиэлем Джордан бесстрашно смотрит в упор на соперника. А тут возникает еще более мощный игрок «Никс» – Юинг. Майкл переводит взгляд на него и не отступает ни на шаг. В этот момент чикагские игроки почувствовали, что в игре наступил психологический перелом в их пользу. А увеличенная фотография, запечатлевшая ту стычку, стала с тех пор украшать офис Фила Джексона. Что касается седьмого матча полуфинала, то «Буллз» разделали «Никс» под орех.

В финале чемпионата НБА того же, 1992 г. «Буллз» противостоял клуб «Портленд Трейл Блейзерс» из Портленда. В этой команде подобрались очень одаренные игроки, которые предпочитали не плести кружева комбинаций, а играть в атакующий открытый баскетбол. Серия встреч между «Портлендом» и «Чикаго» представляла особый интерес еще и потому, что ожидалась захватывающая дуэль между Майклом Джорданом и Клайдом Дрекслером. Некоторые полагали, что силы дуэлянтов равны. Существовало даже мнение, что Дрекслер в чем-то даже превосходит Джордана, но, поскольку Портленд находится на северо-западной окраине США, а не в центре страны Клайд был не так разрекламирован. Среди преимуществ Дрекслера над Джорданом назывались такие: он сильнее в подборах, лучше играет в пас и точнее бросает из трехочковой зоны. Действительно, в сезоне 1991/92 г. процент попаданий но кольцу из трехочковой зоны у Клайда был значительно выше, чем у Майкла.

Дрекслер был парнем скромным, и отсутствие рекламной шумихи вокруг него его совершенно не волновала. Не беспокоило его и то, что он незаслуженно обойден вниманием прессы. В отличие от Джордана, который всегда любил быть на виду (и, кстати, извлекал из этого немалую пользу), Клайд предпочитал оставаться в тени. Если ему и случалось быть в центре всеобщего внимания, то в такие моменты он испытывал неловкость. Как он считал, слава и деньги могут испортить человека разрушить его как личность. Дрекслер неустанно повторял фразу, так не характерную для американца: «Лично я не люблю быть в центре всеобщего внимания».

Майкл, человек азартный во всех единоборствах, накануне финальной серии выразился довольно тактично: дескать, не надо рассматривать предстоящие матчи как поединки Джордана и Дрекслера – соревноваться будут команды. Вообще он перед прессой выступил удачно, не бахвалился и с уважением отзывался о соперниках. Конечно, у Джордана были и личные мотивы, связанные с этими матчами. Он наслышался достаточно сравнений его с Дрекслером, и теперь у него появился реальный шанс показать на деле, кто есть кто. Майкл твердо решил разгромить «Портленд», а заодно сделать посмешище из Дрекслера. Внутри у него все кипело: скажите на милость, кто-то считает меня второсортным игроком. Ладно, вы за это поплатитесь. Джордан уверен был, что, несмотря на все комплименты в адрес Клайда, игра его далека от совершенства.

Баскетбольные специалисты считали, что у Джордана два серьезных преимущества над Дрекслером, которые сильно повлияют на ход матчей. Во-первых, Майкл гораздо лучше Клайда играл в защите. Во-вторых, мало кто в НБА мог с ним сравниться в бросках в высоком прыжке. Он хорошо овладел этим приемом еще в колледже, но и перейдя в профессионалы, без конца отшлифовывал его, даже когда стал звездой. К 1992 г., играя в лиге уже восьмой сезон, Джордан считался одним из двух или трех лучших в НБА специалистов в бросках в прыжке. Более того, в отличие от многих звезд, Майкл никогда не останавливался на достигнутом и упорно отрабатывал броски с неудобного положения. Это очень пригодилось ему во время матчей серии «плей-офф», когда соперники строят предельно жесткую оборону и прессингуют на всей своей половине площадки. Как ни парадоксально, чем жестче опекали Майкла, тем точнее он бросал по кольцу.

Дрекслеру же броски в высоком прыжке удавались далеко не всегда. Впрочем, сам он думал иначе, и, когда товарищи по команде и руководители клуба советовали ему еще поработать над этим приемом, Клайд приводил свои игровые статистические показатели, свидетельствующие о том, что 50 процентов его бросков достигают цели. Но эти цифры были обманчивы: они говорили о простых бросках, которыми завершались прорывы Клайда буквально под кольцо соперников, а вот мастером броска в прыжке Дрекслер так и не стал. Более того, одно дело – точно бросать в календарных играх, среди которых немало проходных. Другое – точно бросать в серии «плей-офф», когда каждый мяч – на вес золота, а тебя опекает один из лучших защитников НБА – сам Майкл Джордан.

Хотя пресса и твердила, что Дрекслер из трехочковой зоны

бросает точнее Джордана, Майкла это не слишком беспокоило. Ну что ж, еще один вызов, и надо достойно его принять. В день первого финального матча Джордан пораньше отправился на тренировку и спокойно и методично отрабатывал дальние броски. Предвидя ехидные вопросы со стороны партнеров (они, естественно, знали, о чем пишет спортивная пресса), Майкл заранее заготовил ответ: просто, мол, дурачусь от нечего делать.

То, что творилось на баскетбольной площадке вечером того дня, Дэнни Эйндж, выступавший тогда за «Портленд», назвал бесчеловечным унижением своей команды. В начале игры какое-то время Дрекслер позволял Джордану беспрепятственно совершать дальние броски, и Майкл точно бросил из трехочковой зоны шесть раз подряд! В первой половине встречи он принес свой команде 35 очков, в немалой степени обеспечив ее победу. «Мне казалось, что я бросаю не из трехочковой зоны, а с линии штрафного броска», – признался Майкл товарищам после игры. «Буллз» победили с разницей в 33 очка. Из видеозаписи того матча был сделан знаменитый клип, который без конца показывали по телевидению. Джордан, совершив очередной точный бросок из трехочковой зоны, возвращается на свою половину площадки и на бегу смотрит в сторону лицевой линии, за которой расположился Мэджик Джонсон, один из телекомментаторов матча. Поймав восхищенный взгляд Джонсона, Майкл в недоумении вскидывает вверх руки, как бы говоря: «Я тоже не понимаю, как мне это удается, но все равно приятно».

Когда мяч был у портлендцев, то, как казалось Эйнджу, Джорданом управляло чувство кровной мести. Он изо всех сил старался, чтобы мяч не достался Дрекслеру. И это ему удавалось. Эйндж понял, что Майкл решил опровергнуть все досужие домыслы прессы, воспринимаемые им как личные оскорбления в свой адрес. «На площадке мы видели настоящего киллера, – говорил Эйндж, – изувера, который убьет тебя, а потом вырежет твое сердце».

Проницательный Фил Джексон, конечно, понимал, что Майклом движут личные амбиции, и опасался их печальных последствий: когда внимание всей команды сосредоточено на действиях одного игрока, это отрицательно сказывается на коллективной игре. Опасения тренера подтвердились. Во второй встрече Дрекслер, получив шесть персональных замечаний, был удален с площадки. До конца матча оставалось 4 минуты, и «Буллз», имевшие перевес в 9 очков, позволили себе расслабиться. Этим прекрасно воспользовался вышедший на площадку Эйндж, сведший матч к ничьей, а в овертайме принесший «Портленду» 9

очков. В результате «Портленд» выиграл. Тем не менее в финальной серии, состоявшей из 6 матчей, «Буллз» победили соперников довольно легко. После чего нашумевшие в свое время сравнения между Клайдом Дрекслером и Майклом Джорданом безвозвратно исчезли.

Глава 24. Ла-Джолла; Монте-Карло; Барселона, 1992 г.

Олимпиада-1992 подняла славу Майкла Джордана на новый уровень. И немудрено: ведь весь мир следил за игрой баскетбольной сборной США, вошедшей в историю спорта под именем «Дрим Тим». Кстати, на ту Олимпиаду впервые были допущены профессионалы, так что американский баскетбол предстал в Барселоне во всей своей красе.

Джордан не особенно стремился в Испанию. За два длинных сезона, увенчанных двумя победами «Буллз» в чемпионате НБА, он сильно подустал. Даже летом он не успевал отдохнуть – приходилось сниматься в рекламных роликах. Участие в Олимпийских играх лишало Майкла последней возможности хоть как-то восстановить силы. Джерри Краузе явно не хотел, чтобы Джордана и Пиппена включили в олимпийскую сборную: «Буллз» это никакой пользы бы не принесло. Два лучших игрока клуба только растратят силы, необходимые к будущему сезону, а то – и не дай бог – получат серьезные травмы. Что же касается Фила Джексона, то он испытывал противоречивые чувства. Как он считал, для Джордана игры в Барселоне много не значили: он уже участвовал в Олимпиаде восемь лет назад. А вот для Пиппена, всегда остававшегося в тени Майкла, Барселона значила многое: ему представился бы шанс прославиться на весь мир. А впрочем, обоим стоит поехать на Олимпиаду. Ведь там будет демонстрация имиджа НБА, в которой заинтересованы корпоративные спонсоры лиги. Важны не победы над Анголой или Хорватией или даже над Испанией – важно представить баскетбол как искусство. А тут уж не обойтись без ведущего солиста театра под названием НБА.

Конечно, Майкла включили в сборную, но он не хотел быть ее лидером. Когда он прибыл в Портленд на Панамериканский турнир, где отбирались сборные, которые будут представлять в Барселоне государства Западного полушария, Брайан Макинтайр, пресс-секретарь НБА, напомнил Джордану, что он включил его в свою символическую сборную.

«Напрасно, – ответил Майкл, – я не собираюсь здесь выкладываться. Устал за сезон, а теперь можно и отдохнуть». В первом матче Джордан действительно позволил себе расслабиться. На следующий день Макинтайр, встретив его, сказал ему, что раз он сам отстраняется от дел, то он нашел ему замену. «И кого же?» – спросил Джордан.

«Карла Мэлоуна», – ответил Макинтайр. «Ну, вы

переборщили», заметил Джордан. «В этом эпизоде был истинный Майкл, – вспоминал Макинтайр. – Я специально сыграл на его самолюбии, и он тут же взорвался. На следующий вечер в матче с какой-то слабой латиноамериканской командой он набрал около 40 очков».

Конечно, быть включенным в «Дрим Тим» означало великую честь для любого игрока. В жилах лучших баскетболистов США в то время текла не кровь, а спортивный азарт. На предолимпийских тренировках, проходивших в Ла-Джолле (Калифорния), Майкл Джордан встретился с Клайдом Дрекслером, с которым они соперничали всего лишь несколько недель назад во время финальной серии чемпионата НБА 1992 г. Подобно многим игрокам лиги, Майкл не упустил случая поиздеваться над недавним противником. Ведя мяч по площадке, он приговаривал: «Ну что, надрал я тебе задницу? Повторим снова?.. Может, сегодня, Клайд, тебе повезет больше?.. Не забывай про броски из трехочковой зоны, Клайд, это твое секретное оружие!»

Чарльз Баркли, тоже игрок сборной, попросил Майкла оставить свои шуточки: как-никак они все сейчас товарищи по национальной команде и нечего бередить друг другу старые раны. Джордан замолчал, но тренеры заметили, что в единоборствах с Дрекслером он во что бы то ни стало стремится одержать верх. Вдруг в следующем году «Буллз» снова встретятся с «Портлендом» в финале чемпионата НБА. Так что пусть Клайд не думает, что поражение его команды – чистая случайность. Майк Крыжевски, один из тренеров «Дрим Тим», уловил ход мысли Джордана и удивился: на носу – Олимпиада в Барселоне, а этот парень уже думает о финале следующего сезона.

Уже после возвращения из Испании Майкл радостно сообщил тренерам «Буллз», что Клайд Дрекслер появился на одной из тренировок, по ошибке надев два левых ботинка. Переобуваться он не стал – так и играл. Джордан, всегда стремившийся нащупать психологическую слабинку у своих потенциальных соперников, с удовольствием эту мелочь подметил. Рассеянность – признак волнения.

Тренеры олимпийской сборной США не могли нарадоваться на своих подопечных. С каждым днем команда сплачивалась все больше и больше. Конечно, случались и перебранки, но не они решали дело. Буквально все игроки испытывали чувство гордости за свою команду, в которой собрались лучшие из лучших баскетболистов на свете. Чувство локтя перевешивало личные амбиции. Парни старались не для себя и на время даже забыли об интересах своих клубов. Главное для них было достойно

продемонстрировать всему миру, что такое НБА и настоящий профессиональный баскетбол. И конечно, все помнили, кто вытащил НБА с задворок спорта, где ею не интересовались ни корпоративные спонсоры, ни телевизионные магнаты, и обеспечил ей огромную популярность и финансовое благополучие. Это чудо сотворило поколение игроков, которое можно назвать поколением Ларри Бёрда, Мэджика Джонсона и Майкла Джордана.

Конечно, тренеры сборной испытывали некоторое волнение. Спорт есть спорт, и здесь полной уверенности в успехе быть не может. Ну, победят парни Анголу или Германию, а покажут ли они тот уровень игры, на который рассчитывают их соотечественники, следящие за матчами из-за океана? Перед отъездом в Европу тренеры подобрали для своих подопечных спарринг-партнеров – команду «Всех Звезд» американского студенческого баскетбола. Там подобрались талантливые ребята, которые через год должны были прийти в НБА. Среди них особенно выделялись Крис Уэббер из Мичиганского университета, Джамал Машберн из университета штата Кентукки, Анферни Хардуэй из Мемфисского университета, Родни Роджерс из университета в Уэйк-Форест и Аллен Хьюстон, великолепный снайпер из университета штата Теннесси.

Тренерами студенческой сборной были Рой Уильямс и Джордж Ревеллинг. Профессионалы провели первый матч довольно вяло и показали скучную игру. Студенты же проявили настоящий спортивный азарт, старались вовсю и победили со счетом 58:52. Причем Хьюстон совершил семь точных бросков из трехочковой зоны. Профессионалы вполне заслужили это поражение, но студенты после матча повели себя бестактно, нарушив заповеди баскетбольной этики, согласно которой каждый должен знать свое место в спортивной иерархии. Ребята, разгоряченные победой, устроили на площадке людоедские пляски и отпускали в адрес соперников фамильярные издевательские шутки.

Рой Уильямс испытывал за них неловкость. Вечером того же дня, играя в гольф с Джорданом, Чаком Дейли, Чарльзом Баркли и Джоном Стоктоном, он решил извиниться за бестактное поведение студентов. «Никогда не подумал бы, что наши ребята окажутся хвастунишками и будут нести всякую чушь», – сказал Уильямс Джордану, которого он тренировал, когда тот был еще студентом. «Не волнуйтесь, уважаемый тренер, – успокоил его Майкл. – Завтра мы дадим им хороший урок». На следующий день, не успел еще судья вбросить мяч в игру, как Майкл Джордан, тыча пальцем в сторону Хьюстона, заявил: «Сегодня ему

не удастся повторить семь вчерашних бросков». После чего наглухо прикрыл парня, не давая ему свободно вздохнуть. В конце первой половины встречи Джордан отправился на скамейку немного перевести дух, а на замену ему вышел Дрекслер. Майкл, кивнув в сторону Хьюстона, напутствовал партнера следующими словами: «Не спускай с него глаз. Клайд, выключи из игры!»

Дальнейшее напоминало избиение младенцев. Вторая половина матча (она длилась 20 минут) завершилась победой «Дрим Тим» с разницей в 38 очков. Потом все согласились поиграть подольше и добавили 10 минут. Конечно, студентов дополнительное время не спасло. Окончательный разрыв в счете достиг 56 очков.

Одним словом, предолимпийская репетиция удалась на славу. Даже если лучшие юные игроки Америки не могут победить «Дрим Тим» (если, конечно, она берется за дело всерьез), то ей никто не страшен. Барселонская Олимпиада превратилась в триумфальное шествие сборной США. Мощная и грозная команда Анголы в самом начале турнира потерпела от нее сокрушительное поражение – 48:116. В полуфинале американцы победили литовцев с перевесом в 51 очко, а в матче за золотые медали выиграли у хорватов с разницей в 32 очка.

Вообще же надо сказать, что настоящие соревнования развертывались не на баскетбольных площадках (американцы были вне конкуренции), а на других фронтах. Я имею в виду состязания двух корпораций – «Найк» и «Рибок». У «Найк» были свои «зафрахтованные» игроки – Джордан, Баркли, Пиппен и другие. А спортивная одежда от «Рибок» была официальной формой олимпийцев. Все участники Олимпиады, даже те, кто имел контракты с «Найк», обязаны были носить одежду и обувь с эмблемой «Рибок». В эпоху битвы крупнейших корпораций за мировой рынок это выглядело, как если бы несколько лет тому назад американских баскетболистов заставили выступать в форме игроков Советского Союза. Спортсмены, связанные контрактами с «Найк», упорствовали. Они не желали рекламировать продукцию злейшего конкурента их спонсоров. Например, Баркли заявлял, что у него «два миллиона причин не надевать кроссовки от «Рибок». Если у него было два миллиона причин, то уж у Майкла Джордана все 20 миллионов. Суперзвезда баскетбольного шоу занял даже более жесткую позицию, чем Фил Найт, которого репортеры замучили вопросами, почему деньги (от контрактов с «Найк») для него дороже патриотизма. «Я думаю, даже Фил не знает, насколько я верный патриот США», обронил как-то Майкл. И поинтересовался у Говарда Уайта: «Как вы думаете, Фил меня поддержит?» В итоге всем пришлось выступать в спортивной

форме от «Рибок», но Майкл нашел компромисс – при случае он накидывал на плечи государственный флаг США.

Капитанами олимпийской баскетбольной команды США были великие игроки недавнего прошлого Ларри Бёрд и Мэджик Джонсон. Хотя клубы, за которые они выступали, к 90-м гг. сникли, да и сами они к тому времени сдали, тем не менее они пользовались в мире баскетбола огромным уважением. И не только благодаря своему индивидуальному мастерству, а и потому, что во многом именно их стараниями для НБА наступила эра процветания. Теперь же главной фигурой американского профессионального баскетбола стал Майкл Джордан, обладатель двух чемпионских титулов и, безусловно, лучший игрок НБА. Чак Дейли спросил его, не хочет ли он быть капитаном сборной, но Джордан решительно отказался. «Пусть капитанами остаются эти два старикана», – сказал он, имея в виду Бёрда и Джонсона.

В НБА существовала строгая иерархия. Обладатели чемпионских титулов имели право покрикивать на тех, кто таковых не имел. Бёрд, Джонсон и Джордан этим правом при случае пользовались. В общении между собой чемпионам дозволялось подшучивать друг над другом. Как-то вечером Джордан, Бёрд и Джонсон коротали время в холле барселонского отеля. «Знаешь, – сказал Майкл, обращаясь к Ларри, – когда я бываю в нью-йоркском «Мэдисон-сквер-гарден», всегда захожу в Зал баскетбольной славы. И вот рассматриваю висящие там знамена великих чемпионов… – Майкл тут сделал паузу (ненароком не обидеть бы Бёрда и его знаменитый клуб «Бостон Селтикс»), – и мне становится жаль, что там нет еще одного флага».

Бёрд, трехкратный обладатель чемпионского титула, парировал: «Майкл, поговорим о знаменах, когда и твой клуб станет в третий раз чемпионом лиги». – «Не знаю, Ларри, – сказал Джордан, – грустно все это. Ты был такой великий игрок, а сейчас сидишь в конце скамейки запасных и обмахиваешься полотенцем…»

Затем Джордан обратился к Мэджику Джонсону, который покинул профессиональный баскетбол летом 1991 г., но тем не менее за былые заслуги был включен в олимпийскую сборную. «Ты знаешь, – сказал Майкл, – сейчас стало неинтересно ездить на матчи в Лос-Анджелес. Твой бывший клуб не показывает прежнюю игру. Когда в следующий раз туда прилечу, возьму с собой двух своих детишек. Отлично выспятся на трибунах – их ждет скука смертная. Да, когда ты играл за «Лейкерс», совсем другое дело было». Майкл помолчал и с улыбкой добавил: «Но если вдруг ты вернешься в клуб, я прихвачу с собой только одного

парнишку – в знак уважения к тебе».

В тот же вечер Джонсон завел разговор о том, что неплохо бы сыграть на очередной тренировке один на один с Джорданом. Его идею нельзя было назвать удачной. Несмотря на то что Мэджик справедливо считался баскетбольным асом, в игре один на один он никогда не преуспевал и к тому же он не был общепризнанным снайпером.

Услышав его пожелание, Ларри Бёрд вскочил как ужаленный. «Ты в своем уме? – спросил он Джонсона. – К чему позориться. Майкла один на один никто, наверное, победить не может. Смотри на вещи реально!»

В тот вечер Ларри Бёрд находился не в лучшем настроении. Всю последнюю неделю он страдал от болей в спине. Это, конечно, сказывалось на его игре. В матче, который мог стать последним в его жизни, он не набрал ни одного очка. Тем не менее Ларри набрался терпения и провел с Джонсоном «воспитательную работу», объяснив ему, что их время, увы, кончилось. Минуло ни много ни мало 13 лет с тех пор, как они пришли в НБА, чтобы вдохнуть в нее новую жизнь.

Уместно здесь упомянуть о ставшем теперь легендой тренировочном матче, состоявшемся в Монте-Карло. Крошечная кучка зрителей, которым посчастливилось его увидеть, запомнили его как праздничный фейерверк баскетбола. Играли лучшие баскетболисты всех времен и народов, и играли с такой страстью, что дух захватывало. К сожалению, матч проходил за закрытыми дверями, и место для его проведения подобрали не лучшее: Монте-Карло никак не назовешь столицей баскетбола. В зале даже не было табло, где фиксировался счет. Так что по поводу окончательного счета возникли разногласия. Однако всем было ясно, какая команда победила и кто был лучшим на площадке.

Игра проходила не в стиле матча «Всех Звезд», когда оборона действует не жестко, чтобы, во-первых, продемонстрировать зрителям атакующую мощь игроков, а во-вторых, чтобы не нанести соперникам случайные травмы. Как раз наоборот, этот матч по напряженности и самоотдаче всех его участников напоминал решающую игру финальной серии чемпионата НБА. На площадке сражались команды Майкла и Мэджика.

Чак Дейли опасался, что кое-кто из игроков может быть травмирован. Однако другие тренеры, в особенности Ленни Уилкенс, старый соперник Чака, а временно ставший его помощником, считали, что игрокам следует играть жестко и не бояться силовых единоборств. Игроки разделяли их точку зрения. Больше всех за жесткую игру ратовал Мэджик Джонсон. Здесь, в

олимпийской сборной, как и у себя в свое время в «Лейкерс», Джонсон был не просто игроком, а одним из тренеров. Наставники сборной внимательно прислушивались к его советам и постоянно с ним консультировались.

Дейли все же побаивался, что игроки зря потратят на внутрикомандную встречу столько сил, азарта, страсти и «перегорят». Поэтому на такой вариант согласился неохотно. Сами же баскетболисты, которым надоели облегченные тренировки, соскучились по настоящей игре и рвались в бой, хотя бы и против «своих». С самого начала лидерство захватила команда Джонсона. Как утверждают некоторые, она повела со счетом 14:2 (впрочем, говорят также, что счет был поначалу 14:0). Партнерами Джонсона были Крис Маллин, Чарльз Баркли, Дэвид Робинсон и Клайд Дрекслер. За команду Джордана выступали (кроме него, естественно) Патрик Юинг, Карл Мэлоун и Скотти Пиппен.

Как вспоминают немногочисленные очевидцы, первым словесную перебранку на площадке устроил, судя по всему, Мэджик Джонсон. Но не все с этим согласны. Например, Джош Розенфельд, отвечавший в клубе «Лейкерс» за связи с общественностью, считал, что Джонсону хватило бы ума не заводить свару: ведь он отлично понимал, какая ответная реакция будет у Джордана. Розенфельд утверждал, что зачинщиком перебранки был известный скандалист Чарльз Баркли. Джонсон же как раз хотел остановить его, сказав при этом: «Прекрати насмехаться над Майклом, в конце концов, ты опекаешь не его». Позднее Джонсон признался немногим репортерам, которых пустили в зал под самую концовку матча, что, сказав эту фразу, он совершил ошибку: Джордан разозлился.

Игра пошла грубая. Баскетболисты соревновались не в тонких комбинациях, а в физической силе. Тон задавал Майкл Джордан. Он полностью взял игру на себя. Получив мяч, Майкл непременно устремлялся к кольцу соперников, перехватывал пасы партнеров Джонсона, а за самим Мэджиком устроил настоящую охоту. При этом он непрерывно поливал бранью и соперников, и «товарищей по команде». В какой-то момент матча все его броски подряд оказались точными и он набрал 12 очков без единого промаха (впрочем, некоторые очевидцы считают, что Майкл набрал в те минуты 16 очков). Джонсон тоже разгорячился. Когда команда Джордана получила право на штрафные броски, Мэджик не выдержал и закричал судьям: «Это что, чикагский стадион? Почему вы подсуживаете в пользу парней из «Буллз»?» – «Я тебе скажу, что это такое! – прокричал ему Джордан. – Это 90-е, а не 80-е годы». Игра обострилась, страсти накалялись. Крыжевски,

внимательно наблюдавший за игроками всю последнюю неделю, представлял, что они выложатся в этом матче полностью, но такого накала эмоций, такой самоотдачи он от них не ожидал. Невольно на ум ему пришло сравнение. Словно бы сидишь дома и слышишь, как на улице бушует ураган. Затем из любопытства открываешь дверь, и зрелище предстает более ужасное, чем ты ожидал. Чак Дейли, сидевший у лицевой линии, выглядел напуганным и расстроенным. Как он считал, тренировочный процесс вышел из-под его строгого контроля, и сейчас случится нечто ужасное. Не дай бог, кто-нибудь из вверенных ему звезд получит травму.

Команда Джордана сравняла счет, а потом вышла вперед, выигрывая 10 очков. До конца встречи оставались считанные минуты. Джордан готовился совершить два штрафных броска, когда Крыжевски прокричал в его адрес слова, типичные для тренера, желающего подбодрить игрока: «Не спеши, времени еще достаточно». Майкл, разозлившись, стукнул мячом об пол и ответил: «К черту все! Времени не осталось. Игра окончена». После чего оба раза промазал. Но его команда все равно победила – 36:30. По окончании матча Дейли наконец-то мог с облегчением вздохнуть. Вошедшие в раж игроки хотели, чтобы тренер назначил дополнительное время, но он сказал, что с него хватит и того, что успел насмотреться. Дейли вполне был искренен: он воочию убедился в том, что его команда готова к олимпийским баталиям. Даже более чем готова.

После матча Ян Хаббард, один из немногих журналистов, присутствовавших на нем, спустился на площадку побеседовать с игроками. Джордан все еще не остыл после игры, но нашел в себе силы подурачиться. Дело в том, что в последнее время, снимаясь в роликах, рекламирующих прохладительные напитки, он переключился с кока-колы на «Гэторейд». И вот сейчас, стоя у лицевой линии и пародируя самого себя, он держал в высоко поднятой руке бутылку этого напитка и высокопарно произносил: «Иногда меня одолевает мечта…» Что и говорить – он наслаждался этим моментом, понимая, что он на площадке был лучшим среди лучших. А в 30 ярдах от него сидел уставший Мэджик Джонсон и рассказывал репортерам: «Мы переборщили. Не надо было так злить Майкла. Ни к чему эти словесные перепалки. Что ж, сами виноваты».

Ян Хаббард подошел к Джордану. «Вы считаете, что должны всегда выигрывать, не так ли?» – спросил он Майкла.

Майкл, расплывшись в своей знаменитой лучезарной улыбке, ответил: «Пытаюсь сделать из этого привычку».

Глава 25. Чикаго; Финикс, 1992-1993 гг.

К осени 1992 г. «Дрим Тим» завершила свою миссию. Впрочем, не совсем. Журналисты, освещавшие события в НБА, разделили историю лиги на две эпохи – ту, что предшествовала созданию чудо-команды, и ту, что последовала за ее исчезновением. Дэвид Стерн с жаром взялся за поиски юридических лазеек для успехов игроков НБА на ниве коммерции, а заодно немало сделал, чтобы баскетбол сравнялся по популярности и окупаемости с другими видами профессионального спорта. Американские баскетболисты-профи стали самыми популярными в мире спортсменами. В таких городах, как Барселона, они, конечно, были более известны, чем их соотечественники-бейсболисты или футболисты (речь идет, разумеется, о профессионалах американского, а не европейского футбола). Баскетбольные звезды США стали фигурами международного масштаба, чему немало способствовали бесчисленные рекламные ролики с их участием. Благодаря их гигантскому росту и темному цвету кожи они были легко узнаваемы. В Барселоне они пользовались такой популярностью, что жизнь в Олимпийской деревне была им не в радость. Их осаждали не только толпы туристов и болельщиков – поглазеть на них приходили и другие спортсмены-олимпийцы из разных стран. Соответствовало ли такое почитание идеалам, провозглашенным олимпийским движением, – вопрос спорный, но факт остается фактом. Игроки баскетбольной сборной США не могли спокойно ходить по Барселоне. Даже Джону Стоктону, не подходившему под стереотипы звезд НБА (он не отличался гигантским ростом и к тому же был белым), поклонники не давали проходу.

Порой складывалось впечатление, что НБА добилась успеха за неестественно короткие сроки. Ее финансовое благополучие, наступившее столь быстро, напоминало перевернутую пирамиду. Конечно, в лиге постоянно было 5-6 клубов экстра-класса, но их процветание не основывалось на прочном фундаменте. За последние 30 лет число клубов входящих НБА, резко увеличилось, но по-настоящему хороших, крепких команд было явно недостаточно. Не многие клубы могли похвастаться тем, что за них выступают, по крайней мере, три первоклассных игрока. Немало было команд-середнячков, поэтому большинство календарных матчей не представляли интерес для зрителя. Вершину НБА занимали несколько очень хороших клубов, ниже

располагалась внушительная группа середнячков, а у самого подножия прозябали несколько безнадежных неудачников с очень слабым составом. В результате многие матчи не оправдывали ожидания болельщиков. Это все равно как вам в ресторане вместо бифштекса подадут лишь шипящую сковородку.

Пытаясь спасти положение, на авансцену вышли специалисты по маркетингу. Во многих городах проходные матчи обставлялись как финалы НБА. В спортзалах царил оглушающий шум – но не гул возбужденных болельщиков, а шумы искусственные, усиленные многочисленной электронной аппаратурой. Надо было подсластить пилюлю зрителям – да, матч неинтересный, но атмосфера праздничная. Представьте себе, что вы присутствуете на концерте популярной рок-группы и шоу должно продолжаться.

Не отставали в модных новшествах и в Чикаго. Зрителей, приходивших на матчи в недавно открывшийся новый Дворец спорта «Юнион Центр», ждало нечто большее (а может, нечто меньшее), чем баскетбол. Казалось, администрация дворца считает, что новому поколению болельщиков, в отличие от старожилов, когда-то осаждавших старый «Чикагский стадион», сама игра не слишком интересна. Поэтому на полную мощность включалась музыка, а пока игроки сидели в своих раздевалках, на площадке устраивались забавы для зрителей. Трехлетние малыши соревновались в велосипедных гонках. Демонстрировали трюки акробаты. Или вытаскивали на площадку какого-нибудь болельщика, завязывали ему глаза, он вертелся волчком, пока у него не начинала кружиться голова. Потом повязку с глаз снимали, и бедолага пытался забросить мяч в кольцо. Если ему это удавалось, он получал приз.

По ходу матча, в перерывах, на площадку выскакивали девушки в легкомысленных нарядах и демонстрировали эротические (по мнению хореографов) танцы. Болельщики, лишенные слуха и голоса, соревновались в пении. Устраивались электронные игры типа погоня за ватрушкой или пончиком. Боб Райан, журналист из газеты «Бостон Глоб», пораженный тем, что во время матча «Бостона» и «Атланты» многие болельщики покинули зал, не дожидаясь овертайма, написал, что сегодняшнему зрителю интересней увидеть свое изображение на экране «Джумботрона», нежели посмотреть захватывающую концовку напряженного баскетбольного матча. Райана также удивило, что с такой помпезностью и безвкусицей проводятся не только календарные встречи откровенно слабых команд, но и матчи финальных серий.

Наблюдательные журналисты подметили, что с переносом матчей из «Чикагского стадиона» в «Юнион Центр» «Буллз»

несколько сдали в игре. И Майклу Джордану, и его партнерам не нравилось освещение на новой спортивной арене. Но главное – они привыкли к старому помещению. Именно там они чувствовали себя как в родных стенах, а отсюда – тем преимущества, которые им давали домашние матчи. Старый стадион наводил ужас на соперников «Буллз» и даже на судей настолько неистовствовали чикагские болельщики. Рев на трибунах стоял такой, что, как говорил Дик Мотта, можно было протянуть руку и пощупать его.

Публика, приходившая в «Юнион Центр», была побогаче (билеты на новом стадионе стоили дороже) и вела себя гораздо тише, поскольку не слишком хорошо разбиралась в тонкостях баскетбола. «Буллз» по-прежнему продолжали выигрывать матч за матчем. Но шум на трибунах все же создавался искусственно.

Получившие популярность рок-звезд и огромные заработки, игроки невольно отдалились от людей, с которыми были традиционно связаны. Еще лет десять назад большинство команд летало коммерческими рейсами, и в пути их сопровождала ватага репортеров, хотя и летевших экономическим классом. Игроки и журналисты вместе останавливались в одних отелях, сидели за одними столиками в закусочных, вместе ехали в автобусе из аэропорта в отель или из отеля на стадион. Баскетболисты и репортеры относились друг к другу с взаимным уважением. Сейчас все изменилось. Команды стали летать чартерными рейсами, что в принципе с точки зрения комфорта неплохо. А вот у журналистов денег на такие рейсы не было. К тому же их стали реже пускать в автобусы, идущие из отеля на стадион. Связь спортсменов с прессой значительно ослабла. На пресс-конференциях у серьезных спортивных журналистов их «хлеб» отбивали юркие радиорепортеры, являвшиеся туда толпами. В общем, доступ пишущей братии к игрокам сильно затруднился.

В сегодняшней НБА сохранить, закрепить, развить успех значительно сложнее, чем впервые его добиться. На дальнейшем пути победителя расставлено множество ловушек, а все вокруг ожидают от него еще больших свершений. Чем больше выигрывает клуб, тем труднее ему сохранить успехи. И дело не только в том, что соперники горят желанием уничтожить везунчика. Угроза таится и внутри самой команды-триумфатора. В современном спорте успешные выступления, вопреки распространенному мнению, не дают победителям ощущения внутренней гармонии. Каждому хочется заслужить новые титулы и почести, добиться все более широкого признания. Честолюбие порой ослепляет спортсмена. Громкая слава становится его идеей-фикс. Пэт Райли довольно точно назвал этот синдром

«болезнью непомерных ожидании».

Болезнь эта не нова, но в 70-е гг. с ней как-то справлялись. Тогда не было независимых агентств и игроков, которые являлись своими же независимыми агентами. Так что профессиональные баскетболисты целиком находились во власти владельцев клубов, а суммы их контрактов определялись исключительно менеджерами. Новое трудовое законодательство в области спорта нарушило стабильность составов команд. В поисках более высоких заработков игроки спокойно кочевали из клуба в клуб. Агенты, представляющие их интересы, стали более влиятельными фигурами, чем тренеры и владельцы клубов. В центральных офисах клубов теперь ищут расположения со стороны звезд. Осложнились отношения между игроками одной и той же команды – каждому хочется урвать побольше славы и денег. Костяк команд трудно складывается. Редко случается, когда в клуб почти одновременно приходят 5-6 высококлассных баскетболистов, которые бы играли вместе несколько лет. Тот факт, что ключевые игроки вчерашних чемпионов – «Селтикс» и «Лейкерс» – на протяжении всей своей спортивной карьеры сохраняли верность своим клубам, теперь уже стал вызывать удивление.

У «Буллз» были специфические трудности. За них выступал уникальный игрок – Майкл Джордан, и любой из его партнеров обречен был оставаться в его тени, а это мало кому из хороших баскетболистов может понравиться.

Майкл Джордан, благодаря своему таланту и привлекательному имиджу, а также постоянным съемкам в рекламных роликах, давно стал не просто знаменитым спортсменом, а самым известным в мире американцем. По международной популярности его можно было сравнить, пожалуй, только с английской принцессой Дианой. И слава Джордана, как и слава Дианы, стала каким-то монстром. Чем большего успеха добивался Майкл, тем большего прогресса от него ожидали. Он смело принимал новые вызовы, бесконечно совершенствовал свое мастерство, а монстр тем временем обретал угрожающие размеры. Ведь Джордан теперь состязался не со своим братом Ларри или с Лероем Смитом, как в юности на заднем дворе. И не с Патриком Юингом, как в колледже. И даже не с Мэджиком Джонсоном или Исайей Томасом, когда он уже стал профессионалом. Сейчас он обрел самого страшного противника, которого можно только вообразить, – самого себя. Его достижения в минувшем сезоне как бы зачеркивались, на следующий сезон перед ним ставили новую планку.

Бесконечные требования рекламировать продукцию

различных корпораций, позировать для фото на обложках журналов, олицетворять собой героя нации – этот монстр в конце 80-х – начале 90-х гг. стал преследовать многих суперзвезд НБА. И только такие целеустремленные люди, как Майкл Джордан, умевшие сконцентрироваться на самом важном, могли выдержать столь нелегкие испытания. Каждый новый знакомый Майкла, казалось, хотел от него что-то получить. Одни руководствовались вполне добрыми намерениями, другие стремились к своим эгоистическим целям. Каждый телефонный звонок означал какую-нибудь просьбу и далеко не всегда вызывал у Джордана желание выполнить ее, хотя иной раз это сулило ему миллион долларов. Менее умного и волевого молодого человека монстр мог бы без труда сожрать.

Но Майкл был не из таких. Возможно, впрочем, монстр со временем сказался на его характере. Если в юные годы Джордан встречал в штыки все, что ему было не по душе, то, повзрослев, он смотрел на мир более цинично и в отношениях с людьми стал более бесцеремонным. Он отличался завидной проницательностью и легко угадывал, чего от него на самом деле хотят. Вот Фил Джексон – тот вел себя по отношению к Майклу предельно тактично. Он никогда не просил у него автографа, или майки с дарственной надписью, или участия в торжествах в средней школе, где учились его дети. Единственное, о чем Джексон просил Джордана, так это чаще делиться мячом с партнерами.

У Майкла был счастливый дар, он понимал, что истина лежит в самом баскетболе, а все, что вокруг него, мишура. А в то же время многие талантливые баскетболисты искренне верили в мифы, раздуваемые вокруг игры и их самих. Джордан, с его незаурядным умом и умением сдерживать свои эмоции, стойко переносил тяготы суперзвезды. Хотя ноша всяческих ненужных обязательств и обременяла его, он находил утешение в самой игре, баскетбол был для него настоящей отдушиной, глотком свободы. Тренировки и матчи – самое большое удовольствие в этой жизни. Здесь он отгораживался от мира и следовал зову своего сердца. Конечно, Джордану приходилось трудно, но его партнерам – еще труднее. Они находились в довольно странном положении – вместе с ним они оказывались в центре внимания, но в то же время оставались в его тени. Лучи славы лишь скользили по ним, и, как ни горько это было им сознавать, с этим приходилось мириться. Как бы хорошо они ни играли, всеобщее внимание никогда к ним не будет приковано.

Некоторые игроки «Буллз» воспринимали свою ущербность достаточно спокойно, инстинктивно понимая капризность и

переменчивость спортивной славы. Джон Паксон, человек мудрый и набравшийся жизненного опыта, однажды покупался в ее лучах, но быстро понял ее изъяны. Став на какое-то время знаменитостью, он почувствовал себя некомфортно – Джон предпочитал обычную жизнь простого человека. К своему ужасу, он заметил, что его известность доставляет ему немало неприятностей, и обнаружил, что, к сожалению, он начинает к ней привыкать. Джон приучился находиться в центре всеобщего внимания, строить из себя человека, приятного во всех отношениях, приветливо встречать каждого навязчивого незнакомца, подходившего к нему в ресторане. В конце концов, он отметил про себя, что именно с незнакомцами он более любезен, чем со своими родственниками. Поняв иллюзорность своего существования, Паксон стал раздражаться по любому поводу.

Из игроков «Буллз» лучше всех умел справляться со сложностями звездной судьбы Скотти Пиппен. «Скотти предпочитает быть вице-президентом, а не президентом», – сказал о нем Гэри Пейтон из клуба «Суперсоникс». Пиппен действительно предпочитал роль талантливого партнера роли суперзвезды. Впрочем, иногда, действуя на подхвате у Джордана, он испытывал раздражение, что немудрено, учитывая требовательность Майкла к своим партнерам. К тому же, даже когда Скотти в составе «Буллз» завоевал чемпионский титул, он боялся, что Майкл все равно будет неудовлетворен его игрой. А шестое чувство подсказывало Пиппену, в чем его недостатки. У Джордана все прекрасно получалось – и не только на баскетбольной площадке. Он умел общаться и с прессой, и с рекламодателями. Пиппен же в этом отношении был неумехой. Если на площадке он не намного уступал Джордану, то вне нее не мог даже с ним сравниться. Майкл был, казалось, рожден, чтобы раскованно вести себя и толково излагать свои мысли под прицелом телекамер. Скотти в подобных ситуациях терялся.

Пиппен не особенно жаловал многочисленных имиджмейкеров. Когда толпы журналистов врывались в раздевалку «Буллз», то досужие репортеры знали заранее, что из Скотти выбить что-либо ценное вряд ли им удастся. Он не любил делиться информацией. Зато охотно делился мячами с партнерами. Если какой-либо из игроков клуба несколько раз промахивался по кольцу, Джордан больше не пасовал ему, а Пиппен прощал товарищам промахи и еще усердней снабжал их мячами. Джексон был убежден, что причина такой щедрости Скотти кроется в его детстве. Пиппен, выросший в многодетной и бедной семье, привык с ранних лет делиться с братьями и

сестрами последним куском.

Уколы со стороны прессы Скотти почувствовал с самого начала своей профессиональной карьеры. Как зрелый игрок он формировался уже в Чикаго, то есть на виду у всех. Если Майкл Джордан пришел в профессиональный клуб, пройдя великолепную школу «Каролины», где его не только научили тонкостям игры, но и приготовили к самостоятельной жизни, то Пиппен, бедный деревенский парень без должной спортивной подготовки, в большом городе поначалу чувствовал себя неуютно. Чтобы выглядеть более интеллигентным, он даже носил очки с плоскими, без диоптрий, стеклами – со зрением у него было все в порядке.

Неотесанный парень, Скотти внезапно стал богатым и известным. Подобные ситуации опасны, а в Чикаго полно соблазнов. Как и многие новички НБА, Пиппен перед искушениями большого города не устоял. Он и его ближайший друг Хорас Грант, начавший выступать за «Буллз» в том же сезоне и имевший сходную со Скотти биографию, напоминали, как заметил один из менеджеров клуба, мальчишек, попавших в крупнейший в мире кондитерский магазин. В связях с женщинами Пиппен не придерживался общепринятых моральных норм. Однажды сразу две его возлюбленные одновременно подали судебные иски против него на установление отцовства. Кроме того, он был задержан полицией нашедшей в его машине незарегистрированный пистолет. Но Пиппен постепенно взрослел, приспосабливался к новой жизни, а главное – год от года получал все большее удовольствие от игры. Мало кому из игроков НБА баскетбол доставлял столько радости. Когда телевизионные камеры наезжали на скамейку запасных и показывали Пиппена, отправившегося передохнуть, зрители замечали, что Скотти постоянно смеется и обменивается шутками с товарищами. Казалось, он только что пережил самый радостный момент в своей жизни.

Однажды кто-то попросил Фила Джексона охарактеризовать Пиппена одной короткой фразой. Тренер «Буллз» незамедлительно ответил: «Воплощение радости от баскетбола». Но когда дело происходило не на площадке, а, например, в раздевалке, где происходили беседы с журналистами, на лице Скотти как бы появлялась маска. Он, разумеется, отвечал на вопросы репортеров, но подтекст его ответов был ясен: «Пожалуйста, оставьте меня в покое». Со временем журналисты отстали от него.

Пиппен не завидовал Джордану, находившемуся в команде на особом положении. В первые годы их совместных выступлений за

«Буллз» Скотти чувствовал, что Майкл (очевидно, в воспитательных целях) сдержанно отзывается о его успехах, но это его особенно не волновало. В отличие от своего друга Хораса Гранта, который недолюбливал Джордана, считая, что он много мнит о себе, Пиппен смотрел на вещи реально. Да, Майкл на голову выше его, но они в одной команде, и надо самому подтянуться. В первые годы их совместной карьеры Майкл часто ругал Скотти на тренировках, но тот был достаточно умен, чтобы терпеливо переносить его придирки. Что ж, у Джордана стоит поучиться и как играть, и как вообще вести себя в жизни.

Попав в «Дрим Тим», Пиппен наконец-то обрел статус суперзвезды. До барселонской Олимпиады он демонстрировал игру самого высокого уровня и превосходил многих членов олимпийской сборной США, репутация которых была раздута рекламной шумихой. По мнению Чака Дейли, Скотти уступал в мастерстве только Майклу Джордану и играл на одном уровне с Чарльзом Баркли. Выступление Пиппена на Олимпиаде поразило всех, включая Джордана и Дейли. «Понять, насколько хорош игрок, можно только проведя с ним несколько тренировок, – сказал впоследствии Дейли, – но Пиппен в Барселоне меня потряс. Я успел поработать с ним до этого, но такого не представлял. Уверенность в себе, безупречная игра что в обороне, что в нападении – никто, наверное, от него этого не ожидал».

Пиппен удивил даже Джордана, игравшего с ним вместе несколько лет. Когда Майкл прибыл на предолимпийские сборы, он беседовал с тренерами сборной по поводу достоинств и недостатков тех или иных игроков. Было очевидно, что он не был слишком уверен в Пиппене. Мо, когда Джордан вернулся из Барселоны в Чикаго, он с восторгом рассказывал Филу Джексону об игре Скотти. Очень хорошо, сказал он своему тренеру, что весь мир увидел, насколько он хорош. «Скотти прибыл в Барселону как просто хороший, но не выдающийся игрок. Никто не подозревал даже, на что он реально способен. А когда он начал играть – и на тренировках, и в турнирных встречах, оказалось, что он лучший защитник сборной. Сильнее Клайда, Мэджика и Стоктона. Хорошо, что его игру видело столько людей».

Если Пиппен мирился с тем, что ему приходилось быть всегда в тени Джордана, то Хорас Грант, находившийся в таком же положении, воспринимал это весьма болезненно. Особый статус Джордана в клубе его постоянно раздражал. Хорас считал, что руководители и тренеры «Буллз» его недооценивают. На площадке этот ловкий, быстрый, высокорослый парень выполнял в основном черновую работу. Отчаянно сражался в защите с соперниками, даже превосходившими его в росте. Непрерывно

трудился под щитами. Но черновая работа не бросается в глаза, поэтому роль Хораса в команде при всей ее полезности, была незаметной.

Как полагали некоторые тренеры «Буллз», главная проблема Гранта заключалась в том, что он – в отличие от того же Пиппена – не успел толком сориентироваться в мире современного спорта и многого в нем не понимал. Ведь ни одному здравомыслящему игроку не пришло бы в голову тягаться с Джорданом в славе и известности. Не понимал Грант и того, что особым статусом наделили Майкла не Фил Джексон и не менеджеры клуба. Это дар Божий, и тут ничего не поделаешь. Даже если сам Джордан захотел бы от своего статуса избавиться, он оказался бы бессилен. В клубе заметили, что в Хорасе поселился болезнетворный вирус черной зависти.

Когда Гранта выбирали на драфте, Джордан высказывал сомнения относительно его кандидатуры. Позже, когда тот уже стал выступать за клуб, Майкл говорил, что новое приобретение «Буллз» неудачное. Стало ли его мнение известно Гранту, сказать трудно. Но так или иначе Хорас затаил злобу на Майкла.

В 1991 г. после первой победы «Буллз» в чемпионате НБА команда была приглашена в Белый дом на встречу с президентом США Джорджем Бушем-старшим. Незадолго до торжественного события Джордан, обедая вместе с Грантом, сказал ему, что не пойдет на это скучное мероприятие и лучше поиграет в гольф. Хорас воздержался от советов и промолчал. Но уже в Белом доме, где отсутствие Майкла вызвало шок, Грант, воспользовавшись ситуацией, прилюдно осудил его поступок. Узнав об этом, Джордан пришел в ярость. Если Хорас считал его поведение вызывающим, то должен был прямо сказать ему это за обедом, а в Белом доме ему следовало бы помалкивать в тряпочку.

Во время первых же тренировок перед началом очередного сезона осенью 1992 г. выяснилось, что Грант настолько не в своей тарелке, что может уйти из клуба. В тренировочном лагере Джексон часто задавал игрокам упражнение, которое он называл «бегом по-индейски». Игроки бежали гуськом, а когда тренер давал свисток, то бежавший последним должен был обогнать всю цепочку и возглавить ее. Упражнение трудное: то бег трусцой, то мгновенный спринт. Джордана и Пиппена тренер освободил от этих нагрузок: они еще полностью не восстановили силы после Олимпийских игр в Барселоне. Остальные исправно выполняли указания тренера, но Грант посередине «игры в индейцев» вдруг взорвался: как же – эти два мушкетера прохлаждаются, а он должен бежать и бежать. Джексон пошел в раздевалку успокаивать его. Поведение Гранта он воспринял как предвестие

больших неприятностей.

Если бы дело было только в капризах Гранта, это еще полбеды. Но у команды появились более серьезные и масштабные проблемы, опять-таки, как это ни парадоксально, вытекающие из ее успешных выступлений. Они наметились и ранее – еще в конце 80-х гг., когда «Буллз» безуспешно боролись за чемпионский титул. Но когда клуб стал знаменитым, пресса, никогда не упускавшая из своего поля зрения Джордана, заметила, что вокруг него происходит что-то не то. В принципе внутрикомандные трения были свойственны любому клубу, но конфликты решались между самими игроками – руководство оставалось в стороне. Позже, когда в стане «Буллз» наметились серьезные разногласия, ставшие достоянием общественности, кто-то из репортеров спросил Фила Джексона, с чего все началось. Он объяснил, что роковой ошибкой оказалась книга. Дело в том, что после того как чикагцы стали в 1991 г. чемпионами, Сэм Смит, репортер «Чикаго Трибьюн» и большой любитель сенсаций, написал книгу, посвященную обзору игр того сезона и названную им «Правление Джордана». В начале сезона 1991/92 г. книга поступила в продажу. Смит, толковый и работоспособный журналист, освещал дела в чикагском клубе на протяжении трех лет и всю его подноготную прекрасно знал. Его книга, которой зачитывались баскетбольные болельщики, видящие в Джордане своего кумира, тем не менее стала первой попыткой развенчать миф о Майкле. Как оказалось, Джордан не во всем был безупречен. Он слишком придирался к партнерам и чересчур заботился о своем имидже, созданном рекламодателями. Смит обошелся без прикрас и сделал акцент на нетерпимости Майкла по отношению к своим партнерам.

По сути дела, Смит не совершил большого открытия. Многие репортеры, гоняющиеся за сенсациями, подмечали, что в «Буллз» (собственно говоря, как и во всех клубах) на протяжении длительных изнурительных сезонов между игроками часто возникают трения. Не случайно великие игроки редко дружат с такими же великими их одноклубниками. Ревность диктует свои законы. Некоторые баскетболисты не терпят партнеров, сохраняющих дружеские отношения с владельцами клубов. Так, Карим Абдул-Джаббар не мог простить Мэджику Джонсону, что он закадычный приятель Джерри Басса. Во многих командах трения возникают в результате сплетен жен игроков. Короче говоря, Смит мог бы написать аналогичную книгу о подковерной жизни любого клуба, но она бы не стала сенсацией. Но в данном случае речь шла о команде, за которую выступал сам Майкл Джордан, а это кое-что да значило. Разумеется, эта книга

мгновенно стала бестселлером. Многие, правда, не заметили в ней иронические нотки, Смит намеренно преувеличивал людскую зависть к Майклу Джордану. Информацию автор черпал из рассказов Хораса Гранта, Фила Джексона и Джерри Рейнсдорфа. В книге многое говорилось об интригах внутри клуба, о тайном соперничестве среди игроков, о, если так можно выразиться, расслоении команды. В общем, читатели узнали многое, о чем и не подозревали.

Хотя Майклу Джордану эта книга и не понравилась, он прекрасно понимал, что критические стрелы в его адрес, появившиеся в печатном издании, все равно что слону дробина. Главное – телевидение, которое всегда было благосклонно к нему и создавало его привлекательный имидж. А какие-то интриги внутри клуба ничего не значили, для публики было важнее то, что «Буллз» продолжали свою победную серию. А вот Джерри Краузе воспринял книгу Смита как личное оскорбление: ведь в ней подробно рассказывалось о его трениях с игроками, особенно с Джорданом и Пиппеном, о том, как баскетболисты насмехались над ним. Да и без книги Краузе страдал комплексом неполноценности. Говоря по правде, он очень многое сделал для процветания клуба, и ему, конечно, было обидно, когда телевизионные камеры, наезжавшие на лицевую линию, скользили мимо него, генерального менеджера, целясь лишь в игроков и тренеров. Краузе не мог этого перенести. В конце концов, это он нашел Фила Джексона, привел его в клуб, назначил на высокий пост, а теперь этот Джексон стал знаменитостью, пресса приписывает ему все заслуги, наперебой трубит, что под его руководством «Буллз» дважды становились чемпионами. А про генерального менеджера все забыли, как будто он вообще не существует.

В общем, Краузе можно было только посочувствовать. И тут – новый удар по его самолюбию – выход из печати книги Смита, где Краузе был представлен в довольно неприглядном свете. Автор, в частности, писал, что игроки откровенно презирали генерального менеджера. Упомянул он и о постоянных конфликтах между Джорданом и Краузе. На чьей стороне был читатель, догадаться нетрудно. Смит, кстати, прошелся еще по некоторым реальным представителям баскетбольного мира. Но «шпильки» в свой адрес они восприняли спокойно, бушевал только Краузе. Не было, наверное, в клубе человека, которого он не измучил бы своими жалобами. Он подчеркнул в книге почти 200 абзацев и отметил на полях: «Ложь!» Потом цитировал их кому-нибудь и не отставал от человека, пока тот устало не соглашался с ним: «Да Джерри, сущее вранье!»

Как-то раз Краузе, поймав в коридоре одного из помощников Джексона, буквально вцепился в него: «Слушай, Сэм Смит обозвал меня неряхой. Ты видел, чтобы я когда-нибудь выглядел неопрятно?» (Заметим в скобках, что Смит прав: Краузе всю жизнь отличался неряшливостью, и его одежда оставляла желать лучшего.)

А однажды Краузе, ввалившись в гостиничный номер Джексона, так достал его своим нытьем по поводу «клеветнических» абзацев, что тренер «Буллз» не выдержал и сказал ему, что он ведет себя недостойно, выглядит в глазах людей посмешищем, между тем как дело не стоит и выеденного яйца. «Джерри, вы должны забыть об этом напрочь», – закончил свою тираду Джексон.

Книга Смита не только углубила брешь между Краузе и прессой, она осложнила взаимоотношения между генеральным менеджером и старшим тренером, а также некоторыми из его помощников. Краузе был убежден, что Смит черпал информацию для своей книги в основном из рассказов помощника Джексона Джонни Баха, и стал давить на Фила, чтобы он избавился от него. Краузе давно испытывал неприязнь к Баху, пользовавшемуся всеобщим уважением и любовью (может, и тут присутствовал элемент зависти?). Бах был талантливый тренер и внес немалый вклад в успех «Буллз». Помимо прочего, он был обаятельный светский человек с широким кругом знакомств. Ветеран Второй мировой войны, Джонни увлекался военной историей, разбирался в ней до тонкостей и вообще был очень начитан. Наверное, из всех тренеров «Буллз» он находился в самых теплых отношениях с игроками, а с Грантом он даже дружил. Когда Джонни повторно женился, Хорас был на его свадьбе шафером.

Бах прекрасно ладил с прессой. Репортеры его любили и уважали за ум и честность, а также за его способность выдать им такую фразу, что она сама просилась в броский заголовок. Дружеские отношения с журналистами – еще одна из причин, по которой Краузе ненавидел Баха. Как он считал, писаки любят Джонни именно за то, что он выбалтывает им закулисные тайны клуба, которые, с точки зрения Краузе, являлись государственными секретами. «Джонни, – говорил Баху Краузе, – помощники тренера могут, конечно, показываться на людях, но при этом им лучше помалкивать».

Краузе не одобрял дружбу Баха с репортерами еще до выхода в свет книги Сэма Смита. А уж когда книга вышла, то уж вовсе ополчился на него, считая его главным источником негативной информации. На самом деле он заблуждался. Отношение игроков и тренеров к Краузе ни для кого не было секретом, и падкому на

сенсации Смиту с его острым умом и фантастической работоспособностью не составило труда собрать необходимую информацию и без помощи Баха. Винить нужно было не Джонни, а самого Краузе и, разумеется, Рейнсдорфа, который назначил генеральным менеджером человека, постоянного создающего конфликтные ситуации. Однако процесс выдавливания Баха из клуба начался.

Краузе ополчился заодно и на Джексона, считая его виновным во всей этой заварухе. По мнению Джерри, старший тренер предал его, поскольку позволял игрокам вслух нелестно о нем высказываться. Джексон не вступал в открытый конфликт с Краузе, но чувствовал, что тот явно перегибает палку, вмешиваясь в дела, никак не входящие в его компетенцию. Краузе же полагал, что в его конфликте с игроками Джексон обязан встать на его сторону. Короче говоря, ситуация в клубе накалялась.

Краузе всегда мечтал о том, чтобы его окружали искренне преданные ему люди. Это был для него больной вопрос. Может, из-за того, что в жизни он пробивался с большим трудом. В молодые годы он приучился терпеливо сносить насмешки в свой адрес – в частности, от своих коллег-селекционеров, старался не обижаться, когда во время бесконечных разъездов по стране никто не приглашал его вместе пообедать в придорожных ресторанах. Конечно, Джерри страдал от душевных ран, и тем сильнее он привязался к тем немногим людям, которые не отвергали его, а были добры к нему и ценили его за преданность баскетболу и трудолюбие. Эти люди – а именно Текс Уинтер, Биг Хаус Гейнс, Джон Маклеод и Джонни Дипон (последнего из них Краузе знал еще с давних времен, когда работал бейсбольным селекционером) – могли всегда на него положиться и знали, что он никогда не откажет им в любой просьбе. И действительно, Уинтера Краузе обеспечил пожизненной работой, а сына Гейнса пристроил в «Буллз» селекционером. Краузе был слепо предан Рейнсдорфу, всем направо и налево рассказывал, что во всем спортивном мире нет владельца клуба лучше него. Далеко не все мнение Краузе разделяли, хотя отдавали Рейнсдорфу должное за его проницательный ум и твердый характер.

Краузе плохо разбирался в сложной психологии людей одаренных, к которым нельзя было приложить его однобокие, прямолинейные суждения о верности и преданности. Если он нанимал человека на работу, тот, само собой разумеется, обязан был честно служить ему. Но вот то, что он внутренне испытывает по отношению к своему боссу, – это уже его личное дело. А наивный Краузе хотел большего. Не понимал он и того, что в дрязгах, охвативших «Чикаго Буллз», человек, открыто вставший

на его сторону, непременно поссорит себя с остальными, и главное – с игроками. Никак не мог усвоить Краузе и то, что ему не нужно вмешиваться в дела, его не касающиеся, что его «становится слишком много».

Слава богу, что, когда «Буллз» выходили на баскетбольную площадку, трения внутри клуба оставались за кадром. Тем не менее сезон 1992/93 г. выдался для чикагцев трудным. Тренеры почувствовали, что команда устала – как физически, так и морально. Когда сезон только что начался, Картрайт и Паксон еще не оправились после хирургических операций. Пиппена и Джордана мучили старые травмы, к тому же они еще не успели восстановить силы после барселонской олимпиады. В том сезоне чикагцы одержали 57 побед (для сравнения: в предыдущем 67). Напряженный календарь чемпионата НБА и постоянные мысли о том, как бы не расстаться с чемпионским титулом, казалось, подточили моральные силы игроков. Баскетболисты стали раздражительными, часто ссорились друг с другом по малейшему поводу. Однажды, в конце долгой дороги на выездной матч, услышав, что его товарищи что-то недовольно бурчат себе под нос, Майкл Джордан обернулся к ним и сказал: «Ладно, выходим, миллионеры!» Эта его короткая фраза была многозначительна: Майкл напомнил партнерам, что не все в их жизни так плохо, а свои высокие гонорары нужно отрабатывать.

И все же, несмотря ни на что, «Буллз» оставались твердым орешком для любого соперника. Команда отлично играла в матчах самого высокого уровня, очень хорошо проводила выездные встречи и чувствовала себя готовой к сериям «плей-офф». За всю историю НБА никто лучше Майкла Джордана не проводил концовку матчей. Когда до конца встречи оставались считанные минуты и мяч попадал к Майклу, его не могла остановить никакая сверхплотная оборона. Победные броски всегда оставались за ним.

В финальной серии чемпионата, проходившей в 1993 г., «Буллз» встретились с «Финиксом». Первые два матча чикагцам предстояло провести в гостях. Причем Майкла ожидал там друг и одновременно соперник Чарльз Баркли, объявленный самым ценным игроком уходящего сезона. «Финикс» выиграл 62 календарные встречи, на 5 больше, чем «Буллз». Зная заранее, насколько мощно проводит этот клуб домашние матчи в стенах новой, только что построенной спортивной арены, Джексон поставил перед своими игроками задачу постараться выиграть одну из двух встреч. «Нет, – поправил тренера Майкл, – мы летим в Финикс, чтобы выиграть оба матча».

Так и случилось. По мнению Джексона и партнеров

Джордана, у Майкла был дополнительный стимул победить: то, что Баркли стал самым ценным игроком сезона, задело его честолюбие. Во втором матче, выступая в стартовой пятерке, Джордан принес своей команде 55 очков – старался, как видно, вовсю. Однако «Финикс», потерпев дома два поражения, не пал духом и в Чикаго одержал победу в двух матчах из трех. «Буллз» снова пришлось лететь в Аризону.

Когда игроки заняли свои места в самолете, вид у многих был понурый. «Казалось, они пришли в морг, – вспоминал Джонни Керр, телекомментатор, приставленный к «Буллз». – Надо было все сомнения оставить дома и не раскисать. Забыть о двух проигранных домашних матчах, будто их и не было – и все тут». И тут в проходе лайнера появился Майкл, забравшийся в самолет последним. Он был в темных очках, на голове его красовалась яркая шляпа под стать еще более яркой спортивной рубашке. Не вынимая изо рта огромную сигару, Джордан процедил: «Хелло, чемпионы мира! Значит, летим в Финикс, чтобы надрать там кое-кому задницу?» Настроение игроков мгновенно изменилось. А дальше всё пошло как по маслу. В шестой встрече перед самым финальным свистком бросок Джона Паксона принес победу чикагцам. А заодно и третий чемпионский титул подряд.

Джордан получил особое удовольствие от матчей с «Финиксом», поскольку ему выпал шанс вступать в единоборство с Дэном Марли, по прозвищу Дэн Гром. Собственно говоря, тот ему ничего плохого не сделал. Дело, как почти всегда, было в Краузе, который чуть ли не боготворил этого игрока и в свое время хотел взять его в клуб во время очередного драфта. Потом, правда, Джерри раздумал, но постоянно расхваливал Дэна, рассказывая всем, какой он великий и разносторонний игрок, как одинаково силен что в нападении, что в защите. Майкл всегда ревниво относился к чужой славе, а слышать похвалы в чей-то адрес из уст ненавистного Краузе – такое было выше его сил. Товарищи Джордана по команде, конечно, заметили, что в матчах с «Финиксом», стоило только Дэну появиться на площадке, как Майкл всеми силами старался обыграть его. Лайонел Коллинз, помощник старшего тренера «Финикса», не знавший о трениях между Краузе и Джорданом, решил даже, что у Майкла какие-то личные мотивы отомстить Дэну Грому. Когда Джордан получал мяч, он совершал дриблинг, проносясь вплотную к Марли, словно хотел ему сказать: «Вот видишь – тебе меня не удержать».

После финального свистка, ознаменовавшего окончание шестого матча с «Финиксом», Майкл подхватил победный мяч, заброшенный в кольцо Паксоном, и высоко поднял его над головой. Товарищи решили, что сейчас Джордан скажет что-

нибудь о предстоящей поездке в Диснейленд. Но вместо этого Майкл радостно завопил: «Ну что, Дэн Гром? Мы все-таки надрали тебе задницу?»

Глава 26. Чикаго, 1993 г.

Третий чемпионский титул подряд, завоеванный через год после победы «Дрим Тим» на барселонской Олимпиаде (а лидером этой команды был конечно же Майкл), еще больше способствовал росту славы Джордана, чье имя обросло невероятными легендами. Некоторые считали, что если до Олимпиады он зарабатывал 20 миллионов долларов в год, то после нее – уже 30 миллионов. Никто из деятелей спортивного мира не видел, чтобы кто-нибудь рекламировал различные товары с таким же успехом, как Джордан. Но постепенно у Майкла что-то не заладилось. Он стал пленником своих успехов. Пресс оказался слишком сильным. Джордан ни на день не мог позволить себе расслабиться, передохнуть. Слава лишила его естественной свободы.

Началось все с азартных игр, которые Майкл обожал с юных лет. Заключать пари по любому поводу было его любимым развлечением. Еще в колледже на тренировках он без пари не обходился. Ставки, конечно, были небольшие: точный штрафной бросок – 25 центов. Майкл как-то раз случайно обронил Дину Смиту, что Рой Уильямс задолжал ему бутылку кока-колы. Ничего не понявший Смит спросил Уильямса, что за ерунду мелет Майкл. «А, он имел в виду пари, что мы заключили с ним в ходе вчерашней тренировки», – пояснил Рой.

Позже, когда он стал уже профессионалом, Джордан любил соревноваться в различных видеоиграх с Дэвидом Фальком. Причем вел себя как ребенок. Когда Фальк делал очередной ход, Майкл специально отвлекал его внимание разговорами на серьезные темы.

Джордану всегда и всюду нужна была только победа. Он пристрастился к карточным играм, за которыми баскетболисты «Буллз» коротали время в длинных перелетах. У Майкла были незаурядные математические способности, которые позволили ему быстро стать карточным гроссмейстером. Вскоре тренеры «Буллз» стали предупреждать более молодых игроков, чтобы те не садились играть в карты с Майклом – бесполезное занятие. Но парни не прислушались к советам наставников.

Если Джордану не везло, то он настаивал еще на одной партии в карты или в гольф и не успокаивался до тех пор, пока не выиграет. И дело было не только в его врожденном спортивном азарте – игры давали ему возможность расслабиться, хоть как-то отвлечься от пресса славы. Он словно чувствовал себя под микроскопом, через который его разглядывал поначалу

спортивный мир, затем вся нация, а со временем – и большая часть нашей планеты. Сидя в гостиничном номере, он ощущал себя узником неведомого злого волшебника. Поскольку Майкл никуда не мог спокойно выйти, чтобы к нему не бросилась целая толпа, он стал отсиживаться в четырех стенах, приглашая в гости друзей. Часто к нему приезжал отец и старые дружки из Северной Каролины. Постоянно присутствовали личные телохранители, и вся эта компания дружно резалась в карты. «Что странного в поведении Майкла, – говорил его закадычный друг, весельчак и заводила Чарльз Баркли, – так это то, что, когда мы с ним встречаемся, сидим без конца в номере отеля – ведь он на улицу носа не сует».

Постепенно самой важной отдушиной для Майкла стал гольф. На его поле, как и на баскетбольной площадке, Джордан мог сделать желанный глоток свободы. А окружающий мир, где столько людей обращалось к нему с бесконечными просьбами и требованиями, уничтожил эту свободу и становился попросту опасен для его психического здоровья. Ситуация, в которой оказался Майкл, имела свою специфику. Душившее его кольцо славы и коммерческих обязательств отняло у него право на неприкосновенность личности. Оно вторглось в его частную жизнь. А между тем он был совсем молодым человеком, который воспринимал свободу чисто физически.

Еще когда Майкл учился в средней школе, а потом в колледже, друзья удивлялись огромному запасу его энергии. Он в два раза больше всех играл и тренировался и в два раза меньше всех спал. Очевидно, у него был уникальный обмен веществ, и первые признаки этого явления стали очевидны, когда Майкл еще учился в колледже. «Каролина» тогда приехала в Европу, и так уж случилось, что ей предстояло в один и тот же день встретиться сразу с двумя европейским клубами, за которые выступали не самые худшие игроки. Первый матч перешел в овертайм, и во время тайм-аута Джордан сказал Рою Уильямсу: «Уважаемый тренер, кажется, эта тягомотина мне надоела, и я собираюсь с ней покончить». После чего Майкл, как обычно, взял игру на себя и привел свою команду к победе. Потом, после 30-минутной передышки, съев две конфеты, он и во второй игре доминировал на площадке. Уже тогда его партнеры поражались тому, насколько велик его энергетический запас. Потом, уже придя в НБА, Джордан без труда опроверг опасения в свой адрес. Многие думали, что этот юный новичок сломается посередине чемпионата, а он между тем набирался сил. Но вот пришло время, когда Майкл уставал не столько от изнурительных матчей, сколько от своих «внебаскетбольных» обязанностей и стал

находить утешение лишь в гольфе. «Почему Майкл так любит играть в гольф? – задал как-то риторический вопрос Мэджик Джонсон. – Да потому, что он хочет отключиться от мира сего. Он играет в гольф с семи утра. Пока не стемнеет. Там, по крайней мере, его никто не беспокоит, ему никто не мешает. Он получает истинное наслаждение, потому что в эти часы он отрезан от мира».

По мере того как состояние Джордана росло, увеличивались и ставки, которые он делал на исход встречи в партиях в гольф. Иногда они бывали просто безрассудными. Поначалу он ставил 100 долларов за попадание в каждую лунку. Впоследствии эта цена возросла до 1000 долларов. «Играть с Майклом все равно что участвовать в Третьей мировой войне, – говорил Джин Эллисон, постоянный партнер Джордана. – Ему же обязательно нужно вынуть из тебя кишки. Но в принципе он хороший парень. Развлекается – что тут плохого?»

Поначалу об увлечении Джордана гольфом знал лишь сравнительно узкий круг людей, но после окончания баскетбольного сезона 1990/91 г. об этой маниакальной его страсти прослышала и широкая публика. Тем летом Майкл уехал отдохнуть в Хилтон-Хэд (Южная Каролина), где у него был свой дом. Как всегда, он играл в гольф, но на сей раз попал в сомнительную компанию. Один из его партнеров был вскоре арестован за торговлю наркотиками и уклонение от уплаты налогов. Другой – убит. История попала в газеты, и о тайном увлечении Майкла стало известно.

Об этих двух типах стоит рассказать подробнее. Один из них, Джеймс Баулер, имел темное прошлое. В свое время он подторговывал кокаином, за что был арестован. А когда его освободили условно-досрочно, он дважды нарушил закон, носил при себе полуавтоматический пистолет. Баулер был профессиональным игроком в гольф, чем неплохо зарабатывал себе на жизнь. Схема была довольно проста. Кто-нибудь делал на него внушительные ставки. Баулер выигрывал партию и получал солидную долю суммы, вырученной в результате беспроигрышного пари. В Монро (Северная Каролина) у Сэма были магазинчик, где продавались принадлежности для гольфа, и тренировочный полигон для начинающих автомобилистов.

Как-то раз в 1986 г. знакомый Баулера сообщил ему, что на близлежащем поле для гольфа играет сам Майкл Джордан. Сэм не придал этой новости особого значения: ему приходилось играть со многими знаменитостями. Но когда знакомый добавил, что Джордан заключает пари на 100 долларов на попадание в каждую лунку, Баулер тут же почувствовал запах добычи, собрал

свои клюшки и помчался на встречу с очередным «лохом» (так, во всяком случае, ему казалось).

Репортер газеты «Вашингтон Пост» Билл Брубейкер, бравший интервью у Баулера в 1993 г., а он в это время сидел в Техасской федеральной тюрьме, спросил Сэма, считает ли он самого себя фанатиком гольфа. Баулер не без гордости ответил: «Если вам угодно так меня называть, я не рассержусь. И вот что я вам скажу. Если вы собираетесь сегодня поиграть в гольф, захватите с собой полный обед. Это вам не поездка на пикник».

Он играл с Джорданом целых пять лет, непрерывно заключая с ним пари. По словам Баулера, он всегда имел при себе наличными около 30 тысяч долларов. В 1991 г. после окончания баскетбольного сезона Джордан и его компания устроили многодневный гольфо-карточный марафон. В гольф играли с утра до вечера, а по ночам резались в карты. Все это происходило в доме Майкла в Хилтон-Хэд. В 7.00 завтракали, а к 8.00 уже были на поле для гольфа. За день успевали пройти 27 лунок. Ставки обычно были по 100 долларов за каждую лунку, но порой достигали 500 и даже 1000 долларов. Те, что побогаче, объединились в свою группу и играли отдельно от остальных, которым столь высокие ставки были не по карману.

По окончании этого пятидневного сумасшедшего марафона Джордан задолжал 57 тысяч долларов Сэму Баулеру и 108 тысяч Эдди Доу, местному финансисту, в чьи обязанности входило вкладывать деньги Сэма в выгодное дело. Джордан, естественно, послал на имя Баулера чек, но федералы его перехватили, обвинив Сэма в нежелании платить подоходный налог с этой солидной суммы. А Доу в феврале 1992 г. был убит проникшими в его дом грабителями. Судя по всему, это преступление никак не было связано с «марафоном-91». Во всяком случае, полиция нашла в «дипломате» убитого два чека на общую сумму 108 тысяч долларов, посланных Майклом Джорданом.

Руководству НБА, разумеется, не понравилось то, что суперзвезда лиги попал в неприятную историю, и оно начало докапываться до истины. Однажды на Джордана даже надели наручники, но расследование свелось в конечном счете к минимуму. Майкл в своих признаниях утаил большую часть подробностей о своих пристрастиях к азартным играм на деньги. Но год спустя некто Ричард Эскинас выпустил на свои средства книгу, в которой расписал себя как человека, зарабатывавшего себе на жизнь азартными играми. В ней он упомянул, что однажды, играя в гольф с Джорданом на протяжении десяти дней, он выиграл у Майкла 1 миллион 250 тысяч долларов. Джордан начал торговаться, и они, в конце концов, остановились на 300

тысячах. Майкл вынужден был публично признать, что он в свое время действительно задолжал Эскинасу 300 тысяч долларов.

Пристрастия Майкла никак не отражались на его баскетбольных успехах. Гольф стоял особняком, хотя в обоих видах спорта Джорданом руководил один и тот же импульс – неуемная жажда победы, своего рода инстинкт хищника. «Проблема Майкла не в том, что он играет на деньги, деньги для него мало что значат, – говорил его отец Джеймс Джордан. – У него другая проблема, более серьезная – его нечеловеческий спортивный азарт. Иной раз эта штука становится опасной». Примерно такого же мнения придерживался и Дэвид Фальк. Позже в беседе с Бобом Грином из газеты «Чикаго Трибьюн» Майкл разыграл из себя кроткого ягненка, сказав: «Вы хотите спросить, действительно ли я играл на деньги с этими темными личностями? Отвечу честно: да, играл. Думаете, больше не стоит играть с мошенниками и проходимцами? Полностью с вами согласен. Это никогда не повторится».

Однако эта история имела свое продолжение. Когда в 1993 г. «Буллз» проводили в Нью-Йорке серию «плей-офф» против хозяев – клуба «Никс», Джордану вздумалось слетать на один вечер в Атлантик-Сити, чтобы, как обычно, сыграть в гольф на деньги. Новость просочилась в прессу. Телевидение встало перед серьезной дилеммой. С одной стороны, его задача – развлекать зрителя. С другой – сообщать ему правдивую информацию. Во время перерыва между двумя половинами одного из матчей серии «плей-офф» Боб Костас, видный телеобозреватель NBC, стал расспрашивать Дэвида Стерна, что за история приключилась с Джорданом. Вопрос был щекотливый. Крупнейшая телекорпорация попала в затруднительное положение: проводить честное журналистское расследование или замять все (не волнуйтесь, дорогие телезрители, это просто шутка). Дело осложнялось еще и тем, что НБА и телевидение тесно были повязаны друг с другом в создании сверхположительного имиджа Джордана, а в те времена, когда многие молодые баскетболисты «косили» под панков, такой имидж имел немаловажное значение.

Дик Эберсол заранее проинструктировал Костаса, чтобы он в беседе с Дэвидом Стерном сделал упор на положительные сдвиги в НБА: на успехи «Дрим Тим» в Барселоне и высокий рейтинг последних финалов чемпионата лиги. По ходу интервью Костас решил, что позитивного материала он набрал уже достаточно, однако Эберсол придерживался иного мнения. Ему казалось, что Костас собирается припереть Стерна к стене. В фургоне, где размещалась передвижная станция NBC, слышали, как Эберсол старается своими указаниями Костасу исказить беседу. Однако

тот на реплики своего босса не реагировал. Интервью уже подходило к концу, когда разъяренный Эберсол заскочил в фургон и начал осыпать Костаса ругательствами. Тот невозмутимо продолжал задавать Стерну вопросы, которые задал бы на его месте любой толковый журналист, стремившийся узнать реальные факты, а не показную мишуру. Стерн не выказывал раздражения, и вспыхнувший было конфликт погас.

Но для Джордана наступили тяжелые времена, и ситуация в дальнейшем обещала быть еще хуже. Статьи, посвященные скандалу вокруг его игр на деньги, оскорбляли Майкла. Ведь совсем недавно пресса боготворила его, хотя некоторые репортеры и были чересчур назойливы.

Теперь же Майкл видел в журналистах своих врагов. Что ж, он был не первым и не последним в ряду знаменитостей, прошедших через метаморфозы, характерные для нашей сегодняшней культуры. Сегодня ты молодой человек, щедро наделенный природой, дары которой позволяют тебе достичь славы и богатства, а завтра ты – жертва того же чудовищного механизма, что вознес тебя на недосягаемые вершины. Огромное состояние означает одновременно и постоянное вторжение в твою личную жизнь. Это две стороны одной медали.

Как-то раз Джордан сказал Бобу Грину, журналисту, которому он всегда доверял, что ему не понравился дух коммерциализации, царивший на Олимпийских играх в Барселоне. «Сплошная торговля, а мы были зазывалами» – таков был его комментарий, прозвучавший довольно странно из уст человека, заработавшего огромное состояние на рекламе различных товаров.

Талант и обаяние Джордана теперь работали против него. Много ли значит всемирная известность, когда ты не можешь позволить себе остаться наедине с собой и не имеешь права на малейшую ошибку? Неверный шаг – и ты словно на витрине, мимо которой проходят миллионы любопытных зевак. Конечно, кабельное телевидение сослужило НБА хорошую службу, но оно ведь освещало не только спортивные события – оно и гонялось за дурно пахнущими сенсациями. Содержание многих телешоу было посвящено не столько очередным успехам знаменитостей, сколько их провалам. Представив американским телезрителям спорт во всей его полноте, кабельное телевидение столь же широко освещало изнанку жизни звезд. И, как правило, вчерашние герои сегодня развенчивались. Подобная судьба, судя по всему, ожидала и Майкла Джордана.

Теперь СМИ пытались выяснить малейшие подробности его личной жизни, касались ли они баскетбола или нет. Если раньше у репортеров все же была какая-то профессиональная этика, то

сейчас она рассматривалась как нечто старомодное. Детали, упоминать о которых прежде считалось неуместным, бестактным, обрели статус важнейших новостей дня. Да, Джордану поистине некуда было спрятаться.

Когда его звезда только еще всходила, Майкл высоко ценил внимание прессы. Но когда он одолел вершину олимпа и захотел на ней остаться как можно дольше, он почувствовал, что журналисты ему практически не нужны. Помочь они уже ни в чем ему не могут, а вот спустить его с небес на грешную землю – за это они возьмутся с большой охотой. Хлебом не корми. К тому же количество репортеров увеличилось до устрашающих размеров. На смену небольшой группе хорошо знакомых ему журналистов-профессионалов, прекрасно разбиравшихся в баскетболе и которым можно было полностью доверять, пришла ватага посторонних людей, ничуть не интересующихся баскетболом. Эти ищейки только и делали, что пытались пролезть ему в душу. Джордан становился все осторожней, тщательно взвешивал каждое свое слово. Пресса, по его мнению, старалась всеми силами отнять у него все то, что он заслуженно приобрел. Примерно такие же чувства испытывали многие американские кинозвезды и даже президенты США, но заметное охлаждение Майкла к прессе, его холодный, даже враждебный тон, его вечные ссылки на нехватку времени искренне удивили его старых друзей из журналистского корпуса. Наиболее проницательные из них поняли, что Майкл превращается в жертву своего успеха. Система, которая его создала, его же и уничтожает.

Но настоящая беда приключилась в августе 1993 г. – отец Майкла Джеймс Джордан был зверски убит. Он ездил на похороны своего друга и, возвращаясь домой, почувствовал усталость и притормозил на обочине шоссе, чтобы немного вздремнуть. Сказалась привычка, унаследованная от старых времен, когда цветному не так-то просто было получить номер в приличном мотеле. Два местных подонка убили Джордана-старшего и угнали его машину.

Майкл сильно переживал страшный удар. Он всегда был очень близок с отцом. Когда Майкл стал звездой «Буллз», Джеймс Джордан уволился с работы и переехал в Чикаго, открыв там небольшую мастерскую по ремонту всякой всячины. Он часто сопровождал сына в его бесчисленных перелетах. Они скорее напоминали не отца и сына, а двух близких друзей или двух братьев с солидной разницей в возрасте.

Джеймс Джордан был необыкновенно добросердечен, прост и легок в общении, быстро заводил друзей. Сын арендатора-земледельца, он вырос в нелегкое время – и для всей Америки, а

тем более для ее цветного населения. Темнокожий сельский парень с Юга, Джеймс добился всего в жизни своим тяжелым трудом. У него было тонкое чувство юмора, которое ему часто помогало преодолевать жизненные невзгоды. Как все темнокожие южане его поколения, он привык смеяться, когда ему было плохо, и радоваться малейшим проблескам счастья. Став пожилым человеком, Джеймс Джордан с удивлением узнал, что жизнь может быть прекрасна, а времена изменились к лучшему.

Добродушный и общительный Джордан-старший легко вписался в атмосферу привилегированного клуба НБА и в немалой степени скрасил ее. Его любили все: служащие «Чикагского Стадиона», репортеры, игроки, тренеры. За глаза его называли «папашей». Джеймс как ребенок радовался, что под конец жизни он купается в лучах славы своего сына и может не считать каждый доллар. Его присутствие облегчало жизнь Майклу, помогало ему снять постоянные стрессы.

Гибель отца полностью опустошила Майкла. Узник своей славы, он не мог даже достойно предать его земле. Похороны, на которые должны собираться только родные и близкие, превратились в событие общественной жизни. А некоторые репортеры додумались связать убийство Джордана-старшего с увлечением Майкла азартными играми.

Казалось, этот удар судьбы окончательно сломает Майкла, но он приучился жить под ежедневным прессом, когда ты не имеешь права на ошибку и вечно должен оправдывать чьи-то ожидания. Конечно,

Майкл изменился. Исчезла его лучезарная улыбка. Очередной сезон выдался трудным для него. К личному горю прибавились традиционные стрессы, которые испытывает многократный чемпион НБА. Обострились его отношения с Грантом, в результате чего в раздевалке «Буллз» царила напряженная тишина. Все чувствовали какую-то неловкость.

На площадке Майкл оставался прежним Джорданом – игра означала для него утешение и свободу, а вот на тренировках он стал менее сосредоточенным и больше не излучал веселья. Тренировки, которые в прошлом доставляли ему столько радости, теперь превратились в обычную работу. То же примерно чувство испытывали и другие чикагские игроки, тяжело переносившие бремя свалившейся на них славы. Но у Майкла были и свои причины. После всех скандалов, связанных с его страстью к игре на деньги, он страдал, если так можно выразиться, похмельем. Все чаще и чаще он говорил близким друзьям, что думает расстаться с баскетболом. В конце 1993 г. слухи о намерении Майкла покинуть НБА дошли до Дина Смита, и тренер

«Каролины» тут же прилетел в Чикаго на домашний матч «Буллз». Он и раньше нередко бывал здесь: ему хотелось убедиться своими глазами, как прижился в профессиональном баскетболе его бывший воспитанник. Но о своем приезде Смит всегда предупреждал Майкла, а на сей раз появился неожиданно для него. Оба при этом почувствовали, что, может быть, Смит видит игру своего любимца в последний раз.

Мэджик Джонсон тоже почувствовал, что с Джорданом творится что-то неладное. Хотя они были уже не коллеги (Мэджик к тому времени стал телекомментатором), но Джонсон, с его профессиональным опытом и проницательностью, подметил, что в игре Майкла что-то исчезло. Кстати говоря, в последнее время Джонсон вошел в круг ближайших друзей Майкла, в основном – бывших игроков «Каролины», которые часто собирались в доме Джордана и играли с ним в гольф или в карты. Мэджик не раз предупреждал своих коллег по NBC, что Джордан думает уйти из баскетбола, хотя и очень любит его. По мнению Джонсона, силы Майкла подкосила изнанка его славы и богатства. Что касается его страсти к азартным играм, ей не нужно придавать особого значения. Важно, как считал Джонсон, другое: вокруг Майкла образовался своего рода вакуум. Сам Мэджик и Ларри Бёрд покинули сцену, молодые яркие игроки, в частности Грант Хилл и Шакил О'Нил, суперзвездами еще не успели стать. И получилось так, что единственной знаковой фигурой американского профессионального баскетбола оставался Майкл Джордан. А это нечеловеческая ноша.

Став трехкратным чемпионом НБА, Майкл не представлял себе даже, какой новый вызов ему может бросить судьба. Его клуб и он сам достигли, кажется, всего. Когда-то, например, говорили, что, несмотря на его высочайшее индивидуальное мастерство, Джордан все же не тот игрок, который может повести за собой команду и привести ее к чемпионскому званию. Теперь такие разговоры абсурдны. К чему же стремиться дальше? Какие новые, еще более высокие цели перед собой ставить? На одной из послематчевых пресс-конференций репортер Митчелл Крюгель отметил в своем блокноте, что на протяжении 45 минут Майкл употребил слово «вызов» дюжину раз. Но это было давно, когда «Буллз» еще только мечтали о лаврах победителей. А сейчас трехкратный чемпион НБА Майкл Джордан в поисках новых вызовов решил, как он говорил своим друзьям, попробовать свои силы в профессиональном бейсболе. В мальчишеские годы бейсбол какое-то время был его любимым видом спорта, отец не раз говорил ему, что он как будто специально создан для него. Теперь, после гибели отца, Майкл все чаще задумывался над его

словами, воспринимая их как завещание. Когда Майкл учился в университете в Чепел-Хилл, он хотел было заниматься и бейсболом и баскетболом. Но Дин Смит этому категорически воспротивился. Бейсбол так и остался несбывшейся мечтой Майкла.

Теперь он, кажется, решил эту мечту осуществить. Даже в разговорах с мало ему знакомыми журналистами Джордан неоднократно заявлял, что намерен переключиться с баскетбола на бейсбол. Когда автор этой книги в январе 1992 г. готовил о Джордане материал для журнала «Спортс Иллюстрейтед», Майкл подробно рассказал ему о своем желании попробовать поиграть в высшей бейсбольной лиге. Он упомянул также, что у него в запасе второй вариант – стать профессиональным футболистом (еще один вызов?). Я не фантазирую, – насчет футбола Джордан часто говорил со своим другом Ричардом Дентом.

Любопытный штрих. Когда в 1993 г. «Буллз» веселились в своей раздевалке после победы над «Финиксом», Майкл, обратившись к Тиму Гроверу, одному из тренеров команды, попросил его подготовить для него тренировочную бейсбольную программу. Узнав об этом, Фил Джексон ничуть не удивился. Он понял, что баскетбол для Майкла если и не стал тяжким испытанием, то превратился в однообразную работу. А мальчишеский энтузиазм Джордана, всегда помогавший ему выдерживать напряженные сезоны, с годами исчез.

Джерри Рейнсдорф, впервые услышавший новость от самого Майкла, попросил его, перед тем как принять окончательное решение, переговорить с Филом Джексоном. Джордану не хотелось этого делать: он боялся, что старший тренер, тонкий дипломат, легко переубедит его. Но другого выхода не было. Сжавшись, как пружина, Майкл отправился к Джексону. Опасения его оказались напрасными, тренер не взял на себя моральную ответственность отговаривать человека от того, к чему его влечет сердце. Он просто высказал сожаление по поводу того, что Майкл огорчит миллионы простых американцев, наслаждавшихся его игрой. В глубине души Джексон был уверен, что Майкл со временем соскучится по игре, которой он столь блестяще овладел, и вернется в НБА. Тактика, избранная тренером, несколько изменила характер их отношений. Создавалось впечатление, что интересы Майкла дороже Джексону, чем интересы клуба.

Так или иначе, Джордан покинул НБА. На пресс-конференции, посвященной его уходу из профессионального баскетбола, Майкл, на удивление всем, нарочито фамильярно и даже грубо вел себя по отношению к журналистам. Не иначе как

со словами «Вы, ребята», он к ним не обращался. Не обвиняя прессу в том, что она его вынудила расстаться с баскетболом, Джордан все же ядовито заметил, что в первый раз видит столько народу, собравшегося по вполне мирному поводу. Дескать, обычно репортеры сбегались, когда чуяли, что речь пойдет об очередном скандале вокруг его имени. Майкл также сообщил журналистам, что теперь у него появится счастливая возможность уделять больше времени семье и друзьям. «Так что теперь вы, ребята, ищите новую добычу, а себе я пожелаю видеть вас пореже» – так закончил Джордан свою прощальную пресс-конференцию. На репортеров, регулярно писавших о Джордане на протяжении почти десятилетия, его враждебный тон произвел неприятное впечатление. Честно говоря, большинство журналистов писали о нем только хорошее. Они его любили не только как спортсмена, но и как человека. А главное – как прирожденного победителя.

Глава 27. Бирмингем; Чикаго, 1994-1995 гг.

Бейсбол оказался отнюдь не легким видом спорта. Конечно, никто не знал, что получилось бы из Джордана, если бы он всерьез занялся им еще в Северной Каролине, а затем начал бы профессиональную карьеру, напрочь забыв о баскетболе. Но сейчас, в 1994 г., уже прошло 13 лет с тех пор, как он играл в бейсбол в выпускном классе средней школы. Помимо прочего, Майклу мешал его высокий рост, неподходящий для хорошего бейсболиста. Его невероятно быстрая реакция, сослужившая ему хорошую службу в баскетболе, уже была прочно ориентирована именно на эту игру. На баскетбольной площадке Джордан принимал единственно верное решение, даже не задумываясь над ним, а здесь рефлексы надо было вырабатывать заново. А возраст поджимал. В общем, Майкл оказался в трудной ситуации. Конечно, его смелостью можно было только восхищаться. Лучший игрок НБА решился избрать новый вид спорта, весьма нелегкий. Причем его ожидала не высшая лига, а скорее полная неудача. Джордан, привыкший к славе, решил, что и на этот раз он начнет свою новую карьеру, чем бы она ни обернулась, под пристальным вниманием прессы. Немногие бы осмелились на такой шаг. Одно дело – провал без свидетелей, другое – провал, о котором узнает вся страна. На обложке очередного номера журнала «Спортс Иллюстрейтед» появилась размашистая «шапка»: «Тебе мало баскетбола, Майкл?», а в помещенной в корпусе издания статье говорилось о том, что Джордан собирается опозорить национальный спорт американцев. Майкл не на шутку разозлился и долгое время ни с кем из сотрудников этого журнала не желал даже разговаривать. По мнению Тома Босуэлла из газеты «Вашингтон Пост», одного из лучших спортивных журналистов США, Майкл, переключившись на бейсбол, словно бы оплакивал любимого отца. Том знал Майкла еще с тех пор, когда он был юнцом и играл в бейсбол в детской лиге. Журналист оказался прав. Тут смешалось все. И то, что покойный отец Майкла считал, что его сыну нужно заняться именно бейсболом. И то, что эта игра для Джордана ассоциировалась с безвозвратно ушедшей юностью, возвращение в которую могло бы его утешить. Интересно, что Фил Джексон был полностью согласен с Томом Босуэллом.

Джордан стал выступать за «Бирмингемских баронов» – клуб, базирующийся в штате Алабама. Владельцем его был все тот же

Джерри Рейнсдорф, одновременно прибравший к рукам «Чикаго Буллз», так что босс у Майкла остался прежний. Джордан сразу же проявил себя как неплохой партнер. Остальные игроки были моложе его лет на десять, а то и больше и гораздо беднее его. В клубе Майкл зарабатывал 850 долларов в месяц, и еще ему выдавали 16 долларов в день на пропитание. Но это были крохи по сравнению с теми 30 миллионами в год, что он получал от рекламодателей. Да и плюс к тому неожиданно расщедрившийся Рейнсдорф временно сохранил за ним его ежегодный гонорар в «Буллз», составлявший 4 миллиона.

Майкл на свои средства нанял для всей команды чартерный роскошный автобус, который клуб не мог бы себе позволить. Теперь «Бароны» отправлялись на выездные матчи с комфортом, даже в изнурительную жару. Подружившись с одним из новых своих партнеров Роджелио Нуньесом, Джордан стал давать ему уроки английского. За каждое правильно произнесенное слово Нуньес получал по 100 долларов. Никто в команде не тренировался с таким упорством, как Майкл. Он приходил на площадку первым и уходил последним. И никто с таким вниманием не слушал наставления тренеров.

Но в конечном счете его эксперимент не удался, что само по себе удивительно. Ведь в баскетболе Джордан проявил себя как уникальный спортсмен – быстрый, мощный, игравший с такой самоотдачей, что сметал на своем пути все препятствия. Все думали, что Майкл преуспеет в любом занятии, в том числе спортивном, за какое бы он ни взялся. И в бейсболе он начал неплохо, но вскоре подающие начали бросать мячи по сложной траектории, и он не всегда удачно их отбивал. Рослый и мускулистый, Джордан не сумел эффективно использовать свою силу. Не случайно знаменитый в прошлом бейсболист Тэд Уильямс говорил, что в спорте нет ничего сложнее, чем удар бейсбольной битой по мячу. Показатели Джордана снизились до критической отметки. Легко представить, как он, с его гипертрофированным самолюбием переживал свои неудачи. Менеджер «Баронов» Терри Франкона предложил отчислить его из клуба, но Джордан за счет невероятных усилий несколько улучшил свою игру.

Вообще же, как считали опытные бейсбольные селекционеры, вины Майкла в его неудачах на новом спортивном поприще не было. Идеально сложенный для баскетбола, он по своей комплекции никак не годился в бейсболисты. Многолетние тренировки баскетболистов имеют среди прочих и такую цель – ноги игроков должны быть сухими и стройными. А у бейсболистов вся сила – в мышцах бедер и икр. Поэтому ноги у

них более массивные. Бейсболисты коренасты, у них широкая грудь. А Джордан, по мнению специалистов, был сложен, как скаковая лошадь.

Майкл не испытывал зависти к своим новым партнерам – он искренне уважал этих отличных спортсменов. По меркам НБА они выглядели скорее не атлетами, а увальнями. Парни ростом всего 5 футов 8 дюймов и с 20 процентами жира в теле (для баскетболиста норма – 4-5 процентов) умели делать то, что Джордану было не дано.

Осенью 1994 г. старый знакомый Джордана, сочинитель рекламных роликов Джим Рисуолд приехал к нему в Алабаму, чтобы впервые снять его в облике бейсболиста. На Джима Майкл произвел хорошее впечатление. Несмотря на его неудачи на новом спортивном поприще, он на сей раз выглядел уравновешенным, спокойным, даже отдохнувшим. Чувствовалось, что он в ладу с самим собой. Казалось, в бейсболе он нашел тихую обитель. Ему теперь не нужно было каждый вечер лезть из кожи вон, чтобы подтвердить репутацию лучшего игрока НБА и супермена, которым любуется вся страна. Здесь он был всего лишь скромным подмастерьем, и никто не ожидал от него большего.

В этом рекламном ролике по установившейся традиции снялся Спайк Ли, который выступал в роли Марса Блэкмона, вымышленного личного секретаря Джордана, от лица которого ведется рассказ. К съемкам привлекли также известных бейсболистов, которые комментировали действия Майкла. Вот несколько кадров. Джордан лихо размахивается битой, но промахивается по мячу. «Да, он не Стэн Мьюзиел», – говорит Марс. Потом в кадре появляется собственной персоной сам Стэн и добродушно произносит: «Но он, по крайней мере, старается». Потом Джордан ловит мяч. «Нет, ему далеко до Уилли Мейса», – скептически замечает Марс. Появляется самолично Уилли Мейс: «Не придирайся, видишь, парень старается!» Потом мяч прокатывается между ног зазевавшегося Джордана. «Это вам не Билл Бакнер», – бубнит Марс. «Но он старается», – парирует возникший в кадре Бакнер.

Между тем часто вспоминавший Джордана Фил Джексон в который раз возвращался к мысли о том, что Майкл любил баскетбол особой любовью – чистой, без примесей материальных и вообще эгоистических соображений. Тренер «Буллз» верил, что Джордан обязательно вернется. Просто он выдохся и решил взять тайм-аут. Когда Джордан позвонил Джексону, чтобы узнать, как себя чувствует Скотти Пиппен, получивший серьезную травму во время встречи с нью-йоркским клубом «Никс» (Майкл смотрел

этот матч по телевизору), тренер убедился, что Джордан не может забыть свой клуб.

Единственный, кто из «Буллз» поддерживал постоянные контакты с Джорданом на протяжении почти двухлетних его «каникул», так это Б. Дж. Армстронг. Они были друзьями, еще когда играли вместе, но не столь близкими. Чем успешнее складывалась профессиональная карьера Джордана, тем сильнее было у него желание свести к минимуму общение со своими одноклубниками. Времена, когда он водил тесную дружбу с кем-нибудь вроде Чарли Оукли, давно прошли. Невероятная популярность Майкла возвела барьер между ним и остальными игроками «Буллз». Держаться с ними на равных он уже не мог. Были и другие причины. Во-первых, хотя Джордан по-прежнему любил баскетбол, но все же игра была для него не развлечением, а серьезной работой, и с годами Майкл почувствовал, что работу и личную жизнь надо четко разделять, не путать одно с другим. Во-вторых, Джордана постоянно одолевала пресса. Поэтому он справедливо считал, что чем меньше знают его одноклубники о его личной жизни, тем лучше для него. Ведь игроки «Буллз», ежедневно сталкиваясь с толпами журналистов, наивно полагали, что репортеры жаждут встречи с ними. На самом же деле они нужны были журналистам, только чтобы выведать у них пикантные подробности из жизни Джордана. Если Майкл и выходил в свет, то только со старыми дружками из Северной Каролины, по крайней мере, они не сталкивались с прессой, а если бы какой-нибудь пронырливый репортер пожелал с кем-либо из них побеседовать, тот сразу же ставил Майкла в известность. Разрешит – интервью состоится. Не разрешит – журналист получит от ворот поворот.

А вот уйдя из «Буллз» почти на два сезона, с Армстронгом Джордан по-настоящему сдружился. Он был молодой парень из Айовы, еще не растерявший мальчишеских замашек. В свое время ему настолько трудно было играть вместе с Джорданом, что он не поленился и пошел в библиотеку, чтобы подобрать книги о гениях всех времен и народов. То, что Майкл выбрал его в друзья, неудивительно. Армстронг отличался аналитическим складом ума и всегда держался особняком, не считаясь особо с мнением партнеров и тренеров. Как он полагал, Джордан ушел из баскетбола, поскольку он рано повзрослел и утратил наивность, свойственную молодости. А ведь именно эта ребяческая черта характера позволяет многим великим спортсменам продолжать выступать, когда и годы уже берут свое, и денег у них уже более чем достаточно, и славы.

Разумеется, в классе игры Армстронг значительно уступал

Джордану, но и он уже чувствовал, что наивность и азарт молодости у него на исходе. В минуты, когда он впадал в пессимизм, Армстронг садился в машину и, проезжая мимо какой-нибудь баскетбольной площадки на открытом воздухе, притормаживал и подолгу смотрел на ребятишек, играющих до полной темноты. И тогда он как бы видел самого себя, еще совсем юного, так же игравшего допоздна и мечтавшего, что он когда-нибудь пробьется в НБА. Потом он осознавал, что его мечта осуществилась, и вновь обретал душевное равновесие. Может, в свое время обретет его и Майкл, думал Армстронг.

Когда осенью 1993 г. Джордан впервые сообщил одноклубникам, что расстается с баскетболом, Армстронг сказал ему: «Знаешь, парень, ты счастливчик. У тебя теперь есть две важнейшие вещи – куча денег и куча свободного времени». Впрочем, он предполагал, что бейсбол станет для Майкла лишь временным пристанищем. Джордан просто сбился с дороги – забарахлил его «внутренний компас». Поэтому, когда Майкл стал ему названивать, Армстронг ничуть не удивился. Джордан звонил или ранним утром, чтобы первым успеть на тренировку (он предпочитал тренироваться в одиночестве), или поздно ночью, возвратившись с выездного матча. И даже если Армстронг просил телефонного оператора отеля его не беспокоить, Майкл ухитрялся дозваниваться до него. Когда Армстронг спрашивал, как ему это удается, Джордан лишь посмеивался, приговаривая: «Да брось ты…» Подтекст был следующий: «Как-никак я Майкл Джордан. Неужели ты думаешь, что меня может остановить телефонистка?»

Тактичный Армстронг никогда не спрашивал у Джордана про его бейсбольные дела. Но во время первых разговоров с ним он понял по его голосу, что Майкл обрел долгожданную свободу, которая доставляет ему несказанное удовольствие. Джордан с восторгом рассказывал о своих новых партнерах – молодых энергичных парнях, жаждущих спортивных успехов. Он считал, что, общаясь с ними, и сам будто помолодел. Армстронг искренне радовался за Майкла, считая, что общение с молодежью вернет ему юношеский задор и он вернется в баскетбол.

Вскоре в их разговорах появилась и другая тема. Джордан вновь стал проявлять интерес к баскетболу, хотел быть в курсе дел «Буллз» и НБА в целом. Спрашивал о молодых игроках, пришедших в лигу. В частности, о Спрюэлле, новой восходящей звезде. Армстронг высоко отзывался об этом парне: спортсмен просто великолепный. В прессе писали даже, что Спрюэлл со временем станет вторым Майклом Джорданом. Армстронг не удивился, услышав от своего друга следующую историю. Как-то

раз Майкл оказался в окрестностях Сан-Франциско. Он приехал туда проведать своего друга Рода Хиггинса, который работал помощником старшего тренера в клубе «Голден Стейт Уорриорс», за который как раз и выступал Спрюэлл. Джордан направился в город, разыскал тренировочную базу «Уорриорс» и – что самое удивительное – порезвился вместе с ними. Вполне в стиле Майкла Джордана, восхищенно сказал про себя Армстронг.

Майкл стал ему звонить все чаще и чаще. Спрашивал о Анферни Хардуэйе, начинавшем свою профессиональную карьеру, о Джейсоне Кидде. Он хотел знать буквально все о новом поколении чикагских игроков и о том, как управляется с ними Фил Джексон.

Армстронг был достаточно осторожен, чтобы не спрашивать у Майкла о его собственных планах на будущее, но не сомневался в том, что Джордан вернется: его сердце было отдано баскетболу.

Не сомневался в этом и Фил Джексон. Зимой 1994/95 г., когда многие бейсболисты, недовольные скромными заработками, приняли участие в массовой забастовке, тренер «Буллз» почувствовал, что Джордан вот-вот подаст о себе знать. В начале февраля Майкл заехал повидать Джексона. Они поговорили о забастовке бейсболистов. «Знаешь ли, – сказал тренер, – пусть они бастуют, а ты должен серьезно подумать о своем будущем. Извини, но впереди у тебя не так уж много баскетбольных сезонов. Начни с конца этого сезона – успеешь сыграть в 25 матчах».

«Слишком много, – ответил Джордан, – может, с меня хватит и 20?» У Джексона словно камень с души свалился. Он, впрочем, предчувствовал, что их разговор будет развиваться именно по такому сценарию. Старший тренер «Буллз» был слишком умен, чтобы не понимать, что Джордан в бейсболе явно не прижился.

Как-то в марте 1995 г. Армстронга разбудил в 6 утра телефонный звонок. На проводе был Джордан, попросивший своего друга встретиться с ним в Чикаго, в «Берто Центр», где находилась тренировочная база «Буллз». Армстронг заколебался: а вдруг после столь долгого перерыва Майкл не обретет прежнюю форму? Поэтому он спросил его, действительно ли он хочет вернуться, а если хочет, уверен ли он, что сможет играть на прежнем уровне. Джордан ответил, что на протяжении последних дней усиленно тренировался по баскетбольной программе, в которой он собаку съел. Майкл звонил из Чикаго, и тем же утром они встретились. Когда Армстронг приехал туда, Джордан уже был там, отрабатывая броски и подборы. Затем по предложению Майкла они затеяли игру один на один. Причем на Армстронге была спортивная форма, а на Джордане – обычная уличная

одежда. Армстронг не мог нарадоваться. Игра проходила спокойно, оба действовали вполсилы. То один поражал кольцо, то другой. Но вдруг игра пошла совершенно другая. Армстронг увидел прежнего Джордана, состязаться с которым означало: «Либо ты убьешь его, либо он тебя». Разумеется, дело дошло до бесконечных фолов и штрафных бросков. Наконец Армстронг не выдержал и, указав на уличные ботинки Майкла, спросил: «Ты уверен, что можешь в них играть?»

«Не беспокойся, мне удобно. Главное – я в прекрасном настроении», – ответил Джордан. Майкл, взмокший от пота, победил – 10:7. «Вот видишь, – сказал он, – ты по-прежнему не можешь со мной справиться, а я играл в ботинках на скользкой подошве». На следующий день Джордан позвонил в «Найк» и заказал дюжину пар кроссовок, а через день сделал краткое официальное заявление: «Я вернулся». Позднее Армстронг сказал Бобу Грину, что всегда был уверен, что Майкл вернется. «Почему?» – спросил Грин. «Человек всегда остается тем, кто он есть. Себя не переделаешь», – ответил Армстронг.

Перед возвращением Джордана в «Буллз» он и Дэвид Фальк позвонили Дику Эберсолу, директору спортивных программ NBC. Майкл просто держал у уха другую трубку, а разговаривал только Фальк. Он сообщил Эберсолу, что Джордан твердо решил вернуться в баскетбол, и поинтересовался у него, что он по этому поводу думает. Эберсол, отлично понимавший, что значит игра Джордана для рейтинга телепрограмм и что значит для этого рейтинга отсутствие суперзвезды НБА, ответил, что, разумеется, это прекрасная идея. Затем Фальк спросил: «А как вы думаете – должна ли NBC раскошелиться по этому случаю?»

Дэвид и Майкл захихикали, а на другом конце провода воцарилась напряженная тишина. Да, запросят много, грустно подумал Эберсол. Собравшись с духом, он спросил: «Вы, парни, хотите знать, сколько мы можем заплатить за чудесное возвращение Майкла?» Эберсолу в трубке послышался (а может, это так и было на самом деле) дружный смех. Эберсол объяснил Фальку, что предыдущий контракт Майкла с NBC продлевался в 1993 г., когда Джордан еще играл и цена контракта была очень высокой. Причем срок его действия истек в 1994 г., когда Джордан уже распрощался с баскетболом. Выходит, какое-то время Майкл получал фактически дармовые деньги. «Поймите, – говорил Эберсол, – мы даже не думали, что Джордан когда-нибудь вернется в НБА. Мы, конечно, страшно рады этому событию, но все же думаю, что мы уже достаточно заплатили Майклу». Эберсол предложил другой вариант: а не попробовать ли Джордану освещать на канале NBC ход подготовки к

Олимпиаде-96? Корпорация в состоянии платить ему за это 750 тысяч долларов в год.

Майкл категорически отверг это предложение. «Это я должен буду, как дурак, сидеть на баскетбольном матче, а куча зевак облепит меня со всех сторон? Нет уж, увольте! – сказал он Фальку. – Скажите ему: спасибо за предложение, но наш ответ: „Нет"». Интересный звонок, размышлял Эберсол, повесив трубку. Понимают, подлецы, что Джордан представляет собой источник доходов не только «Буллз» и не только всей НБА, но даже и телевидения.

Возвращение Джордана в большой баскетбол пресса отметила как национальный праздник. Первый матч с участием Майкла состоялся 19 марта. «Буллз» на сей раз потерпели неудачу, уступив после двух овертаймов клубу «Индиана Пейсерс». Майкл в этой игре не блеснул, из 28 его бросков попали в цель лишь 7. Матч был назначен на воскресенье, и Эн-би-си намеревалась транслировать его на половину территории США. Но, когда стало известно, что в игре примет участие Джордан, руководство корпорации решило вести трансляцию на всю страну. Среди всех репортажей с календарных матчей НБА у этой передачи оказался самый высокий рейтинг за последние пять лет. После игры счастливый тренер «Индианы» Ларри Бёрд сказал осаждавшим его репортерам: «Вы, парни, принимаете меня за какую-то знаменитость? Ладно, согласен. Сегодня – мой день. Элвис Пресли и «Битлз» могут отдыхать».

Оглядываясь назад, Джордан воспринимал свой неудачный бейсбольный дебют с юмором. Джим Рисуолд принес ему сценарий задуманного им рекламного ролика. В нем Майкл, выступавший снова в роли баскетболиста, отрабатывал на тренировке броски и все время мазал. Потом он потряхивал головой, как бы пробуждаясь после кошмарного сна, и сообщал зрителям, что он действительно видел сон. А снилось ему, что он, уйдя из баскетбола, попал в захудалый бейсбольный клуб, в котором оказался слабейшим среди игроков, и влачит жалкое существование, разъезжая на автобусе по заштатным городишкам и получая 16 долларов в день на пропитание.

«Совсем никудышного бейсболиста ты из меня сделал», – заметил со вздохом Джордан. «Майкл, умей смотреть правде в глаза», – ответил Рисуолд.

Наступила пауза. Затем Джордан расхохотался и сказал: «Ты прав. Валяй! На съемку я согласен. Ведь это хорошо – посмешить зрителей».

Одновременно Рисуолд сделал еще один ролик, более удачный. В нем Джордан фигурировал как небогатый, средней

руки бейсболист. Он сидит за стойкой замызганного придорожного кафе, одинокий и потерянный. Приветливая темнокожая официантка средних лет внимательно за ним наблюдает. Майкл встает, лезет в карман и оставляет на стойке чаевые – небольшие. Наверное, доллар мелочью. «Послушай, красавчик, – говорит официантка, – а ведь в НБА нет резаных ударов». Джордан останавливается, окидывает официантку долгим недобрым взглядом и уходит, смахнув со стойки половину монет, оставленных на чаевые. Рисуолд свое творение счел чуть ли не шедевром. Майкл им тоже остался доволен, но в «Найк» посчитали ролик неудачным и положили его на полку.

За 21 месяц Джордан утратил, естественно, игровые навыки. Помимо прочего, он очутился в совершенно другой команде. Ушел из нее Билл Картрайт, измученный болями в коленях. Ушел и Хорас Грант, недовольный низкими гонорарами, – он перешел в клуб «Орландо», где стал звездой. «Буллз», правда, приобрели Тони Кукоча, но он еще не успел приспособиться к жестким требованиям НБА. Новая смена «Буллз», никогда раньше не игравшая вместе с Джорданом, испытывала благоговейный страх перед ним и никак не могла к нему приспособиться. И все же с его возвращением дела у чикагского клуба заметно поправились. До появления Майкла на счету «Буллз» было 34 победы и 31 поражение. С его приходом команда наверстала упущенное – в 17 матчах она одержала 13 побед. В памятной игре с «Никс» Джордан предстал во всем своем былом величии, набрав 55 очков. В сериях «плей-офф» «Буллз» выиграли три матча из четырех, проведенных с «Шарлотт Хорнетс», но затем уступили «Орландо». Сказался тот факт, что Майкл еще не обрел свою настоящую форму. В первой встрече с «Орландо» он 8 раз терял мяч, что и привело его команду к поражению. Джордан тяжело переживал свои неудачи. А тренеры «Буллз» горевали, что не могут найти контрмеры против ударной мощи своего бывшего игрока Хораса Гранта.

После последнего матча в серии «плей-офф», решившего печальную участь чикагского клуба, Джордан более часа проговорил с репортерами. Он ничего от них не скрывал и целиком признал свою вину в неудаче «Буллз». По его словам, он не успел еще восстановить форму и сыграться как следует с новыми партнерами. Журналисты почувствовали, что Майкл ждет не дождется следующего сезона, в котором уж он точно преподаст урок мастерства.

Летом Джордан съездил в Голливуд, где снялся в глупейшей ленте с участием популярных персонажей мультфильмов. Идя навстречу Майклу, торопившемуся восстановить свою спортивную

форму, компания «Уорнер Бразерс» соорудила на время съемок специально для него баскетбольную площадку, где он мог тренироваться. Туда захаживали поиграть и профессионалы, и студенты. Сам же Джордан лишь отрабатывал приемы и стал принимать участие в импровизированных матчах, только когда съемки закончились.

Старые друзья Майкла заметили, что он усиленно трудится над бросками в прыжке. Бывало, держит мяч, делает ложный выпад вперед, к корзине, а сам высоко взлетает вверх, слегка отклонившись назад и уйдя от своего опекуна. Затем следует точный бросок, который невозможно предотвратить. С годами Джордан стал мудрее, и, хотя силы у него уже были не те, он брал свое за счет доскональных знания тонкостей игры и слабых мест противника. Он больше не ввязывался в словесные перепалки. Когда молодые игроки других клубов НБА, например Гэри Пейтон из «Суперсоникс», пытались его подначить, он хранил молчание, но на площадке делал с ними что хотел. Манера игры Майкла несколько изменилась. Ее отличали ледяное спокойствие и филигранные действия.

Когда «Буллз» уступили в серии «плей-офф» «Орландо», за который выступали О'Нил, Грант и Хардуэй, репортеры спросили Джордана, не считает ли он, что в НБА произошла смена поколений. «Не думаю, – ответил Майкл, – просто нам не повезло. От нас ушли два ценных игрока – мастер по подборам и ударный форвард».

Глава 28. Чикаго; Сиэтл; Солт-Лейк-Сити, 1995-1997 гг.

Да, с уходом из клуба ударного форварда Хораса Гранта «Буллз» лишились многого. К тому же в команде не было настоящего центрового. Его функции по очереди исполняли Уилл Пердью, Люк Лонгли и Билл Уэннингтон. Уход Гранта ни для кого не явился неожиданностью. Он даже дом в Чикаго не покупал, так что было ясно, что в городе он не задержится. К тому же Грант люто ненавидел Краузе. Да и от партнеров по команде и тренеров Хорас стал со временем отдаляться. Он сердился на Джексона, часто держащего его на скамейке запасных. Грант с самого начала завидовал Джордану, а впоследствии и Пиппену, в недавнем прошлом бывшему его ближайшим другом. В отличие от других игроков чикагского клуба, Грант никак не мог смириться с тем фактором, что ему постоянно приходится находиться в тени Майкла. Он не понимал одной простой, но важной вещи – жизнь полна несправедливостей. В конце сезона 1994 г., когда срок его четырехлетнего контракта уже истекал, Хорас в матчах стал осторожничать, даже трусить, поскольку боялся, что какая-нибудь травма может осложнить его переход в другой клуб, где он постарается продать себя подороже. Несколько матчей он пропустил, симулируя различные недуги. Одноклубники были возмущены. Тренер Чип Шефер с недоумением спросил однажды Пиппена: «Что происходит с твоим лучшим другом?» – «Он мне не друг, – резко бросил Скотти, – просто мы играем в одной команде».

Вокруг ухода Гранта вспыхнули в «Буллз» жаркие дебаты. В отличие от Пиппена, с Хорасом клуб заключил четыре года назад контракт, по меркам НБА, недолгосрочный. Грант, правда, настаивал на большем сроке, но руководство «Буллз» проявило осторожность. С течением времени все по достоинству оценили его уникальный талант. Грант оказался настоящей находкой для команды-чемпиона, причем играл он на той позиции, где очень редко можно встретить игрока столь искусного. Честно говоря, владельцы и менеджеры «Буллз» платили ему незаслуженно мало. Единственное, что устраивало Хораса, так это короткий срок его контракта. Он надеялся на лучшее будущее. Ему еще не стукнул 31 год. Так что по возрасту он находился в самом расцвете своей баскетбольной карьеры. Один из лучших ударных форвардов НБА, прекрасно играющий и в защите, короче говоря, игрок поистине

универсальный, Грант, безусловно, имел право рассчитывать на солидные гонорары. В отсутствие Джордана, выйдя из его тени, Хорас чаще стал бросать по кольцу. В сезоне 1994 г. он приносил команде в среднем по 15 очков за игру. Поскольку его истекавший контракт был вторым по счету, он получил статус свободного агента. Это означало, что при его переходе в другой клуб «Буллз» никаких денег не достанется, – продать его они уже не имели права.

Естественно, такой сценарий руководителей «Буллз» никак не устраивал. Рейнсдорф и Краузе, искусные переговорщики, умели давить на оппонентов, благодаря чему все звезды клуба получали суммы, далеко не астрономические. Но в случае с Грантом «два Джерри» проявили известную недальновидность. Конечно, бизнес есть бизнес. В нем каждый преследует свои интересы. Каждый давит на другого. Но когда имеешь дело с настоящим талантом, такая тактика недопустима. Пусть ты сэкономишь свои деньги, но в конечном счете их же и потеряешь, поскольку приобретенный тобой талант – источник твоих будущих доходов. И немалых. По мнению многих, в центральном офисе «Буллз» явно перегибали палку.

По мере того как срок контракта Гранта истекал, после чего тот становился «вольным агентом», стало ясно, что все козыри у него. Он ждал четыре года, показывая игру очень высокого уровня, и теперь наступил его звездный час. Руководители клуба поняли, что Грант выскользнет из их железных объятий. После матча с участием «Всех Звезд» Джимми Секстон, агент Гранта и Пиппена, встретился с Краузе и попросил его оставить Хораса в покое и даже не начинать с ним переговоры. Секстон объяснил, что они с Грантом будут действовать на баскетбольном рынке на свое усмотрение.

В конце апреля 1994 г., как раз перед началом матчей серии «плей-офф», произошло удивительное событие. Джерри Рейнсдорф, который всегда сводил свое общение с игроками к минимуму, не желая смешивать эмоции с практицизмом, нанес неожиданный визит в «Берто Центр» – тренировочную базу клуба. Все этому поразились, тем более что база «Буллз» находилась вдали от офиса Рейнсдорфа, расположенного в центре Чикаго, – 50 минут езды на автомобиле. Надо сказать, что большинство игроков относились к Рейнсдорфу вполне лояльно. Наверное, потому что они видели его не столь часто – в отличие от Краузе, который успел всем порядком надоесть.

О том, что произошло дальше, повествуют две версии. Судя по рассказу Джимми Сексона, Рейнсдорф тут же бросился на поиски Гранта, которого застал за поднятием штанги. Он

предложил ему начать переговоры о новом контракте с участием лишь их двоих. «Зачем нам Джерри и Джимми? – якобы сказал он. – Решим все вопросы наедине». Секстон, встревоженный таким поворотом дел, позвонил Рейнсдорфу, но тот его успокоил: он, мол, не собирается делать Хорасу какие-то конкретные предложения – ему просто нужно выяснить, намерен ли Грант продолжать выступать за клуб или нет. Хитрый Рейнсдорф прекрасно понимал, что в отсутствие Секстона его переговоры с Грантом закончатся его легкой победой. Вести деловые беседы Рейнсдорф умел как никто другой, а Хорас даже в кругу своих одноклубников имел репутацию наивного честного парня, мало искушенного в житейских делах. Грант всегда хотел всем нравиться и не умел говорить слово «нет». Для Рейнсдорфа он стал бы легкой добычей. Беспокойство Секстона можно было понять, но, с другой стороны, не мог же он запретить игроку вступать в какие-либо беседы с владельцем клуба.

Согласно другой версии, принадлежавшей уже самому Рейнсдорфу, именно Грант первым завел разговоры об их встрече наедине, считая при этом, что присутствие Секстона и Краузе испортит все дело. Так или иначе, через два дня они встретились. По словам Секстона, Рейнсдорф заранее предложил Гранту определить цену его будущего контракта, причем цену справедливую. Грант написал цифру 22,5 миллиона долларов и запросил пятилетний контракт. Рейнсдорф со сроком согласился, а сумму предложил несколько меньшую – 20 миллионов. Потом владелец «Буллз» пожонглировал цифрами и приплюсовал кое-какие дополнительные надбавки. Грант вроде бы согласился. Вот слова Рейнсдорфа: «Глаза Хораса буквально загорелись. Я его никогда не видел в таком состоянии. Он выскочил из-за стола, крепко пожал мою руку и произнес: «Великолепно! Теперь мне не придется шататься бог весть где целое лето и искать счастья на стороне, да и вряд ли я его найду где-нибудь в другом месте. Короче, считайте, что мы договорились». Тогда Рейнсдорф предложил ему выработать и подписать официальное соглашение. Грант ответил, что ему необходимо уточнить кое-какие детали с Секстоном. Все дело распалось. Рейнсдорф отказался привлечь к работе Секстона, на чем его разговор с Грантом прервался. Хорас не делал встречных предложений и так ничего и не подписал.

Эта встреча длилась всего лишь 20 минут. Взволнованный Грант тут же позвонил Секстону и все ему рассказал. По словам Джимми, первый вопрос, который он задал Хорасу, был таков: «Ты ничего, надеюсь, не подписывал?» Грант ответил отрицательно, добавив, что он и словесных заявлений не делал.

Затем Хорас отправил Секстону по факсу листок с расчетами Рейнсдорфа, внизу которого стояла подпись владельца клуба: тот специально оставил место, на котором, по теории, должна была красоваться и подпись Гранта. Секстон немедленно позвонил Рейнсдорфу. Разговор с ним велся на повышенных тонах.

По версии Рейнсдорфа, Грант сам искал встречи с ним и сам хотел совершить сделку. Себя же владелец клуба выставлял в лучшем свете – он, дескать, пострадавшая сторона, предложил Гранту приличную сумму, скрепил соглашение рукопожатием, а теперь Хорас и Джимми пытаются его одурачить. Затем он созвал пресс-конференцию, на которой обвинил Гранта в том, что он нарушает данное им слово. Однако репортеры, хорошо знакомые с привычками администрации «Буллз», не могли поверить, чтобы Грант облапошил Рейнсдорфа. Однако в том, что Рейнсдорф был расстроен, никто не сомневался. Владелец клуба привык скреплять сделки рукопожатием, а здесь святое для него правило было нарушено.

После этого случая Грант решил в поисках нового клуба говорить напрямую с его владельцем. Он остановил свой выбор на «Орландо». Вакансий там было немного, но Хорас доверял Ричу Девосу, владельцу клуба, и в итоге подписал контракт с ним – пятилетний, на общую сумму 50 миллионов долларов.

Таким образом, летом 1995 г., когда «Буллз» готовились к очередному сезону, на сей раз, полностью с участием Майкла Джордана, в их рядах зияла брешь – не было ударного форварда. В составе команды произошли и другие изменения. Например, ушел Б. Дж. Армстронг, но главную проблему составляла линия нападения. На позицию ударного форварда подобрать удачную кандидатуру было нелегко. Здесь требовался игрок высокорослый, физически сильный, с молниеносной реакцией. Последние драфты не принесли «Буллз» удачи. Новобранцы Стейси Кинг и Скотт Уильямс, поначалу продемонстрировавшие проблески таланта, вскоре разочаровали тренеров. В результате Кинга обменяли на Люка Лонгли, а Уильямс сам ушел в «Филадельфию». Кори Блаунт, на которого рассчитывали как на нового ударного форварда, не оправдал ожиданий, как не оправдал их и Дикки Симпкинс.

Однако существовал в НБА ударный форвард, которого желательно было бы приобрести, игрок необычайно талантливый, но столь же необычайно неуправляемый. Звали его Деннис Родман. В бытность свою в «Детройте» он считался одним из самых «Плохих парней». А для «Буллз» он представлял кинжал Немезиды, древнегреческой богини мщения. Перейдя в клуб «Сан-Антонио», Родман и там отличался буйным нравом, быстро став

грозой тренеров и одноклубников. И в то же время никто в лиге не мог сравниться с ним в подборах, да и в защите он действовал безупречно. Цена, за которую Родмана можно было перекупить у «Сан-Антонио», была не столь уж высока.

В 1995 г. во время ответственных матчей в сериях «плей-офф», в результате которых техасцы выбыли из борьбы, Деннис увлекся знаменитой певицей Мадонной, и его больше волновали отношения с ней чем судьба его клуба. В «Сан-Антонио» на Родмана махнули рукой. Когда «Буллз» тренировались перед началом следующего сезона. Рик Теландер, спортивный обозреватель газеты «Чикаго Санди-Таймс» и внештатный автор журнала «Спортс Иллюстрейтед», встретив как-то Краузе, спросил его, не желает ли он приобрести ударного форварда. Тот поинтересовался, кто у него есть на примете. Теландер упомянул Родмана и только потом понял, что сглупил. «Краузе посмотрел на меня как на чокнутого», – писал он впоследствии.

«Ни за что на свете. Нам такие парни не нужны », – отрезал менеджер «Буллз». Кстати, Родмана не желали брать и многие другие клубы НБА. Пожалуй, единственный, кто за ним охотился, так это Майк Данливи, в то время бывший генеральным менеджером и старшим тренером «Милуоки». В его команде имелось достаточно вакансий, а Данливи позарез требовался мастер подборов. Майк рассуждал просто: пусть Родман и сумасшедший, но играет он здорово. «Он вошел в образ «грязного» игрока, но сделал это очень артистично» – так отозвался о Деннисе Скотт Гастингс, которому часто доводилось играть против него. Помимо прочего, ходили упорные слухи, что Родман имел свои причины буйствовать в «Сан-Антонио». Прежние владельцы клуба пообещали ему солидный контракт, а когда команда перешла в руки других хозяев, те заявили, что не намерены выполнять чужие обещания. Это было их фатальной ошибкой. Такой взрывной парень, как Родман, с его обостренным чувством независимости, не простил нанесенной ему обиды. «Сан-Антонио», казалось, не прочь был совершить сделку с «Милуоки».

Данливи вылетел на встречу с Родманом. Зная его сложный характер и неуравновешенность, он предложил ему сложный контракт, целиком построенный так, чтобы у Денниса были постоянные материальные стимулы. 1000 долларов за каждое очко, принесенное команде. 1000 долларов за каждый выигранный подбор. Плюс к тому 1000 долларов за каждую минуту игрового времени. Это означало, что Родман, при должном старании, может зарабатывать около 5 миллионов в год. Деннис остался доволен предложением. «Согласен», – сказал он.

Но тут зазвонил телефон. На проводе оказался Краузе – «Буллз» тоже охотились за Родманом.

Если бы Деннис переехал в Чикаго, он бы прибыл туда с громадным багажом. В Сан-Антонио он часто пропускал тренировки, или опаздывал на них, или являлся увешанный драгоценностями. Как считали многие, его первый тренер в «Сан-Антонио» Джон Лукас позволял ему слишком многое, за что и поплатился своей должностью. Второй по счету тренер, Боб Хилл, наоборот, слишком сильно затянул поводья. В свой второй сезон выступлений за клуб Родман, казалось, собирался побить все рекорды по наложенным на игрока штрафам. Во время серии «плей-офф» 1995 г. его команда имела реальный шанс добраться до финала чемпионата НБА. Но Родман наплевал на одноклубников и разъезжал по городу в роскошном лимузине в обществе Мадонны.

Но это еще полбеды. Хуже другое: когда судьба встречи висела на волоске, Деннис совершал непростительные технические фолы, дорого обходившиеся его команде. На решающий, пятый, матч его думали даже не выставлять.

Целый год Родман воевал и с менеджерами, и с партнерами по команде, особенно с Дэвидом Робинсоном, примерным христианином, чей скромный образ жизни почему-то раздражал Денниса.

А вот в «Буллз» он увидел для себя неплохую перспективу. Во-первых, эта команда по-прежнему была преисполнена решимости снова бороться за чемпионское звание, и Родман полагал, что ему представится хорошая возможность отличиться. Во-вторых, за чикагский клуб выступал сам Майкл Джордан, подводить которого не позволил бы себе ни один игрок НБА, даже Деннис Родман, с его любовью покрасоваться на публике. В-третьих, Денниса привлекал тренер «Буллз» Фил Джексон, человек тонкий и мягкий. В свою очередь, Джексона всегда интересовали люди нестандартные. С ними он прекрасно находил общий язык. Думается, ни один тренер НБА не подходил лучше него на роль наставника Родмана. Краузе спросил Джексона, что он думает о кандидатуре Родмана. Джексон ответил, что такие вопросы решает не только тренер. Многое зависит от мнения всей команды, иначе в ней неизбежно возникнут трения между игроками.

Джексон поговорил с Джорданом и Пиппеном. Они высказались «за». Джордан даже в большей степени, чем Пиппен. Позднее Майкл говорил, что повторная серия побед в чемпионате НБА «Буллз» бы не удалась, если бы в их составе играл Грант, поскольку в решающих матчах самого высокого уровня тот

терялся. В Родмане они с Пиппеном были уверены, он играл жестко, тренировался с энтузиазмом и действительно представлял для клуба ценность – мастер подбора и одновременно защитник, который может противостоять другим талантливым ударным форвардам. Например, Карлу Мэлоуну.

Джексон позвонил Чаку Дейли, тренеру Родмана, когда тот выступал еще за «Детройт». Деннис искренне был предан Чаку. Дейли сообщил Джексону, что Родман – парень эгоистичный, но его эгоизм проявляется лишь в том, что он обожает выигрывать подборы, для чего пускается на различные безобидные уловки. А вообще-то он трудолюбив и внимательно прислушивается к указаниям тренера. По словам Дейли, Родман ценил в людях расположение к нему, их доброту, а бывшего своего тренера любил как отца родного. (Много лет спустя Деннис подарил Дейли, к тому времени ставшему тренером «Нью-Джерси», свои портрет в полный рост.) В свое время Дейли сказал Родману, что если он будет неустанно отрабатывать свои действия в обороне и при подборе мяча, то продержится в лиге очень долго и заработает столько денег, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

Как-то раз, когда у Родмана были очередные неприятности в Сан-Антонио, он случайно встретился с Чаком Дейли в одном из чикагских ресторанов. Вид у Денниса был удручённый, и он стал жаловаться своему бывшему наставнику на свою судьбу. Говорил, что в техасском клубе пришелся не ко двору, что сумма его контракта явно занижена.

«Уважаемый тренер, – сказал Родман, – прямо не знаю, что делать. Я был объявлен лучшим защитником года и лучшим защитником матча «Всех Звезд». Всегда занимаю одно из первых мест в НБА по количеству выигранных подборов. Стараюсь изо всех сил, а меня никто не знает, и платят мне всего лишь 2 миллиона долларов в год. Говорят мне, чтобы я старался на благо команды, делал всю черновую работу, а когда речь идет о гонорарах, забывают свои слова». Тут Деннис сделал паузу и добавил: «Наверное, мне нужно как-то переделать себя».

Дейли увидел перед собой нового Родмана, понявшего, к чему привели все эти его эксцентрические выходки: немыслимые татуировки, крашеные волосы и стиль жизни, в результате которого многие подозревали Денниса в том, что он голубой. Эксцентричности он явно набрался от Мадонны, которая была большая мастерица создавать вокруг своей личности различные мифы, а свое вызывающее поведение возвела в ранг искусства. «Мадонна, конечно, стала учительницей Родмана», – сказал однажды Майк Данливи. Деннис позволял себе все. Мог, например, прийти в книжный магазин в подвенечном наряде

невесты. Дейли, впрочем, относился к его выходкам снисходительно. Раз человек эксцентричен от природы, зачем наступать на горло собственной песне? Может, кому-то его поведение даже нравится. В конце концов, знаменитости имеют право на причуды. Существуют же рок-звезды, которые эпатируют публику, а какой успех они имеют! В наше время спорт и развлечения сливаются в единое целое. Значит, и баскетболист может иметь странные для нормальных людей замашки.

Между тем под маской этого эксцентричного, нагловатого типа скрывался совсем другой человек – большой ребенок, постоянно смущающийся не только в обществе незнакомых людей и тем более белых, которые доминировали в мире менеджмента, бизнеса и прессы, но даже и в кругу своих одноклубников. Джон Сэлли, коллега и близкий друг Родмана, познакомился с ним на Гавайях, где они вместе участвовали в показательных матчах среди студенческих команд. Их поселили в одной комнате. Когда Сэлли впервые в нее вошел, он несказанно удивился. За окном стоял прекрасный солнечный день, а его сосед лежал на кровати, закутавшись в одеяла, и смотрел по телевизору мультфильмы. Кондиционер, гнавший горячий воздух, работал на полную мощность. «Неужели этот парень мерзнет?» – поразился Сэлли. Человек необычайно жизнерадостный и разговорчивый, Джон пытался завязать беседу, но на все вопросы получал односложные ответы. Сменил тему разговора – та же реакция. Еще раз сменил – опять безуспешно. Сосед оказался молчуном. Уже позднее Сэлли понял, что увидел настоящего Родмана – робкого, неловко чувствующего себя в обществе других людей, внутренне напряженного и крайне неразговорчивого.

Когда Деннис встречался со своими старыми друзьями еще по Детройту, которые знали «реального Родмана» (если таковой на самом деле существовал), они его поддразнивали. «Что с твоими волосами?» – спрашивал его бывший одноклубник. «Отвяжись, – отвечал обычно Деннис, – просто я хочу заработать побольше денег».

А когда он случайно сталкивался с Морин Мэлоун, женой Брендана Мэлоуна, одного из тренеров «Детройта», она обычно говорила: «Послушай, Деннис, я вижу, ты взялся дурачить людей. Тебе это нравится?» Он, как ребенок, застигнутый за детскими шалостями, молча улыбался, а потом говорил друзьям: «Вот видите, ее я не дурачу и не обманываю».

У людей, хорошо знавших Родмана, создавалось впечатление, словно он одновременно проживает две жизни – жизнь ребенка и жизнь взрослого человека. С детьми он легко ладил, а вот со взрослыми – нет. У него лучше складывались отношения с детьми

его тренеров, чем со многими его товарищами по команде. Когда он выступал за «Детройт», он привязался к маленькой дочери Брендана Мэлоуна. Перед матчами она часто дарила ему цветные шейные платки, и потом он долго их не снимал. Они были знаком их дружбы, которая не нуждается в словесном подтверждении. Став в «Детройте» звездой, Родман приобрел огромный дом в окрестностях города. Обставить его надлежащим образом у него не было ни малейшего желания, зато он накупил множество электронных игр, и соседские подростки (замечу – белые) часто толклись в этом особняке, получая несказанное удовольствие от игр с его хозяином.

Итак, Родман выбрал Чикаго и прилетел туда на встречу с генеральным менеджером и старшим тренером «Буллз», назначенную в доме Краузе. Когда там появился Джексон, он застал Родмана полулежащим на кушетке, в темных очках и шляпе. Джексон подошел к нему, протянул руку и сказал мягким тоном: «Вставайте, Деннис – вы должны встать, чтобы пожать мне руку». Родман незамедлительно повиновался. «А теперь, Деннис, снимите, пожалуйста, очки – я хочу вас получше разглядеть». Родман тут же снял очки.

Встреча прошла в дружеской атмосфере, как и предшествовавший ей приватный разговор с Краузе. Родман торжествовал: «Буллз», так гордившиеся своими игроками, прикусили язык, выбрав его. Взамен чикагцы отправили в Сан-Антонио Уилла Пердью, игрока работящего, но не блиставшего особыми способностями. А заполучили Денниса Родмана, талантливого игрока и эксцентрического парня – некую гремучую смесь из уникального спортсмена и бомбы с часовым механизмом.

Пожалуй, никто из игроков так, как Родман, не воплощал в своей биографии разительные отличия мира НБА, где заключались многомиллионные контракты и царствовали темнокожие атлеты, от мира бедности и тяжких испытаний, из которого вышли многие баскетболисты. Деннис родился в Далласе. Его отец, служивший в военной авиации США, рано ушел из семьи, оставив жену, Денниса и двух его сестер. Позднее Родман-старший хвастался репортерам, что он за свои жизненные скитания успел стать отцом 17 детей. Всем ясно было, что о них он никак не заботился.

Маленького, робкого и ранимого Денниса часто поколачивали сверстники. А вот сестры его отличались высоким ростом. Все думали, что из них получатся хорошие баскетболистки. Во всяком случае, своими спортивными успехами они заслужили стипендию в колледжах. Деннис стал расти

довольно поздно, так что его не взяли даже в баскетбольную сборную средней школы. Надежд на светлое будущее он не возлагал.

Молодой темнокожий американец без профессии и определенного будущего, Деннис был одним из тех людей, которые в нынешних Соединенных Штатах вообще незаметны, представляя собой безликую массу. В лучшем случае его ожидала работа в забегаловке типа фаст-фуд или на стоянке автомобилей, где он бы припарковывал машины состоятельных сограждан. Когда ему было 18, он работал ночным сторожем в аэропорту Далласа, но был арестован за то, что забрался в сувенирную лавку и украл 16 пар наручных часов на общую сумму 470 долларов. Да, будущее перед ним вырисовывалось не слишком радужное.

И вдруг за один год он подрос на целых 11 дюймов и мир вокруг него изменился. Деннис стал посещать местный колледж, где с увлечением играл в баскетбол. Прошло какое-то время, и его увидел селекционер из Юго-Восточного университета штата Оклахома. Опытный баскетбольный специалист, он сразу же понял, что этот парень ценная находка, и даже удивился, как еще никто из его коллег не обратил на него внимания. В университете Родман играл на уровне Скотти Пиппена, когда тот тоже был студентом. Еще тогда он был силен в подборах, но селекционеры из профессионального баскетбола не спешили с выводами: игрок, конечно, отличный, но соперники у него слабые. Все же некоторые клубы НБА им заинтересовались, например «Детройт Пистонс», который думал выбрать Родмана на драфте 1986 г. Однако Деннис неудачно выступил в показательных турнирах на Гавайях и в Чикаго, – подвели приступы астмы. О его болезни знали лишь руководители «Пистонс», сообразившие, что неудачи Родмана – временные, и рискнувшие взять его во втором раунде драфта. Так Деннис очутился в Детройте.

Он оказался по-настоящему талантливым игроком, казалось, он не ведает, что такое усталость. Тренировался целыми днями. Иногда даже после матчей заходил в спортзал и в течение часа крутил педали велотренажера. На тренировках «Детройта» тон задавал лидер команды Исайя Томас, часто покрикивавший на нерадивых одноклубников. А если сам Томас позволял себе расслабиться, то на него набрасывался коршуном Родман. Деннис внимательно присматривался к «великану» Биллу Леймбиру, который с его ростом удачно играл в подборах.

Но Билл не отличался прыгучестью. Родман же, великолепный атлет, вскоре превзошел его. Деннис был умный игрок и обладал фантастически быстрой реакцией. Сколько бы

игроков ни сгрудились под щитом, он на какие-то доли секунды опережал всех. Родман без конца просматривал видеозаписи матчей чемпионатов НБА. Он тщательно изучал, по какой траектории отскакивает от щита мяч, брошенный тем или иным игроком, чтобы при случае занять выгодную позицию.

При росте 6 футов 8 дюймов Родман выглядел почему-то ниже Пиппена, чей рост был меньше – 6 футов 7 дюймов.

Но Деннис компенсировал свой, если так можно выразиться, недостаток упорным трудом и изобретательностью. Он часами играл в волейбол сам с собой, высоко посылая мяч, пока не научился точно угадывать единственно верную позицию. За четыре года он в среднем за матч выигрывал 17 подборов.

Глядя на стройного, атлетически сложенного Родмана, можно было подумать, что перед тобой член олимпийской сборной, чей «конек» – бег на дистанцию четверть мили или полмили. «Спортсмен мирового класса», – часто говорили о Деннисе тренеры «Детройта». Они полагали, что если бы он избрал бег на 440 ярдов, то добился бы в нем рекордных результатов. Но были в его игре и недостатки. В начале своей карьеры он неплохо бросал по кольцу, но потом стал бросать изредка: он боялся промахнуться и тем самым опозориться.

В общем, для «Буллз» Родман стал настоящей находкой. У них и так были два лучших в лиге защитника, а тут прибавился еще один игрок, прекрасно действующий в обороне. Конечно, клубу по-прежнему не хватало высококлассного центрового, но скорость Родмана компенсировала медлительность Лонгли. Кроме того, скоростные качества Денниса позволили «Буллз» разнообразить свою тактику. Если команда находилась в хорошей форме и игроки чувствовали кураж, игроки неслись к кольцу соперников, то и дело предпринимая взрывные спурты. А если тренеры чувствовали, что их лучшие игроки, чей возраст для баскетбола был уже солидный, подустали, команда строила вязкую оборону, жестко прессингуя по всей своей половине площадки. Противник постепенно изматывался, и тогда «Буллз» начинали стремительные прорывы. Баскетбольные специалисты считали, что с приходом в клуб Родмана «Буллз» находятся в двух шагах от того, чтобы стать поистине великой командой. Билл Уолтон, ставший к тому времени аналитиком НБА, в начале того сезона заявил, что в 1996 г. «Буллз», возможно, назовут одной из лучших команд за всю историю лиги. Хаби Браун, в прошлом – тренер, а затем аналитик TNT, был примерно такого же мнения. Он считал, что в истории НБА не было команды, так хорошо играющей в обороне, как «Буллз».

Тот сезон напоминал мечту. «У вас не будет со мной проблем,

– сказал Родман Филу Джексону при первой их встрече и добавил: – И вы снова станете чемпионами НБА». Слова Денниса оказались пророческими. Майкла Джордан, раздосадованный своими неудачными выступлениями в серии «плей-офф» против «Орландо», вернулся после летнего отдыха не только в отличной форме, но и горя желанием взять реванш.

Тренеры и другие люди, связанные с клубом, считали, что после «бейсбольных каникул» Майкла партнерам стало играть с ним легче. До его бейсбольных неудач Джордан на протяжении 15 лет непрерывно поднимался по лестнице, ведущей вверх, к вершинам успехов. Это внушило ему некоторую самоуверенность. Потерпев фиаско в бейсболе, он внутренне изменился, стал более терпим к людям, в том числе и к своим одноклубникам, к которым в прошлом излишне придирался. Некоторые из них на него обижались. Необычайно одаренный от природы, Майкл не понимал этого дара, не мог взять в толк, почему ему дается все легко, а другим – трудно. Очень немногие игроки обладали его физическими данными, а тех, кто к тому же имел его глазомер и реакцию, было еще меньше. Как верно заметил один из друзей Майкла, на фоне его игры действия всех игроков выглядят как в замедленной съемке. Теперь, после возвращения в родной клуб, где появились новые игроки, Джордан не судил партнеров с прежней строгостью. Единственное, что он от них требовал, – в полную силу тренироваться и в полную силу играть.

Вокруг Джордана сплотились его надежные партнеры, сыгранные с ним и друг с другом. Пиппен был несказанно рад возвращению Майкла. Он порядком устал за то время, когда ему приходилось выполнять функции лидера команды, а заодно и быть ее официальным представителем на встречах с прессой. Если Джордан, вернувшись из бейсбола, стал более терпим к ошибкам партнеров, то Пиппен во время отсутствия Майкла понял, насколько трудно быть Джорданом: ведь приходится выполнять массу обязанностей, напрямую не связанных с игрой на площадке. В минувшем году в «Буллз» пришел Рон Харпер, великолепный снайпер, выступавший в свое время за «Кливленд» и «Клипперс». Он был несколько разочарован: в команде царило уныние. Все горевали по поводу ухода Джордана, а потом и Гранта. К этому же сезону Харпер пребывал в отличной форме. Возвращение Джордана его вполне устраивало. В его отсутствие ему приходилось выполнять роль основного атакующего защитника, а на протяжении почти всей своей карьеры он на этой позиции не играл. Теперь же Рон мог сосредоточиться на привычных ему действиях в защите. Таким образом, «Буллз» могли сейчас противопоставить соперникам в дополнению к

Родману еще трех высокорослых и талантливых игроков обороны. С такой защитой им не страшен был ни один клуб.

В первый же день тренировочных сборов стало ясно, что все игроки полны решимости провести сезон на высочайшем уровне. Правда, Денниса Родмана его новые партнеры встретили настороженно. Слухи о скандалах, которые он устраивал в Сан-Антонио, достигли Чикаго гораздо раньше, чем он сам. В первый же день в тренировочном лагере Джексон созвал общее собрание команды, на котором сказал Родману: «Деннис, мне наплевать, что ты делаешь в свободное время, но у нас в команде есть заведенные правила. Их немного, но они обязательны для всех». Затем он эти правила перечислил, особенно подчеркнув, что нельзя опаздывать на тренировки и, разумеется, на матчи, а также что от всех требуется играть всегда и везде в полную силу. Вскоре в лагерь прибыл фотокорреспондент журнала «Спортс Иллюстрейтед», чтобы сфотографировать Родмана для первой страницы обложки. Возник вопрос: с кем Деннис будет позировать? В конце концов он сфотографировался на пару с Джорданом. Новые партнеры Денниса пытались завести с ним беседы, но тот либо отмалчивался, либо сводил общение к минимуму. Он был самым тихим и замкнутым из всех игроков. Родман обычно уединялся в кинозале и часами смотрел видеозаписи матчей НБА, замыкаясь в своем собственном мире. Но играть вместе с ним было на удивление легко. Деннис тонко понимал игру и быстро усваивал сложные тактические схемы, изобретенные Джексоном. Да и старался он вовсю, не жалея себя. Быстрый и атлетичный, не стремившийся набрать как можно больше очков, он как нельзя лучше вписался в состав команды.

У «Буллз», неудачно проведших минувший сезон, вдруг не оказалось слабых мест. Игроки, пришедшие в клуб во время отсутствия Джордана, сыгрывались с ним все успешней и успешней. Впрочем, у некоторых новичков были свои недостатки. Скажем, талантливый центровой Лук Лонгли отлично видел площадку, но двигался по ней неуклюже, еще не усвоив, как извлечь максимальную пользу из своего огромного тела. Стив Керр, сменивший Паксона на позиции снайпера, часто торопился. Как только на Джордана шли двое опекунов, он тут же бросал из трехочковой зоны, но не всегда удачно. Билл Уэннингтон, типичный центровой, тоже стремился все время бросать по кольцу. И наконец, Тони Кукоч – он искренне радовался возвращению Джордана, но никак не мог найти свою нишу в непривычном для него американском профессиональном баскетболе.

Из первых 25 матчей «Буллз» выиграли 23. Первый матч с

«Орландо», на выезде, они проиграли, причем по набранным очкам Джордан уступил Анферни Хардуэю. Но в ответной встрече в Чикаго Майкл блокировал первый же бросок Анферни (это прозвучало как своеобразное приветствие в адрес желанного гостя), а в итоге в личном зачете переиграл его – 36:26. Родман в среднем выигрывал за матч 19 подборов. Уверенность «Буллз» в своих силах росла от встречи к встрече. В декабре-январе они победили в 31 матче, уступив соперникам лишь в двух. По словам Билла Уэннингтона, баскетболисты чикагского клуба не делали ничего сверхъестественного – они просто выходили на площадку и играли в свою игру. И что там предпринимали соперники, «Быкам» было все равно. Они навязывали им свою манеру игры и побеждали.

К традиционному перерыву в календаре, отведенному на матч «Всех звезд», послужной список «Буллз» включал 42 победы и 5 поражений. В баскетбольном мире уже начались дискуссии по поводу того, можно ли считать эту команду лучшей в истории НБА. Бывшая звезда нью-йоркского клуба «Никс» Билл Брэдли, постоянно следивший за матчами с участием «Буллз», отмечал, что противостоять их напору просто невозможно. Если бы сегодняшние «Буллз» встретились с прежним «Никс», когда тот был чемпионом НБА, то, по словам Брэдли, ему пришлось бы играть против Скотти Пиппена, который выше, сильнее и быстрее его, а кроме того, универсальный игрок и суператлет. «Мне оставалось бы только одно, – признался Билл, – заорать «На помощь!»

После того как «Буллз» в Лос-Анджелесе победили «Лейкерс» с преимуществом в 15 очков, Мэджик Джонсон заявил, что лучшей команды он в жизни не видел. «Они так же хороши, как мы, когда мы были чемпионами. И они сейчас играют сильнее, чем в годы, когда три раза подряд завоевывали чемпионский титул. Просто жуткие парни!» Мнение Джонсона разделяли многие. Родман боролся за подборы успешней, чем когда-либо раньше. В середине сезона «Спортс Иллюстрейтед» снова вынес его фото на первую страницу обложки с вопросительной «шапкой»: «Лучший в подборах за всю историю НБА?»

В прессе творилось нечто невероятное. Сначала поднялась шумиха вокруг возвращения Джордана, потом вокруг прихода в клуб Родмана. Впрочем, Майкл всегда был в центре внимания журналистов, но сейчас они ловили каждое его слово, следили за каждым его шагом. Тим Хэллэм, пресс-секретарь чикагского клуба, называл свою команду не иначе как «Иисус Христос и апостолы». Пародируя стиль телеведущих, комментирующих местные новости, он говорил репортерам: «Иисус сейчас в своем

номере – подкрепляется перед матчем. Подробности в 11 часов».

Ажиотаж вокруг Родмана рос от месяца к месяцу. Можно было подумать, что пресса соскучилась по свежей крови. Возможно, так и есть. Ведь Джордана упрекнуть было не в чем, а сугубо положительные герои публике порой наскучивают. Спортивные болельщики обожают созерцать борьбу добра и зла. Так происходило, когда молодой Кассиус Клей выходил на боксерский ринг против Сонни Листона. Примерно такое же творилось, когда «Плохие парни» из «Детройт Пистонс» сражались на баскетбольных площадках с игроками других клубов. Но здесь было нечто новое: ведь Джордан и Родман играли в одной команде. Ситуация получалась пикантная – Добро и Зло мирно уживались под крышей одного клуба. Князь Тьмы и Князь Света (Сатана и Христос) оказались партнерами. Вся нация неожиданно пришла в восторг от этого застенчивого, неразговорчивого парня. Публике нравились и его крашеные волосы, и экзотические татуировки. Но вот пресса, раздувавшая сенсации вокруг имени Родмана, показала себя не с лучшей стороны. Журналисты любят искать жертвы среди людей со странностями, ведущими себя вызывающе, даже если те не сознают, что их поведение шокирует окружающих. Большинство репортеров даже не пытались выяснить, что за человек на самом деле этот Родман, в чем его внутренняя суть. Впрочем, самого Денниса это не слишком волновало. Он написал книгу, выпущенную в твердой обложке и разошедшуюся тиражом около 500 тысяч экземпляров. На обложке красовался сам автор, сидящий на мотоцикле совершенно голым. На презентациях книги Деннис появлялся в подвенечном наряде невесты. Хотя он понимал, что ставит себя в двусмысленное положение, Родман для пущего эпатажа стал посещать бары, где собирались голубые. Одна местная газета скрупулезно фиксировала его постоянно меняющийся цвет волос, подобранный им для каждого матча. Судьи периодически удаляли его с площадки. В таких случаях он снимал майку и швырял ее на трибуны. Скоро его майки стали ценным трофеем коллекционеров, и болельщики держали над головой плакаты, призывающие Родмана повторить этот жест.

Родман часто участвовал в телевизионных ток-шоу, транслировавшихся поздно ночью на всю страну. Сказать ему там было нечего, да и вопросы ему задавались пустячные и несуразные. Миллионы полуночников, лежа в своих спальнях, впивались глазами в экран и видели Денниса, откинувшегося на спинку кресла, в своих неизменных черных очках, и бубнящего односложные реплики. Посмотрев однажды такую передачу, генерал Колин Пауэлл (нынешний государственный секретарь

США) спросил с подковыркой Дэвида Стерна: «Как вы думаете, знает ли рядовой баскетбольный болельщик, что на самом деле Деннис Родман сидит по вечерам дома, в полном одиночестве и слушает музыку Вивальди?»

По мере того как его культ разрастался, Деннис стал после матчей ходить по ресторанам в сопровождении дружков и кучки прихлебателей. За столом он сидел тихо, почти ничего не говорил. Остальные же наперебой пытались привлечь его внимание. Родман снисходительно на них поглядывал, как бы говоря: «Давайте, пыжьтесь, а я на вас полюбуюсь». К тому времени он мог позволить себе щедро угощать большую компанию. Его доходы от рекламы резко возросли. Если до прихода в «Буллз» он находился на грани банкротства, то сейчас Деннис был богатый молодой человек.

Одноклубников Родмана его выходки забавляли. По их мнению, Деннис вовсе не играл на публику. Наоборот, он сделал так, что публика устроила для него массовое забавное шоу. А в принципе партнеры его любили. Он был хорошим товарищем, хотя напоминал кота, который «гулял сам по себе». В игре он был необычайно быстр и проворен, особенно под щитами, и действовал решительно, напористо. Что же за человек Родман, никто не понимал, поскольку никто не стал его близким другом. Люк Лонгли, который умел отлично ладить со всеми, несколько раз обедавший вместе с Деннисом, уверял остальных игроков, что Родман в принципе спокойный и приятный парень, Люку поверили на слово: с его мнением в клубе считались.

Как всегда, в команде играл первую скрипку Майкл Джордан. Фил Джексон целиком на него полагался. Один жест Майкла, означавший: «Вперед! Еще не все потеряно!» – действовал на игроков сильнее, чем слова любого тренера. Новые партнеры Джордана, еще не успевшие понять, какой заряд энергии заложен в нем от природы, удивлялись тому, что в проходном календарном матче Майкл выкладывается так, будто это решающая встреча серии «плей-офф». Лишь однажды Джордан позволил себе расслабиться. Произошло это в начале сезона, когда у «Буллз» был неплохой задел – 11 побед и 2 поражения. После долгой и утомительной серии выездных матчей чикагцы прибыли в далекий Ванкувер (северо-запад США) на встречу с местным клубом «Ванкувер Гризлис», в то время находившимся на подъеме. В тот вечер Джордан был явно не в ударе. За три четверти матча он набрал всего лишь 10 очков. Начав четвертую четверть, «Буллз» проигрывали соперникам 2 очка. И тут Деррик Мартин, молодой игрок, опекавший Джордана, совершил фатальную ошибку, которую часто допускают излишне

самоуверенные новички НБА. Он вздумал поддразнить Джордана и, обращаясь к нему, заявил громко, чтобы все слышали: «Не так ты страшен, как тебя расписывают. Посмотрим, чья возьмет». Услышав эту наглую тираду, тренер «Гризлис» немедленно отправил Мартина на скамейку запасных, но было уже поздно, парень по неосторожности разбудил спящего льва. До конца встречи оставалось 5 минут 37 секунд. «Гризлис» вели со счетом 79:73. И тут начался сольный концерт Джордана. Прорыв – и его классический «данк». Затем – точный бросок в невероятно высоком прыжке. Еще прорыв – мяч в корзине. Снова удачный бросок в прыжке, а затем точный штрафной бросок. Сольное выступление Майкла прерывает его партнер Тони Кукоч, забрасывая мяч из трехочковой зоны. Джордан – вновь на сцене. Сначала – точный бросок в прыжке. За ним следует успешный прорыв, завершившийся тем, что Майкл спокойно кладет мяч в корзину. Потом Джордан ухитряется выкрасть мяч у соперника – и снова убийственный «данк». Счет становится 91:83 в пользу «Буллз». В четвертой четверти игры Майкл приносит своей команде 19 очков. Деррик Мартин так и просидел до конца встречи на скамейке запасных. «Буллз» победили – 94:88.

Омрачала успехи чикагцев лишь проблема с Родманом. Не все в его эксцентричном поведении было наигранным, он действительно страдал легкой формой паранойи. Иногда он просто дурачился, но порой из глубины его души прорывалась самая настоящая ярость, и никто – ни тренеры, ни судьи – не мог понять, где притворство, а где естественная реакция этой загадочной личности. Наверное, и сам Родман четко не осознавал, то ли он хватил через край в своем лицедействе, то ли не смог сдержать рвущиеся наружу эмоции. Он мог матч за матчем играть сверхжестко, не давая соперникам вздохнуть и частенько нарушая при этом правила, но стоило лишь судьям зафиксировать фол, как он приходил в неописуемую ярость, считая себя жертвой несправедливости. «Меня настолько затрахали, что единственное мое спасение – пояс целомудрия», – сказал однажды Деннис. По мнению помощника Джексона Джима Климонса, единственное, что помогало Родману держать себя все же в каких-то рамках, так это то, что он ощущал контраст между атмосферой двух клубов. Чикагские тренеры и одноклубники Денниса старались закрывать глаза на его выходки, в то время как в «Сан-Антонио» ему такое поведение не прощалось, что приводило к новым эксцессам.

Основную ношу в укрощении строптивца взвалил на свои плечи Джексон. Его отношения с Родманом были крайне запутанными. Хотя тренер и странноватый новобранец клуба

искренне восхищались друг другом, между ними шла психологическая война. Родман устраивал мелкие провокации, чтобы узнать, где грань, которую переступать нельзя, а Джексон, подобно строгому, но заботливому отцу, терпеливо объяснял Деннису, где даже ему, любимому отпрыску, нужно остановиться.

Например, Родман иногда желал играть в незашнурованных кроссовках. Разумеется, это не принято, но Деннис настаивал на своем капризе. В итоге ему приходилось подчиняться общепринятым правилам, но он ухитрялся оставлять последнее слово за собой. Лишь когда команда выходила на площадку и до начала игры оставались считанные секунды, тогда он демонстративно, не торопясь, на глазах у зрителей тщательно зашнуровывал кроссовки. Или такой пример. На тренировку никто не надевает никаких украшений. Но Родман все же «контрабандой» протаскивал на себе какой-нибудь браслет. В таких случаях Джексон широко улыбался (напомним: между ними шла постоянная игра в войну), подходил к Родману и спокойно его спрашивал: «Деннис, ты действительно считаешь эту безвкусную безделушку украшением?» Если Родман реагировал на ехидный вопрос тренера относительно спокойно, то Джексон, облегченно вздохнув, оставлял его в покое и говорил своим помощникам, но так, чтобы не слышали игроки: «Что делать? Он напоминает мне меня самого в молодости».

Правила игры, которую затеяли между собой Джексон и Родман, разрешали Деннису оставаться в разумных пределах «дрянным мальчишкой». Лишь бы не нарушались этические нормы, принятые в клубе. Впрочем, Родману пора было и повзрослеть – как-никак, благодаря своим доходам от коммерческой рекламы, он уже становился вполне преуспевающим молодым человеком. Жена Джексона, Джун, часто повторяла, что ее муж справляется с Родманом, поскольку у него за плечами опыт отцовства. (Дети Джексонов к тому времени благополучно миновали опасный подростковый возраст.) Фил мнение супруги не совсем разделял. «Разве Деннис похож на моих ребят? Мои-то воспитаны хорошо».

На протяжении почти всего сезона Родман держал себя в рамках приличия, но к концу сорвался. В середине марта во время выездного матча с «Нью-Джерси» что-то вывело его из себя, и он боднул головой судью. Спустя какое-то время он на людях разразился злобной тирадой в адрес функционеров лиги, в том числе и ее комиссара. НБА оштрафовала его на 20 тысяч долларов и грозилась дисквалифицировать его на шесть игр, что означало бы для Денниса потерю еще 183 тысяч долларов. Кто-то спросил Дэвида Стерна, почему Родман так злобствует. Вопрос

был с подтекстом, поскольку Стерн любил повторять, что НБА – одна большая семья. Может, Родман не чувствует себя членом этой дружной семьи? А может, никакая она не дружная? Стерн ответил дипломатично: «Да, Родман, конечно, член нашей семьи. Но в каждой семье есть или дядюшка-скряга, или непутевый кузен. Вот у нас есть непутевый кузен Деннис. Вообще должен вам сказать, что многие игроки и тренеры предвзято относятся к руководству НБА. Считают нас своими врагами. Так издавна заведено и в других спортивных лигах. Просто Родман пытается из вражды сделать нелепое шоу».

Чикагцы между тем прочно уверовали в свою победу в чемпионате НБА, а также в миф о своем величии. Еще бы – они выиграли 72 календарных матча, побив тем самым рекорд, установленный в сезоне 1971/72 г. клубом «Лейкерс», победившим тогда в 69 встречах. Теперь предстояли серии «плей-офф». Джордан занялся подсчетами. Чтобы вновь завоевать чемпионский титул, «Буллз» необходимы были 15 побед. Три – в первом круге и по четыре – в каждом из трех последующих. Майкл постоянно сверялся с составленным им расписанием. После каждой победы в сериях «плей-офф» он, войдя в раздевалку, торжественно объявлял какую-нибудь цифру. Например, «Двенадцать!» означало, что надо выиграть еще 12 встреч. И так далее, пока он радостно и вместе с тем зловеще не завопил: «Одна!»

В серии «плей-офф» «Буллз» поначалу разгромили в трех встречах «Майами» и выиграли в четырех матчах из пяти у нью-йоркского клуба «Никс». Такой расклад их устраивал как нельзя лучше. Следующим соперником «Буллз» в финале конференции оказался «Орландо», их прошлогодний обидчик, и появился реальный шанс отомстить ему.

Исход первого же матча был предрешен уже в самом его начале. В прошлом году ключевой игрок «Орландо» Хорас Грант сражался с командой, где по сути дела не было ударного форварда. Но на этот раз Грант, играя против Родмана, сразу же стушевался. В конце матча он, правда, получил серьезную травму, столкнувшись со своим одноклубником, но и до этого он не набрал ни одного очка, ни разу не украл мяч у соперника, не сделал ни одного удачного блока и ни одного опасного паса. Выиграл всего один подбор – вот и все его более чем скромные заслуги. А вот его визави Деннис Родман – тот отличился, набрав за игру 13 очков и выиграв 21 подбор. «Буллз» разгромили «Орландо» в 4 матчах. «У них достаточно таланта, чтобы стать чемпионами, но они не знают, сколько труда надо для этого приложить» – так отозвался об игроках «Орландо» Родман.

Заметим, что свою оценку соперникам он вынес еще до матчей с ними.

В финале чемпионата НБА «Чикаго Буллз» встретились с клубом «Сиэтл Суперсоникс», выигравшим в сезоне 64 календарных матча. В этой команде подобрались физически мощные игроки, однако в ее обороне наблюдались прорехи. В первых двух домашних встречах чикагцы победили и, отправляясь на ответные матчи в Сиэтл, горели желанием закрепить успех. Первая половина третьей игры закончилась в пользу «Буллз» – 62:38, а окончательный счет был 108:86. Как сказал Джордж Карл, чикагцы выглядели настоящими убийцами. Имея в запасе 3 победы, игроки «Буллз» позволили себе расслабиться, и «Суперсоникс» победил в четвертой и пятой встречах. На шестую встречу (она состоялась в Чикаго) «Буллз» вышли предельно отмобилизованными, жестко играли в защите и собранно в нападении. В результате победили сравнительно легко – 87:75.

После этого матча Джордж Карл с восхищением отметил психологическую устойчивость чикагцев. «Они не оставляют соперникам ни шанса, – сказал он. – Они точно знают, в какой момент нужно усилить прессинг, безошибочно находят изъяны у противника и без жалости расправляются с ним. «Буллз» берут не только мастерством, но и силой духа».

Карл был прав. Он в то же время подметил нечто важное: изменился и Джордан, изменилась и его команда. Раньше болельщики приходили на матчи с участием «Буллз» только чтобы полюбоваться на Майкла, который с балетной грацией выделывал на площадке артистические трюки. И, хотя его партнеры выглядели блекло, индивидуальное мастерство Джордана превращало каждый матч в настоящее шоу. Но один, как известно, в поле не воин. Команда никак не могла пробиться в высший эшелон НБА. Теперь же, когда в чикагский клуб пришли новые, сильные игроки, Джордан научился выигрывать и освоился с чемпионским званием. Как сказал Брайан Баруэлл, журналист, несколько лет писавший о спортивных подвигах Майкла, если раньше Джордан был суперталантливым неудачником, то сейчас он стал очень жестким и безжалостным победителем. Ему даже не помешали его «бейсбольные» каникулы. Скорее наоборот. Вернувшись после них в баскетбол, Майкл на протяжении трех сезонов – с 1995/96 г. и по 1997/98 г.- выглядел более зрелым игроком. Он стал старше, мудрее, сосредоточенней и жестче.

Теперь баскетбольные специалисты увидели в Джордане то, что поначалу не распознали – его тайную неуемную страсть к победе. Он действительно был непобедим. Заметили это и старые

его болельщики. Его талант они признали уже давно, но теперь Майкл стал к тому же живым воплощением силы человеческого духа, силы воли. «Из знаменитых спортсменов вы мне напоминаете больше всего Джейка Ламотту, – сказал ему однажды Джерри Рейнсдорф, имея в виду бесстрашного боксера-средневеса, выступавшего на ринге много лет назад. -Хотите знать почему? Да потому, что остановить вас можно лишь одним способом – убить вас». – «А кто такой Джейк Ламотта?» – спросил Майкл.

Никто, кроме самого Джордана, не отслеживал с такой тщательностью каждое свое выступление. Он хорошо понимал, что в ином матче он может допустить огрехи, за которые с радостью зацепится пресса. Поднимется вой: Джордан, мол, уже не тот. Поэтому в послематчевых интервью он постоянно говорил: «Я знаю, ребята, что вы заметили пару моих ошибок, но ведь я справляюсь с моей работой, и, по-моему, неплохо».

Поскольку Джордан был невероятно самолюбив, он очень не хотел разделить судьбу тех спортсменов, которые искусственно продлевали свою карьеру, хотя все уже видели, что их время прошло. Самому разобраться в том, пора ли уходить из спорта или нет, очень трудно. Здесь, как говорится, со стороны виднее. Например, Майклу было тяжело смотреть на стареющего Ларри Бёрда, которого мучили боли в спине. Некогда великий игрок, он не выдерживал сейчас единоборства с неумехами и недоумками. На эту тему Джордан часто беседовал с Джонни Бахом. Бах рассказывал ему о великих спортсменах, чересчур задержавшихся в спорте. Например, о знаменитом бейсболисте Джо Димаджио, который в свой последний сезон уже не мог бегать, а только хромал. О другом известном бейсболисте – Уилли Мейсе, постоянно падавшем, но все же игравшем. О легендарном боксере Джо Луисе, которого в последние годы его выступлений на ринге стали поколачивать те, которые по мастерству ему в подметки не годились. Джордан внимательно слушал Баха, а на прощание говорил ему: «Джонни, как только заметите, что я стал сдавать, немедленно и честно скажите мне».

Серьезное отношение Джордана к игре невольно передавалось его партнерам. Исключение составлял лишь Родман. Хотя обычно он играл с полной самоотдачей, не уступая Майклу, но иногда все же он оставался не у дел. Это касалось, кстати, не только баскетбола. Играя с одноклубниками в те же карты, Деннис порой допускал непростительные ошибки, даже зевки, отчего терял над собой контроль и приходил в ярость. Но в целом команда была под стать Джордану. Сложился крепкий коллектив профессионалов, хорошо понимавших и баскетбол, и

специфические особенности НБА с ее изматывающими сезонами. Выходя на площадку, каждый знал точно, что ему нужно сегодня делать, и, как правило, со своими задачами справлялся.

Сезон 1996/97 г. «Буллз» провели в том же ключе, что и предыдущий. Правда, побед на сей раз одержали меньше – не 72, а 69, но это мелочь. Главное, что, вопреки надеждам конкурентов, команда явно не собиралась стареть. Вот только Родман с его непредсказуемым поведением портил все дело. Как-то в середине сезона он, неловко бросившись за мячом, растянулся за боковой линией, разбросав фотокорреспондентов и телеоператоров. Забыв о том, что на него смотрит вся страна, Деннис ударил одного из репортеров ногой в пах. За этот безобразный поступок Родмана дисквалифицировали на 11 матчей. Его одноклубникам пришлось без него нелегко, но они умудрились из этих 11 встреч выиграть 10. В конце сезона Родман пропустил еще 13 матчей, но по другой причине – из-за травмы колена. «Буллз» снова собрались с духом. Из этих 13 встреч они победили в 9. Однако победы эти дались дорогой ценой. Что ни говори, но Родман являлся одним из ключевых игроков клуба. Когда он выходил на площадку, «Буллз» смотрелись как великая команда, у которой не было слабых мест. Без него же они выглядели просто как хорошая команда, которой больше обычного надо трудиться в обороне и которая испытывает известные трудности во встречах с клубами, где есть быстрые и физически мощные высокорослые игроки. Этот расклад подтверждается статистикой. В матчах с участием Родмана «Буллз» в среднем за игру выигрывали 17 подборов у кольца соперников и 47 подборов в целом. Без Денниса соответствующие цифры были 13 и 42. Разница не такая уж большая, и все же…

Финал чемпионата НБА 1997 г. сложился для «Буллз» более трудным, чем прошлогодний. Во-первых, Пиппен в последнем матче серии «плей-офф» (чикагцы играли с «Майами») серьезно повредил ногу и не успел ее полностью залечить. Во-вторых, Родман никак не мог оправиться после травмы колена. Однако в конце сезона Краузе пригласил в клуб Брайана Уильямса, игрока высокорослого и скоростного, который просто-таки необходим был команде. В финале «Буллз» одолели «Юту» и снова стали чемпионами НБА. Показатели на сей раз оказались несколько ниже. В 1996 г. чикагцы прошли серию «плей-офф» с 15 победами и 3 поражениями. В 1997 г. – с 15 победами и 4 поражениями. Сказались травмы Пиппена и Родмана.

Мы уже говорили о невероятных бойцовских качествах Джордана. В этом смысле показателен пятый матч финала 1997 г. На площадку Майкл вышел совершенно больным, еле держался

на ногах. Казалось, он сейчас свалится и больше не встанет. Но тем не менее он принес своей команде 38 очков, причем, как всегда, блестяще провел концовку встречи, набрав в последней четверти матча 15 очков.

Джордан, конечно, понимал, что его спортивная карьера близится к закату. Он был уже далеко не юноша, а игрок (и человек), умудренный опытом, мультимиллионер, поднаторевший и в спорте, и в общении с прессой, и в бизнесе. Он приучился стоять за себя и на деловых переговорах всегда занимал жесткую позицию.

С годами Джордан стал отлично ладить с партнерами, на которых раньше, когда был моложе, частенько злился за их нерадивость на тренировках. Правда, осенью 1995 г., перед самым началом сезона у него завязалась небольшая потасовка со Стивом Керром, значительно уступавшим ему в росте. Что было причиной этой стычки, трудно сказать. Возможно, тут сказались несколько факторов. Во-первых, Майкла мучили малоприятные воспоминания о своих неудачных выступлениях минувшей весной. Во-вторых, Керр не скрывал своего раздражения по поводу того, что Джордан редко ему пасует, даже когда он совершенно открыт. Вот и нашла коса на камень. Стив был парень смелый и никому не хотел уступать, даже Джордану. На очередной тренировке он ударил Майкла исподтишка локтем, тот, естественно, в долгу не остался. Тоже двинул обидчика локтем. Потом перешли на кулаки. Поостыв, Джордан зашел тем же вечером к Керру и извинился перед ним. Раньше такого за ним не наблюдалось. Вскоре оба забыли про этот инцидент.

Формально Джордан стал более командным игроком, но по сути дела он от команды отдалился. Баскетбол был для всех игроков работой, даже в какой-то степени – бизнесом. Работали они, как водится, вместе, а в свободное время каждый вел свой образ жизни. Одноклубники прекрасно понимали, что пресс многочисленных обязанностей давит на Майкла столь сильно, что он не может быть с ними на короткой ноге. Они понимали также, что, стоит ему чуть-чуть раскрыть им душу, рано или поздно его откровения всплывут на страницах газет и журналов.

Джордан, будучи человеком умным, осознавал, что его жизнь превратилась в сплошной балаган. Единственное, что было истинным, так это его непроходящая любовь к баскетболу. Поэтому, когда приближалась очередная серия «плей-офф», Майкл предпочитал не связываться с рекламщиками, чтобы не отвлекаться от главного. Однако один раз он все же вынужден был уступить людям из «Найк». Но только потому, что этот рекламный ролик повествовал о его любви к баскетболу.

Сценарий, как обычно, писали несколько раз переписывал Джим Рисуолд. В первых набросках Майклу надлежало произнести фразу: «Мое лицо – повсюду, но найти мою душу можно лишь на баскетбольной площадке». Рисуолд решил все же ее переделать и однажды вечером на салфетке нацарапал такие слова: «Что, если бы мое имя не мелькало в световой рекламе? Что, если бы мое лицо не появлялось то и дело на телевизионных экранах? Что, если бы меня за каждым углом не поджидала огромная толпа? Вы можете представить такое?» Пауза, а затем: «Да, могу!» Съемки предполагалось вести в полутемном спортзале, где Джордан в полном одиночестве отрабатывал бы штрафные броски. Майклу замысел понравился. Он сказал Рисуолду, что тот верно угадал состояние его души – и страсть к игре, и тягостное бремя славы. И, хотя серия «плей-офф» должна была вот-вот начаться, Джордан на все махнул рукой и дал согласие на съемку.

Майкл жил тихой, размеренной жизнью в пригороде Чикаго. Всяческие вторжения в его личную жизнь он пресекал, что ему удавалось с трудом. Ведь Джордан находился и центре всеобщего внимания, а американская пресса, по-видимому, уверовала в то, что в наше время у человека не может быть личной жизни и связанных с ней тайн. В 1989 г. Майкл женился на Хуаните Вэной, привлекательной бывшей модели и секретарше. Официальная церемония прошла в Лас-Вегасе, между прочим, через 10 месяцев после рождения их первого сына, Джеффри. Впоследствии Хуанита родила еще двух детей – Маркуса и Жасмин. Майкл старался как можно меньше показываться кому-либо на глаза. Когда Ахмада Рашада, комментатора NBC, ставшего его близким другом, попросили сделать репортаж о том, как Джордан проводит свободное время, тот сказал редакторам: «Вы будете удивлены тому, насколько обычный образ жизни ведет Майкл. Делает то, что делают все женатые мужчины по выходным. Отвозит детей в школу, выполняет различные поручения – у него их масса».

Слава богу, соседи Джордана оказались людьми тактичными. Понимая, насколько ему надоело быть постоянно на виду у всех, они старались не проявлять излишнего любопытства и фамильярности. Но, когда Майкл отправлялся в другие районы Чикаго или в другие города, там, конечно, вокруг него собирались толпы зевак.

Поскольку Джордану надоело показываться на людях, он предпочитал принимать посетителей у себя дома. Одни приезжали по общественным делам, другие – по делам, связанным с бизнесом. Ну и конечно, не забывали его друзья.

Часто приезжал в гости Базз Питерсон, старый друг и сосед по комнате еще в тренировочном лагере Дина Смита. С тех давних пор они постоянно поддерживали связь друг с другом. Даже их родители подружились между собой. Все вместе они иногда ездили отдохнуть на Гавайи. Спортивная карьера Базза была омрачена многочисленными травмами, и как полноценный профессиональный игрок он не состоялся. Какое-то время он выступал за «Кливленд», потом ненадолго перебрался в один из европейских клубов, пока не решил окончательно, что ему лучше переквалифицироваться в тренеры. Питерсон использовал старые связи по «Каролине» и стал работать на Эдди Фоглера, давнего ассистента Дина Смита, в университете Вандербильта (Нэшвилл, штат Теннесси). К середине 90-х гг. Базз стал тренером баскетбольной команды Аппалачского университета штата Северная Каролина и со своей работой справлялся вполне успешно.

Как-то весной Джордан пригласил Питерсона в Чикаго на матчи серии «плей-офф». Им всегда было легко друг с другом. Существующая между ними «дистанция» (в смысле карьеры) ни в коей мере не отравляла их отношения. Надо отдать должное Майклу – он всегда был верен старым друзьям. С Баззом они дружили уже почти 15 лет, и ни одна кошка не пробежала между ними, несмотря на огромное состояние Джордана и его фантастическую популярность. Единственное, в чем они расходились, так это в манере одеваться. Майкл тщательно следил за своим внешним видом и даже на поле для гольфа старался выглядеть стильно. Базз же был к одежде довольно равнодушен. Поэтому перед выходом в свет у них возникали споры, во время которых Майкл пытался напялить на старого друга какой-либо изысканный костюм.

Однажды во время перерыва между партиями в гольф Джордан заявил Питерсону: «Я хочу поблагодарить тебя кое за что». – «За что же?» – «Ты помог мне стать очень хорошим баскетболистом». – «Каким образом?» – спросил удивленный Питерсон. «Вспомни наши студенческие годы. Тогда в университетском баскетболе ты ходил в золотых мальчиках, а я – нет. Тебя всегда ставили в стартовую пятерку, а мне говорили, что я буду твоей слабой тенью и так и просижу вечно на скамейке запасных. И, каждый день отправляясь на тренировку, я твердил себе: «Ты должен лучше играть, чем Базз. Лучше него выполнять каждое упражнение. Точнее него бросать по кольцу. Лучше него действовать в защите. И так далее».

Исповедь старого друга слегка ошеломила Базза Питерсона. Он даже не знал, что ответить ему, но, наконец, сказал: «А почему

тогда ты этого мне не говорил? Я бы тоже стремился тебя перещеголять!»

Но позже Базз подумал: зачем ворошить прошлое? Возможно, по меркам Майкла он в какой-то момент стал самонадеянным и успокоился на достигнутом, остановился на полпути. Но он тогда в Чепел-Хилл чувствовал себя абсолютно счастливым, а это уже само по себе чудесно. Что делать, если у него не было такого таланта, который помог Майклу стать лучшим?

Джордан предпочитал не лезть в политические игры, хотя в нынешней Америке принято, чтобы знаменитости подобного ранга постоянно участвовали в различных мероприятиях, связанных с политикой или общественной жизнью. Причем знания насущных проблем, стоящих перед страной, от них совершенно не требуется. Важно присутствие. Не жаловал Джордан и многочисленные благотворительные фонды, хотя делал порой исключения. Так, он пожертвовал приличную сумму на стипендии студентам из бедных семей. В политику он не ввязывался частично и потому, что боялся испортить свой рекламный имидж – лучше стоять над схваткой. Когда Харви Грант, один из лидеров движения за права цветных, боролся за место сенатора от штата Северная Каролина с Джессом Хелмсом, люто ненавидевшим темнокожих, кому, казалось, как не Джордану, с его авторитетом среди афроамериканцев, не вмешаться в предвыборную кампанию? Но Майкл сохранял нейтралитет, отшучиваясь: «Республиканцы тоже покупают кроссовки» (Хелмс был республиканец).

Нейтральная позиция Джордана вызывала недовольство со стороны многих активистов борьбы за гражданские права цветного населения, которые не могли не признать, что, в отличие от выдающихся темнокожих спортсменов недавнего прошлого, таких как Мохаммед Али и Артур Эш, Джордан фактически ничего не сделал для афроамериканцев. Упреки в его адрес были во многом несправедливыми. В конце концов никто же не упрекал знаменитых белых спортсменов, например бейсболиста Джо Димаджио, в том, что они оставались в стороне от борьбы простых американцев за свои элементарные права. Но надо учесть особую психологию темнокожих граждан США. Артур Эш как-то сказал, что быть в Америке черным всего равно что трудиться на двух работах, причем полный рабочий день.

Однако одновременно следует учесть, что Майкл Джордан был представителем нового поколения темнокожих американцев. Для его сверстников открылись двери, ранее закрытые. Это касалось различных сфер – экономической, образовательной, социальной. Да и своим примером Майкл доказал, что талант и

трудолюбие позволят даже темнокожему парню из простой семьи достичь небывалых высот. Джордан не тратил высокопарных слов на митингах, он убеждал людей своими делами, с полной отдачей играя в каждом матче на глазах миллионов телезрителей, а заодно проявив себя как незаурядный бизнесмен. Дела важны в жизни, а не слова.

Другая причина, по которой Джордан не ввязывался в политику, была довольно проста, он не очень-то в ней разбирался, да и не интересовался. Люди, имеющие вкус к политике, как правило, затаили обиду на жизнь или воспитывались в семье, где, по крайней мере, один из родителей так или иначе был причастен к политической или общественной деятельности. Майкл же вырос в трудовой семье среднего класса, где предпочитали не разглагольствовать, а работать. Особое внимание уделялось образованию – родители Джордана хотели, чтобы их дети добились в жизни большего, чем они. В этой семье не принято было жаловаться на жизнь и винить кого-либо в своих неудачах. Джорданы-старшие в разговорах с детьми делали упор скорее на хорошие перспективы, которые могут перед ними открыться, чем на страдания темнокожих в недавнем прошлом. Они постоянно внушали Майклу, что, выбирая друзей, он не должен думать о цвете их кожи. Майкл так, кстати, и поступал. Автор данной книги в беседе с Делорис Джордан, матерью Майкла, заметил, что нельзя не поражаться взлету ее сына, редкому для молодого темнокожего спортсмена. Делорис тут же сказала, что не нужно в подобных случаях подчеркивать, к какой расе принадлежит человек. Это беда американского общества. Люди все одинаковы и, соответственно, равны.

Майкл Джордан на встречах с представителями прессы и на съемках рекламных роликов всегда держался непринужденно и уверенно. Но, стоило разговору зайти о политике, уверенность его покидала. Не разбирался он в ней и не интересовался дрязгами среди сильных мира сего. Кроме того, он опасался, что его политические взгляды не совпадут с теми, которых от него ждут. Возможно, Майкл был более консервативен, чем хотелось бы репортерам. А вот некоторые из его коллег не были лишены политических амбиций. Близкий друг Майкла Чарльз Баркли однажды заявил своей бабушке, что он намерен выставить свою кандидатуру от республиканской партии, чтобы бороться за кресло губернатора штата. «Малыш, за республиканцев голосуют только миллионеры», – всплеснула руками ошарашенная старушка. «Так я тоже миллионер», – ответил наивный Чарльз.

О том, что Майкл за последние три года стал мудрее, свидетельствует его изменившееся отношение к Скотти Пиппену.

Раньше он воспринимал его с некоторой сдержанностью, а порой даже негативно. Майкл считал, что Скотти симулирует свои недуги, и даже когда «Буллз» выиграли три чемпионата, Джордан умышленно дистанцировался от Пиппена. Майклу не нравились перепады в игре Скотти: в одном матче он по-настоящему блистал, в другом совершенно был незаметен. А ведь от звезды НБА требуется, прежде всего, стабильность в выступлениях.

Но, когда Джордан, испробовав себя в бейсболе, снова вернулся в баскетбол, он стал проявлять к Пиппену больше терпимости. Да и тот, повзрослев, стал мудрее. «Скотти – лучший игрок в нашей команде» – так заявил Майкл вскоре после своего возвращения из бейсбола, а вскоре на площадке они напоминали родных братьев. Хотя между ними была существенная разница. Как считал Армстронг, в свои ранние годы Джордан творил на площадке что хотел. Если ему вздумалось за игру набирать по 50 очков, то так оно и получалось. Если он совершал рейды из конца площадки в другой, то они ему неизменно удавались. Но все же ему необходимы были достойные партнеры. А сейчас, когда возраст подошел, он в них нуждался еще в большей степени. И нуждался именно в Скотти Пиппене. Так возникла их взаимозависимость. Майклу было необходимо, чтобы Скотти, промчавшись, как молния, по площадке, выдал бы ему точный пас и к тому же контролировал нужный темп игры. Со временем Джордан и Пиппен стали понимать друг друга с полуслова. Можно было подумать, что они близнецы-братья.

А вот отношения с Краузе у Джордана так и не наладились. Джерри по-прежнему стремился экономить на контрактах с ключевыми игроками «Буллз», а Майкл твердо отстаивал интересы своих одноклубников. Как он считал, Краузе не только проявлял ненужную жадность, он принижал достоинства блестящих игроков. Так было в случае и с Джоном Паксоном, которому, по всем меркам НБА, явно недоплачивали. Получал он всего лишь 500 тысяч долларов в год, хотя выпускали его в составе стартовой пятерки. По мнению Джордана, Краузе вел себя как последний жлоб. В конце концов Майкл упросил Дэвида Фалька, чтобы он представлял интересы Паксона, и вскоре тот получил неплохое предложение от «Сан-Антонио», сумма контракта с которым превышала его чикагский контракт в три раза. Правда, в дальнейшем это привело к новым осложнениям.

Глава 29. Чикаго, 1998 г.

Прошла половина сезона 1997/98 г. Скотти Пиппен снова был в строю, и чикагцы принялись наверстывать упущенное. В отсутствие Скотти Майкл растратил слишком много сил. Что хорошо – так это то, что Пиппен вернулся отдохнувшим и посвежевшим.

В игре «Буллз» стали наблюдаться неожиданные сбои. Команда частично утратила психологическую устойчивость. Если ответственные матчи она по-прежнему проводила на высшем уровне, то в проходных играла порой спустя рукава. Текс Уинтер, извечный пессимист, недовольно ворчал, предрекая клубу неудачное окончание сезона. Он, впрочем, и до начала сезона пребывал в мрачном настроении. Тогда его удручил товарищеский матч «Буллз» с «Филадельфией», командой талантливой, хотя и не сыгранной. Уинтер увидел в ней серьезного соперника в предстоящем чемпионате. «Текс, – успокоил его Джексон, – уверяю тебя, они будут счастливы, если выиграют 30 встреч». – «Фил, – настаивал Уинтер, – их игроки талантливей наших». – «Текс, дело не в талантах. Сейчас главное – воля к победе и ставка на коллективную игру. Больше 30 побед им не видать». (Джексон попал почти в точку: в сезоне 1997/98 г. «Филадельфия» выиграла 31 встречу.)

«А сколько матчей выиграем мы без Скотти?» – спросил Уинтер.

«Если Скотти пропустит не более половины сезона, то, думаю, 60», – ответил Джексон.

С возвращением в строй Пиппена «Буллз» обрели второе дыхание. Их игра стала более комбинационной и разнообразной. Теперь соперники чикагцев не могли бросать все силы на опеку Джордана, если Майкл был наглухо прикрыт, опасные выпады грозили откуда угодно. К сожалению, по-прежнему оставался неуправляемым Деннис Родман. В конце января, когда команда прилетела на выездную встречу в Нью-Джерси, он не явился на предматчевую тренировку и Джексон тут же отправил его домой.

Чем ближе Джексон узнавал Родмана, тем прочнее он убеждался в том, что рассеянность Денниса, его неспособность сконцентрироваться в нужный момент – не порок, а настоящее психическое заболевание, давно известное медицине. Об этом свидетельствовали многие факты. Родмана часто охватывала скука. Он немедленно взрывался по пустякам, совершал необдуманные поступки, ставящие под угрозу его карьеру, а порой на Денниса находили приступы чрезмерной и вовсе не

нужной активности. О нездоровой психике Родмана говорил даже тот факт, что он неистово тренировался (случай в Нью-Джерси – исключение): люди, страдающие дефицитом внимания, целиком сосредоточиваются на том, что считают своим жизненным призванием. Родман при каждом удобном случае летал в Лас-Вегас. По мнению Джексона, это вполне вписывалось в его «диагноз»: для человека, которому все быстро надоедает, Лас-Вегас с его шумом, весельем и бесчисленными развлечениями – настоящий рай.

Джексон даже переписывался с педагогами – специалистами по работе с детьми, страдающими дефицитом внимания. Они, в частности, сообщали ему, что Родман – наглядное пособие для их учеников: на его примере они могут убедиться в том, что это психическое заболевание не мешает человеку сделать блестящую профессиональную карьеру.

Болезнь – не вина, а беда, но так или иначе поведение Родмана вносило разброд в жизнь команды. Джексон часто беседовал о Деннисе с остальными игроками, говорил им, что окончание сезона будет нелегким, а Родман необходим клубу позарез. Тренер напомнил своим подопечным, что даже в каждом индейском племени есть свой Родман – человек, который все делает наперекор остальным. Что уж говорить о таком сложном коллективе, как ведущий клуб НБА.

Красноречие тренера сделало свое дело. Впрочем, игроки «Буллз» были не задиристые мальчишки, а умудренные профессионалы, прекрасно понимавшие, что без Родмана им придется трудно. Кроме того, Денниса, несмотря на его трудный характер, все любили. В итоге одноклубники Родмана закрыли глаза на его выходки и не осуждали Джексона за то, что он не был достаточно строг с ним.

«Я удивляюсь, как ты выдерживаешь его, – сказал Джексону Текс Уинтер, имея в виду Родмана. – Лично у меня бы не хватило терпения». Джексон в душе усмехнулся, поскольку сам Уинтер ежедневно работал с Деннисом, причем по индивидуальной программе, зачастую оставаясь с ним вдвоем в спортзале после общей тренировки. Трудно было бы найти столь разных людей, сколь Родман, дитя современной Америки, и Уинтер, живой пережиток Великой депрессии, но почему-то они искренне привязались друг к другу.

В конце сезона, на удивление всему баскетбольному миру, руководители «Буллз» продали клубу «Голден Стейт Уорриорс» Джейсона Каффи, ударного форварда ростом 6 футов 8 дюймов и весом 250 фунтов. Физически мощный и хорошо играющий в подборах, Джейсон имел свои недостатки, в частности, не очень

хорошо вписывался в схему атаки «треугольником». И все же в ключевых матчах даже само присутствие на площадке такого могучего атлета играло важную роль

Взамен же «Буллз» получили Дэвида Воэна, от которого калифорнийский клуб с радостью избавился.

Эта сделка была идеей Краузе, по разным причинам невзлюбившего Каффи. Но игроков удивило другое – то, что Джексон согласился с Краузе. Уже потом старший тренер говорил в свое оправдание, что у него была мысль возложить больше ответственности на Родмана. Зная, что Каффи всегда ему поможет в борьбе за подбор, Деннис, как считал Джексон, порой расслаблялся. Кроме того, Джексон, по его словам, думал, что в результате сделки «Буллз» приобретут еще одного по-настоящему ценного игрока. В конечном счете старший тренер признал свою ошибку, после чего его отношения с Краузе еще больше обострились.

В том сезоне «Буллз» выглядели на редкость сплоченной командой. Казалось, чья-то невидимая рука стянула этот коллектив скотчем. Но всех вокруг интересовал вопрос, долго ли продержится клуб в таком качестве. В наше время, когда многие игроки стали свободными агентами, не позволить команде развалиться – задача трудоемкая. Драфт сейчас особого значения не имеет, и руководителям клубов нужно уметь заманить в свои сети талантливых игроков, находящихся у них на прицеле. Это все равно что вербовать в студенческую команду выпускников средних школ. Впрочем, «Буллз» в этом отношении имели важное преимущество. Не было, наверное, в НБА баскетболиста, который бы не хотел играть вместе с Майклом Джорданом, да и Пиппен неплохой был приманкой. Роль магнита выполнял и Джексон, пользовавшийся в баскетбольных кругах высоким авторитетом. Так что переманить в Чикаго восходящую звезду для администрации «Буллз» особого труда не представляло. Соответственно нетрудно было сохранять уже сложившийся коллектив. Дело мог испортить лишь Краузе, открыто заявлявший о своих намерениях создать новую команду, но не сейчас, а со временем, когда Джордан уйдет из баскетбола.

«Буллз» редко блистали в атаках, но их оборона оставалась непробиваемой. Раз за разом они побеждали. В начале февраля Джордан отправился в Нью-Йорк на матч «Всех Звезд». Хотя он был простужен и к тому же пресса раздула шумиху вокруг новой восходящей звезды, появившейся на Западном побережье США – Коуба (Коби) Брайанта, именно Майкл, по итогам этого матча, был объявлен самым ценным игроком НБА.

Интриги, разъедавшие главный офис клуба, никак не

отражались на выступлениях команды. Джексон занял твердую позицию – «они или мы», что означало не только борьбу с ведущими клубами НБА, но и победу во внутренних распрях. Старший тренер «Буллз» назвал тот сезон «последним танцем», имея в виду, что администрация клуба намерена сформировать иную команду.

И у болельщиков тоже были дурные предчувствия. Поползли слухи о том, что Майкл Джордан доигрывает свой последний сезон, и начался новый ажиотаж вокруг его имени. О нем было снято по меньшей мере два документальных фильма, создатели которых отслеживали каждый его шаг. Где бы ни играли «Буллз», трибуны были заполнены до отказа. Когда чикагцы приехали на очередную встречу в Атланту, поклонники баскетбола скупили все места (более 62 тысяч), в том числе и те, откуда площадка просматривалась лишь частично. В Филадельфии местная газета отвела в своем выпуске описанию спортивных подвигов Майкла Джордана целых 52 страницы. Когда Майкл прилетел в Нью-Йорк, возможно, на последнюю в его жизни игру в стенах «Мэдисон-сквер-гарден», он специально надел те кроссовки, которые рекламировал в начале своей карьеры. Репортеры расценили это как его прощание со спортом. После матча в специально отведенное для прессы помещение набились сотни журналистов, некоторые из которых прихватили с собой и детишек – пусть, мол, вспомнят о том, что видели великого Майкла Джордана.

Во всех городах, в каких «Буллз» приходилось бывать на выездных матчах, поклонники чикагского клуба норовили забронировать места в отелях, где остановилась их любимая команда. Да еще у дверей гостиниц дежурили тысячи любопытных, жаждущих хоть краем глаза взглянуть, как их кумиры пройдут к автобусу.

И конечно, повсюду были фотографы. Не только 30 или 40 профессиональных репортеров, но и тысячи любителей, вооруженных «мыльницами» – полароидами. Они снимали Майкла повсюду, где он появлялся, но самые желанные кадры были те, которые запечатлевали его выход на баскетбольную площадку. На снимке, сделанном с трибун дальним планом, Майкла иногда можно было рассмотреть с трудом, но все равно это был сувенир, как фото Эйфелевой башни или статуи Свободы.

Толпы осаждавших Джордана журналистов – и американских и зарубежных – разрастались с каждым днем, а их вопросы к нему становились все более мистическими. Однажды Джонатан Эйгер, молодой репортер, стоявший в очереди позади своего французского коллеги, заглянул украдкой в его блокнот и увидел, что он хочет выведать у Майкла. Первый вопрос был такой: «Что в

жизни главное?» Второй: «Есть ли у вас кумиры?» Третий: «Что значит, по-вашему, быть Майклом Джорданом?» Четвертый: «Какие исторические фигуры у вас вызывают наибольшее восхищение?» И наконец, пятый: «Верите ли вы в Бога?»

«Буллз» начали сезон довольно скромно, победив в 8 матчах и уступив соперникам в 7, но затем прибавили сил и выиграли 54 встречи, проиграв лишь 13. В итоге они одержали 62 победы, разделив сезонный рекорд лиги с «Юта Джаз». На следующий день после окончания календарного сезона Фил Джексон явился на совещание тренеров клуба, широко ухмыляясь. «Не знаю, как дела у вас, – сказал он своим помощникам, – но я точно помню, что в моем контракте есть пункт, согласно которому, если мы опередим всех в лиге по числу побед, мне причитается премия – 50 тысяч долларов».

По правде сказать, обсуждая в минувшем сезоне очередной контракт с Джексоном, администрация клуба решила, что ему хватит и 6 миллионов долларов ежегодного заработка, а премии – это сверхроскошь. Джексон согласился на такие условия, но, когда контракт был уже подписан, пункт, оговаривающий премии, по чьей-то ошибке в него вкрался. Старший тренер клуба, конечно, пришел в восторг, но Джерри Рейнсдорф не разделял его радости. Владелец «Буллз» напирал на то, что чикагцы упустили победу в домашнем матче с «Ютой» и таким образом не стали единоличными лидерами НБА. В итоге премию Джексону все же дали, уменьшив ее сумму вдвое – 25 тысяч долларов.

Перед началом серии «плей-офф» Джексон собрал игроков и тренеров на специальное совещание. В глубине души он верил, что наградой всем им послужит не только очередное чемпионское звание, а сам последний отрезок пути к нему, когда так многое значат и дружба, и чисто человеческие взаимоотношения. Фил интуитивно чувствовал, что это последний сезон, когда они все вместе, и потому попросил каждого написать нечто вроде воспоминаний – лучше даже в стихах – о былых золотых денечках, но вкратце – не более 50 слов. Идею ему подсказала его жена Джун, которая работала в доме для престарелых и не раз просила сделать то же самое умирающих стариков. По замыслу Джексона, все исповеди предполагалось сжечь затем в жестянке из-под кофе.

В этом – весь Фил Джексон, подумал один из его помощников Чип Шефер. Мало кто из тренеров додумался бы до такого. А если бы и додумался, то решился бы кто-нибудь сыграть на сентиментальных чувствах закаленных в жизни, циничных молодых миллионеров? Однако идею Джексона все восприняли благосклонно, и это был очень трогательный момент.

Откликнулся каждый. Кто о своих воспоминаниях написал, а кто изложил их устно. Рассказывали о том, как годы, проведенные в Чикаго, в корне изменили их жизнь, о своих детях, родившихся в этом городе, о том, как посчастливилось им играть вместе с Джорданом и Пиппеном и к тому же стать неоднократными чемпионами НБА. Самым трогательным, наверное, было выступление Рона Харпера, который в «Буллз» выполнял черновую неблагодарную работу, трудясь исключительно в защите и подчищая огрехи партнеров. До переезда в Чикаго он выступал за слабый клуб, но зато там считался игроком номер один. Так вот, Рон сказал, что, по его мнению, во сто раз лучше быть незаметным винтиком в команде-чемпионе, чем суперзвездой в заштатном клубе.

Вечер прошел в душенной атмосфере, что само по себе удивительно. Ведь профессиональные спортсмены не любят раскрывать душу и выказывать свои эмоции. В раздевалках существует неписаное правило – никаких сантиментов. Гнев, ярость – пожалуйста. Можешь ругать последними словами судей, соперников, тренеров, даже товарищей по команде. Но сказать что-либо чувствительное – дурной тон. Сочтут, что ты слабак.

А тут все раскрылись по-человечески. Даже Майкл Джордан встал и прочитал по бумажке небольшое собственное стихотворение. Его товарищи застыли от удивления. Майкл обычно держался замкнуто, «застегнутым на все пуговицы». Других он слушал внимательно, подробно расспрашивал их о том о сем. В общем, проявлял интерес к партнерам, но к себе близко никого из них не подпускал. Стихотворение Майкла было полно грусти и не лишено известной сентиментальности.

В первом круге серии «плей-офф» «Буллз» встретились с клубом «Нетс» из штата Нью-Джерси. Раньше эта команда плелась в хвосте турнирной таблицы, но сейчас в нее пришло новое поколение молодых талантливых игроков. Среди них выделялись Джейсон Уильямс, в недалеком будущем обещавший стать одним из лучших в НБА мастеров подборов; Кейт ван Хорн, выступавший в лиге первый год, но успевший уже прославиться своими молниеносными прорывами к кольцу соперников и точными бросками с дальних дистанций; Керри Киттлз, чья игра вызывала всеобщее восхищение, и Кендэлл Гилл, один из лучших в лиге защитников. А вот защитник Сэм Кассел, обладавший несомненным талантом, имел существенный недостаток – не любил делиться мячом с партнерами. Молодая и задорная команда смотрелась гораздо интереснее, чем соседний, по ту сторону Гудзона, нью-йоркский клуб «Никс», игравший очень жестко и стремившийся всеми правдами и неправдами устрашить

противника. По всем статьям, через несколько лет «Нетс» должен был стать одной из лучших команд НБА.

Готовы ли были «Буллз» к первому раунду «плей-офф» – вопрос этот оставался открытым. В том сезоне чикагцы выиграли 62 матча, но в целом их игра не производила на специалистов такого сильного впечатления, как ранее. Тренеры и игроки других клубов заметили, что звезды «Буллз» постарели и на протяжении всего матча не выдерживали быстрого темпа. «Став на год старше, они не стали лучше» – так высказался о чикагцах тренер «Сиэтла» Джордж Карл. В газете «Чикаго Трибьюн» незадолго до начала серии «плей-офф» спортивная колонка Берни Линсикома вышла под заголовком «„Буллз" продолжают марафон, но их ноги уже подкашиваются». «Чикагцы, – писал автор, – должны найти мужество смотреть правде в глаза: их время уходит… От мертвецов нельзя ждать отличного дриблинга».

В первом матче «Буллз» играли невнимательно. Они явно недооценили соперников и спохватились с рискованным запозданием. Даже несмотря на то, что Уильямс играл со сломанным большим пальцем руки и гипсовой повязкой, а простуженный Ван Хорн значительную часть игрового времени сидел на скамейке запасных, «Нетс» сражался с большим, чем «Буллз», энтузиазмом и переигрывал их в подборах. В третьей четверти матча чикагцы попытались уйти в отрыв, но соперники оказались к этому готовы. Основное время могло даже закончиться в их пользу, но на последних секундах Киттлз промахнулся с расстояния 15 футов. На перерыв перед овертаймом команды ушли при счете 89:89. Но и после перерыва «Буллз» смотрелись неважно. На пятой минуте овертайма при счете 91:91 Киттлз бросился в отчаянный прорыв. Опекавший его Джордан стал оттеснять его влево, чтобы вынудить его бросать из неудобного положения, а затем выкрал у него мяч и в свою очередь бросился в прорыв. За ним пулей летел Кендэлл Гилл. Когда Майкл взвился в воздухе, Гилл, толкнув его в спину, нарушил правила, но Джордан все же ухитрился положить мяч в корзину и потом точно выполнил штрафной бросок. «Буллз» оторвались от соперников на 3 очка. Ответный выпад Гилла, решившего сделать «данк», но Пиппен искусно выполняет блок-шот. «Буллз» празднуют победу, которая, откровенно говоря, неубедительна. Броски Джордана не отличались точностью: из 27 попыток он попал в цель только 11, но Майкл, против которого часто нарушали правила, выполнил 23 штрафных броска – почти столько же, сколько заработала вся команда из Нью-Джерси. Точными оказались 17 штрафных бросков.

Первый матч прозвучал для «Буллз» как тревожный звонок,

но, казалось, они его не услышали. Начав второй матч неплохо, в конце третьей четверти чикагцы вели с перевесом в 20 очков, затем неожиданно впали в спячку. Стали часто ошибаться в нападении, беспрерывно мазали, выполняя штрафные броски. К самому концу третьей четверти разрыв сократился до 11 очков, а в начале четвертой четверти – уже до 7. Затем обменялись удачными бросками Тони Кукоч и игрок из Нью-Джерси Крис Гатлинг, после чего Стив Керр точным броском из трехочковой зоны охладил наступательный пыл «Нетс». «Буллз» одержали вторую победу, но нельзя сказать, что они полностью доминировали на площадке. Чикагцы выглядели вялыми, в них не чувствовался былой инстинкт хищников. Третья игра состоялась уже на выезде, в Нью-Джерси. Вот там уже «Быки» заиграли, как подобает чемпионам. Носились по площадке как сумасшедшие, в тот вечер им все удавалось. Из 22 бросков Джордана оказались точными 15. Он принес своей команде 38 очков. Игроки «Нетс», молодые, быстрые и азартные, перед чикагцами стушевались. Теперь заветная цифра Джордана 15 побед уменьшилась до 12.

Следующим соперником стал «Шарлотт Хорнетс», клуб, появившийся в лиге всего лишь несколько лет назад. Его владельцы и менеджеры с самого начала попытались создать образцовую команду, олицетворяющую собой современный баскетбол. В драфтах им удалось набрать талантливых молодых игроков. Удалось им и заручиться поддержкой болельщиков. Осенью 1993 г. клуб заключил контракт с Ларри Джонсоном, одним из игроков, которых постоянно приглашают участвовать в матчах Всех Звезд, хотя никто толком не знает, действительно ли он классный баскетболист или нет. Сумма этого контракта – 84 миллиона долларов – и его продолжительность – 12 лет – превзошли все стандарты НБА. Почти сразу же после заключения сделки у Джонсона начались жуткие боли в спине, и, естественно, играть в полную силу он не мог. В жизни же он вел себя просто безобразно. В 1994 г. Ларри включили в сборную США (ее называли «Дрим Тим-2»), которая отправилась в Торонто на чемпионат мира по баскетболу. В команде подобрались хулиганы под стать Джонсону. Милая компашка в Канаде запомнилась всем. Американские баскетболисты постоянно оскорбляли своих тренеров, игроков других сборных, журналистов.

Придя в «Шарлотт Хорнетс», Ларри успел быстро разругаться со своим одноклубником Алонзо Морнингом, молодым талантливым центровым. Морнинг, чьи интересы представлял Дэвид Фальк, вскорости перешел в «Майами». Джонсон стал играть все хуже и хуже, да и в команде он не прижился. В конце концов его продали в нью-йоркский клуб «Никс», получив взамен

Энтони Мэйсона, одного из самых могучих атлетов НБА, но безнадежного нытика, вечно всем недовольного. Мэйсон своим сложением больше напоминал звезду американского футбола – рост 6 футов 8 дюймов, вес 250 фунтов и сплошные мышцы. Играя в силовой баскетбол, он надежно действовал в защите, легко оттесняя любого «великана», и хорошо бросал в высоком прыжке. Но, к сожалению, подобно многим игрокам НБА, Мэйсон не умел трезво оценивать свои способности.

Для столь высокорослого игрока он был довольно техничен, но тренер нью-йоркского клуба Дон Нельсон совершил большую ошибку, убедив Энтони в том, что его призвание форвард. Мэйсон не очень хорошо видел площадку, не всегда предугадывал движение своих партнеров и чрезмерно увлекался дриблингом. Соперники этому только радовались: пока Энтони возился с мячом, они успевали выстроить эшелонированную оборону. Попав в «Шарлотт», Мэйсон не поладил с тренером клуба Дэйвом Коуэнзом, человеком, придерживающимся старомодных взглядов и осуждавшим новое поколение игроков, которые гонятся за высокими гонорарами.

«Буллз» уже доводилось играть против Мэйсона в серии «плей-офф», когда он выступал за «Никс», но на сей раз ему противостоял Родман, превосходивший его в скорости и в игровом мышлении. Так что чикагцы в этом отношении имели преимущество, хотя Мэйсон и не понял почему.

Первый матч «Буллз» начали в замедленном темпе, и после первой четверти «Шарлотт» вел 23:15. Но затем за дело взялся, как обычно, Джордан, и чикагцы набрали 16 безответных очков. Во второй и третьей четвертях «Хорнетс» удались лишь 4 броска из 23. «Буллз» грамотно атаковали, а Пиппен почти полностью выключил из игры Глена Райса, талантливого атакующего защитника соперников. Глен бросал но кольцу 25 раз, но попал в цель лишь 9. В итоге чикагцы победили сравнительно легко – 83:70. Как всегда, сработала их непробиваемая оборона.

Во втором матче «Шарлотт» взял реванш. «Буллз» на сей раз были чересчур самоуверенны и играли спустя рукава, с полным безразличием. Тем не менее после третьей четверти они вели с разрывом в 8 очков. Но в концовке встречи разыгрались защитники «Шарлотт». Б. Дж. Армстронг, бывший игрок «Буллз», набрал 8 очков, а Делл Карри – 13. «Хорнетс» победил, хотя содержательной игры не показал. Но в оставшихся матчах чикагцы взяли свое. «Шарлотт», набиравший в среднем в календарных встречах по 96 очков, в серии «плей-офф» довольствовался лишь показателем 82 очка. Мэйсон, гроза многих других команд, на фоне Родмана выглядел медлительным

и неуклюжим. Деннис в среднем за матч выигрывал 17 подборов, а Энтони – 7. Райс, один из лучших снайперов лиги, в календарных встречах набиравший в среднем 22 очка, на сей раз приносил своей команде 20. Это, конечно, нельзя назвать провалом, но в НБА принято проводить матчи «плей-офф» на более высоком уровне, чем календарные.

Глава 30. Чикаго; Индианаполис, 1998 г.

В финале конференции соперником «Буллз» стала «Индиана Пейсерс» – команда, таившая в себе немало сюрпризов. Начнем с тренера – Ларри Бёрда. Баскетбольный мир удивился, что этот знаменитый в прошлом игрок решил избрать тренерскую карьеру. Тем не менее Ларри на новом поприще сразу же преуспел. В первый же сезон он был объявлен в НБА лучшим тренером года. Вообще-то говоря, спортивные суперзвезды редко становятся хорошими тренерами или менеджерами. Прошлая карьера им давалась слишком легко, чтобы они привыкли к черновой кропотливой работе. Они не знали, что такое горечь неудач. А вот из заурядных игроков тренеры получаются неплохие. Не сделав в свое время удачную спортивную карьеру, баскетболист хочет в глазах всех оправдаться на новой стезе.

Вдобавок ко всему многие не считали Бёрда особенно умным человеком. Этому заблуждению способствовало поведение самого Ларри. Человек необычайно острого ума, с тонким чувством юмора, Бёрд намеренно носил маску деревенского простофили. Он не подпускал к себе близко репортеров, а если и подпускал, то сначала он должен был убедиться, что этот журналист – настоящий поклонник баскетбола, а не любитель дешевых сенсаций. Один из немногих репортеров, кому Ларри доверял, был Боб Райан из газеты «Бостон Глоб», который умел переводить на общепонятный язык тонкие намеки и недомолвки Бёрда. Райан как-то обмолвился, что Ларри – невежда по своей собственной воле. Эта фраза, наделавшая много шума, абсолютно точна. Бёрд действительно хотел знать только то, что его по-настоящему интересовало, и ни капли больше. А то, что люди вокруг считают его тупицей, его даже устраивало. По крайней мере – меньше хлопот. От умника ждут интересных мыслей, а Ларри не хотел себя этим утруждать. Доигрывая свои последние сезоны, Бёрд всем дал ясно понять, что намерен стать тренером. Правда, при удачном стечении обстоятельств.

Индиана была его родным штатом, и когда в 1997 г. «Пейсерс» стал подыскивать нового тренера, главный менеджер клуба Донни Уолш, следуя простой логике, решил встретиться с Бёрдом. Они проговорили примерно полтора часа. Уолш, к своему удивлению, узнал, что Ларри не просто страстно желает обрести себя на новом поприще, но и уже имеет в голове определенные тренерские наметки. Бёрд четко изложил свой

план. Во-первых, занятия в летнем тренировочном лагере будут проводиться по сверхнасыщенной программе, чтобы к началу нового сезона игроки полностью обрели спортивную форму. Во-вторых, как сообщил Ларри, ему не нужно много помощников. Хватит и двух, но спрос с них будет строгий. Иначе зачем им платить высокую зарплату? Далее Бёрд высказался, что его дело – готовить команду к матчам, а когда игра началась, игроки должны действовать на свое усмотрение. Ларри, таким образом, не одобрял тренеров, которые вечно дергают игроков, подавая им со своей скамейки советы и пожелания. Это баскетболистов только раздражает. Бёрд также сказал, что он не собирается вводить палочную дисциплину, но определенные требования должны распространяться на всех поголовно. Никаких опозданий он не потерпит.

Бёрд произвел на Уолша прекрасное впечатление, и тот незамедлительно предложил ему тренерский пост. В конце концов, мало кто так тонко понимал баскетбол, как Ларри. Новое поколение игроков НБА не слишком хорошо знало историю лиги, ее прошлое. Но Бёрд закончил выступать совсем недавно, и, конечно, все видели его в игре. Отсюда – его безоговорочный авторитет в любом клубе. Кроме того, в Ларри подкупала его простота и искренность. Хотя он не особенно любил прессу, но, услышав хороший вопрос, он давал на него умный ответ.

Игроки «Индианы» быстро поняли, чего от них ждет новый тренер. В том числе и по части дисциплины. Опоздавший в первый раз на тренировку наказывался штрафом в тысячу долларов. Повторное опоздание оборачивалось суммой в две с половиной тысячи. На третий раз игрок временно отстранялся от участия в матчах. Профсоюз баскетболистов при желании мог, конечно, вмешаться и защитить провинившихся, но спорить с Бёрдом никто не хотел. Все считали, что ему виднее.

Однажды произошел такой случай. Команда улетала в другой город. Когда почти все расселись в самолете и трап стал отъезжать, на летном поле показались двое – Трэвис Бест и Дэйл Дэвис на всех парах неслись к лайнеру. «Может, пусть подгонят трап обратно?» – спросил кто-то Бёрда. «Ни в коем случае», – твердо отрезал тот. Это был хороший урок каждому.

Несколько дней спустя Реджи Миллер, атакующий защитник и звезда «Индианы», спросил Боба Райана: «А что, наш тренер в прошлом был военным?» Тот ответил отрицательно и вспомнил, что, когда «Бостон Селтикс» прилетал на матчи в Сан-Антонио, на трибунах находилось множество болельщиков в униформе, приезжавших с окрестных военных баз. Райан, подумав, добавил: «Нет, военным он не был но всегда их очень уважал. Наверное,

потому, что армия – это власть и дисциплина».

Бёрд железной рукой навел в команде порядок. Клуб отлично подготовился к очередному сезону. Если в других командах старшие тренеры имели много помощников (в «Буллз», например, у Фила Джексона их было четверо), то Ларри довольствовался лишь двумя. Уолш предлагал ему взять третьего, но Бёрд отказался. «Зачем мне третий помощник? – спросил он. – Мне и так хватает свободного времени».

Ларри свято соблюдал интересы своего клуба. Как-то перед игрой с «Кливлендом» он отказался дать традиционное предматчевое интервью известному спортивному журналисту Хаби Брауну. Уолш, не поняв, в чем дело, удивленно спросил Бёрда: «Вам не по душе Хаби?»

«Вовсе нет. Я ему искренне симпатизирую. Но он близкий друг Майка Фрателло – старшего тренера «Кливленда». Уверен, что он до матча расскажет ему все, что я выболтаю».

Да, подумал Уолш, в этом настоящий Ларри Бёрд. Не хочет, с одной стороны, раскрывать свои карты, а с другой – не желает пудрить журналисту мозги. Честный малый!

Команда стала подлинным детищем Бёрда, если так можно выразиться – его отражением. Заиграла значительно жестче по сравнению с прошлым сезоном, Конечно, были в ней свои уязвимые места. Скажем, Рик Смитс отличался высоким ростом и неплохо бросал по кольцу, но ему недоставало атлетизма. А вот два ударных форварда – Антонио и Дэйл Дэвисы – те, наоборот, были прекрасными атлетами, но им недоставало техники и снайперских качеств. Опорный защитник Марк Джексон, следуя наставлениям тренера, часто подключался к атаке, но скорости для этого у него не хватало. Где-то на шаг или два запаздывал. Реджи Миллер в бросках в прыжке не уступал, может быть, самому Майклу Джордану, однако не всегда умел при этом ловко освободиться от опеки.

Однако, несмотря на некоторые изъяны в игре, Бёрд и его помощники сумели создать крепкую команду, умело приспосабливающуюся к разным соперникам. Ларри выжал из своих игроков максимум того, на что они были способны. И эти парни, до того считавшиеся в НБА середнячками, стали чуть ли не звездами. Особенно это относится к Джейлену Роузу, чья спортивная карьера до встречи с Бёрдом складывалась неудачно. До этого он выступал за команду Мичиганского университета, как отстойник для несбывшихся талантов. Болельщики и тренеры соперников не любили эту команду за неспортивное поведение на площадке, а Роуз был ее лидером, причем не в хорошем смысле этого слова. Здоровенный верзила, ростом 6 футов 8 дюймов, он

котировался в лиге невысоко. Считался чересчур эгоистичным и нестойким духом. Когда Джейлен очутился в «Индиане», тогдашний ее тренер Ларри Браун не скрывал своего язвительного к нему отношения. А вот Бёрд разглядел сильные стороны этого парня, и тот буквально расцвел. Если Роуз играл плохо, новый тренер просто отправлял его на скамейку запасных. Зато если он был в ударе, его присутствие на площадке часто выручало команду в трудных ситуациях. В том сезоне «Индиана» выиграла 58 матчей. Ее игроки были моложе звезд «Буллз», и чикагцев ожидали встречи с крепким орешком.

В первом матче финала конференции «Буллз» одержали победу. С одной стороны, они ее заслужили, но с другой – она была полной неожиданностью. В атаке чикагцы действовали отвратительно, однако в защите – блестяще. В первой четверти матча из 22 их бросков попали в цель лишь 4. Во второй четверти их низкая результативность продолжалась, но зато тиски обороны вокруг нападающих «Индианы» еще более сжались. Когда до конца первой половины матча оставалась 1 минута и 40 секунд, Марк Джексон точным броском довел счет до 40:31 в пользу «Индианы». «Буллз», продолжая играть от обороны и начиная завязывать атаки на своей половине площадки, сократили к третьей четверти разрыв до 40:37.

Во второй половине матча чикагцы усилили игру, их выпады стали острее и точнее. В итоге они победили со счетом 85:79. Лишь 35 процентов их бросков попали в цель, а игру тем не менее выиграли, хотя по законам логики должны были проиграть. Ключевой фигурой здесь был Пиппен. Очков своей команде он принес немного. Но заслуга его в другом – Скотти полностью выключил из игры Марка Джексона и таким образом разорвал атакующую цепь соперников. «Индиана» вынуждена была начинать атаки издалека, а следовательно, терять драгоценные секунды. Тем временем «Буллз» успевали выстраивать свои оборонительные порядки. Крис Маллин, лучший снайпер «Индианы», слишком медлительный и не особенно атлетичный, получал мяч не там и не тогда, когда ему было удобно. По итогам календарных встреч нападение «Индианы» считалось одним из сильнейших в лиге, но в этом матче Марк Джексон ничего не мог поделать с Пиппеном, который был и выше, и физически сильнее, и быстрее его. «Скотти творил чудеса, – сказал после матча Стив Керр, – набрал всего 4 очка, но фактически сделал игру. Ему можно вообще не бросать по кольцу, но он все равно обеспечит нам победу». Крис Маллин лишь сокрушенно качал головой. «Оборона чикагцев нас имела, как хотела, – сказал он. – Иногда мне казалось, что их на площадке не пять, а семь или даже

восемь».

Второй матч проходил во многом, как первый, с той лишь разницей, что на сей раз «Буллз» наладили свои атаки. Пиппен снова вцепился в Джексона, как клещ. На того порой жалко было даже смотреть. «Буллз» то и дело перехватывали передачи игроков «Индианы». Чикагцы одержали сравнительно легкую победу. На послематчевой пресс-конференции Бёрд пытался уколоть Пиппена. Хотел бы он посмотреть, сообщил тренер «Индианы», на Пиппена, которому довелось бы опекать (здесь Бёрд позволил себе пофантазировать) Джордана. Случись такое, судьи постоянно наказывали бы его фолами, поскольку Майкл – любимчик всей НБА. Через несколько минут Джордан созвал собственную пресс-конференцию. Репортеры, конечно, спросили его, как он расценивает слова Бёрда. Расплывшись в своей знаменитой, всем известной по рекламным роликам улыбке, Майкл ответил: «Действительно, Ларри так сказал? Отлично, он начинает рассуждать, как толковый тренер!»

После двух матчей, состоявшихся в Чикаго, предстояли ответные встречи в Индианаполисе. Слова Бёрда сыграли свою роль. Как только начался третий матч, судьи быстренько наказали Скотти двумя фолами (одним – весьма сомнительным), и тот вынужден был несколько ослабить мертвую хватку. Атаки «Индианы» сразу же стали острей. Бёрд экспериментировал с заменами. Молодые игроки: Джейлен Роуз, очень быстрый защитник Трэвис Бест и Деррик Маккей – стали проводить на площадке больше времени. Бёрд, трезво оценивающий ситуацию, понимал, что его подопечные Джексон и Маллин уступают игрокам «Буллз» в скорости. Но и чикагцы в течение всего сезона 1997/98 г. испытывали острую нехватку невысоких подвижных защитников. Это было серьезной брешью в их обороне, поскольку Стив Керр при всем своем тактическом мышлении не отличался высокой скоростью и атлетизмом. Бест в скорости его превосходил. Могучий Роуз, когда Джордан уставал, этим удачно пользовался. Впрочем, Джордан не так уж часто вступал с ним в поединки.

В третьей четверти матча в Индианаполисе «Буллз» вели с разрывом в 8 очков – не так уж много. Когда до последнего перерыва оставалась 1 минута и 53 секунды, чикагцы расслабились. Очевидно, сказывалась усталость. А возможно, самонадеянность. «Буллз» слишком сильно уверили в непробиваемость своей обороны. Они небрежно стали обращаться с мячом. Стали бросать в прыжке, вместо того чтобы совершать проходы к кольцу. В обороне часто нарушали правила, за что справедливо наказывались. Когда началась четвертая четверть,

счет неожиданно сравнялся. Скамейка запасных «Индианы» оказалась «длинней», чем у «Буллз», и хозяева победили – 107:105.

Теперь двум тренерам пришлось разыграть шахматную партию. В домашней заготовке Ларри Бёрд учел свою неплохую скамейку запасных и молодость игроков. Опеку Джордана он решил возложить на меняющих друг друга защитников, чтобы измотать его. В бой нужно все время бросать свежие силы. Если «Буллз» увидят, что их соперники устали, в них сразу же проснется охотничий инстинкт и добычу они уже не упустят.

Не дремал и Фил Джексон, собравший свою команду на приватную беседу. Он напомнил игрокам, что они слабо провели концовки второй и третьей четверти проигранного матча. План Джексона был таков – почаще давать небольшие передышки Джордану и Пиппену, а строить атаки таким образом, чтобы стартовая пятерка могла максимально экономить силы. И разумеется, тренер призвал своих подопечных проявлять стойкость духа, что было всегда им свойственно в решающих матчах. Забегая вперед, скажу, что из последних пяти матчей финала Восточной конференции «Индиана» победила в трех. И чуть было не выиграла седьмой по счету матч, причем в Чикаго. «Они никогда не выигрывали у нас в Чикаго, – заметил по этому поводу Фил Джексон. – Вот победили бы, это был бы настоящий для них тест». Бёрд очень умно использовал свою «длинную» скамейку, и по ходу серии всеобщие симпатии явно склонялись в пользу «Индианы».

«Буллз» с каждым матчем выглядели все более усталыми. Это подтверждает и статистика. Если в первом матче им удалось «выкрасть» у соперников мяч 19 раз, то в четвертом – лишь 3 раза.

Четвертая игра шла с переменным успехом, пока бросок Джордана незадолго до конца встречи не вывел чикагцев вперед – 94:91. Но в ответ следует точный бросок Беста – 94:93. До конца игры остается менее 5 секунд. Пиппен получает шанс закрепить успех, но два его штрафных броска неточны. После второго броска, вокруг отскочившего от щита мяча, начинается свалка, и он выходит из игры. Один судья назначает спорный мяч. Другой же вручает его игрокам «Индианы», у которых в запасе менее 3 секунд. Они вводят мяч в игру, и тут, как из засады, выскакивает Реджи Миллер, освобождается от Рона Харпера, а преградившего ему путь Джордана сильно толкает. Издали бросает по кольцу, и счет становится 96:94 в пользу «Индианы». Джордан, в ответной атаке успевает также бросить издали, но мяч, покрутившись на кольце, не сваливается в него. Вторая подряд победа «Индианы».

Но разве судьи виноваты в промахах Пиппена? Или в том, что

силы «Буллз» таяли?

Пятый матч, проходивший в Чикаго, завершился полным разгромом «Индианы». Казалось, она заранее сложила оружие. Уже в середине первой четверти «Буллз» вели 19:6, а закончили со счетом 29:16. Первая половина встречи закончилась со счетом 57:32 в их пользу. В итоге они победили с большим перевесом – 106:87.

К шестому матчу «Индиана» успела быстро перестроить свою тактику. Всем было ясно, что «Буллз» находятся на последнем издыхании. Поэтому помощник Ларри Бёрда Дик Хартер предложил, чтобы игроки его клуба опекали Джордана как можно плотнее, буквально не давая ему сделать и шага, и таким образом измотать его физически. К концу матча Майкл выглядел совершенно обессиленным. Антонио и Дэйл Дэвисы играли прекрасно, почти полностью нейтрализовав Родмана. Фил Джексон даже подумал, правильно ли он поступил, взяв этого игрока в клуб. В этом матче «Индиана» снова сделала ставку на свою «длинную» скамейку, производя быстрые и удачные замены. Игроки, не входившие в стартовую пятерку, принесли клубу 25 очков, в то время как запасные «Буллз» набрали всего 8. На протяжении всего матча чикагцы как-то ухитрялись идти вровень с соперниками, но в самой концовке встречи не смогли сдержать Беста и в результате проиграли – 89:92.

Перед седьмым матчем в газете «Чикаго Трибьюн» появился крупный заголовок во всю ширину полосы: «Неплохое испытание для наших старичков». А в подзаголовке спрашивалось: «Выживут ли ветераны «Буллз»?» Фил Джексон впоследствии говорил, что эта серия была для клуба самой трудной за все годы его чемпионства. «Буллз» еще повезло, у них было преимущество родных стен. Но они, безусловно, выдохлись, и «Индиану» матч в Чикаго да еще с чемпионом, отстаивавшим свое звание, не особо пугал. То немногое, что радовало Фила Джексона, так это отличная игра Тони Кукоча. Тренер не раз включал его в состав стартовой пятерки, придерживая на скамейке Родмана, и Тони всегда оправдывал его ожидания. Он не только точно бросал по кольцу (этим он всегда отличался), но на сей раз он гораздо лучше взаимодействовал с партнерами, а кроме того, проявлял больше смелости и жесткости. Короче говоря, он на редкость удачно вписался в команду. Тони заметно лучше стал играть в защите, причем он не просто выигрывал единоборства, но и активней действовал в коллективной обороне.

Поначалу «Индиана» вела со счетом 20:8, но выход на площадку Родмана придал чикагцам новые силы. Первую половину матча «Буллз» закончили в свою пользу с перевесом в 2

очка. В перерыве в раздевалке Джордан разразился сердитой тирадой в адрес своих товарищей, упрекая их в расхлябанности. В третьей четверти разыгрался Кукоч, три раза поразивший кольцо из трехочковой зоны. Но «Индиана» не собиралась сдаваться, и в конце четвертой четверти казалось, что победа вот-вот выскользнет из рук чикагцев. Джордан выглядел особенно усталым, что подтверждала его низкая результативность. 25 раз бросая с игры, он попал в цель лишь 9, а из 15 штрафных бросков ему удались лишь 10. Но Майкл не хотел быть мальчиком для битья, да еще в домашнем матче, проигрыш которого перекрывал ему и его партнерам так хорошо знакомую дорогу в финал НБА. Усталость Джордана отражалась на его коронных бросках в прыжке, но вот стремительные рейды к кольцу соперника, как ни странно, ему по-прежнему удавались.

В суматохе, творившейся на площадке, Майкл то и дело прикрикивал на партнеров: «Мы не собираемся проигрывать эту встречу!» Наблюдая за своим великим игроком, Джексон видел, конечно, что он невероятно устал, но понимал, что, несмотря на это, он не может признать себя побежденным. Чак Дейли, который в свое время тренировал клуб, постоянно соперничавший с «Буллз», а потом тренировал и самого Майкла в составе «Дрим Тим», однажды назвал его человеком-роботом напичканным электроникой, поскольку карьера Джордана, даже когда он был уже далеко не юн, все время шла по восходящей, между тем как игроки моложе его уже начинали сдавать. «Разрежьте Майкла, – говорил Дейли, – и не обнаружите ни крови, ни мускулов, ни сухожилий. Лишь современную электронику».

Фил Джексон прекрасно понял задумку Дика Хартера, помощника Ларри Бёрда, – любыми способами измотать Джордана физически, чтобы он к концовке матча уже не держался на ногах. Но он понимал также, что Майкл, с его силой духа, ради победы выдержит все. Позднее Джексон отредактировал видеозапись последних шести минут этого матча, чтобы вместе с игроками тщательно изучить ее перед финальной серией чемпионата НБА, где «Буллз» поджидала «Юта». Он понимал, что там его игроков тоже покинут силы, и хотел, чтобы все увидели на примере Джордана, что сила духа иногда важней силы физической.

В концовке седьмого матча с «Индианой» Майкл действовал просто – получив мяч, вел его к кольцу соперников, специально врезаясь в их толпу. Против него постоянно фолили, и Джордан получал право на драгоценные штрафные броски. Он заработал их 7 и в 5 случаях не промахнулся. Майкл провел один из лучших матчей в своей жизни, если его игра и не была столь зрелищной,

как в прежние времена, но такую волю к победе он демонстрировал редко.

«Буллз» стойко продержались и выиграли с разрывом в 5 очков – 88:83. После матча Джордан радовался как мальчишка. Он помчался с площадки, словно школьник, которого отпустили с уроков домой. Точно так же радовался Майкл и в самолете, на котором «Буллз» летели в Солт-Лейк-Сити играть с «Ютой». Команда Джордана не только снова пробилась в финал чемпионата НБА, но и при этом победила в труднейшей серии «Индиану», хотя, казалось, по всем статьям должна была ей уступить. И дело не в везении чикагцев – «Буллз» выиграли заслуженно, потом и кровью. И Майкл, уставший до предела, понимал это, наверное, лучше всех. Джордан с нетерпением ждал финальной серии против «Юты». Он надеялся, что эта команда окажется для «Буллз» более легкой добычей, чем «Индиана». Защитники завтрашних соперников были ростом пониже, чем у вчерашних, но в скорости они их не превосходили. И к тому же «Юта» была не столь молодая команда, как «Индиана». Ее звезды Джон Стоктон и Джефф Хорнасек тоже уже перешли в разряд ветеранов.

Глава 31. Чикаго; Солт-Лейк-Сити, июнь 1998 г.

Весь сезон Майкл Джордан мечтал встретиться в финале чемпионата НБА с «Юта Джаз». Почему именно с этим клубом? Да хотя бы потому, что, по мнению многих, если этот клуб получит право провести большую часть финальных матчей на домашнем стадионе, он обязательно выиграет. Майкл горел желанием опровергнуть это распространенное мнение, а заодно и продемонстрировать всем разницу между ним и Карлом Мэлоуном, хотя этим игроком он искренне восхищался. Тренеры «Чикаго», напереживавшиеся после матчей с «Индианой», тоже были довольны, что в финале их ждет «Юта». По их мнению, фактор чужого поля для «Буллз» мало что значил. Команда умела концентрировать волю и не раз побеждала на выезде сильнейшие клубы НБА.

«Юта», представлявшая собой сыгранный коллектив ветеранов, тем не менее была очень хорошей командой, показывавшей грамотную, продуманную игру. В нападении она могла поспорить с любым клубом НБА. Ее игроки почти не делали тактических ошибок, легко разгадывали замыслы соперников. Душой команды был ее президент – Фрэнк Лейден. Он ее собрал, не позволил ей распасться в неудачные сезоны и вывел в первые шеренги НБА. Двумя самыми удачными решениями Лейдена, принятыми им за те 20 лет, что он руководил командой, можно считать приобретение в драфтах 1984 г. и 1985 г. Джона Стоктона и Карла Мэлоуна. Лейден присматривался к Стоктону еще раньше, но особого впечатления этот игрок на него не произвел. Однако, поскольку в драфте 1984 г. «Юта» стояла в очереди шестнадцатой, у нее большого выбора не было. По словам самого Лейдена, он тогда подумал: «В конце концов, Стоктон – ирландец. Он католик. Его отец содержит бар. Прекрасно: и я ирландец и католик, и мой отец тоже владелец бара. Может, через несколько лет меня сочтут гением».

В драфте 1985 г. «Юта», стоявшая в очереди тринадцатой, приобрела Карла Мэлоуна. «За несколько дней до драфта, – вспоминал Лейден, – мой сын Скотт говорит мне: «Сейчас я тебе покажу фильм о настоящем мужчине». Это оказалась видеозапись отрывков матча студенческих команд Луизианского технологического института и Оклахомского университета. А «настоящим мужчиной» был именно Карл Мэлоун, выступавший за Луизианский институт, расшвыривал парней из Оклахомы, как

котят. Я такого не видел, чтобы один баскетболист справился с пятью. Мне Карл, конечно, понравился, но надежд заполучить его у меня было мало. Пока до нас дойдет очередь, его уже кто-нибудь схватит. Но во время драфта акции Карла стали неожиданно падать. Я спросил сына, что случилось. Может, у него неизлечимая болезнь? Оказалось, один селекционер сказал другому, что Карл – мрачнейший тип. И пошло-поехало. Люди – стадо. Все вокруг заговорили в один голос: «Да, мрачнее некуда!» Потом представители многих клубов потеряли работу за то, что упустили Мэлоуна. А он ничуть не мрачный – нормальный парень. И трудяга, какого я никогда не видел, будь то матч или обычная тренировка».

В финале Западной конференции «Юта» встретилась с наводившим на всех ужас «Лейкерс» – клубом, только что стершим с земли «Сиэтл». Игроки из Лос-Анджелеса были физически гораздо мощнее своих соперников по финалу, но на фоне игроков «Юты» они выглядели, как бестолковые подростки из дворовой команды. «Играть против них – это все равно что вас выставили в компании баскетбольных вундеркиндов против настоящего профессионального клуба, – сказал после финальной серии Ник ван Эксель, опорный защитник «Лейкерс». – Вундеркинды стремятся удивить публику различными трюками, ведут мяч у себя за спиной и тому подобное. А эти ребята играют очень просто – не на публику, а на победу. Не ссорятся друг с другом, не жалуются. Единая команда, целиком сосредоточенная на игре. Не думаю, что ее игроки суперталантливы. Но они выходят на матч с четким его планом и прекрасно его выполняют».

Но, встретившись с «Буллз», «Юта» увидела перед собой далеко не юнцов-вундеркиндов. Чикагские тренеры и игроки со свойственным им проницательностью и игровым чутьем распознали уязвимые места даже в сильных сторонах «Юты». Во встречах с «Индианой» «Буллз» приходилось сражаться с молодыми, полными сил игроками. Здесь этот фактор им не грозил. Три ведущих игрока «Юты» находились примерно в том же возрасте, что и чикагские ветераны. Стоктону было 36, Мэлоуну – почти 35 (он уже снимался в рекламных роликах, восхваляющих новое средство от облысения), Хорначеку – 35.

То, что в финал чемпионата НБА пробились две команды, чьи стартовые пятерки – старейшие в лиге по возрасту, отнюдь не случайность. Ключевые игроки обоих клубов: Джордан, Пиппен, Родман, Мэлоун и Стоктон – по-настоящему расцвели не в юные годы. Они максимально развили свои способности и резко улучшили их уже после прихода в НБА. Такое встречается все

реже и реже. И вполне можно утверждать, что принятое среди звезд обоих клубов добросовестное отношение к своей работе и вывело эти команды в финалисты.

Многие молодые звезды НБА так и не оправдали надежд, которые возлагали на них специалисты, а простого зрителя они начали раздражать своим вызывающим поведением. Это давно уже беспокоит руководство лиги. Хотя возраст ветеранов профессионального баскетбола, как правило, не превышает 30-35 лет, тем не менее в НБА существует разрыв поколений. Представители «стариков», например Джордан, Мэлоун и Баркли (он в начале своей карьеры в повседневной жизни отнюдь не был пай-мальчиком, но игре отдавался всецело), не раз публично осуждали своих молодых коллег за безответственное отношение к спорту, то есть к своей работе. На юных дарований, только что пришедших в НБА, сыпались блага, заработанные их предшественниками. Когда «Юта» собралась перед сезоном 1997/98 г. в тренировочном лагере, два ее новобранца, только что подписавшие солидные контракты, заявились туда в непотребном виде. Больше всех рассвирепел именно Мэлоун, а одного из гуляк, громадного центрового Грэга Остертага, он кроме как свинячья задница, по-другому прилюдно не называл.

Судьба рано угасших молодых звезд складывается нелегко. Клуб «Вашингтон Уизардс» приобрел как-то двух невероятно одаренных форвардов – Джуэна Говарда и Криса Уэббера. И что же? Они быстро увяли. В защите играли, когда им вздумается. Их поведение в повседневной жизни причиняло руководству клуба одно лишь беспокойство. В конце сезона Уэббер, один из самых талантливых молодых игроков НБА, был продан в «Сакраменто», третий по счету клуб в его неудачной пятилетней профессиональной карьере. И хотя она оказалась неудачной в спортивном отношении, но доходы Уэббер имел приличные. Так, сумма его первого контракта, заключенного на 15-летний срок, составляла 75 миллионов долларов.

Рано угасшие молодые звезды настолько печалили руководителей лиги, что те, чтобы спасти свое лицо, пускались на различные ухищрения. Например, перед телетрансляциями матчей «Всех Звезд» заправилы НБА слезно просили людей из NBC, чтобы операторы и комментаторы побольше уделяли внимания трем самым лучшим и привлекательным внешне молодым игрокам лиги – Кейту ван Хорну, Коби Брайанту и Тиму Данкану. Мол, не все же у нас глупые сосунки.

Старшие игроки думали, что молодежь попросту не понимает, в чем ее ошибка. Майкл Джордан, Мэджик Джонсон, Ларри Бёрд были баскетболистами, чья слава перешагнула рамки

спорта. Они стали идолами, как становятся идолами рок-звезды. Но они все же не забывали, что славу они обрели лишь благодаря своей феноменальной игре в баскетбол. Следующее за ними поколение смотрело на вещи иначе. Некоторые молодые игроки, казалось, не понимали разницы между рок-идолом и профессиональным баскетболистом и даже чувствовали себя в обеих этих ролях одновременно. Когда Шакил О'Нил, баскетболист невероятного таланта, которого прочили в преемники Майкла Джордана, но игрок, еще окончательно не сформировавшийся, прибыл в НБА, оказалось, что он собирается развлекать публику различными способами. Он умел петь, и действительно пел. У него было известное актерское дарование, и он снимался в кино. Умел рекламировать товары, и рекламировал их. Ну а заодно умел играть в баскетбол. Шакил и его агент заключили с корпорацией «Рибок» внушительный контракт на рекламу кроссовок (когда О'Нил появлялся на встречах с представителями «Найк», Фил Найт хватался за голову), с «Пепси» – на рекламу безалкогольных напитков, а также контракты на киносъемки и звукозаписи песен в стиле рэп. Так что еще до первого своего матча в НБА Шакил был очень богатым молодым человеком.

Далеко не все считали, что Шакил уже достиг в игре совершенства. Но, когда ему намекали на то, что он пока еще не стал в составе своего клуба чемпионом НБА, он расценивал подобные замечания как несправедливые. Он, мол, уже успел завоевать в жизни многое. Баскетбол, будь то студенческий или профессиональный, не самое главное. О'Нил мало интересовался историей лиги. Когда состоялось торжественное мероприятие, посвященное ее 50-летию, он оказался единственным из всех игроков НБА, кто на него не явился. Или другой пример. Познакомившись с легендарным тренером «Атланты» Ленни Уилкенсом, единственным человеком, чье имя вскоре было увековечено в Зале баскетбольной славы и как игрока и как тренера, Шакил сказал приятелю: «Симпатичный старикан! Он когда-нибудь играл в баскетбол?»

Когда Рик Маджерус, тренер баскетбольной сборной университета штата Юта и уникальный специалист по работе с «великанами», попробовал дать Шакилу несколько советов, касающихся работы ног, тот повернулся и ушел, презрительно бросив на ходу нечто вроде: «Детские забавы!»

Наконец, к сезону 1997/98 г. игра Шакила начала улучшаться, порой в ней были даже заметны проблески великого мастера, но тем не менее «Юта Джаз» выбила его клуб из дальнейшей борьбы за чемпионское звание. Некоторые крупные

специалисты баскетбола считали, что Шакил является лишь тенью того игрока, которым он должен был бы стать, учитывая его рост, силу и скорость. Впрочем, его, наверное, больше всего расстраивало то, что он стал лишь тенью того рекламного персонажа, которым мечтал стать. В конце сезона «Рибок» разорвал с ним контракт. Скромные трудяги, проработавшие всю жизнь лишь на баскетбольной ниве, восприняли это известие как лучшую новость сезона.

Но будем справедливы, – не надо делать из О'Нила символ нового поколения баскетболистов. Почти вся молодежь НБА резко отличается от своих старших товарищей. Успех и деньги приходят к ней слишком рано, а те духовные ценности, которые игроки постарше усвоили от тренеров или от старших товарищей, оказались теперь никому не нужными. В отличие от большинства игроков той первой, легендарной «Дрим Тим», чья карьера складывалась в трудный период жизни НБА, никто из молодых баскетболистов не может себе представить, что когда-то лига боролась за выживание и финансовое ее состояние было плачевным. Как сказал Чак Дэйли, тренировать сегодняшнюю команду означает иметь дело не с 12 игроками, а с 12 корпорациями. Да, лига богата, но у игроков слишком много прав на получение значительной доли ее капитала. Вопрос теперь зачастую не в том, насколько отдает себя игре тот или иной баскетболист, а в том, сколько ему должен платить клуб. Старшие игроки категорически не одобряют такую постановку вопроса, а вызывающее поведение молодежи их коробит.

Во время чемпионата мира по баскетболу 1994 г., проходившего в Канаде, Дик Эберсол, директор спортивных программ Эн-би-си, послал каждому игроку сборной США (а команда эта опозорилась на весь мир своим недостойным поведением на площадке) по телевизору марки «Сони». Подарок далеко не пустячный, но Эберсол ни от кого не услышал ни слова благодарности. К такому он не привык – с Майклом Джорданом и игроками его поколения у Эберсола отношения складывались дружеские, теплые.

Дурной пример заразителен. Звезды студенческого баскетбола переняли снобизм профессионалов. Журнал «Плейбой» по традиции ежегодно приглашал за свой счет в Чикаго лучших игроков студенческих команд. Но со временем редакторы этого популярного издания решили, что игра не стоит свеч. Раньше им доставляло радость принимать у себя в гостях умных, жизнерадостных, любознательных молодых людей. Теперь же приезжали парни, успевшие пресытиться жизненными благами и ко всему равнодушные. Хозяева тщательно составляли для них

программу, но их не интересовали ни мюзиклы, ни знаменитые исполнители блюзов, ни прогулки на теплоходе. Взамен они требовали, чтобы им предоставляли лимузины, а уж как провести свободное время – они сами разберутся.

Представители нового поколения игроков НБА избалованы с юных лет. Еще будучи школьниками, они ездили в привилегированные тренировочные лагеря. Их стремились обласкать селекционеры университетских команд. В университетах они уже обзаводились собственными агентами. Как справедливо заметил Боб Райан, большинство этих парней, в отличие от их предшественников, ничем другим, кроме баскетбола, в жизни не занимались, никогда не работали и поэтому не могли понять, насколько им повезло, что они очутились в НБА. Гарантированный контракт и неусыпное око агента, готового в любой момент ринуться на защиту своего клиента, внушают новичку лиги мысль о том, что теперь он может спокойно наслаждаться жизнью. С таким игроком тренеру клуба придется хлебнуть немало горя. Тем более что этот парень привык быть на равных и со своим школьным тренером, и с университетским. Кстати, в НБА стали прибывать молодые люди, проведшие на студенческой скамье совсем немного времени. Они толком не успели вписаться в общественную жизнь и – что немаловажно – не успели овладеть азами баскетбола.

Поскольку, согласно нынешним правилам НБА, гонорар новичка не может превышать определенного предела, молодые ребята стремятся попасть в лигу как можно раньше. Лучше играть, пусть и за небольшие деньги, чем просиживать на скучнейших занятиях в колледже – такова их логика. Естественно, берут их слабейшие и беднейшие клубы. Но как только срок первого контракта истекает, новичок всеми правдами и неправдами начинает искать себе местечко потеплее.

«Буллз» и «Юту» изменения, произошедшие в последние годы в НБА, почти не коснулись. Эти два клуба всегда делали ставку на старшее поколение игроков. Неудивительно поэтому, что именно они дошли до финала.

Если говорить о соотношении сил соперников, встретившихся в финале чемпионата НБА сезона 1997/98 г., то у «Буллз» были некоторые преимущества перед «Ютой». Родман с его редкой скоростью и удивительной физической выносливостью обычно переигрывал Мэлоуна, а Джордан, Пиппен и Харпер могли поставить перед защитниками «Юты» кучу трудноразрешимых проблем. Но и у чикагцев была своя головная боль. Победить «Джаз» можно, только если сдержать его атакующий порыв.

Ни один клуб НБА не играл в нападении так грамотно и

выверенно, как «Юта». В особенности когда кольцо соперников штурмовал тандем в лице Стоктона и Мэлоуна. Но в атаках «Джаз» существовал один изъян – они развивались предсказуемо. Столкнувшись с командой, располагавшей великолепной линией обороны, с защитниками, которые способны разгадывать ходы нападающих, «Юта» могла и споткнуться, поскольку иных тактических схем, кроме давно отработанных, у нее в запасе не было. Что приносило удачу в календарных матчах с рядовыми клубами, могло стать бесполезным в изнурительной финальной серии против команды, знаменитой своими защитниками. Иной раз игровая дисциплина идет в ущерб умению импровизировать. Сумеет ли «Юта» перестроиться, если «Буллз» разгадают ее наигранные комбинации? Этот вопрос интересовал многих.

Разница в манере игры двух этих клубов хорошо заметна на примере Джордана и Мэлоуна. Оба они поистине великие игроки, оба фантастически трудолюбивы, и оба, придя в НБА, с тех пор неузнаваемо прогрессировали. Перед началом сезона 1997/98 г. в Солт-Лейк-Сити на матч с новобранцами «Юты» прилетели новобранцы «Денвера». В один из дней Билл Ханцлик, тренер «Денвера», разбудил своих юных воспитанников в 7 утра, погрузил их в автобус и, ничего не объясняя, куда-то повез. Он остановил автобус у фешенебельного тренажерного центра, и через минуту все могли лицезреть, как самый ценный игрок лиги Карл Мэлоун, исходя потом, возится с неподъемной штангой. «Джентльмены, – сказал Ханцлик своим ребятам, – теперь вы понимаете, что такое НБА? »

Оба они – и Джордан и Мэлоун – были лучшими представителями старой школы НБА. Оба в каждом матче вели за собой свои команды. Но между ними была существенная разница. Джордан в любую секунду умел создать себе условия для броска и потому в концовках решающих матчей, когда защитники соперников бились, как львы, брал игру на себя. Способности Мэлоуна в этом плане были значительно ниже. Отличный снайпер и таранный игрок, способный пройти двойной заслон, он тем не менее во многом зависел от поддержки партнеров, в частности Стоктона, от его удачного паса. Высокорослый и мощный, Мэлоун не обладал взрывными качествами. Поэтому, надежно прикрыв Стоктона, «Буллз» тем самым могли бы и сковать действия Мэлоуна. Тренеры чикагцев и Джордан решили этим воспользоваться. В завершающих четвертях матчей, когда исход встреч будет висеть на волоске, нужно во что бы то ни стало выключать из игры Мэлоуна, и тогда в дело вступит Майкл, с которым никакая «Юта» не справится.

В глазах чикагцев Мэлоун представлялся не совсем тем

игроком, каким его все привыкли считать. Тренеры и игроки «Буллз» полагали, что Мэлоун не был прирожденным снайпером. Снайпером он стал лишь благодаря своему невероятному трудолюбию. До изнеможения тренируясь, он действительно добился отличных результатов. В среднем за игру он приносил команде почти 30 очков. Для «великана» лиги это один из лучших показателей. И все же, как считали чикагцы, Мэлоун не обладал особой психологией снайпера. А значит, в концовке напряженного матча он может дрогнуть, не рискнуть лишний раз бросить по кольцу. У него нет психологической устойчивости Бёрда, Джордана или Реджи Миллера, которые бросают все время, не боясь ошибиться.

Тренеры «Буллз» обнаружили еще одно уязвимое место в боевых порядках «Юты». Они заметили, что Стоктон стал двигаться чуть-чуть медленнее. Этот фактор, как считали чикагцы, несомненно, скажется на действиях его связки с Мэлоуном. Кстати, так и случилось. Когда в ходе финальной серии «Буллз» стали наращивать свое преимущество, Мэлоун подвергся суровой критике со стороны прессы. А между тем серьезные баскетбольные специалисты в один голос утверждали, что репортеры избрали для своих критических стрел не ту мишень, снизил уровень игры Стоктон, а не Мэлоун. Чикагские тренеры не собирались приставлять к Мэлоуну двух опекунов. Пусть спокойно набирает очки – 35, даже 40. Главное, чтобы поменьше забрасывали его партнеры. Вот их-то и следует выключить из игры. Атаки «Юты» особенно опасны, когда Мэлоун отвлекает на себя сразу двух соперников.

Поскольку «Буллз» тяжелейшая серия встреч с «Индианой» окончательно вымотала, а «Юта» была вполне свежей, то ее и считали фаворитом. По мнению Джордана, это было даже на руку чикагцам. «Пусть все думают, что мы заранее сложили лапки, – говорил Майкл, – но мы-то знаем, что мы как-никак чемпионы». Фил Джексон считал «Юту» очень серьезным соперником, а ее победу над «Лейкерс» просто невероятной. Впрочем, поразмыслив немного, тренер «Буллз» пришел к выводу, что эта победа была в определенном смысле закономерной: грозный «Лейкерс» вполне мог оказаться бессилен против команды, действующей как идеально отлаженная машина.

Отправляясь в Солт-Лейк-Сити, Джексон втайне надеялся выиграть первый матч: «Юта» после финала Западной конференции десять дней отдыхала и за этот срок могла кое-что порастерять из игровой практики. Но «Буллз» были не в лучшей форме. Они выглядели медлительными и уставшими. Во-первых, игроки еще не восстановили силы после изнурительных матчей с

«Индианой». Во-вторых, сказывалось непривычное для чикагцев высокогорье, хотя команда заранее готовилась к смене высоты. Тим Гровер, Майкл Джордан и другие принимали различные процедуры, чтобы увеличить кислородный запас своего организма. Как сказал Гровер, это напоминало подготовку бегуна, чья коронная дистанция – полмили, к бегу на целую милю, причем в компании самых именитых стайеров.

В первом матче Стоктону удалось взять под полный контроль середину площадки. Тем не менее «Буллз» упорно сражались и потерпели поражение лишь в овертайме.

Во втором матче схема, выработанная чикагскими тренерами, наконец-то сработала. План сражения был следующий – играть в обороне предельно жестко, максимально беречь силы, позволять Мэлоуну бросать, сколько ему вздумается, а концовку матча предоставить Джордану. Мэлоун, совершив 16 бросков, попал в цель всего лишь 5 раз и набрал в итоге 16 очков, причем во второй половине встречи не поразил кольцо ни разу.

Джордан же точно бросил 14 раз из 33 и, что даже более важно, из его 10 штрафных бросков 9 попали в цель. Как всегда, Майкл разыгрался в концовке встречи. Перед последней четвертью матча у него на счету было 20 очков, из них 4, заработанных за счет штрафных бросков. А затем он начал свои знаменитые рейды к щиту соперников. 4 раза он поразил кольцо с игры и удачно выполнил 5 штрафных бросков из 6. В итоге «Буллз» победили, а «Юта» растеряла преимущество домашних матчей, которого добивалась с таким трудом на протяжении целого сезона. А главное – теперь игра, похоже, будет идти под диктовку «Буллз» – так, как ее задумали чикагские тренеры. Сковав действия Стоктона, чикагцы изолировали Мэлоуна. Наигранные комбинационные атаки у «Юты» больше не получались. Мэлоун в данной ситуации не мог диктовать темп игры и довольствовался лишь бросками в прыжке.

Третий матч, состоявшийся уже в Чикаго, стал для «Юты» настоящим кошмаром. В первый раз после серии встреч с «Индианой» «Буллз» выглядели действительно свежими, отдохнувшими. В обороне они действовали почти безупречно. Выкрадывали у соперников мяч, перекрывали им все ходы. Защитники крутили такую стремительную карусель, что броски нападающих «Джаз» были похожи на жесты отчаяния. Когда мяч был у игроков «Юты», создавалось такое впечатление, что «Буллз» заранее знают, как они им распорядятся. Глядя в тот вечер на Стоктона, одного из самых жестких и техничных игроков НБА, можно было понять, что он действительно постарел. Во всяком случае, Пиппен постоянно его переигрывал, причем Скотти

успевал еще расправляться и с другими соперниками. «Юта» ничего не могла с ним поделать. Тренер «Джаз» решил подольше держать на площадке Мэлоуна. Тот начал удачно – все его первые 6 бросков попали в цель, но партнеры его не поддержали. В первой четверти матча они 16 раз бросали с игры, а кольцо поразили лишь однажды. В итоге на первый перерыв команды ушли при счете 17:14 в пользу чикагцев. После второй четверти «Буллз» вели уже 49:31, после третьей – 72:45, а завершился матч полным разгромом «Юты» – 96:54. За всю историю НБА в матчах финальной серии чемпионата ни одна команда не побеждала с таким разрывом в счете. И ни в одном матче лиги ни один клуб не набирал столь мало очков – 54, как «Юта» в этой игре. «Что, это правильный счет? Может, табло в неисправности?» – мрачно шутил на послематчевой пресс-конференции тренер «Джаз» Джерри Слоун, разглядывая листок со статистическими итогами встречи. Телекомментатор НБА Боб Костас сказал: «Все, что оставалось делать игрокам «Юты», – махнуть на все рукой и попросить закурить».

В четвертой встрече борьба была более и менее равной, но концовка игры прошла все же под диктовку чикагцев. Они снова изолировали Мэлоуна (он набрал лишь 21 очко), а счет матча – 86:82 в пользу «Буллз» – говорит о том, что чикагцы опять сделали ставку на оборону. Главным разрушителем атак «Юты» был Пиппен. После матча журналист Сэм Смит написал в «Чикаго Трибьюн», что Скотти, возможно, будет объявлен самым ценным игроком финальной серии. Действительно, Пиппен был в ударе. Он принес команде 28 очков, выиграл 9 подборов и (здесь уже нельзя привести никакой статистики) великолепно действовал в обороне. Благодаря его игре умная, жесткая, уверенная в своих силах «Юта» выглядела командой растерянной, не знающей толком, что противопоставить «Буллз». Впрочем, если бы даже «Джаз» и нашел противоядие, то только теоретически. На практике ему ничего бы не удалось.

По общему мнению чикагских журналистов, исход чемпионата был уже предрешен: счет 3:1 в пользу «Буллз», следующий матч проводится в Чикаго, а «Юта» явно находится в ступоре. «Теперь, когда на «Джаз» можно ставить крест, – писал в той же «Трибьюн» Скип Бейлисс, – в пятницу вечером нам предстоит увидеть соревнование более захватывающее, чем матч двух клубов, а именно борьбу Майкла и Скотти за звание самого ценного игрока финальной серии». Отчет о четвертом матче вышел в этой газете под таким заголовком: «Можете охлаждать шампанское».

Однако, вопреки прогнозам, «Джаз» в пятом матче доказал,

что крест на нем ставить рано, и победил. Мэлоун напоминал пружину, которой наконец-то позволили разжаться. Он принес команде 39 очков и вообще играл блестяще. Чикагцы же выглядели неубедительно, никак не могли сконцентрироваться на игре. Из 26 бросков Джордана в цель попали лишь 9. Показатель Пиппена вовсе удручающий – 2 из 16. Чувствовалось, что все может измениться не в пользу «Буллз». Фил Джексон после матча заметил, что все дело испортила шумиха, поднятая в прессе после четвертой встречи. Не надо было писать о победе, уже лежащей в кармане, о шампанском, о возможных беспорядках на улицах города, где будут бесноваться одуревшие от радости болельщики. Ни к чему было гадать, последний ли это будет матч Джордана за чикагский клуб или нет. Теперь Джексон отчетливо понял, почему в сериях «плей-офф» ни одному клубу НБА не удавалось выигрывать подряд три домашних матча. Во-первых, потому, что команды, играющие на таком уровне, умеют от матча к матчу приспосабливаться к манере игры соперников и находить свои контрдоводы. Во-вторых, потому, что радостный вой, поднятый по случаю одной – двух домашних побед, невольно расслабляет хозяев спортивной арены. Джексон, безусловно, был прав. Если обычно игроки «Буллз» добирались до «Юнион Центр» из своих загородных резиденций минут за тридцать – сорок, то в эти дни дорога занимала у них около двух часов. Восторженные болельщики то и дело облепляли автомобили своих любимцев. Джексон заявил, что в следующий раз (хотя следующего раза и не будет) он поселит игроков в отеле в центре города или будет перевозить их вертолетом.

После пятого, отрезвляющего, матча Джексон сказал Джордану: «Майкл, нам нужно выиграть всего одну встречу. Причем на выезде. Согласен?» Джордан согласился.

Хотя чикагцам нужна была всего лишь одна победа, предстоящая встреча их тревожила. В баскетбольном мире Солт-Лейк-Сити слыл крайне негостеприимным городом. Фил Джексон любил повторять, что болельщики «Юты» ему напоминают по своему темпераменту пуэрториканцев, среди которых ему приходилось работать в молодые годы. Кроме того, Джексон считал, что судьи порой уступают давлению трибун и назначают сомнительные штрафные броски в пользу хозяев площадки (впрочем, существовало аналогичное мнение и о чикагском стадионе, где царил безоговорочный культ Майкла Джордана, которого все считали непогрешимым, чуть ли не ангелом). Короче говоря, основания для тревоги были. Проиграй «Буллз» шестой матч – седьмой тоже придется проводить в гостях, а «Юта» уже почувствует запах крови.

Спортивная пресса, только лишь вчера списавшая «Джаз» со счета, теперь замерла в ожидании. В матчах подобного уровня победа – вещь хрупкая. Выигрыш от поражения часто отделяют лишь несколько очков. Это уж потом болельщики рассуждают о том, что такой-то матч решил исход всей серии, а встреча эта проходила в равной борьбе и закончилась с минимальным перевесом в пользу их любимцев. Яркий пример – второй матч финала, когда Стив Керр в борьбе за подбор выкрал мяч у Карла Мэлоуна, чем и решил судьбу встречи. Разгром, учиненный «Буллз» «Юте» в третьем матче, большая редкость в современном баскетболе, если говорить, конечно, о встречах на высшем уровне. Третья встреча показала, насколько важны распределение ролей в команде и возможности игрока выполнить свою роль до конца. Предоставила «Юта» по неосторожности свободу Пиппену, и тот показал себя во всей красе. А теперь решающим стал «фактор Майкла». Даже очень классная команда, не будь в ее составе Майкла Джордана, с его могучей силой воли, перед повторным визитом в Солт-Лейк-Сити пала бы духом. А с Джорданом – другое дело. Майкл выглядел собранным как никогда. Казалось, он прошел какие-то таинственные процедуры в научном центре генной инженерии. Он физически излучал уверенность, заражавшую его партнеров, как целебный вирус.

Перед самой встречей два чикагских игрока вынуждены были пропустить предматчевую разминку. Рон Харпер всю ночь промучился резями в животе – что-то не то съел. А Пиппен едва мог ходить. В третьем матче Скотти серьезно повредил спину. По ходу встречи его несколько раз (по подсчетам чикагских тренеров, семь) слишком жестко атаковали. В том числе пару раз ему серьезно досталось от 255-фунтового Мэлоуна. С тех пор боль в спине неотступно преследовала Скотти, а главное – он утратил свою подвижность. В субботу Пиппену сделали несколько уколов кортизона, но особого облегчения они ему не принесли. Если бы не столь ответственный матч, Скотти вообще бы не вышел на площадку. Когда перед игрой Пиппен улегся на массаж, а Чип Шефер колдовал над ним, Джексон нарочито громко – так, чтобы Скотти слышал, – спросил Джордана: «Как ты думаешь, сможешь выдержать все 48 минут?» – «Если вы считаете нужным, смогу», – ответил Майкл.

Скотти понял намек и начал игру резво. На первых же минутах встречи прорвался к кольцу соперников и совершил безукоризненный «данк». Но тут же почувствовал нестерпимую боль. Он продолжал играть, но напоминал больного старца, вздумавшего порезвиться вместе с молодежью. Отыграв 7 минут, Пиппен удалился в раздевалку и оставался там до конца первой

половины матча. «Буллз» оказались перед серьезнейшим вызовом – победить «Юту» у нее дома, да еще практически без Пиппена.

И вот на закате спортивной карьеры Джордана снова настал его звездный час, о котором впоследствии будет столько написано и рассказано. В этот вечер он, казалось, вернулся в свои молодые годы, когда на заре своей профессиональной карьеры вытащил заштатных «Буллз» из болота или когда – уже позднее, 12 лет тому назад, во встрече с «Бостоном» поразил весь баскетбольный мир, набрав за матч немыслимые 63 очка. Это снова был Майкл Джордан, который в критический момент встречи, не колеблясь, брал игру на себя. И, по правде говоря, у него другого выхода не было. Пиппен – полуинвалид. Родман – не снайпер. Кукоч, в последнее время значительно улучшивший игру, тем не менее, как всегда, ненадежен. Харпер – игрок сугубо оборонительного плана, в атаке у него не клеится. Да и к тому же он серого цвета из-за непрекращающихся резей в животе. Лонгли явно не выдержал психологического напряжения серии «плей-офф», не принес ни одного очка, зато заработал четыре фола. Тренер позволил ему поиграть лишь 14 минут. Вот на кого можно положиться – на Керра. Но, поскольку Пиппен еле двигается, «Юта» Керра надежно прикроет.

В общем, с самого начал матча стало ясно, что вся надежда – на Джордана. Почти всю первую половину встречи Майкл экономил силы, не покидая защитные порядки. Текс Уинтер заметил Филу Джексону: «По-моему, Майкл прохлаждается». – «Текс, ему действительно нужна передышка», – ответил старший тренер чикагцев. По всем законам баскетбола в эти минуты «Джаз» должен был смять «Буллз» и уйти в солидный отрыв, но этого не произошло. На вторую четверть игры чикагцы вышли в таком составе: Кукоч, Билл Уэннингтон, Скотт Баррелл, Керр и Джуд Бюхлер. Далеко не стартовая пятерка клуба-чемпиона. Но тем не менее «Буллз» стойко держались. Запасные игроки цепко оборонялись, не позволяя «Юте» уйти в отрыв более чем на 12-14 очков, что было бы для чикагцев катастрофой. В нападении вся тяжесть легла на плечи Джордана. Он, стараясь экономить силы, меньше стал действовать в защите, не ввязывался в борьбу за подбор, но за первую половину встречи ухитрился набрать 23 очка. 9 из 19 бросков с игры ему удались (причем 3 из 6 из трехочковой зоны), а из 3 штрафных бросков он удачно выполнил 2. Тем не менее «Юта» после первой половины матча вела – 42:37. На счету Мэлоуна было 11 очков.

Потом Джордан скажет, что он на протяжении всего матча сохранял уверенность в победе, поскольку «Юта» так и не смогла воспользоваться возможностью в нужный момент раздавить

«Буллз», а разрыв в 2-4 очка в матчах такого накала ничего не значит. Ценнейшее качество Майкла Джордана, как считал наблюдавший за этим матчем Б. Дж. Армстронг, – это его уникальное чувство темпа игры и ее эмоционального содержания. Просматривая видеозапись того или иного матча, многие игроки и тренеры без труда определяют, когда команда теряет нить игры, но Джордан улавливал этот момент не задним числом, а в ту же секунду, сражаясь на площадке. Как говорил Армстронг, Майкл одновременно и играл, и наблюдал за игрой со стороны. Этот редкий дар «раздвоения личности» позволял ему диктовать ход матча, безошибочно угадывая уязвимые места в боевых порядках соперников.

И сейчас, наблюдая за действиями Джордана во второй половине матча, Армстронг чувствовал: Майкл инстинктивно понял, что «Юта» упустила свой шанс. Она могла бы воспользоваться пробелами в составе «Буллз», но не сумела этого сделать. Более того, «Джаз» почему-то предоставил Джордану относительную свободу действий. Обрадованный таким подарком, он уж своего шанса не упустил.

Во второй половине матча Пиппен вернулся на площадку и провел на ней 19 минут. Правда, толку от него было мало, разве что, когда «Буллз» атаковали, он отвлекал на себя внимание кого-либо из защитников «Юты». К четвертой четверти «Джаз» вел с незначительным преимуществом – 66:61. Не слишком результативный счет отражал тактику «Буллз». Они вели игру в замедленном темпе и не позволяли противнику оторваться – с тем чтобы в решающий момент нанести ему разящие удары. Когда до конца встречи оставалось пять минут, счет сравнялся – 71:71. Джордан явно устал, как, впрочем, и все остальные. После того как Майкл совершил один за другим четыре неточных броска в прыжке, Текс Уинтер не на шутку встревожился. «Смотрите, Майкл едва отрывается от пола – ноги отказывают», – сказал он Филу Джексону.

Через две минуты чикагцы взяли тайм-аут. Джексон сказал Джордану то, что он сам уже знал: «Не мудри, просто веди мяч к их кольцу». – «Знаю, – согласился Майкл. – Тем более у них прореха в центре, так что путь свободен».

Итак, снова вся надежда на Джордана. Но и «Юта» не дремлет. Мэлоун, получив прекрасный пас от Стоктона, бросает в прыжке с расстояния 20 футов, и счет становится 83:79 в пользу «Джаз». Однако Джордан, которого неправильно атаковали, делает два точных штрафных броска – 83:81. До конца встречи остается чуть больше 2 минут. Игра идет с переменным успехом. Майкл снова рвется к кольцу и снова зарабатывает фол. Оба его

штрафных броска удачны, и счет сравнивается – 83:83. Пошла последняя минута основного времени. «Буллз» последний раз берут тайм-аут. Джексон и Джордан обсуждают, какой бросок выберет Майкл. Джексон напоминает Джордану, что ноги его уже не слушаются и бросать в прыжке не стоит. «Не волнуйтесь, у меня появилось второе дыхание», – успокаивает тренера Майкл. «Внимательно следи за движением руки после броска», – напутствует его Джексон.

«Юта» нарочито медленно идет в атаку. Стоктон пасует Мэлоуну, к нему устремляются сразу двое чикагцев. Мэлоун великолепным пасом через всю площадку возвращает мяч Стоктону, и тот точно бросает в прыжке с расстояния 24 фута. За 41,9 секунды до конца встречи счет становится 86:83 в пользу «Юты». Болельщики «Джаз» наконец-то могут вздохнуть свободно. Поскольку уставшему Джордану броски в прыжке больше не удавались, Текс Уинтер во время тайм-аута предложил иной вариант: вся команда смещается влево, оставляя у правой боковой линии Майкла наедине с его опекуном Брайаном Расселом. Так и сделали. Джордан не торопясь начал атаку на своей половине площадки, но затем взвинтил темп, легко прошел к кольцу и мягко положил мяч в корзину – 86:85. «Юта» по-прежнему впереди, а играть еще 37 секунд.

Мяч – у «Юты». Она в некотором замешательстве: то ли бросать по кольцу, то ли использовать таранную мощь Мэлоуна – глядишь, пойдет на столкновение и заработает фол. Стоктон неторопливо пересекает центральную линию – время работает на «Юту» – и отправляет мяч Мэлоуну. Однако Джордан разгадал этот маневр. Еще до того как мяч дошел до Мэлоуна, Майкл уже знал, что собирается предпринять «Юта», кому будет передача и как Мэлоун поймает мяч. Решив этот мяч выкрасть, Джордан скользнул за спину Мэлоуна. Поразительно, что в столь ответственный момент Майкл действовал хладнокровно и рассудительно. Он до точности рассчитал свои движения, чтобы, не дай бог, не нарушить правила. «Карл не заметил, как я к нему подкрадываюсь», – сказал он после матча.

Когда Джордан выкрал мяч, до конца встречи оставалось 18,9 секунды. Майкл был рекордсмен НБА по части таких краж в сериях «плей-офф», но эта кража, наверное, была самой важной за всю его баскетбольную карьеру.

Джордан решил не просить тайм-аут. Какой смысл? «Юта», воспользовавшись передышкой, выстроит прочную оборону. Надо действовать незамедлительно. На трибунах наступила мертвая тишина. Позднее Джордан говорил, что тогда настал момент, которого он ждал и к которому был абсолютно готов. Не зря

Джексон давал своим игрокам уроки дзэн-буддизма, учил их в решающий момент игры предельно сконцентрироваться и быть готовым к нему заранее. Тогда ты будешь точно знать, что и как нужно делать, – словно бы ты уже через этот момент прошел. Наставления тренера не пропали даром – игроки «Буллз» никогда не впадали в панику и действовали рационально. Джексон для пущей убедительности приводил им в пример кошку, караулящую мышь. Кошка терпеливо сидит у ее норки и в любой момент готова к броску. Стоит мышке высунуться – она обречена.

Вспоминая эти последние секунды, Майкл говорил, что тянулись они невероятно медленно. Он видел все, что происходит на площадке: как выстраиваются оборонительные порядки «Юты», какие позиции занимают его партнеры, а главное – точно знал, что ему самому нужно делать. «Я ничуть не сомневался в себе, – скажет он позже, – и в итоге матча не сомневался».

«Юта» не рискнула приставить к Джордану двух опекунов. Стив Керр, вышедший на замену Харпера, расположился справа от Майкла, готовый ринуться к кольцу соперников, если Стоктон бросится наперерез Джордану. Кукоч занял позицию на левом краю. Родман крутился вокруг корзины «Юты». И так получилось, что Брайан Рассел остался один на один с Майклом Джорданом. Майкл потянул время, пока на табло не засветилась цифра «8 секунд». Затем, когда Рассел пошел на сближение с ним, он стал обходить его, делая вид, что устремляется к кольцу. Рассел «купился» и помчался за ним. Джордан резко затормозил и левой рукой легонько шлепнул Рассела по заднице, чтобы удостовериться, что его уловка сработала. Рассел проскочил мимо, а Майкл выпрямился, обрел равновесие и в высоком прыжке бросил по кольцу. Как он говорил после матча, бросок был нетрудным и прыжок ему удался. На сей раз он даже, вопреки своей привычке, не откидывался в прыжке назад, поскольку Рассел уже не мог ему помешать.

Этот момент остался запечатленным на фото, сделанном Фернандо Мединой для журнала телекорпорации ESPN. На цветном снимке отчетливо видно, как Рассел тщетно пытается обрести равновесие, в то время как Джордан завис в высоком прыжке, а мяч готов опуститься в корзину. На фото видны также часы, показывающие, что до конца встречи остается 6,6 секунды. Но что самое примечательное, так это удрученные лица болельщиков «Юты». Хотя мяч, брошенный Джорданом, еще не опустился в корзину, они знают, что Майкл не промахнулся и судьба матча решена. Некоторые болельщики даже простерли руки, как бы пытаясь помешать Джордану. Другие в горечи закрыли ладонями лица. А справа на фоне мрачной толпы сияет

восторженное лицо парнишки в майке чикагского клуба.

Итак, мяч опустился в корзину. Теоретически у «Юты» оставался один шанс, но Стоктон промахнулся, и «Буллз» выиграли со счетом 87:86. В какой уже раз Джордан привел свою команду к победе. Майкл набрал в этой встрече 45 очков, причем в последней четверти – 16, тогда как Мэлоун всего лишь 6. В дуэли с Карлом концовка матча была явно за Майклом. Во второй половине игры Джордан, несмотря на крайнюю усталость, набрал 22 очка, из них 10 – со штрафных бросков. Поскольку броски в прыжке ему не удавались, Майкл непрерывно рвался к кольцу. Соперники в борьбе с ним постоянно нарушали правила, и он зарабатывал штрафные. Так великий игрок написал последнюю главу в своей блестящей спортивной карьере.

Статистика не всегда отражает характер игры, но в данном случае она достаточно красноречива. Я имею в виду последние четверти финальных матчей. Статистика подтверждает правильность тактики, избранной для концовки встреч чикагскими тренерами, которые сделали ставку на высочайшее мастерство Джордана. Только в первом матче, когда Майкл еще не восстановил силы после встреч с «Индианой», Мэлоун в последней четверти его переиграл – 8:5. Третий матч был настоящим триумфом Джордана. В последней четверти, казалось, кроме него никого на площадке вообще не было. Мэлоун лучше всего показал себя в пятой встрече, которую выиграла «Юта», но в последней четверти он сыграл с Джорданом на равных – 8:8. А вот статистика последних четвертей второго, четвертого и шестого матчей – 13:1, 11:2 и 16:6 в пользу Майкла. Да, можно смело утверждать, что Джордан взвалил на свои плечи всю чикагскую команду.

После матча, решившего исход финальной серии, кто-то спросил Джерри Слоуна, что он может сказать об игре Майкла Джордана. «Он всем запомнится как величайший баскетболист всех времен», – не колеблясь, ответил тот.

Дик Эберсол наблюдал за последними минутами шестого финального матча, сидя в фургоне передвижной телестанции Эн-би-си. Когда игра началась, он сидел на трибуне стадиона вместе со своим приятелем Дэвидом Стерном, но потом разнервничался и решил переместиться в фургон – ближе к своим коллегам. Эберсол очень любил Майкла Джордана и старался, чтобы телерепортажи матчей с его участием раскрывали не только его спортивное мастерство, но и чисто человеческое обаяние. За игрой Майкла в финальной серии следили 8 или 9 миллионов телезрителей, прильнувших к экранам телевизоров. Высокий рейтинг этих передач не мог не радовать Эберсола. Джордан был

его кумиром, но Эберсол превыше всего на свете ставил бизнес, а потому невольно болел за «Юту». Ведь в случае ее победы состоялся бы и седьмой матч, который принес бы Эн-би-си и ее главной компании «Дженерал Электрик» дополнительные 10-12 миллионов долларов поступлений от рекламы. Да, неплохие доходы приносил Майкл телевидению, но, судя по всему, он решил обойтись без седьмого матча.

После того как бросок Джона Стоктона вывел «Юту» вперед с разницей в три очка, а играть оставалось 41,9 секунды, Эберсол задрожал от волнения: неужели седьмой матч все-таки состоится? Дик, как он сам признался позже, уже начал мысленно подсчитывать прибыль. «Послушайте, ребята, – обратился он к техникам, сидевшим в фургоне, – в среду мы опять сюда приедем и обрадуем менеджеров «Дженерал Электрик». Как-никак заработаем на рекламе лишних 10 или даже 12 миллионов долларов». Произнеся эту оптимистическую фразу, Эберсол снова обратил свой взор на экран. Но здесь его ждало разочарование – с мячом был Майкл Джордан, мчавшийся к кольцу «Юты». Перед ним находился лишь Брайан Рассел – препятствие для Майкла не слишком серьезное. Эберсол чутьем почувствовал, что Джордан сейчас забросит. И, хотя его бросок всего лишь сократил разрыв в счете до одного очка, а до конца игры оставалось совсем немного – 37 секунд, Эберсол понял, что судьба матча и всей серии решена – и не в пользу «Юты». Дик распрощался с планами на седьмую встречу, и, когда Джордан выкрал мяч у Мэлоуна и совершил победный бросок, он не слишком удивился.

Харвест Лерой Смит, тот самый парень, которого, в отличие от его дружка Майкла Джордана, взяли в баскетбольную сборную средней школы в Лейни, наблюдал за шестым матчем финальной серии, сидя перед телевизором у себя дома в Торрансе, в Калифорнии. За несколько часов до матча этот необычайно жизнерадостный молодой человек беседовал с автором этой книги и со смехом сказал ему: «Когда увидите Майкла, передайте ему, что он может смело выходить на игру против «Юты». В этой команде нет игрока, который способен остановить его». – «Есть лишь только один человек, наделенный этим талантом», – добавил Смит. «И кто же он?» – «Тот, кто сидит перед вами, – снова расхохотался Смит, – но это было лет двадцать назад». Лерой был уверен, что «Чикаго», вне зависимости от того, в какой форме будет находиться Пиппен, победит. Примерно за 10 дней до этого он поспорил с приятелем, который только что вернулся из Лас-Вегаса и находился под сильным впечатлением от игры «Юты». По его мнению, год пройдет под знаком этой команды. «Чушь, – сказал Смит, – Майкл Джордан этого не позволит».

Чикагцы, как считал Лерой, вполне могут нейтрализовать Мэлоуна, но ни один игрок «Юты» не справится с Майклом, особенно в последней четверти матча. Наблюдая за игрой, Смит вспоминал их юные годы. «Бывало, нас обыгрывали, и с большим перевесом, но во второй половине встречи игру на себя брал Майкл. Он хотел победить любой ценой, даже если матч был проходным». Естественно, Смит не удивился, наблюдая за чудесами Джордана на последних секундах шестого матча. «На этот раз Майкл уходит вправо, а затем ныряет влево, для броска, – сказал он. – Год назад он делал наоборот – уходил влево, а нырял вправо. Неудивительно, что Рассел попался на этот финт».

Тим Гровер находился во время шестого матча в Юте, наблюдая, как его знаменитый воспитанник невероятным усилием воли превозмогает усталость. Серия матчей против «Индианы» окончательно вымотала Джордана, ноги его не слушались, его коронные прыжки ему не удавались. К тому же почти не мог играть Пиппен, и Майклу приходилось выполнять двойную работу. Трудно поверить, но он с ней справлялся. Правда, во второй четверти матча на какой-то момент Джордан выпал из игры, не выдержав высокого темпа, но быстро совладал с собой. Третью и четвертую четверть он провел просто блестяще, хотя и утратил обычную для него прыгучесть.

Гровер, как никто другой, мог распознать, что Джордан действительно сильно устал, но на сей раз, он был уверен, что Майкл, несмотря ни на что, находится все же в отличной форме. Он легко уходил от Рассела, хотя тот его опекал очень плотно. И даже когда «Юта» вела в счете, Тим Гровер не сомневался в победе «Буллз». Ведь Майкл в решающие моменты всегда спасал свою команду. По мнению Гровера, даже игроки «Джаз» с тревогой ждали той минуты, когда Майкл взорвется и положит конец их надеждам на чемпионский титул.

Когда Джордан выкрал мяч у Мэлоуна, Гровер поразился, как он точно, до долей секунд, рассчитывает оставшееся до финального свистка время, оставляя его на один бросок и – на всякий случай, если промахнется – на борьбу за подбор. В момент последнего броска Джордана Гровер уже не сомневался, что мяч опустится точно в кольцо, настолько выверены были движения Майкла. Вот ради таких счастливых моментов и стоило целый год неистово тренироваться. И даже на «ватных» ногах Джордан оставался королем баскетбольной площадки.

Ученик Гровера Майкл преподал своему учителю урок, напомнив в очередной раз, что броски, решающие судьбу матчей, – плод ежедневных тренировок, а не игры случая.

Базз Питерсон, близкий друг Майкла со студенческих лет и

его сосед по комнате в университетском общежитии, смотрел шестой матч по телевидению у себя дома в Буне, в Северной Каролине. Его жена Джен, заметив, что Пиппен еле передвигается по площадке, сказала: «Сегодня чикагцы проиграют – «Юта» все время ведет в счете». Однако Питерсон, столько раз игравший рядом с Майклом, слишком хорошо его знал. Знал, в частности, что Джордан всегда сохраняет самообладание и уверенность в себе. Собственно говоря, ради таких решающих моментов, когда судьба матча висит на волоске, он и жил. Пока его команда проигрывает, но в нужную минуту Майкл подбодрит товарищей, заверив их, что победа будет за ними, а сам включит дополнительную скорость и в самой концовке встречи возьмет игру на себя.

«Думаю, ты ошибаешься, – опроверг Базз мрачный прогноз жены, – у Майкла всегда в запасе коронный бросок». В этот момент Джордан сократил разрыв в счете до одного очка. Питерсон понял, что сейчас начнется самое интересное.

Он даже мог уловить ход мыслей своего старого друга. Так, мяч у «Юты». Майкл пойдет сейчас на Мэлоуна. Может, отберет у него мяч, а может, заработает два штрафных броска. В студенческие годы он так часто делал, выполняя наставления своего тренера Дина Смита, который хотел видеть его в амплуа блуждающего защитника. Когда Базз увидел, что Майкл выкрал мяч у Мэлоуна и повел его к кольцу соперников, он понял, что игра окончена, – причем в пользу «Буллз».

Рой Уильямс, тренер, в свое время угадавший в Майкле будущую суперзвезду НБА, когда тот еще учился в средней школе, смотрел шестой матч по телевидению в раздевалке своего тренировочного лагеря в штате Канзас, где он занимался со школьниками. Уильямс лучше, чем кто-либо другой, понимал склад натуры Майкла, его неукротимую волю к победе. Проведя первый сезон в чикагском клубе, после которого его назвали лучшим в НБА новичком года, Джордан заехал по старой памяти в Чепел-Хилл повидаться с Уильямсом. Из всех тренеров у него именно с Роем были наиболее близкие отношения. Поскольку Майкл хотел поговорить наедине с Уильямсом, они вышли из переполненного тренерского офиса и уселись на открытой баскетбольной трибуне.

«Посоветуйте, над чем мне сейчас нужно работать», – сказал Джордан. «Но послушай, Майкл, – ответил Уильямс, – тебя только что объявили лучшим новичком года. Что тебе еще нужно?» – «Нет, ведь вы были всегда откровенны со мной. Что мне делать, чтобы играть еще лучше?»

Уильямс посоветовал своему бывшему ученику отрабатывать

бросок в прыжке. Если он хорошенько его отшлифует, тогда ему никто не сможет помешать поражать кольцо. Майкл послушался совета тренера.

Уильямс давно усвоил, что блестящая техника Майкла – плод его неустанной и тщательно продуманной работы. Мало кто из великих игроков был столь трудолюбив, как он. Вот почему в решающих встречах он всегда доминировал на площадке. Шестой матч финала не стал исключением. И то, что Джордан сделал в концовке встречи, Уильямса ничуть не удивило. Когда «Джаз» ринулся в последнюю атаку, Рой уже знал, как сейчас сыграет Джордан. Не обманувшись в своих предчувствиях, он радостно завопил на всю раздевалку, обращаясь к коллегам: «Смотрите! Смотрите же!» Как раз в этот момент Джордан выкрал у Мэлоуна мяч и повел его к корзине «Юты». Уильямс прокомментировал нерасторопные действия защитников «Джаз». Кому-то из них следовало броситься наперерез Майклу, чтобы подстраховать Рассела. Нельзя оставлять последний бросок за Майклом, подумал Рой, и нельзя позволять ему выходить один на один с защитником – слишком рискованно. Уильямсу в мельчайших деталях запомнился классически исполненный победный бросок Джордана. Особенно движение его руки вслед уже взлетевшему мячу. Этот элемент – постоянная забота всех баскетбольных тренеров, поскольку он требует от игрока предельной концентрации. Наблюдая за Майклом, застывшим в воздухе вопреки закону гравитации, Уильямс подумал даже, что Джордан мысленно указывает мячу точный путь в корзину. Но, как бы то ни было, он туда опустился.

В раздевалке, помимо тренеров, находились трое юных воспитанников Уильямса. Рой вспомнил, как 18 лет назад он сообщил знакомым, что только что лицезрел лучшего школьного баскетболиста Соединенных Штатов. А вспомнив это, подумал, что сейчас он тоже присутствует при знаменательном моменте. Повернувшись к своим ученикам, Уильямс сказал им, что такого зрелищного баскетбольного шоу, как победный бросок Майкла, он никогда еще в жизни не видел. И добавил: «Но это, боюсь, последнее шоу Джордана».

Чак Дейли в день шестого матча играл в гольф в Айлворте, известном гольф-клубе в Орландо. Там он случайно встретился с неким Джоном Митчеллом, давним партнером Майкла Джордана по этой игре. Они разговорились о предстоящем баскетбольном матче. Митчелл поделился с Дейли своими дурными предчувствиями. «Боюсь, чикагцам придется в Солт-Лейк-Сити несладко, – сказал он. – Ничего хорошего от этой встречи я не жду. В этом городе хозяев стадиона победить практически

невозможно».

«Да перестаньте, – успокоил собеседника Дейли. – Сейчас я вам все расскажу заранее. Игра пойдет очко в очко, а за 20 секунд до конца мяч окажется у Майкла. Он протащит его к кольцу «Юты», посмотрит на часы и за несколько секунд до свистка точно бросит в прыжке. «Буллз» выиграют, а о Майкле сложат новые легенды».

На следующий день после того, как Джордан в точности разыграл сценарий, набросанный Дейли, Митчелл позвонил Чаку. «Вы не ту избрали профессию, – сказал он. – Из вас получился бы отличный предсказатель».

Фрэнк Лейден, главный архитектор команды «Юта Джаз», был уверен, что сезон 1997/98 г. станет счастливым для его клуба. Его уверенность окрепла еще больше после того, как «Юта» разгромила «Лос-Анджелес Лейкерс». Что же касается «Буллз», то Лейден полагал, что «Юта» в этом сезоне сильнее чикагского клуба. Конечно, за него выступает, безусловно, лучший игрок НБА Майкл Джордан, и с этим нельзя не считаться, но в последнее время он несколько сдал. Совсем немного, но достаточно для того, чтобы «Джаз» победил. Но в третьей четверти шестого финального матча Лейден занервничал: «Юта» никак не могла уйти в солидный отрыв. А начинать последнюю четверть с минимальным перевесом против клуба, за который выступает сам Джордан, дело рискованное. В концовке встречи Фрэнк совсем пригорюнился. Сначала он испытал шок, когда Майкл прорвался к кольцу и спокойно положил мяч в корзину. Затем Лейдена ждало новое суровое испытание, Джордан прокрался за спину Мэлоуна и похитил вожделенный мяч. На взгляд Лейдена, Майкл пошел на риск, оставив неприкрытым своего подопечного Джеффа Хорначека. Отдай Мэлоун быстрый пас Джеффу – и победа была бы у «Юты» в кармане. Но все произошло так быстро, что никто, кроме самого Джордана, ничего не успел сообразить. Когда Майкл изготовился к последнему своему броску, Лейден заранее знал, чем все это кончится. Джордан из такого положения не промахивался, к тому же на сей раз его движения были отточены как никогда. Победный бросок Майкла, естественно, не принес радости Лейдену, но Фрэнк отчетливо запомнил, что в этот момент подумал: «Нас только что победил величайший атлет, которого я видел в жизни. Лучше его никого нет ни в баскетболе, ни в любом виде спорта».

Дин Смит, покинувший в конце 1997 г. тренерский пост в Чепел-Хилл, не испытывал особого интереса к профессиональному баскетболу, но матчи с участием команд, где играли или которые тренировали его бывшие воспитанники, он

все же смотрел. Серия матчей «Буллз» против «Индианы» привела Смита в восторг. Особенно седьмая встреча, где, по мнению старого тренера, Майкл провел одну из лучших игр за всю свою профессиональную карьеру. Смит поразился тому, как предельно уставший игрок находит в себе силы вести за собой команду и безупречно дирижировать в обороне. А наблюдая за шестой встречей «Буллз» с «Ютой», Смит безошибочно угадал, что сделает Майкл на последних секундах матча.

«Я точно знал, что он прокрадется за спину Мэлоуну», – говорил он впоследствии. Так что маневр Майкла его не удивил. Удивило его другое – растерянность игроков «Юты»: им следовало бы броситься навстречу Джордану вдвоем, а то и втроем. Да, сплоховали ребята! Но главное – Дин Смит бесконечно радовался за Майкла. Он прекрасно понимал, что ради таких редких моментов Джордан и живет на свете.

Тем летом Смит и Джордан встретились. Первое, что сказал старый тренер своему «звездному мальчику», было следующее: «Майкл, ты и сейчас играешь все лучше и лучше». Он имел в виду, что Джордан с каждым годом все глубже проникает в тайны баскетбола, а физическую форму почти не утрачивает.

Летом 1998 г. в Лас-Вегасе выпустили подарочную брошюру для Джордана. На левой полосе одного из ее разворотов поместили фото, запечатлевшее совсем юного, худосочного Майкла в момент его победного броска в матче против сборной университета Джорджтауна в 1982 г. Под фото – подпись: «Это кое-что да значило». На правой полосе фото, сделанное 16 лет спустя. Взрослый мускулистый атлет, Майкл забрасывает победный мяч во встрече с «Ютой». И подпись: «Он верен себе».

Минут через тридцать после решающего броска Джордана Фил Розенталь, спортивный обозреватель газеты «Чикаго Санди Таймс» разыскал Джерри Краузе. Из чикагских журналистов Розенталь, наверное, лучше всех умел ладить с менеджером «Буллз». Более того, загадка личности Краузе его по-настоящему интересовала. Фил никак не мог взять в толк, почему этот человек, даже действуя из самых хороших побуждений, приходит к тому, что начинает оскорблять окружающих.

В тот момент в чикагском «Дельта-Центре» творилось нечто невероятное. Все шумно праздновали победу земляков и кумиров. Краузе что-то непрерывно говорил. Поначалу его никто не слушал, но потом кто-то заинтересовался его тирадой и пустил ее по кругу. Когда содержание речи Краузе стало известно, люди, близкие к клубу, почувствовали неловкость за оратора. А говорил он вот что, без конца повторяя одно и то же: «Мы с Джерри Рейнсдорфом уже в шестой раз выиграли чемпионат НБА!» Да, в

этой фразе – весь Краузе, подумал Розенталь. По мнению Фила, Джерри, может, и заслуживал большего уважения, чем то, которым пользовался. Но беда его в том, что он требовал к себе большего уважения, чем действительно заслуживал.

Глава 32. Чикаго, июнь 1998 г.

По возвращении «Буллз» в Чикаго в «Грант-Парке» состоялись шумные массовые торжества в честь шестой победы клуба в чемпионате лиги. Потом в любимом ресторане Майкла Джордана прошел праздничный обед. Присутствовали на нем лишь игроки и тренеры, правда, с женами. Пришли почти все. Деннис Родман обед проигнорировал, но это никого особенно не удивило: как говорил Фил Джексон, в каждом индейском племени есть человек, идущий в обратную сторону. Вечер в ресторане прошел весело и шумно. Во-первых, шестой чемпионский титул – не шутка. Во-вторых, многие, возможно, собрались за общим столом в последний раз. Неизвестно, кого куда раскидает судьба уже в следующий сезон. В какой-то момент собравшиеся разделились на две группы, – мужчины образовали свою компанию, женщины – свою. Мужская вечеринка прошла эмоциональней, многие даже охрипли.

Произносились торжественные тосты. Фил Джексон предложил поднять бокалы за Рона Харпера, напомнив всем, сколь многое тот сделал для команды. Рон в прошлом был звездой нападения, но, добровольно отказавшись от этой яркой роли, стал трудягой-защитником. Когда Джордан вернулся из своей бейсбольной отлучки, места в стартовой пятерке для Харпера не оказалось, но он таки снова пробился в нее. У Рона, в отличие от многих других игроков, в будущем году контракт еще действовал, и он говорил за столом, что ему нечего беспокоиться – 5 миллионов долларов ему обеспечены. «Да, – заметил Скотт Баррелл, – тебе везет, – ты всегда можешь опереться на свою деревянную ногу» (он имел в виду сложные операции на ноге, перенесенные Харпером). Тут вскочил Стив Керр и предложил выпить за здоровье агента Харпера – этого проныры, который умудрился вытянуть из владельцев клуба столько денег на гонорары одноногого игрока.

Последний тост предоставили Скотти Пиппену. Все были уверены, что он окончательно расстается с клубом и это его последнее слово после последнего танца. Скотти встал и поднял бокал за Джордана. «Майкл, – сказал он, – без тебя бы ничего этого не произошло». Это был очень трогательный момент – великий игрок провозглашает здравицу в честь игрока, еще более великого, и одновременно это означает конец феноменального взлета чикагского клуба. Все встали и стали чокаться. Момент символизировал собой и уникальные достижения «Буллз» за последние восемь лет, и окончание блестящей карьеры многих

игроков этой чудо-команды.

Эпилог

За те 14 лет, что Майкл Джордан играл в НБА, ни один человек, за исключением немногих суперзвезд баскетбола, не извлек столько выгоды из финансового процветания лиги и из перехода власти из рук владельцев клубов в руки игроков, сколь удалось это Дэвиду Фальку. Начав свою карьеру со скромного агента, он к 1998 г. стал не только самым богатым среди его коллег, но и одним из двух или трех самых влиятельных лиц баскетбольного мира. Он обладал такой же властью, как сам Дэвид Стерн.

Юридические, экономические, технологические сдвиги, произошедшие в 80-х и 90-х гг., благотворно отразились на ежедневной жизни игроков, но еще большую пользу они принесли агентам. За свою долгую карьеру Фальк дважды расставался с партнерами. Сначала (еще до знакомства с Майклом Джорданом) он и Дональд Делл расстались с Фрэнком Крейгхиллом и Ли Фентрессом, а затем Фальк порвал и с Деллом. В 1998 г. он продал свою компанию более крупной фирме, специализирующейся на организации всевозможных зрелищ на спортивных аренах, которые служили привеском к состязаниям. Цена этой сделки составила 100 миллионов долларов, причем Фальк сохранил за собой право управлять своей долей общего капитала. В пресс-релизе, выпущенном по этому случаю, указывалось, что прежняя фирма Фалька представляла интересы игроков, попавших в первые раунды драфтов НБА, заключила контрактов на общую сумму в 400 миллионов долларов, причем среди ее заслуг – четыре из пяти самых дорогостоящих контрактов за всю историю спорта. В организаторских способностях и проницательном уме Фалька никто не сомневался, но людей, искренне преданных лиге и спорту в широком смысле этого слова, беспокоила одна проблема – ставит ли он во главу угла интересы баскетбола или нет. Некоторым казалось, что фантастически дорогостоящие контракты таят в себе опасность, поскольку могут отрицательно сказаться на стабильности составов отдельных клубов. Фальк, невзирая на кривотолки, продолжал упиваться своей властью и богатством. Он мог себе позволить не делать ответные звонки, если не считал их необходимыми. Мог при случае и повысить голос на владельцев клубов, которые во многом зависели от него. «Остерегайтесь Дэвида, особенно когда он начинает вам расписывать, как он вас уважает, – говорил владелец одного клуба. – А то расстанетесь со своим бумажником или ценным игроком. Когда Дэвид говорит, что он вас уважает, он подразумевает на самом деле, что вы по

сравнению с ним слабак».

Летом 1998 г., когда лига и профсоюз игроков готовились к большим сражениям по поводу изменения некоторых правил, предусмотренных в контрактах баскетболистов, а владельцы клубов готовились в свою очередь объявить несговорчивым игрокам локаут, некоторые клиенты Фалька, включая Патрика Юинга, Дикембе Мутомбо и Алонзо Морнинга, неожиданно (и вряд ли случайно) выбились в число руководителей своего профсоюза. Это не просто означало, что Фальк, сомкнувшись с профсоюзными деятелями, настроился на решительную борьбу с владельцами клубов, – другие агенты тоже были на стороне игроков, чьи интересы они представляли. Дело несколько в другом. Сам предмет дискуссий – а именно верхний предел гонораров игроков – затрагивал интересы лишь немногочисленной элиты баскетбола. Рядовых игроков он не касался. Многие полагали, что, если владельцы клубов прибегнут к локауту, это будет означать открытое противостояние Стерна и Фалька. Во всяком случае, когда осенью 1998 г. Фальк сообщил репортерам, что Майкл Джордан, возможно, отыграет в НБА еще один сезон, он тут же добавил: «Если, конечно, Дэвид Стерн не будет ему ставить палки в колеса». По мере того как локаут продолжался, становилось ясно, что Фальк – на стороне профсоюзов, хотя он и преследовал интересы лишь горстки самых высокооплачиваемых игроков. Влиятельный обозреватель газеты «Нью-Йорк Дейли Ньюс» Майк Лупика в своей на редкость саркастической колонке написал: «Возможно, в мире спорта есть лицемеры и похлеще Дэвида Фалька, но с ним по этой части все же трудно сравниться». Далее автор окрестил Фалька, увязшего в бесконечных переговорах, «Распутиным, покинувшим скамейку запасных и включившимся в игру». Надо сказать, это очень редкий случай, когда журналист встал на сторону владельцев спортивных клубов.

Что же касается Дэвида Стерна, то в конце лета 1998 г., когда трудовые споры внутри НБА обострились и локаут казался неизбежным, он заметно погрустнел, даже впал в меланхолию. Казалось, он оплакивает свои некогда ровные, поистине партнерские и чисто человеческие отношения с игроками. Стерн отпустил бороду и поклялся ее не сбривать до подписания нового трудового соглашения. Тем не менее он не бездействовал. Первоклассный знаток маркетинга, Стерн открыл новый гигантский магазин под эгидой НБА на фешенебельной нью-йоркской Пятой авеню. Там продавалось все – от спортивной формы до безделушек, на чем мог бы красоваться фирменный знак лиги. К тому же он открыл в нескольких городах США

фирменные рестораны «от НБА».

Стерн прекрасно сознавал, что его давние оппоненты не одобряют новейшие тенденции в развитии баскетбола. В упрек комиссару НБА ставились и щедрые подачки корпоративных спонсоров, и выгодные контракты с телевидением, и дорогостоящие новые спортивные арены с их роскошными ложами и оглушающими звуковыми эффектами, и отчуждение игроков от прессы, и даже победа «Дрим Тим» на барселонской Олимпиаде (победа, мол, дутая, поскольку соперники американцев были до неприличия слабее их). Специалисты, недовольные Стерном, считали, что он сам себе роет яму. Они полагали также, что, будучи главным имиджмейкером НБА, он поставил во главу угла не спорт, а маркетинг. И печальней всего тот факт, что высокооплачиваемые игроки поднялись на олимп, недоступный простым смертным, и таким образом вышли из-под контроля со стороны общественности. Спортсмены, получающие несусветные гонорары, потеряли всякое чувство реальности.

В узком кругу друзей Стерн не раз шутил, что его можно было бы вполне привлечь к суду за сокрытие недостатков в деятельности НБА и искусственное раздувание качественного уровня игр в лиге. А прежде всего за то, что он утаил от общественности тот факт, что нынешнее поколение игроков неимоверно корыстолюбиво. Он с ностальгической грустью любил вспоминать то время, когда был в лиге рядовым функционером и работал с предыдущими поколениями игроков и профсоюзных деятелей. Те люди были настоящими его партнерами, их объединяли общие цели. В трудные времена партнерам легче найти общий язык, чем в эпоху процветания. Как говорил Стерн некоторым своим помощникам, сейчас его беспокоит тот факт, что у игроков и агентов слишком короткая память. Почему никто из них не вспоминает, что лишь недавно телекомпании предпочитали не ставить в прайм-тайм репортажи даже о матчах серии «плей-офф».

Но более всего огорчало Стерна его положение: фактически он просто исполнял волю владельцев богатых клубов. А в глубине души он искренне любил и баскетбол как таковой, и игроков. Стерн верил, что спорт несет в себе нравственное здоровье, а залог этого – уважение публики к игрокам, та эмоциональная поддержка, которую она оказывает своим кумирам. Как писал Боб Райан, «в критический период истории НБА, когда она только-только начала успешное восхождение и вырабатывала трудовое соглашение с профсоюзом, я легко мог представить себе, что Дэвид Стерн и руководитель профсоюза Ларри Флейшер без ущерба для пользы дела вполне могли бы поменяться местами.

Ларри занял бы пост комиссара лиги, а Дэвид стал бы профсоюзным боссом. Ничего от этого не изменилось бы. Оба они в одинаковой степени преданы баскетболу и преследуют одни и те же цели».

Сейчас слова Боба Райана сочли бы не соответствующими истине. Эпоха процветания в корне изменила жизнь НБА. Растущие доходы и гонорары перечеркнули всяческие партнерские связи. Когда Стерн в 1978 г. пришел работать в лигу мелким служащим, совокупный годовой доход всех игроков НБА равнялся примерно 40 миллионам долларов. С тех пор прошло всего 20 лет, и уже годовой доход одного лишь Майкла Джордана приблизился к этой сумме, а совокупный годовой доход всех игроков чикагского клуба превысил ее вдвое. Если же говорить об НБА в целом, то ее игроки все вместе зарабатывали теперь около миллиарда в год. Впрочем, нынешнее поколение баскетболистов и их агентов не слишком интересуется сравнительно недавним прошлым лиги. Рассказы о нем кажутся ему байками, повествующими о другой геологической эпохе. И немало иронии заключается в том факте, что локаут в определенной степени был спровоцирован чрезвычайно дорогостоящим контрактом, выбитым для Кевина Гарнетта его агентом Эриком Флейшером – сыном покойного Ларри Флейшера, первого руководителя профсоюза игроков – человека, которого тогдашние владельцы клубов ненавидели, а нынешние почитают за образец приличия и честности.

Проходившие осенью 1998 г. переговоры между, с одной стороны, руководством лиги и владельцами клубов, а с другой – игроками, тянулись долго. Это был необычный трудовой спор миллиардеров с миллионерами. Тони Корнхайзер из газеты «Вашингтон Пост» назвал дискуссию несколько по-другому – спором высоченных миллионеров с миллионерами-коротышками. А Сэм Смит из «Чикаго Трибьюн» написал, что ему этот конфликт напоминает столкновение двух лимузинов. «С заднего сиденья одного лимузина выбирается парень и жалуется, что из-за резкого удара он пролил бокал коллекционного вина. Тут вылезает парень из другого лимузина и плачется, что поцарапал золотой «Ролекс».

К 1998 г. средний годовой доход игрока НБА составлял 2,5 миллиона долларов. Дэвид Стерн зарабатывал в год 7 миллионов, что раздражало и игроков, и их агентов. А Патрик Юинг, ставший во главе профсоюза, в том году заработал 18,5 миллиона. Это была часть общей суммы его четырехлетнего контракта. Естественно, владельцы клубов были недовольны. Вообще же предмет спора был не столько нынешние доходы игроков, сколько

будущие. Установят ли когда-нибудь потолок для суммы контракта? Можно ли выработать схему вознаграждений самых ценных и верных своим клубам игроков, не нарушая при этом стабильность лиги? Как будут соблюдаться интересы рядовых игроков? Ведь баскетбольная элита не столь уж многочисленна.

Говоря по правде, в этом конфликте игроки, даже самые богатые, были обречены на поражение. Дело в том, что к тому времени в глазах общественного мнения они уже отнюдь не выглядели рабами своих хозяев. Владельцы клубов никогда не пользовались популярностью среди любителей спорта. Поэтому им нечего было терять. Другое дело – игроки. Они растеряли контакты со зрителями и даже с журналистами и замкнулись в своем мирке. Майкл Джордан, с его невероятной популярностью, – одно из редких исключений. Немудрено, что даже те, кто привыкли в трудовых спорах становиться на сторону наемного работника, к судьбе баскетболистов НБА оставались равнодушны.

Владельцы клубов, в частности, намеревались урезать сумму чрезвычайно дорогостоящего контракта Ларри Бёрда, чтобы таким образом сдержать бешеную гонку расценок в лиге в разумных рамках. При этом они заявляли, что вовсе не собираются вернуться в прежние времена, снизить гонорары или ограничить свободу игроков при переходе в другие клубы. Более того, они заговорили об ограничении своих собственных доходов. Владельцы предложили, чтобы общая сумма выплат всем игрокам НБА на ближайшие 4 года составляла 1,2 миллиарда. При этом предусматривался бы ежегодный 5-процентный рост доходов каждого баскетболиста. По прежнему соглашению относительно распределения доходов НБА игрокам доставались 52 процента доходов, которые получала лига. Но поскольку их заработки слишком быстро росли, примерно на 15 или 16 процентов в год, руководство НБА утверждало, что фактически игрокам достаются не 52 процента, а 57. А в будущем этот процент возрастет. Как сказал Кевин Макхейл, после того как ему удалось выбить чрезвычайно выгодный контракт для Кевина Гарнетта: «Мы поймали гусыню, несущую золотые яйца, но, кажется, слишком сильно сдавили ей шею».

Что касается высоких заработков Майкла Джордана, то многие игроки не понимали, что здесь особый случай. Во-первых, Майкл благодаря своему уникальному таланту преобразил лигу, в том числе и ее экономическую жизнь. Во-вторых, большие деньги он стал получать далеко не на заре своей профессиональной карьеры. Новое же поколение игроков хотело, чтобы манна небесная посыпалась на них немедленно. В этом смысле показателен пример Джерри Стэкхауза (впрочем, он

далеко не одинок). Стэкхауз – питомец «Каролины», хотя по программе Дина Смита он успел потренироваться всего лишь два года. Поначалу всем казалось, что из Джерри вырастет игрок экстра-класса. Его кинжальные рейды к щиту соперников было очень трудно остановить, Джерри обладал и физической мощью, и отменной скоростью. Придя в НБА, он тут же заключил выгодный контракт с одной фирмой на рекламу ее спортивной обуви и вообще быстро сориентировался в источниках жизненных благ, в которых привыкли купаться нынешние спортивные звезды. Но как игрок он еще далеко не сформировался и за свои первые три сезона почти не прогрессировал. Защитники легко предугадывали его броски и часто их перехватывали. Были у него и другие изъяны. В итоге после третьего сезона его продали в другой клуб – «Детройт». Судя по рассказам очевидцев, на новом месте он затребовал контракт на сумму, по меньшей мере, 10 миллионов в год.

Если Майкл Джордан получает в год 30 миллионов, самонадеянно рассуждал Джерри, то я, допустим, слабей его как игрок в три раза. Значит, мне по справедливости полагается 10 миллионов. Такова нынешняя молодежь.

Расцвет НБА принес целые состояния и владельцам клубов, и игрокам. Лига обрела широкую популярность и заметно расширилась. В эту эпоху и появился великий игрок, который один олицетворял собой баскетбол в высших его проявлениях. Теперь же все заинтересованные лица гадали, что будет с НБА после ухода Джордана. Без него мир, созданный им, возможно, из реальности превратится в иллюзию.

Ни одна компания не принесла столько доходов Майклу Джордану, как «Найк», и ни одна другая фирма так не обогатилась сама за счет его огромной популярности. На рекламе товаров от «Найк» Джордан заработал к 1998 г. около 130 миллионов долларов. Это значит, что только от одной фирмы он получал за время своей карьеры в среднем (с вычетом его бейсбольных каникул) по 10 миллионов в год. Но Майкл не оставался в долгу – он не только принес «Найк» многомиллиардные прибыли, но и помог корпорации одержать на мировом товарном рынке ряд важных побед над ее заклятым врагом – «Рибок». Когда «Найк» впервые подписал контракт с Джорданом, он плелся в хвосте «Рибок». Майкл сразу же положение исправил. Лишь за первый год своей работы новая поточная линия, выпускавшая кроссовки «Эйр Джордан», принесла корпорации неслыханный доход – 130 миллионов долларов. В 1986 г. из-за ряда серьезных просчетов, допущенных руководством фирмы, доля «Рибок» на внутреннем рынке

спортивной обуви была выше, чем у «Найк», – 31,3 процента против 20,7.

Но уже спустя четыре года (и в немалой степени благодаря Джордану) «Найк» вырвался вперед.

Учитывая опыт конкурентов, «Рибок» решил не отставать и привлек к рекламе своих товаров Шакила О'Нила, но особых успехов не добился. Не каждый спортсмен, каким бы талантом или человеческим обаянием он ни обладал, мог сравниться с Джорданом – что на спортивной площадке, что на экране.

Разумеется, нельзя утверждать, что своими успехами «Найк» обязан лишь Майклу, но вдумаемся все же в цифры. Если в 1984 г. годовой доход корпорации составлял 919 миллионов долларов, а чистая прибыль – около 40 миллионов, то в 1997 г. соответствующие цифры были таковы – 9 миллиардов и 800 миллионов.

Майкл Джордан никогда не был в близких отношениях с Филом Найтом, самым эксцентричным и самым непредсказуемым из американских администраторов высшего ранга. Найт, безусловно, был человек дальновидный, прекрасный стратег, но в общении с людьми он чувствовал себя скованно, да и Джордану с ним было немного не по себе. Беседовали они лишь накоротке. В какой-то момент Майкл чуть было не расстался с «Найк», решив стать полноправным партнером в новой компании, выпускающей спортивную обувь. Ее основали Роб Страссер и Питер Мур, работавшие раньше в «Найк», а с этими людьми Джордан всегда легко находил общий язык. Конечно, о своем решении он обязан был поставить в известность Найта. Беседа получилась не из приятных. Майкл заставил Найта прождать его несколько часов и на встречу явился не в духе. А испортили Джордану настроение Страссер и Мур, предложившие ему незначительную долю «пирога», к созданию которого он тоже приложил руки. Однако постепенно Майкл успокоился и трезво все взвесил. В конце концов, спортсмен в любую минуту может получить серьезную травму – и прости прощай спортивная карьера. А новая фирма Страссера и Мура – форпост ненадежный. Найт может прийти в ярость и с его безграничными возможностями уничтожит перебежчиков, включая Майкла, разорив их дотла. Нет уж, лучше оставаться на насиженном месте. В итоге переговоров с Найтом стороны договорились, что доля Джордана в доходах корпорации будет значительно увеличена. В результате к началу 90-х гг. он, не делая из этого шума, получал от «Найк» около 20 миллионов долларов в год.

Руководители «Найк» довольно быстро поняли, что их плодотворное сотрудничество со знаменитым спортсменом не

означает, что, если бы Майклу нашли замену, рекламные кампании шли столь же успешно. В качестве эксперимента они попробовали в тех же целях использовать имидж другого широко известного баскетболиста – Чарльза Баркли. Рекламщики постарались, ролики получились остроумные, далеко не дубовые, и в них был даже шарм. Впрочем, немалую роль здесь сыграла личность самого Баркли. Парень он был умный, с хорошим чувством юмора и действительно обладал шармом, хотя и отличался скандальным поведением. Впрочем, он больше строил из себя скандалиста, чем был таковым на самом деле. Дэнни Эйндж, одно время бывший одноклубником Баркли, признался, что в жизни ему приходилось сталкиваться с множеством отвратительных типов, строивших из себя ангелов, а вот единственный парень, душа которого по-настоящему чиста, но который прикидывается хулиганом, – это Чарльз.

В общем Баркли относительно неплохо выполнил свою миссию, но в большинстве случаев выбор знаковой фигуры оказывался неудачным. Так произошло, в частности, с Дейоном Сандерсом, футболистом и одновременно бейсболистом, из которого хотели сделать символ определенной субкультуры. Сандерс был талантливым спортсменом, но на роль культурологической иконы явно не тянул. К тому же круг его почитателей был сравнительно узок. То, что посчитали за его харизму, на деле оказалось просто различными эксцентрическими выходками, на которые так щедры нынешние знаменитости.

Проблема, с которой «Найк» столкнулся на ниве пиара, частично заключалась в том, что рекламные ролики невольно отражали культурные пристрастия руководителей корпорации, а они не всегда совпадали со вкусами массового потребителя. Взять того же Фила Найта. Он начинал свое дело у себя дома. Его пожилой тренер по легкой атлетике сконструировал какие-то немыслимые кроссовки, и Фил стал разъезжать по стадионам, где проводились легкоатлетические соревнования, торгуя этими кроссовками прямо из машины. Прошло много лет, но он по-прежнему видел себя мальчишкой, пытающимся быть на равных со взрослыми. Отсюда нелепость, дурашливость многих рекламных роликов, прославляющих продукцию «Найк». Вот, например, один из них. Дейон Сандерс выливает ведро ледяной воды на ни о чем не подозревающего бейсбольного комментатора Тима Маккарвера. За что? А за то, что Тим не понял, какому же виду спорта отдает предпочтение Сандерс, разрывающийся между футбольными и бейсбольными матчами, да еще когда в бейсбольном чемпионате идет серия «плей-офф». («Найк»,

разумеется, оплачивал ему бесконечные перелеты из города в город.) Так вот, никто из руководителей корпорации в этом ролике безвкусицы не увидел. На «Найк», мол, должны работать такие ребята, как этот лихой Сандерс, – и все тут.

Но к концу 90-х гг. «Найк» уже не был маленьким мальчиком, он вымахал в здоровенного мужика. Его фирменный знак (логотип) можно было видеть повсюду. «Найк» теперь уже не являлся просто транснациональной корпорацией, а скорее напоминал гигантского осьминога, чьи щупальца мертвой хваткой держат весь спортивный мир. От его символики рябило в глазах, а его финансовое могущество и, в частности, те огромные суммы, которые корпорация выплачивала тренерам университетских команд, чтобы те одевали своих питомцев исключительно в спортивную форму от «Найк», вызывали раздражение у приверженцев старых традиций. Поскольку «Найк» был у всех на виду, он стал идеальной мишенью для критики. Его обвиняли в эксплуатации рабочей силы в бедных странах третьего мира, где людям платили гроши, не соблюдалась элементарная техника безопасности и широко использовался детский труд. На дочерних предприятиях «Найк» во Вьетнаме рабочим платили меньше двух долларов в день. Критика в адрес компании в целом невольно задевала и Майкла Джордана – рекламное лицо корпорации.

Вся эта шумиха ставила Джордана в затруднительное положение. Он не думал, не гадал, что легкие деньги, заработанные на рекламе, имеют обратную сторону и что пикетчики будут его осуждать за то, что его именем прикрываются кровопийцы, эксплуатирующие детский труд в богом забытых странах. В скором времени вышли в свет комиксы с карикатурами, высмеивающими и Джордана, и руководство «Найк». А весной 1998 г. стали распространяться упорные слухи о том, что летом Майкл посетит предприятия «Найк» во Вьетнаме и его будет сопровождать специально натасканная группа журналистов, в том числе и телевизионщиков, которые подадут этот визит в нужном для «Найк» свете. Однако прошло лето, наступила осень, и выяснилось, что поездка отложена на неопределенное время.

Однако еще в большем замешательстве, чем Джордан, находился сам Фил Найт. Азия влекла его с юных лет. Он давно учуял громадный потенциал этого региона – и не просто как рынка сбыта, а как соперника, который со временем бросит вызов экономической гегемонии стран Запада. Найт уже видел себя первопроходцем, вступившим в новый, неизведанный мир, где Западная Европа сильно сдала свои позиции, а государства Азии

и, в частности, Тихоокеанского региона набирают невиданную мощь. И вот здесь он окажется провидцем, опередившим всех, в том числе и самых крупных акул американского бизнеса. Строя обширные планы, Найт нередко ошибался в повседневной практике. Так, он искренне верил, что предприятия, созданные «Найк» в Азии, приносят местному населению лишь пользу. В свое время он необдуманно согласился дать интервью кинорежиссеру-документалисту Майклу Муру, отличавшемуся крайней непочтительностью к сильным мира сего, и тот поймал его в ловушку. Мур поинтересовался у Найта, почему он открывает новые предприятия в азиатских деревнях, вместо того чтобы позаботиться о трудоустройстве соотечественников. Почему бы не открыть фабрику, например, в городке Флинт, штат Мичиган, где промышленность совершенно захирела? Найт не нашелся, что ответить. Однако в мае 1998 г. он решил как-то поправить ситуацию, объявив, что на заморских предприятиях «Найк» произойдут серьезные перемены к лучшему. Будут строго соблюдаться принятые в США нормы техники безопасности и охраны здоровья персонала, а при наборе новой рабочей силы возрастная планка поднимется с 16 лет до 18. Насчет повышения расценок Найт умолчал, чем вызвал новую волну критики в свой адрес.

Когда в июне 1998 г. Майкл Джордан в своем коронном прыжке забросил победный мяч в корзину «Юты», люди из ближайшего его окружения – такие, как Рой Уильямс, – решили, что это финальный акт его блестящей карьеры. По мнению многих, занавес рано или поздно все равно должен был бы упасть, а тут момент – самый подходящий, поскольку по-театральному эффектный. Однако Майкл ничуть не сдал в игре и нисколько не потерял вкус к ней. Без баскетбола он ощущал почти физический голод. Но вот из клуба ушел Фил Джексон, а Майкл неоднократно клялся в том, что под началом никакого другого тренера он играть не станет (впрочем, были признаки того, что Джордан может нарушить свою клятву). Хуже другое – явно решился уйти из клуба Скотти Пиппен. Он так и не помирился с администрацией «Буллз» и готов был податься куда глаза глядят. В отсутствие Скотти, во многом двойника Майкла, тот оставался бы беззащитным перед чрезмерно агрессивными соперниками, да и вообще выглядел бы на площадке как одинокая стареющая звезда.

Все коренным образом изменил локаут. Мало того что переход игроков из клуба в клуб был строго ограничен – им вообще запретили всяческие переговоры с менеджерами. Наступил декабрь 1998 г., а никто еще не знал, когда начнется

сезон и начнется ли он вообще. Пиппен, вынужденный оставаться в «Буллз», кипел от ярости. Стоило наконец-то появиться шансу на более высокий гонорар, как на тебе – неожиданное новое препятствие.

Среди людей, близких к Джордану, были и оптимисты. Они считали, что, если сезон откроется, он будет укороченным и Майкл, несмотря на свой возраст, захочет отыграть и его. А поскольку костяк команды из-за «военного положения» сохранится, «Буллз» вполне могут выйти в серию «плей-офф», а там несгибаемый Майкл снова уверенно поведет своих товарищей к еще одному чемпионскому титулу.

Итак, в декабре было еще не ясно, будет ли Джордан снова играть или нет, но принципиальной важности этот вопрос не имел. Майкл отыграл в НБА достаточно много сезонов, чтобы навсегда войти в историю американского спорта. Его роль в ней особая. Джордана нельзя назвать исторической фигурой в прямом смысле этого слова. Поэтому его нельзя ставить в один ряд с Джеком Джонсоном, Полем Робсоном, Джеки Робинсоном, Мохаммедом Али или Артуром Эшем – людьми, прожившими трудную жизнь и боровшимися с расовыми предрассудками. Они вошли в историю не только как спортсмены, но и как борцы за равноправие афро-американцев. В этом смысле Джордан не был первопроходцем, в отличие, скажем, от Эша, и никогда не помышлял, в отличие, допустим, от Али, переключиться со спортивной борьбы на политическую. Ему в определенном смысле повезло. Поступление в университет, приход в НБА, а заодно и в большой бизнес – все у него шло как по маслу. Никто ему не чинил препятствий на расовой почве. Его карьера отражает не только перемены в американском спорте, где все большую роль стали играть темнокожие атлеты. Успехи Джордана в сфере рекламы говорят о том, что корпоративная Америка наконец-то вынуждена была признать (возможно, и против своей воли), что одаренные и обаятельные темнокожие спортсмены могут успешно рекламировать различные товары, причем не дешевый ширпотреб. Конечно, и Джордану на первых порах пришлось столкнуться с расовыми предрассудками. Когда в начале его спортивной карьеры Дэвид Фальк пытался связать его с представителями нескольких крупных корпораций, руководитель одной из них посчитал, что Майкл идеально подойдет для рекламы блюда из замороженных продуктов под названием «Бини-Вини». Этот дешевый товар – сосиски с горошком – в основном раскупали темнокожие бедняки американского Юга. Фальк и Джордан ответили на такое предложение вежливым отказом, и в том же году заработала поточная линия,

выпускавшая кроссовки «Эйр Джордан», да с таким успехом, что побила все рекорды. В области рекламы Майкл снес все расовые барьеры и стал рекордсменом по этой части. Ни один американец, чье лицо постоянно появляется на рекламных плакатах или в рекламных роликах, вне зависимости от цвета кожи, не мог сравниться с Джорданом по популярности, а значит, и умению «всучить» товар. Что в США, что в других странах. Летом 1998 г. журнал «Форчун» опубликовал материал, где подробно анализировалась коммерческая деятельность Майкла. Согласно подсчетам журнала, Джордан внес солидный вклад в 10-миллиардный доход различных корпораций, а также НБА.

Итак, не будем причислять Майкла Джордана к пантеону спортсменов, ставших историческими фигурами, таких как Али или Робинсон, чьи заслуги в борьбе против расовой дискриминации не меньше заслуг спортивных. Лучше представим себя на месте рядового баскетбольного болельщика и подумаем, сколько радостей принес ему Джордан, чудо-игрок, живая комета. Вспомним снова и снова этого самого харизматического спортсмена, игравшего с неподражаемым блеском, балетной грацией, и в то же время отважного воина, прирожденного победителя.

В Майкле на редкость пропорционально сочетались качества великого игрока. И, помимо прочего, казалось, что какой-то генетик ввел в его ДНК волшебный раствор, придавший ему неукротимый спортивный азарт. Наверное, не было в последнее время спортсмена, который так, как Джордан, не умел мириться с поражениями.

Майкла можно считать не только спортсменом, но и экспериментатором. В том смысле, что он раздвинул рамки обычных человеческих возможностей, доказал на собственном примере, что человек может в решающий момент превзойти себя, найти в себе физические и духовные силы, о которых он даже и не подозревал. Для миллионов простых людей, следивших, затаив дыхание, за матчами с участием Джордана, его игра была настоящим подарком.

Автор выражает признательность…

Я искренне благодарен репортерам, с которыми мне довелось работать последние годы, особенно моим чикагским коллегам: Терри Армуру, Лейси Бэнксу, Джону Джексону, Кенту Макдиллу и Скипу Мысленски. Я благодарю также за помощь спортивных обозревателей Сэма Смита, Рона Раппопорта, Рика Телэндера. Неоценимые услуги и дружескую поддержку оказали мне Марк Хейслер из «Лос-Анджелес Таймс», звездная команда «Бостон Глоб» в составе: Боб Райан, Дэн Шонесси и Питер Мэй, а также

Майк Уилбон из «Вашингтон Пост». Нельзя не упомянуть умницу Стива Джонса, моего чудесного и забавного коллегу. Мы стали приятелями, еще когда я писал свою первую книгу о баскетболе, а наше сотрудничество на протяжении последнего сезона еще более укрепило нашу дружбу.

Особо я хотел бы выделить Боба Райана, с которым нас связывает почти двадцатилетняя дружба. Мы познакомились, когда я только начинал писать о баскетболе. Я, в ту пору верный почитатель таланта этого мэтра, был бесконечно благодарен ему за то, что он терпеливо водил меня по закоулкам мира спорта. Боб – поистине неисчерпаемый кладезь информации, Он помнит в подробностях чуть ли не каждый увиденный им матч чемпионатов НБА. Спроси его: «А что происходило в шестом матче финала такого-то года на последних двух минутах?» Он ответит: «Так-так, дай подумать. Ага, Ларри Бёрд получил пас в центре площадки. У него был поврежден палец левой руки, так что «Лейкерс» отжимали его на свой правый фланг, чтобы у него бросок не получился. Но Ларри был не дурак и…» Но Райан не только баскетбольный энциклопедист. Самое главное – этот вид спорта был в его глазах религией, которую он неустанно проповедовал. Он безошибочно оценивал, где истина, а где мишура, и мы, младшее поколение, надеюсь, кое-что унаследовали от него.

Ред Смит, освещавший Олимпиаду 1956 г. в Мельбурне, писал, что на ней были представлены две великие послевоенные державы – Япония и журнал «Спортс Иллюстрейтед». Сегодня мы в той же мере можем оценить заслуги телевизионного канала ISPN. Его сотрудники – настоящие репортеры, не пропускающие ни одного интересного события, происходящего в спортивном мире. Говоря о них, я хотел бы упомянуть Брайана Баруэлла и Дэвида Олдриджа, оказавших мне неоценимую помощь. Что же касается журнала «Спортс Иллюстрейтед», то из его авторов, освещающих жизнь НБА, я хотел бы выразить особую признательность Джеку Маккэлламу, Фрэнку Дефорду, Рику Рейли, Карри Киркпатрику, Филу Тейлору и Александру Вульфу. Дефорд, хочу добавить, в своих статьях демонстрирует столь высокий профессиональный уровень, что поневоле заставляет коллег равняться на него.

Мы, работающие сегодня, должны быть благодарны тем, кто работал вчера. И я хочу выразить признательность людям, во многом облегчившим мою задачу. Перечислю книги, из которых я почерпнул столько полезного. Это «Правила Джордана» и «Второе пришествие» Сэма Смита, «Майкл Джордан» Митчелла Крюгеля, «Год Быка» Рика Телэндера, «Переходная игра» Мелиссы

Исааксон, «Передышка» и «Подбор» Боба Грина и «Кровь на рогах» Роланда Лэзенби. Добавлю, что Лэзенби – автор и других книг, чрезвычайно интересных для всех любителей баскетбола: «Познакомьтесь с «Чикаго Буллз», «Лейкерс» и «Финалы НБА: 50-летний юбилей».

Большую ценность для меня представили две книги Фила Джексона – «Скиталец», написанная в соавторстве с Чарли Розеном, и «Священные кольца». Еще две книги позволили мне многое узнать о студенческих годах Майкла Джордана и о клубе «Каролина». Одна из них – «Список Дина Смита» Арта Чански, другая – «Дорога к безумию» Джона Фейнштейна. «Неавторизованная биография Денниса Родмана» Дэна Бикли и бестселлер, написанный самим Родманом «Я всегда хотел быть плохим парнем», помогли мне понять сущность этого весьма неординарного молодого человека. Во взаимоотношениях Джордана с корпорацией «Найк» я вряд ли бы разобрался, если бы не прочел книгу «Просто сделай это» Дональда Каца.

Отрывки из моего труда, посвященные клубу «Бостон Селтикс», во многом основаны на фактах, изложенных в книгах «Последнее знамя» Питера Мэя, «Вечно молодые» Дэна Шонесси и «Драйв», написанной Бобом Райаном совместно с Ларри Бёрдом. Исайя Томас и Матт До-бек, авторы «Плохих парней», поведали мне тайны клуба «Детройт Пистонс». А о том, как шли дела у «Лос-Анджелес Лейкерс», я во многом узнал из книг «Время начинать шоу» Пэта Райли, «Несколько жизней Пэта Райли» Марка Хейслера и автобиографии Мэджика Джонсона «Моя жизнь». Что же касается страниц, отведенных Спайку Ли, то я взял за основу его книгу «Лучшее место на трибунах».

Наконец, сошлюсь на книгу Артура Эша «Трудная дорога к славе: история афро-американского спортсмена». Этот солидный трехтомник – незаменимый источник информации для любого автора, пытающегося разобраться в расовых проблемах американского спорта.

Я в неоплатном долгу перед многими. В клубе «Чикаго Буллз» это Тим Хэллэм, Том Смитбург и Дэрилл Арата, оказавшие мне неоценимую помощь. На их долю выпала нелегкая задача. Ведь они официальные представители клуба, раздираемого внутренними разногласиями и интригами, и откровенно беседовать с журналистом для них все равно что ходить по минному полю. Признаться, я редко встречал таких профессионалов, знатоков своего дела, как эти трое. А лучшего пресс-секретаря, чем Тим Хэллэм, вообще в жизни не видел.

Я также благодарен сотрудникам офиса Дэвида Стерна – Линде Този, Мари Зайлер, Каролине Блиц, Рассу Гранику, Зельде

Спелстре и Эрину О'Брайану. Не менее любезны были со мной охотно помогавшие мне Мэри Эллен Нуньес, сотрудница Дэвида Фалька, и помощница Джимми Секстона Эми Уилсон. Значительно облегчили мои труды Грейс Галло и Крис Лапласа, работающие в офисе Джона Уолша в кабельной телесети спортивно-развлекательных программ. В университете Чепел-Хилл я вряд ли бы обошелся без помощи Стива Киршнера, руководителя отдела спортивной информации. То же самое должен сказать и о Майке Крэгге из университета Дюка.

Когда я приступил к предварительной работе над этой книгой, значительную часть материала для нее собрали мои давние друзья – Элизабет Арлин и Ник Долин, а когда книга была уже написана, Брайан Фарнхэм с редкой в наше время дотошностью выверил все факты, вплоть до мелочей. Впрочем, еще до него по моей рукописи прошелся Билл Вурвульяс из журнала «Нью-Йоркер» и – огромное ему спасибо – обнаружил у меня немало фактических ошибок.

В общем, помогали мне многие, и каждый по-своему. Например, мой друг Брюс Шницер буквально силком вытащил меня на седьмой матч финала Восточной конференции, а сопротивлялся я потому, что в тот вечер моя жена устраивала вечеринку в честь нашей дочери, успешно окончившей школу, что давало ей право поступать в колледж. Ну что же, Брюс оказался прав: работа есть работа.

Преподобный отец Джек Смит находил для меня нужные цитаты из Библии и растолковал кое-что из богословия.

В течение долгого времени оказывал мне (как, впрочем, и другим авторам) поддержку один из лучших журнальных редакторов США Грейдон Картер. Мне повезло, что у меня есть такой преданный друг и такой талантливый собрат по перу. Должен вспомнить добрым словом и Филиппа Роома. Несмотря на свою вечную занятость, он в разгар баскетбольного сезона 1997/98 г. не только работал над публикацией еще одной моей книги, но и при случае брал меня с собой на матчи.

В издательстве «Рэндом Хаус» мой труд попал в руки Скотту Мойерсу. Этот талантливый молодой человек с энтузиазмом взялся его отредактировать, а книга, если вы заметили, для редактирования сложная – одних персонажей столько, что в них легко запутаться. К тому же владельцы издательства дали Скотту предельно сжатые сроки. Но он справился. Тысяча благодарностей ему и другим работникам издательства – Ванде Чэппелл, Кэйт Недзвецки, Тому Перри, Лиз Фогерти, Эми Эдельман, Энди Карпентеру и Сибил Пинкус. Мой адвокат Марти Гарбус и его коллеги Боб Соломон и Фредда Турин очень помогли

мне на деловых переговорах с издательством (бизнес и юриспруденция – для меня темный лес). И наконец, не могу не отдать должное Каролине Паркет, распечатавшей записанные мною бесчисленные интервью.

От автора

Идею написать эту книгу мне подал мой друг Дуг Штумпф, работавший редактором сначала в издательстве «Морроу», затем в «Рэндом Хаус», а сейчас – в журнале «Ярмарка тщеславия». Поначалу я опасался браться за это дело. На то были свои причины. Во-первых, я уже написал одну книгу о баскетболе и боялся повторяться. Во-вторых, трудно писать книгу о человеке, о котором уже столько написано. В-третьих, мне не хотелось постоянно вертеться среди журналистов (книгу лучше писать в уединении). В-четвертых, меня слегка пугал мир, где обитают знаменитости и куда вход простых смертных ограничен.

В конце концов, я все же решился пуститься в авантюру, тем более что мне хотелось написать о том, как изменился мир баскетбола за те 18 лет, прошедших после выхода моей книги о НБА под названием «В перерывах между матчами».

В прошлом я любил баскетбольный мир. Когда я на протяжении сезона 1979/80 г. писал «В перерывах между матчами», игроки летали еще коммерческими, а не чартерными рейсами, а репортеры летали тем же лайнером и ездили из аэропорта в отель и обратно в одном с ними автобусе. За длинный сезон журналисты и баскетболисты успевали подружиться друг с другом, проведя немало времени вместе за чашками кофе в гостиничных кофейнях. Да, хороший баскетбол был тогда, и игроки отличные. Среди них я встречал немало людей очень умных, образованных, по-настоящему интеллигентных и наделенных прекрасными человеческими качествами. Я не говорю уже о тренерах. Некоторые из них напоминали мне по масштабности мышления политиков, о которых я писал когда-то, в эпоху, когда не было телевидения и беседовать с известными политическими деятелями было гораздо интересней, чем сейчас. По ходу создания той, первой книги о баскетболе я подружился или по крайней мере завел знакомства со многими людьми, о которых писал: с Джеком Рамсэйем, Бакки Баккуолтером, Кермитом Вашингтоном, Биллом Уолтоном и другими.

К сожалению, все заканчивается – и за столь короткое время. Сегодня игроки купаются в деньгах и летают чартерными рейсами (чего не скажешь о журналистах). Они не нуждаются в общении с репортерами – им вполне достаточно покрасоваться в коротком видеоклипе, запечатлевшем их «слэм-данк». Агенты игроков тоже переродились. Восемнадцать лет назад они не обладали какой-либо властью и потому охотно шли на контакт с

журналистами. Теперь же до них не доберешься, поскольку они в некоторых отношениях всесильней даже владельцев клубов.

Но, говоря откровенно, изменились и мы, журналисты. Двадцать лет назад о баскетболе писала сравнительно небольшая группа репортеров, но они были настоящими ценителями и знатоками этой игры. И у них была своя журналистская этика. Они принципиально не смешивали спорт с личной жизнью игроков и их деятельностью на других поприщах. В сегодняшних СМИ – картина иная, в особенности если речь об ажиотаже вокруг такой звездной команды, как «Чикаго Буллз». Репортеров, которые верны принципам, считающимся сейчас старомодными, осталось не так уж много. Их вытеснило новое поколение, заполнившее кабельное телевидение. Игроки почти не знакомы с этими людьми лично, но, конечно, знают об их существовании: кто-то же подробно освещал взлет их спортивной карьеры, а сейчас с таким же усердием перемывает им косточки. Не дай бог провести неудачно хоть один матч, а если твоя карьера начала клониться к закату, то от тебя мокрого места не останется. К сожалению, игроки не делают различий между проходимцами и по-настоящему серьезными журналистами. Подобная картина наблюдается не только в баскетболе и не только в спорте (думаю, что в шоу-бизнесе творится то же самое), но нам, журналистам, всегда приходившим на матчи НБА как на праздник, от этого не легче. Да, НБА стала неимоверно богатой ассоциацией, дела ее идут по-прежнему в гору, но люди, связанные с ней, утратили теплоту человеческих взаимоотношений. Мне доводилось заходить в раздевалки команд до и после сорока, наверное, матчей, но, беседуя с игроками, я не считал, что я пришел туда за интервью. Да и баскетболисты вовсе не собирались исповедоваться передо мной. Я никогда не задавал им вопросов, мы просто дружески беседовали. Может, это и есть самая удачная журналистская тактика.

Как мне думается, я решил взяться за эту книгу именно потому, что хотел написать о том, как изменился за прошедшие годы мир баскетбола, и проанализировать причины этих изменений. Меня интересовал не столько сам Майкл Джордан (почему он стал великим спортсменом – вопрос слишком явный и банальный). Гораздо важнее – понять его феномен. Ведь Джордан – явление, в котором отразились серьезные перемены в жизни американского общества. Вот я и задал себе очень простой, но важный вопрос. В 40-х гг., когда я был совсем молодым парнем, кумирами американцев были бейсболисты исключительно белые: Уильямс, Димаджио, Мьюжл, Феллер. НБА же тогда вообще в природе не существовало. Так как же произошло, что за

сравнительно короткий срок (у меня на глазах) все перевернулось и самым знаменитым спортсменом в мире стал молодой темнокожий профессиональный баскетболист, окончивший университет на Юге США, университет, в который раньше (во времена, когда я работал корреспондентом за рубежом) доступ ему был закрыт.

До моей работы над книгой я один раз встречался с Майклом Джорданом. В январе 1992 г. журнал «Спортс Иллюстрейтед» поместил его фото на первую страницу обложки (Майкл был объявлен «спортсменом года»). Коллеги из журнала попросили меня написать о нем материал. Я с радостью согласился, поскольку на протяжении многих сезонов с восхищением наблюдал за игрой Джордана. Моя встреча с ним, длившаяся несколько часов, доставила мне массу удовольствия. Майкл оказался умным, интеллигентным молодым человеком, проявлявшим искренний интерес к собеседнику. Держался он непринужденно, но без тени развязности. В нем была особая внутренняя элегантность, а его интересы простирались значительно шире пределов баскетбольной площадки. Слава не вскружила ему голову, он носил ее бремя с неповторимой грацией и со всеми был предельно вежлив. Когда вышел журнал с моей статьей, агент Джордана Дэвид Фальк позвонил мне и сообщил, что Майкл подумывает написать книгу и в связи с этим очень хотел бы сотрудничать со мной. Так вот, согласен ли я выступить в роли его соавтора? Я сразу же ответил, что писать книгу ему придется очень долго и закончит он ее только спустя несколько лет, после того как уйдет из профессионального спорта. А при таких растянутых сроках я никак не могу быть ничьим соавтором, поскольку у меня несколько весьма выгодных заказов. Но тем не менее я решил не сжигать все мосты, сказав, что с трудом представляю, как я буду видеть баскетбол через десять лет.

В конце лета 1997 г., когда я окончательно решил взяться за книгу, которую вы держите в руках, я позвонил Дэвиду Фальку. Я сразу же почувствовал сопротивление с его стороны, а спустя несколько минут понял, что Джордан тоже воспринял мою идею отрицательно. Майкл, сказал Фальк, сейчас по горло занят, у него масса обязательств перед различными организациями, а кроме того, о нем и так уже написано более чем достаточно. Я все понял: сотрудничество будет сведено к минимуму. Впоследствии мы договорились с Фальком о следующем. На протяжении сезона Майкл не будет со мной встречаться, но когда сезон закончится, он увидится со мной и охотно ответит на все мои вопросы. По тону Фалька я почувствовал, что мы встретимся с Джорданом два

или три раза и каждая беседа продлится примерно два часа. Ну что ж, это меня вполне устраивало. А главное, когда я вплотную взялся за книгу, Майкл ни разу не препятствовал моим встречам с людьми, которые его хорошо знали и, безусловно, перед тем, как беседовать со мной, спрашивали у него предварительного согласия. В результате мне удалось добраться далеко не до последних фигур в мире баскетбола. Многие из этих людей были из ближайшего окружения Джордана, и они оказали мне неоценимые услуги. Назову некоторых из них. Это Рой Уильямс, Харвест Лерой Смит, Базз Питерсон, Тим Гровер, Говард Уайт, Фред Уитфилд, Дин Смит. Без встреч с ними я никогда бы этой книги не написал.

Когда сезон закончился, мне стало ясно, что Майкл намерен расторгнуть наше неофициальное соглашение. Я этому не удивился, только не мог понять, почему он избегает встреч со мной. Может, он просто устал после изнурительного сезона или представители СМИ ему осточертели, как и рекламщики? А может, его неуемный спортивный азарт подгонял его написать книгу о себе только своими силами? Последнее предположение подсказал мне Дэвид Фальк, еще раз напомнивший мне о стремлении Майкла во всех ситуациях быть только победителем. Кто знает? И тогда я поступил, как положено настоящему репортеру. Я просто удвоил свои силы. Хотя к тому времени, то есть к середине июня, баскетбольный сезон закончился, а материалов для моей книги собралось немало, я на протяжении еще трех месяцев делал по интервью в день – лишняя информация не помешает. Потом я все же настоял на двух интервью с Майклом, и он с такой готовностью согласился допустить меня к себе, посвятить меня в свои тайны, что я рад был как никогда. И кроме того, как профессионал, я ценю его старания написать, описать как можно выразительнее, что происходило во время шестого финального матча, проходившего в Юте.

И последнее. В конце 1990-х гг. баскетбольный мир неузнаваемо изменился. Он обрел богатство и блеск. Ставки стали выше, психологическое напряжение игроков тоже, а вот чисто человеческие отношения как-то ушли в тень. Нынешние старшие тренеры процветают – достаточно взглянуть на их внешний вид (костюмы, прически и так далее), но я консерватор, и мне больше по душе идеалисты, на всю жизнь связавшие себя с баскетболом – скромные и неизвестные помощники старших тренеров, трудяги-селекционеры, а также мои коллеги-журналисты, настолько преданные баскетболу, что ни о чем другом они писать больше не могут. Каждый из них может

говорить об этой игре без устали, и вы вряд ли услышите банальные суждения. И, признаюсь честно: как бы я ни наслаждался игрой Майкла Джордана, все же большее удовольствие я испытывал от бесед со скромными, незаметными людьми, пожизненными фанатами баскетбола. Именно они скрасили мои нелегкие труды.

Об авторе

Дэвид Хэлберстэм – автор шестнадцати книг, включая такие известные, как «Лучшие из лучших», «Секрет могущества», «Оплата счетов», «В перерывах между матчами», «Летом 1949 года», «Октябрь-1964», «Спортсмены-любители». Он удостоен всех высших наград в области журналистики, в том числе и Пулитцеровской премии, и является также членом Общества американских историков.